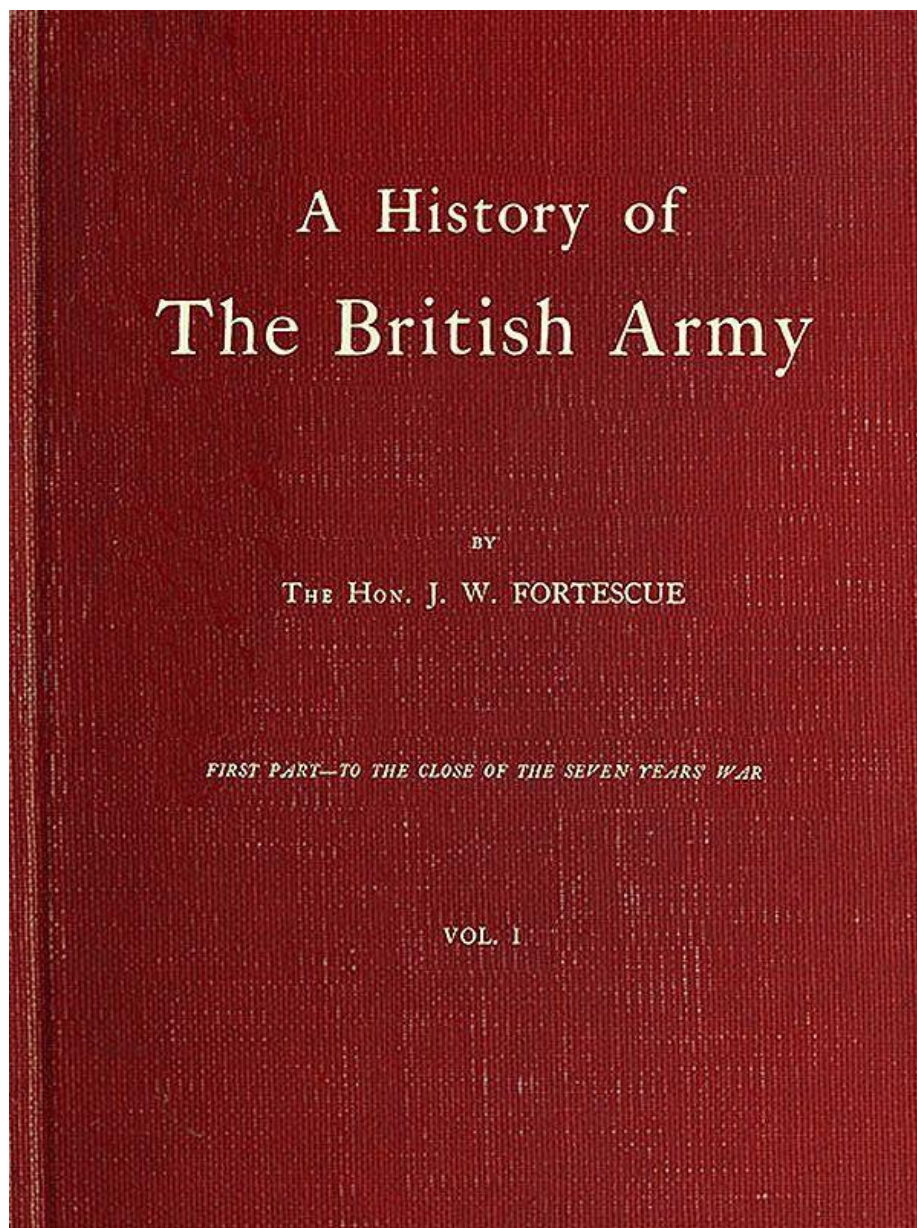

История британской армии, Том 1. Первая часть — до конца семилетней ВОЙНЫ

Сэр Дж . У. Фортескью

Электронная книга проекта "Гутенберг" по истории британской армии, том 1

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История британской армии, том 1

Автор: Сэр Дж. У. Фортескью

Дата выхода: 14 ноября 2017 г. [Электронная книга № 55968]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Титры: Продюсерами выступили Брайан Коу, Джон Кэмпбелл и команда онлайн-корректоров на <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных Интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА" ИСТОРИЯ БРИТАНСКОЙ АРМИИ", Т. 1

ПРИМЕЧАНИЕ ПЕРЕПИСЧИКА

Привязки к сноскам обозначены [номером], а сами сноски помещены в конце книги.

Этот том охватывает период до 1713 года, когда в Англии все еще использовался юлианский календарь. Переход на григорианский календарь произошел в Европе, начиная с 1582 года, хотя и гораздо позже в протестантских регионах, а не в Великобритании до 1752 года. Это привело к разнице в одиннадцать дней в современных документах и книгах, использующих Старый юлианский стиль (OS), и датах, использующих современный григорианский Новый стиль (NS).

Автор следует соглашению об использовании дат, зафиксированных на момент события, так что события в Англии, Шотландии и Ирландии отмечены в тексте и побочных примечаниях в юлианском алфавите, а события в (католической) Европе после 1582 года отмечены в NS. Когда для мероприятия в Европе отмечается определенный день, в соответствующей примечании, за редким исключением, будут указаны обе даты в формате ^{OS}/_{NS}.

Некоторые незначительные изменения отмечены в [конце книги](#).

ИСТОРИЯ БРИТАНСКОЙ АРМИИ

История британской армии

достопочтенного Дж. У. ФОРТЕСКЬЮ

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ — К ЗАВЕРШЕНИЮ СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ

ТОМ. Я

спрашиваю о "Круоре ностро" в

Лондоне
MACMILLAN AND CO., Limited
НЬЮ-ЙОРК: КОМПАНИЯ MACMILLAN,
1899

Все права защищены

ПРЕДИСЛОВИЕ

Гражданское лицо, пытающееся написать военную историю, неизбежно виновно в акте самонадеянности; и я не закрываю глаза на собственную безрассудность, отважившись взяться за такую задачу, как История британской армии. Но Англия долго ждала, когда солдат выполнит эту работу; и до сих пор не было подано никаких признаков готовности какого-либо офицера взяться за нее, за исключением опубликованной несколько лет назад книги полковника Уолтона "История британской постоянной армии с 1660 по 1700 год". И это не совсем удивительно,

поскольку досуг офицеров ограничен, тема обширна, а число тех, кто уже потрудился на поле боя и оставил плоды своего труда другим, печально мало. Поэтому я надеюсь, что гражданский человек может быть прощен за попытку во всяком случае начать что-то, как бы он ни признавал свои собственные недостатки и неизбежные неудобства, от которых он страдает из-за неопытности в военной жизни в мирное время и, что еще более фатально, на войне. Его усилия могут, по крайней мере, побудить кого-то более квалифицированного, чем он сам, относиться к предмету таким образом, который лучше соответствует его достоинству.

Мой замысел состоит в том, чтобы написать историю армии вплоть до 1870 года, причем в двух настоящих томах рассказывается о Парижском мире 1763 года, а в двух будущих томах рассказывается о великих реформах, которые фактически положили конец жизни нашей старой армии и открыли жизнь новой. Было бы легко заполнить десяток томов вопросами, имеющими отношение к предмету и представляющими подлинный интерес по крайней мере для некоторых групп студентов-военных; и такое обращение не было бы чуждым методам одной школы британских историков. С точки зрения писателя, в пользу этого действительно можно многое сказать, поскольку это невероятно упрощает его задачу. Однако мне, справедливо это или нет, показалось, что лучше собрать историю, по возможности, в меньший объем, даже ценой опущения многих поучительных статистических данных и живописных деталей. Соответственно, я сжал шестьсот лет нашей военной истории от Гастингса до Нейсби на треть этого количества страниц, пытаясь лишь изложить те моменты и инциденты, которые были необходимы для связного очерка развития нашей военной системы. Даже после Нэйсби и вплоть до правления королевы Анны я рассматривал историю в таком же произвольном духе, таким образом обходя, признаюсь не без сожаления, ирландские кампании Кромвеля и короля Вильгельма, хотя и коснулся с некоторыми подробностями кампании Шомберга. Все невозможно описать, в чем может быть уверен любой, кто пытался в одиночку проникнуть под поверхность Великой Гражданской войны. Читатель должен решить, хорошо или плохо я судил о том, что оставил ненаписанным.

Я должен признать себя виновным также в преднамеренном упущении различных мелких деталей, представляющих скорее антикварный интерес, чем истинно военный, мельчайшие детали одежды, вооружения и экипировки и тому подобное, реальное место которым скорее в военном словаре, чем в военной истории. Ими я пожертвовал не потому, что считал их тривиальными, а потому, что думал, что место, которого они требовали, с большей пользой займет очерк политических отношений между армией и страной. Однако я не могу претендовать на полноту этого наброска: и я осознаю, что многие вопросы, имеющие огромное конституционное значение, остаются нерешенными, как я должен откровенно признать, из-за моей неспособности справиться с ними. Я тщетно обращался к нашим признанным авторитетам по конституционным вопросам; ни один из них не помог. Признаюсь, я был поражен, читая нашу бесчисленную политическую историю, тем, как беззаботно игнорируются армия, флот и весь вопрос национальной обороны.

Именно этот, не менее политический, чем военный аспект истории Армии, я пытался прояснить, пусть незначительно и безуспешно, иногда жертвуя чисто военными вопросами; и именно это делает предмет настолько обширным, что им почти невозможно управлять. Трудности отслеживания военных операций часто бывают достаточно тяжелыми, но они незначительны по сравнению с трудностями, возникающими при гражданском управлении армией, а также из-за невыносимого усложнения финансов. И здесь читатель снова должен судить, правильный ли я

сделал выбор; и я бы попросил его только не приписывать пренебрежению упущения, которые были сделаны после зрелого обдумывания.

Мои авторитетные источники, начиная с правления королевы Анны, а иногда и раньше, цитируются внизу страницы; но в более ранней части первого тома я ограничился тем, что сгруппировал их в кратком примечании в конце каждой главы или раздела;^[1] и повсюду я следовал тому же плану с некоторыми изменениями. Я должен, однако, упомянуть, что эти заметки редко охватывают все авторитетные источники, с которыми я консультировался, а тем более все, с которыми можно проконсультироваться. Было бы несложно, например, покрыть страницу работами, посвященными одной только Гражданской войне; но, хотя я, как я надеюсь, приложил все усилия, чтобы сделать свою работу тщательной, я довольствовался тем, что часто отсылал читателя к таким авторитетам, которые помогут ему найти дополнительные источники информации, если он пожелает обратиться к ним. Я не жалел усилий, чтобы собрать все, что можно было почерпнуть из оригиналов документов, хранящихся в Архиве, касающихся военной администрации и различных кампаний, и я просмотрел многие тысячи старых газет, с пользой и без пользы. Я не знаю, какие неизвестные сокровища я мог упустить из виду в архивах отдельных полков, поскольку в такой широко рассредоточенной армии, как наша, мне казалось безнадежным пытаться искать их; но те полковые истории, которые существуют в печати, я тщательно изучал, иногда с пользой, но не всегда с глубоким уважением к их точности.

Карты и планы представляли чрезвычайную трудность из-за неточности старых съемок и исчезновения таких неуловимых объектов, как болота и леса. Я следовал современным планам, где только мог, при определении дислокации войск, но во многих случаях я предпочел бы предоставить читателю только карту местности и предоставить ему самому заполнять информацию о войсках по описанию в тексте. Блоки красного и синего цветов действительно приятны для глаз, но всегда возникает вопрос, не превышает ли их способность вводить в заблуждение их полезность для ориентирования. Фактические посещения многих полей сражений в Нидерландах с картами такого недавнего писателя, как Кокс, в руках не укрепили мою веру в эту систему, хотя из уважения к подавляющему большинству моих советников я придерживался ее.

Остается сказать несколько слов о некоторых второстепенных вопросах, и сначала о вопросе выбора между Старым стилем и Новым стилем в вопросе дат. В этом отношении правило лорда Стэнхоупа казалось хорошим, а именно использовать Старый стиль при описании событий, происходивших в Англии, и Новый - для событий за границей. Но я дополнил его, указав оба стиля на полях напротив дат событий за границей, чтобы читатель, у которого на уме какой-нибудь другой отчет, не был сбит с толку (подобно редактору "Депеш Мальборо") поступлением в Англию известий о сражении за несколько дней до того, как оно, по-видимому, произошло в Нидерландах. Одна трудность, которую я считал непреодолимой, заключается в том, чтобы выяснить, когда в Индии был принят Новый стиль; но обнаружив, что даты, приведенные французскими авторами, отличаются на одиннадцать дней от дат Орма, я пришел к выводу, что Старый стиль просуществовал по крайней мере до 1753 года, и записал даты соответственно.

Еще одной трудностью, более серьезной, чем можно себе представить, был выбор орфографии для названий мест за рубежом. До войны 1870 года французскую форму можно было выбрать без колебаний; но с возвышением Германской империи, ослаблением французского влияния в

Европе и постоянно растущим значением немецких произведений во всех отраслях литературы, науки и искусства это правило больше не действует. Обнаружив, что последовательность абсолютно невозможна, я попытался выбрать форму, наиболее знакомую английским читателям и наименее способную навлечь на меня обвинение в педантизме. Однако, несмотря на это, выбор был нелегким. Возьмем, к примеру, три церковных электората Империи. Будут ли это Майнц, Кельн и Трир или Майнц, Кельн и Трев? Форма Кельна была выбрана за нас под влиянием Жана Марии Фарина; Трев, я думаю, в настоящее время более известен, чем Трир; но Майнц, крупный вокзал, знакомый тысячам британских путешественников, показался мне предпочтительнее французского искаженного Майнца, поскольку напоминает читателю о его расположении на Майне. Для немецких имен, имеющих второстепенное значение, я взял немецкую форму, поскольку их французский стиль был в равной степени незнаком английским читателям, казалось, что нет причин, по которым их нельзя было бы записать неправильно; но французская форма принята настолько исключительно в современной истории, что, возможно, немало примеров этого могли ускользнуть от моей бдительности. Во Фландрии опять же часто приходится выбирать между французским и фламандским написанием имени; и там, где это было возможно без педантизма, я предпочитал фламандский, как более близкий к английскому. Таким образом, я всегда писал Оверкерк, а не Оверкерк, Дюнкерк, а не Дюнкерк, Стинк, а не Эстинкерк (форма, которую по какой-то причине предпочитает полковник Клиффорд Уолтон), поскольку французские формы, очевидно, являются лишь искажением честного фламандского, который очень близок к честному английскому. Настоящие английские искажения я использовал без зазрения совести, хотя и здесь последовательность невозможна. Вполне оправданно писать "Ливорно" для обозначения Ливорно; но Гройн, привычная форма в начале этого столетия, больше не подходит для обозначения Коруньи, так же как Бусс для обозначения Буа-ле-дюка (Хертогенбос) или Холлок для обозначения Гогенлоэ. Кроме того, существует вечный камень преткновения при написании индейских имен. Здесь я без колебаний следовал старой орфографии, которая до сих пор сохранилась в цветах наших полков. Какими бы уродливыми и низменными ни были искажения, они, во всяком случае, знакомы, и этого достаточно; хотя они, вероятно, дают по меньшей мере такое же хорошее представление о реальном произношении, как и новые формы, введенные сэром Уильямом Хантером. Здесь еще раз было бы странно писать "Элли" от имени Али или "Каубул" от имени Кабула, хотя, возможно, это было бы менее запутанно, чем ставить перед читателем Мачлипатан или Machlípatan (две формы, которые полковник Маллесон безразлично использует) от имени Масулипатана и "Майсур" от имени Майсура. Мы произвольная нация в таких вопросах и очень далеки от последовательности. Даже в таких простых вещах, как названия островов Вест-Индии, мы отказались от старой формы Martinico в пользу Martinique, хотя мы по-прежнему используем Dominica вместо Dominique. Все, что может сделать писатель, - это изучить предрассудки своих читателей, не пытаясь ни оправдать, ни оскорбить их.

Наконец, я должен предупредить читателя, что повсюду я называл наши полки старыми номерами, а не их территориальными названиями. Поскольку я не собираюсь переносить историю дальше 1870 года, я могу сослаться на это технически в свое оправдание; но в остальном я бы со всей скромностью заявил, что жизнь коротка и что требовать от человека записать такую легенду, как "Первый батальон Йоркско-Ланкастерского полка" (само по себе, вероятно, лишь эфемерное название), слишком сложно, когда он может передать ту же идею по крайней мере так же доходчиво, написав слова "Шестьдесят пятый". Я также повсюду называл полки их современными названиями (насколько номера можно считать современными),

игнорируя анахронизм обозначения того, что на самом деле было кавалерийскими полками, термином "Гвардейский драгунский полк", ради краткости и удобства. В Приложении приведено нынешнее обозначение каждого полка напротив его старого номера, так что читателю не составит труда его идентифицировать. Могу добавить, что я подробно указал номера полков в тексте во всех случаях, когда такие полки сохранились до наших дней, так что у читателя не должно возникнуть сомнений относительно их идентичности; и я тщательно избегал обозначения расформированных полков номерами, которые они когда-то носили, во избежание путаницы.

В заключение я должен выразить свою глубочайшую благодарность мистеру Г. К. Фортескью из Британского музея и мистеру Хьюберту Холлу из Архива за их неустанную и неиссякаемую любезность при извлечении каждой книги или документа, которые могли быть мне полезны.

Дж . В. Ф.

Июнь 1899 года.

Содержание

Книга, которую я

главе я

	страница
истинным исходным пунктом для истории армии	1
примитивной армии английского	5
Отличительной особенностью	6
Битва при Гастингсе	6
английский в Дураццо	7
введение и недостаточности рыцарь-служба	8
упорством старой английской тактики; Битва Tenchbrai	9
боев Brenville, Бомонт и стандартные	10
сочетание наступательных и оборонительных вооружений пехоты	11
возвышение кавалерии; в турнире	11
Генриха II. с военной политики	11
присяжных оружия	12
Ричард I. и Крестовые походы	13
введение Креста и военный оркестр	14
распада феодальных сил и его причинах	14

Великой хартии и ее результаты	15
реформ Эдуард Иосифович; комиссий массива; Устав Винчестер	16
Битва при Фолкерке	17
Битвы при Бэннокберне	18
возрождению староанглийского тактика при Халидон-Хилле	19
 Глава II	
система найма войск отступ	22
рыцарства; мужчины-на-оружие	23
лошадей и	25
свите рыцаря	26
административных организация и тактические построения войск,	26
Rauncenars и Hobelars	27
валлийские копейщики; Английские лучники	28
общая организация армии; платить; коррупции	30
 Глава III	
вторжение Франции Эдуард III.	33
Эдварда отступить к Creçy	33
Битва Creçy	35
возобновление войны	37
Черный принц заранее Луары и отступить к Пуатье	38
битве при Пуатье	39
мир в Бретињи	41
бесплатного компаний; Битва Cocherel	42
Битва Ore	43
белой компании	44
Черный принц вторжения в Испанию; Сэр Томас Фелтон	45
Битва Navarete	46
мятеж в Гаскони и Аквитании	47
смерти Черного Принца	48
 Глава IV	
распространение английского тактика; Битва при Земпахе	50
бесплатного компаний; повышение приобрести системы	51
сэра Джона Hawkwood	51
Битва Aljubarotta	53
совершенствование огнестрельного оружия	53
Генри В. вторжение во Францию	54

осадил Арфлер; марш на Кале	55
Битва при Азенкуре	58
шотландцы введуте французской службе; сражение телефон	62
смерть Генриха V.	63

Глава V

продолжение войны под командованием герцога Бедфорда	64
Битва Crevant	64
битве при верней	65
Осада Орлеана, Битва селедок	67
Жанна д'Арк	68
упадок английского эффективности; Поражение патай	69
применяли артиллерию против лучников	69
фундамент французской регулярной армии	70
продолжающееся сокращение английской	70
их окончательного поражения в Шатийон	71
недовольство и разлад в Англии	72
война Алой и Белой Розы; Эдуарда IV.	74
битве при Таутоне	74
битве при Барнете	76
введение огнестрельного оружия; распад старой английской тактики	77
Мартином Шварцем в битве при Стоук -	77
конце первого периода английской военной истории	78

книга II

главе I

Ренессанса военного искусства в Европе; Иоанн Жижка	81
подъем швейцарской военной мощи	82
швейцарской тактики	83
падение Швейцарии; Мариньяно, Бикокка, Павия	85
Восход ландскнехтов	85
организацию	86
свою систему дисциплина	90
тактику	91
французского вторжения в Италию в 1496	93
артиллерии французской армии	93
французском военном плане	93
коррупции во Французской Армии	95

рост испанской военной мощи	96
Gonsalvo Кордова	97
Pescayra стреляет системы	97
испанских аркебузир	98
испанский дисциплина	99
испанская система подготовки	100
своих Совершенствование огнестрельного оружия	101
подъем драгуны	102
изменения в тактику кавалерии	102
старой хирургии и огнестрельных ранений	103
ракеты тактика Рейтерса	104
военного Ренессанса основана на классической модели	106
главе II	
воцарение Тюдоров	108
результатов потери Франции; Кале	108
дислокации старой военной организацией	109
пальто и поведения-деньги; Йомены гвардии	110
Тюдоров тонах	111
офис боеприпасов	111
военные усилия Генриха VIII.	112
войны с Францией; Дефекты армии	112
медленное улучшение в организации	113
иностранных наемников	114
северных всадников	114
битве при Флодден	115
- прежнему унынию огнестрельного оружия	117
схема для перевооружения пехоты отказались	119
артиллерии компанией	119
Великой обзор 1539	119
порода английских лошадей	121
Генри как артиллерист	122
трех подразделений английских войск	123
лорды-Лейтенант	124
новом уставе обороны под Филиппа и Мэри	125
потеря Кале	126
Глава III	
разлад в военной системы на Элизабет присоединения	127

немало усилий для восстановления работоспособности	128
доклад судьи на существующие средства национальной обороны	128
новому учебному солдата	129
возможностей для возведения постоянной армии	130
англичан и шотландцев помощь волонтеров французских протестантов	131
войны с Францией; Неготовность Англии	131
отряд аркебузирова формируется	132
восстания в Северном; Плохое оборудование английских войск,	133
постепенное вытеснение Луки и счета щук и огнестрельного оружия	133
первые английские волонтеры плыть по низкой странами	135
Лондон лидирует в военной реформы	135
постепенное введение иностранных методов и условий	135
всплеск военной литературе в конце Елизаветинского царствования	136
Глава IV	
восстание Нидерландов; Морган английский добровольцев	141
английскую школу войны в Нидерландах; Сэр Хамфри Гилберт	142
Томас Морган	142
Джон Норрис; Битва Румепант	143
Элизабет двуручничество с голландскими повстанцами	144
отправки из Лестер в низких странах	146
Битва при Зютфене	147
Эдвард Стэнли	150
лагерь в Тильбюри	151
Мориса Нассау	152
реорганизации голландской армии	152
пехотой	153
кавалерии	155
был Фрэнсис Вир	155
коррупции в армии	156
англичане взяли на голландский оплатить	157
глава V	
поход 1600	159
Битва Ньюпор	160
обороне Остенде	165
смерти Фрэнсис Вир	167
двенадцать лет перемирия	168
возобновление войны	168

английских офицеров в голландском сервис	169
некоторых специфических видах	170
улучшение британского солдата	171
Глава VI	
Британскую школу войны в Германии	173
скорейшее вступление Шотландии в шведской службе	173
Маккея горцев	175
ранних подвигах на службе Дании	175
обороне Штральзунда	178
вступления их в Службе Густава Адольфа	179
реформы короля Густава; пехота	179
кавалерии	182
артиллерии	184
его соответствия мобильности против вес	185
Битва Лейпциг	186
действие с Валленштейн до Нюрнберг	189
шотландцы полков введете французская служба	190
главе VII	
король Джеймс II.; отмена Устав Филиппа и Марии	191
короля Карла I.; Бекингема военной бесхозяйственности	191
Лорд Уимблдон усилия, чтобы восстановить боеспособность	193
военных писателей; Безнадежное состояние английском милиции	194
развал системы военного на скотч восстание 1639	194
развал повторяется в 1640	195
стойкость к исполнению военных потребностей царя	196
разгром англичан в Ньюберне	198
шотландцы армии субсидируются парламента	198
расширение разрыв между королем и парламентом	198
бесплодную борьбу обеих сторон для ополчения	198
развязывание гражданской войны	199
противоборствующих армий; Принц Руперт	199
Оливер Кромвель; Руперт шок действий на <u>Эджхилл</u>	200
Кромвель видит препарата для обеспечения победы над роялистами	200
беспомощность парламента на ранних этапах войны	201
превосходство кавалерии роялистов	201
Царь успех в кампании 1643	202
проверено Кромвель	203

Фейрфакс и Кромвель в Winceby борются	204
парламент голосует регулярной армии	204
шотландцы пересечь твид; комитет обоих Королевств	205
Марстон Мур	205
сэр Уильям Уоллер призывает формирование постоянной армии	207
крах существующей системы парламентской армии	208
новая модель армии проголосовали	208

книга III

главе я

Фэрфакс назначили командовать новой модели	211
Филипп Skippon его в обер-офицерских	212
создании армии; красное пальто	213
организацию армии; Пехота и кавалерия	214
ударного действия	215
Драгун; артиллерия	217
инженеры	219
организации военного ведомства	219
список армию	220
В постановление Комитета план кампании	222
это расстроило Монтроз победа на Auldearn	223
Кромвель назначен генерал-лейтенант	223
Битва paseby было построено	224
новой модели победоносной кампании на Западе	227
Чарльза последняя надежда уничтожена в Philiphaugh	228

Глава II

англичане и шотландцы	229
парламент и армия	230
глупым поведением парламента	231
армия ведет наступление на Лондон	232
дома очищены	233
Чарльз бросает себя в руки шотландцев	234
Кромвеля тире в Йоркшире; Престон	234
армии призывов к справедливости по Карла	235
Кромвель принимает команду в Ирландии	236
мятежа в Берфорде	237
Ирландской кампании	237

угрозу вторжения шотландцев; Ферфакс подал в отставку	239
Кромвель был его преемником; Джордж Монк	239
Колдстрим гвардии	240
кампании в Шотландии	240
Кромвель Outmanœuvred; отступить к Данбару	241
Лесли Ложное движение,	242
Битва Данбар	243
снижение изменности	245
шотландцев объединиться вновь под Чарльз Стюарт	245
Кромвеля план кампании	246
Битва при Вустере	247
Глава III	
постепенным увеличением армии во время Гражданской войны	248
меры для снижения его	248
голландской войны; Джордж Монк	249
изгнания крупы Кромвель	250
Соединенного Королевства под военное правительство	251
Георгия монаха в Шотландии	251
своей Хайленд кампании	252
Генри Кромвеля в Ирландии	254
Оливера Кромвеля в Англии	256
военных округов и установила полиция	257
Глава IV	
вест-индийской экспедиции	258
плана кампании	259
недостатков в композиции и направление силы	260
отказ Барбадос помочь	261
провала наступления на ул. Доминго	262
захвата Ямайки; основная часть экспедиции вернется в Англию	263
страшной смертности среди войск на Ямайке	263
войны с Испанией; Шесть тысяч человек отправлены в Тюренн во Фландрии	266
превосходство своей дисциплине	267
их безумный подвиг в Сен-Венана	268
страдания войска на зимних квартирах	268
сэр Уильям Локхарт назначили командовать	269
британских полков в двух противостоящих армий	270
битве при Дюнkerке дюны	271

король английский охранников	273
дальнейшие подвиги шесть тысяч	273
смерть Оливера Кромвеля	274
Ричард Кромвель подал в отставку; офицеры восстановить крупу	274
монах концентрируется в Эдинбурге и движется на юг	275
лагерь в Колдстрим	276
монаха марта в Лондоне	276
крупу самораспускается под монаха давления	277
восстановление	277
глава V	
Возрождения воинского духа в Англии	279
нового типа солдата представлен Кромвель	280
дисциплины армии	281
зарождающейся организации военного отдела	283
остановок оплаты труда; Казарма	284
отмене закупки	284
борьбе и возрождение мошенничества	285
 книга IV	
главе я	
расформирования новая модель	289
первым гвардейским и блюз поднят	290
Колдстрим гвардии защищены от новой модели	290
лейб-гвардии	291
ноги доставлен в Англию	292
вторую ногу и Королевские драгуны подняли	292
реорганизации милиции	292
рост империи	293
война с Голландией,	293
английского полка в Голландии возвращается, чтобы стать любителей	294
Франция и Англия объявляют войну против Голландии	295
Иаков, герцог Монмут; Джон Черчилль; Вильгельм Оранский	296
Танжер	297
четвертая нога, образовались	298
воцарения Якова II.; его полномочия администрации	298
Монмут восстание	299
пятый-восемнадцатый ноги, с первой по шестую драгуны, и третий и четвертый Гусар	300

создано	
лагерь в районе	300
двенадцатый ног отказывается признавать декларацию о снисхождении	303
Turconnel и армии в Ирландии	303
вторжения Вильгельма; Шестнадцатой и семнадцатой ноги подняты	305
дезертирство офицеров и летного Джеймса	306
второй главе	
управления армии; командир-в-главный	308
офис боеприпасов	309
финансов	310
секретарь-в-Война	311
сотрудников в штаб-квартире	312
не Средства обеспечения дисциплины	313
платить армии; генерал коррупции	314
полковой организации и оборудование; кавалерия	321
драгуны; шотландцы Грейс	323
пехоты	324
артиллерийских	328
Челси больницу и показать	328
 забронировать в	
Глава I	
вступление Уильяма; Недовольство в армии	333
мятеж ноги	334
первого мятежа акт, принятый	335
увеличение армии	336
Седьмой драгуны и девятнадцатого до двадцать четвертой ноги подняты	337
гниль в системе военной	337
Мальборо первый бой с маршалом Франции	338
восстание в Шотландии; Двадцать пятая нога приподнята	338
умершие	339
двадцать шестой ноге образовалась	340
Данкельд	341
розетка штык представлен Маккей	341
Лондондерри и Эннискиллена	342
пятый уланы, Inniskilling драгуны и двадцать седьмой ноге образуется	342
Шомберг отплывает в Ирландию	343

кампании ломается	344
позорное состояние армии	345
подготовку к новой кампании ирландский	348
в главе II	
на театре военных действий в странах с низким уровнем	351
французской страстью к осаде	354
старый-лепили кампании как тогда понимать	355
союзников и Франции по сравнению	356
кампании 1691	357
кампании 1692	358
Намюр захвачен французами	359-360
Битва Steenkirk	360
окончания кампании	367
Глава III	
дополнений в армии; восьмой гусары подняли	368
кампании 1693	369
битве при Ландене	370
увеличить армию для очередного похода; Седьмой гусарский полк	376
Толмач отказ в Бресте	377
кампании 1695	377
осаде Намюра	378
мира в Рисвике	379
Глава IV	
финансовое истощение Англии	381
похищение призывников	382
войска неуплаченных	383
крик нет постоянной армии	384
Харли движения За сокращение армии несли	384
оскорбления, которыми осыпали армию в следствие	385
бедственном положении армии путем удержания его задолженности	385
Уильям старается держать большую армию	386
английского истеблишмента сводится к семи тысяч мужчин	386
распределение армии так снижается	388
вновь крик Солдат для своей задолженности	389
беспомощность общин	390
возмущение возросло в связи с возобновлением Корона гранты	391

возобновление войны; король Вильгельм	392
книга В.	
главе я	
за Испанское наследство	397
увеличение армии; тридцать пятый и тридцать шестой ноги	398
Мальборо паруса для стран Бенилюкса	399
двадцать восьмой-тридцать второй ногой, Тридцать седьмой и тридцать девятой ноги подняты	400
открытия кампании 1702	401
Мальборо выходит на поле	402
свою кампанию разрушен голландский депутатов	403
центре Операции, как правило, в сторону Дуная	406
спуск на Кадис	407
Мальборо вырваться из захвата Фландрии	407
он поднял на герцогство	408
скандалы в выплатных офис	408
офис воспроизвели	410
Глава II	
увеличение армии	411
французский план кампании	412
Мальборо план	413
вторую кампанию разрушен голландский	414
французские успехи на Рейне и на Дунае	415
Евгения Савойского	416
Мальборо спланировать поход на Дунай	416
позицию французского	418
марш к Дунаю	419
действий Шелленберг	423
погоне за поражение баварцам Фридберг	427
Глава III	
Таллар марши за Дунай	429
Евгений образом параллельно с ним	429
стыке Мальборо и Евгений	431
Битва Бленхейм	432
закрытия кампании	444
эффект Победы в Англии	445

Глава IV

британской армии отправляется на полуостров	447
осады Гибралтара	448
крепости освобожден Адмирал лик	450
увеличения армии; тридцать восьмой ногой	450
Мальборо дизайн, чтобы перенести войну в Лотарингии	451
это пресечена supineness союзников	451
его возвращения во Фландрию	451
линии ГИТ	451
кампании снова разрушен голландский	456
Питерборо в Каталонии	459
захват Барселоны	460
Каталония и Валенсия набрала	463

глава V

увеличение армии	464
Мальборо план похода в Италию	465
он неохотно покидает его по Фландрии	465
французский двигаться от Дайла, чтобы встретиться с ним	466
Битва Ramillies	466
преследование после действия	472
плоды победы	473
Остенде и Менің изъяты	474
закреть кампании	475

Глава VI

война на полуострове	476
Петерборо в Сан-Матео	477
его захвата Нулесе	479
его рельеф Валенсия	481
Голуэй заранее из Португалии в Мадрид	482
, он отрезан от своей базы и марши для Валенсии	483
полуострова кампании 1707	484
Голуэй победил в Алманса	485
Питерборо покидает полуостров	488

ГЛАВА VII

Мальборо кампании 1707	490
- его единственный шанс разрушенных голландских депутатов	491

своих трудностях в Англии	492
его кампании 1708	493
Гент и Брюгге предали французскому	494
марша к, теряя форму	495
сражение, теряя форму	496
осада Лилля	503
Мальборо смены его основания до Остенде	507
действия Wynendale	507
курфюрста Баварии инвестирует Брюссель	509
Мальборо марта, чтобы избавить ее	509
Падение Лилль; восстановление Гент и Брюгге	510
захват Менорки	511
Глава VIII	
неудачных переговоров о мире	512
кампании 1709 года; Виллар в команду французского	513
осаде турне	513
марш на Монс	515
нерешительных действий союзников	517
Битва Malplaquet	517
падения Монс	526
главы IX	
полуострова кампании 1709; осада Аликанте	528
смерти генерала Ричардса	529
кампании в Португалии; Действие Кайа	529
каталонской кампании 1710	530
боевой Альменара	531
действий в Сарагосе	531
подкрепления французов; Эвакуация Мадрид	532
защиты Бриуэга	532
англичане вынуждены капитулировать	534
действий в Villa Viciosa	534
виртуальной близости войны на полуострове	535
политические изменения в Англии	536
Мальборо кампании 1710	537
падения правительства в Англии	538
оскорбления предложил Мальборо	538
Глава X	

на не плюс ультра Виллар	540
смерти императора Иосифа	541
Открытие кампании 1711	541
Евгений армии изъята	541
Мальборо хитрости для прохождения французской линии	542
отчаяния в его армии	544
французской линии прошел	545
порочность голландский депутатов	547
захвата Bouchain	548
Мальборо отстранен от всех публичных занятости	549
команда 1712 дал герцог Ормонд	549
ярость британских войск при выводе их из Союзная армия	550
мятеж	551
мир в Утрехте; Виртуальный изгнание Мальборо	552
честь, воздаваемая к ним в странах с низким уровнем	553
главы XI	
роста британской армии во время войны	554
явные дефекты в ее организации и проведении	556
оппозиции Мальборо системе подготовки	557
главных причин отходов в людях	558
непопулярности колониальная служба	560
безнадзорности солдатских Благосостояния в Англии	562
источников рекрутинга	563
призывной актов	564
внедрения службы коротких	566
нарушений под призывные действия	567
дезертирство	569
реформы для военнослужащих пользу	570
Совета генералитета	571
хорошую дисциплину Мальборо армии	572
офицеров	572
полковник Шартр	573
тяготы должностных лиц; Призывники	574
ремонтным	575
нечестность агентов	576
уплаты взносов в Пенсионный фонд	577
детской офицеров	577

порядок отмены закупки	578
Мальборо вмешательства	578
Главного управления; последствия Союза с Шотландией	580
пехотинцы подчиняются Адмиралтейства	581
расширенными полномочиями и изменение статуса секретаря в войне	581
управление боеприпасов	582
вооружения; исчезновение щука	584
британских мушкетов; Мальборо огонь-дисциплина	585
муштра, а дисциплина пехоты	585
кавалерии; вид действий; оборонительные доспехи	586
артиллерии	587
герцога Мальборо	587

КАРТЫ И ПЛАНЫ

Кампании 1346 г.	<i>На лицевой странице</i>	36
Кампании 1356 г.	"	40
Кампании 1367 г.	"	46
Кампании 1415 г.	"	62
Данбар, 1650 г.	"	244
Дюн Дюнкерк, 1658 г.	"	272
Стинк Кирк, 1692 г.	"	366
Ланден, 1693 г.	"	376
1695	"	378
Шелленберг, 1704	"	426
Бленхейм, 1704	"	442
Гибралтар, 1705	"	450
Строк Гите	"	454
Барселона, 1705	"	462
Рамильи, 1706	"	472
Ауденарде, 1708	"	500
Мальплаке, 1709	"	524
Кампания 1711 года	"	548
Британские острова и Северная Франция:	Карта 1	<i>Конец тома</i>
Нидерланды в 18 веке	Карта 2	"

Испания и Португалия
Германия, 1600-1763 гг.

Карта 3
Карта 4

"
"

КНИГА I

ГЛАВА I

Обычно считается, что история британской армии начинается с 1661 года, с того дня, 14 февраля, когда король Карл Второй перевел пехотный полк Монка со службы Содружеству на свою собственную и назвал его гвардейским полком Колдстрима. К сожалению, это предположение скорее удобно, чем точно. Британская постоянная армия датируется не 1661 годом, а 1645 годом, не полком Монка, а знаменитой Новой моделью, которая была учреждена Актом Долгого парламента и сохранялась, по существу, до Реставрации. Непрерывность существования полка "Колдстрим" практически не была нарушена церемонией празднования дня Святого Валентина, и поэтому этот знаменитый корпус является связующим звеном, связывающим Новую модель с армией королевы Виктории.

Но поэтому мы не вправе начинать историю армии с появления Новой Модели. Само название указывает на существование более ранней модели и отбрасывает нас назад, к началу Гражданской войны. Таким образом, перед нами встает трудность понимания того, как могло быть сформировано организованное войско обученных бойцов без руководства опытных офицеров. Мы вынуждены спросить, откуда пришли эти офицеры и где они научились своей профессии. Ответ приводит нас к Тридцатилетней войне и долгой борьбе за независимость Нидерландов, к англичанам и шотландцам, которых насчитывались десятки, нет, сотни тысяч, которые сражались под командованием Густава Адольфа и Мориса Нассауского. Два благородных полка до сих пор остаются с нами как представители этих двух школ, что является постоянным свидетельством "студенческих лет" нашей армии.

Но хотя мы возвращаемся на два поколения назад, до Гражданской войны, чтобы найти основы Армии Нового образца, останавливаться на достигнутом невозможно. В первые годы правления королевы Елизаветы мы сталкиваемся лицом к лицу с важным периодом в нашей военной истории, с разрывом старых традиций, нежеланием соответствовать иностранным стандартам, одним словом, с возрождением в Англии военного искусства. Ибо были воспоминания, за которые англичане цеплялись с трогательным упорством не только во времена Елизаветы, но даже в разгар Гражданской войны, воспоминания о короле Гарри Пятом, о Черном принце, об Эдуарде Третьем и о непобедимой пехоте, одержавшей победу при Азенкуре, Пуатье и Креси. Страстность настроений англичан по поводу перемен навсегда отражена для нас на страницах Шекспира; ибо ни одна нация не любит военную реформу так мало, как наша, и мы содрогаясь

от мысли, что для того, чтобы военная слава не превратилась из достояния в легенду, ее нужно вечно обновлять с помощью незнакомого оружия и незнакомых методов. Это была беда, постигшая Англию при Тюдорах, и она утешала себя бессмертным предрассудком, который до сих пор является ее опорой во все времена сомнений,

"Говорю тебе, вестник,

Я подумал об одной паре английских ног

Маршировали трое французов".

Следовательно, происхождение новых отступлений в военном деле должно быть кратко прослежено у испанцев, ландскнехтов и швейцарцев, и старая английская практика должна быть прослежена до ее истоков. Креси не дает нам покоя, поскольку эпоха Эдуарда Третьего также была временем военной реформы; следующие шаги - битва при Фолкерке, Винчестерский статут и Судебный процесс; и все же английские традиции отступают перед нами, пока, наконец, при Завоевании мы не сможем ухватиться за великий английский принцип, который навязал себя норманнам-завоевателям и, в конечном счете, всей Европе.

Итак, вот задача, которая впервые предпринята в этой книге: проследить, пусть кратко и несовершенно, рост военной мощи Англии ко времени ее первого проявления при Креси и далее до дня победы при Азенкуре; затем через упадок под гнетом Войн Алой и Белой Розы к возрождению при Тюдорах и к обучению в иностранных школах, которое подготовило путь для Новой Модели и Постоянной армии. Период длительный, и условия ведения войны постоянно меняются от этапа к этапу, но мы обнаружим, что англичанин, несмотря на все изменения в военном искусстве, остается неизменным, великолепным бойцом.

Первоначальная национальная армия англичан, как и других тевтонских народов, состояла из массы свободных землевладельцев в возрасте от шестнадцати до шестидесяти лет; в законодательстве Каролингов она называлась все еще существующим названием *ландвер*, а в Англии известна как *fyrð*. Срок его службы был установлен обычаем в два месяца в году. Вооруженные силы были реорганизованы королем Альфредом или его сыном путем деления страны на военные округа, при этом каждые пять шкур земли требовались для предоставления вооруженного человека по вызову короля, а также для обеспечения его провизией и жалованьем. Кроме того, все владельцы пяти шкур земли и выше должны были служить тану, то есть появляться в поле боя в качестве тяжеловооруженных людей под своим собственным командованием и нести службу в течение всей кампании. Организация танов была разделена на графства. С завоеванием Англии Канутом был введен новый военный элемент путем создания королевской личной гвардии, отборного отряда численностью от трех до шести тысяч датских солдат, которые были оставлены им после того, как остальная часть армии была отправлена обратно в Данию, и были известны как хаус-карлы.

Именно с армией, созданной по этому образцу — необученными рекрутами фюрда и лучше обученными людьми личной гвардии - король Гарольд, воодушевленный победой при Стэмфорд Бридж, выступил навстречу вторжению Вильгельма Нормандского. Тяжеловооруженные воины носили рубашку из кольчуги и конический шлем с планкой, защищающей нос; их ноги были обмотаны бинтами, мало чем отличающимися от современных

"замазок", а руки оставлены свободными для размаха датского топора. Они также имели при себе меч, пять метательных дротиков и щит, но топор был тем оружием, которое они любили, поскольку тевтонские расы, в отличие от латинян, всегда предпочитали рубить, а не колоть. Легковооруженные люди, которые не могли позволить себе защитных доспехов, выходили на поле боя только с копьями и щитами. Тем не менее, вооруженные силы были однородны в силу единого обычая, в чем и заключается секрет роста военной мощи Англии. Хотя богатые таны могли ездить верхом на марше, они спешили все до единого перед боем и сражались, даже с самим королем, на собственных ногах.[2]

Силы были разделены на большие группы или батальоны, обычным боевым порядком которых был клин, расширяющийся от фронта из двух человек до основания неопределенной численности; офицеры и лучше вооруженные люди образовывали острое, поддерживаемое плотной колонной низших войск. Именно с помощью одной линии таких клиньев, по-видимому, от двадцати пяти до тридцати штук, Гарольд занял свою позицию, чтобы преградить продвижение нормандской армии. Не имея кавалерии, он решил занять оборону и с немалым мастерством выбрал место для своего наступления. Его линия фронта занимала гребень холма, его фланги были защищены оврагами, и он вырыл поперек равнины на своем фронте траншею, которой было достаточно, чтобы остановить быстрое продвижение кавалерии. Более того, он приказал каждому батальону окружить себя острыми кольями, воткнутыми в землю через равные промежутки так, чтобы острия были направлены наружу, в качестве дополнительной защиты от атаки конницы.[3] Читателю следует обратить внимание на эти колья, поскольку он обнаружит, что они постоянно появлялись вплоть до семнадцатого века. Там англичане ждали плотными толпами, стеной из щитов внутри изгороди из кольев, люди двадцати девяти графств под предводительством победоносного вождя. Нет необходимости вдаваться в подробности сражения. Англичане, как было хорошо сказано,[4] были подвергнуты тому же испытанию, что и знаменитые площади при Ватерлоо, попеременному дождю снарядов и атакам кавалерии, и пока им это было не под силу. Приказ Гарольда состоял в том, чтобы ни один человек не двигался с места, но когда норманны после многих бесплодных атак, наконец, под руководством Вильгельма имитировали бегство, приказ был забыт, и одно крыло сломало свои ряды, бросившись в погоню за беглецами. Возможно, если бы Гарольд оказался на высоте положения, общее наступление могло бы спасти положение, но он не предпринял таких усилий и находился в присутствии человека, который не упускал из виду ни одной ошибки. Преследующий фланг был окружен норманнами и уничтожен; и тогда Вильгельм направил все свои силы против фрагмента линии, оставшегося на холме. Англичане стояли как вкопанные, выдерживая атаку за атакой, пока, наконец, измученные усталостью и задыхающиеся от убитых и раненых, они не были сломлены и изрублены, отчаянно сражаясь до конца. Недисциплинированность привела к разорению нации, и теперь Англия, к своему великому счастью, оказалась под властью расы, которая могла научить ее повиноваться.

Но англичанам предстояло усвоить еще один урок. Многие дворяне, недовольные правлением иностранца, покинули свою страну и, поступив на службу к византийским императорам, присоединились к знаменитой варяжской гвардии императора Алексея Комнина. При Дураццо они во второй раз встретились с норманнами под командованием Роберта Жискара. Верные своему обычаю, они спешили и сражались пешими - великолепный отряд, самый отборный во всей армии. Как и при Гастингсе, норманны атаковали и были отбиты, и, как и при Гастингсе, недисциплинированные англичане сломали их ряды, бросившись в погоню. Роберт Жискар воспользовался представившейся возможностью, бросил свою кавалерию им во фланг, а

затем, окружив их со всех сторон, вырубил их, несмотря на яростное сопротивление, до последнего человека. Так погибли эти неукротимые, необучаемые духи, последние из непокоренных англичан.

За завоеванием немедленно последовал институт рыцарской службы. Но эта система, введенная в Англии, во многих существенных отношениях отличалась от той, что царила на европейском континенте. Она носила менее отчетливый военный характер и гораздо менее совершенна как организация национальной обороны. Распределение Англии по рыцарским орденам, каким бы четким оно ни было обозначено на бумаге, требовало времени и не могло быть выполнено за один день. Более того, с нелояльностью приходилось считаться, ибо англичане были упрямым народом и не так-то легко примирились с игом своих новых хозяев. Таким образом, мы обнаруживаем, что в очень ранние времена вошла в обиход практика получения денег вместо личной службы, что позволило нормандским королям вести свои сражения с наемниками. По этой причине Англию называют колыбелью солдата; солдат - это человек, который сражается за плату, *solde*, *solidus*, или, как мы можем сказать в буквальном переводе с латыни, человек, который сражается за шиллинг.

Следовательно, единственный военный интерес правления нормандских королей состоит в том, чтобы следить за разрушением феодальной системы в военных целях и быстрым возвратом к саксонским методам и организации. Уильям Руфус был первым, кто обратился к англичанам с призывом встать на его сторону, и дважды он сделал это с успехом. Но на седьмом году своего правления он сыграл с ними злую шутку, которая навсегда лишила его доверия. Фюрд снарядил двадцать тысяч человек для службы против нормандских мятежников во Франции и снабдил каждого человека, за счет его удела, десятью шиллингами на дорожные расходы или, как позже выразились, деньгами на его поведение. Уильям встретил их на месте встречи, забрал у них двести тысяч шиллингов, чтобы нанять наемников, и отпустил их по домам. Этот Руфус был выбран известным историком как самый ранний пример офицера и джентльмена; его также следует помнить как первого офицера, который установил моду, которая вскоре, к сожалению, стала широко распространенной, незаконно присваивать жалованье своим людям. Читателю следует мимоходом отметить этот ранний пример использования поведенческих денег, поскольку мы найдем в нем зародыш королевского шиллинга.

1106.

1116.

1125 год, 25 марта.

Правление Генриха Первого интересно тем, что оно показывает нам английских рыцарей, сражающихся в поле против Роберта Нормандского под стенами Тенчбрэ. Мы обнаруживаем, что старый боевой порядок, единая линия Гастингса,^[5] исчез и уступил место трем линиям византийской школы, но, как ни странно, саксы навязали норманнам свой особый принцип. Генрих приказал своим английским и нормандским рыцарям спешиться, сформировал из них солидный батальон и встал во главе его, оставив на конях лишь один небольшой отряд. Вражеская кавалерия атаковала всадников Генриха и рассеяла их; но фаланга спешившихся осталась несломленной, надавила на скопище вражеской пехоты, сломила ее и почти уничтожила. Англичане приветствовали эту победу как искупление поражения при Гастингсе, настолько ожесточенным уже тогда было соперничество между нами и нашими доблестными соседями по ту сторону ла-Манша. Десять лет спустя англичане снова были во Франции,

сражаясь не только против мятежных нормандских баронов, но и против своего союзника, французского короля Людовика Шестого. Долгая и беспорядочная война завершилась битвой при Бренвиле. Генрих снова спешился с четырехсот из пятисот своих рыцарей и, следуя тактике Тенчбрая, одержал, хотя и не без ожесточенных боев, вторую победу. В третьем сражении, известном как битва при Бомонте, старая английская практика повторилась в третий раз с заметным успехом; но здесь следует отметить вступление новых сил, роты лучников, что внесло немалый вклад в удачный исход дня. Ибо когда нормандская кавалерия с грохотом обрушилась на английский батальон, лучники перешли на их левый фланг и обрушили на них такой ливень стрел, что всадники были полностью опрокинуты. Этих лучников не следует путать со знаменитыми английскими лучниками более позднего времени, поскольку, скорее всего, они были просто скопированы, как и боевой порядок, с византийского образца; но они преподали англичанам второй из двух полезных уроков. Генрих уже обнаружил, что спешенные рыцари могут выстоять против стремительной кавалерии Франции; теперь он узнал, что конная атака может быть ослаблена почти до полного уничтожения залпом лучников. Это в то время, когда кавалерия обладала абсолютным превосходством на войне, было секретом жизненно важности, секретом, который действительно заложил основу нашей военной мощи. Генрих, очевидно, понимавший это, поощрял стрельбу из лука, постановив, что, если кто-то случайно убьет другого прикладом, это несчастье не должно расцениваться для него как преступление.

1141.

Жалкое правление Стефана, столь неудовлетворительное для обычного историка, благодаря продолжающемуся развитию английских тактических методов представляет особый военный интерес. 1138 год знаменит битвой при Штандарте, первой из многих битв против шотландцев и типичной для многих грядущих побед. Английские рыцари, как обычно, сражались пешими и с помощью лучников нанесли врагу сокрушительный удар. Здесь уже зародыш более поздней пехоты; мы обнаружим, что копья и луки уступили место пикам и мушкетам, но на протяжении целых пяти столетий мы будем видеть пехоту, состоящую из двух элементов, наступательного и оборонительного, пока изобретение штыка медленно не сольет их в одно целое. С другой стороны, в битве при Линкольне мы видим, что обороняющиеся действовали в одиночку и потерпели поражение, хотя и не позор; ибо спешившиеся рыцари, стоявшие вокруг Стефана, сражались со всем прежним упрямством и уступили только превосходящему численному составу. Таким образом, хотя со времени Завоевания прошло два поколения, английские методы ведения боя все еще были в полной силе, и будущее английской пехоты можно было смело считать обеспеченным.

Не обошли вниманием и кавалерию, ибо среди всей серьезности этого беспокойного правления была введена имитационная война, известная как турнир. Это было изобретение горячих, воинственных французов, и первоначально оно было настолько близко к имитации настоящего сражения, что папы вмешались и запретили использовать в нем любое оружие, кроме тупого. Турнир, будучи не дуэлью человека против человека, а состязанием отряда против отряда, был тренировкой не только индивидуальной храбрости, но и тактики, муштры, дисциплины и лидерства; победа зависела главным образом от умелого обращения и сохранения компактного порядка. Таким образом, смешением английской пехоты и нормандской конницы был заложен раньше, чем в какой-либо другой стране Европы, фундамент армии, в которой оба рода войск выполняли равную долю работы в день сражения.

Следующий по очереди среди наших королей был великим солдатом и администратором, однако работа, которую он выполнял для армии, была любопытным образом неоднозначной. Постоянно участвуя в войнах, он больше других ощущал несовершенство феодальной военной системы. Число рыцарей, которых можно было призвать под его знамена, было очень невелико и еще больше уменьшалось из-за постоянного уклонения от обязательств. Поэтому он урегулировал замену личной военной службы денежной оплатой и преобразовал ее под старым названием *scutage* в постоянное учреждение. Этой системой, как правило, пользовались, и на полученные таким образом деньги он постоянно получал жалованье у брабансонских наемников, прототипов ландскнехтов более позднего времени. Когда ему понадобилась феодальная сила для пополнения этих наемников, он прибегнул к уловке, приказав каждые трем рыцарям снаряжать по одному из своего числа для службы; и, наконец, доведенный до крайности, он восстановил старую английскую армию в качестве Национального ополчения путем передачи оружия в суд. Этот самый ранний из законодательных актов по организации наших национальных вооруженных сил и основа всего, что последовало за ним вплоть до правления Филиппа и Марии, содержал следующие положения:

Каждый обладатель одного рыцарского гонорара должен иметь кольчугу,^[6] шлем, щит и копье; и у каждого рыцаря столько кольчуг, шлемов, щитов и пиков, сколько есть гонораров в его владениях.

Каждый свободный мирянин, имеющий движимое имущество или арендную плату стоимостью в шестнадцать марок, должен иметь такое же снаряжение.

Каждый свободный мирянин, имеющий движимое имущество или арендную плату в размере десяти марок, должен хранить галантерею,^[7] венок^[8] железный и копье.

Все граждане и все сообщество свободных людей должны иметь вамбе,^[9] железный венок и копье.

Примечательно, что ни лук, ни топор не фигурируют в этом списке национального оружия, упущение, которое трудно объяснить, поскольку лук, очевидно, в то время использовался в полную силу. Возможно, искушение использовать его в целях браконьерства было настолько сильным, что власти не решались запретить хранить лук в доме каждого бедняка. Влияние браконьера окажется столь же сильным, когда придет время для внедрения огнестрельного оружия.

Ричард Львиное Сердце, как и его предшественники, предпочитал использовать наемников для своих войн, в то время как даже рыцари, сопровождавшие его в Крестовом походе, получали жалованье. Если бы его достижения в Святой Земле не оставили незначительного следа в английской военной истории, они были бы вполне достойны подробного описания, поскольку Ричард, бесспорно, был действительно великим солдатом, хорошим инженером и удивительно способным командиром. История его похода из Иоппии в Иерусалим и победы при Арсуфе известна немногим, но она навсегда останется примером непревзойденного военного мастерства. Смешанным войском, состоящим из многих наций, никогда не было очень легко управлять, и это было вдвойне трудно, когда лучшая его часть состояла из рыцарей, которые ненавидели само название подчинения. И все же именно с таким вооружением, соединенным с огромным отрядом полудисциплинированной пехоты, Ричард совершил фланговый марш в

присутствии самого грозного из ныне живущих генералов и блестяще отразил его, когда тот отважился в чрезвычайно трудный момент атаковать. План кампании, приготовления и приказы для марша, муштра и дисциплина, налагаемые на рыцарей, а также управление войсками в бою - все это в равной степени достойно восхищения. Тем не менее, как уже говорилось, уроки Крестовых походов не оказали большого влияния на Англию, главным образом потому, что она уже на собственном опыте убедилась в ценности тяжеловооруженной пехоты и в тактическом сочетании метательного и поражающего оружия. В остальной Европе о них какое-то время помнили, но очень скоро забыли;[10] и Англия снова осталась наедине со своей тайной.

Однако в этом месте должны быть упомянуты две небольшие реликвии крестовых походов. Первый - это использование креста в качестве знака отличия воинов разных наций, который в свое время стал признанной заменой униформы среди европейских солдат. Каждая нация выбрала для своего креста свой цвет, у англичан сначала был белый, который, как ни странно, теперь является обычным изображением английских пехотных полков. Вторая реликвия - военный оркестр, который, по-видимому, без сомнения, был скопирован с сарацинского. В их армиях трубы и барабаны, последний определенно восточный инструмент, использовались для обозначения места сбора; ибо, хотя в обычное время штандартов было достаточно, чтобы указать людям места их предводителей, все же в пылу битвы они часто были скрыты из виду; и поэтому было правилом собирать менестрелей (таков был английский термин) вокруг штандартов и приказывать им дуть в них усиленно и непрестанно во время боя. Молчание оркестра было воспринято как доказательство того, что батальон разбит и что знамена в опасности; и мода просуществовала так долго, что даже в семнадцатом веке музыканты на всех картинах сражений изображены выстроенными на безопасном расстоянии и энергично играющими.

1214.

Правление короля Иоанна еще больше подчеркнуло слабые стороны английской феодальной системы как военной организации. Принцип, введенный Завоевателем, состоял в том, чтобы претендовать на суверенную прямую феодальную власть над каждым землевладельцем в стране, не допуская, чтобы промежуточный класс фактически независимых вассалов, подобный существовавшему во Франции, перехватывал службу у тех, кто был ему обязан. О преимуществах этого нововведения вскоре будет упомянуто в другом месте, но пока необходимо остановиться только на его военных недостатках. Вся эффективность феодальной системы была направлена на создание касты воинов; и такая каста, очевидно, может быть создана только путем предоставления определенных исключительных привилегий. Английские рыцари такими привилегиями не обладали. Не было никаких особых преимуществ, связанных с владением феодалом. Рыцари не пользовались иммунитетом от налогообложения, как во Франции и Германии, они были обязаны платить не только подати, требуемые от всех сословий, но и скутаж в придачу. Опять же, получение рыцарского звания было открыто для всех свободных людей, так что оно не могло рассматриваться как наследственное владение гордой знати. И опять же, дарование рыцарской чести было исключительным правом суверена, который превратил ее просто в инструмент вымогательства. Короче говоря, у английских рыцарей не было стимула добросовестно нести свою службу; государь брал все и ничего не давал; и, наконец, они больше не хотели терпеть такого притеснения. Когда в 1205 году Иоанну потребовались феодальные войска, он был вынужден устроить так, чтобы каждые десять рыцарей снаряжали одного из своего числа для службы. Более того, рыцари, которые

действительно служили ему, не проявили никаких заслуг; английский контингент в Бувине покрыл себя чем угодно, только не славой. Наконец, вспыхнули мятежи и Великая Хартия, в которой четко оговаривалось, что феоды должны быть как отчуждаемыми, так и делимыми, что навсегда разрушило все надежды на наследственную касту воинов.

1252.

После принятия Хартии национальные вооруженные силы номинально состояли из трех элементов: главнокомандующих арендаторами со своими вооруженными вассалами, главнокомандующих мелкими арендаторами и свободных людей, подлежащих судебному разбирательству с оружием в руках, причем последние два находились в подчинении шерифов. На бумаге это было впечатляющее шоу, но его было трудно эффективно реализовать на практике. Не было человека более бесстыдного, чем Генрих Третий, который ради пошлин навязывал рыцарство всем свободным землевладельцам, которых он считал достаточно богатыми, чтобы поддерживать это достоинство; и все же, когда вопрос встал не о деньгах, а о вооруженных людях, он был вынужден прибегнуть к тому же средству, что и его более великий тезка. Он просто издал судебный приказ о приведении в исполнение Судебного приказа о выдаче оружия и приказал шерифам выделить постоянный контингент вооруженных людей, который должен был быть предоставлен мужчинами округа, которые были ему подчинены.

1282.

Недостатки феодального влияния в военных вопросах были теперь настолько очевидны, что Эдуард Первый из всех сил старался полностью с ними покончить. Строго говоря, феодальные силы были вызваны специальным приказом, адресованным баронам, приказывающим им явиться с должным количеством людей и лошадей, и аналогичными указаниями шерифам предупредить главных арендаторов в пределах их юрисдикции. Однако система была настолько громоздкой и неэффективной, что Эдвард заменил ее, дав поручения одному или двум ведущим людям графства собрать и вооружить вооруженные силы. Эти Комиссии по подбору кадров, как их называли, снова предстанут перед нами так же поздно, как и в царствование Карла Первого.

1285.

Но, как и все его предшественники, Эдуард заботился о национальном ополчении, выросшем из фюрда. Винчестерский статут вновь ввел в действие Судебный приказ о передаче оружия и перераспределил силы в новые подразделения, вооруженные новым оружием. От самого богатого класса свободных людей теперь требовалось иметь кольчугу^[11] из железа, меч, нож и лошадь. Два низших класса теперь были разделены на четыре, из которых первый должен был иметь то же оружие, что и самые богатые, за исключением лошади; второй - меч, лук со стрелами и нож; третий - боевые топоры, ножи и "другое оружие поменьше", в последнее включены счета;^[12] а остальные луки и стрелы, или если они есть, обитали в лесу с луками и стрелами, последние, вероятно, были менее смертоносны для королевского оленя, чем стрелы. Тогда здесь был возрожден топор времен Гарольда, а лучники учреждены законом. Из того факта, что они не носили защитных доспехов, очевидно, что лучники были созданы как легкая пехота, быстрая и подвижная в своих конечностях, искусная и смертоносная в обращении со своим оружием. Имя Эдуарда Первого должно навсегда остаться в нашей истории за то, что он поощрял стрельбу из длинного лука; но мы тщетно ищем человека, если таковой существовал, который основал традицию, к счастью, все еще сильную среди нас, согласно которой

англичане, каким бы метательным оружием они ни пользовались, всегда будут меткими стрелками. Даже при осаде Мессины Ричардом Первым лучники отогнали сицилийцев от стен, "ибо ни один человек не мог выглянуть из дверей, не получив стрелы в глаз, прежде чем он успеет его закрыть".

1297.

1298.

Лучники недолго были законной силой, прежде чем их призвали на действительную службу. Поражение англичан Уильямом Уоллесом при Камбускеннете вызвало Эдуарда из Франции, чтобы лично выступить против шотландцев; и он встретился с ними на поле Фолкерка. Шотландская армия состояла по большей части из пехоты, вооруженной пиками, еще не такими длинными, в восемнадцать футов, которыми они должны были так доблестно владеть при Густаве Адольфе, но все еще хорошим и грозным оружием. Уоллес расположил их за болотом четырьмя кольцевыми батальонами, окруженными кольями, разместив свои легкие войска, вооруженные в основном короткими луками, в промежутках между ними, а свой единственный слабый отряд конницы - в арьергарде. Английские рыцари, как обычно, выстроились в колонну из трех дивизий: авангарда, баталии и арьергарда, и с ними был сильный отряд лучников. Вопреки своим старым традициям, английская кавалерия не спешила, а поскакала прямо в атаку. Первая дивизия с головой окунулась в болото (ибо средневековый рыцарь, несмотря на сотни предупреждений, редко утруждал себя осмотром местности перед собой), не совершала никаких казней и понесла тяжелые потери. Затем вторая дивизия под командованием епископа Даремского обогнула болото и оказалась в поле зрения шотландской конницы. Епископ колебался и объявил привал. "Возвращайся к своей мессе, епископ", - презрительно ответил один рыцарь. Его товарищи бросились в атаку, рассеяли шотландскую кавалерию и отеснили лучников между пикинерами; но четыре батальона стояли твердо и не сломлены, и рыцари напрасно окружали их. Затем король привел лучников и третий конный дивизион. Выдвинув лучников вперед, он сдерживал кавалерию в качестве поддержки до тех пор, пока непрекращающийся дождь стрел не пронзил шотландские батальоны насквозь, а затем, бросив рыцарей вперед, в прорванные ряды, он практически смел их с поля боя. Это была старая история, шквальный огонь артиллерии, за которым следовали атаки кавалерии, подготовка шотландцев к суду при Ватерлоо, как Гастингс готовил англичан.

1314.

Интересно отметить, что уже тогда Эдуард прилагал усилия к конституционному союзу двух стран, которые с честью проиграли и выиграли битву при Фолкерке, но он опередил свое время на четыре столетия. В последующие годы война продолжалась с переменным успехом. Создатель английских лучников умер, и под руководством его слабого сына английская армия получила при Бэннокберне позорный урок тактики. Шотландская армия численностью в сорок тысяч человек состояла в основном из пикинеров, которые были выстроены, как и при Фолкерке, в четыре батальона с выжженным фронтом и разбитой территорией по обоим флангам. Их кавалерия, насчитывавшая тысячу человек, - сущая горстка по сравнению с воинством английских латников, - была тщательно сдержана. Эдуард открыл бой, выдвинув своих лучников, чтобы нанести удар по шотландской пехоте, но не оказал им поддержки; и Брюс, увидев представившуюся возможность, направил свою тысячу всадников на их фланг и обратил их в замешательство. Затем английская кавалерия в беспорядке бросилась на

сомкнутые ряды пик, не сумела, отчасти из-за нехватки места, а отчасти из-за плохого управления, произвести на них ни малейшего впечатления и была отброшена с позорным и унижительным поражением. Так англичане узнали, что их знаменитые лучники не смогут выстоять против кавалерии без поддержки,^[13] и они приняли этот урок близко к сердцу. Старая система спешивания латников была на данный момент заброшена с катастрофическими результатами; человек, которому предстояло возродить ее, родился в Виндзорском замке всего за два года до битвы.

1327.

1333.

Тринадцать лет спустя этот мальчик взошел на трон Англии как король Эдуард Третий и почти сразу же выступил с большим войском против шотландцев. Кампания подошла к концу без какого-либо решающего сражения, но в тот единственный раз, когда сражение казалось неизбежным, английские латники спешили и сняли шпоры по старому английскому обычаю. Был заключен мир, но только для того, чтобы быть нарушенным шотландцами, а затем Эдуард отомстил за Бэннокберн при Халидон-Хилл. Английские латники сошли с лошадей и были сформированы в четыре батальона, каждый из которых был окружен флангами лучников - идентичный строй, принятый два столетия спустя для пикинеров и мушкетеров. Шотландцы, численностью намного превосходившие противника, также были сформированы пешими отрядами в четыре батальона, но без лучников. "И тогда", - говорит старый историк,^[14] "Английские менестрели громко затрубили в свои трубы, затрубили в свирели и другие инструменты военной музыки и яростно двинулись навстречу шотландцам". Лучники стреляли так густо и быстро, что враг, не выдержав, сломал их ряды, и тогда английские латники вскочили на своих лошадей, чтобы броситься в погоню. Шотландцы храбро пытались сплотиться небольшими отрядами, но их отбросили; говорят, они потеряли десять тысяч убитыми из шестидесяти тысяч, вступивших в битву.

Подготовка латников к преследованию придавала завершающий штрих английским тактическим методам, и теперь нация была готова к войне более грандиозного масштаба. Более того, на коленях доброй королевы Филиппы играл маленький трехлетний мальчик, которому суждено было стать победителем при Пуатье. Поэтому, пока назревает ссора, приведшая к Столетней войне, настало время понаблюдать за тем, до чего довели английскую военную организацию два с половиной столетия прогресса.

Власти. Безусловно, лучший, насколько я знаю, единственный отчет о подъеме английской тактики и английской военной мощи можно найти в книге генерал-майора Келера "История кривосвесен в риттерцайте", т. ii, стр. 356 и т. v., стр. 97 и т. д., работа, к которой я отношусь с величайшей благодарностью. Авторитетные источники цитируются добросовестно и обильно. "Нормандское завоевание" Фримена, "Феодалная Англия" мистера Дж. Х. Раунда, "Древние доспехи" Хьюитта, "Военное искусство Омана в средние века" Гроуза, "Военные древности" Раймера и "Фидера" - авторитеты, которые придутся на ум каждому, как и Конституционные истории Халлама, Стаббса и Гнейста.

ГЛАВА II

Внимание уже привлекалось к недостаткам феодальной системы в военных целях и к изменениям, с помощью которых сменявшие друг друга монархи стремились улучшить их. С Эдуардом Вторым пришлось прибегнуть к новому устройству. Контракты, или, как их называли, инденты, заключались королем с людьми положения, по которым последние, как если бы они были подмастерьями в каком-либо ремесле, обязывались служить ему с определенной численностью в течение определенного срока по фиксированной ставке заработной платы. В некотором отношении это был просто возврат к старой практике найма наемников; но поскольку Эдуард Третий заключал свои контракты по большей части в пределах своего королевства, вооруженные силы приобрели национальный характер. Нынешние идеи организации были все еще настолько несовершенны, что контрактники обычно нанимали самих себя для обеспечения смешанных сил из всех родов войск; но поскольку они, естественно, набирали людей там, где их было легче всего заполучить, то есть в их собственных кварталах, почти наверняка какое-то местное или личное чувство помогало им держаться вместе. В остальном контрактник, конечно, сам позаботился о внутреннем хозяйстве своих собственных войск и, как следствие, пользовался значительными полномочиями, которые перешли к полковникам более позднего времени и были лишены их только в течение последних двух поколений. Нетрудно представить, что люди, зачисленные таким образом, должны были бы в настоящее время, после освобождения от службы в стране, продать свои услуги тому, кто предложит самую высокую цену, и стать, как они в настоящее время и стали, *кондотьерами*. Характерно для коммерческого гения нашей расы, что Англия должна была стать колыбелью не только солдата, но и *кондотьера*; [15] другими словами, что она должна была подать пример в превращении ведения войны в первую очередь в вопрос заработной платы, а затем в вопрос прибыли. Но ее работа на этом не закончилась, ибо эти реформы создали расу профессиональных солдат, а через них и возрождение Военного искусства. Короче говоря, с началом Столетней войны британская армия набирает обороты в недрах времени, а феодальная власть погружается во все более быстрый упадок.

Но у этой картины феодальной неэффективности есть и другая сторона. Моральная сила не менее, чем физическая, является могущественным фактором на войне; и именно военные недостатки английской феодальной системы впервые сделали ее военной державой. Хотя рост касты воинов был остановлен, это было сделано для того, чтобы освободить место для того, что было достойно затмить ее, - для сражающейся нации. Ибо в Англии не было, как в других странах, никакого отказа в гражданских правах на общее достояние королевства. Ниже звания пэра все свободные люди пользовались равенством перед законом; более того, само звание пэра не давало никаких привилегий, за исключением тех, кто действительно обладал ими, сыновья пэров были простолюдинами, а не, как везде, благородными просто по факту своего рождения. В Англии были и остаются дворянство и джентри: в других странах дворянство и джентри были объединены в единую надменную исключительную касту, и между ними и другими свободными людьми была установлена огромная и непроходимая пропасть. Таким образом, высшие и низшие представители свободных людей поддерживали связь друг с другом в Англии, как нигде больше в Европе. Более чем на два столетия позже Креси такой великий и доблестный джентльмен, как Баярд, мог с презрением отказаться сражаться бок о бок с пехотой. В Англии, какова бы ни была расовая гордость, сын благороднейшего пэра страны

стоял плечом к плечу со своим равным, когда лучник падал рядом с ним, и там, где стоял сын, отец не чувствовал стыда стоять. Ни одна другая нация до сих пор не могла подражать этому; никто другой не мог вспомнить Гастингс, где все классы стояли на ногах в одном батальоне. Другие нации действительно могли, наученные опытом, спешиться со своих рыцарей и выстроить в ряд с ними арбалетчиков, точно так же, как в наши дни они могут соорудить верхнюю и нижнюю палаты и говорить о конституции по английскому образцу; но тогда, как и сейчас, английской была только форма, а не содержание.

Что касается коммерческого и политического влияния, которое помогло сформировать нашу военную систему, то остается еще одна великая моральная сила, с которой приходится считаться. Рыцарство, которое медленно росло в Англии со времен Третьего крестового похода, в четырнадцатом веке расцвело поздним, но великолепным расцветом. Нация осознала красоту службы, которая придавала достоинство боевым инстинктам человека, которая учила, что для него недостаточно быть без страха, если он не был также без упрека, и что, хотя правление миром всегда должно опираться на силу, милосердие и справедливость могут идти рука об руку с этим. Опоясывание мечом было уже не социальным, а религиозным актом; оно знаменовало не просто вступление молодого человека в общественную жизнь, но и его посвящение в великую и благородную должность. Одновременно возникло ощущение очарования славы и приключений. До сих пор английские рыцари не снискали никакой славы в Европе. Ненависть и ревность держали сакса в стороне от его нормандского господина; теперь больше не было саксов и норманнов, а были англичане, сплоченные и сильные, воинственный народ, жаждущий военной славы.

Давайте теперь вкратце рассмотрим состав и организацию армий, которым предстояло учинить такой хаос во Франции. Кавалерия набиралась по большей части из более богатых классов, хотя, как уже было видно, по винчестерскому статуту существовало одно подразделение свободных людей, которое было призвано нести конную службу. Более важная ветвь, воины, состояла из двух элементов - рыцарей и оруженосцев. С самого начала существования феодальной системы количество людей, требуемое от крупных вассалов, вынуждало их вооружать своих сыновей и слуг, которые после многих изменений, наконец, в XIII веке были объединены под общим названием *servientes*, термином, который вскоре был преобразован в его нынешнюю форму сержантов. В 1294 году эти *сервьенты* были удостоены более высокого звания *servientes equites*, конных сержантов, от которого шесть лет спустя отказались ради привычного названия оруженосцев. Этих оруженосцев не следует, однако, путать с другим классом того же наименования, а именно с подмастерьями, которые были личными слугами рыцарей. Оруженосец, о котором я сейчас говорю, был скорее рыцарем низшего ранга, соответствующим *башелье* (*bas chevalier*) Франции. Само слово knight дает нам намек на эту неполноценность, будучи таким же, как немецкое *knecht*, тогда как *ritter* - это немецкий термин, который выражает то, что обычно понимается как рыцарь в английском языке. Внутренняя история рыцарства - это история борьбы сержантов за то, чтобы стать равными рыцарям первого ордена, и в четырнадцатом веке они были недалеко от своей цели. Даже сейчас они считались костяком английской армии и были оснащены по всем параметрам, как люди классом выше их.

Латники, выражение, заимствованное у французов, были названы так потому, что они были покрыты защитными доспехами с головы до пят; но поскольку середина четырнадцатого века является переходным периодом в развитии доспехов, трудно описать их снаряжение с какой-

либо уверенностью. Их наступательным оружием были копье, меч, кинжал и щит. Обученные с самой ранней юности обращению с оружием, они, несомненно, были достаточно искусны в обращении с ним; но они, по-видимому, не были великими наездниками, и действительно, есть записи, что иногда их привязывали к седлу. Монстреле, писавший в 1416 году, рассказывает нам об изумлении, которое некоторые итальянцы вызвали у французов, потому что они действительно могли поворачивать своих лошадей в галопе. Вероятно, использовавшиеся удила были слишком слабыми, и громоздкость седла и вес, который нес каждый человек, были печальными препятствиями для хорошего владения верховой ездой; но в любом случае стоит помнить, что, как ясно показывает этот отрывок, у латников в седле была одна из двух альтернатив: двигаться медленно и сохранять контроль над своими лошадьми или скакать галопом в течение неопределенного периода времени, куда бы животные ни захотели их нести.

Любимыми лошадьми, одинаково отличавшимися скоростью, выносливостью и отвагой, были испанские, которых, поскольку добраться до Англии можно было только по суше через Францию, не всегда было очень легко раздобыть. Филипп Смелый в 1282 году отказался разрешить переправку одной партии из восьмидесяти таких лошадей в Англию; но из сохранившегося контракта 1333 года явствует, что Эдуард Третий все еще рассчитывал на то, что Испания предоставит ему новых лошадей. Эти лошади, однако, предназначались только для боевых действий и на марше были переданы на попечение щитоносцев или оруженосцев, которые вели их, что было естественно, по правую руку от них и, таким образом, получили для них любопытное название *dextrarii*.^[16] Обычное количество лошадей для рыцаря составляло три, не считая вьючной лошади для его багажа, самая маленькая из которых, названная *palfrey*, была той, на которой он ездил в обычных случаях; фактически, выражаясь современным языком, рыцарь отправлялся в поход с первым конем, вторым конем и пони. Первым наездником всегда был жеребец; остальные могли быть меринами или кобылами. С 1298 года в Англии была введена практика покрывать лошадей защитными доспехами, снаряжение, которое вскоре стало считаться настолько важным, что один род войск кавалерии, и притом самый важный, считался по количеству лошадей в доспехах.

Личная свита рыцарей состояла из учеников или претендентов на то звание, которое они занимали. Оруженосец или щитоносец брал на себя заботу о рыцарских доспехах на марше и был ответственен за поддержание их в надлежащем порядке; и стоит отметить, что английский оруженосец гордился тем, что полировал металл до наивысшего блеска, тем самым рано заложив те традиции щегольства, которые все еще так сильны в нашей кавалерии. В обязанности оруженосца, помимо многих других, входило также помогать своему хозяину надевать доспехи, когда наступало время действовать, начиная с железных башмаков или соллеретов и продвигаясь вверх, пока ткань не увенчивалась железным головным убором, а завершающим штрихом не становился щит. Читатель легко поймет, что по-настоящему умелый оруженосец, должно быть, был бесценен, поскольку, если сражение каким-либо образом становилось неожиданностью, немедленно бросались за багажом и разыгрывалась сцена замешательства, которая, должно быть, не поддается описанию. К счастью, тот факт, что обе стороны, как правило, были одинаково не готовы, и скрупулезность рыцарской вежливости, как правило, оставляли достаточно времени не только для снаряжения всех рангов, но и для построения войска.

Что касается административной организации, то латники были распределены по полицейским подразделениям, которыми командовали офицеры, называемые констеблями. Численность

полицейского подразделения, по-видимому, варьировалась от двадцати пяти до восьмидесяти человек; и это разнообразие, вместе с отсутствием какого-либо тактического подразделения постоянной численности, делает невозможным указать, сколько полицейских было включено в следующее тактическое подразделение. Это называлось знаменем, и командовал им знаменосец - звание, первоначально присваивавшееся только тем, кто мог привести на поле боя определенное количество последователей. Повышение до степени знаменосца ознаменовывалось отрезанием раздвоенного хвоста вымпела, который нес обычный рыцарь, и оставлением оставшегося квадрата. Таким образом, в наши дни вымпелы на копьях раздвоены, а квадрат отведен для штандартов эскадронов и полков.

Независимое применение небольших отрядов в боевых действиях было почти неизвестно, правилом было собирать неопределенное количество латников, сотни или даже тысячи, в плотную массу, глубина которой почти, если не совсем, была такой же большой, как и ее фасад. Хэй, или тонкая линия, относится к гораздо более позднему времени. Обычно предпочтительной была некоторая модификация построения клином; иными словами, фронт передней шеренги был несколько меньше, чем фронт задней; масса этой конкретной формы считалась менее подверженной беспорядку и лучше приспособленной для прорыва во вражескую фалангу. Относительная сила передних и тыловых рядов полностью зависела от численности, которая была помещена между ними, и легко можно предположить, что эволюций, которые мог выполнить такой громоздкий отряд, было очень мало. Вероятно, пока не наступил момент сражения, поддерживалось достаточное пространство, чтобы позволить каждой лошади развернуться на своем участке, по римскому обычаю, направо, налево или кругом; но для атаки шеренги и шеренги были сомкнуты настолько плотно, насколько это было возможно, и все другие соображения были принесены в жертву поддержанию компактного строя. О французских рыцарях, шедших вместе с Ричардом Львиное Сердце, говорили, что яблоко, брошенное в их гущу, не упало бы на землю. Поэтому мы должны избавиться от распространенного представления о рыцаре как о скачущем сломя голову кавалере. Атака латников не могла быть очень быстрой, если только она не производилась в беспорядке; и хотя она строго подпадает под категорию ударных действий, удар был скорее ударом тяжелой колонны, двигавшейся в умеренном темпе, чем легкой линии, атакующей с высокой скоростью. Принимая во внимание эти факты, будет легче понять неспособность конных воинов прорвать пассивное каре пехоты.

Следующим после латников был вид кавалерии, названный по имени понсенарс,^[17] который был менее полностью оснащен защитными доспехами, но носил хабержон^[18] и был вооружен копьем.

Наконец, прибыла легкая кавалерия *furd*, первоначально созданная для патрулирования английского побережья. Их называли хобеларами, из-за хобби или пони, на которых они ездили верхом, и они были оснащены железным шлемом, дублетом с тяжелой подкладкой (*aketon*), железными перчатками и мечом.

Повернувшись к пехоте, я увидел валлийских копейщиков с оружием, давшим им название, но без защитных доспехов. Действительно, должно было показаться, что они не были перегружены какой-либо одеждой, поскольку каждый из них был снабжен за счет короля туникой и мантией, которые по специальному указанию были сшиты из одного и того же материала и цвета для всех. Таким образом, эти валлийские копейщики были первыми войсками на английской

службе, которые были одеты в форму, и первыми они получили ее в 1337 году.^[19] Цвет их одежды, к сожалению, остается нам неизвестным.

Далее мы переходим к особой силе Англии - лучникам. Хотя некоторое количество из них, как правило, были верховыми, все же, подобно драгунам более поздних времен, они передвигались верхом только ради большей мобильности и по праву могут считаться пехотой. Как уже говорилось, лучники не носили никаких защитных доспехов, кроме железного колпака, полагаясь только на свои луки. Эти луки были шести футов четырех дюймов в длину; стрелы разной длины, но обычно описываемые как древки длиной в ярд ткани, были снабжены железными зазубринами и наконечниками и оперены гусиными или павлиньими перьями. Но само по себе оружие мало что дало бы без специальной подготовки в его использовании, в которой англичане преуспели. "Мой отец, - говорит епископ Латимер (и мы можем разумно предположить, что в таких вопросах мало что изменилось за сто пятьдесят лет), - мой отец усердно учил меня стрелять из лука; он учил меня натягивать тетиву, прикладываться к луку всем телом, натягивать не силой руки, как это делают другие народы, а силой тела. Я купил свои луки^[20] мне в соответствии с моим возрастом и силой; по мере того, как я увеличивался в размерах, мои луки становились все больше и больше". Принцип был фактически аналогичен тому, которому обучают молодых гребцов в наши дни. Результаты этого обучения были поразительными. Говорят, что дальноточность длинного лука в руках лучников древности составляла полных двести сорок ярдов, а сила полета стрелы была такова, что могла пробить на приличном расстоянии дюйм толстого дерева. Более того, стрельба была быстрой и точной. Действительно, длинный лук был в четырнадцатом веке более грозным оружием, чем арбалет, который был осужден папой Иннокентием Вторым как слишком смертоносный для христианской войны еще в 1139 году. У него не было недостатка в дальности стрельбы, в то время как им можно было стрелять гораздо быстрее; и, кроме того, поскольку его держали не горизонтально, а перпендикулярно земле, лучники могли стоять ближе друг к другу, и их залпы могли быть лучше сконцентрированы. Таким образом, длинный лук, хотя и арбалет не был неизвестен англичанам, был не только национальным, но и лучшим оружием. В бою лучники выстраивались в шеренгу настолько глубоко, насколько это соответствовало нанесению эффективных залпов, задние ряды могли хорошо стрелять, целясь поверх голов стоящих перед ними людей. По мускульным тренировкам, которым подвергались лучники, можно представить, что физически они были великолепными мужчинами.

Строго говоря, лучники были армейской артиллерией, согласно терминологии того времени,^[21] слово *артиллерист* использовалось во времена Эдуарда Второго для обозначения офицера, отвечавшего за то, что мы сейчас называем складами боеприпасов. Но чтобы избежать путаницы, мы должны использовать это слово в его современном значении, тем более что мы находим среди запасов хранителя^[22] королевской артиллерии в 1344 году запасы селитры и серы для изготовления пороха, а среди его людей шесть "гоннеров". Следует добавить, что Gun изначально было английским, саппон - французским названием этого оружия. Вскоре необходимо будет обратить внимание на их первое появление на поле боя.

Что касается общей организации армии, то вся она была разделена на тысячи под командованием офицера по имени милленар, подразделялась на сотни, каждая под командованием сотника, и далее подразделялась на двадцатки, каждая под командованием винтенара. Главнокомандующим обычно был лично король, которому помогали два главных офицера, верховный констебль и маршал, чьи обязанности были, грубо говоря, обязанностями

адъютанта и генерал-квартирмейстера. В тактических целях армия была разделена на три дивизии, называемые авангардом, боевой частью и арьергардом, которые сохраняли эти названия независимо от своего положения в поле или на марше, независимо от того, было ли войско выстроено, как это чаще всего бывает, в три линии или в одну. Трубы использовались для подачи сигналов, хотя, насколько можно судить, они не издавали отчетливых призывов и их значение зависело от ранее отданных приказов. Недостаток в этом отношении тем более примечателен, что сигналы погони с помощью рога были уже очень многочисленными и очень ясно и точно определенными.

Жалование всех рангов, к счастью, можно получить из списка призывников Кале 1346 года, и хотя я больше не буду загромождать эти страницы списком выплат, я на этот раз напечатаю его полностью:

Принцу Уэльскому	20 лет.		в день.
Епископ Даремский	6-й.	8-й год.	" "
Графы	6-й.	8-й год.	" "
Бароны и знаменосцы	4-й год.		" "
Рыцари	2-е место".		"
Эсквайры, констебли, капитаны и лидеры	1с.		" "
Винтенары		6-го ранга.	" - "
Конные лучники		6-го ранга.	" "
Понсенары		6-й степени.	" "
Хобелары		6-й степени.	" "
Пешие лучники		3-й степени.	" "
Валлийские копейщики		2-го.	" "
" Винтенары		4-го.	"

Каменщики, Плотники, Кузнецы, Инженеры, Шахтеры, артиллеристы, 10-й, 6-й и 3-й степени.

Печально констатировать, что уже в 1342 году в армии начались коррупция и мошеннические операции. Маршалам было приказано собирать латников раз в месяц и отказывать в жалованье людям, которые отсутствовали, были неадекватно вооружены или плохо сидели верхом. Мы увидим, как практика вымогательства жалованья у воображаемых людей и трюки, разыгрываемые над распорядителями, будут расти и множиться, пока не потребуют особого словарного запаса и определенной степени официального признания. Любимым оскорблением среди вооруженных людей было требование грабительской компенсации за лошадей, потерянных на действительной службе, что привело к изданию в том же году приказа о том, что все лошади должны быть оценены при поступлении в корпус и помечены для предотвращения обмана. Так рано была открыта дорога, ведущая к широкой стрелке. Налет коррупции, действительно, сильно присущ каждой армии в Европе, за возможным исключением прусской. Война - это время срочности и стресса, которое не допускает строгих ревизий или тщательных инспекций, а бедная человеческая натура слишком слаба, чтобы не использовать такую возможность себе на пользу. Неприятна мысль о том, что нечестность и казнокрадство должны быть неразрывно связаны со столь многим благородным и героическим в истории человечества, но факт неоспорим, и его нельзя легкомысленно игнорировать. Более того, дни,

когда английская кавалерия отправится на войну на своих собственных лошадях, возможно, еще не сочтены; и, возможно, полезно помнить, что средневековый латник вскакивал на свое худшее животное, чтобы быстрее сломить его и потребовать за него цену своего лучшего. Только путем постоянной настороженности к подобному злу может быть создана надежная система военного управления.

Авторитеты.—Что касается предыдущей главы.

ГЛАВА III

1339.

1340,

24 июня.

Обрисовав теперь в общих чертах состав английских войск, давайте немедленно перейдем к месту действия. Мы должны опустить ранние события войны и принятие Эдуардом знаменитого девиза, которым он обосновал свои притязания на корону Франции, *Dieu et mon droit*. Мы должны пройти мимо знаменитой морской битвы при Слейсе, где английские командиры в своем рвении следовать заветам Вегеция сочли более важным, чтобы солнце светило в глаза врагу, чем ветер в их пользу, и где лучники, действовавшие как меткие стрелки морской пехоты, были истинными виновниками английской победы. Мы также не должны обращать внимания на бесчисленные осады, даже на осаду Кенуа, где англичане впервые попали под пушечный огонь, просто отметив, что из-за их незнания этого конкретного вида войны англичане неизменно терпели неудачу; и мы должны сразу перейти к 1345 году, когда Генрих Ланкастерский, граф Дерби, высадился в Байонне с трехтысячным войском для кампании в Гаскони и Гиенне. Было названо имя нашего первого артиллерийского офицера; теперь следует обратить внимание на нашего первого инженера, того самого графа Дерби, который недавно был отозван со службы у испанцев против мавров при осаде Альхесираса и был первым человеком, который научил англичан, как брать укрепленный город.

1346 год, июнь.

Затем Дерби со своей небольшой армией некоторое время преследовал Гасконь и Гиенну, пока прибытие превосходящих сил французов не вынудило его отступить и не дало ему много времени для самозащиты. Соответственно, в июне 1346 года Эдуард Третий собрал флот из бесчисленных небольших судов, ни одно из которых не превышало шестидесяти тонн, погрузил на них четыре тысячи латников, десять тысяч лучников и пять или шесть тысяч валлийских копейщиков и отплыл к берегам Франции. 12 июля он высадился в Сен-Вааст-де-ла-Хог, немного восточнее Шербура, рассеял французские войска, которые были размещены для противодействия ему, и успешно совершил высадку. После путешествия было отведено шесть дней на то, чтобы набрать людей и лошадей, а затем армия двинулась на восток, к Сене, оставляя за собой широкую полосу руин и запустения, и продвинулась вверх по левому берегу реки. Король Франции Филипп тем временем собрал армию в Руане, откуда двинулся

параллельно англичанам вдоль правого берега Сены, переправился через нее у Парижа и был готов обрушиться на Эдуарда, если тот двинется на юг, к Гиенне. Но планы Эдуарда были самыми расплывчатыми; его отвлекающий маневр уже освободил Дерби, и теперь он переправился через Сену у Пуасси и двинулся на север, как будто во Фландрию. Филипп, как только разгадал его намерения, тоже поспешил на север, обогнал англичан, переправился через Сомму у Амьена, отдал приказ занять все мосты и брод, по которым англичане могли перейти реку, а затем, перейдя ее, двинулся прямо на правый фланг Эдуарда.

Положение англичан стало теперь наиболее критическим, поскольку они не могли переправиться через Сомму и были практически зажаты между рекой и морем. Придя в себя, Эдвард осмотрел своих пленников и от них узнал о броде Бланш-Таш в приливных водах примерно в восьми милях ниже Аббевиля. Соответственно, он двинулся туда и, переждав часть ночи в ожидании отлива, форсировал проход перед лицом французского отряда, который был размещен для его охраны, и, послав шестерых офицеров выбрать для него подходящую позицию, продолжил свой путь на север через лес Креси. Утром 26 августа он пересек реку Майе и там, развернув свой фронт с севера на юго-восток, развернулся и встал в стойку.

26августа.

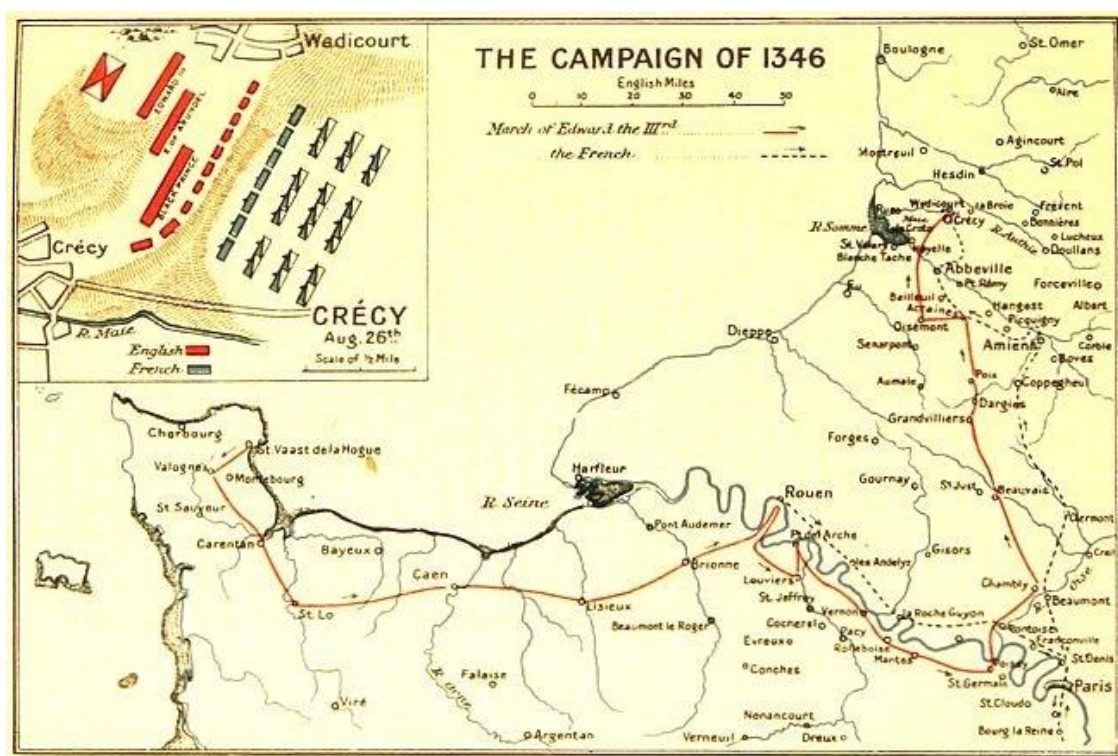
Позиция была выбрана удачно. Армия заняла невысокую полосу высот, лежащую между деревнями Креси и Вадикур, левый фланг упирался в лес, правый - в реку Майе. Эдвард приказал всем спешиться и припарковал лошадей и багажные повозки в укрепленном лагере лиги[23] сзади. Армия была слишком слаба, чтобы охватить всю линию позиции, поэтому лучники были выдвинуты вперед и растянуты множеством батальонов по фронту, а при поддержке валлийских копейщиков. Позади них эшелонированными стояли три основные дивизии армии; впереди и правее авангард из тысячи двухсот латников под командованием Черного принца, рядом с ним сражалось еще столько же под командованием графа Арундела, а за ним, прикрывая крайний левый фланг, арьергард, состоящий из полутора тысяч латников и шести тысяч смешанных лучников и пехоты под командованием короля. Поскольку страна была богата провизией, Эдуард приказал каждому мужчине плотно поесть, прежде чем занять свое место, ибо он знал, что англичанин лучше всего сражается, когда он сыт. Когда войско было выстроено по порядку, он объехал всю армию, чтобы подбодрить ее; а затем люди легли, лучники положили шлемы и луки на землю перед собой и ждали, когда подойдут французы.

Филипп тем временем утром 26-го переправился через Сомму у Аббевиля и повернул на восток в надежде отрезать англичан. Обнаружив, что опоздал, он предпринял контрмарш и повернул на север, одновременно отправив передовых офицеров на разведку. День был далеко за полдень, и французы были утомлены долгим беспорядочным маршем, когда эти офицеры вернулись с разведанными об англичанах. Филипп приказал остановиться, но недисциплинированность и неразбериха были таковы, что приказ не мог быть выполнен. Самая благородная кровь Франции во всей своей гордости мчалась вперед, чтобы покончить с презренными англичанами, а масса грубой пехоты ждала, чтобы разделить бойню и добычу. Так они брели дальше, пока не увидели англичан, спокойно расположившихся в боевом порядке; и тут все благие намерения испарились, и Филипп отдал приказ атаковать.

Было уже почти пять часов, и небо затянули черные тучи, которые вскоре разразились ужасающей грозой. Английские лучники сняли тетивы с луков, чтобы сохранить их сухими, и ждали; в то время как шесть тысяч генуэзских арбалетчиков, измученных долгим маршем,

промокших и измученных дождем, который бил им в лица, сознавая, что они почти обезоружены промокшими тетивами, устало брели на свои позиции вдоль французского фронта. Их лидеры жаловались, что с ними обошлись несправедливо. "Кому какое дело до вашего сброда?" - ответил граф Алансонский. "Они всего лишь бесполезные болтуны, от которых больше неприятностей, чем помощи". Итак, арбалетчики угрюмо заняли свои позиции, а остальная французская армия, от двенадцати до двадцати тысяч латников и около пятнадцати тысяч пехотинцев, выстроилась в три мощные шеренги позади них. Огромная стая воронов пролетела над противоборствующими рядами, громко каркая над обещанным пиршеством мертвецов.

Затем буря унеслась вглубь Франции, и солнце, низко опустившееся на западе, вспыхнуло во всем своем великолепии прямо на лицах французов. Генуэзцы двинулись вперед и издали громкий крик, трижды повторенный, чтобы вселить ужас в англичан: лучники напротив них стояли массивные и безмолвные. Громкий выстрел двух или трех пушек, немногим более опасный, чем крики генуэзцев, был единственным ответом; а затем лучники выступили вперед и натянули луки. Тщетно пытались генуэзцы ответить; они были ошеломлены потоком стрел; они отпрянули назад, перерезали тетивы своих луков и обратились бы в бегство, если бы не линия французских конных воинов, которая была выстроена у них в тылу, чтобы остановить их. Гордое рыцарство Франции нетерпеливо топталось позади них, и Филипп больше не хотел ждать. "Убейте мне этих негодяев", - жестоко приказал он; и первая шеренга латников с грохотом ринулась вперед, подмяла под себя несчастного генуэзца и двинулась дальше, оказавшись в пределах досягаемости стрел. И затем последовала ужасная сцена. Огромные жеребцы, обезумев от боли от острых зазубренных стрел, потеряли всякий контроль. Они взбрыкивали, они вставали на дыбы, они сворачивали, они ныряли, нанося ужасные удары, в то время как задняя часть плотной колонны, увлекаемая вперед собственной инерцией, хлынула на вершину передовой и превратила всех в беспомощную задыхающуюся массу. И все же град безжалостных стрел быстро, как снег, падал на самые плотные ряды; и вся боевая линия французов превратилась в беспорядочную мешанину дерущихся животных, искалеченных арбалетчиков и павших кавалеристов, искалеченных тяжестью своих доспехов, легкую добычу для длинных, острых ножей валлийцев.

Лицом к лицу со страницей 36

КАМПАНИЯ 1346 ГОДА.

Тем не менее нескольким французским латникам удалось прорваться сквозь ряды лучников. Слепого короля Богемии вели два верных рыцаря через центр, Алансонец обошел их с одного фланга, граф Фландрии - с другого, и все они обрушились на батальон Черного принца. Наибольшая опасность была на левом фланге, но граф Арундел двинулся на подмогу ему во второй линии эшелона, и англичане выстояли. Затем двинулась вторая линия французов, прорвалась сквозь лучников, не без больших потерь, и также обрушилась на английских латников. Принц Уэльский был свергнут и спасся только благодаря преданности своего знаменосца, но батальон продолжал сражаться. Вероятно, в это время Арундел отправил гонца к королю за подкреплением. "Мой сын мертв или ранен?" он спросил. - Нет, сир, но он тяжело ранен. - Тогда возвращайся к тем, кто послал тебя, и попроси их больше не посылать мне подобных сообщений, пока мой сын жив; скажи им, чтобы они позволили мальчику выиграть свои шпоры. Сообщение было передано обратно в батальон, и латники продолжали стойко сражаться, как всегда. Лучники, похоже, тоже сплотились и сомкнулись на фланге и тыле атакующих французов. Знамя Алансона все еще можно было разглядеть, развевающееся за живой изгородью лучников, и Филипп, стремясь бросить в бой свою третью и последнюю линию, действительно приблизился на расстояние полета стрел. Но мощь лучников все еще не ослабевала, земля была завалена мертвецами и лошадьми, а свет быстро угасал. Он уступил мольбам своих сторонников и уехал с поля боя; и первая великая битва англичан была выиграна.

Когда наступило утро, местность была полна разбежавшихся французов, которые из-за внезапной смены направления наступления потеряли всякое представление о своем пути отступления; те немногие, что сохранили какое-то подобие организованных отрядов, были

атакованы и разбиты. Никогда победа не была более полной. Французы оставили на поле боя одиннадцать знатных лордов, восемьдесят три знаменосца, более тысячи двухсот рыцарей и несколько тысяч простых солдат мертвыми. Это был удачный исход безрассудной и плохо спланированной кампании. Принято приписывать всю заслугу в победе лучникам, но это несправедливо. Как бы великолепно они ни сражались, они были бы разбиты без латников, точно так же, как латники были бы разбиты без лучников. Оба выполняли свой долг без зависти или ревности, и в этом заключался секрет их успеха.

1355.

1356.

Июль.

28 августа.

Последовали осада и взятие Кале, а затем при посредничестве папы был заключен мир, который на некоторое время сохранился. Однако мелкие военные действия в Бретани никогда не прекращались, и, наконец, в 1355 году война вспыхнула с новой силой. Были снаряжены три армии— одна из тысячи латников под командованием Черного принца для операций в Гиене, вторая под командованием графа Дерби для действий в Бретани и третья под личным командованием короля. Однако в кампании 1355 года мало что было достигнуто. Король был отозван в Англию вторжением шотландцев, а операции 1356 года в Бретани были остановлены появлением французского короля с превосходящими силами. Но в конце июля Черный принц внезапно предпринял дикий набег от Дордони на юге до Луары. Его целью, по-видимому, было соединение с силами Дерби в Орлеане; но трудно понять, как он мог надеяться на успех. Он добрался до Вьерзона на реке Шер, когда услышал, что король Франции направляется ему навстречу с превосходящими силами. Не имея возможности отступить по стране, которую он опустошил своим наступлением, он резко повернул на запад вниз по реке Шер и ударил по Луаре у Тура. Там он остановился на четыре дня, по какой причине, трудно объяснить, поскольку задержка позволила французам переправиться через Луару и серьезно угрожать его отступлению.

Теперь принцу ничего не оставалось, как со всей поспешностью отступить на юг. Французы шли по его следу и преследовали его так близко, что он сильно затруднялся из-за нехватки припасов. 14 сентября англичане были в Шательеро, а французы - в Ла-Хее, на расстоянии немногим более десяти миль друг от друга, а 15 сентября французы совершили форсированный марш, который привел их довольно южнее принца и между ним и его базой в Бордо. Однако все контакты были потеряны, и французский король, убедившись, что принц имеет виды на Пуатье, повернул на запад и двинулся прямо на город. 17-го, во время полного марша, его арьергард был внезапно застигнут врасплох передовыми отрядами принца. Как и в ходе маневров после Альмы, каждая армия совершала фланговый марш, совершенно бессознательно, в присутствии другой. Французский арьергард преследовал разведывательный отряд до основных сил англичан и после ожесточенного боя был отброшен с большими потерями. Французская армия фактически пересекла линию отступления Черного принца и снова оставила ее открытой для него.

18 сентября.

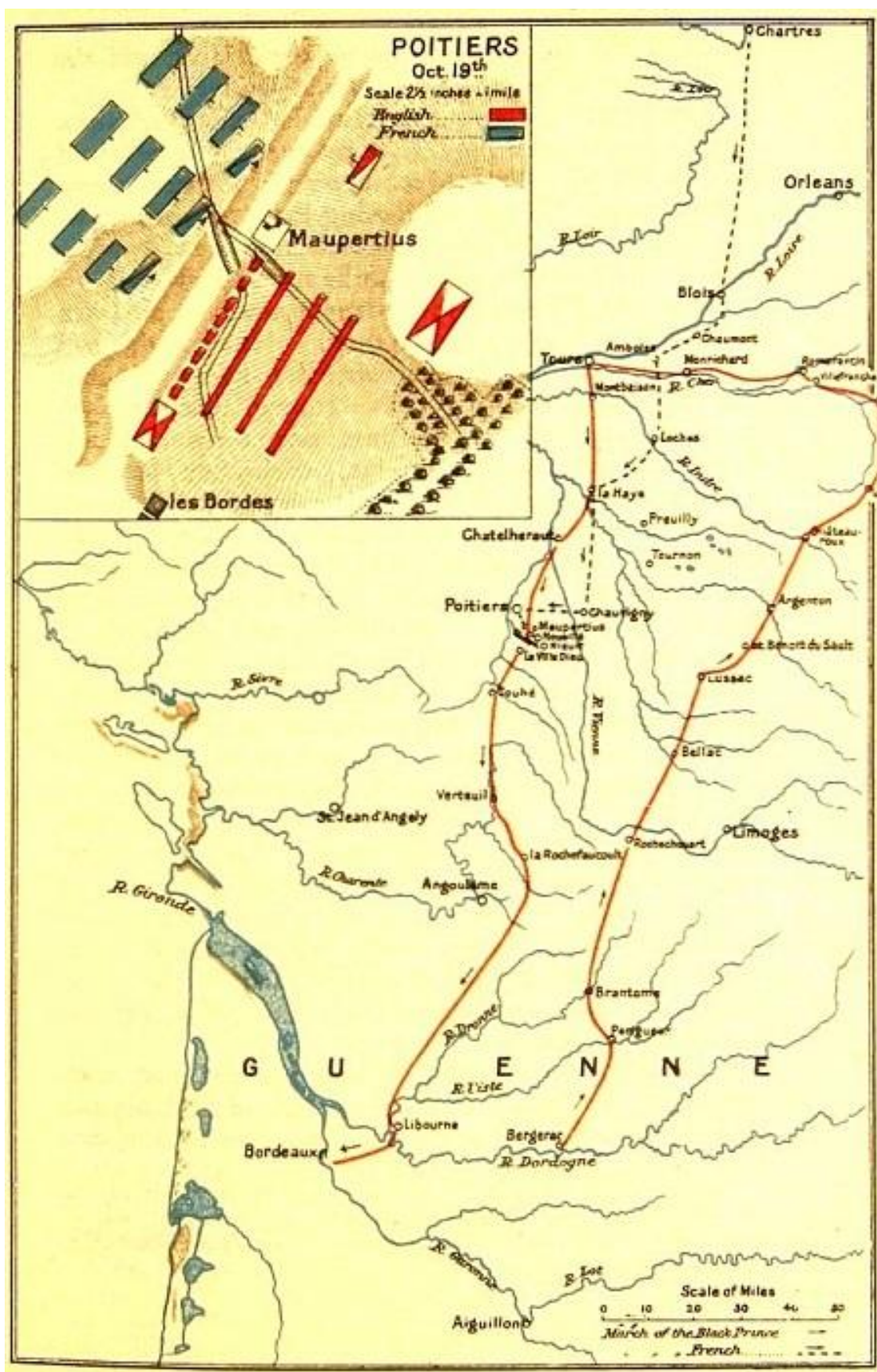
Эдуард, не теряя времени, занялся поисками подходящей позиции и вскоре нашел ее в Мопертюи, примерно в пятнадцати милях к юго-западу от Пуатье. Там, к северу от реки Миоссон,

раскинулась равнина, изрезанная глубокими оврагами, сбегаящими к этому потоку; и за одним из них он занял позицию лицом к северо-востоку. Склоны оврага были засажены виноградниками и перегорожены густыми живыми изгородями, так что кавалерия не могла пересечь его иначе, как по тропе, достаточно широкой для четырех всадников в ряд; и эти естественные преимущества принц улучшил, заделав все слабые места в изгородях и выкопав окопы. Одно незащищенное место на своем левом фланге он укрепил с помощью нескольких фургонов, а также лопаты. Затем он приказал своим лучникам выстроиться вдоль изгороди, которая перекрывала проход через овраг, и выстроил своих латников, все они спешили, в три шеренги позади него. Первую линию он отдал графам Уорикским и Саффолкским, крайнюю - графу Солсбери, а центр оставил за собой. Все его силы, усиленные контингентом гасконцев, не превышали шести или семи тысяч человек, половина из которых были лучниками.

Так прошел день 18 сентября на английской стороне. Французы, со своей стороны, вместо того, чтобы преградить им путь к отступлению на юг и истощить их голодом, просто отошли от Пуатье на расстояние одной лиги от английских позиций и остановились на ночь. Их силы составляли шестьдесят тысяч человек, и они вполне могли чувствовать себя уверенно в исходе сражения. Действительно, когда Черный принц, полностью осознавая отчаянную опасность своего положения, вел переговоры об эвакуации из страны, они выдвинули такие условия, что он с честью не мог их принять. Поэтому они разведали позицию англичан и наметили свои планы на завтра. Триста отборных латников при поддержке колонны немецких, итальянских и испанских рыцарей должны были спуститься по ущелью на лучников, рассеять их и атаковать английских латников с другой стороны. Три линии, каждая из трех крупных батальонов, насчитывающих от трех до четырех тысяч латников, с копьями, укороченными до длины пяти футов, должны были следовать за ними пешком, и англичане должны были быть сокрушены их собственной тактикой.

19 сентября.

Неудивительно, что той ночью сердце Черного принца дрогнуло. Он решил, пока это возможно, расположить Миоссон между собой и французами, и на рассвете начал отступление, оставив, однако, арьергард на позиции у Мопертюи на случай, если отступление окажется невозможным.^[24] Он также послал двух рыцарей наблюдать за французской армией, которые, однако, подошли к ней слишком близко и были схвачены. Его первая линия уже пересекла Миоссон, когда до него дошли сведения, что французы продвинулись вперед и что арьергард вступил в бой. Он немедленно приказал авангарду возвращаться, а сам поспешил обратно со своим подразделением, без промедления отправив триста всадников и столько же конных лучников для усиления своего правого фланга. Французы тем временем двинулись вперед, весело распевая "песнь о Роланде", и обнаружили, что путь им преграждают живые изгороди и виноградники ущелья. Не дрогнув, они нырнули на узкую тропинку, и тогда английские лучники за изгородью открыли с близкого расстояния серию ужасающих разрушительных залпов. Передний из всадников упал ничком, задние беспорядочно налетели на них сверху, и проход был перекрыт вздымающейся, беспомощной толпой, на которую стрелы со свистом падали вечным безжалостным дождем. Вспомогательная колонна иностранной кавалерии не могла действовать в этой неразберихе; она уже находилась под огнем лучников, и прежде чем она смогла двинуться, английские всадники на правом фланге обрушились на ее левый фланг и убили или взяли в плен всех до единого.

КАМПАНИЯ 1356 ГОДА.

И теперь раненные французские лошади, обезумевшие от боли и ужаса, многие без всадников и неуправляемые, бросились обратно на первую линию спешившихся французских латников. Это была атака обезумевших животных, самая страшная из всех атак, и огромный батальон пришел перед ней в замешательство. Эдуард внимательно наблюдал за битвой со своей позиции; он уже приказал своим латникам садиться на коней, и теперь сэр Джон Чандос, чье имя всегда должно быть связано с именем Эдуарда, как имя Коллингвуда с Нельсоном, громко воскликнул: "Вперед, сир, вперед, и этот день за вами!" - Да, Джон, - ответил принц, возможно, подумав об утреннем отступлении, - сегодня пути назад нет. Вперед, знамя, во имя Бога и Святого Георгия! Предварительная атака всадников справа уже расчистила им путь. Английская кавалерия в спешке спустилась в ущелье справа и обрушилась на французских латников. Передовые и центральные дивизии, и без того сильно потрепанные, были легко разбиты и рассеяны; третья и самая сильная все еще оставалась, и против нее, которая отчаянно сопротивлялась, были брошены все силы англичан. Урок Фолкерка был запомнен. Конные лучники проделали бреши, и в них въехали латники. Раскол был разбит, король попал в плен, а масса беглецов, направлявшихся в Пуатье, обнаружила, что ворота перед ними закрыты, и была перерезана сотнями. Бой начался в шесть утра и продолжался до позднего вечера. Потери французов были огромными. Помимо короля и многих знатных вельмож, две тысячи латников были взяты в плен, и еще две тысячи пятьсот человек остались мертвыми на поле боя; количество несчастных пехотинцев, которые были убиты, невозможно назвать. Потери англичан исчисляются по-разному, по сообщениям, от половины до шестидесяти четырех человек. Это сражение, из-за неравенства сил двух сторон, должно навсегда остаться памятным в анналах войны. Англичанам, которые лишь недавно показались на горизонте как военная держава, это придало престиж, который никогда не был утрачен.

1360.

1364,

16 мая.

Бретиньянский мирный договор положил конец войне, и английская армия была распущена. Но солдаты, как и десять тысяч греков, вернувшихся из Кунаксы, были слишком глубоко привязаны к своей профессии, чтобы отказаться от нее ради скуки мирного времени. Поэтому они образовали независимые организации, или Свободные компании, и в течение многих лет были бичом Франции, своей палатой, как они ее называли, которую они грабили и опустошали в свое удовольствие. Величайшим из их вождей был Джон Хоквуд, о котором сейчас следует сказать нечто большее, но эти банды, в меньшем или большем количестве, постоянно сражались по найму против французов. Таким образом, триста из них сражались за короля Наварры против короля Франции при Кошереле. Численность сражавшихся составляла немногим более полутора тысяч человек с каждой стороны, но эти действия интересны тем, что демонстрируют усилия французов противостоять своеобразной тактике англичан. Чтобы больше не иметь проблем с непослушными лошадьми, французские латники спешили и сражались пешими, и теперь впервые лучники оказались в меньшинстве. Доспехи французов были настолько хороши, что переворачивали стрелы суконщиков; и, имея небольшое численное превосходство, французские латники вытеснили своего врага с поля боя. Это был лишь незначительный успех,

но поражение даже небольшого отряда англичан было такой редкостью в те дни, что вселяло во французов большие надежды на будущее, надежды, которым вскоре предстояло рухнуть дотла.

1365.

29 сентября.

В следующем году ссора по поводу наследования герцогства Бретань между Карлом Блуа и Джоном де Монфором снова вывела англичан на поле боя. Французский король Карл Пятый направил помощь в поддержку первого, после чего Иоанн Монфор немедленно обратился к англичанам. Джон Чандос и еще несколько человек из французского гарнизона, жаждущие новых сражений со своими старыми врагами, попросили разрешения присоединиться к Монфору в качестве добровольцев. "Можете идти, все в порядке", - ответил Черный принц. - Поскольку французы нападают на Карла Блуа, я разрешаю вам это сделать. Англичане, как добровольцы, так и наемники, соответственно поспешили к месту боевых действий; и при Оре они приняли участие в сражении, которое решило исход кампании. Численность участвовавших в нем не превышала четырех тысяч человек в обеих армиях. Обе стороны спешились, и французские латники, отбросив копья как непригодные для пешего боя, вооружились боевыми топорами, так что бой обещал быть упорным. Английские лучники, как обычно, вступили в бой, но, как и при Кошереле, их стрелы не смогли пробить доспехи французов; после чего они с большой осторожностью побросали свои луки и, смело подойдя к французским латникам, вырвали у них из рук топоры и со страшным эффектом обрушили оружие на их изумленных владельцев. Весь этот процесс представляет собой настолько хороший пример бездумной, тупоголовой храбрости английского солдата, что можно только удивляться тому, что битва при Оре была практически неизвестна англичанам. Чрезвычайно нелепая картина, которую можно вызвать в воображении из серии разрозненных схваток между мускулистыми активными англичанами в камзолах и рейтузах и несчастными французами, чопорно одетыми в кольчуги, тяжелое дыхание, шатание и дребезжание, мучительные проклятия из-за забрала и громкий смех на честном английском лице — только это должно было спасти его от забвения. Английские латники быстро пришли на помощь лучникам, и после долгого и отчаянного сражения, поскольку французами командовал благородный и доблестный Бертран дю Геклен, англичане вытеснили своего врага с поля боя и, как обычно, завершили преследование верхом. Не было никаких сомнений в превосходстве стрельбы из лука или преимуществе позиции, хотя Чандос действительно виртуозно управлялся со своим резервом, но это был просто вопрос того, что герцог Веллингтон называл работой дубинкой; и в этом тоже англичане показали себя лучшими людьми.

1366.

К этому времени притеснение Свободных отрядов стало настолько невыносимым, что, чтобы избавить от них страну, Карл Пятый приказал Бертрану дю Геклену взять определенное количество из них на службу и отправиться с ними сражаться на стороне бастарда Генриха Трастамарского против Педро Жестокого Кастильского. Мимоходом мы должны отметить, что было бы ошибкой рассматривать эти роты как состоящие просто из негодяев; напротив, они, по-видимому, состояли в основном из класса оруженосцев, в то время как среди лучников служили бедные дворяне. Войдя в Испанию, они взяли с собой белый крест, древнеанглийский цвет крестовых походов, в качестве своего отличительного знака, и, по-видимому, были первыми английскими войсками, которые ввели этот заменитель униформы. Кроме того, они называли

себя White Company и были в этом отношении предшественниками the Buffs и Blues. При дю Геклене они мало чем приносили пользы и вскоре были уволены, как раз вовремя, чтобы быть вновь зачисленными в число двенадцати тысяч Черным принцем, который, опасаясь союза Франции с Испанией, готовил экспедицию для спасения Петра Жестокého. Вассалы Аквитании и Гаскони также были призваны под знамена принца, подкрепление под командованием герцога Ланкастера было отправлено из Англии в Бретань, откуда оно двинулось по суше на юг, и к декабрю 1366 года тридцать тысяч конных войск были сосредоточены на границе Наварры. По общему согласию, это была лучшая армия, которую когда-либо видели в Европе; настолько быстрым был рост военной эффективности в Англии при двух великих Эдвардах. Она была организована в обычные три дивизии, авангардом которых командовал герцог Ланкастерский во главе с сэром Джоном Чандосом. Сражением командовал сам принц, а арьергардом командовал гасконский дворянин и знаменитый солдат Каптал де Бюш. Каждый мужчина носил красный крест Святого Георгия на белом плаще и на щите - значок, который отныне стал отличительной чертой английского солдата на два столетия. Стоит отметить, что испанцы носили шарф - моде, которой уже два поколения назад было суждено продержаться в нашей великой гражданской войне и сохраниться в виде пояса до наших дней.

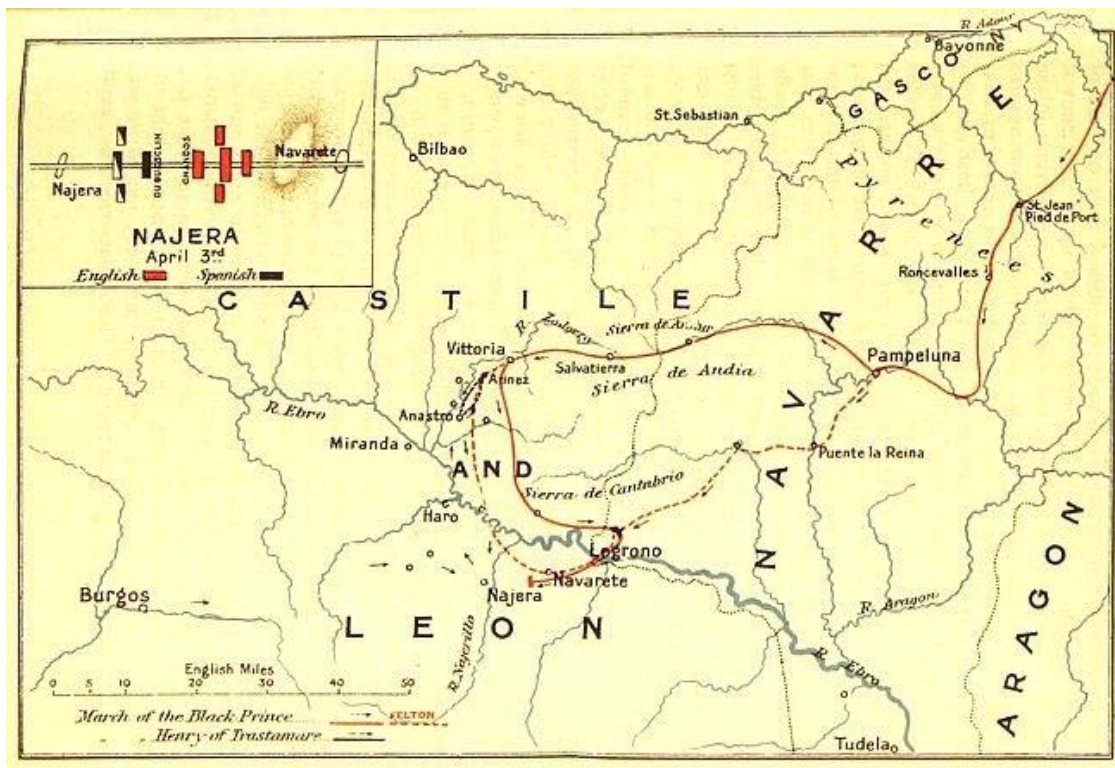
1367.

В понедельник, 22 февраля 1367 года, первая дивизия пересекла Пиренеи у перевала Ронсеваль. За ним последовали два следующих дня, и все силы воссоединились в Пампелуне. Теперь перед принцем были открыты два направления операций, оба из которых вели к его цели, Бургосу; одно - через Витторию и Миранду на Эбро, другое - через Пуэнте-ла-Рейна и Логроньо. Он выбрал первое, по той же линии, которой следовал в противоположном направлении Веллингтон в погоне за разбитыми французами, и послал лишь небольшой отряд добровольцев под командованием сэра Томаса Фелтона по второму маршруту. Этот отряд Фелтона заслуживает упоминания как первый отряд английской иррегулярной кавалерии под командованием безрассудного и отважного офицера. Ни один подвиг не был для них слишком безрассудным, и они сослужили отличную службу, поскольку были первыми, кто установил контакт с испанской армией при Наварете, и, добившись этого, они сохранили его, превосходно информируя принца о передвижениях врага. Генрих Трастамарский, узнав о продвижении англичан, переправился через Эбро и двинулся на Витторию, но, обнаружив, что Черный принц заранее был с ним, отступил к Миранде. Добровольцы Фелтона так настойчиво и дерзко поддерживали его во время этого отступления, что испанцы, наконец, потеряли терпение и атаковали их превосходящими силами. Англичане, всего лишь сотня человек, были слишком горды, чтобы отступить, но твердо стояли на холме Аринез, том самом месте, где Пиктон разбил французский центр в битве 21 июня 1813 года, и были убиты все до единого. Затем Генрих переправился через Эбро на свою первую позицию в Наварете; Черный принц переправился через ту же реку в Логроньо, и 3 апреля два войска встретились лицом к лицу на равнине между Наварете и Наджерой.

3 апреля.

Нелегко определить силы, задействованные с каждой стороны, но несомненно, что Черный принц, располагавший примерно десятью тысячами латников и таким же количеством лучников, превосходил их численно и очень определенно по качеству своих войск. Тем не менее, отряд испытывал большие трудности, и люди были индивидуально ослаблены из-за

нехватки продовольствия. Испанская армия была разделена на четыре дивизии. Первый из них, состоявший из спешившихся рыцарей, был передан под командование Бертрана дю Геклена и образовал первую линию. Оставшиеся три образовывали вторую линию; самая большая из них, состоящая из конных воинов и сброда грубой пехоты, была выстроена в арьергарде авангарда, в то время как две другие, составленные в основном из легкой кавалерии, скопированной с мавританского образца, были выстроены по обоим флангам немного впереди второй и в тылу первой линии. Расположение армии Черного принца было аналогичным, но более массированным; первым шел авангард под командованием Джона Чандоса, затем вторая линия с двумя фланговыми дивизиями, слегка выдвинутыми вперед, как в испанской армии, и, наконец, третья линия в резерве. Каждый человек в английском войске был спешен. Поле битвы представляло собой ровную равнину; и зрелище двух армий, наступающих друг на друга, доспехов и вымпелов, сверкающих в лучах утреннего солнца, было, по словам Фруассара, необычайно красивым.

Лицом к лицу со страницей 46

КАМПАНИЯ 1367 ГОДА.

Английские лучники, как обычно, открыли бой, а затем подразделения Чандоса и дю Геклена, двух самых доблестных и галантных солдат своего времени, встретились в полном шоке. Несмотря на яростное сопротивление, англичане, ослабленные лишениями, на мгновение были отброшены назад. Чандос был свергнут и едва не расстался с жизнью. Но тем временем английские лучники из фланговых дивизий оттеснили стоявшую перед ними легкую кавалерию и теперь, развернувшись внутрь, окружили преданный отряд дю Геклена с обоих флангов. Бастард Генрих доблестно пытался спасти положение второй линией, но Черный принц выставил не только вторую линию, но и третью, и битва вскоре закончилась. Затем английские латники бросились, как и при Пуатье, к своим лошадям, и поражение превратилось в бегство.

Стремительный поток, через который был перекинут всего один мост, преградил беглецам путь к отступлению; узкий проход был забит напором бегущих, и тысячи были взяты в плен или убиты.

Это сражение знаменует собой зенит ранней военной мощи Англии. Но кампания, в конце концов, провалилась. Недобросовестность Педро Жестокго вынудила Черного принца обложить Гасконь высокими налогами на военные расходы; провинция обратилась к королю Франции, и принца вызвали на суд к его пэрам в Париж как мятежного вассала. Получив сообщение, он зловеще покачал головой. "Мы пойдем, - сказал он, - но со шлемом на голове и шестьюдесятью тысячами человек за спиной". Война с Францией вспыхнула снова, и вскоре по всей стране начались мелкие операции; но теперь дворянин за дворянином в Аквитании и Гаскони отказывались от своей верности и переходили на сторону французов. Катастрофа следовала одна за другой. Граф Пембрук, новый командующий, пренебрегший помощью ветерана Чандоса, потерпел поражение, а сам Чандос, наступавший ему на помощь, был убит в стычке, к горю как друзей, так и врагов. Принц, уже измученный смертельной болезнью, в ярости обрушился на восставший город Лимож, осадил его, взял и приказал предать мечу каждую душу в нем. Три тысячи мужчин, женщин и детей были убиты, крича: "Пощады, пощады!" но суровый человек, слишком больной, чтобы ехать верхом, невозмутимо наблюдал за происходящим со своих носилок, пока при виде трех французских рыцарей, доблестно сражающихся с превосходящими силами противника, его сердце не смягчилось, и он не отдал приказ прекратить резню.

Несколько недель спустя его маленький сын, которому было всего шесть лет, мальчик, на которого великий воин расточал все, что было нежного в его натуре, скорострительно скончался в Бордо. Этот удар усугубил болезнь принца, и врачи отправили его в Англию в слабой надежде, что дома ему станет лучше. Он вернулся, спрятался в строгом уединении в своем доме в Беркхэмпстеде и стал ждать конца. Тем временем дела во Франции шли все хуже и хуже. Крупное морское поражение под Рошелью стоило Англии господства на море, и с потерей моря были потеряны также Гиенна и Гасконь. Экспедиция под командованием Джона Гонта высадилась в Кале и действительно двинулась маршем к Бордо, но по дороге потеряла четыре пятых своей численности из-за болезней. К 1374 году английские владения во Франции сократились до Кале, Бордо и Байонны; так быстро закончилась победа с отводом руки хозяина.

1376.

Наконец, в 1376 году принц прибыл в Вестминстер, чтобы присутствовать, даже лежа на постели больного, на заседаниях парламента. Это была его последняя попытка. Два месяца спустя, 8 июня, он вызвал своих верных товарищей к себе в комнату, чтобы попрощаться с ними, и, когда они проходили мимо, он поблагодарил их за хорошую службу и попросил прощения за то, что не смог вознаградить их так, как хотел. Тогда он умолял их быть верными его сыну, как они были верны ему самому, и они поклялись в этом, рыдая, как женщины, от всего сердца. Конец наступил со вспышкой властного солдатского духа. Заметив, что рыцарь, оскорбивший его, вошел вместе с остальными, принц немедленно приказал ему убираться и больше не видеть его лица; и тогда благородное сердце дрогнуло, и с последним восклицанием о том, что он прощает всех людей так, как надеется, что его простят, Черный принц, надежда, гордость и сокровище Англии, откинулся назад и умер. Два месяца спустя он был похоронен с военной pompой в Кентерберийском соборе; и над его могилой висели и висят до сих пор его шлем, плащ, латные перчатки, герб, щит и меч,^[25] настоящее оружие, которое носил первый великий английский

солдат.[26] Он был великим солдатом и великим командиром. Он мог быть суровым и безжалостным, но то были суровые и безжалостные времена, и человек, последние мысли которого были о своих товарищах по оружию, был вождем, который мог привязать людей к себе, и лидером, за которым они следовали бы до самой смерти. Люди больше не молятся за его душу в часовне, которую он основал в крипте собора; но утром и вечером звук трубы, призывающий английских солдат к работе и отпускающий их отдыхать, доносится из казарм снаружи и слабо проникает в тишину святилища - подходящий реквием по великому воину, который, ожидая более громкого звука трубы, мирно спит в тени своего щита.

Авторитетные источники.—Главным авторитетом того периода, конечно, является Фруассар, чей рассказ был освещен Келером с его обычной тщательностью и стараниями с помощью второстепенных источников. Смотрите его том ii. стр. 385-523, и, в частности, список авторитетных источников на стр. 385 и 417.

ГЛАВА IV

1382.

Труды Черного принца жили и после него. Не то чтобы мы должны искать их немедленно в Англии, где мы вступаем в период сорокалетнего внутреннего раскола и гражданской войны. Мы действительно находим, что Ричард Второй при своем вторжении в Шотландию в 1385 году перенял для своей армии организацию, которой научил его отец в Наваррете; но мы не обнаруживаем никаких следов военного прогресса. Гораздо более поучительно взглянуть на европейский континент и понаблюдать за распространением там английских военных идей. Уже было видно, что французы, не осмеливаясь встретиться с английскими лучниками верхом, переняли английскую систему спешивания перед боем; и интересно отметить, что та же мода распространилась в Германии и Италии, неуклонно стремясь свергнуть господство кавалерии, закрепленное феодальной системой, и произвести революцию в военном искусстве. Однако ни одна из наций, по-видимому, не постигла сути английской тактики, сочетания наступательных и оборонительных элементов в пехоте. Французы действительно, при короле Карле Шестом, стремились воспитать лучников, и с большим успехом, поскольку они стали настолько боееспособными, что их считали угрозой для знати, и вскоре они были фактически изгнаны из жизни. Возможно, самым ярким примером неправильного применения английской системы является поведение австрийского командующего при Семпахе, который, спешившись со своих рыцарей, намеренно отдал все преимущества швейцарцам и таким образом помог этой нации продвинуться вперед по пути превращения своей пехоты в образец европейского; очень важный факт в истории военного искусства.

Но самыми верными последователями Черного принца были Английские Свободные отряды, от которых в Англию, да и в Европу, перешло наследие замечательного рода. Эти компании были военными обществами, созданными во многом по образцу древних торговых гильдий, и имели такое же полное право на это название, как и они сами. Определенное количество авантюристов вложило столько-то денег в создание обученного отряда воинов и заняло в нем

более высокую или более низкую командную должность вместе с большей или меньшей долей прибыли, в зависимости от доли их предприятия. Если какой-либо человек желал реализовать свой капитал, он мог продать его при условии, что ему удавалось найти покупателя; если какой-либо один партнер казался остальным нежелательным, они выкупали его и брали другого. Так выросло то, что было известно как система покупок. Злоупотребление этими компаниями своей монополией через некоторое время вынудило правителей Европы давать своим подданным поручения набирать роты только для собственной службы; но даже при этом коммерческая база компании оставалась неизменной, будучи расширенной только тогда, когда пришло время для объединения рот в полки. Эти военные авантюристы научили народы новому военному искусству, и народы не могли не последовать их примеру.

1387.

1391.

Величайшим лидером свободных отрядов был англичанин, ученик Черного принца, но более великий, чем даже его учитель, Джон Хоквуд. Это правда, что он выполнял свою работу для иностранных государств и на чужой земле, но даже в этом случае его имя не должно быть вычеркнуто из истории британской армии. Рота, которой он командовал, почти поголовно английская, была ужасом Италии и не только самой грозной на поле боя, но и самой привлекательной на вид, ибо ее оружие было отполировано до блеска, как серебро. Хоуквуд, хотя и был наемником, прославился как единственный, кто никогда не нарушал веры, и как генерал он имел европейскую репутацию. Сражение, в котором он участвовал при Кастаньяро, когда, несмотря на большое численное превосходство, он намеренно разработал свои планы внезапного контрудара по примеру Пуатье, вызывает восхищение даже у современных генералов. Еще более примечательным является его некогда знаменитое отступление перед лицом превосходящих сил от Адды до Адидже, и, возможно, величайшей из всех была заключительная сцена этого отступления. Ибо, когда он стоял лагерем на равнинах у реки Адидже, враг прорвал плотины на реке и обрушил весь поток ее вод на его армию. Была ночь, и люди разбивали лагерь, усталые после тяжелого дневного перехода, когда на них обрушился потоп. Все было направлено на то, чтобы посеять панику, но хладнокровие и уверенность Хоквуда были равны опасности. Он приказал каждому всаднику посадить одного из пеших позади своего седла, а затем, встав во главе, провел их через десять миль по непроходимой водной пустоши глубиной не менее обхвата и вывел их исключительно благодаря своей проницательности, не то чтобы без потерь, но и без тяжелых потерь, к сухому руслу реки. Это было во время его последней предвыборной кампании, когда ему было за семьдесят; и Флоренция, государство, которому он долгое время верно служил, назначила ему пожизненную пенсию и памятник еще при его жизни. Он готовился вернуться в Англию, когда умрет, и король Ричард Второй умолял город Флоренцию о том, чтобы кости столь знаменитого воина были возвращены на его родину. Просьба была любезно удовлетворена гражданами, но место последнего упокоения Хоквуда сейчас неизвестно. Его памятник в кафедральном соборе Флоренции свидетельствует о том, что он был самым искусным генералом своего времени, вершиной военной славы, которой достиг только еще один англичанин, Джон, герцог Мальборо.

1385 год,

14 августа.

Следует кратко отметить еще одно действие, чтобы показать ценность английского военного мастерства. Во время вторжения короля Кастилии в Португалию в 1385 году к португальцам присоединился отряд из примерно пяти сотен английских авантюристов, чьи лидеры, по-видимому, руководили большинством операций. Именно под их руководством, наконец, состоялась решающая битва при Альжубаротте, которой португальцы до сих пор гордятся; и стоит отметить, что, не найдя под рукой выгодной позиции, они намеренно соорудили с помощью бойни имитацию позиции при Пуатье, сделав ее неприступной с фронта, за исключением узкого пролива, который намеренно оставили открытым и окаймили лучниками. Удивительно, что сражавшиеся с ними испанцы и французы бросились прямо в ловушку и, конечно, были полностью разбиты; после чего, в соответствии с прецедентом, португальцы предприняли контратаку и одержали полную победу.^[27] Всем этим, как говорит Фруассар, мы были обязаны совету англичан; и действительно, как бы мало мы ни осознавали этого, сомнительно, чтобы даже после Ватерлоо престиж английских солдат был выше, чем в конце четырнадцатого века.

Но в то время как английские военные доктрины, таким образом, распространялись по Европе, новые нововведения, которым было суждено сделать их устаревшими, уже быстро продвигались вперед. Артиллерия в руках немцев все больше и больше утрачивала свой громоздкий характер и приобретала новую форму мобильного и практичного оружия. Тяжелые бомбарды, которые нельзя было ни поднимать, ни переносить, до конца XIV века уступили место более легким ружьям меньшего калибра, закрепленным на конце деревянного древка и опирающимся на вилку или крюк, откуда они и получили свое название *Hakenbüchse*, слово, вскоре искаженное англичанами в *hackbut*, *hagbush* и, наконец, *harquebus*. Более позднее усовершенствование привело к оснащению ружей прикладом, подобным прикладу арбалета, который можно было поднимать к плечу, таким образом, ствол легче было подогнать к проушине. Шаг от этого к ручному пистолету, который мог использоваться в качестве индивидуального оружия одного человека, был всего лишь коротким, и вскоре его предстояло сделать. Но как традиции Веллингтона и полуострова предстояло еще раз испытать на Альме и Инкермане, прежде чем они окончательно погибнут, так и система двух великих Эдвардсов должна была возродиться через сорок лет после Наваррете при Азенкуре.

1415.

Нет необходимости останавливаться на претензиях, которые выдвигались для оправдания бессмысленной агрессии Генриха Пятого против Франции. Стремясь, подобно Фридриху Великому, к военной славе, он сделал свою волю истинной основой для своих действий, рассчитывая на дух народа, который никогда не испытывал сильного отвращения к войне с Францией. Военные устройства, введенные Эдвардсами, комиссии *array*,^[28] и система контрактов все еще находились в хорошем рабочем состоянии, в то время как дисциплина Черного принца, как и его боевой порядок, были стереотипизированы в письменном кодексе военных постановлений. Таким образом, вся старая техника была под рукой; и, возможно, самым примечательным изменением, произошедшим в английском военном мире, было удвоение жалованья лучникам с трех до шести пенсов в день. Парламент выделил королю крупную сумму денег, которая, однако, оказалась недостаточной, поскольку, что достаточно важно, ни один подрядчик не стал бы предоставлять свой контингент людей без гарантии возмещения своих расходов. Драгоценности короны были переданы в залог по всем направлениям, в Голландии и Англии были наняты корабли, моряки были впечатлены, были

наняты ремесленники всех профессий, от рудокопа до кузнеца, и 7 августа 1415 года армия погрузилась в Саутгемптон и прилегающих портах и отплыла к Сене. Весь флот насчитывал около тысячи четырнадцати сотен судов, а армия насчитывала тридцать тысяч человек, включая латников со своей свитой и лучников, как конных, так и пеших, все они были отмечены красным крестом Святого Георгия. Кроме того, там был большой эшелон новейшей и лучшей артиллерии, огромных орудий, называемых любимыми именами, такими как "Лондон" и "Королевская дочь", и все это под началом четырех немецких артиллерийских мастеров.

На второй день плавания флот бросил якорь перед Арфлером. День ушел на высадку, которой французы не препятствовали, и к 19 августа город был полностью окружен. Затем наступил месяц осады, в течение которого умирающее искусство странным образом смешивалось с тем, что только зарождалось; деревянные башни и причудливые машины, которые, возможно, использовались римлянами, действовали бок о бок с сапом, минами и противоминами и новейшими образцами германской артиллерии. Французы вели самую доблестную оборону, и дизентерия, вспыхнувшая в английском лагере, унесла жизни тысяч осаждающих; но в конце концов тяжелые орудия одержали верх. Гарнизон умолял об условиях, молясь, чтобы король заставил своих артиллеристов прекратить, "ибо огонь был для них невыносим". 22 сентября капитуляция была согласована, и Арфлер получил английский гарнизон. Это был первый город, который англичане взяли под пушечный огонь.

Но Генрих еще не был удовлетворен. Две трети его войск растаяли, погибшие или выведенные из строя, но он не собирался снова высаживаться в Арфлере. Он посвятил две недели ремонту оборонительных сооружений захваченного города, а затем, собрав провизию на восемь дней, двинулся маршем на север, к Кале, с армией, или, как мы теперь должны это называть, летучей колонной из девяти тысяч человек.

Тем временем французы, хотя и были дезорганизованы безумием своего короля Карла Шестого, пришли в движение и, собрав армию в шестьдесят тысяч человек, из них четырнадцать тысяч латников и несколько тысяч лучников и арбалетчиков, решили удержать линию Соммы и преградить Генриху переправу через реку. Идея Генриха, продиктованная, как и вся его кампания, прецедентом Эдуарда Третьего, состояла в том, чтобы переправиться через Сомму вброд у Бланш Таш. Теперь он узнал, что проход защищали французы в полном составе. Он сразу же повернул направо и, следуя вверх по левому берегу реки, тщетно пытался найти место для переправы. Все мосты были разрушены, а брод запружен. Было ясно, что он попал в ловушку даже более эффективную, чем его предшественник Эдвард.

Октябрь.

Восьмидневный запас провизии был израсходован, и положение англичан стало критическим. Отступать Генрих не хотел, форсировать Сомму он не мог. Он решил следовать вверх по реке до ее истоков и, добравшись до Несле, узнал от своего соотечественника о брое, доступ к которому лежал через болото. Две насыпи, служившие опорой над ним, были разрушены французами, но их быстро починили деревом, хворостом и соломой, пока они не стали достаточно широкими, чтобы пропустить трех всадников в ряд. Сам Генри был неутомим в работе. Он взял на себя личную ответственность за один конец коридоров и назначил специальных офицеров присматривать за другим. Багаж перевезли по одной дамбе, а людей - по второй. Таким образом, переход через болото и реку был завершен между восемью часами утра и за час до наступления сумерек октябрьского дня. Французы, стоявшие с боями у

Перонны, теперь по какой-то необъяснимой причине отступили на северо-запад, но, согласно обычаю, послали Генриху вызов, чтобы назначить время и место сражения. "Я направляюсь прямо в Кале по открытой местности", - ответил он. "Вам не составит труда найти меня". И он продолжил свое наступление.

У Перонны англичане атаковали линию французского марша и ожидали немедленного сражения. Отряд двигался в боевом порядке, каждый был вооружен и готов к бою, в то время как лучники по приказу Генриха несли кол одиннадцати футов длиной и заостренный с обоих концов, чтобы защитить его от кавалерии. К их удивлению, враг не появился; и вскоре Генрих смог рассредоточить свои силы по более широкому фронту, обладая таким преимуществом, как более легкое снабжение продовольствием и более достоверная информация о противнике. Англичане были сильно обеспокоены нехваткой хлеба: других припасов было в избытке, но зерно было абсолютно невозможно найти. Тем не менее дисциплина соблюдалась строжайшим образом, и порядок колонн, как можно судить по скорости марша, был достойным восхищения. Ограбление церквей или крестьян, малейшее нарушение правил на марше или в лагере, присутствие женщин в лагере - все преступления одинаково карались самым суровым образом. Один человек, которого Шекспир увековечил как Бардольфа, был уличен в краже пикса: его провели по армии как преступника и повесили. Даже французские писатели признают, что англичане обошлись с ними более милосердно, чем с их собственными соотечественниками. Сам король избегал всего, что могло показаться признаком малейшего уныния. Однажды ночью он пропустил место для лагеря, отведенное его дивизии, и занял место авангарда. "Боже упаси, чтобы я повернул назад в полном вооружении", - сказал он; и, продвинув авангард еще дальше вперед, он остановился на ночь там, где и стоял.

24 октября Генрих, стоявший во Фревенте на реке Каноп, получил донесение от своих разведчиков, что французы продвигаются из Сен-Поля и неизбежно должны опередить его. Он двинулся к Бланжи, переправился там через реку Тернуаз и, продвигаясь к Мезонселю, выстроил перед ним свою армию в боевом порядке. Вся французская армия была перед ним в Рюиссовиле, но с наступлением сумерек без атаки он отступил на ночь в Мезонсель и, сознавая свое отчаянное положение, начал переговоры с французами, предлагая вернуть Арфлер и возместить все потери, если ему позволят мирно покинуть Францию. Его попытки были отклонены, и его предупредили, что он будет сражаться завтра. В тот же вечер французы спустились на узкое плато между деревнями Трамекур и Азенкур и там, зажатые в пространстве, слишком узком для шестидесяти тысяч человек, остановились до утра менее чем в миле от английских позиций.

Ночь в двух лагерях прошла совершенно по-разному. Французы, несомненно, испытывавшие большие неудобства из-за тесноты своих жилищ, повсюду звали товарищей и слуг так же шумно, как стадо овец; в то время как некоторые, забыв урок Пуатье, играли на выкуп за пленных, которых им предстояло взять в завтрашнем сражении. Вокруг их знамен постоянно горели огромные костры, потому что дождь лил не переставая, и англичане могли видеть все, что происходило среди них. Они тоже начали кричать, как французы, пока король сурово не остановил их; и тогда в английском лагере воцарилась тишина, и людям, которым запретили забывать о своем положении в шуме собственных голосов, сели, чтобы встретиться с ним лицом к лицу во всей его суровой реальности. Их можно было бы извинить, если бы они испытывали какие-то опасения. Они преодолели более трехсот миль непрерывным маршем за семнадцать дней, часто в ежечасном ожидании боя; в течение четырех дней они не пробовали хлеба; и

теперь, после еще нескольких коротких часов ожидания под непрекращающимся стучащим дождем, им предстояло встретиться с войском, превосходящим их численностью в пять раз. к одному. Оружие и тетивы для луков были тщательно починены, и жрецам было мало покоя от множества людей, которые приходили к ним на расправу. Но в дисциплине этого молчания заключалось обещание успеха.

25 октября.

На рассвете следующего утра Генри был на ногах, в полном вооружении, но с непокрытой головой, верхом на сером пони. Вскоре он вывел армию из Мезонселля на свежевспаханное поле, которое было его любимой позицией, и приготовил его к сражению. Каждый человек спешился, а лошади и багаж были оставлены в тылу под охраной небольшой стражи. Но численность его армии была настолько мала, что следовать любимому строю Черного принца было невозможно. Авангард под командованием герцога Йоркского стал правым, битва под командованием короля - центром, а арьергард под командованием лорда Камойса - левым в единой линии, которая даже тогда насчитывала всего четыре человека в ряд. Это был первый пример английской линии против французской колонны. Генрих обратился к солдатам с короткой речью, напомнив им о деяниях их отцов, а затем все войско преклонило колени, трижды поцеловало землю и снова выпрямилось в своих рядах.

Между тем французы не подавали никаких признаков атаки. Их боевой порядок был определен много дней назад, но он плохо подходил для такой узкой позиции. Было очевидно, что только авангард мог вступить в бой, и недисциплинированность была такова, что каждый высокопоставленный человек желал командовать им. Наконец, все магнаты были поставлены в авангард, и его численность возросла примерно до семи тысяч латников, каждый из которых спешился. На каждом фланге находилось крыло из еще тысячи двухсот спешившихся людей, а на флангах снова два небольших отряда кавалерии, триста справа и восемьсот слева, которые должны были галопом обрушиться на лучников. Это была первая французская линия. Вторая также состояла примерно из восьми тысяч спешившихся латников; в то время как остальные, которым было приказано спешиться, но они этого не сделали, составляли третью линию. Все это стояло на вспаханной земле, пропитанной дождем предыдущей ночи и глубоко истоптанной бесчисленными ногами.

Французы воспользовались задержкой, чтобы накормить своих людей завтраком, примеру, которому Генрих немедленно последовал. Затем, видя, что враг остается неподвижным, он приготовился атаковать. Седой старый воин, сэр Уолтер Эрпингем, поскакал вперед с двумя адъютантами, чтобы произвести необходимые изменения в строю. Лучники были расставлены спереди и по флангам, и когда все было готово, старый сэр Уолтер подбросил свою дубинку в воздух и пропел "Теперь бей". Затем, прискакав галопом обратно к королевскому батальону, он спешился и занял свое место в строю. Король, уже спешившийся, отдал команду "Вперед, знамя", и англичане ответили могучим криком, предшественником того "сурового и ужасающего крика", который четыре столетия спустя должен был поколебать даже такого прекрасного солдата, как Султ. Затем вся шеренга двинулась вперед сомкнутым строем, с частыми остановками, потому что земля была глубокой, и лучники в своих кожаных куртках и штанах, оборванные, без шапок и ботинок после двух месяцев тяжелой работы, могли легко измотать латников в их тяжелых кольчугах. Артиллерия в таком море грязи не могла быть выдвинута на позиции ни с той, ни с другой стороны, и немецкие артиллеристы не принимали

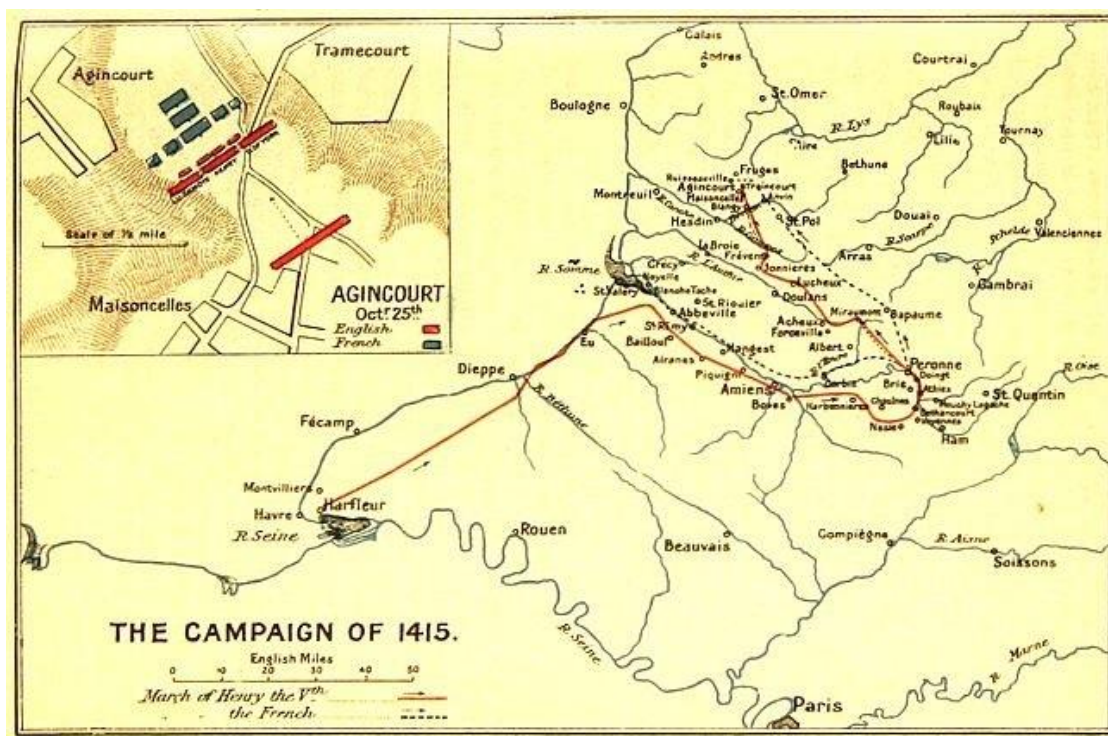
участия в бою. Французы со своей стороны стояли твердо и сомкнули свои ряды. Они были так обременены своими доспехами, всегда более тяжелыми, чем у англичан, что едва могли двигаться, а их фронт был настолько тесен, что они не могли использовать своих лучников; поэтому они обломали свои копья длиной в пять футов, как при Пуатье, и стояли плотным строем, тридцать одна шеренга против четырех английских.

Оказавшись на расстоянии выстрела, лучники косо воткнули свои колья в землю и натянули луки. Затем французский авангард встряхнулся и медленно двинулся вперед, в то время как кавалерия на их флангах двинулась вперед против лучников. Подразделение из трехсот копьеносцев на правом фланге предприняло лишь слабую атаку; на самом деле перешло в наступление немногим более половины из них, и даже эти их лошади, обезумевшие, как при Креси, от боли от стрел, вскоре в полном замешательстве отбежали в тыл. Более сильное подразделение слева атаковало точно, и предводитель и один или два других действительно достигли линии кольев; но колья не прочно держались в грязи; лошади спотыкались о них и падали, и ни один всадник так и не поднялся снова. Остальных, как обычно, раненые лошади перенесли обратно на своих товарищей, находившихся в тылу, а оттуда вместе с ними на флангах спешившихся латников, в которых они пробили ужасные бреши. Центру французского авангарда повезло немногим лучше. Ослепленные восточным солнцем, которое било им прямо в глаза, и склонив головы перед градом стрел, они потеряли всякое представление о направлении движения и так сбились в кучу, что не могли воспользоваться своим оружием. Одним своим весом они оттеснили английских латников на расстояние копья и какое-то время сражались упорно. Короля Генриха дважды сильно ударили по шлему, одним ударом срубив ветку с короны, которая окружала его. Но тем временем лучники заметили бреши, пробитые лошадьми во флангах французской боевой линии. Они побросали свои луки и с любым оружием — топором, молотом или мечом, — которое висело у них на поясе, они обрушились, легкие и проворные, на беспомощных, стесненных в средствах воинов и произвели в них страшный опустошительный удар. Французский центр, открытый после поражения флангов для атаки с обоих флангов, отступил перед королевским батальоном, и их первая линия была наголову разбита. О бегстве французских латников не могло быть и речи, потому что несчастные люди не могли пошевелиться. Англичане просто сняли шлемы со своих пленников и, оставив их таким образом беззащитными, продолжили наступление на вторую линию. Однако она уже была потрясена поражением авангарда; и хотя один из командиров, опоздавший на поле боя, герцог Брабантский, подал доблестный пример, он был быстро повержен, и за его падением быстро последовал разгром второй линии. Третья линия все еще оставалась, но, будучи верхом, вопреки приказу, не собиралась оставаться и сражаться, а развернулась и бежала, оставив нескольких своих лидеров одних спасать честь Франции безнадежной борьбой и благородной смертью.

Эта битва едва не была выиграна, когда Генриху сообщили, что его багаж со всеми сокровищами, а также все лошади попали в руки грабителей. Охранник на самом деле не смог устоять перед искушением вступить в драку и предоставил багажу самому позаботиться о себе. Вызванное этим кратковременное замешательство дало некоторым французам время собраться с силами, и Генрих, не зная, насколько велика может быть опасность, приказал каждому убить своих пленников. Англичане колебались, возможно, не столько из человеколюбия, сколько из нежелания потерять хороший выкуп, после чего Генрих выделил двести лучников для выполнения задания, которое было незамедлительно выполнено. Его вряд ли можно винить, поскольку сражение было выиграно не столько за счет резни, сколько за счет

пленения латников; и риск предпринять новую атаку спереди с несколькими тысячами невредимых пленных в тылу был серьезным. Как бы то ни было, дело было сделано. Затем Генрих двинулся против сплотившихся французов и быстро разбил их; и в четыре часа, одержав наконец полную победу, он покинул поле боя. Потери французов только в знати составили от пяти до восьми тысяч человек убитыми, не считая простых людей. Была захвачена тысяча пленных и сто двадцать знамен. Потери англичан неизвестны, но, вероятно, не превышали нескольких сотен, самым выдающимся из павших был герцог Йоркский.

Так закончилось великое сражение, которое сам король Гарри постановил назвать Азенкур.^[29] Она суммирует в себе ведущие черты Креси, Пуатье и Кошереля, одним словом, все лучшие действия Эдвардсов. Но это было, как предначертано судьбой, лишь отблеском славы Плантагенетов, а не светом солнца, вновь взошедшего подобно великану, чтобы идти своим чередом.

Лицом к лицу страница 62

КАМПАНИЯ 1415 ГОДА.

1420.

Пытаться проследить за более поздними кампаниями Генриха Пятого во Франции было бы одинаково утомительно и невыгодно. До последнего он придерживался принципов Черного принца, но его военные таланты созревали год от года, и пока он был жив, Франция трепетала под его мечом. Наконец, раздираемая на части междоусобицами бургундии и арманьяков, Франция по Труаскому мирному договору передала свою королевскую власть в его руки. Презрение англичан к своему врагу было таково, что однажды эти люди атаковали и захватили город без приказа. Но уже в следующем году произошло обратное, что стало зловещим предзнаменованием для будущего. Герцог Кларенс потерпел поражение при Божэ, но не

столько от французов, сколько от отряда шотландских вспомогательных войск, который был послан им на помощь под командованием графа Бьюкена. Генрих надеялся, что шотландцы не будут воевать против него, и приказал впредь обращаться с ними как с мятежниками, но это было напрасно. Читателю следует обратить внимание на этот судьбоносный 1421 год, поскольку он знаменует постоянное поступление шотландцев на службу Франции, факт, имеющий большое значение для обеих стран. Более того, в свое время он увидит, как полк, все еще называемый Королевским шотландским, будет выведен из состава французской армии, чтобы стать первым в английской линии.

1422.

Возвращение короля Генриха во Францию после Божьего вскоре восстановило господство английского оружия; а затем, будучи еще в расцвете сил, он заболел прямо в разгар своих операций и умер. Ему было всего тридцать четыре года, он был великим администратором, великим капитаном и, прежде всего, великим сторонником дисциплины. И все же он не был жестоким солдафоном; более того, когда однажды он оставил позади свои дикие дни, он даже никогда не ругался. "Невозможно" или "Это должно быть сделано" - вот самое большее, что он сказал. Но "его принцы и военачальники так боялись его, что никто не осмеливался ослушаться его приказов, какими бы близкими они ни были, и главная причина заключалась в том, что если кто-либо нарушал его приказы, он немедленно наказывал его без милости".^[30] Он и армия, сражавшаяся вместе с ним при Азенкуре, являются истинными предшественниками Кроуфорда и Легкой дивизии. Его тело, вынесенное со скорбной помпой из Венсенского замка, до сих пор покоится среди нас в Вестминстерском аббатстве, а над ним все еще висят его седло, щит с лилиями Франции и шлем с глубокими порезами от двух мечей, который он носил при Азенкуре. В течение трех столетий в Англии не появлялся другой солдат, прославившийся так же, как Черный принц Джон Хоквуд и король Гарри Пятый.

Авторитеты.—О жизни Хоквуда читайте в книге главы храма сэра Джона Хоквуда. Что касается кампании при Азенкуре, то главными источниками являются "Хроники Гесты Энричи Квинти" и "Монстреле", в то время как "Азенкур" сэра Харриса Николаса предоставляет большое количество дополнительной информации. Другие авторитеты перечислены у Келера, который всегда является лучшим гидом в отношении военных операций.

ГЛАВА V

Теперь наш печальный долг - наблюдать, как военная слава Плантагенетов угасает все слабее и слабее, пока не исчезнет совсем, за чем последует период тьмы, пока свет медленно не возродится в пламени чужеземных пожаров. Падение нашего превосходства в вооружении поначалу не было быстрым. Джон, герцог Бедфорд, обладал сочетанием военного и административного таланта, немногим менее замечательного, чем у его брата, покойного короля, и в качестве регента Франции он взял бразды правления и командования в свои руки без лишних усилий. Все упиралось в поддержание существующих фракций во Франции. Англия, сотрудничающая с Бургундией, красный крест Святого Андрея с красным крестом Святого

География, могла сохранить английское владычество; в противном случае это владычество неизбежно должно было пасть. Французы после затишья, вызванного смертью Генриха, собрали армию, ядро которой составляли три тысячи шотландцев, и двинулись в Бургундию, чтобы осадить Креван. Отряд из четырех тысяч отборных англичан и бургундцев немедленно поспешил за ними, и, хотя они были в меньшинстве и вынуждены из-за наступления второй французской армии у себя в тылу вступить в сражение и выиграть его любой ценой, они нанесли врагу полное поражение и вырезали шотландцев почти до одного человека. Все по-прежнему делалось так, как это делал король Гарри. Английская тактика была навязана под страхом смерти англичанам и бургундцам[31] одинаково, и дисциплина соблюдалась строжайшим образом. Это было не многообещающее начало для французов, но Шотландия была готова предоставить больше людей, а Франция не менее готова их принять; и таким образом, экстраординарная борьба французов против французов и англичан против шотландцев возобновилась еще раз.

1424.

В начале 1424 года десять тысяч шотландских латников под командованием Арчибальда, графа Дугласа, прибыли в Рошель и были радушно встречены французами. Дуглас был назначен герцогом Туренским, и все шло весело, пока 17 августа французы и англичане со своими союзниками не встретились под стенами Вернейля. Французы и шотландцы насчитывали около двадцати тысяч человек, англичане - двенадцать тысяч, из которых восемь тысяч были лучниками. Вопреки принятой до сих пор практике, французы сформировали свою армию в единый огромный центральный батальон спешившихся людей, с кавалерией на каждом фланге, причем конные люди были предназначены для нападения на английские фланги и тыл. Бедфорд, командовавший англичанами, подражая врагу, сформировал только один батальон, но все свои силы спешил, прикрывая фронт и фланги лучниками, которые, как и при Азенкуре, несли колья для защиты от конной атаки. Свой багаж он разместил сзади, привязав лошадей ошейником к хвосту, чтобы их было легче прогнать; и он назначил для охраны багажа не менее десяти тысяч лучников.

Все утро две армии стояли друг против друга в боевом порядке, каждая ожидая атаки другой; но, наконец, в три часа пополудни французы двинулись вперед и были встречены англичанами громкими криками. Французская кавалерия на флангах атаковала, прорвалась сквозь лучников и, обойдя английский тыл, обрушилась на обоз. Стража встретила их градом стрел, но, тем не менее, им удалось унести некоторое количество добычи, с которой они ускакали галопом, чувствуя себя уверенными, что день выигран.[32] Но тем временем два батальона спешившихся латников, причем на французской стороне были исключительно шотландцы, сомкнулись и отчаянно сражались. На мгновение превосходящие силы англичан были отброшены назад, но Солсбери, Джон Тальбот и другие испытанные лидеры были с ними, и они вскоре пришли в себя. Лучники на флангах поспешили им на помощь, в то время как воины обозной охраны, избавленные от дальнейшей тревоги из-за кавалерии, поспешили с громкими криками в поддержку. Шотландцы дрогнули, и англичане, рвущиеся вперед, единым неимоверным усилием прорвали их ряды, разделили батальон и повергли его в беспомощное замешательство. И тогда началась ужасная резня, ибо шотландцы заявили Бедфорду, что они не будут ни давать, ни принимать пощады, и они, конечно же, не получили ее. Пять тысяч человек, в основном шотландцев, были убиты на французской стороне, Джон Стюарт, граф

Бьюкенен, граф Дуглас и Джеймс, его сын, были среди убитых, и еще двести были взяты в плен. Из англичан погибло всего около шестнадцати сотен человек.

1428.

Для Франции Верней был катастрофой чуть менее сокрушительной, чем Азенкур, и действительно, казалось, что она безвозвратно перешла под английское владычество. Однако все было испорчено братом Бедфорда Хамфри, герцогом Глостерским, который, женившись на богатой наследнице Жаклин Голландской, увлек за собой английские войска, чтобы завладеть ее придаными землями, и, что хуже всего, нанес глубочайшее оскорбление Бургундии. Дома Хамфри доставлял столько же хлопот, что в 1425 году Бедфорд был вынужден вернуться в Англию, чтобы навести порядок. Только три года спустя он снова вышел на поле боя, хорошо подкрепленный людьми и мощным эшелонем артиллерии. До сих пор мы редко видели, чтобы артиллерия использовалась, за исключением осад, но с тех пор мы регулярно видим артиллеристов, получающих высокую зарплату латника, один шиллинг в день, и "ручные пушки" и "маленькие пушечки с каменной дробью весом в два фунта", играющие все более заметную роль на поле боя.

1429.

Вопреки здравому смыслу Бедфорд теперь решил перенести войну за Луару и отправил графа Солсбери с десятью тысячами человек на осаду Орлеана. Боевые действия начались, к сожалению, со смерти Солсбери, который был смертельно ранен пушечным выстрелом во время осмотра укреплений противника; но граф Саффолк с энтузиазмом продолжал наступление, и небольшие бои на открытии 1429 года показали, что английское превосходство все еще сохранялось. Эта битва при Ровере, более известная как "битва сельдей", представляет особый интерес, хотя повод был достаточно простым. Приближался Великий пост; и поскольку, среди многих сложностей средневековой войны, соблюдение поста ни в коем случае не прощалось воинам,^[33] было необходимо отправить провизию с "постными продуктами", в основном сельдью, осаждающим Орлеан силам. Поскольку конвой был большим, ему был предоставлен эскорт в тысячу шестьсот человек под командованием сэра Джона Фальстоляфа. Французы и шотландцы решили атаковать его на марше, но, к сожалению, не смогли договориться относительно своего плана; шотландцы настаивали на том, что лучше всего спешиться, французы предпочитали оставаться в седле. Тем временем Фальстоляф с большой ловкостью втянул свои повозки в кольцо, оставив лишь два узких входа, защищенных лучниками. Это снова была ловушка Пуатье. Французы и шотландцы после долгого обсуждения согласились расходиться во мнениях и атаковали каждый по-своему. Английские лучники стреляли с завидной точностью; шотландцы понесли очень тяжелые потери, французы после непродолжительного испытания стрелами ускакали за пределы досягаемости, а Фальстоляф победоносно повел своих сельдей в Орлеан, уничтожив около шестисот человек противника с незначительными потерями для себя. Это было последнее показательное применение тактики Пуатье, последний блестящий успех англичан в Столетней войне, первый проблеск урока, извлеченного Англией из военного гения иностранной державы. Ибо тактика "фургона" принадлежала Джону Жижке, величайшему воину Европы пятнадцатого века.

С этого момента история англичан во Франции практически не прерывается. Теперь им предстояло пройти через опыт, который позже выпал на долю испанцев в Нидерландах и самих французов на полуострове. Поворотным моментом, конечно, является появление на поле боя Жанны д'Арк, явления настолько экстраординарного, что оно стало исключительным достоянием приверженцев поэзии и сантиментов, и, возможно, справедливо, его не следует спасать из их рук. Несомненно, ее военные таланты были ничтожны; но, с другой стороны, она обладала магией лидерства и удивительной способностью восстанавливать моральные силы своих соотечественников, которые были подорваны, как никогда прежде, бесконечной чередой поражений. Англичане вполне естественно приписывали эту силу колдовству: ибо с помощью какого другого средства крестьянская девушка могла остановить вечно побеждающую армию? и наказанием за колдовство был огонь, на котором они сожгли ее до смерти. Любая другая нация тогда на их месте сделала бы то же самое, и во Франции, и в Соединенном Королевстве все еще есть несколько человек, которые сделали бы то же самое сейчас. Но пожар на рыночной площади Руана мало помог англичанам. "Французы", как говорит Монстреле, верили, что "Бог был против англичан"; и англичане сами начали в это верить.

1430.

Быстрый инстинкт женщины и чистая пронизательность святой души правильно направили служанку. Моральные качества английских вооруженных сил были подорваны, и им нужно было только встретить какой-то более возвышенный дух, чтобы прийти в упадок. Рыцарский характер войны исчез. Враждебные командиры больше не заключали друг с другом дружеских пари на успех своих следующих операций. Армия тоже перестала быть национальной; английский элемент становился все меньше и меньше по численности и быстро опускался до уровня беззаконных авантюристов, составлявших большинство в рядах. Долгое презрение к врагу породило наглость и беспечность, и старая дисциплина почти исчезла. Одного вида оленя или зайца было достаточно, чтобы заставить целое подразделение кричать, иногда, как в Патае, с катастрофическими результатами. В тот день французские разведчики, которые нащупывали врага, подняли оленя, который побежал к английскому строю, и был встречен такой бурей криков, что рассказал французам все, что они хотели знать. Английские войска неуклюже продвигались вперед, без каких-либо передовых отрядов, пока внезапно не оказались на грани сражения. Затем вожди заспорили о том, сражаться ли на закрытой или открытой местности, и, в конце концов, в чрезмерной уверенности выбрав открытое место, были застигнуты врасплох и обращены в бегство прежде, чем лучники успели воткнуть свои колья в землю. Хуже всего было то, что высокопоставленный офицер сэр Джон Фальстольф, видя, что поражение неминуемо, послушался приказа спешиться и ускакал галопом. Он был опозорен Бедфордом, но впоследствии по какой-то причине был восстановлен в должности, хотя, будь Гарри королем, он, несомненно, потерял бы голову.^[34]

Сандакорт,
1431 год.

Среди французов возрождение военного духа вскоре проявилось в замечательном развитии новых идей. Они долгое время копировали, хотя и не очень изящно, английскую практику спешивания латников и ограждения лучников частоколом из кольев, но в 1434 году при Гербер-Руа они использовали три вида войск - кавалерию, пехоту и артиллерию - в сочетании и добились заметного успеха. Артиллерия все еще была настолько новинкой на поле боя, что

всего три года назад целая армия, собранная герцогом Баром, с воем бросилась наземь при первом же выстреле; но английские лучники, хотя и знали, что лучше так себя не вести, были прискорбно встревожены, когда снаряд из круглого камня врезался в их надежный частокол. Сразу после этого англичанам были нанесены два смертельных удара: переход Бургундии на сторону Франции и смерть их самого способного лидера Джона, герцога Бедфорда.

Тем не менее война, бессмысленно и глупо продолжаемая неэффективным правительством, тянулась все дальше и дальше и, хотя и не прерывалась случайными блестящими подвигами, неуклонно оборачивалась против англичан. Поведение солдат все больше и больше пятналось позорным варварством, и постепенно, но верно их власть над Нормандией и Гиенной ослабла. Наконец в 1444 году было заключено перемирие, и Карл Седьмой воспользовался возможностью провести серию давно задуманных реформ во французской армии. Он учредил национальное ополчение из пятнадцати рот латников и лучников, каждая численностью в шестьсот человек, организовал гарнизоны из обученных людей в городах, приложил максимум усилий для оснащения, дисциплины и регулярного денежного довольствия войск и сформировал лучший артиллерийский парк, который когда-либо видели. Одним словом, он заложил фундамент французской постоянной армии, во главе которой стояли шотландские лучники и шотландские латники, два знаменитых корпуса, которые оставались на своем старом месте в списке вооруженных сил до Французской революции. Таким образом, французская военная организация, подстегнутая столетием неудач, на один гигантский рывок опередила английскую и, можно сказать, с тех пор сохраняет лидерство.

1440.

1449.

1450,

18 апреля.

В Англии такого улучшения не было. Были предприняты слабые попытки пресечь в соответствии с законом мошеннический призыв на военную службу и еще более серьезные злоупотребления в виде растраты солдатского жалованья капитанами, но это мало помогло, когда исполнение Закона[35] было поручено такому коррумпированному и алчному командиру, как герцог Сомерсет. В течение всего перемирия солдаты на английской стороне вели себя отвратительно; но, поскольку офицеры лишили их жалованья, неудивительно, что они отплатили за это разграблением страны. Когда, наконец, перемирие было нарушено и французы вторглись в Нормандию, английское владычество рухнуло перед ними, как карточный домик. Город за городом, их гарнизоны истощались, чтобы наполнить карман Сомерсета, сдавались превосходящим силам, и англичане, продвигаясь вперед, испытывали унижение, видя, как норманны радостно меняют красный крест Святого Георгия на белый крест Франции. Попытка спасти провинцию была сорвана разгромом английских подкреплений при Фурминьи, и Нормандия была потеряна. Анжу и Мэн уже перешли к отцу королевы Генриха Шестого, и остались только Гиенна и Гасконь, которые были английскими со времен правления Генриха Второго. В следующем году они тоже отправились в Нормандию и заблудились.

1453 год,

20 июля.

Однако Гасконь, несмотря на свою горячую южную кровь, не так сильно, как Нормандия, стремилась освободиться от англичан, и послала в Англию послания, что, если ей на помощь

пришлют армию, она восстанет против французов, чтобы воссоединиться со своей старой госпожой. Англия охотно прислушалась, и Джон Тэлбот, ветеран граф Шрусбери, был отправлен в эту, свою последнюю кампанию. Решающее сражение произошло под стенами Шатийона. Французы прочно укрепились, имея на позициях триста артиллерийских орудий, что являлось ярким свидетельством их военного прогресса. Англичане сражались оружием, которое на протяжении столетия приносило им победы, и в последнем, как и в первом сражении Столетней войны, все сошли с коней. Один только Джон Тальбот, в силу своих восьмидесяти лет, остался верхом на своем наемном экипаже; и с неукротимым стариком во главе англичане бросились на укрепление. Это было безумное, отчаянное, безнадежное предприятие, но они ринулись вперед с такой стремительностью, что были близки к тому, чтобы удержать позицию. Целый час они упорствовали, пока, наконец, не были насквозь изрешечены артиллерийским огнем и не отступили. Затем французы совершили вылазку и превратили поражение в бегство. Пони старого Джона Тэлбота был застрелен под ним, и, будучи прижатым к земле мертвым животным, он был убит там, где лежал. Юный Джон Тальбот, лорд Лайл, отказался покинуть своего отца и пал рядом с ним. Армия была рассеяна по Аквитании, и родовые владения семи поколений английских королей навсегда отошли от них. По иронии судьбы шотландский солдат[36] был назначен защищать от имени короны Франции французские провинции, которые с такой привязанностью принадлежали Англии. Из всех великих владений англичан во Франции теперь остался только Кале, способный в свое время разбить сердце английской королевы.

Дома недовольство национальным позором было глубоким. Народ, конечно, принялся искать козла отпущения и после одной или двух перемен окончательно остановился на безупречном и несчастном Генрихе Шестом. Отсутствие сильного центрального правительства, несомненно, было болезнью, от которой Англия страдала с момента смерти короля Генриха Пятого, но главную ответственность за это несла сама нация. Она выбрала в качестве своих правителей Дом Ланкастеров, потому что Генрих Болингброк согласился принять конституционные ограничения королевской власти до того, как страна созреет для самоуправления. Она сбросила с себя ярмо дисциплины, которое единственное могло позволить ей тащить тяжелый груз английского богатства и английской чести, и она понесла неизбежное наказание. Множество республик совершили ту же ошибку в течение нынешнего столетия и понесли или несут то же наказание. Нет более верного признака недисциплинированности нации, чем гражданская война.

В Англии XV века болезнь сильно обострилась из-за бесконечных кампаний во Франции. Все классы дома, от высшего до низшего, были одинаково эгоистичны и апатичны в отношении национального блага: внутреннему порядку пришел конец, а беспорядки и бесчинства, равносильные частной войне, продолжались непрерывно и не подавлялись. Система договорных отношений между королем и подданным о поставке войск была расширена от подданного до наемника, и, как хорошо было сказано, пункт "на службе у короля" можно было легко исключить из контракта.[37] Красный крест Святого Георгия никогда не появляется на английских полях сражений; красная роза и белый действительно были эмблемами противоборствующих группировок, но мы гораздо чаще слышим о значках знатных семей, оборванном посохе, кресле и тому подобном, а также о ливреях, которые, хотя и запрещены законом никому, кроме короля, были заметны на протяжении всей Гражданской войны. Потеря Франции дала слишком много материала для насилия и раздоров. Англия была полна безработных солдат, которые были обучены в недисциплинированной школе французской фракции предательству, грабежу и всему самому низкому и бесчеловечному на войне. Сотни

людей, занимавших удобные посты во французских гарнизонах и использовавших их для разбоя, были брошены на произвол судьбы в Англии, подвергнутые варварству, озвереванию, деморализованные, чтобы отыгаться в своей собственной стране. После заключения мира в Бретиньи распущенная солдатня сделала Францию своим убежищем и обрушилась оттуда на Италию; подобные люди[38] теперь должны были напасть на Англию, и Франция должна была быть хорошо отомщена за своего старого врага. Хуже всего то, что лидеры группировок в безумии своей вражды не постеснялись ввести иностранные войска и вцепиться ими друг другу в глотки.

1460.

1461.

Я не буду подробно останавливаться на этом жалком и катастрофическом периоде, поскольку он знаменует собой крушение нашего древнего военного величия. Необходимо отметить те немногие военные моменты, которые упоминаются в скудных хрониках того времени, и не более. Из основных фигур следует отметить только одну. Уорик, "создатель королей", должен быть обойден вниманием скорее как государственный деятель, чем как солдат; Маргариту Анжуйскую - чумную, неукротимую женщину — следует помнить только за то, что она завезла наемников; один только Эдуард Четвертый, полный военного гения Плантагенетов, заслуживает более подробного упоминания. Не было ни одного действия, при котором он присутствовал, где бы он не давал почувствовать это присутствие. Именно он в Нортгемптоне превратил свой предательский заход влево от позиции ланкастеров в мгновенный и решающий ход. Именно он в следующем году, все еще двадцатилетним юношей, сокрушил Оуэна Тюдора при Мортимерс-Кросс; именно он осуществлял верховное командование в еще более ужасной Марстон-Мур пятнадцатого века битве при Таутоне.

28 марта.

Это действие представляет особый интерес как пример английской тактики и упорства, обращенных против самих себя. Шестидесятитысячный полк ланкастеров был выстроен на плато в восьми милях к северу от Феррибриджа лицом к югу - справа от ручья, называемого Петушиным, слева от Большой Северной дороги. Это была сильная позиция, но слишком тесная для их численности, имея фронт протяженностью менее мили. Вероятно, они были выстроены по старинке в три линии большой глубины. Йоркисты насчитывали всего тридцать пять тысяч человек, но они ожидали дополнительных тринадцати тысяч под командованием герцога Норфолкского, которые, наступая от Феррибриджа, должны были наступать справа от них и против левого фланга противника. Эдуард, похоже, исправил свое численное превосходство по образцу своего великого предка при Креси, построив свою армию эшелоном в три линии, отказавшись от своего права. Передовой, или левой, линией эшелона командовал лорд Фальконбридж, второй - Уорик, а третьей - Эдуард собственной персоной. Йоркисты, продвигавшиеся в атаку на север, как раз заметили противника на высоте за небольшим углублением в земле, называемым Таутон-Дейл, когда налетела ослепляющая снежная буря, которая так эффективно скрывала обе армии, что только по крикам они могли определить позицию друг друга. Фальконбридж с большой готовностью воспользовался моментом, чтобы выдвинуть своих лучников к краю плато, откуда он приказал им стрелять летящими стрелами, специально приспособленными для полета на большое расстояние, в колонны ланкастеров. Сделав это, он быстро отозвал своих людей. Вслед за этим ланкастерцы обрушились на них

чудовищный ливень боевых стрел, все из которых не долетели до предполагаемой цели, и поддерживали ее до тех пор, пока их связки почти не иссякли. Затем Фальконбридж снова двинулся вперед и начал стрелять всерьез; у его людей был не только собственный запас стрел, но и те, что были выпущены противником. Град снарядов оказался слишком сильным для ланкастерцев: они сорвались со своей позиции на высоте и хлынули вниз через провал, чтобы сбросить йоркистов со склона над ней. Затем акция стала всеобщей, и вскоре вся линия была горячо задействована.

Что последовало за следующими несколькими часами в условиях непрекращающегося снегопада, нам никто не рассказал, да и, вероятно, никогда не смог бы рассказать. Все, что несомненно, это то, что ланкастерцы, хотя иногда им удавалось оттеснить йоркистов на некоторое время, никогда не могли получить какого-либо постоянного преимущества, и этот факт указывает на чрезвычайно разумное отношение Эдуарда к дивизии, от которой он отказался. С пяти утра до полудня бой бушевал с неослабевающей яростью, и гора мертвецов возвышалась так высоко, что живые едва могли подойти вплотную. Наконец, в полдень колонна герцога Норфолкского, столь же своевременная, как и колонна Блюхера, появилась на Грейт-Норт-роуд на левом фланге ланкастерцев и начала оттеснять их с их позиции и с линии их отступления. Медленно и угрюмо ланкастерцы уступали; вероятно, было предпринято мало попыток изменить их расположение, чтобы встретить атаку с фланга; но еще три долгих часа они сражались, оспаривая каждую пядь земли, пока, наконец, не были отброшены назад, к разлившимся водам Кока. Затем разгром и резня стали всеобщими; тысячи людей утонули в ручье; и преследование, в котором мы снова видим руку Эдуарда, дошло до самых ворот Йорка. Тридцать пять тысяч ланкастерцев и восемь тысяч йоркистов погибли в этой битве, ужасающей бойне за столь ничтожное дело. Но это было состязание не просто фракции против фракции, но Севера против Юга; и Север больше никогда не отзывался неуважительно о Юге. Возможно, это было главным результатом того, что следует считать самым ужасным сражением, когда-либо проводившимся англичанами.

1471 год,
14 апреля.

Решающая битва при Барнете представляет собой еще более блестящий пример мастерства Эдуарда и его быстроты в использовании жизненно важного момента кампании. Все было направлено на то, чтобы он вынудил своих врагов к действию прежде, чем они смогут собрать вокруг себя всю свою силу. Эдуард подвел своих людей к позиции Уорика фактически после наступления сумерек, что было редким достижением в те дни, и, насколько мог, выстроил своих людей в темноте. Когда наступил день с густым туманом, он обнаружил, что его армия значительно обошла левый фланг Уорика и была так же сильно обойдена армией Уорика слева от него. Результатом, по-видимому, было то, что две армии постоянно обходили друг друга, пока их соответствующие позиции не поменялись местами,^[39] поскольку часть кавалерии Уорика, возвращаясь после преследования левого фланга Эдуарда, оказалась по возвращении не в тылу армии Эдуарда, как предполагалось, а в своем собственном. Крик об измене, всегда распространенный в Войнах Алой и Белой розы, был быстро поднят, и во всеобщем замешательстве битва была проиграна Уориком. Тем не менее победа была одержана благодаря расторопности Эдуарда; и действительно, быстрота его решений и маршей характеризует его как солдата незаурядного таланта, и во многих отношениях он намного опередил свое время.

В остальном "Войны алой и белой розы" демонстрируют безошибочные признаки изменений, которые происходили в военном искусстве.^[40] Наиболее важным моментом является постоянно растущее применение артиллерии в полевых условиях и все большее значение, придаваемое ей. Говорят, что Ричард, герцог Йоркский, имел при Дартмуте в 1452 году большой обоз с боеприпасами и до трех тысяч артиллеристов. Артиллеристы становились все более распространенными, и, как естественное следствие, справедливо было требовать меньшую цену на рынке наемного труда. С этого времени также можно сказать, что артиллерийская дуэль имеет тенденцию становиться регулярной подготовкой к общему действию. Еще более значительным является возросшее значение обычного пехотинца, известного из-за его специфического оружия как счетовод, который теперь начинает вытеснять спешившегося латника в работе пехоты и, как естественное следствие, возвращает последнему его надлежащее положение среди кавалерии. Новое оружие снова появляется в руках пехотинца. И Эдуард, и Уорик представили наемные отряды бургундских стрелков, благодаря чему англичане познакомились с новым оружием, которому предстояло вытеснить знаменитый лук. И снова на поле при Стоке были замечены две тысячи рослых немцев, вооруженных алебардами и пиками, под командованием некоего Мартина Шварца, который сражался на стороне проигравших, но стоял в их рядах, пока их не вырубili до единого человека.^[41] Наконец, старый боевой порядок в три линии быстро устаревал. При Босворте обе армии были выстроены в одну линию, с кавалерией на флангах; и сама кавалерия в то же время начала отказываться от построения в колонну ради построения в линию, или, как это называлось, *en hay*.

Все эти изменения были симптомами великого движения, охватившего всю Европу. Военное искусство, как и все другие искусства, претерпевало столь фундаментальную трансформацию, что получило название возрождения. Англия, отрезанная из-за своего изгнания из Франции от своих прежних контактов с континентальными странами, истощенная гражданскими войнами, сведенная к своему истинному положению военно-морской державы и, прежде всего, привязанная к особой системе, которая принесла ей такой успех, отставала от других наций на пути военной реформы. Век правления Тюдоров является для английской армии веком обучения, и, чтобы правильно понять это, мы должны сначала заглянуть за границу, в страны, которые были до нее в школе, и взглянуть на новшества, которые были введены каждой из них в течение пятнадцатого и шестнадцатого веков. Без такого изучения мы не сможем проследить до их источника бесчисленные моменты, большие и малые, которые наблюдаются в нашей армии в наши дни, или постичь в полной мере величие английских солдат, которые задолго до возрождения военного искусства разгадали его руководящие принципы, установили для своей страны благородные военные традиции и, прежде всего, сделали национальным принципом то, что англичане всегда должны побеждать французов.

Авторитеты.—Монстреле, как и прежде, является самым важным авторитетом в области войн во Франции. Войны англичан во Франции (серия Rolls) ценны с точки зрения разъяснения. За возвышение шотландцев во Франции в книге М. Франсиска Мишеля "Экология во Франции" и в книге Форбса Лейта "Шотландские ратники во Франции". Для "Войны алой и Белой розы" источники информации, как говорится, скудны, но материал был обработан с замечательным мастерством мистером Оманом в его "Уорике", которому я в большом долгу. По вопросам реорганизации французской армии можно обратиться к "Старой французской армии Даниэля".

КНИГА II

ГЛАВА I

1420.

Через пять лет после битвы при Азенкуре религиозные войны в Богемии породили одного из величайших солдат мировой истории, Иоанна Жижку, слепого генерала гуситов. Его военный гений, усиленный фанатизмом и подстегиваемый суровой необходимостью противостоять врагу, всегда превосходящему его числом и техникой, привел его к идеям, которые намного опережали его эпоху. Мастер организации и дисциплины, он буквально из ничего создал самую знаменитую армию того времени в Европе и благодаря неиссякаемой активности и ресурсам сделал ее непобедимой. Начав с такого грубого военного материала, как повозки и цепи, и имея в распоряжении не более умелых людей, чем бедные богемские крестьяне, он разработал систему тактики, которая нанесла поражение не только рыцарству Европы, но даже легкой иррегулярной кавалерии Венгрии, вскоре прославившейся как гусары. Поскольку победа дала ему возможность приобрести лучшее оружие, он быстро оказался на высоте положения. Отбросив весь военный педантизм, он сражался так, как диктовал его собственный гений, и по скорости его движений и неумолимой стремительности, с которой он добивался победы, его можно сравнить с Наполеоном. Он был первым человеком, который превратил артиллерию в маневренное оружие, первым, кто выполнял сложные эволюции перед лицом врага, и первым, кто управлял кавалерией, пехотой и артиллерией в эффективной тактической комбинации. Использование фургонов для защиты, как мы уже видели, скопировано англичанами в битве при Херрингсе, но влияние Жижки[42] распространилось гораздо шире, сломив силу европейского рыцарства и показав, что муштра, дисциплина и мобильность могут сделать самого бедного крестьянина более чем достойным противником рыцаря в доспехах.

1382.

Жижка, однако, был не первым, кто нанес удар по превосходству феодальной кавалерии. Английские лучники и спешившиеся латники были до него, и другая держава, которой было суждено навсегда уничтожить это превосходство, была в некоторых отношениях предшественницей даже англичан. Уже упоминалась победа швейцарцев над австрийским рыцарством при Земпахе; с этого дня, можно сказать, началось их продвижение к высочайшей военной репутации Европы. Вынужденные из-за суровости своей страны, а также из-за собственной бедности сражаться скорее на своих ногах, чем верхом, в значительной степени отрезанные по тем же причинам от феодализма, охватившего остальную Европу, они по своей природе были предназначены для пехоты, и в качестве пехоты они разработали свою боевую

систему. Начав, как и все первобытные пехотинцы во всех странах, с простого оружия - щита, копья и топора, они усовершенствовали его для удовлетворения своих особых потребностей. Проблема, стоявшая перед ними, заключалась в том, как победить всадников, закованных в кольчуги с головы до ног, в открытом поле, как удержать лошадей на расстоянии и пробиться сквозь железные панцири, защищавшие людей. Инстинкт тевтонской нации побудил их в первую очередь обратить внимание на режущее оружие. Англичане превратили свои топоры в копья с широкими лезвиями; фламандцы пошли дальше и создали *годендаг*, оружие, одинаково подходящее для рубки и колющего удара; швейцарцы, усовершенствовав *годендаг*, изобрели алебарду, в которой сочетались крюк для вытаскивания человека из седла, острое для вонзания между стыками доспехов и широкое тяжелое лезвие, насаженное на наконечник восьмифутового древка. Вес алебарды делал ее, как говорит старый хронист[43], потрясающим оружием, "рассекающим людей на части, как клин, и разрубающим их на мелкие кусочки". В целом это было рассчитано на то, чтобы заставить врасплох скачущих джентльменов, которые считали себя неуязвимыми в своих доспехах.

1422.

1444.

1476.

1477.

1515.

1522, 1525.

Но алебарда не решала проблему удержания лошадей на расстоянии. С этой целью примитивное копье удлинялось все больше и больше, пока, наконец, не превратилось в длинную пику с восемнадцатифутовым древком, которая почти два столетия господствовала на полях сражений Европы. Родина длинной щуки неизвестна,[44] но, несомненно, впервые она получила известность благодаря швейцарцам, и то благодаря серии блестящих действий. Арбеде засвидетельствовал стойкость новой пехоты на поле боя; Сен-Якоб-ан-Бирс, где швейцарцы выделили шестнадцать сотен человек для сражения против пятидесяти тысяч, - ее безграничную уверенность; и, наконец, три сокрушительных поражения Карла Смелого при Грансоне, Море и Нанси утвердили ее репутацию непобедимой. Для боевых действий швейцарцы обычно формировались в три отряда: авангард, боевой и арьергардный — каждый из авангарда и арьергарда составлял половину численности боевого или основного корпуса. Эти тела всегда имели очень глубокую форму и, если не были на самом деле квадратными, то были очень прочно продолговатыми. Иногда все они объединялись в один гигантский батальон, чтобы соотношение пик к алебардам, составлявшее примерно один к трем, могло еще больше обезопасить их от атаки кавалерии. Фургон, из-за отчаянного характера его работы, был назван *Verlorener Hauf*, от которого произошел наш собственный термин, еще не полностью исчезнувший, "несчастливая надежда".[45] Что касается дисциплины, то швейцарцы, по-видимому, были людьми аккуратными и трезвыми, пока их не испортили многочисленные успехи, но в конце концов они стали невыносимо непослушными. Кантоны действительно были настолько глубоко охвачены военной манией, что все торжественные мероприятия, праздники, ярмарки и даже свадьбы, превращались в некую форму военного показа, в то время как даже дети выходили с барабанами, флагами и пиками и маршировали со всем порядком и регулярностью взрослых солдат. Фактически боевые действия стали обычным занятием Швейцарии, и поскольку ее народ какое-то время пользовался практической монополией на это ремесло, они вскоре стали алчными и корыстолюбивыми и под угрозой мятежа диктовали

генералам, когда и где они должны сражаться, выбирали свою собственную позицию в боевом порядке и начинали боевые действия в то время, которое считали нужным. Их офицеры теряли над ними контроль и жалобно говорили, что, если бы они только могли добиться повиновения от своих солдат, они прошли бы маршем через Францию из конца в конец. Это неповиновение привело их к гибели. Французы, которые были их главными работодателями, в конце концов потеряли к ним всякое терпение и преподали им в Мариньяно урок, который они не скоро забыли. Подавление этого мятежа, которое на самом деле представляло собой двухдневное сражение самого отчаянного характера, стоило швейцарцам двенадцати тысяч человек; и о прекрасных качествах, которые были в них, красноречиво говорит тот факт, что поражение привязало их более тесно, чем когда-либо, к делу Франции. Но чары их непобедимости были разрушены, и еще два серьезных поражения от пехоты противника при Бикокке и Павии навсегда подорвали их престиж. Тем не менее они были превосходными солдатами, и поскольку удача избавила их от встречи с английскими лучниками, которые, несомненно, пронзили бы их огромный ошестинившийся батальон насквозь, они стали, как и заслуживали, отцами современной пехоты. Следует отметить, что они маршировали в такт музыке флейт и барабанов, что они несли знамя каждой роты, и что несколько кантонов несли огромный горн, звук которого был сигналом для всех сплотиться вокруг него.

Нельзя было ожидать, что швейцарцы долго будут пользоваться своей монополией в качестве пехоты Европы без захватывающей конкуренции. В последней четверти пятнадцатого века появились соперники, которым предстояло отнять у них господство, а именно, ландскнехты Швабии, или, как их называли современные англичане, рыцари-копейщики Алмейна, которые были прямыми предшественниками современной немецкой пехоты. Сохранившиеся записи о них очень полны, и поскольку именно благодаря им учение швейцарцев было перенесено в Англию с результатами, которые видны по сей день, краткое изучение их истории необходимо для правильного понимания истории нашей собственной армии.

Швабская пехота была вызвана к существованию настоящей необходимостью помешать любому властителю, которому могло повезти привлечь на свою сторону швейцарцев, диктовать свою волю Европе. Швабия, будучи провинцией, ближайшей к Швейцарии, естественно, первой изучила методы своего соседа; и хотя поначалу все воины, которые подражали тактике и снаряжению горцев, были известны под общим названием швейцарцы, все же швабы, как будто с самого начала для того, чтобы подчеркнуть различие между ними и их соперниками, приняли название ландскнехтов, людей равнины, в противоположность людям гор. Максимилиан Первый, видя, насколько ценной была бы такая сила в вечном противостоянии Дома Габсбургов с Домом Валуа, особенно с учетом того, что швейцарцы были твердыми союзниками французов, оказывал им всевозможную поддержку; и очень скоро ландскнехты превратились в один из самых весомых факторов на полях сражений Европы. Хотя наемники, подобные швейцарцам и еще более ранним бандам брабансонцев, и как таковые были задействованы со всех сторон и во всех странах, они все же питали немалые национальные чувства; и величайшая из всех их работ была выполнена на службе Империи.

Поэтому, когда императору понадобилась пехота, он поручил какому-нибудь известному вождю набрать для него корпус ландскнехтов. Выбранный таким образом полковник[46] после этого выбрал заместителя или подполковника и капитанов[47] в соответствии с требуемым количеством людей и попросил их помочь ему собрать свой полк. Затем в округ были отправлены флейты и барабаны с копией императорского приказа собирать рекрутов.

Новобранцы приходили, сообщали свои имена и места рождения распорядителю сбора, были проинформированы о времени и месте сбора и получали денежную сумму, [48] "деньги за поведение", как их называют англичане, для оплаты расходов на его поездку туда и скрепления сделки. Здесь мы на шаг приближаемся к королевскому шиллингу. На собрании мужчины были выстроены в две шеренги лицом внутрь. Арка [49] была построена путем воткнувших в землю двух алебард и перекладывания через них пики, а затем каждый человек проходил под ней поодиночке под присмотром распорядителя и его помощников, которые строго следили за каждым, отвергая всех, кто был физически неполноценен или плохо вооружен, и, прежде всего, следя за тем, чтобы ни один человек не проходил через нее дважды, чтобы одно и то же оружие не было показано двумя разными людьми. мужчины. Ибо капитаны по-прежнему были беспринципны и всегда стремились показать в своем списке больше людей, чем они могли произвести во плоти, и класть получаемое за них жалованье в свои собственные карманы. Этот трюк был настолько стар и привычка настолько глубоко укоренилась, что даже в бандах Хоквуда законным методом увеличения жалованья капитану было предоставить ему определенное количество вымышленных людей, называемых *mortes payes* (мертвые головы), и разрешить ему получать за них жалованье. Эта практика в узаконенной форме продолжалась в нашей собственной армии на памяти ныне живущих людей.

Четыреста человек было обычной численностью, присваиваемой роте [50] ландскнехтов, но пока не было уверенности ни в численности самих рот, ни в количестве их, входящих в состав полка. Сбор [51] закончив, солдаты образовали кольцо вокруг полковника, который зачитал им вслух условия службы и размер оплаты, включая в соответствии с первым все обычные пункты дисциплины. Вслед за этим мужчины подняли руки и, подняв три пальца, поклялись Троицей, что будут повиноваться. Затем полковник вызвал на ринг офицеров, которых он выбрал в прапорщики, [52] и вручил каждому цвет своей роты, призывая защищать ее насмерть. Не следует также предполагать, что прапорщиком тогда был тот самый безбородый юноша, с которым наш собственный более поздний опыт приучил нас отождествлять это звание. Он был довольно закаленным, поседевшим старым воином, которому можно было доверять в любой критический момент сплотить вокруг себя людей. Согласно восточной традиции, флейта и барабан каждой роты находились в непосредственном подчинении прапорщика, так что расположение цвета всегда можно было узнать по звуку, если не по виду. Сам флаг, дававший офицеру его звание, имел какой-либо цвет или эмблему, выбранную полковником, и у ландскнехтов всегда был очень большим и объемным, вероятно, для контраста с швейцарскими флагами, которые были самыми маленькими в Европе. Ландскнехты гордились изяществом и мастерством, с которыми они обращались с этими огромными знаменами, и действительно, весь дендизм (если можно так выразиться), наблюдаемый в последующие годы в манипулировании цветом, можно отнести к ним.

Эта церемония закончилась, различные роты разделились и образовали каждое отдельное кольцо вокруг своего капитана и прапорщика. Затем капитан выбрал своего лейтенанта, [53] и, назвав его под знаменами, приказал людям подчиняться ему. Затем он выбрал также своего капеллана и квартирмейстера, и, добавив к ним хирурга, его покровительство было исчерпано. Затем люди были переданы старшему унтер-офицеру, [54] очень важный человек, который отвечал за все учения и за расстановку всех охранников, и получил свое назначение непосредственно от полковника. Под его руководством рота избрала сержанта, который затем, в свою очередь, выбрал себе помощника; [55] затем помощник выбрал разведчика, [56] и разведчик-квартирмейстер-сержант. Наконец, компания была распределена по файлам [57] по

десять человек в каждом, которые выбрали каждого из них файл-лидера,[58] который, хотя и не получал дополнительной оплаты, пользовался определенными привилегиями в пределах своей компетенции. досье, например, право на отдельную кровать для самого себя в кают-компании и тому подобное. С его избранием, поскольку файл был подразделением компании, иерархия была полной.

Нет необходимости утруждать читателя списком личного состава полка, но несколько слов следует сказать о начальнике. Его основной функцией было поддержание дисциплины, для чего ему был предоставлен штат тюремщиков и палач, и его титул до сих пор связан с теми же обязанностями в современной английской армии. Но помимо этого, в его обязанности входило устанавливать тарифы на товары, продаваемые маркитантами, сопровождавшими полк. Это была самая трудная и опасная обязанность, потому что, если он назначал слишком высокую цену, люди становились недовольными и бунтовали, а если слишком низкую, маркитанты покидали лагерь и предоставляли ему самому обеспечивать себя, что было альтернативой, немного менее грозной, чем другая. Учитывая риски, связанные с его должностью, хозяин получал определенные льготы в дополнение к своему жалованью, такие как язык каждого забитого животного и надбавку за каждую вскрытую бочку, но даже при этом платили не слишком хорошо.[59] Вряд ли нужно указывать, что в этой коммерческой стороне обязанностей проректора заложен зародыш нашей современной столовой, где практика получения льгот, хотя и строго запрещена, все еще преобладает среди буфетчиков.

Обязанности другого офицера, чье имя должно быть записано в оригинале, *Хуренвейбеля*, демонстрируют ранние методы преодоления трудностей, с которыми особенно сталкивается наша индийская армия. Каждый полк ландскнехтов сопровождало в походе несколько человек; и хотя по строгим правилам ни одной женщине не разрешалось сопровождать мужчину, кроме его законной жены, все же мы без удивления слышим, что под знаменами было много женщин, статус которых не был признан упомянутым выше правилом. Бедняги вели тяжелую жизнь. Стирка, приготовление пищи, уборка мусора и всевозможные неприятные обязанности, а также более приятная задача по уходу за больными и ранеными были возложены на них, и в случае осады они должны были изготовить фашины и габионы. Их хозяева обращались с ними очень жестоко, и поскольку каждый полковник, естественно, желал сократить их численность как можно меньше, они не жалели сил, чтобы сделать их жизни обузой для них. Королем над всем этим сбродом был *Хуренвейбель*, скипетром его власти была толстая палка, называемая "выпрямителем", [60] которой он безжалостно пользовался. Тем не менее, эти последователи любили такую жизнь и топали за своими господами по всей Европе, увеличивая свою численность по мере продвижения; мальчиков, когда они подрастали, нанимали носить мужское оружие или сбрую в походе. Такие мальчики, или, скорее, педики, назывались по-французски *goujats* и были любопытной особенностью армий того времени. Величайшим из всех *гужатов*, если верить легенде, был Томас Кромвель, Молот монахов.

Для суда над военными преступлениями коллегия судей сопровождала каждый отдельный орган, но было несколько отрядов ландскнехтов, которые пользовались привилегией суда над длинными пиками, [61] который предоставлял рядовым исключительную юрисдикцию в отношении преступлений, навлекших позор на полк. В таких случаях начальник полиции подавал жалобу, и прапорщики, воткнув свои флаги острием вниз в землю, клялись, что никогда больше не будут поднимать их до тех пор, пока пятно на честном названии полка не будет удалено. Затем преступник предстал перед судом в соответствии с определенной

установленной процедурой, только его товарищами, без вмешательства какого-либо офицера. Если его признавали виновным, люди выстраивались в две шеренги, северную и южную, лицом внутрь; прапорщики с развевающимися знаменами занимали пост в восточном конце образовавшегося таким образом переулка, а заключенного отводили на запад. Затем прапорщики призвали его вести себя как подобает мужчине и храбро защищаться, а начальник полиции, трижды хлопнув его по плечу во имя Троицы, приказал ему бежать. Затем обреченный человек нырнул в переулок, и все товарищи замахивались на него пикой, алебардой и мечом, когда он проходил мимо. Чем быстрее он бежал, тем скорее наступал конец, и когда он лежал изрубленный, истекающий кровью, задыхаясь, его товарищи вместе преклонили колени и молили Бога упокоить его душу. Затем все встали и в молчании трижды обошли труп, и, наконец, мушкетеры дали над ним три залпа во имя Троицы.

Численность полка ландскнехтов очень сильно различалась. Там могло быть тридцать рот, а могло быть и десять; общая численность иногда достигала десяти или двенадцати тысяч человек, и в таком случае ее часто усиливали контингентом артиллерии. Оружием были пика, алебарда и некоторое количество огнестрельного оружия, которое имело тенденцию к постоянному увеличению. Каждый мужчина находил свое собственное оружие, и одежда ландскнехтов, поскольку каждому мужчине больше всего нравилось носить ее, как правило, была фантастической и экстравагантной, поскольку у них было все солдатское честолюбие - сиять перед женщинами. Придворные Максимилиана так завидовали их великолепной одежде, что умоляли его запретить это, но император был слишком благоразумен, чтобы совершить подобную глупость. "Ба!" - сказал он. "Это сыр, которым мы наживляем наши мышеловки, чтобы ловить таких мышей", - мнение, которое английские офицеры все еще будут поддерживать. Не все предрассудки умирающего феодализма могли заставить Максимилиана отбить охоту к своей новой пехоте; напротив, однажды встретив на марше полк, он спешилвался, взваливал на плечо пик и маршировал с ними остаток дня. Стоит отметить, что барабанный бой ландскнехтов, которым они чрезвычайно гордились, вероятно, тот же самый, под который в тот день шагал Максимилиан, до сих пор предваряет марши наших собственных военных оркестров.[62]

Муштра ландскнехтов, вероятно, была достаточно грубой. Не было никаких упражнений с пикой или алебардой, и нет никаких признаков сложных маневров, которые были так распространены в начале семнадцатого века; но поскольку они всегда сражались, подобно швейцарцам, огромными массами, вероятно, для них было мало поводов. Люди выстраивались цепочками, вероятно, на достаточном расстоянии и интервале, чтобы позволить каждому человеку развернуться направо или налево на своей территории; но для боевых действий они были плотно сомкнуты в огромные батальоны, слишком неповоротливые для какой-либо эволюции. Более того, мало кто из офицеров что-либо знал о строевой подготовке. Несомненно, в некоторых случаях их отбирали за храбрость и опыт, но не за военные знания; и тем более вероятно, что полковники, согласно обычаю, продавали офицерскую должность тому, кто больше заплатит, поскольку Максимилиан редко мог снабдить их деньгами на предварительные расходы. Единственная обязанность, которая непременно возлагалась на офицеров, заключалась в том, чтобы они были первыми в бою, и, как правило, они все до единого занимали свое место в первой шеренге с полковником в центре и, вооруженные так же, как и их люди, указывали путь в батальон противника. Ни один не оставался на лошади в бою, хотя он мог регулярно ездить верхом на марше; и действительно, ландскнехтам никогда не нравилось видеть офицера верхом на чем-либо крупнее пони, они не признавали никакой причины, по

которой пехотинец должен ездить на хорошей лошади, за исключением того, что он мог бы быстрее убежать. Поскольку обязанности офицеров были определены таким образом, легко понять, почему полковник оставил за собой назначение цветных сержантов, поскольку они были практически единственными людьми, которые хоть что-то знали о строевой подготовке или маневрах. Полковник мог предписать построение своего батальона для боевых действий, но только сержанты-знаменосцы могли выполнить это; и отсюда возникло правило, согласно которому сержанты не должны были иметь при себе никакого оружия, кроме алебарды, поскольку любое более тяжелое оружие препятствовало бы им в вечной беготне вверх и вниз по рядам, которая была возложена на них их особым долгом. Влияние этих традиций все еще было заметно в нашей армии до совсем недавнего времени. Но прошло несколько лет с тех пор, как сержанты взвалили свои винтовки на плечо, как будто они носили другое оружие, чем солдаты, и офицеры только недавно перестали сильно зависеть от них в вопросах строевой подготовки.

Такова была новая пехота Европы в конце пятнадцатого и начале шестнадцатого веков, еще не доведенная до совершенства, но быстро достигавшая эффективности и важности, о которых в Европе многие столетия не знали. И теперь народы хлынули на прекрасную землю Италии, чтобы обучать друг друга на этой второй родине всех искусств новорожденному искусству войны. Франция была первой, кто пришел; и немногие армии вызвали большее удивление в Европе, чем та, что прошла с Карлом Восьмым через Флоренцию в 1496 году. Работа, начатая для изгнания англичан из Франции, неуклонно продолжалась. Людовик Одиннадцатый нанял швейцарских сержантов для обучения своей пехоты, и Пикардия, старший полк старой французской линии, уже потенциально существовала. Но не они, а другие мужчины привлекли внимание флорентийцев. Ибо там можно было увидеть шотландских лучников, лучших телохранителей в мире как по доблести, так и по росту, швейцарцев, марширующих величественным шагом в невероятно хорошем строю, рыцарственных джентльменов Франции, закованных в кольчуги с головы до ног и великолепных в шелковых накидках, скачущих верхом со всей гордостью отомщенного Азенкура, конных лучников, менее тяжелых, но более умелых, как и подобает легкой кавалерии, и, наконец, огромный обоз из медной артиллерии, пушек и кулеврин, а также соколов, самый большой из которых весил шесть тысяч фунтов и был установлен на коне. четыре колеса, самое маленькое предназначено для инъекции размером не больше таблетки врача и передвигается только на двух колесах. Сообразительные французы уже придумали принцип передка и сделали два колеса своих тяжелых орудий съемными. Они уже научили водителей более легких орудий передвигаться так же быстро, как легкая кавалерия.^[63]

Мы не можем проследить за этой армией через все триумфы и катастрофы следующего полувека, но мы должны кратко взглянуть на быстрый прогресс французской военной организации. Людовик Двенадцатый серьезно отнесся к совершенствованию своих пехотинцев и увеличил количество рот, или отрядов, как их называли, которые были созданы отрядами Пикардии. Количество этих отрядов, постоянных и временных, требовало назначения офицера, который должен был быть посредником между генералом и капитанами независимых рот. Примерно в 1524 году был учрежден такой офицер с новым званием полковника,^[64] и по-французски говорилось, что роты, находящиеся под его командованием, подчиняются его полку. Вскоре это слово стало использоваться в собирательном смысле, и такие-то роты под командованием полка полковника А. стали называться просто полком полковника А. У полковника была своя рота, но, не имея свободного времени заниматься ею, он передал ее капитану, которого называли лейтенантом полковника или подполковником-подполковником.

Другой ротой командовал старшина, слово "сержант", с которым мы впервые встретились в самом начале, вошло в употребление во Франции в новом значении в 1485 году. Как уже упоминалось в разговоре о ландскнехтах, название сержанта по какой-то причине стало связано с функциями строевой подготовки, и старшина был для полка тем же, чем сержант был для роты. Таким образом, он был единственным офицером, который оставался на коне в бою, и его обязанности заставляли его постоянно скакать галопом от роты к роте для исправления плохого построения и упорядочивания рядов. Будет видно, что старший сержант, или, как мы теперь называем его, майор, первоначально выполнял работу, которую сейчас в Англии выполняет адъютант.

Капитан, конечно, был старым титулом и использовался для обозначения начальника отряда во Франции с 1355 года, возможно, позаимствованный у вольных отрядов. *Местоблюститель капитана* или лейтенант были учреждены в результате реформ Карла Седьмого в 1444 году, а вместе с ним и его знаменосец или прапорщик,[65] но были и другие младшие офицеры, которые пришли позже даже полковников, чтобы дополнить новый военный словарь. В 1534 году мы впервые сталкиваемся с *фурьерами*, *шапками эскауд* и *ланцетниками*. Первое из них, существовавшее какое-то время в искаженной форме *furrier*, перешло из английского языка.[66] Вторая - французская форма итальянского *capo de squadra*, возглавляющего каре, воспоминание о тех днях, когда люди формировались в квадратные блоки, отделения или эскадроны, которые переходили в *капралов* и, таким образом, в наших английских *капралов*. Третье, опять же французская форма итальянского *lanz pesato*, первоначально означало латника, чья лошадь была убита и который поэтому был вынужден идти пешком. Будучи высокопоставленной личностью, он не был причислен к рядовым пехотинцам, но носил это отличительное и высшее звание, откуда в свое время произошла приставка младшего офицера к званиям сержанта и капрала. Наконец, в 1550 году пехотинцев во Франции стали называть собирательным названием *фантери* или *инфантерия*. Это слово также было искажено итальянским, поскольку итальянские командиры обычно называли свои войска "своими мальчиками", *fanti*, а все вместе - *fanteria*; и от них этот термин перешел во все языки Европы. Ничто не могло бы лучше запечатлеть положение Италии в шестнадцатом веке, чем одновременно место сосредоточения наций и школу нового военного искусства.

Но прежде чем покинуть Францию, следует затронуть еще один аспект ее военных институтов. После смерти Франциска Первого, и особенно в период религиозных войн, дисциплина и боевой тонус французской армии претерпели сокрушительное ухудшение. Капитаны с самого начала были владельцами своих компаний, которые действительно иногда продавались полковником с аукциона тому, кто больше заплатит; и поскольку они получали вознаграждение пропорционально номерам, которые могли указать в своих списках, негодяйство и коррупция были ужасающими. Соблюдение строгой дисциплины неизбежно приводило к дезертирству, а каждый дезертир означал, что чем меньше человек в списке капитана, тем меньше сумма в кармане капитана. Поэтому не предпринималось никаких усилий, чтобы обуздать недостойное поведение солдат в свободное от службы время; им позволялось грабить по их собственному желанию, и у них было тем больше оправданий, поскольку их поощряли таким образом возмещать себе жалованье, украденное у них их офицерами. Эта признанная система грабежа была известна как *picorée*,[67] слово, которое прошло через английский язык в форме *pickeering*. Среди многих фальсификаций списков призывников был еще один метод, а именно в день проверки собрать всех деревенщин или мужчин, которых можно было найти, всунуть им в руки пику и представить их как солдат. Смотритель должным образом пропустил их, и как только он

повернулся к ним спиной, они были отпущены, выполнив свою задачу - получить жалование за незаконную наживу капитана до следующего смотра. Таких людей называли *passe-volans*, слово, которое также вошло в военную терминологию Европы и, как *mortes-payes*, получило наконец официальное признание. Не следует думать, что подобные злоупотребления были ограничены Францией, но важно, что именно она нашла им названия.^[68] Также читатель не должен проявлять излишнего нетерпения по поводу упоминания этих деталей в военной истории иностранных государств. Английский солдат в следующем столетии и более будет ходить в школу, где, как и все ученики, он будет учиться как добру, так и злу; и невозможно следить за его успехами, если мы не знаем кое-что о его школьных товарищах, а также о его наставниках.

1495.

Atella, 1496.

1503.

1512.

Последняя из наций давайте взглянем на Испанию, которая в конце пятнадцатого века только что вышла победительницей из восьмивековой войны с маврами и готовилась к великой и блистательной карьере. Ее военная подготовка была направлена против восточного врага, быстрого, активного и хитрого, и неудивительно, что, когда она впервые вступила на поле боя в Италии и встретила массивные колонны швейцарцев при Семинаре, она должна была уступить им дорогу. Но во главе испанских войск стоял гениальный человек, Гонсалво Кордовский, который быстро учился у своих врагов. Ограничившись на время партизанской войной, в которой он разбирался лучше всего, он смешал пики с короткими мечами и щитами, которые были отличительным оружием испанской пехоты, и в течение года одержал свою первую победу над швейцарцами. Его следующая кампания застала его с отрядом ландскнехтов на жаловании, когда он быстро осознал возможности, которые заключались не только в пиках, но еще больше в огнестрельном оружии, которое они привезли с собой. Не прошло и года, как он разгромил швейцарскую пехоту и французскую кавалерию в двух блестящих сражениях при Чериньоле и при Гарильяно и практически изгнал их из Неаполя. Затем он принялся перестраивать испанскую ногу на основе опыта, накопленного им в ходе своих более поздних кампаний, и при этом полностью осознавал моральные и физические особенности своих соотечественников. Таким образом, хотя именно в испанском языке пика впервые была названа королевой оружия, тем не менее ценность меча в руке гибкого активного народа никогда не упускалась из виду, и в Равенне не меньше, чем в Чериньоле, бросок ловких колющих испанцев под ограду из пик оказался смертельным для неуклюжего германца.

1522.

1525.

Еще более примечательным было быстрое развитие мушкетной мощи в руках испанцев. При Бикокке маркиз Пескайра отразил атаку гигантского швейцарского батальона, построив несколько небольших квадратов или эскадронов испанских аркебузирова перед своим собственным батальоном пик. Его инструкции заключались в том, что ни один выстрел не должен производиться без приказа, факт, указывающий на раннее достижение совершенства в том, что сейчас называется огневой дисциплиной, но что каждая передняя шеренга должна произвести залп по команде и, сделав это, должна отойти в тыл для перезарядки, предоставив

остальным шеренгам делать то же самое последовательно. Результаты этого маневра были катастрофическими для швейцарцев; и этот остроумный метод поддержания непрерывного ружейного огня был законом в Европе на следующие полтора столетия. Фактически, если бы потребовалось установить произвольную дату первого действительно эффективного применения стрелкового оружия на поле боя, то вполне можно было бы выбрать день Бикокки. Но мы не должны упускать из виду одновременно выучку и дисциплину, которые сделали возможной эволюцию Пескайры. Три года спустя, в знаменитой битве при Павии, этот же искусный солдат предпринял еще более смелую попытку со своими аркебузирами, и с поразительным успехом. Находясь под угрозой атаки французской тяжелой кавалерии (*men-at-arms*), он развернул полторы тысячи своих стрелков в боевом порядке перед своим фронтом, которые, пользуясь каждым укрытием и двигаясь всегда с большой ловкостью и активностью, вели яростный огонь по мере продвижения кавалерии и, наконец, укрывшись под пиками батальонов, которые были выдвинуты им на поддержку, разбили несчастных французов так же эффективно, как английские лучники при Креси. По правде говоря, эффект этого смелого эксперимента на умы военных в Европе был едва ли меньшим, чем у самого Креси. Генрих, герцог де Гиз,[\[69\]](#) превосходный солдат, был настолько поражен его успехом, что показал, как этот принцип может быть расширен до бесконечности и обрести окончательную форму, как это произошло много лет спустя, при формировании отдельного корпуса легкой пехоты. Однако его собственная попытка организовать такое подразделение во Франции потерпела неудачу, и испанские аркебузиры долгое время считались первыми в Европе - гордое положение, которое они завоевали самым достойным образом.

Выдающаяся доблесть испанской пехоты вскоре сделала ее популярной в стране. Кавалерия, в расцвет рыцарства самая великолепная в Европе, утратила свою привлекательность для молодых дворян, которые записывались рядовыми в ряды пехоты и носили пики и аркебузы вместе с самыми подлыми людьми. Сам Карл Пятый когда-то взвалил на свои плечи часть и маршировал, подобно Максимилиану, в строю, пока главнокомандующий не приказал[\[70\]](#) по собственному назначению не подвергать себя ненужной опасности, когда, как хороший солдат, он сразу же выполнял приказы. И это подводит нас к еще одной выдающейся черте испанцев - совершенству их дисциплины. Английские и французские современные писатели[\[71\]](#) согласились, что они не были обязаны своими победами ничему иному, кроме послушания и хорошего порядка, поскольку сами по себе они не были замечательными воинами. "Я убежден, - говорит Роджер Уильямс, - что десять тысяч наших солдат выбили бы с поля боя тридцать тысяч их солдат, за исключением примерно трех тысяч [отборных бойцов армии], которые находятся в Нидерландах". Гонсалво был человеком, заложившим основы этой дисциплины, и она достойно поддерживалась его преемниками. Карл Пятый зашел так далеко в своем уважении к ней, что, как всегда, отдавал честь виселице всякий раз, когда ему случалось проходить мимо нее. И все же в испанской армии нет признаков необычайной жестокости, напротив, это замечательные признаки хорошего товарищества между офицерами и солдатами и здорового боевого духа. Существовала система товарищества, которой завидовала вся Европа. Два офицера каждой роты, капитан и прапорщик,[\[72\]](#) каждый брал к себе и развлекал от трех до шести товарищей из числа молодых дворян, служивших в рядах; сержанты также брали одного или двух таких товарищей, а рядовые устраивали небольшие беспорядки между собой подобным образом, с уникальным по тем временам результатом, что драки и потасовки были неизвестны в испанском обществе. лагерь. Не менее поразительной была гордость, которую испытывали старые солдаты за себя и свою профессию. Записано, что группа испанских рекрутов, прибывших в

Неаполь оборванными, неряшливыми и неопрятными и смотревших по сторонам шутовски и не по-солдатски, была сразу взята под опеку старыми солдатами, которые одолжили им хорошую одежду, привели их в порядок и научили надлежащим манерам.[73]

В остальном испанцы изобрели систему, которая, хотя сейчас и кажется достаточно очевидной, в те дни была чем-то новым. Она состояла просто в поддержании ядра, или, как мы бы сейчас назвали это, склада, из обученных людей, достаточно многочисленных, чтобы обучать новобранцев их долгу. Все новобранцы проходили обучение в гарнизонах на родине, а оттуда поступали в ряды полка, где в них нуждались; и каждый освобожденный таким образом призыв был немедленно заменен равным количеством новобранцев. Если вспомнить, что, согласно представлениям того времени, семи тысяч обученных пехотинцев и трех тысяч кавалеристов считалось достаточным для пополнения армии численностью в пятьдесят тысяч человек, то силу, которую давала Испании ее система набора, нелегко преувеличить. Обученных полков испанской пехоты было всего четыре, и их объединенная сила не превышала семи тысяч человек, но их ряды всегда были полны. Количество рот, в которые они были распределены, было неопределенным, а численность самих рот колебалась от ста пятидесяти до трехсот человек, что являлось любопытным недостатком в самой совершенной организации того времени. Наконец, испанские полки были известны под названием терсиос,[74] термин, с которым читатель не должен спорить, поскольку он столкнется с ним на поле битвы при Нейсби.

1475.

1567.

Не менее примечательной, чем их организованность и дисциплина, была проворность испанцев в совершенствовании огнестрельного оружия. Примитивное ручное ружье, как я уже говорил, мало чем отличалось, за исключением размера, от более мелкой пушки того времени. Он состоял просто из бочки с вентиляционным отверстием наверху и, хотя действительно крепился к деревянному ложу, не имел никакого замка. Ручные ружья часто делались такими короткими, что даже всадник мог держать их одной рукой и стрелять другой. Спичечный шнур или трут для поджигания заряда через вентиляционное отверстие уже всюду использовался. Следующим шагом было увеличение длины ствола и опора его на раздвоенный упор - план, предложенный испанцами во время вторжения Карла Пятого в Милан в 1521 году. Десять лет спустя был достигнут огромный шаг вперед за счет замены поддона сбоку ствола на отверстие в верхней части и добавления рукоятки к ложу для удержания спичечного шнура, который соприкасался с поддоном при нажатии на спусковой крючок. Одним словом, ствол был снабжен замком. Чрезвычайно изобретательный итальянец на французской службе Филиппо Строцци затем взялся за усовершенствование огнестрельного оружия, копируя, однако, как всегда, испанскую модель. Канал ствола аркебузы (ибо примитивный немецкий *hakenbuchse* к этому времени обрел свою окончательно искаженную форму) был им увеличен, чтобы выдерживать более тяжелый заряд и нести пулю большего размера; и столь совершенным было мастерство миланских оружейников, которых он нанял, что ему удавалось убить человека с расстояния в четыреста шагов, а лошадь - с расстояния в пятьсот шагов. Поскольку приклад был длинным, а отдача очень сильной, мужчины немало страдали от ушибов и контузий при стрельбе этим оружием; но его эффективность была доказана. Строцци также ввел еще одно испанское усовершенствование, а именно практику изготовления всех своих аркебуз с одним стволом, которая, хотя сейчас это звучит достаточно очевидно, ждала несколько лет, прежде чем найти всеобщее признание в Европе. Поэтому это оружие было известно как аркебузы

калибра, и вскоре это словосочетание в Англии было сокращено просто до каливера. Однако это было оружие малого калибра:[75], как обычно, испанцы первыми вооружили свою пехоту мушкетами[76] крупного калибра. Альва был человеком, который познакомил их, а повстанцы из Нидерландов первыми почувствовали свою силу. Потребовалась лишь замена кремневого замка на спичечный и отмена всего остального, чтобы превратить это оружие в "Коричневую Бесс", которая никогда не была так знаменита в руках англичан, как на полях сражений у дома Алвы. Патронташи и патроны к ним давно были известны испанцам и даже французам[77] до середины шестнадцатого века, так что общий прогресс в оружии и снаряжении был быстрым.

Но едва оружие было усовершенствовано для пехоты, как кавалерия тоже начала испытывать потребность в нем. Самым простым методом, конечно, было вложить пику и аркебузу в руки всадников и превратить их в конную пехоту, что было должным образом сделано во французской армии Пьеро Строцци в 1543 году и принесло ему титул отца драгун.[78] Но еще раньше в этом столетии в Германии вырос новый вид кавалерии, называемый простым названием *Reiters*, который усовершенствовал огнестрельное оружие меньшего размера, *petronel*[79] и пистолет, и в конце концов приняла последний в качестве своего основного оружия. Результатом стала важная революция во всей тактике кавалерии.

1554.

Уже упоминалось об отказе в конце XV века от плотной колонны конных воинов в пользу менее громоздкого построения в линию, или, как его называли, *эн хэй*. Копье по-прежнему оставалось основным оружием кавалерии, и свобода движений, полученная в результате этого изменения, значительно приблизила конную атаку к ударным действиям, которые являются правилом в наши дни. Однако у нового формирования были свои недостатки, поскольку при несовершенном состоянии военной дисциплины не было уверенности в том, что вся шеренга устремится домой. Отступление было настолько легким, что трусы отступали, притворяясь, что у них идет кровь из носа, что они потеряли стремя или сбросили башмак,[80] в то время как люди духа, и это было особенно верно для стремительных французов, мчались, чтобы первыми ворваться в эскадрон противника, и из-за преждевременного увеличения скорости подходили к удару в рассыпном порядке, а лошади выбивались из сил и падали. измученный. Этот недостаток был настолько хорошо осознан, что проницательный французский офицер Гаспар де Таванн в битве при Ренти намеренно вернулся к старой плотной колонне и разрушал все шеренги, которые попадались ему на пути.

Еще одна причина способствовала восстановлению колонны в качестве излюбленного строя для атаки кавалерии. С неуклонным совершенствованием огнестрельного оружия пуля становилась все более мощной по скорости и проникающей способности, и ее становилось все труднее отражать броней. Никогда не следует забывать, что пулевое ранение в течение столетия и более после появления огнестрельного оружия обычно означало смерть. Примитивная хирургия того времени, введенная в заблуждение багровым видом краев раны, объявила, что пули по своей природе ядовиты, и рассматривала рану в некотором роде как укусы змеи, с такими пытками кипящим маслом и другими описаниями прижигания, о которых тошно даже читать. Мудрые люди прибегали к помощи холодной воды и держали хирургов на безопасном расстоянии. "Доверяй врачу, и он убьет тебя; не доверяй ему, и он оскорбит тебя", - написал француз[81], который сильно пострадал от этой профессии. Но прежде всего, люди полагались на профилактику, а не на лечение; поэтому, чтобы уберечь свое тело от пуль, они

делали свои доспехи все тяжелее и тяжелее, прикрывая себя шрамами, если использовать слова презрительных критиков,[82] пока они сами не смогли ни выносить быстрых движений, ни найти лошадей, способных поддерживать какой-либо темп под ношей.[83] Таким образом, было очевидно, что если кавалерия должна действовать ударом, то удар должен быть, как в прежние времена, нанесен тяжелым грузом, а не высокой скоростью.

Более того, помимо всех вопросов формирования, в преобладающей тактике пехоты было много такого, что побуждало кавалерию сменить копье на пистолет. Огромные квадратные батальоны, ошетилившиеся восемнадцатифутовыми пиками и усиленные мушкетерами, было нелегко разбить атакой, но они представляли собой серьезную мишень на довольно безопасном расстоянии для конного стрелка. Таким образом, все обстоятельства сговорились в пользу большой и радикальной реформы тактики кавалерии, перехода не только от линии к колонне, но и от ударных действий к метательным. Когда однажды пистолет был признан основным оружием всадников, стало очевидно, что все остальные тактические соображения должны уступить место ведению непрерывного огня. С этой целью была известна только одна система, а именно старый метод Пескайры, согласно которому передняя шеренга должна стрелять первой и отходить в тыл для перезарядки, оставляя сменяющие друг друга шеренги подходить на ее место и проделывать то же самое по очереди. Очевидно, поэтому был необходим возврат к старой плотной колонне, столь же большой по глубине, как и по ширине фронта. Соответственно, он был повторно введен, и из-за его квадратного очертания был назван по названию эскадрона, которое с этого периода, как правило, становится термином, применяемым исключительно к кавалерии. Собранные в такие эскадрильи, люди могли двигаться медленно и неуклонно, охотно жертвуя скоростью, чтобы выбрать лучшую и более верную цель.

1557.

Таков был новый принцип, выдвинутый в начале шестнадцатого века отрядами конных наемников Германии, причем со все возрастающим успехом. Очень скоро рейтеры были признаны ценной силой и получили от Карла Пятого нечто вроде поддержки, которую ландскнехты получили от Максимилиана. Претенденты на военную службу Империи, покинув ряды некогда прославленной пехоты, поспешили записаться в новую кавалерию, и ландскнехты пришли в упадок, чтобы рейтеры могли процветать. В том, что новая служба была столь же почетной, как и старая, можно усомниться, поскольку жестокость рейтеров вошла в поговорку, а их обычай чернить лица свидетельствует о чем-то вроде хулиганского духа; но, как бы то ни было, они навязали свою систему, несмотря на ожесточенное сопротивление, кавалерии Европы, и со дня битвы при Сен-Кантене можно сказать, что они утвердили свое дьявольское превосходство.

Поэтому необходимо кратко взглянуть на их организацию. Тактической единицей был эскадрон, численность которого была неопределенной - от ста до трех или даже пяти сот человек. Офицерами были капитан,[84] лейтенант, прапорщик,[85] и квартирмейстер,[86] а штат укомплектовали капеллан, сержант[87] и трубач. Поскольку каждый человек приносил свое собственное снаряжение, точного единообразия не было, но можно с уверенностью

предположить, что все носили полную защитную броню до пояса, а некоторые даже до середины бедра. Для наступательных целей пистолет, или, скорее, пара пистолетов, были незаменимы. Как и в случае с ландскнехтами, все вопросы строевой подготовки были делом сержанта, но не похоже, чтобы рейтеры когда-либо достигали большого мастерства в маневрировании. Таким образом, в бою сменяющие друг друга шеренги эскадрильи, по-видимому, не могли зайти в тыл, кроме как слева от себя, так что было невозможно разместить их на правом фланге, не приведя к столкновению с центром их собственной боевой линии. Стоит отметить, что от трубачей требовалось владеть всего шестью призывами — Седлать, Садиться в седло, Месиво, Марш, Тревога, Атаковать, — из которых французы использовали только первые два и последние два. Вскоре мы подробнее познакомимся с этими шестью призывами, но пока достаточно привлечь внимание к их существованию в середине шестнадцатого века. Однако не следует забывать о рейтерах, поскольку, хотя они и не сравнимы с ландскнехтами по качеству войск, они послужили образцом для первого знаменитого полка английской кавалерии.[88]

Наконец, позвольте мне завершить этот неизбежно краткий и несовершенный отчет о возрождении военного искусства замечанием, которое, возможно, следовало бы сделать первым, а не последним. Среди всех инноваций, появившихся в XVI веке в области вооружения, классические модели безраздельно господствовали в организации и маневрировании. Вся история возрождения напоминает, если мне будет позволено воспользоваться метафорой, длинный музыкальный пассаж в педальной точке, на глубокой басовой ноте классической традиции. Несомненно, виной всему было возрождение классического образования. Когда генералы праздновали триумф, как это делали не один генерал, на римский манер после победы, зрелище едва ли могло быть полным без присутствия легионов; и когда Макиавелли объявил, что швейцарская тактика - это тактика македонской фаланги, у студентов-военных не могло быть сомнений, где искать образцы для собственного подражания. Франциск Первый на время перенял в 1534 году название и организацию римских легионов, в то время как ни один военный писатель не упускал случая порекомендовать римские идеалы претендентам на его профессию. Каждый солдат погружался в древние военные знания и цитировал Гиппархика Ксенофонта[89] и Тактику Элиана, Комментарии Цезаря и экспедиции Александра, тяжелую пехоту Эпаминонда и дисциплину Помпея. Француз не мог даже похвалить заслуги англичанина как морского пехотинца, не назвав его *эпibatом*. Одним словом, Европа на протяжении двух столетий шла на войну с новейшим образцом мушкета в руках и мозгом, набитым сентенциями Фронтин, Вегеция и Энея Полиоркетика, а также примерами из Плутарха, Ливия и Арриана. Она вполне могла бы найти инструкторов и похуже; но их уроки по большей части были недостаточно поняты, а их общие принципы редко правильно выводились или разумно применялись. Таким образом, демону педантизма представилась возможность, за которую он охотно и радостно ухватился. Тем не менее, нынешние армии Европы все еще удваивают свои ряды, каким бы названием они ни обозначали эволюцию, в соответствии с порядком, предписанным Элианом, и им заимствованным, вероятно, у суровых солдат древнего Лакедемонянина.

Власти. Главными авторитетами в кампаниях и организации Жижки являются Эней Сильвий, Бальбин, *Miscellanea Rerum Bohem.* 1679; Дубравиус, *Hist. Bohem.* 1602; Palacky, *Gesch. v. Böhmen*. Его военные уставы можно найти в "Новой рукописи о кенигле". *Böhm. Gesellschaft der Wissenschaft, Band I.* p. 375. Для швейцарцев, Зимлера, Республики. Гельвет; Иоанн Винтертурский, Пиркхаймер и Бернская хроника. Все сведения о битве при Земпахе были

собраны в мемориальном томе Либенау. Фантастическим произведением, но не лишенным полезной информации, является "Der wahre Winkelried" Карла Бюркли, 1886. Келер с присущей ему тщательностью обращался как с богемцами, так и со швейцарцами. Для ландскнехтов есть "Георг фон Фрундсберг" Адама Рейснера (1-е изд. 1568, 3-е изд. 1620); "Кригсбух" Фронспергера; "Реминисценция кайзера" Хортледера и др.; Адельшпигель, "Кириак Шпангенберг", 1594; все они более или менее обобщены в "Георге фон Фрундсберге" Бартольда, 1833; и в еще более сжатой форме доктора Фридриха Блау, "Немецкие ландскнехты", 1882 год. Более трудно установить, какие военные реформы проводились в Испании. Я полагался главным образом на краткий отчет Роджера Уильямса, различные заметки в "Жизни иллюстраторов" Брантома; "Жизнь Гонсалви Магни" Поля Жюва и, возможно, самое ценное из всех, на Райсснера. Для французов существуют "Ancien milice" Даниэля; "Hist" Сюанны. de l'ancienne infanterie française; Paul Jove, and the Memoires of Vieilleville, Du Bellay, Villars, de Mergey, de la Noue, Tavannes, Onosandre, Brantôme, Monluc, and others. Я также консультировался с итальянскими писателями, такими как Джулиус Ферреттус, "О военном деле", 1575; Доменико Мора, "Солдат", 1570; "Военное искусство" Саворньяно; и, конечно, Макиавелли. Наконец, я не преминул изучить классические авторитеты, цитируемые в тексте.

ГЛАВА II

Восшествие Тюдоров на английский престол знаменует важный период в нашей военной истории. Нация после тридцати лет яростной внутренней войны, во время которой она утратила всякое чувство национальной чести, начала снова привыкать к мирной жизни и осознала тот факт, что Англия теперь была не более чем островной державой. Франция была потеряна для нее, за исключением Кале, но Кале был чем-то большим, чем просто сентиментальным достоянием. Именно мостовая опора обеспечила англичанам переправу через Ла-Манш; и пока она оставалась в руках английского гарнизона, всегда существовало искушение ввязаться в континентальные войны и использовать армию как для агрессии, так и для обороны. И все же перспективы возвращения исконных владений Плантагенетов во Франции казались настолько безнадежными, что английские монархи вполне могли усомниться, не пора ли теперь отдать первое место флоту, а армию - второму; и этот вопрос, уже наполовину решенный острым здравым смыслом короля Генриха Восьмого, был окончательно решен потерей самого Кале. Конечно, на Твиде всегда существовала граница, которую нужно было охранять, но с прекращением экспедиций во Францию, которые неизменно призывали шотландские армии перейти границу, прежней опасности шотландского вторжения больше не существовало; более того, Англия и Шотландия теперь начинали сближаться. Таким образом, казалось бы, что после смерти королевы Марии не должно было быть особых причин для существования английской армии, и действительно, будет видно, что национальные вооруженные силы стали во многих отношениях прискорбно малочисленными. Но тем временем войны в Европе превратились из соперничества между нациями в смертельную схватку между католиками и протестантами. Именно религия отвлекла шотландцев от их старого союза с французами к их бывшим врагам англичанам; и именно религия привела англичан на поля сражений в Нидерландах, где они постигли новое искусство войны. Таким образом, для целей данной истории правление

династии Тюдоров делится на три периода, которые удобно разделить падением Кале или более знакомой вехой восшествия на престол Елизаветы и первым отправлением английских добровольцев в Нидерланды в 1572 году.

Чрезвычайно трудно установить точное состояние военной организации Англии, когда Генрих Седьмой по праву восседал на троне. Старая феодальная система, которая была так пагубно использована дворянами в своих собственных целях в Гражданской войне, по-видимому, выжила лишь наполовину. Композиции, отступы и комиссии массива уже ослабляли его в прошлом, и было показано, что сами по себе отступы небезопасны. О трудностях, с которыми столкнулся Генрих, свидетельствуют два статута, налагающих обязанность военной службы на два новых класса, а именно на должностных лиц, получающих гонорары или ежегодные выплаты от короны или почести и земли по королевскому патенту. Было оговорено, что они должны получать жалованье со дня выхода из своих домов до дня возвращения к ним; но им было строго запрещено покидать их без разрешения, и их служба была объявлена должной как внутри королевства, так и за его пределами. Но на самом деле суверен, по-видимому, был отброшен назад силами, которые представляли старый саксонский фюрд, и имел свое законное существование в соответствии со статутом Винчестера. Дворяне и джентльмены, конечно, все еще могли выставлять напоказ своих слуг, но многие, даже большинство, древних магнатов погибли, и недавний опыт показал опасность того, что их свита станет слишком могущественной. Любопытным осложнением, к которому я вскоре вернусь, в связи с распадом старой феодальной службы была крайняя нехватка хороших лошадей. В целом все склонялось к тому, чтобы прибегнуть к национальному ополчению как главной военной силе Англии. В это правление, по-видимому, были окончательно установлены две надбавки к налогам графства, а именно к деньгам за одежду и за поведение. Первый, как следует из его названия, помогал солдату обеспечить себя одеждой и был шагом вперед к униформе; и действительно, возможно, что он был намеренно разработан, чтобы исключить ливреи знати, уже осужденные законом, в пользу национальной белой с красным крестом Святого Георгия. Деньги за поведение были просто старым пособием, которое было во времена Уильяма Руфуса, но которое отныне, по-видимому, возвращалось графству из Казначейства. Однако и то, и другое, хотя и было выплачено солдату авансом, в конечном счете было вычтено из его жалованья, и поэтому представляет интерес для истории остановок британского солдата. Наконец, мы находим указания на более строгую дисциплину в законе, который квалифицирует дезертирство во время службы за пределами королевства как уголовное преступление и подвергает капитанов, которые обманом лишают людей жалованья, конфискации имущества и тюремному заключению.

1485.

Остается упомянуть несколько моментов, прежде чем мы перейдем к правлению Генриха Восьмого. Первым было создание королевской гвардии, которая с ее живописной старинной одеждой и оригинальным названием "Йомены"^[90] Гвардии все еще живет среди нас. Хотя она, несомненно, скопирована с Шотландской гвардии французских королей, она представляет большой интерес как состоящая не из иностранцев, а из англичан, и как первый постоянный корпус обученных английских солдат в нашей истории. Еще один более мелкий вопрос нельзя игнорировать, не проявив неуважения к настроениям военных. После победы на Босвортском поле Генрих возложил к алтарю собора Святого Павла знамя с изображением "красного огненного дракона" на бело-зеленом поле - знамя Кэдуолладера, последнего из британских

королей, от которого он любил вести свое происхождение. Алый цвет этого красного огненного дракона стал с этого времени королевской ливреей и в настоящее время был зарезервирован, вместе с пурпуром, только для использования королем.^[91] Но зелено-белый цвет был более щедро распространен как среди солдат, так и среди моряков. Белый мундир с красным крестом Святого Георгия долгое время был обычным отличием английского солдата, а белый как цвет Тюдоров теперь стал настолько распространенным, что какое-то время "белый мундир" использовался как синоним слова "солдат".

Наконец, следует отметить определенное учреждение Управления боеприпасов для хранения военных складов. Ранняя история управления чрезвычайно неясна, и существование *артиллериста* короля Эдуарда Второго едва ли дает нам право предполагать, что департамент был основан на постоянной основе в четырнадцатом веке. Запись клерка артиллерии в 1418 году ставит эту должность на более надежную почву, а в 1483 году назначение генерального магистра поднимает ее на такую ступень, на которой она становится узнаваемой для нас даже в наши дни; ибо титул генерального магистра носили Джон, герцог Мальборо, и Артур, герцог Веллингтон.

С Генрихом Восьмым мы сталкиваемся с новым примером в нашей истории английского короля-солдата. Молодой, способный, образованный и амбициозный, он был сильно проникнут военным духом и обладал многими качествами, которые, должно быть, сделали его популярным и могли бы сделать выдающимся командиром. Он преуспевал во всех упражнениях с оружием; он был лучшим лучником в своем королевстве; он изучал военное искусство у лучших специалистов; он разбирался в ведении как осады, так и кампании; и, наконец, он был неплохим артиллеристом. Однако это последнее качество он разделял с несколькими монархами своего времени. Артиллерия была любимым занятием коронованных особ Европы, возможно, как символ их военной мощи, поскольку, будучи не в состоянии доставить себе удовольствие от большого смотра из-за неизбежной неразберихи и расходов, они были рады утешить себя несколькими орудиями, каждое из которых называлось своим ласкательным именем, составлявшими их артиллерийский парк. В целом Генрих был принцем, который честно стремился восстановить военный престиж Англии.

1509.

1511.

Его первым шагом было увеличение своих постоянных сил за счет создания второй личной гвардии латников,^[92] состоящей из молодых людей благородной крови; причина заключалась в том, что в королевстве было слишком много таких молодых людей, которые не были обучены владению оружием. Корпус, как и следовало ожидать от самого хорошо одетого монарха в Европе, был так великолепно экипирован, что через несколько лет погиб под тяжестью собственных затрат. Его следующий поступок был более практичным - предписание шерифам о более эффективном применении Статута Винчестера, который интересен своей попыткой вернуть командование береговыми силами их первоначальным владельцам.^[93] Одновременно, однако, мы сталкиваемся с большим количеством старомодных отступов и комиссий *arrau*, все выпущенных в ожидании английского вмешательства в вечную борьбу Габсбургов и Валуа.^[94] В 1512 году на юг Франции была отправлена экспедиция, и там были прискорбно замечены недостатки армии. Хотя импорт ручных ружей и аркебузов показывает, что Англия не закрывала глаза на прогресс огнестрельного оружия в Европе, эти силы были вооружены в основном, если

не исключительно, старомодными луками и тетивами, и, что хуже всего, почти все эти луки, которые были выданы со складов в Тауэре, оказались бесполезными. Более того, мужчинам "недобросовестно подавали" еду, у них удерживали жалование, и, что было самым острым из всех огорчений, они не могли получить пива. Военный совет, которому было поручено командование, никогда не мог прийти к согласию относительно плана операций, и хотя он держал людей таким образом в бездействии, он не предпринимал попыток обучить их. Естественным результатом стал мятеж. Одна большая банда вышла на работу за восемь пенсов в день вместо обычных шести пенсов, несколько других поклялись, что ничто не должно помешать им вернуться домой, и беспорядки были подавлены только повешением зачинщика.[95]

1513.

У Генри, похоже, были подозрения относительно положения дел, поскольку в том же году были приняты законы, обновляющие существующие законы о борьбе с дезертирством и мошенничеством; хотя из непрекращающегося повторного введения в действие этих конкретных положений становится ясно, что их либо легко обходили, либо применяли небрежно. Однако в следующем году Генрих лично выступил на поле боя в Нормандии, где его присутствие, по-видимому, существенно изменило ход событий. Его силы должны были состоять из тридцати тысяч человек, но из-за надвигающихся неприятностей с Шотландией сократились менее чем вдвое. Детали его организации до сих пор сохранились, и любопытно обнаружить, что всего лишь после двух поколений разлуки с Францией французские термины "авангард", "битва" и "арьергард" уступили место "переднему", "среднему" и "арьергардному". Еще одним новшеством является добавление крыльев, которые ранее были прикреплены только к авангарду, а также к мидварду; что явно было новшеством.[96] Снова наблюдается сильная тенденция, которая через год становится правилом, создавать тактические подразделения одинаковой численности, при этом сто человек являются обычным составом роты. У каждого капитана также есть подчиненный офицер, которого называют его младшим капитаном, имя, которое фигурирует в уставах предыдущего правления и еще не было заменено титулом, пока еще зарезервированным только за заместителями короля,[97] лейтенанта. Прапорщик[98] пока не появляется, поскольку группировка компаний строго территориальная, и, по-видимому, только один стандарт разрешен для каждого графства. Однако каждая рота имеет отличительный знак своего капитана, а лучники королевской гвардии одеты в форму из белого габардина. Наконец, в армии насчитывается полторы тысячи алмейнов, ландскнехтов, о которых рассказывалось в предыдущем разделе, восемьсот из которых, "все в полном составе", маршировали непосредственно перед королем. Возможно, это почетное место было предоставлено им для того, чтобы разжечь соперничество с англичанами, но более вероятно потому, что Генрих, следуя дурному примеру французов, больше доверял обученным наемникам, чем своим собственным подданным. Мы будем постоянно встречаться с такими контингентами иностранцев среди англичан в течение следующих сорока лет, пока, наконец, Англия, как и любая другая нация в Европе, не осознает истину, что ее собственные дети, получившие такое же тщательное образование, стоят вдвое больше иностранцев.

Самыми замечательными всадниками в этой армии были всадники-северяне, которые, появившись в какой-то неопределенный период из-за вечных набегов на шотландскую границу, теперь регулярно появляются в составе каждой экспедиции как совершенно необходимые. Это была легкая кавалерия, первая заслуживающая этого названия, которую когда-либо видели в

нашей армии, и, вероятно, самая лучшая в Европе. Они носили защитные доспехи на спине и груди и железные шапки, носили копья и щиты, иногда лук, и были верхом на "клячах", которые, вероятно, были высотой около тринадцати-четырнадцати ладоней. Для выполнения разведывательных задач они были идеальны, и их следует считать первой регулярной английской лошадью, которая была глазами и ушами армии. Позже мы увидим, как они объединились в конный отряд, очень похожий на них, а именно в полулансы, которым было суждено в предстоящий нам переходный период занять место, уже почти освободившееся латниками.

Нет необходимости останавливаться на инцидентах не очень богатой событиями кампании. Паническое бегство французов в битве при Шпорах подтвердило старую веру в то, что они не смогут устоять перед англичанами; а осада и взятие Теруэн под личным руководством Генриха помогли подтвердить это. Безрезультатная атака на английский конвой, удивительно напоминающая по своим основным чертам битву при Сельдях, также помогла сохранить древнюю репутацию английских лучников. Наконец, осада Турне дала Генриху возможность продемонстрировать кое-что из своей новой артиллерии. Там было двенадцать огромных фигур, называемых двенадцатью апостолами, которыми он особенно гордился; но поскольку святой Иоанн увяз в грязи и, к несчастью, был схвачен, лучше не говорить о них слишком много. Но французов отнюдь не впечатлило появление на поле боя их старых врагов. "Англичане, - покровительственно писал Флеранж, - хорошие люди и хорошо сражаются, когда занимают сильную позицию, но в остальном я не придаю им большого значения".

1513 год,
сентябрь.
9 сентября.

Но пока Генрих натравливал своих апостолов на Турне, у некоторых еще более старых врагов нации сложилось совсем иное мнение об англичанах. Ибо в сентябре Томас, граф Суррей, встретился с шотландцами на Флодденском поле и нанес им удар, от которого они так и не оправались полностью. Шансы противангличан были велики, поскольку они могли привести с собой всего двадцать шесть тысяч человек против сорока тысяч или, как некоторые говорят, восьмидесяти тысяч шотландцев, а позиция, занятая Яковом Четвертым, была настолько сильной, что Суррей не мог рискнуть атаковать ее. Быстро сообразив, что происходит, он сделал крюк с юга на север от шотландского войска, и Джеймс, который не пытался приставать к нему во время движения, поспешил вниз, опасаясь быть отрезанным от своей базы, чтобы встретить его в открытом поле. Продолжение - пример беспомощности педантизма, даже новейшего образца, перед лицом подлинного военного инстинкта. Шотландцы изучили методы ландскнехтов; они были вооружены в основном пиками; они были выстроены в пять огромных батальонов по швейцарскому образцу и двинулись в атаку молча, "как принято у алмейнов". Наконец, у них была с собой лучшая артиллерия, которую когда-либо видели.^[99] Однако все это им ничего не дало. Англичане также были сформированы по методу, который недавно вошел в моду, в две дивизии, переднюю и арьергардную, каждая с двумя флангами; но Суррей смело развернул обе в одну большую линию,^[100] имея в резерве лишь один небольшой кавалерийский отряд, и, по-видимому, перекрыл громоздкие массы противника. Нет необходимости приводить подробности сражения; оно началось между четырьмя и пятью часами вечера и закончилось через час. Английские военачальники, похоже, проявили не только храбрость, но и мастерство. Английские лучники, как обычно, нанесли сокрушительный

удар по людям без доспехов; английские пехотинцы взяли верх над шотландскими пиками, а английская легкая кавалерия, превосходно управляемая, дважды спасла пехоту от поражения. Десять тысяч шотландцев были убиты, и сам Джеймс, окруженный главой и наследником почти всех благородных домов Шотландии, лежал среди мертвых, покрытый ужасными ранами. По какой-то причудливой причине он вернулся к устаревшей практике и спешил своих латников, которые, повинаясь новой моде, предполагавшей защиту от новомодных пуль, были облачены в самые тяжелые доспехи. Стрелы падали с них, не причиняя вреда, и даже биллы не могли сразить их менее чем полудюжиной ударов; но они не умели летать, а биллмены не уставали убивать. И вот на Флодденском поле был показан прогноз того, что позже предстояло увидеть в Италии, когда пехота, обнаружив латников распростертыми на земле, забивала их насмерть, как омаров в панцирях, прежде чем они успевали пробить их броню.

Тем не менее урок Флоддена для англичан состоял главным образом в том, что перед бантами и клювами по-прежнему невозможно устоять; и для консервативного народа ничто не могло быть более желанным. Генри, который был страстным лучником, уже обновил закон своего отца, запрещающий использование арбалета без лицензии, и теперь он отозвал все лицензии и распространил запрет на ручное оружие.^[101] Длинный лук, с другой стороны, получил всю поддержку, которую могли позволить законы и настроения. Генрих одел себя и свою телохранительницу в зеленое, что было характерным цветом лучников; а венецианский посол Джустиниани в письме 1519 года описал, с небольшим преувеличением, английские вооруженные силы как состоящие из ста пятидесяти тысяч человек, чьим особым, хотя и не исключительным оружием был длинный лук. Латники вымерли, легкая кавалерия была незначительной по численности. Джустиниани, однако, не добавил, что лучники теперь были экипированы более эффективно, чем в любой предыдущий период, были снабжены двумя кольями вместо одного и дополнительно защищены нагрудником.^[102] Он также не заметил нового оружия, мавританской пики или пики Морриса, которое недавно вошло в обиход англичан и немного приблизило их к знаменитой пехоте Континента.

1520.

Однако мы почти с улыбкой наблюдаем, как Генрих с неослабевающим удовлетворением выставляет напоказ своих лучников перед лицом Франциска на Золотом поприще. Фрэнсис, со своей стороны, предъявил своих швейцарцев и дал англичанам возможность изучить первую пехоту в Европе. Флеранж был во главе их, и когда его взгляд блуждал от алого и золотого на одежде телохранителей к белому и зеленому на других английских войсках, он, вероятно, чувствовал себя оправданным в своем мнении, что они не могли встретиться с его собственными людьми в открытом поле. Генрих, однако, был неизменен,^[103] и единственным признаком новизны, который мы видим на этом знаменитом представлении, является флаг в форме рога, который несут в свите кардинала Уолси, *корнета*, который в свое время дал свое название знаменосцам английской кавалерии.^[104]

1522.

1523.

1525.

В те дни мир никогда не длился долго, и в 1522 году Генрих снова был в состоянии войны с Франциском в союзе с Карлом Пятым. И снова недостатки Англии стали очевидными. В своей экспедиции во Францию, которая привела к незначительному результату, Генрих был вынужден

полагаться в основном на Карла в кавалерии;^[105] и когда стало очевидно, что Франции потребуются сражаться и на шотландской границе, граф Суррей, который командовал на севере, попросил подкрепления в четыре тысячи ландскнехтов. Французы, сказал он, наверняка привезут с собой пики, а англичане не привыкли к пикам, хотя им скоро предстоит научиться этому у алмейнов.^[106] Проще говоря, английские солдаты с их существующим снаряжением были непригодны для встречи с французами в полевых условиях. К счастью, герцог Олбани, выступавший против Суррея, был трусом, и тревога на севере почти не поднялась. Но на данный момент опасность, похоже, пробудила в Генри осознание своей отсталости, поскольку в 1523 году мы находим схему закупки десяти тысяч восемнадцатифутовых пик и панцирей, пяти тысяч алебард и десяти тысяч ручных кулеврин со спичками,^[107] формы для пуль и пороховницы в комплекте. Это первое указание на проект оснащения армии в соответствии с лучшими правилами эпохи, и, если бы он был принят, в течение полутора столетий не потребовалось бы особых изменений. Трудно сказать, почему этого не произошло, поскольку в настоящее время есть признаки намерения серьезно взяться за совершенствование армии.^[108] Но Генри изменил свою политику. Был заключен мир, за которым немедленно последовало провозглашение о введении в действие статута о поощрении владения длинным луком и отказе от арбалетов и ручных ружей.^[109] Мы должны разобраться с длительным отказом страны от артиллерии с казнозарядом в наши дни, прежде чем сможем найти параллель такому извращению.

1539.

Тем не менее, несмотря на все усилия Генриха, огнестрельное оружие, похоже, получило некоторое распространение в Англии, и особенно в Лондоне. Во время всеобщей тревоги, последовавшей за восстанием, известным как "Паломничество благодати", король полагался в основном на Лондон; и в 1537 году он выдал Устав о регистрации Артиллерийской роте города, ассоциации, созданной для улучшения обучения граждан владению огнестрельным оружием, которое включало ручные ружья и арбалеты, а также длинный лук. Эта ассоциация сохранилась как Достопочтенная артиллерийская рота. И снова, на большом смотре лондонских учебных оркестров два года спустя, мы находим похожие симптомы перемен. Старый отчет об этом зрелище представляет особый интерес из-за того, что он дает нам представление о самых боеспособных солдатах Англии. Силы состояли из пятнадцати тысяч отборных мужчин, все трудоспособные и должным образом экипированные, и все, за исключением офицеров, были одеты в белое вплоть до обуви. Белый был одновременно старым цветом Англии, цветом города и цветом Тюдоров. Солдаты прошли парадом в Майл-Энде, знаменитом учебном полигоне, который позже вошел в поговорку, в шесть часов утра, а в восемь двинулись маршем к Вестминстеру тремя ортодоксальными подразделениями - передним, средним и арьергардным. Первой прибыла артиллерия, тринадцать полевых орудий, с их боеприпасами и "ружейными камнями", поскольку дробь еще не всегда делалась из металла, на тележках позади них. Затем шли знамена города, а затем мушкетеры, по пять шеренг, с расстоянием в пять футов между шеренгами; за ними шли лучники в открытом строю, каждый на длину лука^[110] от своего соседа; затем следовали пикинеры со своими пиками Морриса, "на олмейнский манер", и, наконец, раздавались счета. Каждое из пяти подразделений в каждом округе имело свой собственный оркестр, свои собственные цвета и своих офицеров, ехавших во главе его; и стоит отметить, что ручные ружья и пики были важнее луков и клювов. Итак, они прошествовали в безупречно белых одеждах в Вестминстер, где на возвышении их ожидал король. Когда мушкетеры проходили мимо него, они дали залп, ибо залп издревле был салютом как живым,

так и мертвым, большие пушки были подняты и "стреляли очень ужасно", несомненно, под аккомпанемент женских криков, и отряд двинулся обратно через Сент-Джеймский парк в город. Этот отзыв был задуман как демонстрация против угроз иностранных держав, и он возымел должное действие.

1544.

Опасность миновала; но через четыре года Генрих снова был на поле боя, сражаясь вместе с Карлом Пятым против французов. В последовавших кампаниях мало что достойно внимания. Англичане, как обычно, взяли с собой луки и клювы, и лучники по-прежнему отличились с честью. С ними был отряд ландскнехтов, которые вели себя так плохо, что навлекли на себя нечто большее, чем обычную неприязнь; и действительно, светлые дни ландскнехтов закончились. Только одна часть английской армии вызвала горячее восхищение Карла, а именно Северные всадники. Уоллоп, английский командующий, по праву гордился ими и отрядил их очистить страну перед отъездом императора. Крепкие пограничники тронулись в путь на своих выносливых маленьких пони, а Чарльз наблюдал за ними во все глаза; и когда он увидел, как они преодолевают подъем перед собой и "бросаются" вверх по склону, он вскрикнул от искреннего восторга.[\[111\]](#)

Тем не менее следует признать, что Генрих, хотя тридцать восемь лет его правления были, пожалуй, самыми насыщенными событиями в истории современного военного искусства, сделал на редкость мало для армии. Страсть к луку, которая проявлялась в повторяющихся законодательных актах и прокламациях до самого конца его правления, а также ложная система найма наемников привели к пренебрежительному отношению к пехоте, что легко могло обернуться катастрофой. Что касается кавалерии, то, хотя и здесь он был склонен использовать наемников, он проявил больше осторожности. Его очень беспокоил упадок английской породы лошадей, и он принял три Закона о ее исправлении. Эти формулировки проливают свет на нашу древнюю боевую лошадь. Для улучшения породы было предписано, чтобы каждый владелец парка содержал от двух до четырех племенных кобыл ростом не менее тринадцати ладоней и чтобы для разведения не использовались жеребцы младше четырнадцати ладоней; ладонь должна приниматься за четыре дюйма, а измерение должно производиться по холке. Из-под действия этого Закона были исключены графства Нортумберленд, Камберленд и Уэстморленд, родина Северных всадников. Последующим Актом было предписано, что все погони, леса и участки общего пользования должны проводиться раз в год, маловероятных кобыл и жеребят забивали, и ни одному жеребцу ростом ниже пятнадцати ладоней не разрешалось бегать на свободе. Какой эффект могли произвести эти меры я не могу сказать, но знание небольшого роста племенных кобыл может помочь нам лучше понять трудности, с которыми сопряжено содержание боеспособной кавалерии.[\[112\]](#)

1513.

Но родом войск, над совершенствованием которого Генри работал больше всего, несомненно, была артиллерия. Сначала мы видим, что он закупал все свои пушки за границей, по большей части во Фландрии, и набирал своих артиллеристов также из-за рубежа; но из числа англичан, назначение которых на должность артиллериста зафиксировано, становится ясно, что англичане быстро обучались своему делу у своих инструкторов, в то время как уже в 1514 году мы находим, что лорд Дарси умолял нанять местных артиллеристов.[\[113\]](#) Есть также свидетельства того, что искусство артиллериста ни в коем случае не было такой редкостью, как

раньше, артиллеристы получали не больше жалованья обычного солдата в шесть пенсов в день.^[114] Литье боеприпасов в Англии было менее распространено, хотя есть разрозненные упоминания об английских производителях оружия с начала правления. Наконец, в 1535 году Джон Оуэн начал производить даже самые большие орудия и избавился от необходимости зависеть от иностранных производителей артиллерии. Более того, в 1543 году Генрих побудил двух иностранцев поселиться в Англии, Питера Бауда и Питера ван Коллена, которые среди других усовершенствований изобрели минометы^[115] крупного калибра и снаряды для стрельбы из них. Снаряд, действительно, часто использовался в кампании 1544 года, и Генрих рано оценил его преимущества. Однако по-прежнему оставалась трудность с поиском лошадей для перевозки полевых орудий, которую он, по-видимому, пытался преодолеть еще на третьем году своего правления путем какой-то регистрации возчиков и упряжек. Водители должны были носить белые мундиры и красный крест, их призывали на военную службу и платили им жалованье каждый месяц; и для их защиты было приказано, чтобы их казначей не брал с них взятки больше одного пенни в месяц с каждого человека - любопытный комментарий к финансовой морали армии. Однако, как бы то ни было, нет никаких сомнений в том, что Генрих Восьмой создал британского артиллериста, который, как гласит его гордый девиз, с тех пор работает со своими пушками по всему миру.

1542.

1544.

Его рвение как артиллериста также привело Генри, возможно, почти незаметно, к особой организации обороны, которая была скопирована в более поздний период колониями и на короткое время была расширена даже до имперской системы. Установка ценных орудий повлекла за собой необходимость содержать небольшой отряд обученных людей для поддержания их в порядке; и таким образом выросла практика размещения небольших независимых гарнизонов во всех главных крепостях, которые были неподвижно прикреплены к своим конкретным постам и составляли то, что действительно было постоянной силой. Таким образом, почти одновременно военные ресурсы Англии разделились на три подразделения — только что упомянутые постоянные гарнизоны, ополчение, которое можно было вызвать в случае вторжения, и рекруты, номинально феодальные, но на самом деле наемные, которые были собраны для службы за границей и распущены, как только война закончилась. Внимание, уделяемое Генрихом обороне побережья, своеобразно отождествляет его имя с некоторыми современными крепостями, которые стоят на том же месте и носят то же название, которое он дал им три столетия назад. Не следует также забывать, что, хотя Генрих сравнительно мало сделал для армии, он очень много сделал для флота и понимал, что истинной защитой Англии является поддержание ее могущества на море.

Прежде чем мы откажемся от самого популярного из английских королей, необходимо упомянуть два небольших момента. Страстный любитель музыки, он проявлял интерес к своим военным оркестрам, и мы видим, что он отправил аж в Вену за литаврами, на которых можно было бы играть верхом "на венгерский (то есть гусарский) манер", вместе с людьми, которые могли бы изготовить их и искусно играть на них. Одновременно были заказаны десять хороших барабанов и столько же флейтистов, что, как можно надеяться, принесло преимущество английским менестрелям. Наконец, Генрих был первым человеком, о котором мы можем достоверно сказать, что он вывел английских красных мундиров на действительную службу. Красная с желтым была униформой его телохранителей при осаде Булони; и, возможно, было

правильно, что алая форма впервые появилась в присутствии таких старых и доблестных врагов, как французы.

1547.

1549.

При правлении его юного преемника мы находим мало изменений в старом порядке вещей. Произошла обычная стычка с шотландцами на границе и еще одно сокрушительное поражение старого закоренелого врага при Пинки. Но наемные итальянские мушкетеры внесли немалый вклад в победу, и состояние вооруженных сил графств было крайне неудовлетворительным. Мошенническая вербовка и дезертирство, ставшие вдвойне дорогостоящими с тех пор, как была введена выплата денег за мундир и поведение, были так же распространены, как и прежде, и нечестность офицеров никогда не была более вопиющей. Был принят строгий закон для пресечения этих нарушений, по-видимому, с обычным ничтожно малым успехом. Иностранные войска никогда так много не использовались в Англии, хотя даже они жаловались на несправедливое отношение. Восстание на западе было подавлено в основном ландскнехтами и итальянскими аркебузирами, однако не раньше, чем они получили один отпор от жителей Девона, несомненно, к тайной радости всех истинных англичан. Тем не менее, в период правления произошло возвышение джентльменов-пенсионеров и, что еще более важно, назначение лорда-лейтенанта в каждом графстве, ответственного за вооруженные силы графства. Последнее, без сомнения, было шагом в правильном направлении, но не касалось сути дела. Изношенный механизм, который латали и чинили в течение пяти столетий, было не так-то легко отремонтировать; а новое маховое колесо, хотя и могло великолепно вращаться вокруг своей оси, не могло поддерживать в движении другие вышедшие из строя колеса.

1553.

Правление королевы Марии привело к самым важным изменениям в военной системе страны за последние два столетия. Статут Винчестера был отменен, и вместо него был принят новый Закон. Однако на самом деле реформа была совершенно неадекватна данному случаю. Он предусматривал поставку более современного оружия и новое распределение, в соответствии с новой оценкой, бремени, связанного с содержанием национальных вооруженных сил; но по существу новый устав был составлен на основе старого, и изменения были весьма поверхностными. Вымирание латников, на которое намекает Гвистиниани, в достаточной степени подтверждается упоминанием двух различных видов кавалерии: "полулансовой", или "средней", и легкой кавалерии, с которой мы уже знакомы; а прогресс в оснащении пехоты демонстрируется упоминанием длинных пик, доспехов и аркебуз. Но рядом с этим усовершенствованным оружием находятся знакомые луки и тетивы; и пункт, который, учитывая, что Мария вышла замуж за наследника Испании, поистине великолепен, предусматривает, что лук во всех случаях должен приниматься в качестве эффективной замены аркебузы. Эти детали, однако, сравнительно неважны. Трудность заключалась не в оружии, а в мужчинах; и Мэри знала это. Она сформировала бы постоянную армию, если бы осмелилась, но поскольку она создавала ее главным образом для принуждения своих собственных подданных, она не осмелилась ни просить денег на ее создание, ни противостоять возмущению, которое последовало бы за ее созданием.

1557.

1558.

Ее непопулярность в конце правления, столь разительно контрастировавшая с преданностью, которой она пользовалась, впервые взойдя на трон, сильно сказывалась на эффективности, всегда в значительной степени зависевшей от настроений, вооруженных сил графства. Никогда дети не ползали в школу с такой неохотой, как английский контингент, присоединившийся к испанцам после битвы при Сен-Кантене. Ни одна слабоумная женщина не наблюдала с таким беспомощным отвлечением за кражей ее драгоценностей, как некогда обладавшая железной волей Мария, когда Гиз подошел к Кале. Английский гарнизон оказал все сопротивление, какое только можно было ожидать от храбрецов, но они были в меньшинстве, и командиры тщетно просили подкрепления. Правительство осознало опасность слишком поздно; и, что еще более печально, силы графств неохотно пришли на сборы и пришли без оружия. И все же имя Мэри связано с двумя материальными благами, даруемыми британскому солдату. Мужчины, отправлявшиеся в Сен-Кантен, получали восемь пенсов в день - сумму, за которую люди ее отца взбунтовались сорок лет назад; и с этого времени, в течение целых двух столетий, восемь пенсов заменяют шесть пенсов в качестве ежедневного жалованья солдата. Более вдумчивая, чем любой из королей, живших до нее, она оставила в своем завещании указания о выделении дома в Лондоне с четким пожертвованием в размере четырехсот марок в год "на помощь бедным, бессильным и престарелым солдатам", которые понесли потери или ранения на службе своей стране. Несмотря на весь ее мужской голос и мужественную волю, у нее было женское сердце, которое трепетало к достойному старому солдату, и какими бы ни были ее недостатки в глазах тех, кто носит эту мантию, память о ней, по крайней мере, могут хранить те, кто носит красную куртку.

ГЛАВА III

1558.

Теперь мы вступаем в судьбоносное правление королевы Елизаветы. Состояние Англии на момент ее открытия после предыдущих лет плохого правления было крайне неблагоприятным. Сорванная с якоря Реформацией, страна была охвачена ураганом религиозного фанатизма, который, пройдя по всем сторонам света, оставил ее беспомощной и сбитой с толку, неуверенной, каким курсом следовать и в какой порт направиться. Елизавета была протестанткой скорее по политическим соображениям, чем по религиозным убеждениям, но главной целью ее жизни было выплыть, если удастся, подальше от кругового шторма и укрыться от него. Замысел был невыполним, и ее упрямое упорство в нем едва не привело Англию к полному краху, но в чрезвычайно трудном положении, в котором она оказалась после восшествия на престол, у нее было много оправданий для извилистой политики. Финансы были в безнадежном беспорядке, а королевство из-за долгого забвения практически беззащитно. В тех войсках, которые могла собрать страна, не было никакой дисциплины, а военные припасы, которые ее отец с таким трудом собирал, похоже, погибли. Французы располагали в Шотландии значительными силами, и, как указал Совет, Франция была военным государством, в то время как Англия была создана для мира. В этом на самом деле заключалась суть всего вопроса.

Англия отставала от всей Европы по военной эффективности, и вся Европа остро осознавала этот факт.

Ситуация была настолько отчаянной, что героические меры, какими бы неприятными они ни были для королевы из-за их дороговизны, были неизбежны. Во Фландрии было спешно закуплено оружие в огромных количествах, были вызваны силы графства, и Елизавета упражнялась в Сент-Джеймском парке с четырнадцатью сотнями обученных солдат, которых город снабдил калибрами, пиками и алебардами. Но на севере лояльность войск была сомнительной, а их дисциплина - еще более сомнительной. Мошенничество снова было распространено среди офицеров. Ландскнехты за время своего пребывания здесь установили моду на экстравагантность в одежде, и некоторые капитаны, как было забавно сказано, носили по двадцать-сорок солдат в своих штанах. Таким образом, хотя списки военнослужащих шотландской армии показывали восемь тысяч человек, которым королева выплачивала жалованье, но на самом деле пять тысяч были под знаменами, а жалованье остальных трех тысяч, естественно, шло в карманы капитанов. Такое положение вещей было устранено сильной рукой специальных уполномоченных, и маленькая армия вокруг Лейта стала упорядоченной и боеспособной; но коррупция пустила корни так глубоко, что проела себе дорогу даже среди чиновников артиллерийского управления Лондонского Тауэра.

1560.

Однако французы в свое время были вынуждены эвакуироваться из Шотландии, и опасность на севере перестала быть серьезной. Однако в Ирландии постоянно происходили беспорядки; и для обеспечения необходимых войск для поддержания там порядка прибегали к инструменту, о котором мы много услышим в последующие годы, а именно к пресс-банде. Тем не менее разоблачения, обнаруженные во время войны в Шотландии, побудили Сесила потребовать от магистратов по всей Англии отчета о положении населения и действии законов, принятых в целях национальной обороны. Ответ ни в коей мере не был комплиментарным влиянию Реформации или обнадеживающим в отношении военной эффективности. Как сообщили магистраты, люди больше не были обучены обращению с оружием, потому что джентльмены больше не подавали им пример. Проще говоря, старая система фюрда, народа с оружием в руках, устарела. Не одна, а множество причин сговорились сделать ее такой. Страна переживала как социальную, так и религиозную революцию; старые ориентиры исчезали, старые обычаи отмирали; и потеря старой веры стала для многих оправданием для того, чтобы освободить себя от всяких надоедливых обязанностей. И снова Кале был потерян, и хотя все еще оставались смутные надежды на то, что его еще можно вернуть, Англия теперь была строго изолирована, а Франция закрыта как поле для национальных авантюр. Люди осознали тот факт, что их наследием было море; и жизнь корсара, свободная, волнующая, прибыльная и опасная, сильно привлекала людей, одновременно предприимчивых и алчных, энергичных и беспечных, смелых и прирожденных игроков.

Более того, национальное оружие, длинный лук и сопутствующая ему тактика остались в прошлом, в то время как новое оружие было одновременно неприятным и дорогостоящим, и в условиях нестабильной ситуации в стране не каждому можно было доверять. Все военное дело тоже становилось трудным и изощренным, и переходы происходили слишком быстро, чтобы можно было усвоить это раз и навсегда. Военная подготовка больше не заключалась в товарищеских поединках на стрельбище из лука, а заключалась в точных движениях в строевой

подготовке и маневрировании, одинаково нежелательных, потому что их преимущества не были признаны, и потому что им больше нельзя было научиться у старых мастеров. Признанные лидеры сотен, приходов и уделов уступили место экспертам, обученным в иностранных школах, людям, которые расхаживали с важным видом в шляпах с плюмажем, бархатных камзолах и экстравагантных чулках, произнося странные богохульные клятвы, которым обучали испанские католики и ландскнехты-лютеране, и разглагольствовали о бесонии и алфересе, о начальниках лагерей и механиках, о меховщиках и гурен-вайбелах, о фальшивых брейсах, рудниках и контрминах, в одном длинном наглом крике военного превосходства. Такие инструкторы вряд ли смогли бы смягчить болезненный урок о том, что война стала профессией и больше не может использоваться в качестве простого придатка к повседневной жизни гражданина.

Следовательно, сейчас, если вообще когда-либо, настало время для создания постоянной армии в Англии. Со всех сторон ей угрожали внешние враги, и она находилась в постоянной опасности междоусобного восстания. В Ирландии были непрекращающиеся беспорядки, а на шотландской границе - вечная тревога. Силы графств оказались бесполезными, а служба была не только неэффективной, но и непопулярной; люди неохотно приходили на сборы и с радостью заплатили бы за то, чтобы избавиться от этого бремени. Учреждение постоянных вооруженных сил привело бы к большим результатам; порядок поддерживался бы внутри страны; вмешательство во внешние дела имело бы удвоенный вес; были бы предотвращены неисчислимые расходы из-за неготовности, плутовства и неэффективности; и, наконец, британская армия стала бы почитаться как великое национальное достояние, созданное для предотвращения великой национальной опасности, вместо того, чтобы ею злоупотребляли как инструментом тирании и обрекали на пагубное наследие зависти и подозрительности.

Но Елизавета не потерпела бы ничего подобного. К ее чести, она отказалась нанимать иностранных наемников и, прервав эту порочную традицию, принесла долговременное благо. Но она была неспособна жить иначе, как впроголодь. Она ненавидела честность за ее простоту; она ненавидела убежденность за ее определенность; больше всего она ненавидела войну за ее дороговизну. Она любила свои деньги, как саму себя, и ради этих двоих пожертвовала бы в равной степени самым верным слугой и самым дружественным государством. Она была настолько подлой и бесчестной, обманывая даже те войска, которые она использовала должным образом, что никто, кажется, не осмеливался даже намекнуть ей на целесообразность содержания постоянной армии. Можно утверждать, что это было хорошо для свобод Англии, но, с другой стороны, это было близко к тому, чтобы полностью уничтожить их; и, в конце концов, постоянная армия не спасла ни Якова Второго в Англии, ни Людовика Шестнадцатого во Франции. Народ Англии, однако, видел более ясно, чем их хитрая непостоянная королева, и исправлял ее проступки по-своему.

1562.

Французы незадолго до этого эвакуировали Шотландию, когда отчаянное положение протестантов во Франции вынудило принца Конде предложить Елизавете Гавр и Дьепп в качестве залогов восстановления утраченного Кале, если она пришлет ему деньги и людей. Елизавета согласилась, и семь или восемь тысяч человек были отправлены в качестве гарнизонов в эти два порта. Пятьсот из них, англичан и шотландцев, сразу же вызвались пробиться в Руан, который был плотно осажден Гизом, и пали при взятии города, отчаянно

сражаясь, пока не были истреблены почти до одного человека. Этих добровольцев следует помнить, ибо они расчистили почву для первого камня в фундаменте Британской армии, англичан и шотландцев, сражающихся бок о бок за дело протестантизма на чужой земле. Оставшиеся войска были, как это было неизбежно при бережливом правлении Елизаветы, плохо экипированы и плохо снабжены, являя собой жалкий контраст с армиями Плантагенетов и позорный пример, которому с тех пор слишком верно следуют. Война между Францией и Англией сразу же разгорелась всерьез, и гарнизону Гавра потребовалось подкрепление. Войска, конечно, не были готовы, и пришлось в спешке набирать рекрутов. Двери тюрем были открыты; тюрьмы были чисто вымыты; грабители, разбойники с большой дороги и срезающие кошельки, отбросы нации, были загнаны в ряды; и был создан второй дурной прецедент, сопутствующий банде газетчиков, для введения в заблуждение Неподготовленной Англии. Тем не менее эти бедняги достаточно храбро сражались с осаждавшими их французами, пока среди них внезапно не вспыхнула чума, и тогда они погибли, как мухи. Между 7 и 30 июня реальная численность гарнизона Гавра сократилась с семи тысяч до трех тысяч человек. Еще больше людей поспешили пересечь ла-манш, чтобы погибнуть вместе с ними, но потери были больше, чем ремонт, и еще через две недели от всего отряда осталось всего полторы тысячи человек. Дальнейшие просьбы о людях и оружии были удовлетворены отправкой оборванцев и всего изношенного снаряжения в Тауэре - "Худшее из всего считается достаточно подходящим для этого места", — с горечью в душе писал генерал, лорд Уорвик, — и, наконец, после грандиозной обороны Гавр был сдан.

Тем не менее, в последующие годы практически ничего не было сделано для устранения недостатков. В нечестность офицеров и недисциплинированность солдат в Ирландии было невозможно поверить; но Елизавету лишь с большим трудом убедили исправить зло, которое принесло несказанные страдания и угнетение несчастным ирландцам, простым процессом выплаты жалованья своим солдатам. Только в 1567 году, когда действия Филиппа Второго вызвали тревогу о вторжении, был сформирован корпус аркебузирв численностью в четыре тысячи человек для защиты прибрежных городов от Ньюкасла до Плимута, и были разыграны призы за меткую стрельбу из нового оружия. Тем не менее, жителям деревни по-прежнему было предписано упражняться с луком, как будто для них нельзя было найти лучшего оружия.^[116]

1569.

Затем произошло восстание католической знати на Севере, которое, однако, едва не приняло самый серьезный характер. Нелояльность была широко распространена в Йоркшире, и вошло в поговорку, что йоркширские рекруты не двинутся с места без оплаты; но Елизавета была слишком экономна, чтобы послать оркестры из Лондона, чтобы подавить восстание в зародыше, и только в последний момент согласилась выделить деньги для выплаты жалованья войскам на месте. Трудности, с которыми сталкивались командиры, были ужасающими. Численность, пришедшая на сбор, была далека от истинного состава; всадников едва ли можно было набрать любой сменой, а пехотинцы, которые явились, пришли только с луками и пиками, у двух с половиной тысяч пехотинцев было всего шестьдесят единиц огнестрельного оружия и ни одной пики. Повстанцы, с другой стороны, были очень хорошо экипированы и располагали кавалерийским отрядом, вооруженным по новейшему образцу рейтеров. "Если бы у нас была хотя бы тысяча всадников с пистолетами и пиками, пятьсот пик и столько же аркебуз, - писали командиры Елизаветы, - мы бы вскоре покончили с этим делом"; но даже такой незначительный

контингент, как этот, можно было собрать только после бесконечных трудностей и задержек.^[117]

За все это несла ответственность Элизабет; но опасность была так велика, что взволновала даже ее алчную душу. С этого года луки и клювы начали медленно уступать место пикам и огнестрельному оружию; и рукописный трактат в Государственных газетах показывает, что реформа была немедленно доведена до сведения Королевского совета.^[118]

1570.

Тревога о вторжении французов в следующем году привела также к общему оживлению вялых сил графства. Французский посол сообщил, что сто двадцать тысяч человек могут выступить в поход в разных частях страны; и списки призывников показали невероятную общую численность - почти шестьсот тысяч человек. Тем не менее, когда мы заглядываем в эти списки призывников, мы находим просто список трудоспособных мужчин и исправного оружия в каждом графстве без попытки организации. По правде говоря, на протяжении всего долгого правления Елизаветы мы чувствуем, что в военных вопросах предпринимается единственное усилие, а именно, по словам Карлайла, расширить старую формулу, чтобы охватить новый факт, испортить, залатать и натянуть устаревшую паутину, сотканную Винчестерским статутом и заново окрашенную Статутом Филиппа и Марии, до некоторого подобия образца, заданного армиями Франции и Испании.

Но когда мы поворачиваемся от Королевы к народу, мы воспринимаем энергию совсем другой силы. Английская армия действительно не была создана государем или министром; она создала себя вопреки им. Превосходство вооруженных сил северных повстанцев над войсками королевы было типичным для всего хода военного прогресса Англии в шестнадцатом и семнадцатом веках. Армия была зачата в бунте, рождена в бунте, возвращена в бунте. Протестантизм по всей Европе шел рука об руку с восстаниями; и Елизавета, всегда нерешительная и неспособная к убеждениям, разрывалась между политическим предпочтением протестантизма и естественным отвращением к нелояльности. В течение многих лет она самым презренным обманом боролась за то, чтобы быть верной обоим этим противоположным принципам, и на какое-то время, благодаря необычайной удаче, достигла успеха, которого могла добиться только лживая женщина. Но задолго до того, как она смогла принять решение, народ взял дело в свои руки и таким образом приступил к созданию нашей нынешней армии. Это было в майский день 1572 года, на четыре года позже первого восстания Нидерландов против Испании, когда армия появилась на свет на смотре лондонцев перед королевой в Гринвиче. В тот день в строю было много капитанов и солдат, которые служили в Шотландии, Ирландии и Франции, а теперь плыли по течению без работы по всему миру. Сочувствующие протестанты в городе собрали пожертвования, и триста из них были организованы в роту и отправлены сражаться на стороне голландцев под командованием капитана Томаса Моргана. С этого начала мы должны сейчас проследить историю английских полков в Нидерландах до кануна Гражданской войны; и, следовательно, в течение следующих семидесяти лет наша история должна течь двумя разными потоками — тонкой нитью, которая проходит через саму Англию, и более широким потоком, который со все возрастающим размахом разливается по Нидерландам, на Неккаре и даже в далекой Померании. И поскольку при каждом крупном национальном кризисе два потока на время объединяются, от меньшего

притока можно сразу отказаться, сделав краткий обзор прогресса военного искусства в Англии к концу шестнадцатого века.

1573.

Лондон, как обычно, возглавлял авангард военного совершенствования. В течение года после ухода роты Моргана три тысячи человек из железнодорожных оркестров были сформированы в особый корпус, который три раза в неделю собирался на учения и, вооруженный оружием новейшего образца, регулярно проходил муштру под руководством опытных офицеров на некогда знаменитом полигоне в Майл-Энде. Уильям Шекспир, очевидно, был одним из зрителей, которые время от времени ходили посмотреть на них, и, без сомнения, вдоволь посмеялся над недостатками новобранцев. Иногда они были не на шутку серьезными. Так, один каливермен оставил свою чистящую палку в бочке и случайно выстрелил ею в бок товарища, от чего товарищ умер; так что все каливермены получили удовольствие от военных похорон на кладбище церкви Святого Павла, куда они последовали за трупом с вытянутыми пиками и торжественными лицами, а в конце церемонии выстрелили из своих ружей над могилой.^[119]

1587.

Таким образом, по крайней мере, кое-чему ландскнехты научились, и другие перемены надвигались быстро. Старый белый мундир и красный крест, похоже, внезапно исчезли в начале правления, и сюртуки, или, как их называли, рясы,^[120] обычно красные или синие, были предоставлены графствами и районами вместо них. Когда—то, действительно, эти яркие оттенки были признаны слишком бросающимися в глаза для действительной службы в Ирландии, и вместо них рекомендовали какой-нибудь темный или унылый цвет, такой как красновато-коричневый, - любопытное предвосхищение нашего современного хаки.^[121] Опять же, если обратиться к более мелким изменениям, слово "мелкий капитан" вышло из употребления с 1563 года, уступив место званию лейтенанта, и слово "прапорщик", похоже, было принято в целом примерно в то же время. Сержант был титулом эксперта по строевой подготовке с 1528 года, но в 1585 году был издан отдельный приказ о том, что люди, назначенные инструктировать отряды графств, должны называться капралами.^[122] Два года спустя мы обнаруживаем, что офицеры более высокого ранга просят о новом наименовании и предлагают, чтобы они носили звание полковника, а офицеры ниже них - сержант-майора, или, как мы теперь это называем, майора. Это действительно было время, ибо слово "полк" вошло в обиход в тот же период, а полк без полковника - ничто. К концу столетия термин "пехота" также вошел в язык, в то время как флаги пехоты из-за разнообразия их оттенков получили название цветов.^[123]

Но гораздо более поразительным, чем эти поверхностные изменения, является внезапный поток военных памфлетов, обрушившийся на Англию начиная с 1587 года. Самый ранний военный трактат, насколько мне удалось выяснить, который был передан англичанам на вульгарном языке, - это "Упорядочивание душ в бою" Питера Уайтхорна, опубликованный в 1560 году. Эта книга, без сомнения, произвела некоторый эффект в свое время, но она не имеет большого значения по сравнению с последующими. Самым ранним написанным англичанином, хотя и опубликованным только через четыре года после его смерти, была работа некоего Уильяма Гаррарда, джентльмена, который прослужил у короля Испании четырнадцать лет и умер в 1587 году. Это безжалостная критика существующей английской военной системы. Автор отбрасывает луки и клювы одной презрительной фразой и выдвигает догму о том, что есть

только два вида оружия: для высокого человека - пика, а для маленького проворного - аркебуза. Но в вопросе оснащения он отмечает, что англичанам прискорбно не хватает. Такую же хорошую аркебузу можно было изготовить в Англии, как и в любой другой стране, но оружейники уже научились делать дешевое и отвратительное оружие для обычной продажи беднякам графства. Опять же, другие нации носили свой порох во фляжках или металлических гильзах, но англичане на самом деле носили его свободно в карманах, готовые воспламениться от первой искры или испортиться от первого ливня, и в любом случае наверняка пострадать от расточительства. Подобная неряшливость, говорит возмущенный Гаррард, годится только "для беспричинных стычек на глазах у дам"; для таких аркебузирова невозможно достичь желаемого завершения в виде "яростного, быстрого и оглушительного выстрела". Копейщики, опять же, вместо легких кинжалов носили "чудовищные кинжалы, похожие на ножевую лавку", более подходящие для украшения, чем для использования. Более того, одежда обоих вызвала возражения. Цвет был вопросом безразличия, хотя какой-нибудь красивый оттенок, такой как алый, был предпочтительнее для чести военной профессии, но вся военная одежда должна быть выгодной и удобной, тогда как ничто не могло стеснить конечности больше, чем широкие чулки с подкладкой и помпоном, которые были тогда в моде. Я не могу устоять перед искушением переписать картину Гаррарда о походе идеального солдата и деликатном обращении к солдатскому тщеславию.

"Пусть копейщик марширует с хорошим изяществом, галантно подняв голову, его лицо исполнено серьезности и состояния, подходящего его персоне; и пусть его тело будет прямым и как можно более выпрямленным; и что наиболее важно, так это то, чтобы они всегда смотрели на своих товарищей, которые находятся в одном строю с ними и перед ними, шли точно друг с другом и соблюдали идеальную дистанцию, не совершая ни малейшей ошибки в темпе или шаге. И каждый шаг и движение они должны совершать единодушно и согласованно в один момент времени. И в этом роде все шеренги должны двигаться иногда мягко, иногда быстро, в соответствии с ударами барабана.... Так они будут идти просто и равномерно, галантной и роскошной поступью; ибо, поступая таким образом, они будут уважаемы зрителями, которым окажут почести и похвалу, которые получают огромное удовольствие, созерцая их".

Более ранним по внешнему виду, хотя и не ранее написанным, чем у Гаррарда, было более короткое произведение некоего Барнаби Рича, появившееся в 1587 году, в котором автор имел смелость осудить практику опустошения тюрем рядовыми; но величайшей военной книгой года стал перевод с французского Ла Нуэ, одного из самых благородных и способнейших командиров-гугенотов. Хотя доктрина была написана, конечно, для французов, ее обоснованность в отношении дисциплины и снаряжения, а также похвалы испанской системе были ценны для всех; в то время как для Англии еще более важной была страстная пропаганда ракетной тактики рейтеров для кавалерии. Но, возможно, наиболее поразительной в свете более поздних событий является глубокая нота пуританства, которой проникнута каждая страница трактата. В гугенотских полках Ла Нуэ не было ни карт, ни костей, ни ругани, ни женщин, никто не оставлял знамена ради грабежа или даже фуража, но всегда была строгая дисциплина и общественные молитвы утром и вечером. Трудно отделаться от предположения, что эта книга была прочитана и переварена Оливером Кромвелем.

Сильные мнения, выраженные в этих книгах, конечно, вызвали споры. Сэр Джон Смит, рыцарь, офицер с определенной репутацией, смело взялся за дубинки с другой стороны и даже в 1591 году взялся доказать, что лучник более грозен, чем аркебузир, а стрела - чем пуля, что было

аргументом, который только приветствовался старомодными островными англичанами. С другой стороны, он подробно и разумно вникает в вопросы муштры и маневров, осуждает напыщенные чулки так же яростно, как и сам Гаррард, и предписывает солдату более удобную одежду. От него мы узнаем наши первые знания о ручных упражнениях с пикой, о том, как ее следует выдвигать вперед и как держать на плечах с миловидной солдатской грацией, а также о том, что мужчины всегда должны наступать правой ногой. От него мы также получаем подробные инструкции по ударной атаке кавалерии и некоторые упоминания о венгерских легких всадниках, называемых "уссаронами"; и, наконец, от него мы получаем информацию о чрезвычайной неэффективности даже в конце правления английских рекрутов из графств, о пренебрежительном отношении к оружию и коррумпированности начальников сборов.

Роджер Уильямс, которого я уже цитировал, также появился на ристалище в это время с отчетом об испанской организации и горячо боролся за превосходство копья над пистолетом как оружия кавалерии; а перевод сэра Эдварда Хоби с испанского Мендосы (1597) также поддерживал идею ударных действий. Вслед за этим последовала версия поразительной работы Мартена дю Белле с ее полной схемой того, что мы сейчас называем системой сокращенного срока службы; и в том же 1598 году появился диалог некоего Барре, который стремился положить конец всему спору. Консервативный джентльмен, который поддерживает луки и клювы, совершенно уничтожен капитаном, который ратует за пикку и мушкет, полностью отменил бы набор в графство за ненадобностью и заменил бы реорганизованные силы по излюбленной модели, уже однажды принятой во Франции, римского легиона. Но Баррет знал своих соотечественников и мало чего ожидал. "Тех, кто последовал за войнами, - говорит он, - презируют все, пока не наступит крайняя необходимость"; и военная реформа тогда, как и сейчас, могла быть проведена только под давлением страха войны.

Таким образом, события развивались до конца шестнадцатого века и далее. Военный дух витал повсюду, а военное перо было беспрецедентно занято. Образ старого солдата стал любимцем нищих и бродяг и был так щедро вознагражден благотворительными организациями, что пришлось пресекать самозванство специальным законом. И все же, несмотря на все это кипение, в Англии ничего не было сделано для английской армии. Солдаты, желавшие освоить свою профессию, искали службы где угодно, только не у королевы; даже в Ирландии стоимость роты упала до пятидесяти фунтов;^[124] и самый заметный тип воинов, которого можно было найти дома, был наихудшим. Шекспир, который видел все и проникал в суть всего, отметил этих самозванцев и воспроизвел их с такой гениальной сатирой, с таким несравненным юмором, что в нашем восхищении драматургом мы упускаем из виду военного историка. И все же он такой же истинный художник английской армии в свое время, каким Марриэт был художником военно-морского флота в более поздние годы. Фальстаф - капитан-мошенник, Пистоль - чванливый прапорщик, Бардольф — капрал-мошенник, Ним -самозванец, любящий военную краткость, Пароллес, "проклятый мошенник с обеих сторон", нет, даже Флюэллен, храбрый и честный человек, но педант, пропитанный классическим жеманством и ищущий свой образец во всем в лагере Помпея, - у всех них были аналоги в каждом графстве Англии, и их, вероятно, можно было ежедневно видеть на плацу в Майл-Энде. Не на этих жалких страницах, а в произведении Шекспира студент военного факультета должен прочитать историю солдата елизаветинской эпохи.

ГЛАВА IV

Прибытие первых английских добровольцев под командованием Томаса Моргана в Нидерланды было, по воле судьбы, удачно приурочено к движению, положившему начало независимости Нидерландов. В апреле 1572 года дерзкое предприятие голландского каперского флота под командованием графа де ла Марека привело к внезапному захвату города Брилл, успеху, который сразу же вызвал волну восстания в семи провинциях к северу от Ваала и отбил руку Испании из города за городом сначала в Голландии и Зеландии, а позже во Фрисландии, Гелдерланде, Утрехте и Оверисселе. Этот инцидент, результаты которого со временем оказались столь далеко идущими, был любопытным комментарием к последнему этапу политики Елизаветы. Она только что примирилась с Алвой и запретила каперам Де ла Марка заходить в английские порты: в ответ морской разбойник напал на Алву в его собственной крепости и нанес другу Елизаветы удар, от которого тот так и не оправился. Весь остров Вальхерен, за исключением Мидделбурга, перешел в руки повстанцев, и Алва, который был отличным солдатом, несмотря на другие свои недостатки, не теряя времени, попытался вернуть порт Флашинг. По иронии судьбы добровольцы Моргана прибыли в самый последний момент, чтобы спасти его, и в вылазке, которая впервые привела их лицом к лицу с наводящими ужас войсками Испании, они положили блестящее начало новой британской армии. Из трехсот пятьдесят были убиты наповал в этом бою, первые из пятидесяти тысяч или дважды пятидесяти тысяч человек, которым предстояло сложить свои кости в Голландии в течение следующих семидесяти лет.

Морган, спасший Флашинг, сразу же написал письма в Англию, в которых подчеркивал важность города, который он удерживал, и умолял прислать подкрепление. Осенью, соответственно, появился полковник сэр Хамфри Гилберт с полком, первым из многих английских полков, которые должны были поступить на голландскую службу, в составе десяти рот и тысячи четырехсот человек, необузданных войск под командованием необузданного командира. Морган был бы лучшим командиром, но он был скромным, не честолюбивым человеком; Гилберт, с другой стороны, страдал от фатального незнания собственной неспособности. Сэр Хамфри сразу же смело пустился в сложные операции, которыми он был совершенно некомпетентен руководить, был перехитрен, прибежал к ругательствам, когда что-то шло не так, и не только потерял голову, но и полностью сломил дух своих людей. Новый полк на самом деле вел себя очень далеко не лучшим образом. "Я виноват, что могу судить об их мыслях, - писал Роджер Уильямс, самый способный из офицеров Моргана, после первого поражения Гилберта, - но позвольте мне говорить правду. Я думаю, они были напуганы". В другом месте он добавляет мягкую, но убедительную критику, которая возлагает вину на правильные плечи. "Командир, вторгающийся во вражеские страны, должен знать места, которые он посещает: если нет, то его следует снабдить проводниками". Даже образованные англичане были настолько невежественны в военной азбуке. Гилберт, однако, не сразу усвоил свой урок. Небольшой успех, при котором англичане проявили заметную храбрость, снова подогрел его честолюбие до точки кипения; он предпринял еще одну грандиозную авантюру,

потерпел полную неудачу и отплыл домой с немногочисленными остатками своего полка более печальным и мудрым человеком.

Морган тем временем отправился домой и собрал еще десять компаний, с которыми, однако, он мало что мог сделать. Мужчинам не заплатили за высадку в Голландии, как обещал им Вильгельм Нассауский, и они стали недовольными и непокорными. Морган, естественно, встал на их сторону, и результатом было то, что после нескольких мелких стычек с испанцами он с досадой откланялся и отплыл с семьями людьми, которые остались у него, в Англию. Он проделал хорошую работу, и его имя заслуживает того, чтобы его помнили, ибо он был первым человеком, который сделал из англичан совершенных аркебузирова, и первым, кто научил их любить мушкет. Пятьдесят лет прошло с тех пор, как испанцы указали путь, а англичане только начинали следовать за ними. Роджер Уильямс после ухода Моргана в отставку некоторое время служил у испанцев, чтобы лучше усвоить свой долг, и вскоре вернулся, чтобы без упреков применить полученные знания против них самих. К таким сменам были привлечены британские офицеры, желавшие овладеть своей профессией.

1578 год,
29 января.
Август.

Следить за действиями различных других отрядов добровольцев в последующие годы было бы утомительно. Я сразу же перехожу к высадке в июле 1577 года роты из трехсот англичан под командованием Джона Норриса, одного из первых и наиболее выдающихся представителей новой школы офицеров, которые были отцами нашей Армии. Он изучал свою работу сначала в Ирландии, а затем во Франции под руководством великого сторонника дисциплины, адмирала Колиньи. Он тоже прибыл в критический момент. Через несколько месяцев после его высадки, когда он все еще находился в гарнизоне в Антверпене, дон Иоанн Австрийский застал врасплох армию Штатов при Жамблуре и не только разгромил ее, но и разбил вдребезги. Шесть месяцев спустя дон Иоанн попытался повторить удар по второй армии Штатов, разнородному отряду англичан, шотландцев и фламандцев под командованием ветерана-гугенота Де ла Нуэ. Имея всего четырнадцать тысяч человек против тридцати тысяч лучших войск Европы, Де ла Нуэ занял сильную позицию в Рименанте, недалеко от Малина, и перешел к обороне. После тщетных попыток выманить его из окопов Дон Джон, наконец, предпринял отчаянную атаку на квартал, удерживаемый англичанами и шотландцами под командованием Норриса. Четыре роты шотландцев приняли на себя первую тяжесть атаки, но вскоре были подкреплены, как раз вовремя, одиннадцатью английскими ротами Норриса; и тогда борьба стала такой отчаянной, какую когда-либо вели британские солдаты. Испанские войска были цветком армии, Старым полком,^[125] которому не было равных в Европе; но при всей их великолепной подготовке и дисциплине они не могли удержать позицию. Трижды они оттесняли британцев назад, и трижды, когда успех казался гарантированным, они наталкивались на сопротивление, которое невозможно было сломить, и, в свою очередь, были отброшены назад. День был невыносимо жарким, и британцы, пренебрегая всеми доспехами, сражались без пиджаков, но сражались упорно, и не только упорно, но, благодаря Джону Норрису, в полном порядке. Сам Норрис, всегда находившийся в самой гуще боя, убил под собой трех лошадей подряд, но никогда не терял своих людей; и в конце концов знаменитая испанская пехота отступила, разбитая, и Дон Джон прекратил атаку. Это был великий день для старого "Bras de fer" Де ла Нуэ, но еще

большой для Джона Норриса и его британцев. По общему признанию, они не только спасли положение, но и дали отпор самым грозным войскам в мире.

В последующие годы Норрис и его роты были в непрерывных боях, как правило, одерживая победы, хотя, по крайней мере, однажды потерпели поражение с тяжелыми потерями; их доблестный лидер, хотя и часто раненый, появлялся снова всякий раз, когда требовалось выполнить работу. Их высшим испытанием было то, что они столкнулись в арьергарде с величайшим полководцем того времени Александром Пармским и всей испанской армией вместе с ним и отбили их с такой стойкой храбростью, что французские добровольцы после сражения столпились под их знаменами и умоляли разрешить им служить под их началом. Норрис действительно был Муром шестнадцатого века, как учителем в лагере, так и генералом на поле боя.

1584 год,
10 июля.

Тем не менее, какой бы блестящей ни была его служба, он не смог остановить победоносное наступление испанцев. После десяти лет борьбы голландские государства потеряли почти всю Испанскую Фландрию, за исключением нескольких крупных городов и морского побережья от Дюнкерка до Остенде, и все же Елизавета не двинулась с места, чтобы помочь голландским повстанцам в решении задачи, не менее важной для Англии, чем для них самих, которая была им не по силам. Наконец убийство Вильгельма Молчаливого заставило ее принять неуверенное решение о неизбежном разрыве с Испанией. Соединенные провинции испытывали крайнюю нужду; сильная рука Александра Пармского была на горле Антверпена, и если ее хватку не ослабить, город неизбежно падет. Штаты бросились к английской королеве, умоляя ее даже сделать их частью своего королевства, и, наконец, после долгих ничтожных торгов Елизавета согласилась послать им четыре или пять тысяч человек, захватив города Брилл, Флашинг, Раммекинс и Остенде в качестве гарантии выполнения их обязательств перед ней. Элизабет всегда тщательно следила за деньгами.

1585.

Это соглашение, наконец, было заключено, пресс-группа^[126] была немедленно отправлена на работу в Англию; четыре тысячи человек были подняты и одеты в красные мундиры, и в течение двух недель после подписания Договора они пересекли Северное море только для того, чтобы обнаружить, что Антверпен уже в руках Пармы и что они пришли слишком поздно. Норрис, однако, сразу же взял силы в свои руки и с блестящим успехом проводил активные операции, когда его остановил категорический выговор королевы; войска были переброшены для освобождения Антверпена, и она не хотела, чтобы их использовали на какой-либо другой службе. Штаты, естественно, раздраженные этим презренным двурушничеством, неохотно ввели войска в предупреждающие города и не слишком любезно предоставили им самим позаботиться о себе. Елизавета, в силу своего характера, отказалась прислать ни пенни денег, ни унции припасов, и солдаты, плохо накормленные, плохо одетые и с плохими жилищами, начали таять сотнями из-за смертей и дезертирства.

1586.

Однако в декабре Роберт, граф Лестер, был отправлен в качестве главнокомандующего войсками в Нидерландах, и поскольку он привез с собой подкрепление из кавалерии, а также деньги, достаточные для погашения задолженности по жалованью солдатам, можно было надеяться, что дело наладится. Но этому не суждено было сбыться. Елизавета еще не была всерьез настроена на разрыв с Испанией, и Лестер, догадавшись о ее намерениях по ее отказу предоставить ему дополнительные средства, очень неохотно принял его командование. Прибыв в Голландию, он обнаружил, что дела обстоят еще хуже, чем он ожидал. Мужчины были в ужасающем состоянии, быстро умирая от холода и голода; у них не было ни пенни, чтобы прокормить себя; а их одежда была настолько ветхой, что из-за самой наготы они стыдились появляться на людях. Лестер, при всех его недостатках, очевидно, испытывал искреннюю нежность к своим несчастным солдатам; он писал письмо за письмом, яростно требуя денег, но Элизабет не дала ни фартинга. Последовали естественные последствия. К февралю половина мужчин была мертва, а та половина, что оставалась в живых, находилась в состоянии подавленного мятежа. Ни один хороший офицер не согласился бы командовать армией на таких условиях, и роты попали в руки беспринципных мошенников, которые посылали своих людей грабить и не забывали брать свою долю, радуясь каждому солдату, погибшему или дезертировавшему из-за денег, которые перейдут в их карманы, когда наступит день выплаты жалованья, который так долго откладывали. В Англии было много государей и министров, которые пренебрегали своими солдатами и предавали их, но никто не был более распутным, своевольным и скандальным, чем Елизавета.

Июль.

Тем не менее, с приближением весны 1586 года Лестеру пришлось начать какую-то кампанию. Парма наступал вдоль линии Мааса, очевидно, стремясь захватить каждый укрепленный город на реке, и было необходимо, по возможности, остановить его. Генералы, однако, были плохо подобраны; Парма легко отбросила слабое сопротивление Лестера и, закрепившись на линии Мааса, повернула рядом с линией Рейна. Тем временем из Англии было отправлено большое подкрепление из людей, невооруженных и необученных, и Лестер сосредоточил свои силы, призвав все гарнизоны городов, выступавших против него, присоединиться к нему в Арнгейме. Филип Сидни прибыл из своего правительства во Флашинге, лорд Уиллоуби прибыл из Берген-оп-Зума, Джон Норрис и его брат Генри поспешили следом, к ним присоединился ветеран Роджер Уильямс, и, наконец, в свите лорда Уиллоуби появился молодой человек, подающий большие надежды, чем кто-либо другой, по имени Фрэнсис Вир. План операций был вскоре определен; поскольку Парму нельзя было сдержать на Рейне, его следовало отвести от нее отвлекающим маневром на севере, на реке Иссель, где испанцы все еще удерживали города Дусбург и Зютфен.

Все получилось так, как и ожидалось. Дусбург был легко взят, и Парма, как только услышала, что Лестер находится перед Зютфеном, прекратила свои операции на Рейне и двинулась на север, чтобы освободить его. Остановившись вечером 21 сентября на некотором расстоянии от города, он направил к нему конвой с припасами под охраной трехтысячного эскорта под командованием маркиза Пескайры.^[127] Конвой должен был выступить в полночь, и считалось, что к рассвету он будет в полутора милях от Зютфена. Затем Пескайра должен был остановиться в условленном месте, послать гонца в город и договориться с губернатором о вылазке, чтобы облегчить въезд колонны.

Сентябрь. 22

2 октября.

Информация о замысле Пармы была должным образом доведена до Лестера, который, позвонив Джону Норрису, приказал ему взять двести конных и триста пеших и расположиться с ними в засаде у дороги, по которой ожидалось прибытие конвоя. Норрис с готовностью выделил двести всадников, приказал сэру Уильяму Стэнли следовать за ними с тремя сотнями пикинеров и к рассвету 22-го успешно занял назначенную ему позицию. Лестер, по-видимому, не выделил никаких сил для поддержки попавшего в засаду отряда, и Норрис не выслал вперед разведчиков, чтобы предупредить о приближении врага. Утро разразилось густым непроницаемым туманом, среди которого англичане могли слышать отдаленный грохот повозок и топот людей. Вскоре к Норрису присоединились все предприимчивые джентльмены — лорд Эссекс, лорд Одли, лорд Норт и многие другие, — которых можно было найти в лагере Лестера: они не смогли устоять перед искушением сразиться и галопом подъехали со своей свитой по пятам, чтобы посмотреть на забаву. Звуки приближающегося конвоя становились все отчетливее, но ничего нельзя было разглядеть, пока туман внезапно не рассеялся и прямо перед ними не появились три тысячи испанцев, конных и пеших, марширующих рядом со своими повозками в прекрасном порядке.

При виде этого английские джентльмены отбросили всякую дисциплину: они не мечтали ни о чем, кроме прямой атаки, и все как один, каждый по-своему, принялись за работу. Молодой лорд Эссекс приказал своему эскадрону следовать за ним и, обнажив копье, ринулся прямо на вражескую кавалерию, опрокинул переднего воина и лошадь, отшвырнул сломанное копье в сторону, заменив его секирой, и со своей горсткой людей, гнавшихся за ним, ворвался в тяжелую испанскую колонну и разнес ее в щепки. Разбитые испанцы в беспорядке бежали под прикрытие своих мушкетеров, а Эссекс все еще наступал им на пятки; и тут сказала испанская дисциплина. Мушкетеры дали залп, который свалил многих английских лошадей и вынудил остальных развернуться. Затем действие превратилось просто в серию яростных личных схваток. Лошадь сэра Филипа Сидни была убита под ним при первой атаке, но он вскочил на другую и ринулся в самую горячую схватку. Лорд Норт, неспособный из-за недавней раны надеть больше одного ботинка, бросился вперед в полуобнаженном виде и сражался так же усердно, как и все остальные. Сэр Уильям Рассел так смертоносно размахивал своим топором, что испанцы поклялись, что он дьявол, а не человек. Лорд Уиллоуби был настолько окружен врагами, что только огромная удача и огромная личная сила помогли ему выбраться. Лошадь сэра Уильяма Стэнли была поражена семью пулями, но нашла в себе силы вывести его из строя. А тем временем возницы фургонов разбежались, и английские и испанские солдаты дергали руководителей упряжек то в одну, то в другую сторону с ругательствами, воплями и проклятиями; но испанская дисциплина все еще давала о себе знать, и колонна все еще медленно продвигалась вперед. Снова и снова испанские всадники отступали перед английскими кавалеристами, но плотные ряды мушкетеров всегда давали им приют, и, как ни атаковали англичане, повозки ползли все дальше и дальше, пока не въехали в город. Эта акция ничего не дала. Атака, если бы ее поддержали, могла бы стать фатальной для "Пескайры", но никакой поддержки от "Лестера" ожидать не приходилось, а в атаке было так мало разума, что, похоже, никто даже не пытался подрезать сухожилия запряженным в фургон лошадям. Таким образом, Зютфен остается не более чем одним из самых безумных подвигов, совершенных английскими кавалерийскими офицерами, и о нем помнят главным образом благодаря смерти одного из самых благородных из них. Перед началом боя Филип Сидни отдал набедренные

части своих доспехов лорд-маршалу сэру Уильяму Пелхаму; в конце боя его видели, как он, корчась от боли, возвращался с незащищенным бедром, раздробленным мушкетной пулей. Несколько дней он мучился, а затем умер. Его тело было доставлено обратно в Англию, где оркестры лондонского поезда сопровождали его на кладбище церкви Святого Павла и предали земле, как подобает хорошему и доблестному солдату, в дыму их залпов.^[128]

Еще одна сцена отчаянной доблести была засвидетельствована при Зютфене перед тем, как кампания подошла к концу. Одной из основных средств защиты города было внешнее бра,^[129] которое в прошлом целый год сопротивлялось войскам Штатов, а теперь было взято англичанами штурмом. Прорыв был едва осуществим, опора на предательской песчаной почве была настолько ненадежной, что штурмующий отряд с трудом смог взобраться на нее. Однако их лидера, Эдварда Стэнли, было не повернуть назад. Бросившись в одиночку в пролом, он поймал наконец пики испанского солдата, которая была направлена против него, и попытался вырвать оружие у него из рук. Некоторое время оба мужчины упорно боролись, в то время как дюжина копий сломалась о кирасу Стэнли, а дюжина пуль просвистела у него над ушами. Наконец Стэнли, не ослабляя хватки, позволил испанцу поднять пику, воспользовался полученной таким образом опорой, чтобы помочь ему взобраться на стену, перелез через парапет и один спрыгнул в гущу врагов, размахивая мечом. Его люди, удвоив усилия, подтянули друг друга вслед за ним через брешь, и схватка была выиграна. Стэнли, что и говорить, чудом остался невредимым и получил не только теплые похвалы в депешах Лестера, но и пожизненную пенсию из собственного кармана Лестера за самый смелый поступок, который зафиксирован за всю ту долгую войну.

1587.

1588.

Сюжет об Испанской армаде теперь начал набирать обороты, и сцену следует на мгновение перенести в Англию. В Нидерландах Парма искал порт для отправки своих людей через Северное море. Он остановился на Слейсе, и, несмотря на отчаянное сопротивление горстки доблестных англичан во главе с Роджером Уильямсом, ему удалось захватить его после трехмесячной осады. В конце 1587 года Лестер сложил с себя командование и вернулся в Англию; а в следующем году все лучшие офицеры и многие английские роты были собраны вместе в лагере при Тилбери. Главным командующим был Лестер, его заместителем был Джон Норрис, а помощником, среди прочих, Роджер Уильямс, но эти офицеры были не в очень дружеских отношениях друг с другом; и, действительно, чем меньше говорилось о лагере Тилбери в целом, тем лучше. Современные авторы действительно утверждают, что было приятным зрелищем наблюдать, как солдаты маршируют из разных графств, "с веселыми лицами, смелыми словами и жестами, прыгая и танцуя";^[130] но такая демонстрация была лучшим показателем лояльности, чем дисциплины, и, к сожалению, отличалась от темпа, полного серьезности и величия, который предписывали лучшие авторитеты. Кроме того, был большой беспорядок и деформация одежды; большинство мужчин носили свои доспехи очень некрасиво, и вся армия наотрез отказывалась использовать головные уборы, выдаваемые с Башни. Боеприпасов снова не хватало, провизия была скудной, организация была крайне несовершенной, а общая неразбериха невероятной. Четыре тысячи человек, которые прошли маршем, согласно приказу, двадцать миль до Тилбери, обнаружили, что им придется снова пройти это расстояние от лагеря, прежде чем они смогут найти буханку хлеба или бочонок пива. Тысяче лондонцев, которые также участвовали в марше, было приказано остановиться, если

они не смогут взять с собой провизию. Лестер мог бы смело заметить, что "все внезапные беспорядки приводят к большим задержкам",^[131] но такому хаосу не было оправдания после непрекращающихся предупреждений последних тридцати лет. Елизавета должна понести основную долю вины. Нельзя ожидать, что женщина, которая в своей идиотской скупости уморила голодом флот, отправившийся сражаться с Армадой, проявит лучшие чувства к армии. Испанское вторжение было отражено не благодаря королеве.

1589.

1590.

Я не буду следовать за ветеранами Джоном Норрисом и лордом Уиллоуби в их экспедициях в Корунью и Бретань в следующем году. Гораздо важнее для нас возвышение великого лидера и открытие новой эры в войне Низких Стран. После отставки Лестера с поста главного командования его преемником был назначен человек, чье имя всегда должно быть почитаемо в британской армии, принц Морис Нассауский,^[132] второй сын Вильгельма Молчаливого. Хотя ему было всего двадцать лет, когда его избрали губернатором и главнокомандующим Соединенными провинциями, он уже принял решение, что для того, чтобы война за независимость закончилась победой, ее нужно вести не толпой нерегулярных рекрутов, как раньше, а обученной, дисциплинированной и организованной армией. Его собственная природная склонность заключалась главным образом в математике, которую он культивировал как средство овладения военной инженерией и в конце концов свел к практике, так усердно используя лопату во всех военных операциях, что вызывал насмешки у многих солдат более примитивного типа. Но Морис знал, что у него на уме, и насмешки его не остановили. Его главным помощником был его двоюродный брат Луи Уильям, штатгальтер Фрисландии, прилежный исследователь классической древности, обладавший редкой способностью приспособлять старые системы к современным требованиям. Его усердию было обязано обучение армии строевой подготовке и дисциплине, и к его влиянию следует отнести восхищение Маврикия тактикой Элиана.^[133] Его новые и тщательно продуманные маневры также вызвали презрение старой школы офицеров,^[134] но его тоже было нелегко обескуражить; и два кузена работали рука об руку, один над более широкими принципами, другой над едва ли менее важными деталями своей профессии, пока они не создали армию, которая вытеснила испанскую в качестве образца для Европы. Не в последнюю очередь важными из реформ Мориса были регулярная оплата труда солдат и суровое пресечение мошенничества среди офицеров. Одним словом, он ценил разумное управление не меньше, чем чисто военное мастерство и подготовку к ведению войны.

Тактическая организация новой армии оказалась не столь совершенной, как мы могли бы с полным основанием ожидать, имея перед собой испанскую модель. Тактической единицей пехоты была рота, и полк по-прежнему состоял из неопределенного количества рот, временно объединенных под командованием полковника. Состав рот снова был неопределенным. Обычная численность составляла сто тринадцать человек, позже ее сократили до восьмидесяти, но у полковников были двойные роты — у некоторых даже двойные полки - и, по-видимому, особой точности не было, вероятно, потому, что людей можно было убедить служить только под началом капитана по их выбору. Офицерами роты были, конечно, капитан, лейтенант и прапорщик; в число унтер-офицеров входили два сержанта и три капрала, а также "кавалер", который отвечал за состояние оружия. Наконец, были два барабанщика, которые, следует отметить, подобно трубачам в кавалерии, были не простыми сигнальщиками, как сейчас, а

людьми, регулярно задействованными во всех коммуникациях с врагом, и как таковые должны были обладать не только благоразумием, но и некоторыми языковыми навыками. Они получали гораздо более высокое жалование, чем простые солдаты, и если они делали десятую часть того, что от них ожидалось, они стоили каждого пенни.

Каждая рота была разделена на три капралства, каждое из которых находилось на особом попечении одного из трех капралов и одного из трех офицеров. В разделе "Снаряжение" сначала было три описания оружия — алебарды, пики и мушкеты, — из которых, однако, вскоре алебарды исчезли, оставив пики и дробь в равном количестве, но с постоянно растущей тенденцией к преобладанию дроби. Нормальным построением роты было в десять шеренг; и люди никогда не находились на расстоянии менее трех футов друг от друга, такой открытый порядок был необходим для выполнения предписанных эволюций. Чтобы увеличить фронт, ряды были удвоены путем перемещения четных рядов на интервалы между нечетными; чтобы уменьшить фронт, ряды были удвоены обратным способом.^[135] Чтобы занять позицию во фланг или в тыл, каждый человек поворачивался направо, налево или примерно на своей территории, и стоит отметить, что лучшие люди всегда располагались в первой шеренге, а следующие за лучшими — в десятой, и что, в то время как капитан находился впереди своей роты, лейтенант, за исключением атаки, всегда оставался в тылу.

Мушкетеры обычно строились в два отряда, по одному на каждом фланге пик; и проблема, которая вечно стояла перед капитаном, заключалась в том, как эффективно сочетать эти два элемента и при этом никогда не путать их. В бою мушкетеры обычно двигались впереди пик, стреляя последовательно шеренгами, согласно методу Пескайры, и отходя в тыл для перезарядки. Иногда они были вытянуты поперек передней части пик, но чаще всего они сохраняли свое место на флангах. Тем временем пикинеры, отягощенные шлемами, доспехами и тассетами (набедренными повязками), флегматично продвигались вперед: по мере приближения к врагу мушкетеры отступали, пока сначала не поравнялись с ним, а затем не поравнялись с пятой или шестой шеренгой. Если ни одна из сторон не уступала, дело доходило до толчка пикой и общей атаки, при которой мушкетеры прекращали стрельбу и переходили в наступление прикладами — метод боя, который особенно любили англичане. Чтобы противостоять кавалерии, мушкетеры бежали в укрытие под пиками, как правило, в значительном беспорядке, и внешние ряды пикинеров, бросившись вперед, упирались прикладами своих копий во впадину под левой ногой.

Сначала кавалерия делилась на улан и карабинеров, причем первые были полностью покрыты броней до колена; но копье, в соответствии с модой рейтеров, вскоре было^[136] заменено пистолетом. Карабинеры носили карабин^[137] с колесным замком и были обучены стрелять с седла, ряды стреляли последовательно в соответствии с системой Пескайры. Тактической единицей был отряд, или корнет, который после многих изменений был окончательно определен численностью в сто двадцать человек и разделен, как и рота, на три капралства. Капитан, лейтенант и корнет, три капрала, трубач, кузнец и квартирмейстер составляли высшие чины отряда, в кавалерии такого звания, как сержант, не было. Об артиллерии я ничего не буду говорить, поскольку голландская организация была в этом отношении своеобразной и не могла, подобно организации пехоты и кавалерии, служить образцом для англичан.

Одновременно с возвышением Мориса на посту главнокомандующего следует отметить возвышение нового английского генерала, чье имя навсегда связано с действиями его соотечественников в Нидерландах. Фрэнсис Вир происходил из старинного боевого рода графов Оксфордских. Седьмой граф сражался вместе с Черным принцем при Креси и Пуатье, двенадцатый - с королем Гарри при Азенкуре, а последующие обладатели титула отличились на стороне Ланкастеров в Войнах Алой и Белой розы. Фрэнсис, внук пятнадцатого графа, родился около 1560 года, прибыл в Голландию вместе с Лестером в 1585 году и после блестящей службы при защите Слейса и других мест дослужился до сержант-майора пехоты, что является верным доказательством того, что он был не только доблестным человеком, но и знатоком своей профессии. Наконец, в августе 1589 года он был назначен генерал-сержантом королевских войск в Нидерландах, где к нему присоединились два доблестных брата, Гораций и Роберт, которые достойно поддерживали честь этого имени.

1591.

1595.

1596.

Его задача, как и задача каждого офицера, имевшего дело с такой женщиной, как Элизабет, поначалу была нелегкой. Его отряд, будучи очень небольшим, нуждался в постоянном подкреплении, и, соответственно, был усилен пятью сотнями "самых отбросов мира", именно таково было описание новобранцев, которым Элизабет предпочла снабдить его. Однако он позаботился о том, чтобы раздобыть для себя лучшие материалы, и к началу 1591 года под его командованием было не менее восьми тысяч человек. Но так же быстро, как он готовил из них солдат, Елизавете потребовались их услуги для ее собственных целей, и она растратила их на мелкие бессмысленные операции во Франции, заменив их еще несколькими отбросами общества, которых можно было в любой момент выгнать из тюрем и таверн. На самом деле это была система составления проектов в ее самой порочной форме. Какое-то время Вир терпел это молча, но в конце концов он запротестовал и, как и все лучшие люди Элизабет, был жестоко наказан за свои старания. Тем не менее королева знала ему цену достаточно хорошо, чтобы отозвать не только его войска, но и его самого из экспедиции в Кадис и катастрофического путешествия на Азорские острова.

Гораздо более серьезной проблемой была коррумпированность департаментов и подрядчиков внутри страны, а также порочная система оплаты труда сотрудников. Заработная плата рядового в восемь пенсов в день была рассчитана за год в соотношении 12 : 13 : 4 фунтов стерлингов, из которых 4 : 2 : 6 фунтов стерлингов было вычтено за два костюма летней и зимней одежды,^[138] 6 : 18 : 6 фунтов стерлингов выплачивались авансовыми платежами в размере 2,8 шиллинга в неделю, а остаток, 1 : 2 : 6 фунтов стерлингов, только в деньги. Даже теоретически пособие не звучит либерально, но на практике оно было разорительным. Люди получали жалованье и одежду от своих капитанов, а капитаны получали деньги неопределенными частями, при этом остаток, причитающийся им, выплачивался в конце каждого шести месяцев. Это само по себе было расточительством, поскольку позволяло капитану класть в свой карман жалованье солдатам, которые погибли или были уволены в запас за это время. Но помимо этого, капитаны часто вообще отказывались от одежды или выдавали материал неопределенного качества, взимая с людей втрое более справедливую цену за то же самое; или же они снова заключали свой собственный контракт на снабжение людей продовольствием, конечно, с собственной выгодой, вместо выплаты им еженедельных 2,8 шиллинга, которые причитались

им на пропитание. Трудно сказать, насколько широко эта практика распространилась среди офицеров, но вскоре лондонские чиновники изменили систему в интересах как государства, так и солдат. У офицеров также были свои жалобы, ничуть не менее резкие, на этих должностных лиц, и они предпочли изложить их в бескомпромиссных выражениях. Такие заявления вряд ли встретили бы поддержку. Елизавета недружелюбно относилась к солдатам и терпеть не могла, когда ее беспокоили обязательства по отношению к мужчинам, которые верно служили ей. В 1593 году был принят Закон, предоставляющий помощь искалеченным или обездоленным солдатам в их приходах, и она не могла понять, чего еще они могли хотеть. Кровавая Мэри проявила к ним сострадание; добрая королева Бесс поступила бы иначе; ее не смутил бы вид "несчастных созданий". Что касается жалоб офицеров, то она достаточно наслушалась об их обычаях и поверила бы на слово Казначею Вооруженных сил. Тем не менее Вир и его капитаны настаивали, и, наконец, была раскрыта позорная правда о том, что виновником был сам казначей, который в течение многих лет обманывал свою королеву, ее офицеров и ее людей.

Поэтому легко понять облегчение, с которым английское командование в Нидерландах, должно быть, приветствовало новый договор, заключенный в 1598 году, по которому Елизавета была освобождена от обязательств по предоставлению Соединенным провинциям вспомогательных войск, а всем английским солдатам было приказано отныне получать жалованье от Штатов и приказы от голландских генералов. Войска в Нидерландах теперь были относительно свободны от капризов королевы и могли действовать в гармонии со своими хозяевами. Следовательно, с этого момента англичане справедливо вступают в школу нового военного искусства.

ГЛАВА V

1600.

До сих пор я воздерживался от каких-либо попыток описать военные операции Штатов или даже блестящие маленькие предприятия самого Вира с тех пор, как он принял командование; но на этом этапе, когда мы вступаем в лучшие дни англичан в Голландии, стоит быть более точным. До сих пор Морис занимался главным образом восстановлением городов, занятых испанцами в семи провинциях;^[139] Генеральные штаты в 1600 году решились на смелый шаг - перенести войну в страну противника. Остенде, который удерживала английская королева, должен был стать базой операций, и план состоял в том, чтобы высадить войска на фламандском побережье и осадить сначала Ньюпор, к западу от Остенде, а затем Дюнкерк. Морис и Вир оба считали это предприятие крайне опасным, но гражданские лица отвергли их предложение. Во Флашинге были собраны силы в двенадцать тысяч пехотинцев, тысячу шестьсот кавалеристов и десять орудий, а также флот, чтобы доставить их к месту назначения. Армия состояла из трех известных дивизий: авангарда, баталии и арьергарда, из которых арьергард под командованием сэра Фрэнсиса Вира состоял из тысячи шестисот английских ветеранов, двух тысяч пятисот фризов, двухсот пятидесяти телохранителей принца Мориса и десяти кавалерийских корнетов, что составляло в общей сложности четыре тысячи пятьсот человек. С Виром были люди, чьи имена благодаря им самим или их преемникам должны были прославиться — сэр Эдвард Сесил, сэр

Чарльз Фэрфакс, капитан Холлс и другие. В другой дивизии армии находился шотландский полк под командованием сэра Уильяма Эдмундса, который недавно был набран в большом количестве - по сто пятьдесят человек в каждой роте. Англичане и шотландцы уже любили сражаться бок о бок.

Войска отправились в путь 21 июня, но, задержанные затишьем, высадились недалеко от Ньюпора, прошли маршем по суше, захватив по пути форт Ауденбург, и 1 июля были перед Ньюпором. Испанский командующий, эрцгерцог Альберт, как только узнал о происходящем, сразу же сосредоточил свою армию в Генте для немедленного наступления; и Морис, который усердно готовился к осаде Ньюпора, был удивлен внезапным известием о том, что его небольшой гарнизон в Ауденбурге разбит и что испанские войска полным ходом продвигаются к его лагерю. Ситуация, в которой он оказался, была теперь очень критической. Не ожидая такого движения, Морис разделил свои силы вокруг Ньюпора на две части, которые были отрезаны друг от друга проходящей через город гаванью. Несмотря на сухость при низкой воде, эта гавань была неприступна во время прилива, а мост, который строили через нее, все еще был недостроен. Хуже всего было то, что на ближайшей к врагу стороне гавани стояло самое слабое подразделение вооруженных сил - три тысячи пятьсот человек под командованием Эрнеста Нассауского; и сражение в течение двадцати четырех часов было неизбежно.

2 июля.

Поэтому возник вопрос, следует ли вести боевые действия в районе переправы противника через реку под названием Изер лит, которая преграждала ему путь продвижения, или на песчаных дюнах у морского берега, где испанцы, несомненно, попытались бы его найти, если бы переправа была успешно завершена. Вир был за первое, и Морис, сочтя совет хорошим, приказал дивизии графа Эрнеста выступить прямо к мосту через Изер-лит, сказав, что он вскоре последует за ними с остальной армией. Вир тщетно протестовал, утверждая, что это извращение его совета: либо вся армия должна выступить с графом Эрнестом, либо никакая ее часть не должна двигаться вообще; ибо посылать вперед слабую дивизию в надежде задержать наступление испанцев означало просто навлекать на себя поражение. Морис, однако, остался при своем мнении, и в полночь граф Эрнест без поддержки своей дивизии двинулся к мосту. Он прибыл слишком поздно, так как испанцы уже обезопасили проход, и поэтому он занял лучшую позицию, которую смог найти, за дамбой, чтобы защищаться как можно лучше. Едва прозвучал первый выстрел, как его люди бросились бежать. Это была такая паника, которая редко встречалась в анналах войны. Кавалерия и пехота, голландцы и шотландцы побросали оружие, обратились в бегство и бросились, как свиньи, одержимые дьяволом, в море. Шотландские офицеры полка сэра Уильяма Эдмундса пытались сплотить беглецов, но тщетно: их рубили одного за другим, а люди, избежавшие смерти от свинца или стали, были буквально поглощены волнами. Таким образом, две тысячи пятьсот человек, включая тысячу, убитых при Ауденбурге, были потеряны, и теперь Маврикию пришлось столкнуться со своим врагом с ослабленной армией и с тем, что его отступление было преграждено гаванью позади него. Поражение означало бы не только уничтожение, но и сведение на нет всей работы восстания. Проявив исключительную храбрость, он приказал своему транспортному флоту выйти в море и поставил все на опасность предстоящего сражения.

Тем временем Вир, чья дивизия в этот день находилась в авангарде, на рассвете спустился к берегу гавани и ждал отлива, чтобы пересечь ее, когда пришло известие, что армия эрцгерцога

полным ходом продвигается вдоль берега моря. Как только позволил прилив, он со всей поспешностью перешел вброд гавань, не позволив мужчинам раздеться, поскольку, как он сказал, к наступлению ночи у них будет сухая одежда или они вообще не захотят в ней нуждаться. Вскоре он увидел неприятеля в составе десяти тысяч пеших, тысячи шестисот всадников и шести орудий, двигавшегося по плоскому песку морского берега. Пространство между морем и огороженной территорией было разделено на три участка, идущие параллельно друг другу; за морем шла узкая равнина стрэнда между отметками прилива и отлива, за стрэндом были изломанные холмы песчаных дюн, а между дюнами и огороженной территорией проходила полоса нетронутой зелени, названная Виром Гринуэй. Вир, не теряя времени, занял позицию в самом узком месте, которое смог найти, умело распределив свое подразделение среди холмов, чтобы отразить наступление через дюны, и по приказу Мориса разместил два орудия, чтобы контролировать Гринуэй. Справа от него в тылу стояла боевая, или вторая, дивизия численностью в тысячу человек, а в тылу сражения - третья дивизия численностью более двух тысяч человек. Таким образом, армия была сформирована в эшелон из трех линий с отказом от правого фланга, левый упирался в море, правый - в огороженную территорию.

Слабые в кавалерии, испанцы остановились, пока прилив не покрыл все побережье, кроме тридцати ярдов, а затем перевели всю свою конницу на Гринуэй, а пехоту - в дюны. Морис также отвел свою кавалерию с берега и сосредоточил ее колоннами на Гринуэе, оставив на берегу только два отряда, оба английские. Целых два часа прекрасным летним днем две армии ждали наступления друг друга, и наконец, в половине третьего, испанцы начали движение. Вир, используя все возможные преимущества песчаных холмов для защиты и укрывательства своих людей, выдвинул вперед небольшие отряды, чтобы отвоевать каждую пядь земли; и именно против передовых из них, двух с половиной десятков англичан и пятидесяти фризских, была направлена первая атака пятисот лучших представителей испанской пехоты. Тем временем испанская кавалерия продвигалась вперед по Гринуэй. Эта кавалерия, сбита с толку огнем двух орудий Вира и атакованная с фланга отрядом его мушкетеров, вскоре отступила перед кавалерией Штатов; но борьба пехоты в авангарде была очень ожесточенной. Первая атака испанского авангарда была отбита, но, получив быстрое подкрепление, он снова двинулся вперед, и затем бой стал отчаянным. Какое-то время сражение, по-видимому, превратилось в яростное соперничество за обладание единственным песчаным холмом, вокруг которого, как и вокруг двухорудийной батареи в Инкермане, обе стороны яростно сражались врукопашную, каждая поочередно отбивая удар за ударом, пока, наконец, этот "кровавый кусок", как назвал его Вир, не перешел к англичанам.

Эрцгерцог без промедления соединил свой центр со своим авангардом и попытался прорваться через правый фланг Вира. Колонны были встречены убийственным огнем отряда мушкетеров, который Вир выставил для пресечения любого такого движения, и были отброшены назад; а затем вся мощь испанской атаки была снова сосредоточена на главной позиции Вира. Максимально сберегая свои силы, Вир постепенно ввел в бой весь свой английский и продолжал сражаться. До сих пор, благодаря мастерству его диспозиции, в бой участвовало немногим более половины его войск, но, видя, что они, вероятно, будут подавлены численностью, он послал гонцов вызвать свой резерв из двух тысяч фризских пехотинцев и просить Маврикия помочь ему кавалерией справа от него. Гонец за гонцом отправлялись безрезультатно. Вир пал среди своих немногих оставшихся людей, и небольшой отряд, ободренный его присутствием, храбро сражался и все еще сдерживал врага. Он был ранен мушкетной пулей в бедро и второй - в ногу, но он скрыл раны и спас своих людей. Однако

ожидаемое подкрепление не прибыло, и англичан медленно оттесняли назад, все еще в хорошем порядке и все еще оскалив зубы, от дюн к пляжу, испанцы следовали за ними, но боялись продолжать преследование. Когда англичане отступали, лошадь Вира была подстрелена под ним и упала, придавив его беспомощного к земле. Трое его офицеров подбежали и освободили его; и, взобравшись на круп позади одного из них, он продолжал спокойно руководить отступлением.

Прибыв на пески, он обнаружил, что его резерв фризов все еще стоит на прежнем месте, так и не получив приказа двигаться, а вместе с ними и два английских кавалерийских отряда. Атака кавалерии, поддержанной двумя сотнями пехотинцев под командованием Горация Вира, вскоре отбросила испанцев обратно в дюны, и тогда, наконец, сэр Фрэнсис перешел на сторону хирурга, в то время как Морис выступил вперед, хладнокровный и невозмутимый, чтобы спасти положение. Теперь испанцы собрали две тысячи пехотинцев для дальнейшего наступления, в то время как английские офицеры, утомленные боями и измученные жарой и песком, прилагали все усилия, чтобы сплотить своих людей. Англичане быстро перестроились, так быстро, что испанцы, выславшие вперед отряд для их разгона, тут же отозвали его при виде Горация Вира, возвращавшегося со своими двумя сотнями человек с пляжа. Морис заметил это движение и радостно воскликнул: "Путешествие по Англии в одиночку в атаку." Он немедленно приказал двинуть кавалерию с правого фланга под командованием сэра Эдварда Сесила; а тем временем Гораций Вир и его собратья-офицеры поспешно решили, что их единственный шанс - это немедленно атаковать две тысячи испанцев с их горсткой людей. Они отчаянно бросились на них; испанцы, измотанные долгим маршем и тяжелыми боями, отступили, и Морис, уловив решающий момент, бросил солдат Сесила в самую гущу их. Вторая атака уничтожила испанскую конницу; Морис приказал начать общее наступление, и битва была выиграна. Три тысячи испанцев были убиты на месте; еще шестьсот человек со всеми их орудиями и сто двадцать знамен были захвачены в плен. Что касается Штатов, то потери почти полностью легли на англичан. Из их военачальников восемь были убиты, и только двое вышли с поля боя невредимыми; из тысячи шестисот человек восемьсот были убиты и ранены. Они вместе с фризами приняли на себя основную тяжесть сражения, и Морис отдавал им должное за это. Так закончилась битва при Ньюпоре,^[140] предсмертная борьба некогда знаменитого испанского солдата и первый великий день новой английской пехоты.

1601.

9 июля.

В следующем году эрцгерцог Альберт попытался отомстить за свое поражение, захватив единственный оплот Соединенных провинций во Фландрии, маленький укрепленный рыбацкий городок Остенде. Гарнизон стал настолько невыносимым для окружающей страны, что штаты Фландрии обратились к эрцгерцогу с петицией раз и навсегда уничтожить маленькую заразную крепость; и поэтому в последующие годы основные операции были сосредоточены вокруг осады. Армия эрцгерцога состояла из двадцати тысяч человек при пятидесяти осадных орудиях; гарнизон насчитывал едва ли шесть тысяч человек, наполовину англичан, наполовину голландцев, из которых полторы тысячи англичан, все одетые в красные ряссы, были подкреплением, только что доставленным из-за моря. Фрэнсис Вир был верховным командующим, а его брат Гораций командовал полком под его началом.

Я не буду утомлять читателя подробностями об умении и ресурсах Вира в улучшении обороны города или о непрекращающихся столкновениях, которые происходили в течение первых недель осады. Испанский огонь был таким жарким, а потери осажденных такими тяжелыми, что гарнизон был изрядно измотан работой. В течение первых трех недель Вир был опасно ранен в голову и вынужден оставить командование до выздоровления, и к концу первого месяца едва ли можно было увидеть хоть одну красную сутану из полутора тысяч человек, все были ранены или мертвы. Тем не менее, поскольку море всегда было открыто для осажденных, в город всегда можно было перебросить свежих людей и припасы, чтобы восполнить потери. Две тысячи англичан, на удивление хорошо экипированных и одетых, прибыли первыми, за ними последовал контингент французов и шотландцев. Они тоже пали со страшной быстротой. Город был всего в пятьсот ярдов в поперечнике, а испанские батареи были построены на расстоянии мушкетного выстрела от оборонительных сооружений. Уцелел едва ли хоть один дом, и гарнизон был вынужден зарыться под землю, как в единственное убежище от непрекращающегося града снарядов. Зима выдалась на редкость суровой, численность защитников сократилась всего до девятисот человек, и на Рождество Вир, несмотря на сильный ветер и нехватку припасов, был вынужден прибегнуть к притворным переговорам, чтобы выиграть время. Благодаря удачной перемене ветра четыреста человек смогли войти в гавань и пополнить измученный гарнизон.

1602.

К настоящему времени испанцы выпустили по городу сто шестьдесят три тысячи пушечных выстрелов и теперь решились на генеральный штурм. 7 января Вир получил разведанные о готовящемся нападении и, хотя его силы были слишком слабы, чтобы оборонять в полном объеме свои укрепления, сделал все возможное, чтобы отразить его. Корзины с золой, бочки, ошметинившиеся крючьями, камни, обручи, кирпичные биты, дубинки, чего только не было, хранились на крепостном валу, а во время прилива вода перекрывалась во рву. С наступлением темноты испанские колонны обрушились на захваченный город со всех сторон. Их встретил ливень всевозможных метательных снарядов; на их шеи были наброшены пылающие обручи, в глаза полетел пепел, в лица полетели кирпичные обломки; и, как они ни бушевали, они не могли удержаться на ногах. Трижды они возобновляли атаку, и трижды их отбивали, и, наконец, они отступили, угрюмые и разъяренные, потому что поднимался прилив, и с одной стороны они могли продвинуться к городу только по проходу, который нельзя было перейти вброд при высокой воде. Когда они отступали, Вир открыл шлюзы рва, и поток воды смыл десятки, если не сотни из них в море. Потери испанцев составили две тысячи человек; численность гарнизона не превышала ста тридцати.

1603-1604.

Я не буду далее следить за этой памятной осадой. Вир и его брат Гораций покинули город почти до смерти измотанными в марте 1602 года, но оборона все же была сохранена. Подкрепления из Англии прибывали сотнями и тысячами. Негодяев, бродяг, праздных, распутных и не имеющих хозяев людей беспристрастно сравнивали с честными людьми с репутацией, облачали в красные или синие сутаны и отправляли в Остенде. Добровольцы благородного и скромного происхождения, кто в поисках наставлений, кто с жадной приключений, также поспешили на осаду, и Остенде стал одной из достопримечательностей Европы. Губернатор за губернатором, все они доблестные голландцы, приходили, чтобы принять командование. Трое

из них были убиты на месте, но оборона все же продолжалась, пока, наконец, 13 сентября 1604 года груда развалин, которая отмечала место расположения Остенде, не была передана в щедрые руки Спинолы. Осада длилась три года и десять недель и стоила жизни ста двадцати тысячам человек.

Прежде чем город пал, кампании Фрэнсиса Вера закончились. В 1602 году он сопровождал Мориса при осаде Граве, где был еще раз опасно ранен, а летом 1604 года уволился со службы в Штатах, от которых заслуженно получал пожизненную пенсию. В том же самом году король Яков Первый заключил договор с эрцгерцогами испанских Нидерландов, который отныне предоставлял голландским патриотам самим вести свои сражения; но такие нации, как Англия и Шотландия, не связаны решениями такого существа, как Яков. Британские войска не только оставались на службе государству, но и чрезвычайно росли и умножались, и Фрэнсис Вир, который сделал их службу почетной и выделил их усилия, мог чувствовать, что его работа была выполнена хорошо. Несколько коротких лет отдыха положили конец жизни, которая была сокращена лишениями и ранами; и 28 августа 1609 года, через четыре месяца после подписания перемирия, давшего передышку измученным участникам голландской войны, старый солдат мирно скончался в своем доме в Лондоне. Его могилой в Вестминстерском аббатстве восхищаются тысячи людей, которые не знают ни об одном из его деяний, но, конечно, не является оскорблением искусства помнить, что лежащее мраморное изваяние и четыре благородные фигуры, преклонившие колени вокруг него, принадлежат не обычным героям, а честным английским воинам, типичным для многих тысяч тех, кто погиб во имя свободы Нидерландов и похоронен и забыт в залитой кровью земле Нидерландов.

1619.

Двенадцатилетнее перемирие дало английским полкам передышку, которая, хотя и не была полной, оставила некоторым из наиболее отважных духов свободу для других приключений. Дело курфюрста Фридриха, принца, менее интересного для англичан как Зимний король, чем как муж их любимой принцессы Елизаветы, призвало Горация Вира и многих других доблестных джентльменов с четырьмя тысячами хороших солдат в Пфальц, где, однако, их храбрость не смогла спасти их от неизбежного поражения. Король Яков, конечно, не принимал участия в этом предприятии; он был далек от того, чтобы пошевелить пальцем в поддержку протестантского дела в Германии, он даже тайно сговорился с Испанией о разделе Нидерландов, который должен был быть осуществлен английскими войсками на голландской службе, теми самыми людьми, которые сделали дело Соединенных провинций своим и провели его через опасности Ньюпора и Остенде. Неудивительно, что такой человек, на самом деле не без душевных поисков, но и не пошевелив рукой, позволил Германии втянуться в Тридцатилетнюю войну.

1621.

1624.

1625-1637.

По истечении двенадцатилетнего перемирия большой контингент англичан под командованием сэра Эдварда Сесила был присоединен к армии принца Мориса; а три года спустя окончательный разрыв отношений Англии с Испанией увеличил ее численность с шести до двенадцати тысяч, а в 1625 году даже до семнадцати тысяч человек. Было бы утомительно следить за ними в ходе операций последующих кампаний; достаточно привлечь внимание к возвышению людей, которым впоследствии суждено было прославиться, и, таким образом,

несколькими ступенями преодолеть связь британской армии со старыми голландскими военными школами. Первые имена принадлежат Филиппу Скиппону, которого мы находим раненым под Бредой в 1625 году, и капитану Джону Кромвелю, родственнику великого Оливера, который также был ранен в том же бою. Переходя к осаде Буа-ле-Дюка в 1629 году, мы обнаруживаем, что список гораздо длиннее — лорд Донкастер, лорд Филдинг, который служил копьем в полку Сесила, лорд Крейвен, Латтрелл, Бриджмен, Бассет, Трогмортон, Флитвуд, Ламберт, второй Кромвель, Томас Фэрфакс, Филип Скиппон, Джейкоб Эстли, Томас Калпепер, ветераны Бальфур и Сэндилендс из северной части Твида и многие другие. Наконец, при осаде Бреды в 1637 году мы видим принца Руперта и принца Мориса, сыновей Зимнего короля, настолько продвинутых в окопах, насколько это возможно для любого нуждающегося кадета, работающих бок о бок с Филиппом Скиппоном, лордом Уорвиком и Джорджем Горингом. Из них Скиппон и Геринг разделили почести осады. Скиппон на чрезвычайно опасном посту отогнал двести испанцев в атаке на пик с тридцатью англичанами; он был поражен пятью пулями в шлем и латы и, наконец, прострелен в шею, но он просто посидел десять минут и вернулся к своей работе, пока принц Оранский не отозвал его. Геринг, будучи крайне продвинутым идиотом, платил дополнительное жалованье из собственного кармана любому, кто соглашался работать с ним, и оставался там, пока вокруг него было перестреляно двадцать два человека, пока, наконец, он не был вынужден уйти в отставку из-за пули в лодыжку. Тем временем прибывали новые добровольцы — Герберт, сын лорда Герберта Шерберского, сэр Фейтфул Фортезкью из королевской кавалерии Ирландии, сэр Чарльз Слингсби и многие другие и, наконец, капитан Джордж Монк из Потериджа в Девоне, который однажды стал первым полковником гвардии Колдстрима и даже сейчас отличается особой храбростью.

Вот они, храбрые английские джентльмены, все в оранжево-голубых шарфах, сражаются бок о бок с учениками Фрэнсиса Вера, изучая их дело для тех дней, когда они разделятся на Кавалеров и Круглоголовых и вцепятся друг другу в глотки. Это была достаточно веселая жизнь, хотя и с большим количеством мрачной серьезности. Перед тем, как каждое подкрепление отправилось на ночь в окопы, оно удалилось в *парадо*^[141] в апартаменты командующего полковника, выслушало молитвы, спело псалом и так приступило к своей работе; но хотя в каждом полку был проповедник и проповедь в палатке полковника, присутствовать было некому, и слушателей было немного. за исключением горстки благожелательно настроенных людей.^[142] С некоторыми из них десять лет спустя все должно было сложиться совсем по-другому, но этого они не могли предвидеть; и, по правде говоря, мы находим среди джентльменов-добровольцев несколько очень знакомых типов. Один из них прибыл с восемнадцатью костюмами, напился сразу по приземлении и оставался пьяным, икал "твой горшок или мой" до конца своего пребывания. Нетрудно понять, почему этот джентльмен был отправлен на войну. Другой, энсин Данкомб, приехал по другой причине; он влюбился в девушку, которая, хотя и была достойна его, не одобрялась его родителями. Поэтому его тоже отослали забыть ее, как и положено таким глупым мальчишкам; и он стал всеобщим любимцем и преуспел. Но, к несчастью, он не мог забыть; поэтому однажды он сел и написал два письма, одно, полное страсти, своей возлюбленной, а другое, исполненное долга, своему отцу, и, сделав это, адресовал страстное послание, как это свойственно таким бедным бестолковым мальчишкам, своему отцу, а почтительное — леди. И так получилось, что несколько недель спустя полк пришел в ужас, узнав, что молодой Данкомб застрелился; и чем меньше было прапорщиков в Нидерландах, тем больше было разбитых сердец в Англии, печальное молчание за офицерским столом и много болезненных обсуждений инцидента в рядах. Именно такие

мелочи, как эти, напоминают нам о том, что эти солдаты старых времен были действительно живыми существами из плоти и крови.

Солдаты тоже осваивали свое дело со всеми сложными упражнениями с мушкетами и пиками, знакомились с бесчисленными словами командования и с тонкостями их исполнения. Благодаря бесконечным указаниям копейщик научился обращаться со своим оружием с большей грацией и прислушивался к таким предостережениям, как следующее. "Теперь при слове *"Прикажи ударить пикой"*, ты приставляешь острие пика к внешней стороне правой стопы, держа ее правой рукой так, чтобы глаз и большой палец были направлены прямо вверх; затем, когда твоя левая рука будет прижата к боку, ты встанешь всем телом в приятной позе". Мушкетер тоже понял, что малейшее движение должно быть выполнено по команде. Случайные крупинки порошка, рассыпанные по сковороде, исчезали при слове *Сдуйте мозоли*, иногда одной-двумя затяжками, иногда "внезапным сильным ударом", но всегда в соответствии с инструкциями. При слове *Открыть огонь* он снова осознал первостепенную важность "мягко нажимать на спусковой крючок, не вздрагивая и не моргая", и вскоре возродил старую репутацию англичан, впервые завоеванную лучниками за прекрасную стрельбу. Очевидец с восторгом отмечает, что после каждого выстрела они опирались на свои опоры и наблюдали за результатом так хладнокровно, как если бы они были птицеловами, наблюдающими за падением своей птицы. Наконец, они научились новому умению, не описанному ни в одном учебнике, которым можно было бы завершить этот раздел. Пикинеры и мушкетеры были выстроены в шеренгу, каждая пика с пучком соломы на конце, а каждый мушкет заряжен только порохом; и по первому слову каждый огонек был зажжен, и все мушкеты выстрелили в быстрой последовательности. Поначалу залп был остановлен, выражаясь словами нашего авторитета, что, возможно, было естественно при первой попытке, но в конце концов он удался; и таким образом, перед Буа-ле-Дюком в 1629 году была произведена первая *битва радости*, которая зарегистрирована в британской армии.^[143]

Власти.—Основными источниками информации о действиях британцев в Нидерландах являются истории Метерена, Гримстона и Коммелина; "Действия Роджера Уильямса в Нидерландах"; "Хексхэм"; "Комментарии Вира"; "Переписка Лестера" (Камденское общество); календари государственных газет, отечественных и зарубежных серий; и документы Голландии в архиве. Эти последние, состоящие из нескольких десятков портфелей рукописных документов, я не могу претендовать на исчерпывающее изучение. "Борьба Вереса" сэра Клементса Маркхэма и "Жизнь лорда Уимблдона" мистера Далтона - лучшие современные книги на эту тему, и я хочу в полной мере признать свой долг перед ними. "Принципы военного искусства" Хексхэма - лучший авторитет в области голландской системы муштры. Также ценна "Тактика Элиана", переведенная с комментариев капитана Джона Бингхэма в 1616 году. И последнее, но не менее важное: читатель сам найдет знакомое название Motley.

ГЛАВА VI

Теперь необходимо обратиться ко второй и, возможно, более важной школе британской армии. Как в Нидерландах мы обнаружили, что англичане и шотландцы сражались бок о бок, но уделяли англичанам, поскольку того требовал их численный перевес, большую долю внимания, так и теперь на немецких полях сражений Тридцатилетней войны мы снова увидим их в одном ряду, но по той же причине должны посвятить себя действиям шотландцев.

Северные бритты, похоже, очень быстро встали под знамена Густава Адольфа и сражались вместе с ним в его предыдущих кампаниях задолго до того, как он зарекомендовал себя как защитник протестантизма. Упомяну лишь два запоминающихся имени: сэр Джон Хепберн и сэр Александр Лесли достигли высокого звания на его службе за много лет до того, как он пересек Балтику для своих замечательных кампаний в Германии. Но чтобы правильно проследить историю знаменитых шотландских полков, необходимо кратко проследить за их первым отъездом из Шотландии для поступления на службу к датскому королю Кристиану Четвертому, который, как ни странно, является связующим звеном между двумя школами Мориса Нассауского и Густава Адольфа.

1626 год,
17 августа.

Именно полагаясь на обещания субсидий от английского короля Карла Первого, Кристиан впервые собрал армию и выступил на защиту протестантского дела. Его план предусматривал оборонительную кампанию, но это было невозможно, если его солдатам не платили регулярно, что, как он надеялся, будет производиться английскими деньгами. Излишне говорить, что Чарльз, когда настал момент, не смог выполнить свое обещание; Кристиан был вынужден перейти в наступление и потерпел полное поражение от Тилли при Латтере. Несчастный король с негодованием обратился к Карлу за помощью, но Карл не мог послать ничего, кроме четырех английских полков, которые были собраны для службы в Нидерландах два года назад и теперь, из-за преобладающего плохого управления во всех сферах английских дел, были слабыми, дезорганизованными и бесполезными. Их численность, однако, пополнилась бригадой прессигов, и отряд численностью около пяти тысяч человек, не получавших оплаты и плохо найденных, готовых к болезням и беспорядкам, был отправлен на Эльбу.

Незадолго до поражения при Латтере один из многих шотландских джентльменов-авантюристов, сэр Дональд Маккей, получил разрешение короля Карла собрать и перевезти пять тысяч человек для союзника короля Кристиана, знаменитого вольного копейщика графа Эрнеста Мансфелда. Не похоже, что ему удалось завербовать даже половину этого числа, поскольку в центре и на юге Шотландии уже были проведены массовые призывы. Тем не менее, честным или нечестным путем было собрано около двух тысяч человек, и даже если некоторых из них забрали из Толбута в Эдинбурге, вполне уместно, что в столь знаменитом отряде были представители из Самого Сердца Мидлотиана. Но несомненно, что значительная часть была взята из северных графств и, в частности, из округа клана Маккей, и что они вышли на поле боя в своих национальных костюмах и таким образом стали первым организованным формированием, заслуживающим названия полка в килтах. Офицеры, судя по их именам и еще больше по их последующему поведению, без исключения были джентльменами по рождению и положению, достойными представлять свою нацию. Некоторые из них, вероятно, уже имели опыт войны; по крайней мере, один, Роберт Манро, историк полка, служил в шотландской

личной охране короля Франции и на печальном опыте познал значение слова "дисциплина".[144]

1627.

Полк отплыл подразделениями из Кромарти и Абердина и прибыл в Глюкштадт на Эльбе в октябре 1626 года. Зима прошла в тренировках мужчин, но не обошлось без бунтов и потасовок. Офицеры постоянно ссорились, и среди солдат было так мало дисциплины, что сержант фактически выбыл из строя на учениях, чтобы ударить дубинкой иностранного офицера, который жестоко обошелся с одним из своих товарищей. Тем временем граф Мансфельд, который первоначально нанял полк, был мертв, и в марте 1627 года сэр Дональд Маккей предложил свои услуги королю Дании. Кристиан соответственно осмотрел его и, сначала осмотрев шеренги на параде, "барабаны бьют, знамена развеваются, лошади ржут", увидел, как он марширует мимо, и сделал ему красивый комплимент. Затем мужчин выстроили, по обычаю ландскнехтов, в кольцо, где они принесли присягу и прослушали репетицию военного устава; и так началась их служба. Половина из них была отправлена с английскими полками в Бремен, а остальные были размещены в Лауэнбурге для охраны переправы через Эльбу.

Июль.

После продолжительного марша и контрмарша четыре роты под командованием майора Данбара были оставлены в Бойценбурге, на слиянии Бойце и Эльбы, в то время как Маккей с оставшимися семью был переведен в Руппин. Через три дня после отъезда Маккея десяти тысячная армия Тилли подошла к Бойценбургу и приготовилась продвигаться в Гольштейн. Данбар, зная о собственной слабости, укрепил свою оборону, но восемьсот человек были небольшим гарнизоном против целой армии. В первую же ночь он совершил успешную вылазку, а на следующий день империалистическая армия атаковала его укрепления во всех пунктах. Первая атака была отбита с потерей нападавшими более пятисот человек. Было подтянуто подкрепление; атака возобновилась и снова была отбита, и, наконец, был предпринят третий, яростный натиск на маленький отряд шотландцев. В разгар боя у гарнизона закончились боеприпасы, и огонь прекратился. Империалисты, догадавшись о причине, бросились к стенам. Шотландцы встретили их сначала градом песка, сорванного с крепостных валов, и вскоре, вооружившись пиками и прикладами мушкетов, сразились с империалистами врукопашную и после отчаянной борьбы выбили их оттуда, потеряв еще пятьсот человек. Затем Тилли отступил и пересек Эльбу выше по течению, а Данбар по приказу Кристиана гордо вышел из Бойценбурга. Это было первое сражение полка Маккея, достойная прелюдия к предстоящей работе.[145]

Октябрь.

Штаб полка вскоре был переведен из Руппина в Ольденбург, чтобы удерживать перевал от наступления Тилли, и здесь они тоже вступили в бой. Их плохо поддерживали иностранные товарищи, потому что датчане отступили, немцы из армии Кристиана обратились в бегство, и основная тяжесть сражения пришлось на половину шотландского полка. После двух часов ожесточенных боев им на смену пришла другая половина, и таким образом, две дивизии, сменяя друг друга, продолжали борьбу против значительно превосходящих сил противника с семи утра до четырех часов пополудни, когда противник, наконец, отступил из-за темноты. Дух,

проявленный шотландцами, был великолепен. Энсин Дэвид Росс получил пулю в грудь; он отошел на несколько минут, чтобы перевязать рану, и вернулся в бой; впоследствии он не пропустил ни часа дежурства под предлогом того, что был ранен. Гектор Манро из Кул, получив пулевое ранение в ногу, отказался уходить, пока не израсходует все свои патроны, и, прежде чем он успел это сделать, был ранен и в другую ногу. Еще один, Хью Мюррей, которому было приказано унести труп своего брата под сильным огнем, поклялся, что сначала разрядит патронташи своего брата по врагу, и был ранен в глаз, хотя и не смертельно, выполняя свою клятву. Однако это были молодые солдаты, у которых было так мало опыта, что они оставили свой запас боеприпасов незащищенным и сильно пострадали от взрыва бочки с порохом. В тот день они потеряли шестнадцать офицеров и четыреста человек.

Той ночью датская армия отступила к Хайлигенхафену, но несколько немецких рейтарских частей, которые были приданы ей, были настолько неустойчивы, что быстро превратили отступление в бегство; и когда гавань была достигнута, кавалерия столпилась на молу, чтобы захватить все транспортные суда для себя. Сэр Дональд Маккей, который сам был ранен, был не из тех, кто допустит, чтобы его полк был принесен в жертву; он спокойно приказал своим пикинерам наступать, сбросил весь рейт в море, захватил ближайший корабль, вывел остальных с рейда и приступил к погрузке. Последняя лодка с грузом отчалила в окружении вражеской конницы, и последний шотландец, доблестный юноша по имени Мерчисон, хотя и был ранен в голову и прострелен руку, под сильным огнем доплыл до лодки только для того, чтобы умереть два дня спустя от полученных ран. Остальная часть датской армии, тридцать пять конных и сорок пеших рот, сдалась без единого удара. Поэтому неудивительно, что, когда в следующий раз шотландцы оказались в распоряжении датской кавалерии, вспыхнул яростный бунт, который унес жизни семи или восьми человек, прежде чем его удалось подавить. Но на самом деле полк Маккея был настолько ослаблен своими потерями, что и полковник, и подполковник волей-неволей вернулись в Шотландию набирать рекрутов.

1628.

Я не буду следить за различными мелкими действиями более ранней части кампании 1628 года в Гольштейне, хотя многие из них были достаточно блестящими. Должно быть достаточно того, что шотландцы и англичане постоянно сражались бок о бок не только с врагом, но однажды и с самими датчанами, которых они считали излишне привилегированными в вопросе питания. В мае империалисты двинулись с наступлением, чтобы оккупировать Штральзунд; и бюргеры, обратившись за помощью к Кристиану, получили от него семь рот, теперь уменьшенных до восьмисот человек, полка Маккея.

26Июня.

По прибытии их командир сразу же выбрал самый опасный пост в обороне, как того требовала честь, и в течение шести недель полк был до смерти измотан изнурительной службой. Солдаты ели прямо на своих постах, и Монро, который теперь был майором, упоминает, что он ни разу не раздевался. Они также сильно пострадали от вражеского огня, единственный пушечный выстрел разбросал по стенам мозги не менее чем четырнадцати человек; но все же они выстояли. Наконец Валленштейн явился лично, раздраженный задержкой, и поклялся, что возьмет город за три ночи, хотя бы он висел на цепи между небом и землей. Его первая атака была отбита шотландцами с потерей тысячи человек. Но горцы также были жестоко наказаны; три офицера и двести человек были убиты на месте, и еще семь офицеров были ранены.

Следующей ночью атака была возобновлена и снова отбита, но теперь гарнизон был вынужден начать переговоры, чтобы выиграть время; и переговоры затянулись до тех пор, пока прибытие второго шотландского полка под командованием лорда Спайни не позволило защитникам возобновить неповиновение.

1630.

Февраль.

Вскоре после этого король Швеции взял на себя защиту Штральзунда. Александр Лесли, с которым мы еще встретимся, был назначен принять командование, а полки Маккея и Спини после последней вылазки были отведены в Копенгаген. Из полка Маккея пятьсот человек были убиты сразу во время осады, и только около сотни остались невредимыми; фактически полк фактически требовал восстановления. Работа по набору персонала и реорганизации заняла зимние месяцы, по окончании которых корпус, теперь увеличенный до десяти рот и полутора тысяч человек, был с честью уволен со службы в Дании и мог присоединиться, как это было сделано в настоящее время, к Густаву Адольфу.

Его первой обязанностью было изучить новую муштру и дисциплину, введенные королем Швеции; и поскольку его системе было суждено позже быть принятой всеми армиями Европы, нельзя найти лучшего места, чем это, где она была доведена до совершенства и впервые преподана британским солдатам, чтобы дать о ней краткий отчет.

Пехота Густава Адольфа, как и всех других цивилизованных армий того периода, состояла из пикинеров и мушкетеров и, вне всякого сомнения, изначально была обучена и организована по образцу испанской и голландской. Об этом уже было сказано достаточно, чтобы читатель мог проследить за реформами, проведенными шведским королем. Во-первых, что касается оружия: старая длинная пика была урезана с пятнадцати или восемнадцати футов в длину до более скромных одиннадцати футов, а старый неуклюжий мушкет с тяжелой рукояткой был заменен более легким оружием, из которого можно было стрелять с плеча без дополнительной поддержки. Защитные доспехи пикинера также были сведены к поясным, нагрудным и кистевым доспехам; и, таким образом, обе пехотные дивизии, имевшие меньший вес, чем раньше, получили возможность двигаться быстрее и совершать более длительные марши без усталости. Это был первый шаг к мобильности, которую великий солдат задумал противопоставить старомодным силам массы.

Следующее, что касается тактики пехоты: первым усовершенствованием Густава было сокращение старого строя с десяти шеренг до шести; его вторым и более важным решением было отозвать мушкетеров с их прежнего места расположения на флангах рот и разделить их на отдельные группы с использованием копий и дроби. Совершенно очевидно, что он рассматривал развитие мушкетного огня как первостепенную важность на войне, и с этой целью он стремился сделать мушкетеров независимыми от защиты пиками. Эта идея привела его к любопытному возрождению старых методов, не что иное, как модификация кольев, которые были замечены в руках англичан при Гастингсе и Азенкуре и которые теперь получили название свиной щетины или шведских перьев. Это, однако, было мелочью по сравнению с его усовершенствованием метода ведения непрерывного огня. Система Пескайры, на первый взгляд, не подходила для молодых или неустойчивых войск. Теоретически было очень просто, чтобы шеренги стреляли и отходили в тыл друг за другом, но на практике искушение мужчин произвести стрельбу как можно быстрее и укрыться за рядами своих товарищей было слишком

сильным. Отступление, как правило, производилось с неподобающей поспешностью, которая деморализовывала всю роту, и не было никакой уверенности в том, что отступающие ряды, вместо того чтобы занять свои места в тылу, не исчезнут с поля боя совсем. Поэтому Густавус уволил рядовых, совершивших стрельбу, через[146], а не за пределы своих рот, где, благодаря разумному распределению офицеров и унтер-офицеров, любое стремление к спешке могло быть остановлено ударом алебарды по голени или другими способами, которые может подсказать воображение читателя. В наступлении, опять же, он заставил задние ряды последовательно продвигаться вверх по передним рядам, а при отступлении заставил передние ряды отступить через тыл.

Эта реформа была в равной степени моральной, а не тактической; но следующая сделала большой шаг навстречу современной практике. Не довольствуясь сокращением десяти шеренг до шести, Густав иногда удваивал эти шесть шеренг до трех и, заставляя первую шеренгу опускаться на колени, позволял вести огонь из всех трех шеренг одновременно. Здесь видно преимущество отмены старого мушкетного упора, с которым такая концентрация огня была бы невозможна. Все еще следуя своему руководящему принципу, он поощрял использование патронов для ускорения процесса заряжания; и, наконец, чтобы усовершенствовать свою работу, он ввел новое тактическое подразделение, *пелотон*, названный Манро *Плоттоном* и позже натурализованный среди нас как взвод мушкетеров, который состоял из сорока восьми человек, восьми рядовых и шести в шеренге, все, конечно, тщательно обученные новой тактике. И все же, несмотря на все эти изменения, тренировка была простейшей; если люди могли поворачиваться направо, налево и по кругу и удваивать свои ряды, этого было достаточно.

В вопросе чистой организации Густавус снова усовершенствовал все существующие системы. Сначала он сформировал роты одинаковой численности, сто двадцать шесть человек, распределенных по двадцати одному *подразделению*, или шеренгам, и шести капралам. Подразделение пикинеров состояло из трех групп, а мушкетеров - из четырех групп;[147] и к каждой группе был назначен *ротмейстер*[148] или лидер, стоявший впереди, и *унтер-ротмистр* или заместитель лидера, стоявший в задней шеренге. Оба они получали более высокую зарплату, чем рядовой. Два сержанта, четыре младших сержанта и квартирмейстер-сержант дополняли штат унтер-офицеров, в то время как три волынщика и столько же барабанов создавали музыку для всех. Более того, каждая рота несла с собой своего рода резерв в виде восемнадцати нештатных солдат, которые носили имя *passe-volans*, старый жаргонный термин, обозначающий вымышленных солдат со времен Хоквуда, и были допущены к капитану как свободные люди без военной подготовки. Офицерами, конечно, были, как обычно, капитан, лейтенант и прапорщик.

Восемь таких рот составляли полк, численность которого, таким образом, составляла тысячу восемь человек, во главе с полковником, подполковником и майором. В штат полка входило множество чиновников, позаимствованных у ландскнехтов для суда и наказания правонарушителей, и, что было совершенно новшеством, четыре хирурга. Оказание медицинской помощи раньше возлагалось на капитанов, и именно Густаву мы обязаны первым примером более надежной медицинской организации.

Четыре роты или половина такого полка назывались либо эскадроном, либо итальянским названием *battaglia*, к которому следует отнести наше современное слово "батальон". Два таких

полка были названы бригадой, что знаменует последний прогресс в организации, достигнутый Густавом. Морис Нассауский был до него в формировании бригад, но не довел их численность до единой. Шведские бригады имели стереотипное боевое построение и были названы в честь цвета их штандартов - белого, синего, желтого и, наконец, зеленого, более известного как шотландская бригада, которая нас больше всего интересует.

Проходя рядом с кавалерией, следы реформаторской руки Густава не менее очевидны. В целом силы были разделены на кирасир и драгун. Последние из них, вооруженные мушкетами и представлявшие собой просто конную пехоту, могут быть оставлены без дальнейшего наблюдения. Кирасиры, за исключением внешнего вида, имели сильное сходство с рейтарами, поскольку, хотя и были лишены всех защитных доспехов, кроме кирасы и шлема, они все еще имели при себе два пистолета и саблю. Густав, однако, здесь, как и в случае с пехотой, занял свою собственную позицию. Он начал с того, что сократил глубину рядов с бездонной глубины рейтеров до трех или, самое большее, четырех; и хотя он по-прежнему начинал свою атаку с пистолета и пока придерживался тактики метательных ударов, он в значительной степени сочетал с ними ударные действия. Как и в пехоте, он хотел заменить систему Пескайры. Рейтеры, как мы знаем из показаний многих очевидцев, часто так стремились зайти в тыл и перезарядить оружие, что стреляли из своих пистолетов на абсурдных дистанциях, иногда даже не дожидаясь выстрела, прежде чем развернуться. Неспособный применить к кавалерии систему, которую он перенял для пехоты, и неспособный, как и все его современники, понять принцип, согласно которому, поскольку у лошади четыре ноги, а у человека две, эволюция конницы и пехоты должна быть принципиально разной, Густав, тем не менее, решил, что его кирасиры во что бы то ни стало должны сойтись в рукопашной схватке со своим врагом. Поэтому он научил их не стрелять, пока они не увидят белки в глазах своих противников, а после выстрела наносить удар мечом.

Следовательно, ему принадлежит заслуга, которая не совсем незаслуженна, в том, что он восстановил ударные действия и, как говорят, пустил свою кавалерию в галоп; но первое утверждение вводит в заблуждение, а второе перед лицом свидетельств современников невероятно. Во-первых, меч - исключительно неэффективное оружие против людей в кольчугах, и настоящий восстановитель ударного действия почти наверняка вернулся бы к копью. Во-вторых, всадники, которые начинают атаку с пистолетов, безошибочно проверяют своих лошадей в момент выстрела, чтобы обеспечить большую точность прицеливания. Наконец, любимый план Густава для кавалерийской атаки состоял в том, чтобы чередовать свои эскадроны со взводами мушкетеров, которые продвигались с ними на близкое расстояние^[149] и дали залп по лошади противника. Эта предварительная подготовка закончилась, кирасиры выступили вперед, выстрелили из пистолетов, ударили шпагой и отступили; к этому времени мушкетеры перезарядили ружья и были готовы дать еще один залп. Стрельба из мушкета с близкого расстояния в те дни не позволила бы отряду лошадей проложить путь для ударной атаки в современном смысле этого слова, и поэтому более чем сомнительно, чтобы шведские эскадроны атаковали с большей скоростью, чем рысью. Система Густава на самом деле была просто возрождением системы Эдуарда Первого в Фолкерке, которая уже была с большим успехом разработана Пескайрой в Павии. Тем не менее, уменьшив глубину расположения эскадронов и настояв на том, чтобы его люди подходили на ближний бой, Густав, несомненно, очень много сделал для совершенствования кавалерии.^[150]

Наиболее замечательными из всех были его реформы в артиллерийском деле. Находясь под глубоким впечатлением от мощи полевых орудий, он не жалел усилий, чтобы сделать их более легкими и мобильными, чтобы ими можно было одновременно легко управлять и перевозить в большем количестве. И здесь Морис снова был перед ним, не без успеха, но Густавус обладал в лице шотландского джентльмена, сэра Александра Гамильтона, артиллеристом более широких взглядов, чем это было под силу великому голландскому солдату. Первым экспериментом Гамильтона было изготовление кожаных ружей,^[151] укрепленных металлическими обручами и, по-видимому, оловянным сердечником, которые можно было легко перевозить на спине пони или укладывать дюжинами в фургон. Густав часто использовал их в своих предыдущих кампаниях, но отказался от них самое позднее после битвы при Брайтенфельде, обнаружив, что срок их службы не превышает десяти или дюжины выстрелов. Затем он вернулся к легким двухфунтовым и четырехфунтовым пушкам, для перевозки которых требовалось немного лошадей, и которые умелый экипаж мог заряжать и стрелять даже быстрее, чем мушкет. Несколько таких орудий были приданы каждому полку и назывались полковыми орудиями; и вскоре выяснилось, что они очень эффективны.

Кроме того, Густавус был непревзойденным инженером, так же любившим лопату, как и сам Морис, и в прошлом мастером полевой фортификации. Сойдя на берег в Германии, он сначала упал на колени и помолился, а затем, взяв лопату, начал копать собственными руками. Это, здесь следует отметить раз и навсегда, был единственный пункт в его системе, который шотландцы терпеть не могли; они всегда ворчали, когда приходилось браться за лопату, и, несмотря на случайные упреки короля, всегда добивались меньшего прогресса в полевых работах за определенное время, чем любой другой корпус в армии.

Наконец, если обратиться к более широким принципам, то великим нововведением Густава, проявившимся во всех его реформах, было сопоставление мобильности со старой системой взвешивания. Он никогда не собирал свои войска в громоздкие отряды, а распределял их по меньшим и более гибким подразделениям, оставляя достаточно места для маневра. Его боевой порядок был таким, какой был обычным в его время, состоявшим из двух линий с пехотой в центре и кавалерией на флангах; но он всегда допускал расстояние в триста ярдов между первой и второй линией и возвел практику сохранения резерва, которая с перерывами соблюдалась на протяжении веков, в установленный принцип. И снова он тщательно изучил эффективное сочетание трех родов войск с тщательностью, невиданной со времен Жижики, поставляя артиллерию своей пехоте и беспристрастно поддерживая конницу пешими, а пешую - лошадьми. Наконец, как опора всего общества, он со строгостью, которой никогда не было до него, следил за соблюдением дисциплины.

1631.

Такова была Армия и таков был генерал, к которому теперь присоединился полк Маккея. В июне 1630 года он отплыл в Германию в составе тринадцати тысяч человек, составлявших шведскую армию: половина рот находилась в Эльфснабене, остальные под командованием Манро в Пиллау. Последний отряд был разбит у Рюгенвальде, который удерживали империалисты, и потерял все; но, предприняв попытку раздобыть оружие, спокойно атаковал имперский гарнизон и захватил город — самый смелый ратный подвиг, который когда-либо совершали шотландцы. После нескольких небольших сражений Монро вернулся в свою штаб-квартиру в Штеттине, и в январе 1631 года Густав, который справедливо хвастался, что его армия была

столь же эффективна в зимней кампании, как и в летней, вторгся в Бранденбург и двинулся к Одера. Шотландцы были организованы в знаменитую шотландскую бригаду, состоящую из четырех отборных полков — Хепберна, Маккея, Старгейта и Ламсдена, все под командованием сэра Джона Хепберна.

Май.

Мы должны пропустить операции в Бранденбурге, где шотландская бригада неоднократно отличалась, и сразу перейти к Саксонии, куда Густав был отозван с Одера наступлением Тилли на Магдебург. Прибыв слишком поздно, чтобы спасти несчастный город, он укрепился в Вербене, на слиянии Эльбы и Гавела, и явил миру первый заметный пример своего инженерного мастерства. Тилли, потеряв шесть тысяч человек в тщетной попытке штурмовать укрепления, вторгся в Саксонию, куда Густав немедленно последовал за ним и предложил ему сражение на равнине Лейпцига.

7 сентября Тилли занял свою позицию лицом к северу, на невысокой полосе высот, протянувшейся от деревни Брайтенфельд на западе до деревни Зеехаузен на востоке. Его армия была выстроена в одну линию. На каждом крыле, как обычно, была размещена кавалерия: семь полков под командованием Паппенгейма слева, еще семь под командованием Фюрстенбурга справа, все они были выстроены в плотные колонны, любимые Карлом Пятым. В центре был сам Тилли с восемнадцатью пехотными полками, среди которых были и его знаменитые валлонцы, собранными в старый тяжелый испанский строй. На высотах над ним стояли его орудия. Все войско насчитывало сорок тысяч человек, и их генералом был человек, который, несмотря на семидесятилетний возраст, не проиграл ни одного сражения.

7 сентября.

На другой стороне армии Густава и его союзников саксов были выстроены в две линии. Слева были саксонцы численностью в четырнадцать тысяч человек, а справа, только с ними нам и нужно беспокоиться, - шведы. В соприкосновении с саксонским правым флангом шведский левый фланг под командованием фельдмаршала Хорна состоял, как в первой, так и во второй линии, из шести кавалерийских полков с четырьмя взводами мушкетеров в каждом полку. Правое крыло под командованием самого Густава было составлено таким же образом. В центре первая линия состояла из четырех пеших полубригад, поддерживаемых кавалерийским полком и восемью взводами шотландцев; а вторая линия состояла из трех бригад, одной из которых была бригада Хепберна. В тылу обеих линий находился резерв кавалерии, а в крайнем тылу - еще один резерв, первый в истории, артиллерии.

Сражение началось, как обычно, артиллерийской дуэлью, которая продолжалась с полудня до половины третьего, причем шведские орудия, более многочисленные и лучше обслуживаемые, чем у Тилли, сделали три выстрела против одного у противника. Затем Паппенгейм, находившийся слева от Тилли, потерял терпение и, приведя в движение свою кавалерию, без приказа обрушился на правый фланг шведов. Он был встречен хлесткими залпами взводов мушкетеров и атаками кирасир, находившихся рядом с ними; его люди отступили от огня и, обойдя левее фронт крыла Густава, устремились к его тылу. Генерал Бауэр, командовавший резервной кавалерией первой линии, немедленно выдвинулся и ворвался в них; и весь шведский правый фланг, вступивший в бой, после упорного боя в беспорядке отбросил конницу Паппенгейма. Густав остановил преследование, поскольку Тилли выдвинул пехотный полк в

поддержку Паппенгейма и, повернув все свои силы против этого несчастного корпуса, уничтожил его.

Слева от империалистов Фюрстенбург, следуя примеру Паппенгейма, также атаковал и гнал перед собой всю саксонскую армию, как мякину на ветру.^[152] Он последовал за ними по горячим следам; и если бы Тилли сразу же двинулся со своим центром против фельдмаршала Хорна, положение шведов было бы критическим, поскольку их левый фланг теперь был полностью открыт. Но из-за неправильного расположения своей артиллерии Тилли не мог наступать напрямую, не выведя из строя свои орудия, и поэтому он последовал по следу Фюрстенбурга, чтобы обойти левый фланг Хорна. Задержка дала Хорну время принять меры для отражения атаки. Бригада Хепберна быстро подошла с другой бригадой поддержки, и шотландцы после одного залпа атаковали вражескую пехоту с пиками и полностью разгромили ее. Густав тем временем снова продвинулся со своей кавалерией справа и, ударив по флангу батареи Тилли, захватил все его орудия и обратил их против себя. Битва была практически окончена, но четыре великолепных старых валлонских полка стойко держались до последнего, и, хотя их численность составляла всего шестьсот человек, с наступлением темноты отступили в полном порядке.

Победа была сокрушительной; и все же из всей шведской пехоты в бой вступили только две бригады, и из них шотландцы выполнили большую часть работы. Это сражение знаменует собой день смерти старых плотных построений и триумф мобильности над массой, и поэтому представляет особый интерес для нации, сила которой в том, чтобы сражаться в строю.

1632.

Из Лейпцига Густав выступил маршем на Майн, где шотландцы, как обычно, выдвигались вперед за каждую отчаянную службу, и провел свой зимний двор в Майнце. Весной следующего года он двинулся маршем к линии Дуная с сорока тысячами человек, форсировал Лех в зубах армии Тилли, вступил в Баварию и к маю был в Мюнхене. Затем, услышав, что городам на Дунае в его тылу угрожает опасность, он повернул обратно в Донауверт, откуда был отозван войсками Валленштейна из Саксонии в Нюрнберг. Такого марша не было со времен Жижки. Теперь он превратил Нюрнберг, как годом ранее превратил Вербен, в обширный укрепленный лагерь; ибо теперь у него было всего восемнадцать тысяч человек против семидесяти тысяч у Валленштейна, и ему следовало максимально использовать свое положение. Валленштейн, однако, не рискуя вступать в бой, пошел более простым путем: также разбил укрепленный лагерь, отрезав поставки продовольствия Густаву с Рейна и Дуная и уморив его голодом. К шведам прибыло подкрепление, которое увеличило их армию до тридцати пяти тысяч человек; Валленштейн позволил им беспрепятственно пройти, чтобы быстрее израсходовать провизию. Острый голод начал давать о себе знать в шведском лагере, среди несчастных войск свирепствовала эпидемия, и, наконец, Густав в отчаянии бросил свою армию в тщетный штурм укреплений Валленштейна. В течение двенадцати часов его люди с отчаянной храбростью карабкались по неровному и изломанному холму, трижды на мгновение останавливаясь и так же часто отбиваясь. Канонада продолжалась всю ночь, и только к десяти часам следующего утра шведы отступили, оставив за собой четыре тысячи убитых. Шотландская бригада понесла ужасные потери. Монро из отряда в пятьсот человек потерял двести убитыми, не считая раненых и пропавших без вести. Его подполковник, сменивший его ночью, привел на следующее утро всего тридцать человек. Другие корпуса понесли едва ли менее тяжелые потери, и Густав, на

этот раз потерпев неудачу, отступил к Нойштадту, оставив треть своих сил погибшими в окрестностях Нюрнберга.

1634 год,
26 августа.

Сэр Джон Хепберн, вследствие ссоры со шведским королем, теперь простился с ним и поступил на службу Франции; а шотландская бригада, ослабленная до состояния жалкой тени, осталась в Дюнкерсвальде ждать подкрепления, в то время как Густав ушел на свое последнее поле битвы при Лютцене. Нам нужно немного подробнее проследить за судьбой Бригады. Знаменитые полки вместе с другими шотландцами и англичанами на шведской службе, насчитывавшими теперь около тринадцати тысяч человек, перед окончанием войны проделали огромную тяжелую и доблестную работу. Ряды полка Маккея снова пополнились до двенадцати рот и полутора тысяч человек, но при Нердлингене он был почти полностью уничтожен и вышел оттуда с численностью всего в одну роту. Времена изменились, и дисциплина пришла в упадок после смерти Густава; и в 1635 году, после союза Франции со Швецией и начала войны между Францией и Испанией, остатки всех шотландских полков были объединены воедино и перешли на службу Франции под командованием ветерана сэра Джона Хепберна как Эбронский полк.

1636.

Здесь давайте ненадолго оставим это, поспорив с Пикардийским полком за первенство, утверждая, на том основании, что некоторые офицеры Шотландской гвардии присоединились к нему, что это старейший полк в мире,^[153] и заслужив прозвище гвардейцев Понтия Пилата. Хепберн командовал им всего один год, поскольку пал во главе его при осаде Саверна, но он прошел через множество сражений и осад, битва при Рокруа не последняя из них, прежде чем вернулся на Британские острова. Мы встретимся с ним снова до этого дня под новым именем, и еще под третьим именем мы хорошо узнаем его.

Власти.— Экспедиция Манро, безусловно, самая ценная; она была сокращена и дополнена мистером Джоном Маккеем из его Старой шотландской бригады. В книге Харта "Жизнь Густава" мужественно борется с военными деталями, которые очень четко отражены в книге мистера Флетчера "Густав в сериале "Герои наций". Некоторые подробности можно найти также в "Истории иностранных труп" Фиффе.

ГЛАВА VII

Мы еще раз возвращаемся в Англию и рассматриваем нить истории армии в королевстве. О правлении Якова Первого мало что известно, за исключением того, что в самом начале был отменен Статут Филиппа и Марии о регулировании ополчения, и военная организация страны снова основывалась на Статуте Винчестера. Джеймс не любил солдат, и от такого человека нельзя было ожидать успехов в военном деле. Мы уже достаточно убедились в его методах

ведения дел с Нидерландами, и нет смысла дольше останавливаться на первом британском короле из дома Стюартов.

1625.

Карл Первый был более амбициозен и настолько гордился английским солдатом, что сохранил древний английский барабанный марш.^[154] Вскоре после окончательного разрыва отношений с Испанией он перенял от Бекингема идею набега на испанское побережье по образцу елизаветинской эпохи, которая в конечном итоге оформилась в экспедицию в Кадис. Из всех бесчисленных неумело организованных предприятий в нашей истории это, по-видимому, в целом было самым худшим. В Англии было множество обученных солдат, которые усвоили свой долг в Нидерландах; и Эдвард Сесил, которого мы видели несколько лет назад командующим кавалерией в Ньюпоре, просил, чтобы были сделаны щедрые предложения, чтобы склонить их к службе. Офицеры снова могли быть доставлены из Нидерландов, и поэтому не должно было возникнуть никаких трудностей с организацией превосходного отряда солдат. Однако ввопросе вооружения, хотя английские пушки пользовались большим уважением, Карл был вынужден закупать то, что ему было нужно, в Голландии, что печально отразилось на нашем национальном предприятии. Соответственно, из Голландии было отозвано более ста офицеров и собрано две тысячи новобранцев для отправки в обмен на такое же количество ветеранов голландской службы. Затем восемь тысяч человек были призваны на службу в различные части Англии, и все они хлынули, без малейшей подготовки к приему, в Плимут, где получили название "эпидемии Англии". Сэр Джон Огл, ветеран, много лет прослуживший с Фрэнсисом Виром, некоторое время внимательно разглядывал этих новобранцев, по большей части старых, хромых, больных и обездоленных, и размышлял, как без припасов, одежды или денег он мог бы превратить их в солдат. Затем, приняв решение, он бросил свое командование и укрылся в церкви. Очень скоро возникла другая трудность. Генеральные штаты решительно отказались принять две тысячи необстрелянных солдат в обмен на ветеранов и отправили недовольных новобранцев обратно в Англию. Их тоже отправили в Плимут, что еще больше усугубило неразбериху. Затем из Голландии прибыло оружие, и не было денег, чтобы заплатить людям за его разгрузку. В порту воцарился хаос. Бекингом уже отказался от главного командования и возложил его на Сесила, и несчастный, каким бы хорошим солдатом он ни был, был доведен до крайности, чтобы справиться со своей задачей. Его испытанные офицеры из Голландии были смещены, чтобы освободить место для фаворитов Бекингема, которые были абсолютно бесполезны; и все же от него ожидали, что он оденет, вооружит, обучит, дисциплинирует и организует десять тысяч необузданных, голых людей, разработает каждую деталь трудной и запутанной экспедиции и сделает все необходимое для нее, и все это без помощи, без поощрения и без денег. Наличных денег действительно было так мало, что король не мог позволить себе оплатить расходы на собственное путешествие в Плимут.

При таких условиях неудивительно, что предприятие потерпело катастрофический провал. Несколько бочек спиртного, оставленных испанцами под Кадисом, хватило, чтобы заставить весь отряд сражаться с собственными офицерами, и после изнурительных недель в море, усугубленных непогодой и эпидемией, вызванной плохими припасами, Сесил и остатки его десяти полков вернулись домой в нищете и позоре.^[155]

1626.

Аналогичное предприятие под командованием лорда Уиллоуби в следующем году провалилось таким же образом по точно таким же причинам; но Бекингом, все еще непоколебимый в своей уверенности, возглавил третью и четвертую экспедиции на Рошель с такими же катастрофами и таким же позором. Капитаны контролировали своих людей не больше, чем стадо оленей.^[156] Наконец, в начале пятой экспедиции, которая сулила аналогичную неудачу, кинжал лейтенанта Фелтона, меланхоличного человека, озлобленного лишением жалованья, положил конец Бекингу и всем его безумствам. В целом он обращался с солдатами не хуже, чем Елизавета, но человек с характером Елизаветы - это больше, чем можно было вынести.

Тем не менее, несмотря на все эти неудачи, в Англии все еще оставалось много мужчин, которые всем сердцем заботились о благополучии военной профессии. Главным среди них был ветеран Эдвард Сесил, ныне лорд Уимблдон, который из всех сил старался что-то сделать для защиты главных портов, для обучения нации в целом и, в частности, для поощрения кавалерии. В то время конная служба стала странно непопулярной среди англичан, то ли потому, что вечные осады голландской войны давали ей меньше возможностей отличиться, то ли потому, что ракетная тактика лишила ее прежнего гордого положения, трудно сказать. Несомненно то, что офицеры пехоты, и особенно Монро, никогда не упускали возможности наброситься на всадников, годных только для того, чтобы убежать, и предпочитающих садиться верхом только для того, чтобы они могли убежать быстрее. Но Сесил, хотя и был в этом отношении уникален, ни в коем случае не был единственным человеком, который добился того, чтобы его голос был услышан. Ветеран за ветераном брали в руки перо и писали о дисциплине Мориса Нассауского и, со временем, о системе Густава Адольфа; в то время как, с другой стороны, один изобретательный джентльмен, все еще ревниво относившийся к старому национальному оружию, изобрел то, что он назвал "двуручником", сочетавшим пику и лук, при этом древко прикреплялось к древку пики тисками, которые можно было перемещать на шарнире. Странно, но это запоздалое оружие не было плохо воспринято в военных кругах и нашло одобрение даже среди шотландцев.^[157] Однако по одному важному пункту было достигнуто общее согласие, а именно, что состояние английского ополчения было позорным, его система безнадежно неэффективной, а коррупция его администрации - скандалом. Обученные отряды едва ли раз в пять лет вызывались на учения; мало кто умел даже заряжать свои мушкеты, и большинство боялось произвести выстрел, кроме как в знак приветствия знамени, не осмеливаясь пустить пулю из-за отсутствия практики.^[158] Лондонцы, как обычно, сами по себе составили благоприятное исключение из общего правила.

1639.

Вскоре предстояло обнажить истинный корень зла. Споры между Карлом Первым и его подданными с каждым днем принимали все более острую форму, пока, наконец, не достигли апогея в шотландском восстании 1639 года. Было необходимо немедленно собрать английские войска и перебросить их к границе. Карл, как обычно на последней стадии безденежья, решил сэкономить деньги, воспользовавшись старыми феодальными правами, и призвал каждого пэра со своей свитой лично сопровождать его в качестве основной силы кавалерии. Это был образец бестактной глупости, в которой не был бы повинен никто, кроме Стюартов: пэры пришли в некотором количестве, как им было велено, но они не скрывали своего негодования по поводу такого разбирательства. Пехота была набрана, как обычно, приказом лорд-лейтенанту с помощью пресс-банды, они вели себя отвратительно по пути к месту встречи, а по прибытии были признаны совершенно неэффективными. У них было оружие всех видов,

размеров и калибров, и мужчины обращались с ним так небрежно, что едва ли хоть одна палатка в лагере, даже королевская, избежала пробития шальными пулями. В других отношениях организация была столь же несовершенной; не было сделано никаких мер для снабжения продовольствием; и в целом, отряду повезло, что благодаря умиротворению Бервика удалось избежать столкновения с ветеранами шведской службы под командованием старого Александра Лесли, которые составляли значительную часть шотландской армии.

1640.

В следующем году война возобновилась. На этот раз фарс с вызовом феодального конного отряда не повторился, но возникли неожиданные трудности с увеличением числа пеших рекрутов. В 1639 году пехоту набирали в основном из северных графств, где традиция вечной вражды с шотландцами заставляла мужчин быть не совсем против марш-броска к Границе. Но в 1640 году были призваны обученные отряды из южных графств, и у них не было такого чувства. Возможно, что в процессе внушения была применена необычная строгость, поскольку власти были предупреждены, исходя из опыта предыдущего года, не позволять капитанам играть в Фальстафа со своими новобранцами. Как бы то ни было, непокорность новых сборов была поразительной. Из округа за округом поступали жалобы на беспорядки. Уилтширцы воспользовались возможностью жить грабежом; дорсетширцы убили офицера, который отчитал барабанщика за вопиющее неповиновение; в Саффолке новобранцы угрожали убить заместителя лейтенанта; в Лондоне, Кенте, Суррее и еще полудюжине графств сопротивление службе было столь же решительным; и когда, наконец, в июле четыре тысячи человек прибыли на место встречи в Селби, старый сэр Джейкоб Этли мог назвать их только главными мошенниками страны. Поскольку денег, конечно, было очень мало, эти люди были плохо одеты и их плохо нашли, и вскоре их число поредело из-за систематического дезертирства. Новая трудность возникла в вопросе дисциплины. Лорд Конвей, командовавший кавалерией, казнил человека за мятеж; теперь он обнаружил, что его действия были незаконными и что он требует королевского помилования. Если, писал он, юристы правы и военное положение в Англии невозможно, то лучше всего было бы немедленно распустить армию: передать людей гражданским властям - значит передать их адвокатам, а опыт с денежными кораблями показал, какой поддержки от них можно ожидать.

В этом, собственно, и заключалась суть всего дела; недисциплинированность была распространена не только в рядах, но и по всей стране. В результате длительной небрежности организация обороны страны на суше и на море стала не только устаревшей, но и невозможной и абсурдной. Веками старое судно латали, чинили, подпиливали и клепали, иногда по закону, чаще только по королевской власти, но в основном по простой привычке и обычаю. Но теперь, когда реакция, установившая новую монархию, закончилась, и люди, взбудораженные контрреакцией, подвергли военную систему жестоким конституционным испытаниям, вся структура в одно мгновение развалилась на части, и новая монархия стремительно рухнула. Эта история настолько поучительна для нации, которая еще не обеспечила своей постоянной армии постоянного законодательного существования, что стоит очень кратко проследить ход катастрофы.

Согласно древней практике, различные графства были призваны обеспечивать своих рекрутов для войны с Шотландией деньгами на пальто и поведением, чтобы оплачивать свои расходы до тех пор, пока они не пересекут границы графства, с этого момента они переходили на

королевское жалование. В судебных приказах лордам-лейтенантам четко указывалось, что эти расходы будут возмещены из Королевской казны, и хотя хроническая пустота королевской казны могла уменьшить стоимость залога, форма судебного приказа была явно согласна с обычаем и прецедентом. Многие джентльмены графства, однако, отказались платить эти деньги за пальто и мантию; они были воодушевлены нападками на военные обвинения в Коротком парламенте; и корона, зная об общем противодействии всем ее действиям, не рискнула возбудить судебное преследование. Другой инцидент поставил общий вопрос о воинской обязанности в более острой форме. В августе 1640 года Чарльз, к сожалению, столкнувшийся с общими возражениями против военной службы на любых условиях, вернулся к старой системе выдачи Орденов лордам-лейтенантам и шерифам. Сами по себе призывные комиссии, особенно адресованные этим конкретным офицерам, не представляли собой ничего экстраординарного; они использовались до правления королевы Марии и, хотя были более или менее заменены назначением лордов-лейтенантов, косвенно были санкционированы статутом Генриха Четвертого.

Однако теперь эти Комиссии сразу же подняли бурю. Заместители губернатора Девона незамедлительно обратились к Совету с неловкой дилеммой. К какой службе, спрашивали они, должны были присоединиться дворяне - к обученным отрядам или к феодальной службе, подразумеваемой в Приказах о военном Строе; поскольку и то, и другое в равной степени предписывалось прокламацией? Совет ответил, что служба в обученных отрядах должна быть личной, а феодальные обязательства должны выполняться заместителем или денежным составом; другими словами, если дворяне останавливались между двумя службами, они не могли ошибиться при выполнении обеих. Вторым вопросом заместителей лейтенантов был еще более назойливым: как взимались с бандформирований Комиссионные, подлежащие оплате? В ответе Совета указывалось, что законы и обычаи королевства требуют, чтобы каждый мужчина в случае вторжения служил для общей обороны по своему усмотрению. Здесь Карл был строго в пределах своих прав; и призыв к вторжению был обоснован, поскольку шотландцы действительно прошли Твид. Парламент, однако, ухватился за Комиссии Array и после бесчисленных аргументов относительно их незаконности нашел последнее прибежище в Петиции о праве. Если отбросить все лишние фразы, позиция двух сторон была такова: Карл спросил, как он может собрать армию для защиты королевства, если у него отняли полномочия, которыми пользовались его предшественники; и парламент ответил, что он не намерен предоставлять ему какие бы то ни было полномочия для создания такой армии.^[159]

28 августа.

1641 г.,

май.

Кампания на севере быстро завершилась наступлением шотландцев и разгромом небольшого английского отряда, охранявшего броды через Тайн у Ньюберна. Затем шотландцы заняли Ньюкасл, и Англия полностью оказалась в их власти. Ничто не могло лучше подойти противникам короля. В Рипоне был заключен договор, который фактически сводился к соглашению о субсидировании шотландской армии в интересах парламента. Шотландцы согласились остаться на месте за восемьсот пятьдесят фунтов в день, в случае неуплаты которых они могли продолжить свой поход на юг и выдвинуть свои собственные условия. Карл никак не мог собрать такую сумму, не обратившись в парламент, и собрание, с которым ему теперь предстояло иметь дело, было тем, что известно истории как Долгий парламент. В

течение семи месяцев оно приняло Закон, предотвращающий его роспуск без его собственного согласия, и, обезопасив себя таким образом, разрешило расформировать английскую армию, в то время как шотландцы, сыграв свою роль, снова отступили за Твид.

1641-2.

1642.

Было бы утомительно следить за расширением бреши в течение 1641 года. Обе стороны понимали, что война неизбежна, и обе из всех сил старались удержать ополчение каждая в своих руках. Схватка была в высшей степени нелепой, поскольку все это было ради приза, который не стоил того, чтобы его выхватывать. Чарльза порицали за то, что он вывел из строя всю военную организацию, потому что он хотел использовать ее для других целей, помимо безопасности королевства, но я думаю, кому-либо было бы трудно объяснить, какая военная организация существовала. По свидетельству самих парламентских юристов, не было никакого закона, регулирующего это, кроме Винчестерского статута; строго говоря, не было никакого юридического требования к мужчинам экипироваться иначе, чем в 1285 году. Победа должна была принадлежать партии, которая первой создала армию, а не той, которая предпочла более обоснованные претензии на регулирование ополчения. Страффорд понял это задолго до этого, но еще должно было пройти три года, прежде чем парламент осознал это. Можно очень кратко резюмировать несколько движений, которые стоит отметить в этой борьбе. Король неохотно согласился передать полномочия по наложению ареста мировым судьям с одобрения парламента и отказался от своего права принуждать людей к службе за пределами их графств. Но он отказался уступить парламенту назначение лордов-лейтенантов или опеку над опорными пунктами, и поэтому парламент просто присвоил себе эти привилегии без дальнейших вопросов. В июле Палата общин решила набрать армию численностью в десять тысяч человек, в августе король развернул Королевский штандарт в Ноттингеме, и так началась Гражданская война.

До наших дней сохранились списки двух противостоящих армий 1642 года: королевской, состоящей из четырнадцати пеших и восемнадцати конных полков, и парламентской, состоящей из восемнадцати пеших полков, семидесяти пяти конных полков и пяти драгунских полков; но было бы невыгодно задерживаться на них, поскольку только на бумаге они вообще не были армиями. Однако следует обратить внимание на два имени. Первое - командира королевской кавалерии, принца Руперта, сына Зимнего короля. К тому времени он прожил в Англии семь лет, в течение которых, как мы видели, успел послужить голландцам при осаде Бреды в 1639 году и шведам в следующем году, командуя вместе со шведами кавалерийским полком не в одном лихом сражении. Сейчас ему было двадцать три - не самый зрелый возраст для генерала по тем временам, что Конде вскоре должен был доказать в Рокруа. Второе имя принадлежит капитану Шестидесят седьмого полка парламентской кавалерии Оливеру Кромвелю, джентльмену из Хантингдона, небезызвестному как член парламента, но не известному военной славой. Ему было уже сорок три года, и до сих пор он был мало знаком с профессией военного.^[160]

23 октября эти два человека встретились при Эджхилле, первом важном сражении войны, на котором я не буду останавливаться более подробно, кроме как отметить роль, которую они сыграли в нем. Руперт, зная о нехватке огнестрельного оружия в королевской кавалерии, перед битвой отдал своим всадникам приказ сохранять строй и атаковать с мечами в руках, не пытаясь

использовать пистолеты, пока они не ворвутся в ряды вражеских эскадронов. Это было усовершенствование шведской системы, шаг вперед к ударным действиям, которые увенчались полным успехом. Оливер Кромвель, увидев опустошение, причиненное кавалерией роялистов, после битвы искал и нашел причину неполноценности парламента. "Ваши войска, - сказал он Джону Хэмпдену, - в большинстве своем старые, пришедшие в упадок слуги и разносчики пивных; их войска - сыновья джентльменов и знатные люди. Неужели вы думаете, что духи таких низких людей когда-нибудь смогут встретиться с джентльменами, в которых есть мужество, честь и решительность? Вы должны заполучить людей с таким характером, которые, вероятно, зайдут так далеко, как способны зайти джентльмены, иначе вас все равно будут бить". Хэмпден услышал и покачал головой; он был мудрым и достойным человеком, но, вероятно, у него была идея, что никого, кроме тех, кого король и отец короля призывали в свои ряды, невозможно заставить стать солдатами. Поэтому он сказал, что это хорошая идея, но неосуществимая. Капитан Кромвель взялся за дело, чтобы показать, что это не так уж невыполнимо, и начал воспитывать людей, которые, по его собственным словам, относились к тому, что они делали, с некоторой совестью, и приучать их к дисциплине.

Декабрь.

Между тем беспомощность парламента на ранних стадиях войны была почти смехотворной; и хотя на самом деле мало что более примечательно, чем быстрый рост административных способностей между 1642 и 1658 годами, следует признать, что поначалу гражданские лидеры народа были немногим лучше детей. Почти вся нация, а вместе с ней и большинство законодателей, пришли к выводу, что исход состязания решит первое сражение, и были прискорбно разочарованы, когда этого не произошло. Не сумев поначалу осознать элементарный принцип, согласно которому деньги являются движущей силой войны, Палаты представителей сначала полагались на нерегулярные взносы для ее поддержания, и только доведенные до крайности, они решили применить всеобщее налогообложение. Деньги были первой и вечной трудностью, которая, однако, давила на короля еще сильнее, чем на парламент. Следующим препятствием был полный крах существующей военной организации. Новобранцы графства были достаточно готовы сражаться, защищая свои собственные дома, но они не желали отходить далеко от них; и когда враг покинул их собственный квартал, они возблагодарили Бога за то, что избавились от него и вернулись к своим обычным занятиям. Это снова было трудностью, которая преследовала обе стороны и так и не была преодолена королем. Парламент попытался удовлетворить ее путем создания ассоциаций округов, которые фактически были военными округами, и сделал кое-что, хотя и не очень много, чтобы расширить узкие симпатии ополченцев. Но эти объединения, хотя и были шагом в правильном направлении, слишком сильно зависели от индивидуальной энергии людей, стоявших во главе их, чтобы добиться единообразного успеха; и только одно, Восточное, движущей силой которого был Кромвель, какое-то время выполняло действительно эффективную работу.

Третьей и самой грозной опасностью было превосходство роялистской кавалерии. Долгое пренебрежение к конной службе оставило превосходство в ней самым способным любителям, и большинство из них, хотя на стороне парламента были сотни джентльменов, несомненно, были за короля. И не только мужество, честь и решительность, о которых говорил Кромвель, были в их пользу; в силу специфики дела у них были лучшие лошади, более высокий уровень владения верховой ездой и снаряжения, более быстрый природный интеллект и более высокая естественная подготовка. Тысячи уроков, которые джентльмены графства усвоили, путешествуя

верхом с ястребом и гончей, принесли бесконечную пользу в случайных и нерегулярных боевых действиях первых двух-трех лет; и что бы ни говорили о способностях Руперта на поле боя, не может быть никаких сомнений в том, что работа его бесчисленных патрулей была выполнена превосходно. Лихой характер Руперта также был в некотором смысле преимуществом для дела короля, поскольку привлек к нему группу таких же горячих голов, как те, что последовали за Томасом Фелтоном при Черном принце. Однако один фатальный недостаток омрачал то, что должно было стать самой эффективной кавалерией, - недисциплинированность, которая была нанесена Кромвелем.

1643.

Кампания 1643 года показала, что парламент стал немногим мудрее, чем раньше, относительно истинных методов ведения войны. Хотя он назначил лорда Эссекса генералом, это не давало ему никакого контроля над операциями какой-либо армии, кроме его собственной, и, следовательно, не было единства ни в замысле, ни в целях. У Чарльза, напротив, был определенный план, который был составлен для него какой-то неизвестной рукой и находился в пределах туза от успешного исполнения. Сам он с одной армией разместил свою штаб-квартиру в Оксфорде; вторая армия под командованием Ньюкасла должна была наступать с севера, третья под командованием принца Мориса и сэра Ральфа Хоптонов - с крайнего запада, оба сошлись на Чарльзе в качестве центра; а затем объединенные силы должны были наступать на Лондон. Хоптон, опытный солдат и такой же благородный человек, как и участники войны, блестяще выполнил свою роль, победоносно вторгшись в Сомерсет из Корнуолла и, наконец, разгромив силы, специально высланные парламентом ему навстречу на Раундуэй-Даун. Это сражение запомнилось появлением и, следует добавить, поражением, вероятно, последнего полностью закованного в кольчуги конного отряда, когда-либо виденного в Англии, "Омаров" сэра Артура Хейзелригга, названных так из-за твердости их панцирей. Продвижение Хоптона было остановлено только нежеланием его западных новобранцев отходить дальше от своих домов. На севере парламент снова потерпел катастрофу; Фэйрфаксы, которые были опорой дела, потерпели сокрушительное поражение, и лишь один человек встал на пути движения Ньюкасла на Лондон.

Однако этим человеком был Оливер Кромвель. Он уже начал претворять в жизнь план, который Хэмпден объявил невыполнимым. Он набирал своих рекрутов из йоменов-пуритан и фермеров Восточных графств, людей, которые всей душой отдавались религиозной борьбе того времени, которые отдавали себе отчет в том, что они делали, "которые знали, за что они сражались, и любили то, что они знали", и которые считали честным подчиняться жесткой дисциплине ради столь благородного дела. Кромвель теперь был полковником, и он уже продемонстрировал мощь своих войск, хотя они были еще неполными, разгромив вдвое превосходящий их по численности отряд в стычке при Грэнтеме. Этого он тоже добился не благодаря какому-либо новшеству в тактике, поскольку, по его признанию, атаковал только довольно быстрой рысью, а благодаря превосходству в управлении и дисциплине. С теми же усиленными и усовершенствованными войсками он теперь двинулся вперед и встретил сильный отряд передовой кавалерии Ньюкасла у Гейнсборо; и благодаря умелому маневрированию и полному пониманию еще неписаного принципа, согласно которому в кавалерийском бою победа остается за тем, кто бросает в бой последние резервы, он полностью разгромил его. Развивая свой успех, он неожиданно, по его признанию, наткнулся на основные силы армии Ньюкасла, как конные, так и пешие. Лошади и люди устали после тяжелого рабочего дня и долгого

преследования, но они показали смелый фронт; и Кромвель, отвлекая их на себя очередными частями, снова предпринял движение, которого не было найдено в учебниках,^[161] благополучно осуществил свое отступление. По правде говоря, этот человек был прирожденным солдатом и, вероятно, гораздо больше любил профессию военного, хотя и поздно пришел к ней, чем хотел бы признать. "У меня прекрасная рота", - написал он вскоре после этого боя с неподдельной гордостью хорошего полкового офицера; и, несмотря на строгость дисциплины, его войска увеличивались до тех пор, пока их не стало достаточно, чтобы укомплектовать два полных полка.

На данный момент опасность с севера была предотвращена, но ситуация была настолько критической, что парламент санкционировал вербовку людей и увеличил численность армии Эссекса до приличной. Но тем временем с шотландцами были начаты переговоры о наступлении их армии против королевских войск на севере, и к сентябрю условия, военные, финансовые и религиозные, были согласованы. Этот договор убедил парламент в необходимости немедленно открыть свои коммуникации с севером и проложить путь, по которому шотландцы могли бы проникнуть дальше на юг. Трудная задача была решена совместными усилиями двух человек, которые здесь впервые сражались вместе, - Томаса Фэрфакса и Оливера Кромвеля. По этой причине день Уинсби должен остаться памятным в истории армии, тем более что он приблизил Кромвеля к его смерти больше, чем любое действие до или после него.

1644.

К концу года парламент начал понимать, что для успешного завершения войны необходимо создать какие-то более эффективные силы, чем просто обученные банды. Соответственно, он проголосовал за то, чтобы армия Эссекса была закреплена на постоянной основе численностью в десять тысяч пехотинцев и четыре тысячи всадников с регулярным ежемесячным жалованьем. Это был прогресс в правильном направлении, но в условиях беспорядка в финансовом управлении было крайне сомнительно, что схема не будет разрушена из-за ее стоимости. Тем временем шотландцы перешли границу Твида и честно присоединились к парламенту в восстании. Этот новый фактор привел к формированию Комитета обоих королевств для последующего ведения войны, важного шага к единству замысла и управления, но с одним фатальным недостатком, а именно тем, что военные — Эссекс, Манчестер, Уоллер и Кромвель — все отсутствовали на поле боя, и поэтому руководство операциями полностью перешло в руки гражданских лиц. Комитет был лучше, чем целый Дом, и это было все, что можно было сказать, поскольку новое управление вскоре вступило в конфликт со своими офицерами на местах. Во время вторжения шотландцев Карл по необходимости изменил свой план кампании и отправил Руперта на север, который обозначил линию своего наступления более глубокими, чем обычные, опустошениями и кровопролитием. Парламентские генералы на севере, Фэрфакс и Манчестер, в то время были заняты осадой Йорка. Комитет, напуганный ужасом марша Руперта, приказал им снять осаду и двинуться на юг, чтобы встретить его. Они наотрез отказались; и их упорство в своем замысле привело к величайшему военному успеху, которого до сих пор добивался парламент, - победе при Марстон-Муре.

2 июля.

Ни об одном сражении современников нет более трудных для сопоставления свидетельств, чем о Марстон-Муре, но основные черты сражения различимы и могут быть кратко изложены. Обе армии насчитывали около двадцати трех тысяч человек и были выстроены в две линии: пехота в центре и кавалерия на флангах. На стороне роялистов Руперт, как обычно для главнокомандующего, возглавлял правое крыло,^[162] пять тысяч всадников в сотне войск; его центром, четырнадцатью тысячами пехотинцев, командовал Эйтин, офицер-ветеран, привезенный из Германии; его левым, четырехтысячной кавалерией, командовал Геринг. На стороне парламента Фердинанд, лорд Фэрфакс, командовал правым крылом кавалерии, первая линия состояла из англичан, вторая - из шотландцев; центр состоял в основном из шотландской пехоты под командованием старого Александра Лесли, графа Левена; левым крылом кавалерии командовал Кромвель, его первая линия состояла из англичан, а вторая - из шотландцев под предводительством Дэвида Лесли.

С необычайной опрометчивостью и безрассудством Руперт подвел свою армию вплотную к врагу и разместил ее на расстоянии удара, полагая, что рва, прикрывавшего его фронт, будет достаточно, чтобы защитить его от нападения. Два отряда, не двигаясь, смотрели друг на друга в течение всего дня, когда он, наконец, спешился между половиной седьмого и семью и приказал подать ужин, примеру которого последовали несколько его офицеров. Парламентская армия воспользовалась моментом, чтобы всей своей линией перейти в атаку. Кромвель слева повел свою кавалерию через ров и, хотя Руперт быстро вскочил в седло, чтобы встретить его, разбил передовые эскадроны роялистов. Поддержка Руперта, однако, была налицо, и падение Кромвеля привело его войска в беспорядок^[163] до тех пор, пока Дэвид Лесли, отличный офицер, в свою очередь, не заручился поддержкой парламента и не разгромил роялистов. Затем сказалась превосходная дисциплина; люди Кромвеля быстро сплотились, и вся конница Руперта в беспорядке бросилась врассыпную. В центре парламентская пехота какое-то время добивалась такого же успеха, но конница на правом фланге потерпела полное поражение. Местность справа была неблагоприятна для кавалерии, так как ее перекрывали заросли дрока; и хотя Томас Фэрфакс с небольшим отрядом в четыреста человек, вооруженных пиками, прорвался сквозь ряды противника и в беспорядке поскакал прямо в тыл армии роялистов, основные силы были безнадежно разбиты. Геринг, по шведскому обычаю, расставил среди своей конницы отряды мушкетеров, которые превосходно выполняли свою работу. Часть солдат Геринга ускакала сначала преследовать, а затем разграбить обоз, в то время как остальные повернули против шотландской пехоты и теснили ее так сильно, что, несмотря на усилия Левена, почти каждый батальон был разбит и рассеян. Только трое вели себя великолепно и стойко стояли, пока в самый последний момент Кромвель не вернулся слева, чтобы спасти их. Его появление перевернуло чашу весов, и победа парламента стала уверенной и полной.

Руперт после боя дал Кромвелю прозвище Айронсайд; он никогда раньше не сталкивался с таким сильным противником. Марстон-Мур действительно можно назвать первым великим днем английской кавалерии. Как ни странно, мы находим примеры трех разных школ в этой области: старой школы копейщиков под руководством Томаса Фэрфакса, шведской школы смешанных кавалеристов и мушкетеров под руководством Геринга и новой английской школы Руперта и Кромвеля; но величайшей из них является школа Кромвеля. Он один держал своих людей под совершенным контролем и обучил их не только атаковать, но, что гораздо сложнее, спланировать.

Немногим более недели спустя появились первые признаки совершенно нового поворота в ведении войны парламентом. Несмотря на Марстон-Мур, общее положение его дел было далеко не благоприятным. Неэффективность местных комитетов и узкокорыстный подход местных сил в сочетании с завистью соперничающих командиров и отсутствием верховного главнокомандующего грозили привести к быстрому и внезапному роспуску организации. Время скорее усугубило, чем уменьшило зло, и, если оно не будет устранено немедленно, продолжать войну будет бесполезно. Сэр Уильям Уоллер, способный командир, который часто терпел поражения не столько из-за собственной неспособности, сколько из-за невозможности сохранить силы вместе, ясно дал властям понять, что до тех пор, пока они не сформируют отдельную постоянную армию, должным образом организованную, дисциплинированную и регулярно оплачиваемую, они не могут надеяться на успех.

Мятежи, дезертирство и недисциплинированность преследовали каждый шаг местных новобранцев, как хорошо знал парламент; но требовался еще более горький опыт, прежде чем его можно было заставить последовать совету Уоллера. В настоящее время он проголосовал за формирование армии в десять тысяч пехотинцев и три тысячи всадников и приказал ей быть готовой выступить в поход через восемь дней. Невежество и увлечение вряд ли могли зайти дальше этого. Вскоре после этого на западе произошла великая катастрофа, не что иное, как капитуляция всей армии Эссекса. Затем произошла вторая битва при Ньюбери, в результате которой положение короля значительно улучшилось. Наконец, к концу кампании парламентские силы пришли в состояние, которое было ничем иным, как плачевным, разногласия среди командиров достигли опасной высоты, и в качестве венца общего краха Восточная ассоциация, сильнейшая из всех местных организаций, заявила, что ее бремя тяжелее, чем она может вынести, и возложила его на парламент. Перед лицом такого кризиса Палаты представителей больше не могли колебаться, и 23 ноября они представили Комитету Обоих королевств полную информацию о состоянии вооруженных сил с указанием рассмотреть структуру или модель всего ополчения.

Таким образом, работа, которая должна была быть выполнена много лет назад Елизаветой, наконец была взята в руки; и вышедший из строя механизм Плантагенетов должен был, наконец, быть заменен. Конечно, существовала зависть к тому, в чьи руки должна была попасть столь мощная машина, и трудность была преодолена только благодаря Самоотверженному Указу, который отстранил членов обеих палат парламента от командования и отставил самого способного солдата Англии в сторону так же беспристрастно, как неэффективных пэров, таких как Манчестер и Эссекс. Но такое зло, как это, может быть легко устранено, ибо в такие времена требуется нечто большее, чем постановление, чтобы отстранить самого способного человека от высшего поста. Создание Новой Модели было первой и величайшей задачей, и это было сделано Указом от 15 февраля 1645 года. Время пришло, и у Англии наконец появилась регулярная и, как вскоре стало ясно, постоянная армия.

ГЛАВА I

1645.

Еще до того, как был принят Указ о создании армии Нового образца, парламент проголосовал по предложению Оливера Кромвеля за то, чтобы верховное командование было передано сэру Томасу Фэрфаксу. Нет ничего сложного в том, чтобы выяснить причину такого выбора. Если бы Указом о самоотречении все члены обеих палат были отстранены от командования, чтобы избавить страну от некомпетентных офицеров, не могло быть никаких сомнений в том, что Фэрфакс был человеком, лучше всего подходящим на пост капитан-генерала. Он был душой парламентского движения на севере и, хотя далеко не всегда добивался успеха на поле боя, всегда проявлял силу в победах, постоянство при поражении и энергию. Хотя он и не шел ни в какое сравнение с Кромвелем по военным способностям и, возможно, вряд ли был равен Руперту, с одной стороны, или Джорджу Монку, с другой, тем не менее он был хорошим солдатом и доблестным человеком, хотя, если уж на то пошло, слишком любил сражаться собственноручно, когда ему следовало направлять действия других. Он знал цену дисциплине и был достаточно силен, чтобы насаждать ее, но он понимал также искусство руководить людьми и принуждать их к повиновению. Наследник знатной семьи и занимавший высокое положение по рождению, он мог занять высокое положение естественно и непринужденно; будучи прежде всего джентльменом, благородным, прямым, бескорыстным и преисполненным здравого смысла, он мог занимать его, не вызывая зависти или ревности. Нельзя воздать Фэрфаксу большей похвалы, чем то, что все были не только довольны, но и рады служить под его началом.

Вместе с ним в звании генерал-сержанта-майора, а следовательно, не только командира пехоты, но и начальника штаба, был ветеран Филип Скиппон. Его многолетний опыт войны в Нидерландах и уважение, которым пользовался этот опыт, несомненно, побудили его стать главным советником Фэрфакса. Должность генерал-лейтенанта, на которую возлагалось командование кавалерией, осталась незаполненной. Каждый знал, кто был подходящим человеком для этого места, и не могло быть никаких сомнений в том, что, несмотря на все самоотверженные предписания, он рано или поздно должен быть призван занять его. В настоящее время, до истечения сорокадневного срока, предоставленного ему Указом, он был занят наблюдением за передвижениями войск роялистов на западе. Хотя даже с его знаменитыми полками были проблемы во время общего краха в конце 1644 года, все же было замечено, что в январе 1645 года ни одно войско не было таким многочисленным, так хорошо вооруженным и так вежливо одетым, как конница полковника Кромвеля. "Называйте их независимыми или как хотите, - писала одна газета. - вы увидите, что из них сэр Томас Фэрфакс получит тысячный полк, такой же храбрый и галантный, как любой другой в Англии".

Однако этому не суждено было произойти сразу. Фэйрфакс, получив одобрение парламентом своего списка офицеров, был занят со Скиппоном приведением в форму более грубого материала, чем солдаты Кромвеля. Многие из расформированных эссекских полков были готовы к его удару, но в последнее время они проявили мятежный дух, обуздать который

Скиппону потребовались весь такт и твердость. Однако старик, как его ласково называли, знал, как управлять солдатами, и обещание регулярного жалования, несмотря на то, что четверть того же жалования была отложена в качестве гарантии от дезертирства, вскоре привело их с радостью на службу. Тем не менее, даже при этом добровольных рекрутов было недостаточно, чтобы обеспечить двадцать две тысячи человек, требуемых Указом; все еще не хватало более восьми тысяч, и Комитет Обоих королевств не мог придумать лучшего средства для их привлечения, чем бригада прессистов. Это была система, которая, когда ее ввел в действие Карл Первый, была осуждена как невыносимая обида, и ей оказали не менее яростное сопротивление, когда она была санкционирована парламентом. Правительство, однако, взяло дело в свои руки, и пара казней вскоре привели непокорных новобранцев к покорности.

Местом создания Новой Армии, которой было суждено подчинить короля, по иронии судьбы стал королевский Виндзор. Именно на обширных просторах Виндзорского парка и на зеленых лугах у Темзы, перед изумленными глазами итонских мальчиков, мы должны представить ежедневный парад новых полков, упражнения с пиками и мушкетами и усердное удвоение рядов и шеренг, старого Скиппона, седого и покрытого шрамами от ран, скачущего от роты к роте и мысленно сравнивающего их с английскими солдатами в Нидерландах, и более молодого, жизнерадостного Фэрфакса, которому еще только исполнилось тридцать три, наблюдающего за всем этим йоркширцем. любовь к лошадям вызвана прибытием солдат и вьючных животных. С каждым днем обстановка становилась все ярче по мере того, как корпус за корпусом получали новое обмундирование, ибо вся армия, впервые в истории Англии, была одета в знакомое алое. Накладки полковничьих цветов отличали полк от полка; а старший пехотный корпус, принадлежавший генералу, носил его накладки синего цвета.^[164] Таким образом, королевские знамена, как мы их теперь называем, впервые были замечены во главе повстанческой армии.

Старший конный полк также в свое время должен был быть облачен в такую же алую и синюю форму. Ибо два кавалерийских полка Кромвеля были отобраны, как и подобало им, для объединения в один и превосходства, как у сэра Томаса Фэрфакса, над всей английской кавалерией. В том же апреле полк был в походе, развернувшись быстрее, чем любой другой корпус, по сигналу тревоги, в то время как "прекрасная рота", которой хвастался полковник, теперь называвшаяся отрядом генерала, отличилась среди всех остальных. Современным кавалерийским полкам, носящим королевские цвета, не нужно стыдиться помнить, что они увековечивают форму солдат Оливера Кромвеля. Хотя Кромвель и был отстранен от создания Армии Нового Образца, он, тем не менее, был ее создателем, поскольку именно он указал путь к дисциплине и полковой гордости.

Теперь необходимо кратко обрисовать организацию Новой Модели. Итак, начиная с пехоты, пехота состояла из двенадцати полков, каждый из которых был разделен на десять рот по сто двадцать человек в каждой. Поскольку все полевые офицеры, даже если они имели генеральское звание, имели собственные роты, полное количество офицеров в полку составляло тридцать человек: полковник, подполковник, майор, семь капитанов, десять лейтенантов и десять прапорщиков. Кроме того, в состав каждой роты входили два сержанта, три капрала и один, если не два, барабанщика.^[165] Рядовые были разделены, как обычно, на равное количество пикинеров и мушкетеров: оружием офицеров была пика для капитана; для лейтенанта - партизан; а для прапорщика - шпага. Поскольку Скиппон, ветеран голландской школы, стоял во главе пехоты, вряд ли можно сомневаться в том, что голландская система

муштры была предпочтительнее шведской. Следует помнить, что Густав Адольф был в основном связан с шотландцами, в то время как современные учебные пособия англичан отдают предпочтение учению Мориса Нассауского. Таким образом, можно с достаточной уверенностью заключить, что нормальный строй пехоты Нового Образца составлял не менее восьми шеренг в глубину.

Кавалерия состояла из одиннадцати полков, каждый из которых насчитывал шесть отрядов численностью по сто человек. Здесь опять же у каждого полевого офицера был свой собственный отряд, так что полный офицерский состав полка насчитывал восемнадцать человек, а именно полковника, майора, четырех капитанов, шесть лейтенантов и шесть корнетов. Три капрала и трубач были включены в число ста человек; и замечательная система, которая разделяла каждый отряд на три дивизии, каждая из которых находилась под особым руководством офицера и капрала, была в полном рабочем состоянии. В вопросах муштры и тактики английская кавалерия скорее опережала время, чем отставала от него. Модифицированное ударное действие Густава Адольфа было практически вытеснено под влиянием Руперта и Кромвеля. Мужчины действительно были по-прежнему вооружены по старинке, железными шлемами и кирасами, и по-прежнему имели при себе пару пистолетов, а также меч; но им было приказано полагаться на свои мечи в атаке и использовать огнестрельное оружие только в преследовании. Густав, как правило, выстраивал свою конницу в четыре шеренги; Руперт установил глубину в три;[166] офицеры парламента зашли так далеко, что сократили шеренги до двух, пожертвовав глубиной ради фронта и, без сомнения, полагаясь на скорость, чтобы преодолеть вес. Последнее и самое смелое нововведение из всех - они упразднили шеренгу как тактическую единицу войска и заменили ее званием.[167] Нельзя было найти лучшего свидетельства улучшения английской дисциплины, чем это сокращение глубины рядов кавалерии. В кои-то веки можно сказать, что английская конница стояла впереди всей Европы.

Что касается обязанностей разведки, то ни один трактат о кавалерии не упускает из виду, что функцией лошади является прочесывание путей продвижения армии; но точных указаний относительно способа ее выполнения нет. Постоянные ссылки Кромвеля на "заброшенную" конницу показывают, что он регулярно нанимал передовые отряды, и внимание уже было привлечено к эффективности патрулей Руперта. Однако нет никаких свидетельств того, что солдаты получали какие-либо инструкции по ведению разведки, и только от роялиста Вернона мы узнаем, что ведетки размещались тогда, как и сейчас, парами.

Драгуны Нового образца, по-видимому, несмотря на решение Палаты общин о том, что они должны быть регламентированы, были организованы в десять рот по сто человек в каждой. Их офицерами были полковник, майор, восемь капитанов, десять лейтенантов и десять прапорщиков. Драгуны были чистой конной пехотой, ехавшей верхом только ради большей мобильности, и снабжались лошадьми более низкого качества. Они были вооружены мушкетами и обучены так же, как их пехотинцы; их младшие младшие офицеры назывались прапорщиками, а не корнетами, и они слушались не трубы, а барабана. Их обычное построение состояло из десяти шеренг по десять человек в ряд. Для начала девять из десяти спешились и, связав своих лошадей простым способом: каждый накинул уздечку на голову своего соседа по строю, оставили их на попечение десятого человека.[168]

Далее мы должны взглянуть на Артиллерию, которая вместе с транспортом находилась в головной части Поезда. Единственная организованная сила, о которой мы слышали как о приданной поезду, - это два полка пехоты и две роты огнестрельных ружей, которые использовались только для сопровождения. Файрлоки отличались от остальной армии тем, что носили коричневые, а не алые мундиры, и поэтому, по-видимому, были своеобразным народом, но непосредственная связь кремневых мушкетов с пушками не очевидна. Истина, по-видимому, заключается в том, что англичане отстали от времени в отношении полевой артиллерии, и действительно, за весь период Гражданской войны мы мало что слышали о пушках, за исключением осадных. Английские военные писатели того периода редко уделяли много внимания артиллерии в решающем сражении. Они действительно рекомендуют захватывать орудия противника в спешке как можно раньше, и они в целом согласны с тем, что пушки следует размещать на возвышенности, поскольку пули с большей силой летят вниз по склону, чем в гору. С другой стороны, были высказаны возражения даже против этого простого правила, согласно которому, если орудия направлены под уклон, всегда существует риск того, что пуля вылетит из дула, так что на самом деле наводчик, к сожалению, был лишен фиксированных принципов для руководства действиями.

Пренебрежение полевой артиллерией в Англии тем более примечательно, что английские производители оружия пользовались высокой репутацией в Европе. Пушки того времени неизбежно были тяжелыми и громоздкими, поскольку плохое качество и медленное сгорание пороха требовали большой длины; но не было никакого оправдания тому, что они не имитировали легкие полевые орудия Густава Адольфа. Вероятной причиной отсталости англичан была своеобразная организация голландской артиллерии, которая не давала возможности обучать английских артиллеристов в школах Нидерландов. Тем не менее, было проведено специальное обучение работе с орудиями, с тринадцатью словами команд для владения ковшом, губкой и трамбовкой. Расчет орудия состоял из трех человек — наводчика, его помощника, которого часто называли матросом, и случайного человека, который оказывал общую помощь; и количество небольших усовершенствований, которые им предписывались, показывает, что артиллеристы очень гордились собой. Таким образом, отсыпание наименьшего количества пороха ковшом после заряжания считалось "грубым проступком артиллериста", в то время как рассыпание даже нескольких крупинок на землю строго осуждалось, "для артиллериста было неприлично топтать порох под своими ногами". Наконец, каждого артиллериста призывали "держаться как можно более привлекательно и грациозно, поскольку ловкость и приятная осанка человека в обращении с половником и губкой - это такое внешнее действие, которое доставляет большое удовольствие стоящим рядом". Тем не менее артиллеристы, кажется, нигде, и меньше всего в Англии, не пользовались большой популярностью. У них была дурная репутация по всей Европе из-за нецензурной брани, недостаток, который один автор приписывает их вынужденной торговле адскими веществами, но, скорее всего, это было связано с тем фактом, что, будучи менее совершенными, чем другие виды войск, они были менее подвержены жесткой дисциплине.

Но если артиллеристы были всего лишь случайной и плохо управляемой силой, то водители - тем более. Для общего использования Новой Модели было собрано более тысячи упряжных лошадей, но сколько из них было выделено для артиллерии, если таковые вообще были, сказать невозможно. Обычные возчики со своими упряжками были впечатлены или наняты для перевозки пушек, и есть записи, что лондонские кучеры наемных экипажей выполняли эту обязанность не один раз. Таким образом, главное назначение сопровождения пехоты состояло

в том, чтобы не дать водителям сбежать. Сомнительно, передвигались ли сами орудия на четырех колесах или на двух, современные рисунки показывают экземпляры обоих; но ни в том, ни в другом случае не было подхода к тому, что сейчас называется передком, лошадей просто запрягали в повозку.^[169] Боеприпасы снова перевозились в обычных повозках, порох действительно иногда добавлялся в патроны, но чаще перевозился просто в бочках, которые разгружались позади орудия, когда оно было готово к бою. В обязанности второго человека из орудийного расчета входило прикрывать пороховницу между каждым выстрелом из пушки, чтобы предотвратить опасность общего взрыва. Фактически, только одно важное звено связывает артиллерию Новой модели с артиллерией наших дней: лафеты были окрашены в светлый свинцовый цвет.

Наконец, мы переходим к Инженерному корпусу, который для нас еще более непонятен, чем артиллерия. Даже во времена Плантагенетов английские короли брали с собой на осады корнуоллских рудокопов, а во время войны за независимость Нидерландов йоркширские угольщики специально использовались для рытья шахт. Но, хотя к середине шестнадцатого века немцы уже организовали саперный корпус,^[170] в Англии такого понятия не существовало. По правде говоря, британцы не любили заступ. Англичане действительно достаточно часто прибегали к этому при Вере и его преемниках, в то время как шотландцы, хотя и были крайне недовольны, были вынуждены поступить подобным образом при Густаве Адольфе. Но, учитывая школы, в которых обучались британцы, нет ничего более примечательного в Гражданской войне, чем пренебрежение к полевой фортификации и крайняя неэффективность, с которой, во всяком случае, проводились более ранние осады. Примечательно, что пионеры,^[171] которые являются единственными мужчинами, о которых мы слышим в связи с неорганизованным инженерным корпусом, были отбросами армии, и это унижение до звания "презренного пионера" было обычным наказанием для закоренелых преступников. Еще более важно, что главные инженеры Армии Нового образца носят не английские, а иностранные имена.

Вот и все о различных родах военной службы: остается сказать несколько слов об Армии в целом. Об организации того, что сейчас называли бы Военным министерством, говорить чрезвычайно трудно. Существовал парламентский комитет армии, который, по-видимому, существовал сначала с перерывами, а затем непрерывно, и которому было поручено общее руководство его делами и, в частности, рекрутигом. Были также военные казначеи, которым было поручено финансовое управление, и существовало уже почтенное Управление боеприпасов, которое отвечало за вооружение и технику. Говоря в целом, хотя функции Комитета и казначеев, казалось, перекрывали друг друга в различных точках, военная администрация, по-видимому, склонялась к следующему распределению ответственности: Комитет армии отвечал за людей, Управление боеприпасов - за оружие и склады, а военные казначеи - за финансы, в то время как Главнокомандующий отвечал за дисциплину в армии.

Переходя далее к чисто военной организации, которая, конечно, входила в компетенцию лорда-генерала, следует отметить, что создатели и командиры Новой Модели не знали лучшего распределения командования, чем при трех главах пехоты, кавалерии и Обоза. Не существовало такого понятия, как дивизия, включающая в себя пропорции всех трех родов войск под контролем командира дивизии; и хотя мы часто слышим о бригадах, это слово обозначает просто временное объединение определенных корпусов под командованием

одного офицера, редко являющееся существенной частью общей организации. Приведенный ниже список дает сносное представление о распределении функций между сотрудниками. Необходимо только добавить, что все приказы главнокомандующего отдавались через генерал-фельдфебеля, которые он раздавал старшим сержантам или, как их теперь называют, майорам различных полков, а старшие сержанты, в свою очередь, сержантам каждой роты и капралам каждого отряда.

Главнокомандующий.
Его Превосходительство сэр Томас Фэрфакс, рыцарь, генерал-капитан.

Персонал штаб-квартиры.
(Начальник штаба) —генерал-майор[172] Скиппон.
Генеральный комиссар сборов.— Комм.-ген. Стоун (с двумя заместителями).
Генеральный комиссар продовольствия.—Комм.-ген. Орпин.
Генеральный комиссар конского снабжения.—Комм.-ген. Кук.
(Транспорт) Главный мастер фургона.-Мастер Ричардсон.
(Разведка) Главныйразведчик.-майор Уотсон.
(Военный сундук) Восемь казначеев на войне (гражданские лица),
(с одним заместителем).
Генеральный судья-адвокат.—Джон Миллс (гражданское лицо).

(Медицинский) Врачи в армию.—Доктора Пейн и Строуилл.
" Аптекарь в армию.—Мастер Веб.
Капеллан армии.—мастер Боулз.

(Военный секретарь) Секретарь Военного совета.—мистер Джон Рашуорт (гражданское лицо) с двумя клерками.
(Адъютанты) Посланцы к армии.-мистер Ричард Чедвелл, мистер Константин Хит.

Нога.[173]

Генерал-майор	Скиппон.
Генеральный квартирмейстер	Спенсер.
Помощник генерального квартирмейстера	мастер Роберт Уолси.
Генерал-адъютант	подполковник Грей.
Генерал-маршал	капитан Уайкс.

Десять пеших полков; каждый полк из десяти рот; каждая рота из ста двадцати человек, не считая офицеров.

Полк.	Полковник.	Полк.	Полковник.
1-й.	{ Сэр Томас Фэрфакс.	5-й.	Харлей.
	Лейтенант.-Полковник Джексон.	6-й.	Монтегю.

2-й.	{	Генерал-майор Скиппон.	7-й.	Ллойд.
		Лейтенант.-Полковник Фрэнсис.	8-й.	Пикеринг.
3-й.		Сэр Хардресс Уоллер.	9-й.	Фортескью.
4-й.		Хэммонд.	10-й.	Фаррингдон.

Лошадь.

<i>Генерал-лейтенант</i>	Оливер Кромвель.
<i>Генеральный комиссар</i>	Генри Айртон.
<i>Генеральный квартирмейстер</i>	Финчер.
<i>Генерал-адъютанты</i>	капитаны Флеминг и Эвелин.
<i>Генерал-маршал</i>	капитан Лоуренс.
<i>Генерал-маркмейстер</i>	Мистер Фрэнсис Чайлд.

Одиннадцать кавалерийских полков; в каждом по шесть войск; в каждом отряде по сто человек, не считая офицеров.

Полк.	Полковник.	Полк.	Полковник.
1-й.	{	Сэр Томас Фэрфакс.	6-й лейтенант.- Генерал Кромвель.
		Майор Дисброу.	7-й. Рич.
2-й.		Батлер.	8-й. Сэр Роберт Пай.
3-й.		Шеффилд.	9-й. Уолли.
4-й.		Флитвуд.	10-й. Грейвс.
5-й.		Росситер.	11-й. Комм.- Генерал Айртон.

Телохранитель генерал-капитана состоял из одного отряда, взятого из его конного полка под командованием полковника Дойли.

Драгуны.

Полковник Оки.

Десять рот по сто человек в каждой, не считая офицеров.

Поезд.

<i>Лейтенант.-Генерал артиллерии</i>	лейтенант.-Генерал Хаммонд.
<i>Контролер вооружения</i>	капитан Дин.
<i>Генеральный инженер</i>	Питер Манто ван Далем.
<i>Выдающийся инженер</i>	капитан Хупер.
<i>Главный инженер</i>	Эвал Терсен.
<i>Инженеры</i>	Мастер Лайон, мастер Томлинсон.

Главный полевой артиллерист	Фрэнсис Фурин.
Капитан пионеров	Капитан Сыр.
Склад боеприпасов	
Склад ломовых лошадей	
Двух пехотных полков	{ Полковника Рейнборо. { У полковника Уэлдона.
Две роты огнестрельных ружей.	

30 апреля.

Полки Нового образца еще не были укомплектованы, когда Фэрфакс получил приказ от Комитета Обоих королевств выступить на запад на помощь Тонтому. Удивительно, что эта самонадеянная группа гражданских лиц, даже после того, как она предоставила генералу боеспособную армию, все еще брала на себя руководство планом кампании. Еще более удивительно, что Фэрфакс, который пренебрегал этим до Марстона Мура, теперь безропотно подчинился. Чарльз, чьи главные надежды возлагались на соединение с доблестным и победоносным Монтрозом, на самом деле двигался на север, чтобы встретиться с ним, в то время как Фэрфакс топал в Тонтон. Более того, даже после того, как Тонтон был освобожден, Комитет мудрецов не смог придумать лучшего применения Новой Модели, чем свести ее к осаде Оксфорда. Глупость вряд ли могла пойти дальше этого. Всего на поле боя с обеих сторон находились четыре армии, расположенные попеременно, так сказать, слоями с севера на юг. Самым северным из всех был Монтроуз, ниже него в Йоркшире лежал Левен с шотландцами, к югу от Левена был Чарльз, а к югу от Чарльза Новая Модель. И все же Комитет предложил оставить Фэрфакса бездействующим перед Оксфордом, в то время как Чарльз и Монтроуз раздавят Левена между молотом и наковальней.

9 Мая.

Блестящая победа Монтроуза при Олдерне привела ситуацию к кризису. Левен был вынужден отступить в Уэстморленд, а шотландцы настаивали на том, что Фэрфакс должен оторваться от Оксфорда и двинуться навстречу королю. Чарльз, тем временем, со свойственной ему нерешительностью приостановил свой поход на север ради захвата Лестера и теперь находился в Давентри, не зная, куда идти дальше. Фэрфакс созвал военный совет, который решил искать врага и сражаться с ним везде, где его можно было найти, и, что еще более важно, потребовал назначения Кромвеля на вакантную должность генерал-лейтенанта. Парламент тем временем пришел в себя и постановил, что отныне генерал должен проводить свою собственную кампанию без консультаций с комитетом гражданских лиц. Сделав это, оно вряд ли могло отказаться санкционировать возвращение Кромвеля. Поэтому его вызвали в штаб-квартиру; и Фэрфакс всерьез приступил к работе. Когда парализующая рука Комитета была снята, его действия были настолько энергичными, что роялисты сразу же пришли к выводу, что "Айронсайд" вернулся в армию.

Он еще не присоединился к ней, и все же роялисты были правы, ибо именно его дух, дух дисциплины, был распространен в армии. Новая модель ни в коем случае не была совершенной, когда она вышла из Виндзора в конце апреля 1645 года. Старые пороки неповиновения, дезертирства и мародерства, вполне естественные для группы людей, в

основном завербованных путем подкупа, в изобилии проявились в начале похода на Оксфорд, но они были подавлены сильной рукой, не проповедью, а повешением. И не только строгостью Фэрфакс приучал людей к исполнению их долга. Согласно обычаю, каждый полк по очереди выделялся для обеспечения арьергарда, но когда подошла очередь полка Фэрфакса, солдаты заявили, что, поскольку они принадлежат генералу, они имеют право на постоянное место в авангарде. Фэрфакс ничего не сказал, а просто спрыгнул с лошади и поскакал среди них в арьергарде; и после этого ссор из-за старшинства больше не было. После месяца работы в полевых условиях газеты могли сообщить, что ругательства, ссоры и пьянство в Новой Модели были неизвестны. "Да, но пусть Кромвель будет отозван", - добавили они; и вскоре это тоже было сделано. В шесть часов утра 13 июня, когда Фэрфакс заседал на военном совете, Кромвель вошел в лагерь в Кислингбери во главе своего полка. Это было всего лишь небольшое подкрепление из шестисот солдат, но когда они подъехали, среди кавалерии поднялись радостные крики, которые подхватила вся армия, когда по лагерю разнеслась весть о прибытии Нолла.

14 Июня.

На следующий день состоялась битва при Нейсби. Это был не очень хорошо организованный бой. После значительного смещения позиций, настолько длительного, что Руперт пришел к выводу, что Фэрфакс хотел отказаться от сражения, армия Нового образца была, наконец, выстроена на плато хребта примерно в миле к северо-востоку от деревни Нейсби. Он располагался за гребнем холма, который несколько круто спускался к долине, называемой Бродмур, и был образован по обычаю того времени. Шесть полков по три тысячи шестьсот всадников образовывали правое крыло, семь тысяч пехотинцев под командованием Скиппона составляли центр, еще две тысячи четыреста всадников под командованием Айретона - левое. Фланг Айретона был прикрыт живой изгородью, которую по указанию Кромвеля выстроили спешившиеся драгуны.

Расположение сил роялистов было такого же рода, хотя их численность составляла немногим более половины численности Нового Образца. Правым крылом кавалерии командовал Руперт, центром пехоты - старый сэр Джейкоб Эстли, левым крылом кавалерии - сэр Мармадьюк Лэнгдейл. Каждая армия держала в резерве два или три полка пехоты.

Руперт, бросающийся в глаза в красном плаще, открыл бой быстрым наступлением на своей лошади слева от Фэрфакса. Вслед за этим Айртон выехал из-за гребня холма ему навстречу, и Руперт, очевидно, весьма удивленный, обнаружив перед собой столь большие силы, немедленно остановился. Затем Айретон совершил роковую ошибку, тоже остановившись. То ли ему мешала местность, то ли он был не в состоянии справиться с таким большим кавалерийским корпусом, неизвестно; но, какова бы ни была причина, его крыло было в беспорядке, и вместо того, чтобы продолжать наступление, он начал корректировать свою диспозицию. Руперт сразу же воспользовался моментом, чтобы атаковать. Несколько дивизий под непосредственным руководством Айретона достаточно храбро атаковали и держались, пока их не отбросили назад силы Руперта, но остальные отступили, и Руперт, наступая, по своему обыкновению, привел их в замешательство. Айретон, потеряв голову, вместо того чтобы попытаться сплотить их, бросился со своими немногочисленными эскадронами на пехоту роялистов, был отброшен, ранен и взят в плен; и фактически левое крыло Нового образца было на время полностью разгромлено. Руперт бросился в погоню по горячим следам со своими

солдатами на милю за пределами поля боя и, прискакав галопом к парку парламентского обоза, призвал его сдаться. Ему ответил мушкетный залп, а затем, слишком поздно, он опомнился и поскакал обратно к истинному месту действия.

В центре также дела с парламентом снова пошли наперекосяк. Скиппон был ранен в начале дня, и хотя он отказался покидать поле боя, не смог активно руководить боем. Либо его диспозиция была неполной, либо его полковники были беспомощны без него; но левый центр, фланг которого был оголен поражением Айртона, дрогнул и, несмотря на все усилия офицеров, так и не смог собраться с силами. К счастью, полк Фэрфакса в правом центре держался стойко, а стойкость трех полков в резерве позволила парламентской пехоте продолжать борьбу.

Но именно справа находился лучший солдат на поле боя, и его присутствие имело очень большое значение. Ему тоже мешала плохая местность, заросли утесника и кроличий садок на крайнем правом фланге, исключавшие всякую возможность общего наступления его крыла. Но вместо того, чтобы остановиться, как Айретон, он перехватил инициативу в атаке. Крайние левые войска под командованием Уолли, имея перед собой хорошую позицию, сразу же отступили, выстрелили из пистолетов с близкого расстояния,^[174] и бросились в атаку со шпагой. Конница Лэнгдейла встретила их достаточно храбро, но была отброшена назад и отошла в тыл королевского резерва, где сплотилась. Но поддержка Уолея быстро подошла ему на подмогу, а тем временем остальная часть крыла Кромвеля продвигалась, насколько могла, по пересеченной местности и, обрушившись на противостоящие тела роялистской конницы, разгромила всех подряд. Роялисты отступили на четверть мили и сплотились; и Кромвель, выделив часть своей кавалерии для наблюдения за ними, двинулся с тремя полками против королевского конного резерва. Карл, надо отдать ему справедливость, вел себя достаточно храбро, но кто-то произнес злополучное слово: "Направо, марш!" — после чего все его люди развернулись и, увлекая за собой короля, присоединились к своим поверженным товарищам в тылу. Вскоре туда же прибыл Руперт с таким количеством выдохшихся и побитых лошадей, какое только смог собрать. Крыло Айртона сплотилось и так плотно наступало ему в тыл, что он не осмеливался остановиться; а глупое и преждевременное преследование Руперта растратило его эскадрильи так же эффективно, как и поражение.

Теперь вся армия Карла была разбита или рассеяна, за исключением его центра, и против него были направлены все силы парламентской армии. Оки, командовавший драгунами, обнаружив, что перед ним пусто, заставил своих людей сесть на коней и атаковал его с фланга; пеший полк Фэрфакса атаковал его спереди, а сплотившиеся кавалеристы Айртона - сзади. Вскоре все сложили оружие, за исключением одного батальона,^[175] который держался в одиночку с невероятным мужеством и решимостью, пока не был полностью разгромлен. Однако даже в этом случае Фэрфакс не осмеливался продвигаться дальше, пока не перестроил всю свою боевую линию. Но роялисты не смогли выдержать второй атаки; они развернулись и обратились в бегство; а кавалерия парламента преследовала беглецов на протяжении четырнадцати миль, захватив всю королевскую артиллерию, его обоз и практически всю его армию. Это была решающая победа, хотя и не очень славная. Если бы не Кромвель, который единственный после падения Скиппона, похоже, сохранил рассудок и своих людей в руках, Нейсби, вероятно, добавил бы еще одно к нерешительным сражениям Гражданской войны.

1646.

13 сентября.

Тем не менее Новая модель выиграла свое первое сражение, и теперь Фэрфакс начал кампанию на запад, которая не заканчивалась до тех пор, пока он не проник через Сомерсет, Девон и Корнуолл и не сокрушил роялизм до самого Края Страны. Это был долгий поход с непрерывными и поначалу жестокими боями, которые истощили мужество даже его лучших солдат, но армия набиралась сил, несмотря на постоянные трудности, в своем быстром продвижении от победы к победе, и к лету 1646 года она завершила работу, начатую при Нейсби, и фактически стала хозяином Англии. Тем временем упорствующая глупость короля превратила его из партизана в национальную армию. Чарльз, в котором не было искры патриотического чувства, с самого начала стремился не только противопоставить национальность национальности на Британских островах, но и обратился к иностранцам из Франции, Лотарингии и Голландии с просьбой защитить его права. Все эти сделки были раскрыты захватом его багажа в Нейсби, и его пренебрежение ко всем островным предрассудкам англичан нанесло ему невыразимый ущерб даже в глазах тех, кто был наиболее искренне предан его делу. Маргарита Анжуйская еще не была забыта; и если люди связывали имя Карла с ее именем, то это было не больше, чем он заслуживал. Однако теперь он был побежден, побежден со всех сторон. В первые шесть месяцев 1645 года Монтроуз, возможно, самый блестящий природный военный гений, проявленный Гражданской войной, добивался успеха за успехом у горстки шотландцев и ирландцев. Эмоциональная и непостоянная женщина, смелый мужчина и волшебник-лидер, он был идеальным лидером для таких неукротимых, воинственных духов, из которых сделаны Дандональды. И все же работа Монтроуза в Филифо была провалена, и последняя надежда Чарльза исчезла. Еще несколько безрезультатных попыток настроить Англию против нее самой, и он был бы изгнан как враг общества вечно победоносной армией.

ГЛАВА II

1646.

О порабощении запада английский парламент думал в настоящее время только о том, как укрепить свои позиции внутри самой Англии. Было видно, как при первом начале войны парламентские лидеры взяли шотландскую армию на жалованье и как даже после формирования Новой Модели они пытались взвалить на нее самую тяжелую работу. По правде говоря, поведение парламента по отношению к шотландцам было достаточно изворотливым и нелюбезным; он, во всяком случае, позаботился о том, чтобы платить своим собственным войскам, но упорно пренебрегал своими союзниками, которые отлично послужили на севере. Действительно, если бы Левен уступил пожеланиям английского парламента, если бы победа при Олдерне фактически не вынудила его отступить, шотландцы, а не англичане, могли бы выиграть Нейсби в Гражданской войне, событие, которое привело бы к неисчислимым осложнениям. Однако теперь, когда английская армия сделала всю работу за себя, все партии в Англии загорелись желанием избавиться от шотландцев. Дело было несколько запутано тем фактом, что в 1646 году Карл отдал себя в руки Шотландии; но к концу года было решено, что шотландская армия должна быть откуплена и отведена за границу, а король должен быть сдан

англичанам, которые его покорили. Таким образом, парламент достиг своей великой цели - развязал руки для управления своими собственными делами. Однако в своих расчетах он упустил из виду один важный фактор - армию.

1647.

В начале 1647 года по всей Англии раздался общий клич о мире. Страна была истощена, финансы парламента находились в безнадежном расстройстве, и народ стонал от огромных расходов, связанных с войной. Очевидно, что наиболее естественным пунктом для сокращения численности была Армия; ее работа была выполнена, и больше не было причин для ее существования; следовательно, ее следовало расформировать или, во всяком случае, очень сильно сократить. Более того, экономика была не единственным мотивом, побудившим к такой политике. Парламент, объединенный на данный момент общим желанием избавиться от шотландцев, почти сразу после того, как это было сделано, разделился на фракции. Пресвитериане и независимые были первоначальными названиями двух соперничающих партий, но для нашей цели проще сразу сузить их до парламента и армии; поскольку среди многих членов пресвитерианской церкви, которые занимали командные посты в первые годы войны, существовала профессиональная, а также политическая и религиозная зависть к преуспевающим офицерам, которые их заменили. Парламент, создав Армию путем голосования, думал, что может уничтожить ее тем же простым процессом; используя ее как лестницу, по которой можно подняться к бесспорному господству, он теперь предлагал сбросить ее ногой. Но такая армия не была расположена превращать себя в игрушку парламента.

Петиции с разных сторон о роспуске Новой Модели скорее вскружили головы, чем укрепили руки двух Палат. Единственный безопасный и честный путь, если армия должна быть распущена, состоял в том, чтобы полностью выполнить обязательства страны перед ней. Теперь просроченное жалованье пешему составляло восемнадцать недель, а конному - сорок две недели, и общая задолженность перед вооруженными силами составила триста тридцать тысяч фунтов. Парламент испытывал нехватку денег и ни в коем случае не был склонен прилагать необходимые усилия для сбора этой суммы. В качестве альтернативы предлагалось преобразовать двенадцать тысяч солдат в новую армию для умиротворения Ирландии, и это без единого слова об условиях, на которых люди поступили на службу, и без малейшего упоминания об урегулировании задолженности. Далее, как будто этого было недостаточно, чтобы вызвать раздражение у солдат, парламент сделал все возможное, чтобы оттолкнуть офицеров. Он принимал резолюции, оскорбительные для армии, оскорбительные для Фэрфакса, оскорбительные для Кромвеля. Это неблагодарное обращение действительно так глубоко ранило Оливера, что он всерьез подумывал о том, чтобы взять с собой меч и те войска, которые он мог бы собрать, для войны в Германии. Такова была степень отвращения, до которой парламент довел самых способных своих слуг.

Армия выразила свой первый протест в форме уважительной петиции от солдат: парламент встретил ее бурным и нелюбезным осуждением. Некоторые офицеры, поддержавшие эту петицию, затем выступили в защиту своего поведения: палата общин отказалась даже читать ее. Наконец, словно для того, чтобы довести армию до крайности, Лорды предложили выдать войскам жалованье за шесть недель в качестве временного погашения задолженности. Это было уже слишком. Недовольство в рядах быстро росло, солдаты отказывались иметь какое-

либо отношение к службе в Ирландии, и, наконец, Армия, избрав по два представителя от каждого полка, организовалась для упорядоченного отстаивания своих справедливых требований. Этих представителей называли агитаторами, что в те дни означало просто агенты. Превращение этого термина в наше время в синоним политической активности не должно вводить нас в заблуждение или закрывать глаза на достойное терпение этой непреодолимой группы дисциплинированных людей, несмотря на крайние провокации.

25 мая.

На данный момент парламент был склонен к уступкам и обещаниям, но его лидеры не стали легко смиряться с унижением и вместо того, чтобы уступить армии, стали искать силы, способные противостоять ей. Сначала они обратились к лондонскому сити, который был сильно пресвитерианским, и искали вооруженную силу в городских железнодорожных оркестрах. Затем они обратились к Шотландии, которая очень ревниво относилась к Новой Модели, и сформировали с ней коалицию в пользу короля, тем самым посеяв семена раздора между Северной и Южной Британией. Наконец, после того, как армия отупела от обещания уделить внимание жалобам, она без дальнейших церемоний приняла Постановление о своем расформировании. Терпение лопнуло. Солдаты подняли открытый мятеж, и Фэрфакс и Кромвель, тщетно пытаясь добиться справедливости для своих людей и в то же время удержать их в подчинении парламенту, встали во главе движения, которое они больше не могли подавлять. Действительно, настало время, поскольку пресвитерианские лидеры уже пригласили принца Уэльского встать во главе шотландцев для вторжения в Англию.

6 августа.

4 июня армия собралась примерно в четырех милях от Ньюмаркета в Кентфорд-Хит. Там в течение следующих нескольких дней он собрал генеральный совет, состоящий из генералов, принявших сторону солдат, а также из двух офицеров и двух рядовых от каждого полка, и сделал письменное заявление о своей политике. Тем не менее парламент оставался упрямым и теперь пытался привлечь уволенных солдат прежних армий, чтобы ответить силой на силу. Армия продвинулась к Триплов-Хит, куда парламент направил последнее послание с предложением условий соглашения. Попытки были отклонены, и армия продолжила наступление. В паническом страхе парламент теперь предлагал взятки любым офицерам или рядовым, которые дезертировали из армии. Этот презренный прием потерпел полный провал. Затем он попытался собрать войска, возобновить переговоры с армией, отозвать обученные в Лондоне оркестры, запретить дальнейшее продвижение армии, привлечь с севера определенные войска, которые не были нового образца; все было напрасно. Непреодолимая, как судьба, Армия двинулась дальше. В районе Св. Олбанс остановился и издал манифест, требующий изгнания одиннадцати своих врагов из Палаты общин, и, не получив поддержки, двинулся к Аксбриджу. Там она снова остановилась и провела три недели в безнадежных попытках договориться с королем о мирном урегулировании; и, наконец, она двинулась прямо на Лондон и заняла столицу.

Тем не менее Палата общин упорно сопротивлялась армии; и, наконец, Кромвель, без приказа и вопреки нежеланию Фэрфакса, дал пресвитерианскому большинству недвусмысленный намек превратиться в меньшинство. Его аргументы сводились к одному кавалерийскому полку, расквартированному в Гайд-парке, и небольшому пешему отряду у дверей Дома; и они были достаточными и убедительными. Очистив таким образом дом, Кромвель обратился к задаче,

которая должна была занять остаток его жизни и свести в могилу измученным, - окончательному урегулированию первоначальной ссоры. Он достаточно мудро рассудил, что этого можно добиться только по соглашению с королем; и именно переговорам с Карлом Стюартом по этому поводу он теперь посвятил всю свою энергию. Но переговоры с человеком, который по конституции был неспособен к прямому и честному ведению дел, могли иметь только один конец. Низшие чины армии, не более дальновидные, но и менее оптимистичные, чем их предводитель, снова вмешались. Группа экстремистов, известная в то время под названием уравнилелей, начала, как это обычно бывает в такие моменты, поднимать голову и, осуждая всякую дальнейшую торговлю с королем, смело выдвинула собственный революционный план.

Здесь, однако, Уравнилели ошибочно приняли своего человека. Как бы Кромвель ни был отвлечен сложными вопросами урегулирования, ему было совершенно ясно одно: дисциплина в армии должна поддерживаться. Появились слишком серьезные симптомы того, что эта дисциплина была нарушена, и он, не теряя времени, восстановил ее. Один из полков отказался подчиниться его приказу, Кромвель быстро обнажил меч и в одиночку поскакал прямо в гущу недовольных. Его решимость быстро убедила людей, что с ним шутки плохи; мятежники сдались, и одной казни было достаточно, чтобы восстановить порядок.

1648 год,
январь.

Затем, как обычно, вопиющая глупость короля объединила против него все партии не только в армии, но и в Англии. Он мог бы заключить честные условия с Кромвелем; он предпочел броситься в объятия шотландцев. После этого обе палаты парламента порвали со своими северобританскими союзниками, и спор перешел в новую фазу ссоры между англичанами и шотландцами. Английские беженцы разжигали национальные чувства в Эдинбурге, и 11 апреля шотландский парламент объявил о разрыве договора между двумя нациями. К первой неделе мая армия, которая должна была вторгнуться в Англию, начала медленно собираться, и 8 июля она перешла границу численностью в десять с половиной тысяч человек и заняла Карлайл.

Июль.

Тем временем энергия англичан была отвлечена восстаниями роялистов в Кенте и Уэльсе, которые заставили Фэрфакса и Кромвеля напряженно работать; и только 11 июля Кромвель смог покинуть Пембрук и двинуться на север. Даже тогда его войска, после изнурительной кампании в очень ненастную погоду, были не в самом лучшем состоянии. Он был полностью лишен артиллерии, а его люди в большинстве своем были как без обуви, так и без чулок. Однако в одном принципиальном отношении эти силы были сильны, поскольку отличались совершенным духом и дисциплиной. Я не буду останавливаться на деталях прорыва Кромвеля из Уэльса в Йоркшир. Шотландцы, смущенные множеством командиров, позволили ему атаковать их гораздо более многочисленную армию по частям, когда она была разделена на противоположных берегах Риббла; и после одного острого сражения при Престоне кампания свелась к простому преследованию разбитых шотландцев. О том, как горячо Кромвель вел преследование и с какими трудностями столкнулся со своей маленькой армией, можно прочитать в его собственных донесениях. Неблагоприятная погода, проливные дожди и плачевное состояние дорог довели людей и лошадей до последней стадии истощения. "Шотландцы, - писал Кромвель, - так устали и в таком смятении, что, если бы моя лошадь могла пуститься за ними рысью, мы могли бы уничтожить их всех, но мы так устали, что едва ли

способны на большее, чем просто идти за ними... моя конница разбита наголову, и у нас десять тысяч пленных. Память об этом стремительном рейде в Йоркшир и последовавшей за ним безжалостной погоне должна быть бережно сохранена британской кавалерией, участвовавшей в войне Пиндарри и Центральноиндийской кампании 1857-58 годов.

С прекращением преследования Престона вторая гражданская война подошла к концу. Операции Фэрфакса на юге показали его с лучшей стороны - быстрого, активного и решительного - и увенчались блестящим успехом. Действия Кромвеля на севере, хотя и были направлены только против роялистской Шотландии, еще не против более суровой Шотландии Ковенанта, оказались сокрушительными. Англия теперь была полностью под властью парламента, но возник вопрос, является ли парламент сам себе хозяином. В армии возникло движение за наказание людей, которые навлекли на страну все это кровопролитие, и в особенности главного преступника, Карла Стюарта, который был виновнее всех. Последней попыткой к мировому соглашению армия дала королю последний шанс, а после его провала обратилась к парламенту с просьбой привлечь его к ответственности.

1649.

Айретон, по-видимому, был движущей силой последовавших действий, хотя не может быть никаких сомнений в том, что Кромвель полностью сочувствовал им. Оливер был глубоко англичанином по духу и был сильно раздражен английскими роялистами, которые призвали шотландцев перейти границу. Он страстно желал справедливости по отношению к ним и к королю как главному из них. Парламент, с другой стороны, был занят номинальными переговорами с Карлом, и поэтому не следовало ожидать, что он удовлетворит просьбу армии о предании его суду. Но армию было не остановить. Личность короля была схвачена; парламент был очищен от непокорных членов; и от этих действий до Верховного суда путь был коротким. Один из ведущих солдат, Фэрфакс, действительно отшатнулся от последнего шага, но большинство офицеров продолжили движение; и 30 января 1649 года король был выведен в кольцо красных мундиров, чтобы встретить свою смерть. Он сделал все возможное против Британских островов. Он призвал иностранные армии против Англии, а когда потерпел неудачу, поднял валлийцев, шотландцев и ирландцев на безнадежную попытку подчинить ее. Но ему удалось лишь укрепить ее силы; и падение его головы было лишь первой частью великой работы, проделанной Кромвелем и армией по объединению островов под верховенством Англии.

Мы можем мельком увидеть Оливера в его приподнятом настроении, прежде чем он в следующий раз обнажит свой меч. Вечером 23 февраля, когда они с Айртоном возвращались с ужина с Булстроудом Уайтлоком, их карету остановили солдаты, дежурившие на улицах. Они объяснили, кто они такие, но капитан стражи не поверил им и пригрозил посадить их в караульное помещение. Айртон начал выходить из себя, но Кромвель рассмеялся и, достав двадцать шиллингов, раздал их солдатам в награду за выполнение их долга. Менее чем через три недели его вызвали принять командование армией, которая собиралась для отвоевания Ирландии, поскольку этот злополучный остров был выбран роялистами в качестве операционной базы для вторжения в Англию. Руперт, теперь ставший адмиралом, уже отплыл в Кинсейл, чтобы завербовать ирландских моряков, и верный Ормонд пригласил Карла Второго встать во главе лояльной партии в Ирландии. Кромвель не был лишен желания взять на себя этот долг. У него и в мыслях не было уступать Англию ни шотландцам, ни ирландцам, и меньше

всего ирландцам, чья земля рассматривалась скорее как колония, чем как неотъемлемая часть королевства, а также была оплотом папизма. И все же он отказался принять командование, пока не убедится, что все нужды его войск будут удовлетворены; он любил своих людей и не допустил бы, чтобы магия его имени соблазнила их на неблагодарную или бесполезную службу.

Затем по жребию были выбраны четыре пеших и один конный полки, и мужчинам сообщили, что им не нужно отправляться в Ирландию, если они не пожелают, но что в случае отказа они будут уволены из Армии. После этого несколько сотен человек сразу же сложили оружие и были распущены; но по какой-то ошибке, которая была совершена не Кромвелем, ни слова не было сказано о выплате причитавшихся им долгов. По рядам распространилась идея, что они должны либо отправиться в Ирландию, либо погасить эти долги; естественно, возникло недовольство, которое вскоре вылилось в грозный мятеж. Фэрфакс и Кромвель, однако, могли полагаться на свои собственные полки и встретили опасность лицом к лицу с необычайной быстротой и энергией. Мятежники были подавлены сильной рукой. Один зачинщик был казнен на кладбище церкви Святого Павла, корнет и капрал были расстреляны на глазах у своих товарищей у стен Берфордской церкви, и дисциплина снова была восстановлена. Вскоре после этого парламент принял Постановление об облегчении финансовых трудностей солдат, и подготовка к ирландской кампании была возобновлена. Любопытно отметить крайнюю медлительность, с которой гражданские усвоили, что солдаты, в конце концов, люди из плоти и крови, а не марионетки, которых можно обнимать или ломать в зависимости от прихоти часа.

Подробности подготовки к войне в Ирландии до сих пор можно прочитать в государственных газетах того времени. Все еще можно увидеть заказы на пятнадцать тысяч сутан "венецианско-красного цвета, высушенных в воде", такое же количество пар бриджей "серого или другого хорошего цвета", "десять тысяч рубашек, десять тысяч шляп и перевязей", [176] тысяча железных сковородок, полторы тысячи чайников, дающих любопытную картину снаряжения первой английской регулярной армии для чего? тогда это считалось дипломатической службой. Но я не буду следовать за красными мундирами во время ужасной ирландской кампании 1649 года. Это не было, подобно более поздней войне с шотландцами, почетным состязанием за превосходство: это было скорее суровое подавление восстания, когда дух хозяев воспламенялся дерзостью длительного превосходства, горечью религиозной ненависти и воспоминаниями о прошлых безобразиях, которые, даже если бы о них правдиво сообщили, подтолкнули бы людей к мести, а когда они были преувеличены яростью и страхом, то совершенно ослепили их к милосердию. Если кто-нибудь из англичан сомневался, смогут ли ирландцы сражаться с отчаянной храбростью, то он не был обманут штурмом Дрохеды и Клонмела: но они не могли выстоять, какими бы неподготовленными и неорганизованными они ни были, против ветеранов Нового Образца. Много говорилось о жестокости Кромвеля, и в том, что он был безжалостно суров, сомнений быть не может; но когда мы говорим о жестокости, мы должны, по крайней мере, принимать во внимание уровень гуманности в войне семнадцатого века. Ирландская война была войной рас, войной вероисповеданий и войной мести. Поэтому в том, что произошла такая резня, как при Дрохед и Уэксфорде, нет ничего удивительного, [177], сколь бы прискорбной она ни была. Что действительно примечательно в такой войне, так это то, что Кромвель с момента высадки должен был расплачиваться за свой поступок, применять к грабежам самые суровые меры наказания и поддерживать самую суровую и непреклонную дисциплину. Сорок лет спустя, когда бывший маршал Франции и король, давно прошедший военную подготовку против первых генералов того времени, предпринял завоевание Ирландии,

они были рады узнать о планах Кромвеля относительно его ирландской кампании и следовать им на таком расстоянии, на каком только могли.

1650 год,
8 января.
12 июня.
26 июня.

Кромвель все еще был на пике победной карьеры, когда тревожное известие о заключении договора между Карлом Вторым и шотландцами побудило парламент отозвать его, чтобы он позаботился о собственной безопасности. Он прибыл в Лондон 1 июня и был радостно встречен не только Фэрфаксом и армейскими офицерами, но и представителями всех рангов и всех классов. Теперь было почти очевидно, что шотландцы вторгнутся в Англию от имени короля, и Государственный совет, не теряя времени, назначил Фэрфакса и Кромвеля командующими английской армией на севере. В том, что они будут преданно работать вместе на поле боя, никто не мог сомневаться; но когда Совет проконсультировался с двумя генералами относительно плана кампании, оказалось, что их мнения диаметрально противоположны друг другу. Кромвель был за то, чтобы взять быка за рога и перенести войну в Шотландию до того, как шотландцы смогут пересечь границу; Фэрфакс, который никогда не чувствовал себя в своей тарелке с момента образования Содружества, считал такие агрессивные действия неоправданными. Невозможно поверить, что таково было его истинное военное мнение, но ни все доводы Совета, ни настоятельные просьбы Кромвеля не смогли убедить его изменить его. Несмотря на все протесты, он подал в отставку по причине физической немощи и с этого момента исчез из истории армии. Возможно, никогда еще у этой Армии не было более популярного и заслуженно популярного главнокомандующего.

Только один человек мог стать его преемником. В тот же день, 26 июня, Кромвель получил свое звание генерал-капитана и главнокомандующего; и два дня спустя он отправился в свое путешествие на север. Чарльз Флитвуд был его генерал-лейтенантом, Джон Ламберт - отличным солдатом, его генерал-майор; и к его штабу присоединился еще один офицер, которого мы видели сражающимся в Нидерландах много лет назад, полковник Джордж Монк. Сначала он участвовал в Гражданской войне на стороне роялистов и был взят в плен Фэрфаксом в Нантвиче в январе 1645 года; затем он провел некоторое время в заключении в Тауэре и, наконец, поступил на службу в парламент Ирландии, где его заслуги привлекли внимание Кромвеля. Теперь Оливеру не терпелось снабдить его полком, но корпус, который он создал для него, не желал принимать роялиста в качестве полковника. Таким образом, пять рот были отобраны из полка сэра Артура Хейзелригга в Ньюкасле и еще столько же - из полка полковника Фенвика в Бервике; и эти десять рот были объединены в пехотный полк Монка. Так был сформирован старейший из наших существующих национальных полков, единственная полная реликвия знаменитой Новой модели, [178] единственный уцелевший корпус, сражавшийся под командованием Оливера Кромвеля, сам более известный под своим более поздним названием Coldstream Guards.

19 июля Кромвель остановился близ Бервика, где собрал шестнадцать тысяч человек, треть из которых составляли кавалеристы; а 22-го он пересек Твид и двинулся вдоль побережья на Эдинбург. Флот на восточном побережье снабжал его припасами по мере его продвижения, что создает интересный прецедент для системы, которую позже можно было увидеть при

Веллингтоне на полуострове. 28 июля он был в Массельбурге, а на следующее утро оказался в поле зрения шотландской армии, которая укрепилась вдоль линии от Лейта до Канонгейта.

Шотландские войска насчитывали номинально двадцать шесть тысяч человек, из которых восемнадцать тысяч были пешими и восемь тысяч конными. Им командовал, если не на словах, то на деле, Дэвид Лесли, тот самый превосходный офицер, который разгромил блистательного Монтроуза при Филипхофе и так эффективно управлялся со своей кавалерией при Марстон-Муре. Однако его войска уступали по качеству английским. Верно, что в 1647 году шотландцы последовали примеру Англии в перестройке своей армии, но общая численность этих войск составляла всего пять тысяч пехотинцев и полторы тысячи всадников; и это, даже если предположить, что все они были боеспособны, было лишь небольшой добавкой среди двадцати шести тысяч человек. Поэтому Лесли тщательно защищался и сопротивлялся всем соблазнам Кромвеля вступить в решительную битву. Через пару дней Кромвель был вынужден отступить в Массельбург за припасами. Затем он решил обойти Эдинбург и продвинуться к Куинсферри, где мог восстановить связь со своим флотом на северной окраине города. Политические причины, однако, побудили его задержаться с осуществлением этого проекта, и задержка позволила Лесли занять позицию, которая делала это невозможным. Не имея возможности принудить Лесли к сражению и не осмеливаясь атаковать его меньшими силами, Кромвель обнаружил, что его полностью перехитрили. В английских войсках вспыхнула дизентерия; запасы начали подходить к концу; и Хаддингтон и Массельбург вынудили его отступить к своим кораблям в Данбаре. Туда он прибыл 1 сентября с "бедной, разбитой, голодной, обескураженной армией". Шотландцы очень настойчиво преследовали противника, арьергард был постоянно задействован, и, что самое важное, дисциплина англичан даже под командованием самого Оливера начала давать сбои.^[179] Загнав своего врага на полуостров Данбар, Лесли послал вперед отряд, чтобы перекрыть дефиле на дороге в Бервик у Кокбернспат и отрезать ему путь к отступлению. Положение англичан было отчаянным, и Кромвель был в растерянности. Его армия сократилась из-за болезней до одиннадцати тысяч человек, в то время как шотландцы все еще насчитывали двадцать три тысячи; он не мог ожидать помощи от Бервика; а Лесли занимал сильную позицию, с которой было безнадежно пытаться выбить его, между ним и Твидом.

2 сентября.

Лесли, со своей стороны, вполне мог быть уверен, что держит своего врага в ежовых рукавицах. Ему оставалось только оставаться на склоне холма и наблюдать, как тает английская армия, или ждать наиболее благоприятного момента, чтобы атаковать ее либо в попытке сесть на корабль, либо во время отступления через ущелье. Однако он не был сам себе хозяином, а находился под контролем Аульского совета, называемого Комитетом сословий, который настоятельно рекомендовал ему спуститься со своей потрепанной непогодой позиции на холме и спуститься на землю ниже, где он не только нашел бы больше припасов, но и стоял на более близком расстоянии удара от своего врага. Поэтому он спустился вниз, не совсем без желания, и занял новую позицию на треугольном участке земли, заключенном между морем, холмом, который он только что покинул, и небольшим ручьем под названием Броксберн. Этот ручей, протекающий по дну русла глубиной от сорока до пятидесяти футов, покрывал всю его переднюю часть. Слева от него она проходит под крутым склоном холма и образует с ним, так сказать, вершину треугольника; но дальше вниз она сходит со склона и берет свое направление к морю, оставляя между собой и холмом достаточно места для стоянки. На полпути между открытым

пространством и морем, у территории Броксмут-хауса, глубокие берега ручья сменяются, как это обычно бывает при таких водах, пологими спусками, не неблагоприятными для действий кавалерии. Этот пункт у Броксмут-Хауса был крайним справа от Лесли. Вся позиция, по его мнению, неплохо подходила для войск с большим превосходством в кавалерии. Он мог поставить ногу посередине и слева от себя за глубокой траншеей, вырытой Броксберном, и направить свою лошадь справа, где она могла без риска и трудностей помчаться вниз по пологому склону и через мелководье. К четырем часам пополудни 2 сентября его новая диспозиция была завершена.

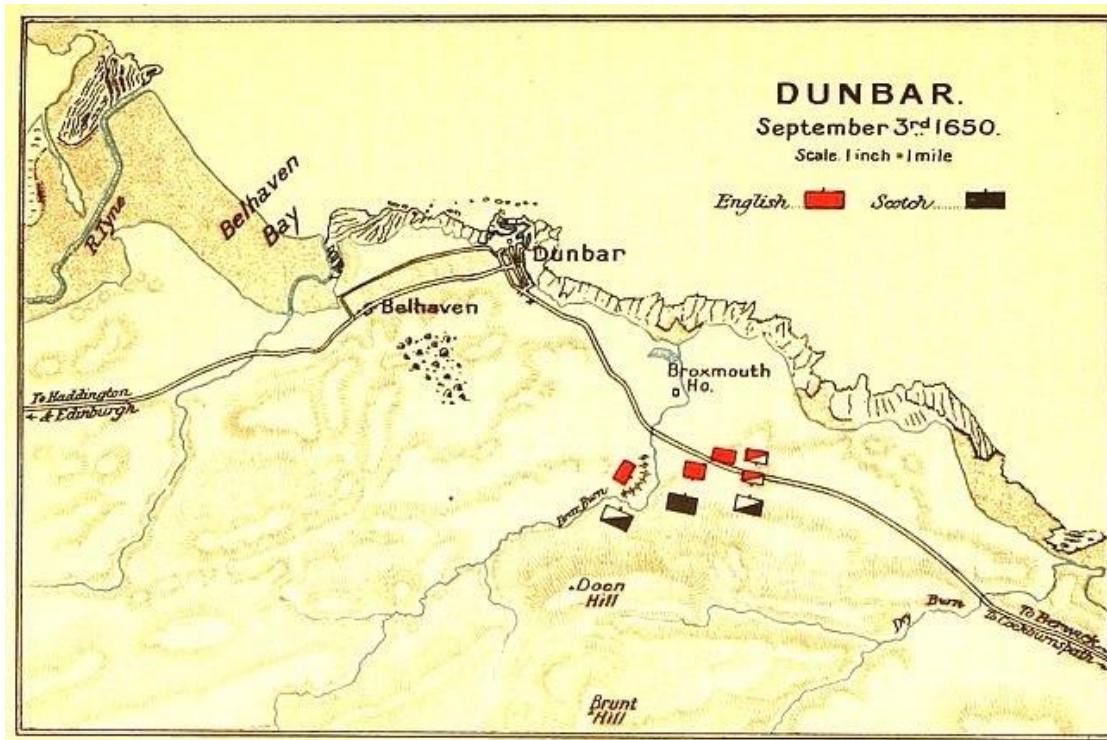
3 сентября.

Кромвель с другого берега ручья с напряженным вниманием следил за каждым движением. Наконец, повернувшись к Ламберту, он сказал, что, по его мнению, враг дал ему возможность. Ламберт ответил, что ему пришла в голову та же идея. Затем к Монку, который, вероятно, получил более высокую военную подготовку, чем любой офицер в армии, обратились с просьбой, и он сердечно согласился. Если бы можно было повернуть направо Лесли, к основанию треугольника, то все его силы были бы зажаты между холмами и ожогом, его лошадь споткнулась бы, и вся армия была бы оттеснена к ущелью на вершине треугольника во все возрастающем замешательстве, и, одним словом, потеряна. Время атаки было назначено на завтра, перед рассветом, и детали расположения англичан были поручены Ламберту.

Всю ночь лил проливной дождь, и шотландские пикеты улеглись спать, насколько это было возможно, среди кукурузных колосьев. Англичане, как всегда, даже во время самых тяжелых и беспорядочных отступлений, пришли в себя в предвкушении битвы. В четыре взошла луна, и Ламберт уже усердно работал. Основная часть войск, шесть из восьми конных полков и три с половиной пеших полка, была отведена на крайний левый фланг англичан. Пять конных полков под командованием Ламберта должны были пересечь берн у Броксмут-Хауса и атаковать шотландскую кавалерию спереди; три пеших полка и один конный, все отборные корпуса, должны были пересечь реку ниже по течению и обойти ее с правого фланга. Кромвель сам принял командование этим поворотным движением, и кавалерийский полк, который он взял с собой, был тем самым, который он создал шесть лет назад по образцу своей собственной "прекрасной роты". Остальные силы с артиллерией были размещены вдоль края траншеи Броксберна, чтобы контролировать любое движение центра и левого фланга противника.

Над морем уже начало светать, когда Ламберт расставил артиллерию по своему усмотрению. В шотландском лагере началось какое-то шевеление; *прозвучала труба*буге-сель, и Кромвель, опасаясь, как бы враг не выиграл время для смены позиции, с нетерпением ждал прихода Ламберта. Наконец он появился, и обе колонны двинулись в путь. Конные полки Ламберта двинулись к ожогу; а затем зазвучали трубы, и кавалеристы бросились через воду и хлынули вверх по склону, противоположному месту атаки. Шотландцы, хотя и были неподготовлены, встретили их достаточно галантно. Иностранцы назвали бы их плохо экипированными, поскольку в первых рядах они несли пики, устаревшее оружие; но копье было на месте в ударном бою, которому Кромвель научил английскую кавалерию, и первый натиск английской конницы был отброшен назад через ожог. Поддержка подошла быстро, и сражение возобновилось, хотя и с большим преимуществом, поскольку шотландцы могли привести пехоту и орудия на помощь своей коннице, чего англичане пока не могли. Но пока кавалерийский бой все еще колебался взад и вперед, пехота поворотной колонны Кромвеля уверенно и неумолимо

наступала на фланг шотландцев. И все же доблестные люди Лесли некоторое время продолжали сражаться, не теряя самообладания. Как отметил Кромвель, они были расположены неправильно и не могли легко сменить фронт,^[180] но они встретили новую атаку как могли и даже остановили передовой полк английской пехоты. Но собственный пехотный полк Кромвеля выступил на подмогу, мрачно двинулся прямо на "пуш оф пайк" и обратил в бегство самый стойкий корпус шотландской пехоты.

Лицом к лицу со страницей 244

ДАНБАР.

3 сентября 1650 года.

Тогда шотландцы пали духом и дрогнули; англичане, конные и пешие, собрались для последней ужасной атаки; и шотландская кавалерия, налетев на пехоту, увлекла ее в удушающем беспорядке к ущелью. Тем временем Кромвель гнал свой третий пехотный полк влево, всегда дальше влево; и когда, тяжело дыша, они взобрались на нижние склоны холма, то увидели, что перед ними раскинулось сражение на всем протяжении и все шотландцы в замешательстве. "Они бегут, я утверждаю, они бегут!" - воскликнул Оливер, посмотрев вниз. И пока он говорил, солнце взошло над морем и засверкало под пологом дыма на стремительных пиках, мерцающих клинках, блестящих касках и колышущихся кирасах, когда краснофундаец катил перед собой разбитые волны шотландской армии. "А теперь да восстанет Бог и да будут рассеяны Его враги", - воскликнул Кромвель в ликовании, ибо победа была одержана. Шотландцы, все плотнее и плотнее зажатые между холмами и ручьем, были пойманы, как крысы в яму, и, как крысы, отчаянно и бесцельно бежали вверх по крутому склону только для того, чтобы быть пойманными или повернутыми назад английскими стрелками над ними. Их лошади бежали изо всех сил, а английская кавалерия, пришпорив их, следовала за ними, пока Кромвель не приказал собраться. Пока сломанные ряды перестраивались, он пел сто семнадцатый псалом, хор за его

спиной звучал все громче и громче по мере того, как солдат за солдатом занимал его место. Затем псалом сменился резким словом команды, и лошадь снова пустилась рысью в погоню мимо Данбара и Белхейвена вплоть до Хаддингтона. Три тысячи шотландцев пали на поле боя; было взято десять тысяч пленных со всей артиллерией, обозом и двумястами знаменами. Это было величайшее сражение английской армии со времен Азенкура.

Кромвель, не теряя времени, развил свой успех. На следующий день после битвы он послал Ламберта вперед с шестью кавалерийскими полками к Эдинбургу и занял порт Лейт и весь город, за исключением Замка, без сопротивления. Оставив достаточно людей для блокады замка и удержания укреплений в Лейте, он двинулся против Лесли, который окопался с пятью тысячами человек в Стерлинге; но, сочтя свою позицию неприступной, он вернулся в Эдинбург и занялся взятием замка, в то время как Ламберт завершил покорение Запада. В середине сентября замок сдался, и вместе с ним вся Шотландия к югу от Форта и Клайда перешла под власть англичан.

1651.

В Вестминстере радость по поводу победы при Данбаре была бурной и нашла выход в вручении медали^[181] и благодарности каждому человеку, сражавшемуся в кампании. Эта первая медаль, когда-либо выданная английской армии, имела, несмотря на его протесты, изображение Кромвеля на лицевой стороне - вполне подходящий памятник первому основателю нашей современной армии. Но борьба даже сейчас еще не была закончена. Шотландия-роялист потерпела поражение при Престоне, Шотландия Ковенанта - при Данбаре; но Карл Стюарт смог с помощью беспринципной лжи и бесстыдного лицемерия объединить их для последнего усилия в своем деле и собрать новую армию вокруг армии Дэвида Лесли в Стерлинге. Соответственно, 4 февраля 1651 года Кромвель покинул свои зимние квартиры и отправился в Стерлинг, но суровая погода вынудила его отступить, не приведя к дальнейшим результатам, кроме опасного приступа лихорадки, из-за которого он оставался на больничном до июня.

25 июня английская армия была сосредоточена на Пентлендских холмах, а оттуда снова двинулась маршем на Стерлинг. Лесли, верный тактике, которая оказалась столь успешной в предыдущем году, занял неприступную позицию, которую никакое искушение не могло заставить его покинуть. Таким образом, после двухнедельных маневров Кромвель решил, подобно Суррею перед Флодденом, обойти левый фланг Лесли и отрезать ему пути снабжения с севера. Из того факта, что Монк участвовал в операциях по захвату Инчгарви и Бернтисленда на северном берегу залива Ферт-оф-Форт, становится ясно, что планы Кромвеля относительно этого движения были полностью созрели.

19-20 июля.

Первым шагом было отправить Ламберта через залив с четырьмя тысячами человек, чтобы он укрепился в Куинсферри. Лесли встретил этот ход, выделив против Ламберта немного уступающие силы, которые были полностью и катастрофически разгромлены, потеряв пять шестых своей численности. Десять дней спустя Инчгарви и Бернтисленд попали в руки Кромвеля, и, обезопасив таким образом свою новую базу, он быстро продвинулся в Файф. Тем временем он отправил приказ генералу Гаррисону, которого оставил в Эдинбурге с резервом в три тысячи всадников, чтобы тот немедленно двинулся к английской границе в случае

продвижения Лесли на юг. Ко 2 августа он получил сообщение о капитуляции Перта, но еще до того, как он смог подписать капитуляцию, до него дошли сведения, что шотландцы оставили Стерлинг двумя днями ранее и устремились к границе. Оставив пять или шесть тысяч человек с Монком, чтобы подавить Стирлинга, он сразу же бросился в погоню.

4августа.

Двух дней хватило, чтобы привести его армию в Эдинбург, где он остановился на сорок восемь часов. Гаррисон уже двинулся к границе и, имея наготове разведданные, отправил часть своей пехоты на усиление своего небольшого отряда. Ламберт был отправлен с тремя тысячами всадников в тыл врага; спикеру было отправлено письмо, в котором парламент призывался проявить доброе сердце; и 6 августа Кромвель возобновил свое наступление. Обе армии, английская и шотландская, теперь были в самом начале своего продвижения на юг. Чарльз, в надежде набрать рекрутов, держался западного побережья и границы с Уэльсом, двигаясь мимо Карлайла, Ланкастера и зловещего города Престон. Курс Кромвеля лежал дальше на восток; он прошел мимо Ньюберна, места поражения англичан, и мимо более знаменитого поля Таунтон, где южане впервые преподали северянам урок уважения. Ламберт и Харрисон объединились и 16 августа вступили в контакт с противником у Уоррингтона, но, не решаясь атаковать, отступили на восток, чтобы прикрыть лондонскую дорогу и приблизиться к линии марша Кромвеля.

3 сентября

Как только Рибл и Эйр миновали, две армии начали сходиться. 22 августа Чарльз остановился с шотландцами в Вустере и приступил к укреплению города, а четыре дня спустя Кромвель занял Ившем. У Карла было всего шестнадцать тысяч человек, в то время как Кромвель мастерски сосредоточил не менее двадцати восьми тысяч. Ополчение, которое было реорганизовано парламентом в предыдущем году, было вызвано и великолепно откликнулось на этот призыв. Не могло быть никаких сомнений в исходе сражения, где преимущество как в численности, так и в качестве было на одной стороне, и нет необходимости подробно останавливаться на сражении, произошедшем в годовщину Данбара при Вустере. В своем роде это была победа, столь же полная, как в Седане: вряд ли хоть один человек из шотландской армии спасся бегством. Но это также было венцом великой работы армии, установлением господства Англии на Британских островах.

ГЛАВА III

О победе вскоре стало известно парламенту, когда Палата представителей приступила к рассмотрению вопроса о сокращении вооруженных сил. Тихо и почти незаметно численность Постоянной армии росла с 1645 года, пока теперь не достигла тридцати пеших полков, восемнадцати конных и одного драгунского, или почти пятидесяти тысяч человек. Помимо них,

в гарнизоне были еще независимые роты численностью в семь тысяч человек и еще несколько полков, которые постоянно находились на вооружении ирландского истребителя. Пять целых полков, тридцать независимых рот и два самостоятельных отряда было приказано немедленно расформировать; другие полки были зарезервированы для службы в Ирландии или для замены расформированных рот в гарнизоне; а штат Англии и Шотландии был определен в восемнадцать пеших и шестнадцать конных полков. Представляется также, что фактическая численность рот была сокращена со ста двадцати до восьмидесяти человек, а войск - со ста шестидесяти, таким образом, уменьшилось количество людей, но название корпуса осталось неизменным. В наши дни эта система не является новинкой, но это первый случай ее принятия в истории армии.

1652.

1652-53.

Революционному правительству, однако, нелегко обрести мир. К июню 1652 года офицеры-вербовщики снова были за границей, и количество полков увеличивалось в связи с началом войны с Голландией. Ссора с Соединенными провинциями была любопытной, поскольку английское содружество ожидало сочувствия от братской республики, созданной английскими солдатами, и даже стремилось объединить две республики в одну. Но национальной благодарности не существует; и невежливость голландцев вскоре привела к тому, что англичане сначала сменили дружеские переговоры на Акт мореплавания, а очень скоро и на войну. История этой войны вписана в военно-морскую историю Англии, где она составляет одну из ее самых славных страниц. Возможно, никогда не было более отчаянных сражений, чем в шести яростных сражениях, которые поставили голландцев на колени. Тем не менее, и в них принимали участие красные мундиры численностью около двух тысяч ^[182] под командованием людей, которые оставили свой след как военные офицеры — Роберта Блейка, Ричарда Дина и, не в последнюю очередь, Джорджа Монка. Последний из названных был настолько несведущ во всех военно-морских делах, что отдавал приказы на военном языке — "Руль вправо", "В атаку", — но он компенсировал все недостатки своим хладнокровием и решительностью. Когда Дин, его более опытный коллега, был разрублен надвое пулей в бок, он просто накинул свой плащ на искалеченное тело и продолжал сражаться со своим кораблем, как будто ничего не произошло. Наконец, в последнем бою войны он смело встретился с величайшим адмиралом того времени и одним из лучших моряков всех времен, имея всего девять кораблей против ста сорока, сразился с ним не только с великолепной храбростью, но и с искусным маневром и вырвал у него господство на море.

1653 год,

20 апреля.

А тем временем Армия на берегу совершила дело, за которое Заклятый Враг никогда не переставал ее преследовать. До сих пор, за исключением нескольких интервалов, слишком кратких, чтобы их стоило отмечать, Содружество было занято военными делами, и основной функцией парламента было определение путей и средств ведения войны. Неспособная к роспуску иначе, как своим собственным актом, Палата общин незадолго до казни короля решила покончить с собой через три месяца; но это стало невозможным из-за ирландской и шотландской кампаний. После победы при Вустере Кромвель в качестве рядового члена парламента снова выдвинул вопрос о роспуске, но "Крупа", как называли небольшой остаток,

оставшийся после нескольких чисток, теперь не проявляла склонности расставаться с властью, которой она так долго пользовалась. Между офицерами армии и членами Палаты представителей проводились частые совещания, единственным результатом которых было то, что последние вносили законопроект, который, обеспечивая тем или иным способом расселение нации, оставлял за ними бессрочную власть. Армия не скрывала своих возражений против этого законопроекта, и кульминационный момент наступил, когда некоторые депутаты попытались пронести его тайком через Палату представителей, прежде чем офицеры смогли вмешаться. Затем Кромвель отправился в Вестминстер и с двадцатью или тридцатью мушкетерами быстро уладил все дело.

Трудно представить, как все могло закончиться иначе. В конце первой гражданской войны Палата представителей была достаточно предупреждена о том, что армия не согласится выполнять всю тяжелую работу ради того, чтобы горстка гражданских лиц могла пожинать плоды. Престиж этого парламента зиждился и до сих пор зиждется на достижениях его вооруженных сил, и его жизнь зависела от усилий людей, которые ради него подвергли себя ограничениям военной дисциплины и тяготам и опасностям войны. Сам парламент не проявил такой преданности и самопожертвования. В то время как солдаты терпели бедствие из-за отсутствия причитающегося им жалованья, коррумпированные члены общества зарабатывали деньги; в то время как солдат пороли и гоняли на лошадях за пьянство или блуд, пьяницы и развратники оставались в Доме безнаказанными. Даже в вопросах управления, если судить по финансовому менеджменту, парламент не проявил экстраординарных способностей. Его трудности, безусловно, были огромными, но немало из них было скорее обойдено, чем честно преодолено. Армия, с другой стороны, в кои-то веки вобрала в себя больше, чем положено мозгам нации, и обладала не меньшим административным талантом и гораздо большим патриотическим чувством, чем можно было найти в парламенте. Поэтому было бы чересчур ожидать, что она передаст всю свою долю в обустройстве нации такому органу, как Крестец. Если поднимать вопрос о законности, то Палата общин, нерасторжимая без собственного согласия и действующая без контроля лордов и суверенов, была так же неизвестна Конституции, как постоянная армия, и, по крайней мере, представляла не меньшую угрозу свободе. Если Долгий парламент преподавал полезный урок королям, то Армия преподавала не менее полезный урок парламентам. Возможно, для будущего британской армии было бы лучше, если бы Кромвель позволил Остову оставаться у власти до тех пор, пока она не растворится в анархии и неразберихе, вместо того чтобы проявлять инициативу и поддерживать строгий порядок в течение следующих пяти опасных лет. Но для Англии это было бы несравненно хуже.

16 декабря.

Девять месяцев спустя, после того как был созван Малый парламент, который в отчаянии сложил свои полномочия, солдат, который сверг Крестец и взял его власть в свои руки, был назначен лордом-протектором Содружества Англии, Шотландии и Ирландии. С 1652 года он был первым в нашей истории главнокомандующим вооруженными силами на всех трех островах; в силу этого командования он теперь взял на себя общее управление. Как и следовало ожидать, он выбрал своих заместителей и главных советников из числа офицеров армии; и если таким образом он поставил королевство под военное правление, мы не должны позволять себе пугаться этой фразы из признания достоинств администрации. В военном правительстве Протектората нет ничего, что могло бы заставить солдата покраснеть, разве что от гордости.

Давайте начнем сначала с Шотландии, которая по окончании войны с Голландией была передана под управление Джорджа Монка. В стране все еще было далеко не спокойно. Агенты Карла Стюарта были заняты тем, что устраивали беспорядки в Высокогорье, и англичане впервые столкнулись с трудностями кампании в горах. Предшественник Монка, Роберт Лилберн, попытался выполнить эту задачу, но с печальными результатами; сам Монк выполнил ее с успехом, которого самого по себе достаточно, чтобы заявить о нем как о великом солдате.

Не вдаваясь в подробности, стоит обратить внимание на его план сокращения Нагорья. Силы роялистов и их союзников-горцев были собраны в основном в двух округах: в Лохабере под командованием Гленкэрна и в Сазерленде под командованием Миддлтона. План Монка состоял в том, чтобы рассечь Нагорье надвое вдоль линии нынешнего Каледонского канала, чтобы он мог по своему желанию загнать врага в любую половину разделенной таким образом страны и детально разобраться с его силами. К северу от этой линии местность была достаточно ограничена природой; к югу от нее он был вынужден установить свои собственные границы. Восток и юг уже охранялись мощной цепью постов, протянувшихся от Инвернесса через Стерлинг до Эйра, в то время как один угол на юго-западе был защищен нейтралитетом Кэмпбеллов, который был достигнут дипломатическим путем. Теперь Монк основал три независимые операционные базы: одну в Килсайте южнее, еще две в Перте и Инвернессе. Затем он оставил одну колонну в Дингуолле под командованием полковника Томаса Моргана, офицера, о котором мы еще услышим, чтобы воспрепятствовать соединению Миддлтона и Гленкэрна; и организовал, чтобы другая колонна под командованием полковника Ричарда Брейна, о котором мы также еще услышим, со всей секретностью отплыла из Ирландии и захватила Инверлохи, который должен был стать его четвертой независимой базой на западе. Сделав это, он двинулся с третьей колонной в горы из Килсайта, атаковал и разгромил Гленкэрна и закрыл единственную брешь в сети, которую он натянул вокруг Нагорья между Лох-Ломондом и Клайдом.

Затем, услышав, что Миддлтон ускользнул от Моргана и перешел в Лохабер, он внезапно перенес свою базу в Перт и продвинулся в самое сердце гор. За два дня он основал передовой журнал в Лох-Тэй, где до него дошла весть о том, что северные кланы были созваны на собрание в Лох-Нессе. Он немедленно отдал приказ пропустить врага на юг и организовал совместное наступление в составе его самого, Брейна и Моргана с юго-запада и востока, чтобы сокрушить его. К несчастью, Морган, в своем стремлении скрыться за спинами горцев, прибыл раньше них и снова повел их обратно на север. Монк, однако, преследовал их даже там, целую неделю гоняясь за ними от долины к долине, совершая необычные переходы, каких горцы не ожидали от простых англичан.

Уходя после этого рейда в Инвернесс, Монк отправил Моргана морем угрожать штаб-квартире роялистов в Кейтнесе. Обман удался. Миддлтон, который снова командовал войсками на севере, сразу же двинулся на юг. Его марш был замечен и о нем сообщили с английской станции в Блэр Атоле, и Монк в настоящее время находился по его следу над Грампиансом. Погоня пролегла через перевал Драмустер, Баденох, Атол и Бредалбейн, оттуда на запад к верховью озера Лох-Эйв и обратно в Пертшир, а затем через горы в Глен-Раннох; и там, как и устроил Монк, Миддлтон попал прямо в пасть колонне Моргана и был наголову разбит. Он бежал в Кейтнесс, Морган гнался за ним по пятам, в то время как Монк рассеял немногочисленные

оставшиеся силы Гленкэрна по холмам и разрушил все высокогорные крепости вокруг озера Лох-Ломонд. К августу 1654 года работа была закончена, и Высокогорье, если когда-либо о нем можно было сказать, что оно было завоевано, было завоевано Джорджем Монком. Англичане, которые сейчас тысячами странствуют по этой суровой и очаровательной земле, должны помнить, что первыми в своем роде, кого там когда-либо видели, были красные мундиры монахов.[183]

Такой очень короткой была первая английская горная кампания, превосходно спланированная и превосходно выполненная. Трудности военных действий в такой дикой и гористой местности были необычайно велики и усугублялись постоянными дождями и бурями; тем не менее передвижения Монка были удивительно быстрыми. Однажды его колонна преодолела шестьдесят миль за двадцать четыре часа. Еще более примечательным является его признание того факта, что в такой кампании успех зависит главным образом от эффективности передовых отрядов и передовых постов. Он никогда не двигался без группы разведчиков спереди и по флангам; он взял за правило никогда не выступать в поход после полудня; а когда он останавливался, то сам размечал лагерь и расставлял каждый пикет и каждого часового. Он показал себя первым английским представителем принципа ведения дикой войны. Он вторгся в страну врага, захватив с собой припасы, и сел. Если на него нападали, он был готов занять сильную позицию; если нет, он делал правильный шаг, который предпринял, оставляя магазин на укрепленном посту позади себя и шел дальше, систематически опустошая страну и уничтожая недавно посеянный урожай. Враг был вынужден двигаться или умереть с голоду, и куда бы они ни пошли, он быстро следовал за ними. Если они поворачивались и вступали в бой, он не просил ничего лучшего, как возможности рассеять их одним ударом; если они уклонялись, он выдвигал другую колонну с другой базы, чтобы отрезать их, одновременно разрушая крепости, которые они покинули. Наконец, когда его работа была закончена, он спокойно устроился управлять страной в духе примирения. Он смог постепенно сократить свой военный истеблишмент и, правя одновременно мягко, твердо, бдительно и неослабно, показал себя не менее способным администратором, чем генералом. Шотландия знала много худших правителей и мало кого лучше, чем ее первый английский военный губернатор.

1655.

1657.

1654-1658.

В Ирландии после ухода Кромвеля наведение порядка в стране также осуществлялось несколькими летучими колоннами. Из их лидеров нужно назвать только двух наиболее успешных, а именно Роберта Венейблса и Джона Рейнольдса, родственника последнего Кромвелю по браку и бывшего капитана его конного полка. Айртон был назначен лордом-наместником после ухода Кромвеля, но после смерти в ноябре 1651 года его сменил другой солдат, Чарльз Флитвуд. Хотя Флитвуд был ценным человеком, когда им командовал сильный офицер, вскоре выяснилось, что он бесполезен, когда получил высший контроль, и вскоре его практически заменил Генри Кромвель, второй оставшийся в живых сын Протектора. Генри вступил в армию в шестнадцать лет, сражался со своим отцом в Ирландии и стал полковником в двадцать два года. Он был назначен лордом-наместником Ирландии в возрасте двадцати восьми лет. При его восшествии на престол в стране было достаточно спокойно в том, что

касалось открытого восстания; за тори безжалостно охотились от болота к болоту, а ирландских воинов вербовщики-офицеры тысячами отправляли в армии Испании и Франции. О том, какую доблестную службу они несли при Людовике Четырнадцатом, поскольку им не очень нравилась служба в Испании, с справедливой гордостью рассказывают ирландские писатели; и вскоре мы тоже столкнемся с некоторыми из их полков. Трудности Генри Кромвеля были связаны не с коренными ирландцами, а с его собственными офицерами, ветеранами Гражданской войны, которые одинаково ревниво относились к его назначению и непокорно относились к Протектору. Сразу же по прибытии Генри некоторые из этих недовольных провели собрание, на котором они поставили вопрос о том, соответствует ли нынешнее правительство Слову Божьему или нет, и ответили отрицательно. Сами члены Ирландского совета, старые оперативники, которым следовало бы знать лучше, были нелояльны ему, но, будучи старыми товарищами Оливера, нельзя было отмахиваться. Однако, несмотря на свой юный возраст, Генрих ясно дал им понять, что намерен стать хозяином, и с этими словами приступил к трудной, более того, невыполнимой задаче осуществления того, что известно как кромвелевское заселение Ирландии. Он проявил выдающиеся способности в чрезвычайно сложных обстоятельствах, исключительную твердость и дальновидность, а также терпимость по отношению к людям других вероисповеданий, даже католикам, что было столь же редкостью, сколь и политично. Военный губернатор Ирландии при Содружестве, несомненно, не был человеком, которого британская армия должна стыдиться.[\[184\]](#)

Наконец, мы переходим к Англии, где сам Оливер Кромвель возглавлял Временное правительство, которое он честно и неустанно стремился утвердить на постоянной основе. Он достаточно точно определил свое собственное положение: он был хорошим констеблем, призванным охранять мир в приходе. Но этот приход находился в ужасно беспокойном состоянии. Все, о чем мог мечтать самый дальновидный человек в деле ниспровержения старого порядка, было достигнуто, оно даже увенчалось казнью короля; и все же ожидаемое тысячелетие еще не наступило. Все фракции политического и религиозного инакомыслия, все описания мечтателей, фанатиков, шарлатанов и своекорыстных людей на данный момент были спаяны воедино под давлением борьбы против роялизма и господства инопланетных рас. Это давление ослабло, вся масса распалась на бессвязные атомы мятежа и недовольства, для которых роялизм, как единственный элемент, стремившийся к определенным и достижимым целям, образовал общий объединяющий пункт. Хорошие и доблестные солдаты, которые следовали за Кромвелем на многих поприщах — Харрисон, Оки, Овертон — изменили ему. Сексби, который принес весть о Престоне в Вестминстер, стал самым опасным из заговорщиков. В истории нет ничего более жалкого, чем дезертирство со стороны Кромвеля после установления Протектората. Тем не менее несчастье было неизбежно, ибо армия, которая вмешивается в политику, не может надеяться избежать политических болезней. Тем не менее, несмотря на все это, Кромвель в одном был непреклонен; он не допустил бы, чтобы за успешным восстанием последовал бунт в условиях анархии. Что бы ни случилось, он не потерпит недисциплинированности.

Однако сохранить мир в таком очаге заговоров было нелегко; и не пробыв и полутора лет протектором, Кромвель приблизил военное правительство к народу, разделив Англию сначала на десять, а затем на двенадцать военных округов, каждый из которых находился под командованием генерал-майора. Силы, имевшиеся в распоряжении этих офицеров для подавления беспорядков, варьировались в разных округах от ста до полутора тысяч человек и состояли почти исключительно из кавалерии. В целом это составляло около шести тысяч

человек, все набранные из ополчения, которые получали жалованье в размере восьмидесяти тысяч фунтов ежегодно. Следовательно, строго говоря, это были скорее силы конной полиции, чем регулярной кавалерии, и не может быть никаких сомнений в том, что для сохранения порядка такой орган полиции был абсолютно необходим. И все же вполне вероятно, что ни одна мера не вызывала такой ненависти в Армии, как эта. Магнаты графств, конечно, были в ярости от такой узурпации их власти, а беднейшие классы были возмущены вторжением солдата и чужака между ними и их старыми хозяевами. Немногим более чем через год генерал-майоры были упразднены, ко всеобщему облегчению и удовлетворению. Их краткое правление было забыто Армией, которая с трудом может поверить, что когда-то она полностью контролировала три королевства и управляла правительством в целом с замечательной эффективностью. Но генералы-майоры не были забыты страной. Память об их диктатуре глубоко запечатлелась в сердце нации, и даже сейчас, по прошествии двух с половиной столетий, месть нации солдату остается ненасытной.

ГЛАВА IV

Теперь пришло время перейти к иностранным войнам Протектората; ибо, хотя о них мало кто помнит, они положили начало долгой карьере армии по завоеванию тропиков и победам на Европейском континенте.

1654.

Нелегко объяснить мотивы, побудившие Кромвеля сделать Испанию своим врагом. За ним охотно ухаживали как французы, так и испанцы, и он мог выбирать себе в союзники любого, кого ему заблагорассудится. Вероятно, он все еще находился под влиянием старой религиозной ненависти времен Елизаветы и, как и она, стремился наполнить свою пустую казну добычей из Индии. Он не понимал, что религиозные войны в Европе практически закончились и что народы уже склоняются к своим старым дружеским отношениям и антагонизмам, существовавшим до Реформации. Как бы то ни было, он едва ли твердо держался в седле в качестве Защитника, когда начал вынашивать грандиозный план против испанских владений в Новом Свете. Его главными советниками были некий полковник Томас Модифорд с Барбадоса, у которого были свои причины желать снискать расположение Протектора, и Томас Гейдж, священник-ренегат, который долго жил на Антильских островах и на Испанском материке и написал книгу на эту тему. Наиболее подходящей базой для операций, очевидно, был Барбадос, который из-за своего положения с наветренной стороны от всего Карибского архипелага обладал стратегическим значением, которое он утратил только с появлением пароходов. Он был наготове в руках Кромвеля, будучи английским владением с 1628 года, и, если верить Модифорду, был готов оказать активную помощь в этом предприятии. Оставался открытым вопрос, должна ли экспедиция быть направлена против Острова или против Майна. Гейдж был за последнее и назвал Ориноко в качестве цели: Модифорд рекомендовал Кубу или Эспаньолу,^[185] и мнение Модифорда возобладало.

Постепенно дизайн созрел сам по себе и в настоящее время приобрел гигантские размеры. После того как была создана база на одном из испанских островов с подветренной стороны, предстояло всеобщее соперничество с испанцами за всю Южную Атлантику. Предполагалось задействовать два флота: один для поддержки операций армии на островах и совершения набегов на Мейн, другой для крейсерства у испанского побережья, чтобы помешать обоим флотилиям с запада и подкреплениям с востока. Наконец, не только Англии, но и Новой Англии предстояло сыграть свою роль в великой кампании. Снабжение было бы одной из главных трудностей, но его можно было бы доставлять из Английской Америки, и не только снабжение, но и поселенцев, которые, обученные самообороне в ходе войны с индейцами, должны были быть способны удерживать территорию, отвоеванную у Испании. Таким образом, англичане по обе стороны Атлантики должны были приблизиться к испанским владениям в Новом Свете и превратить Новую Испанию в Новую Британию. В дизайне не было недостатка в широте и смелости.

Всю вторую половину 1654 года на английских верфях с большой активностью шли таинственные приготовления, и Франция, Испания и Голландия боялись, как бы они не обернулись против них самих. Но существующая организация в Англии была не в состоянии справиться с этими усилиями. Снарядить два флота из сорока и из двадцати пяти кораблей для длительного и дальнего плавания было тяжелой задачей само по себе; но добавлять к этому перевозку шести тысяч человек через три тысячи миль океана для экспедиции в тропики означало чрезмерно истощать ресурсы военно-морского и военного ведомств. Бремя этой обязанности легло на Джона Десборо, генерал-майора и комиссара Адмиралтейства, который не был способен продумать детали такого предприятия и не был расположен доставлять себе много хлопот по этому поводу. Его трудности усугублялись негодяйством подрядчиков и составом экспедиционных сил. Совершив гигантскую ошибку, от которой до сих пор никто не отучился, Кромвель, вместо того чтобы послать полные полки под командованием их собственных офицеров, сформировал новые корпуса, частично из призывников, отобранных различными полковниками и, вероятно, состоящих из людей, от которых они больше всего хотели избавиться, а частично из рекрутов, набранных из самых беспокойных и никчемных представителей нации. Фактически он вернулся к старой системе, которой так часто недоставало во времена Елизаветы, Якова и Карла.

Распределение команд также было ошибочным. Военным главнокомандующим был Роберт Венейблс, который приобрел репутацию охотника за тори в Ирландии; адмиралом, присоединившимся к нему, был Уильям Пенн, которого несправедливо помнят скорее как отца не совсем достойного восхищения квакера, чем как одного из самых способных и храбрых морских офицеров своего времени. Но, как будто двух командиров было недостаточно, к ним присоединились три гражданских комиссара, некто Грегори Батлер, офицер, служивший во время Гражданской войны, Эдвард Уинслоу, гражданское лицо и чиновник, и губернатор Барбадоса Дэниел Сирл. Конечно, в присутствии гражданских комиссаров в штабе не было ничего нового, и инструкции генерала со времен Генриха Восьмого обычно обязывали его действовать только по совету своего Военного совета; но совершенно очевидно, что Уинслоу был нанят не только как комиссар, но и как шпион за своими коллегами или за кем-то из них, чья лояльность вызывала подозрения. Странно, что такой здравомыслящий человек, как Кромвель, допустил подобную ошибку. Монк был тем человеком, которого он хотел отправить, если бы мог избавить его от Шотландии; но, потерпев неудачу, Монк, Пенн и Венейблс оба были теми людьми, которые проявили способности на своей предыдущей службе.

С огромным трудом экспедиция вышла в море в конце декабря 1654 года, опоздав всего на два месяца. Тем не менее он отплыл без части своих припасов, которые Десборо добросовестно пообещал отправить за ним без промедления. Флот достиг Барбадоса после хорошего перехода 29 января 1655 года, и тут начались неприятности. Из-за слишком слепой веры в обещания Томаса Модифорда Протектор в значительной степени доверил Барбадосу вооружить свою армию и помочь ей в пути. Барбадос, начиная со своего губернатора, отказался пошевелить и пальцем. У него не было желания лишать себя оружия или людей, и, вместо того чтобы помогать англичанам, он чинил им всевозможные препятствия. Плантатор, на которого Венейблсу было велено в основном полагаться, оказался полностью под каблуком у своей жены. Она была против этой экспедиции, и уполномоченные, сочтя ее, как они сказали, очень сильной и молодой, отказались от всякой надежды на сотрудничество с этой стороны. Каждый день также приносил новые доказательства прогнившего состава сил в целом, в которых отсутствовали порядок, слаженность и дисциплина. К сожалению, Венейблс был не тем человеком, который мог исправить подобные недостатки. Он действительно проявил некоторую неистовую энергию, назвал барбадосских плантаторов ротой гусей, смастерил грубые пики из ветвей капустной пальмы, организовал полк негров и морскую бригаду и после нескольких недель пребывания там отплыл наконец на Сан-Доминго. По дороге он встретил полк колониальных добровольцев, собранный Грегори Батлером на Сент-Китсе, и 13 апреля экспедиция была в виду Сан-Доминго. 1655.

Морские офицеры были за то, чтобы немедленно ворваться в город и взять его внезапной атакой. Уинслоу, штатский, возразил: солдаты, по его словам, разграбят город, а он хочет, чтобы вся добыча поступила в английскую казну. Этот приказ против грабежа вызвал среди войск нечто вроде мятежа; но в конце концов был выбран новый план, который, вероятно, был основан на прецеденте Дрейка в 1586 году. Венейблс с тремя тысячами пятьюстами человек отплыл к месту высадки в тридцати милях к западу от города и там высадился, оставив еще полторы тысячи человек под командованием полковника Буллера высаживаться к востоку от него и наступать на него с той стороны. Буллер, однако, посчитав практически невозможным выполнить его инструкции, после двухдневной задержки также приземлился к западу от города, хотя и всего в десяти милях от него, в точке, называемой Дрейкс-лэндинг. Воодушевленный незначительным успехом против горстки испанцев, которые воспротивились его высадке, он отбросил всякую мысль о сотрудничестве с Венейблсом и поспешно двинулся в джунгли, чтобы самостоятельно захватить Сан-Доминго. Не успел он скрыться за каллом или вью, как к тому же месту, где приземлился Буллер, подошел Венейблс. В течение двух дней он совершал ужасный тридцатимильный переход по тропинкам джунглей, в душном воздухе тропического леса. Фляги с водой мужчины оставили в Англии, и они задохнулись от жажды; проходя мимо, они срывали фрукты с деревьев и десятками падали с дизентерией. Сотни людей выбыли из строя, больные и мертвые, и колонна была не только ослаблена, но и деморализована.

На следующий день Венейблс соединился с Буллером, и отряд, хотя и бессердечный и лишенный духа, переместился, чтобы подобраться к отдельно стоящему форту, прикрывавшему подходы к городу. По дороге он попал в засаду и, хотя отбил от врага, потерял в бою единственного проводника, который знал, где можно найти воду, и был вынужден отступить на десять миль к пристани Дрейка. Там он оставался неделю, питаясь плохой едой из запасов какого-то негодяя-подрядчика, пил воду, отравленную на медном руднике, и ночь за ночью промокал под проливными тропическими дождями. Дизентерия свирепствовала со страшной

силой, и сам Венейблс не избежал чумы. К сожалению, вместо того, чтобы разделить трудности со своими людьми в лагере, он поднялся на борт корабля, где за ним ухаживала миссис Венейблс, которая сопровождала его в путешествии. Так возник открытый ропот и скандальные слухи, которые стоили ему доверия армии.

Тем не менее после шести дней отдыха он снова двинулся тем же путем к форту, из которого был вынужден отступить. Чтобы предотвратить повторение неудач из-за засад, он отдал строгий приказ, чтобы авангард выставил фланговые отряды по обе стороны тропы в джунглях. Предписание не было выполнено. Передовой отряд попал прямо в засаду, два офицера упали замертво, третий, генерал-адъютант Джексон, который командовал, повернулся и побежал; передовой отряд сломя голову бросился обратно на поддержку; поддержка обрушилась обратно на основные силы, и там, плотно зажатые в узком проходе, англичане были скошены, как трава, пушками форта и пиками испанской кавалерии. Наконец старому полковнику удалось собрать несколько человек в тылу и, продвигаясь с ними через джунгли, напасть на фланг испанцев и отбросить их назад. Он заплатил за свою храбрость жизнью, но обеспечил отступление остальной части отряда, которая, разбитая и поверженная, отступила к кораблям, оставив после себя несколько знамен и триста убитых.

Венейблс и его люди теперь были совершенно напуганы неудачей и болезнями. Пенн тщетно предлагал взять город со своими матросами, но Венейблс и Уинслоу и слышать об этом не хотели. Все чины флота теперь ругали армию за негодеев, и между двумя службами возникли наихудшие чувства. Наконец, 7 мая экспедиция с позором отплыла на Ямайку. Прибыв туда, Пенн, открыто заявив, что он не доверяет армии, сам двинулся вперед во главе лодок флота; и после незначительного сопротивления остров был сдан капитуляцией. Затем флот и армия начали сражаться всерьез, как офицеры, так и рядовые; и, наконец, после того, как командующие комиссары провели шесть недель в непрерывных ссорах, Венейблс и Пенн отплыли домой, оставив войска и часть эскадры позади себя.

1656.

Разочарование и огорчение Кромвеля по поводу провала его великого предприятия были крайними. Оба вернувшихся командира были немедленно отправлены в Тауэр и, хотя вскоре были освобождены, оставались в опале на всей территории Протектората. Тем не менее Ямайка была завоевана и должна быть удержана. Командование после ухода Венейблса перешло к Ричарду Фортескью, полковнику Нового образца, который, не скрывая своего бесконечного презрения к тем, кто ушел домой, с радостью взялся за то, чтобы призвать к ответу новое владение. Кромвель написал ему письма с ободрением и благодарностью, с обещанием скорейшего подкрепления. Но теперь на Ямайке появился новый враг, уничтоживший многие десятки тысяч краснорубашечников, - желтая лихорадка. В октябре 1655 года прибыло первое подкрепление под командованием майора Седжвика. Едва его нога ступила на остров, как Фортескью пал жертвой, и он мог только сообщить, что армия сильно поредела и что вряд ли кто-то из выживших годен к службе. Затем число новобранцев начало быстро падать, и через несколько дней мужчины умирали по двадцать человек в день. Седжвик был совершенно выбит из колеи; он считал себя погибшим и через девять месяцев последовал за Фортескью в могилу. Свежие подкрепления, включая всех бродяг Шотландии, были поспешно переброшены через Атлантику, чтобы встретить ту же участь. Полковник Брейн, служивший вместе с Монком в

Шотландии, прибыл на смену Седжвику в декабре 1656 года. Он продержался десять месяцев, пережив даже при этом две трети людей, которых привел с собой, а затем пошел по пути Седжвика и Фортескью. Наконец, командование принял полковник Д'Ойли, который плывал с первоначальной экспедицией, и, будучи здоровым, энергичным человеком, вскоре навел такой порядок, что, когда в мае 1658 года испанцы попытались отбить остров, он встретил их и отразил с блестящим успехом. Таким образом, в конце концов было прочно установлено английское владение Ямайкой.

Так закончилась первая крупная военная экспедиция англичан в тропики, первая из многих попыток, почти все они были катастрофическими, отнять у Испании ее Империю на Западе. Я довольно подробно остановился на этом, поскольку это начальная глава длинной и печальной истории, одного пересказа которой хватит почти на всю. Нам еще предстоит отправиться с Вентвортом в Картагену и с Альбемарлем в Гаванну; мы будем сопровождать Аберкромби и Мура на Сент-Винсент и Сент-Люсию, а других менее известных офицеров - в Демарару и Суринам; мы даже увидим, как сам Веллингтон составляет план операций на Ориноко: но, несмотря на сотни опытов и тысячи предупреждений, мы обнаружим, что ошибки Оливера Кромвеля вечно повторяются, и хотя нам, возможно, никогда больше не придется рассказывать столь позорную историю, как история отпора у Сан-Доминго, все же мы редко ошибаемся. выслушивать такие скорбные жалобы, как от Фортескью, Седжвика и Брейна, о полках, поредевших сразу после высадки и уничтоженных до единого выстрела. Теперь мы почти научились руководить тропической экспедицией, и жизнь в тропиках знакома десяткам тысяч англичан; но стоит подумать об этих бедных солдатах Содружества. Они были первыми англичанами, отправившимися в тропики не как экипажи Дрейка в качестве товарищей по приключениям, а просто как наемные бойцы. Тем не менее, традиции золотых путешествий Дрейка были сильны в них, и они приземлились, полные надежд на бесконечное количество золота, уложенного в мешки.^[186] Мы можем представить себе их радость при выходе на берег, загорелых здоровых англичан, и их изумление с открытыми ртами при виде всего, что они увидели; а затем, через несколько часов, первые случаи заболевания, озадаченных хирургов с ланцетами в руках, первую смерть и первую могилу; мгновенное распространение лихорадки на вспаханной целине, а затем отвратительное повторение ужасных симптомов, и, закат за закатом, ряд безмолвных фигур и закутанных лиц. Англичане сталкивались с подобными ужасами в затопленной лиге Фландрии, но трудно было найти их в плодородной и приятной стране, где солнце светило ярче, а леса росли зеленее, чем в Англии, любимой Англии, которая лежала так далеко за великолепной насмешливой синевой тропического моря.^[187]

1655,
9 сентября.
1657,
март.

Агрессивное нападение на Сан-Доминго сразу же определило враждебность Испании по отношению к Содружеству и побудило ее принять близко к сердцу самого грозного врага Кромвеля, Карла Стюарта. Протектор, со своей стороны, поспешил заключить договор о мире и дружбе с Францией, который он вскоре расширил до наступательного и оборонительного союза. Мазарини, которому пришлось столкнуться не только с Испанией, но и с Конде, был только рад принять англичан на свою сторону. По условиям договора было решено, что французы должны предоставить двадцать тысяч человек, а англичане - шесть тысяч человек, а

также флот для предстоящей кампании против испанцев во Фландрии. Из шести тысяч англичан половина должна была быть оплачена Францией, но всеми остальными должны были командовать английские офицеры, и они считались войсками лорда-протектора. Планом кампании было взятие трех прибрежных городов Мардик, Дюнкерк и Гравелин, из которых первые два должны были перейти к Англии, а третий остаться за Францией. Главной целью Кромвеля было обеспечить военно-морскую базу, с которой он мог бы отразить любую попытку вторжения Карла Стюарта в Англию из Испанской Фландрии, и поэтому он настаивал на том, чтобы Дюнкерк был атакован первым. Тюренну этот план не понравился, и он даже пригрозил сложить с себя командование, если на нем будут настаивать. По его словам, осаждать Дюнкерк, не захватив предварительно Ньюпор, Фурнес и Берг, означало бы быть осажденным во время ведения осады. Но Кромвель решил, что это должно быть сделано, и, как мы вскоре увидим, это было сделано.

1657.

Таким образом, всю весну 1657 года подготовка к экспедиции была занята как военным, так и военно-морским ведомствами, поскольку флот должен был не только снабжать армию, но и поддерживать ее операции. Шесть тысяч человек, хотя по большей части это были старые солдаты, состояли из призывников и новобранцев и были распределены по шести полкам. Тюренн с радостью предпочел бы полный корпус постоянной армии, но при существующей угрозе вторжения Кромвель был не в состоянии щадить их. Тем не менее новые полки находились в идеальном порядке и дисциплине, когда 1 мая отправились из Дувра в Булонь. Командующим был сэр Джон Рейнольдс, которого мы недавно видели в Ирландии; генерал-майором был Томас Морган, правая рука Монка во время войны в Шотландии, порывистый маленький драгун, известный под именем "маленький полковник",^[188] и справедливо считавшийся одним из лучших офицеров на Британских островах.

Прибытие шести тысяч английских пехотинцев, одетых в новые красные мундиры, произвело большую сенсацию во Франции. Их звали лучшими людьми, которых когда-либо видели на французской службе; они превосходили всю французскую армию, даже знаменитую пикардию, за исключением швейцарских и шотландских телохранителей; их приветствовали посланцы короля и Мазарини и осматривала королевская семья. Существенной разницей между французами и англичанами даже во время их гражданских войн является то, что шесть тысяч человек были поражены, увидев, как все жители деревни выбегают из своих домов при их приближении. Им сказали, что французских солдат их соотечественники боялись не меньше, чем их враги; и все же Рейнольдс признал, что дисциплина французских войск была хорошей для Франции. "Но мы, - гордо добавил он, - можем пролежать в городе четыре дня без единой жалобы". Только одно не устраивало англичан: они ссорились с французскими боеприпасами-хлебом и громко требовали говядины и пива.

Из-за недобросовестности Мазарини войска Рейнольдса вместо того, чтобы двинуться на Дюнкерк, были переброшены вглубь страны и оказались вовлеченными в осаду Сен-Венана. Здесь он дал испанцам почувствовать его качество. Похоже, что англичане, которым никогда не нравилось обращаться с лопатой, в некотором замешательстве работали в передовых траншеях, когда граф Шомберг, человек, которого читателям следует иметь в виду, и еще несколько иностранных офицеров подошли и начали высказывать критические замечания. Морган, поморщившись от их замечаний, нетерпеливо позвал к себе отряд из пятидесяти

человек; после чего каждый английский солдат, находившийся в окопах, немедленно вскочил и без дальнейших церемоний атаковал город, захватил три редута и вынудил испанцев капитулировать. Подобная неуклюжая отвага отличала нацию со времен Кошереля, и ее предстояло повторить в более грандиозном масштабе в Миндене. Но Кромвель был не из тех людей, которые позволили бы растрачивать свои полки впустую в подобных операциях. Отвергая все оправдания Мазарини как "детские словечки", он настаивал на том, что за истинную цель кампании следует взяться немедленно. Поэтому в сентябре Тюренн медленно продвигался к побережью, и Кромвель, чтобы подбодрить его, послал ему подкрепление в две тысячи человек. 29 сентября Мардик был легко взят, но там Тюренн остановился. Локхарт, английский посол, напрасно предлагал ему пять старых полков постоянной армии, если он немедленно приступит к осаде Дюнкерка; [189] великий полководец не двинулся с места; и со взятием Мардика кампания 1657 года подошла к концу.

1657-1658.

Англичане обязались разместить гарнизон в Мардике и близлежащем к нему городе Бурбур, и, выполняя эту обязанность, навлекли на себя сильное порицание Тюренна. Он жаловался, что у них была очень плохая охрана, и, казалось, они не могли выносить работу по наблюдению; и этот недостаток, похоже, был не новым, поскольку Монк не выразил удивления, услышав об этом. Тем не менее, когда однажды октябрьской ночью испанцы попытались напасть на Мардик с пятью тысячами человек, они сочли этот невнимательный гарнизон достаточно грозным и были отброшены с большими потерями. Правда заключалась в том, что состояние дел в городе было таким, какое сейчас сочли бы ужасающим. Зима была необычайно суровой, и войска были очень плохо защищены от нее. Среди них разразилась эпидемия, и люди умирали по десять-двенадцать человек в день: однажды действительно, число погибших за двадцать четыре часа достигло пятидесяти. Рейнольдс тщетно протестовал, и, наконец, в декабре он отплыл в Англию, чтобы лично представить дело Протектору. Его выбросило на Гудвинские пески, и больше его никогда не видели. К тому времени, когда открылся сезон активных действий, англичане потеряли с момента высадки своего генерала и не более пяти тысяч человек.

1658.

Локхарт, принявший командование после смерти Рейнольдса, обнаружил остатки армии в очень плохом состоянии. Дисциплина была явно слабой, и французы горько жаловались на наглость своих союзников. В этом, конечно, не было ничего нового. Еще в 1603 году, во время войн за независимость Нидерландов, из-за спора о дровах подрались английский и французский полки; и ссора закончилась бегством французов на свои корабли, оставив своего полковника и шестнадцать их товарищей мертвыми. [190] Теперь англичане, вероятно, по какому-то столь же незначительному поводу, поссорились с французскими гвардейцами и убили нескольких из них; и все неистовство французов не могло помочь добиться хоть малейшего возмещения ущерба. Локхарт приписывал это неповиновение духу нехватки капелланов; но истинное объяснение заключалось в том, что более восьмидесяти офицеров, которым не нравилась скука зимних квартир, отлучились, как это было принято, из своих полков. Когда они вернулись и с ними четыре тысячи свежих солдат, у Моргана, похоже, не возникло особых трудностей с восстановлением дисциплины.

Март.

16-27 мая .

23 мая
2 июня.

Морган начал кампанию до прибытия Локхарта захватом двух небольших редутов, которые лежали на дороге к Дюнкерку; но только 4 мая Тюрэнн свернул свои позиции в Амьене и после очень трудного марша к Дюнкерку 27-го осадил город. Блестящее отражение англичанами вылазки испанцев привело его в хорошее расположение духа по отношению к своим союзникам, и он был рад признать, что они отлично поработали.^[191] Он должен был оценить их еще выше в течение недели; ибо 2 июня пятнадцатитысячная испанская армия под командованием дона Джона Австрийского, Конде, маркиза Карасены и Джеймса, герцога Йоркского, подошла на расстояние мили от его штаба с очевидным намерением прорвать линии осаждающих.

Мы должны на мгновение остановиться на составе пестрого испанского воинства, поскольку есть часть его при Джеймсе, герцоге Йоркском, с которой мы почти соприкасаемся. Всего под командование герцога было передано пять полков численностью около двух тысяч человек. Трое из них - сам Джеймс, лорд Ормонд и лорд Бристоль - были ирландцами, остатками лояльной партии, рассеянной Кромвелем; один, Миддлтон, был шотландцем и представлял собой осколки сил, разбитых Монком; и один, который читатели не должны упускать из виду, был англичанином, состоявшим в основном из беженцев благородного происхождения. Он вобрал в себя последние остатки старого английского роялизма и назывался Королевским гвардейским полком.

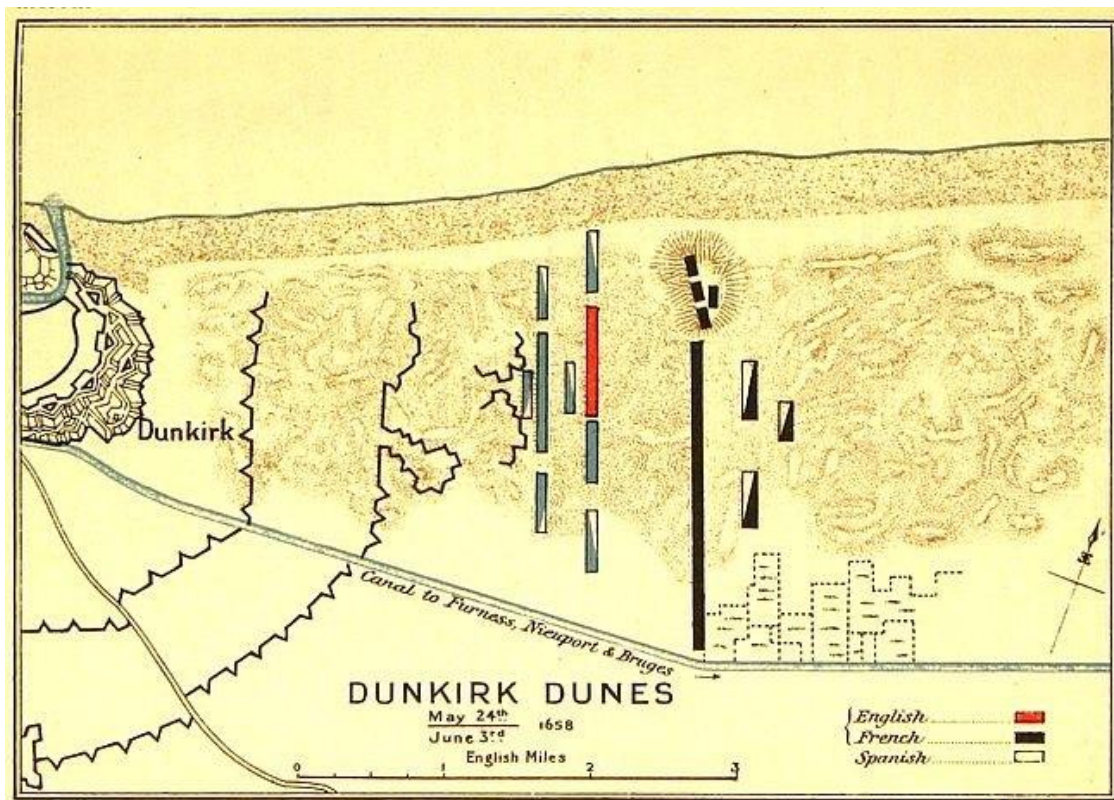
Нельзя также не бросить мимолетный взгляд на армию Тюрэнна. В первую очередь это были шесть полков, посланных Кромвелем. Затем был полк, с которым мы расстались в последний раз после битвы при Вернейе, шотландская личная гвардия королей Франции. Следующим был полк, который, как мы видели, перешел со шведской службы на французскую в 1635 году, полк Дуглас, некоторое время служивший шотландской бригадой короля Густава Адольфа. За последние двадцать лет она прошла через множество кампаний и поглотила другие британские корпуса, и теперь могла добавить имена Рокруа, Ленса и Фрибурга в свои послужные списки; но вот она была, недавно набранная из Шотландии с разрешения Протектора, марширующая бок о бок с краснундирниками, хотя совершенно не осознавала, как скоро ей суждено занять свое место среди них, чтобы сражаться в битве при Дюнкерк-Дюнах. Наконец, ирландский полк, известный под именем Диллон и состоящий из людей, бежавших от гнева Кромвеля, завершал странное представление объединенного Содружества.^[192]

Только вечером 2 июня Тюрэнн убедился, что вся испанская армия находится перед ним, но как только он убедился в этом, он решил вступить в бой завтра. Англичане все еще находились в Мардики, и приказы дошли до Локхарта так поздно и стали такой неожиданностью, что маршал вежливо намекнул на свое желание изложить причины своего решения. "Я принимаю эти доводы как должное, - ответил Локхарт. - Придет время выслушать их, когда битва закончится". В десять часов англичане выступили маршем, Локхарт, страдавший от стоуна, ехал в своей карете во главе их и на рассвете добрался до штаба Тюрэнна. Следующие три часа были потрачены на составление боевого порядка, который носил математически точный характер, преобладавший в те дни. В первой линии было тринадцать отрядов кавалерии на правом крыле, столько же на левом и одиннадцать батальонов пехоты в центре; во второй линии было десять

отрядов справа, девять слева и семь батальонов в центре. Пять конных отрядов были размещены посередине между двумя линиями пехоты, и еще четыре находились в резерве. Все силы насчитывались в шесть тысяч всадников и девять тысяч пехотинцев, из которых английский контингент составлял более половины. Красномундирникам было отведено место в левом центре, которое если и не было почетным, то, несомненно, представляло опасность.

24 Мая
3 июня.

Линия боя дона Джона была совершенно иной. Он занял сильную позицию среди песчаных холмов, лицом на запад, упершись правой рукой в берег, левой - в канал Брюгге; и вся его пехота была выстроена в первую линию. Песчаный холм, более высокий, чем остальные, справа от него, считался ключом к позиции, и четыре испанских полка прочно удерживали его в качестве почетного места. Рядом с ними, слева от них, стояли пять полков герцога Йоркского с одним батальоном в резерве, а линию фронта продолжали батальоны немцев и валлонов. Испанская кавалерия была выстроена позади пехоты в колонны, насколько позволяли песчаные холмы; и все войско насчитывало от четырнадцати до пятнадцати тысяч человек.

Лицом к лицу со страницей 272

ДЮНЫ ДЮНКЕРКА
24 мая 3 июня 1658 года

Несмотря на то, что они маршировали всю ночь, и несмотря на приказ Тюренна о том, что шеренга должна была перестроиться справа, англичане обогнали французов в наступлении и

начали бой в одиночку. Позиция, занятая испанцами на своем фронте, была настолько сильной, что Локхарт, по его собственному признанию, отчаялся удержать ее. Однако подполковник Фенвик, командовавший полком Локхарта, взялся за выполнение задания без указаний генерала. Прикрываемый тучей стрелков, он неуклонно продвигался со своими пиками к подножию песчаного холма, и пока мушкетеры, кружившие направо и налево, вели непрерывный огонь, он спокойно остановил пики, чтобы дать людям перевести дух. Затем с радостным криком они вскарабкались по предательскому песку и направились прямо на испанцев. Фенвик сразу же пал, смертельно раненный мушкетным выстрелом; его майор Хинтон занял его место и тоже был застрелен. Офицер за офицером падали, но людей было не остановить, и хотя испанцы, поддерживаемые ротой английских гвардейцев, сражались упорно и хорошо, они были буквально сметены с песчаного холма и в замешательстве отступили, оставив девять из тринадцати капитанов мертвыми на земле. Джеймс, герцог Йоркский, попытался спасти разгром, атаковав победоносный полк Локхарта своим единственным кавалерийским отрядом, но был отброшен, и хотя со второй попытки ему удалось прорваться во фланг, он встретил такое упорное сопротивление со стороны каждого отдельного человека, что убедил его в безнадежности его усилий. Тем временем остальные английские полки быстро выдвинулись на подмогу; французская кавалерия на левом фланге подошла таким же образом, и разгром испанского правого фланга был завершен.

С обнажением правого фланга вся линия дона Джона дрогнула, и лишь немногие полки, за исключением тех, что находились под непосредственным командованием Конде, далеко слева, оказали более чем слабое сопротивление наступающим французам. Очень скоро все войска — испанцы, валлоны и немцы, шотландцы и ирландцы — были в полном отступлении, и единственный небольшой корпус численностью около трехсот человек стоял изолированно и одиноко на позиции среди песчаных холмов. Французский офицер выехал вперед и призвал маленький отряд сдаваться. "Нас разместил здесь герцог Йоркский, - был ответ, - и мы намерены удерживать свои позиции так долго, как сможем". Француз объяснил, что сопротивление безнадежно. "Мы не привыкли верить нашим врагам", - последовал ответ. "Тогда посмотрите сами", - ответил француз и, приведя командира на вершину песчаного холма, показал ему отступающую испанскую армию. После этого единственный полк сложил оружие: это был Королевский гвардейский полк английского короля.[193]

Потери победоносных англичан были очень тяжелыми. В полку Локхарта только шестеро из всего числа офицеров и сержантов остались невредимыми; и все признавали, что почести того дня достались красным мундирам. Эти действия привели к быстрому падению Дюнкерка; и Локхарт, получив подкрепление двумя полками из Англии, смог выделить четыре для продолжения кампании под командованием Моргана. Берг, Диксмюйд и Ауденарде пали в быстрой последовательности, и почти не встречалось сопротивления вплоть до осады Ипра, где англичане предприняли столь смелую и блестящую атаку, что Тюренн, охваченный восхищением, обнял их лидера Моргана и назвал его одним из храбрейших военачальников того времени. Взятие Ипра было последним подвигом шести тысяч — бессмертных шести тысяч, как их называли в восхищенных памфлетах того времени. После продвижения почти к стенам Брюсселя кампания подошла к концу; Морган вернулся в Англию, чтобы получить рыцарское звание, а англичане удалились в Дюнкерк, чтобы провести еще одну зиму в холоде, нищете и нужде, и, что хуже всего, в глубокой неуверенности в будущем.[194]

1659 год,
21 апреля.

Ибо даже в то время, когда Морган наблюдал, как испанский гарнизон выходит из Ипра, солдат, составивший английскую армию, лежал безмолвный и без сознания в Сент-Джеймсе, измотанный многочисленными кампаниями и работой по поддержанию мира в Англии. До того, как 3 сентября 1658 года прозвучала "Татуировка", Оливер Кромвель был мертв, и ни один человек не мог сказать, кто придет после него. Ричард Кромвель, его сын, держал в руках две козырные карты — Генри Кромвеля и армию в Ирландии, Джорджа Монка и его армию в Шотландии. Он тоже боялся играть и передал свою власть клике старых офицеров своего отца — Флитвуду, Десборо и другим, — которые вернули Огрызок Долгого парламента, чтобы править вместо него. Генри Кромвель сложил с себя командование, и могущество Кромвеллов пошло на убыль. Крестец теперь взял на себя охрану Кромвеля для своей собственной защиты и, чтобы полностью подчинить Армию, решил, что все офицеры должны утверждаться им самим, а все поручения подписываться Спикером. Военный истеблишмент был настолько многочисленным, что работа по пересмотру списка офицеров так и не была завершена. Джордж Монк, однако, принял поручение спикера без единого слова.

17 октября.

Не в природе вещей было, чтобы английские генералы долго подчинялись хунте политиков, которую она установила над Англией. За очень короткое время командиры армии во второй раз расчистили Зад и взяли верховную власть в свои собственные руки; но при этом они упустили из виду существование самого способного солдата, оставшегося в Великобритании. Монк был достаточно готов подчиняться приказам Оливера Кромвеля, но не таких ничтожеств, как Ламберт и Десборо. Как только известие о новом отступлении достигло его в Далкейте, он с поразительной быстротой обезопасил каждый гарнизон в Шотландии, захватил мост через Твид в Бервике, очистил свои войска от всех офицеров, нелояльных парламенту, и отдал приказ всем своим силам сосредоточиться в Эдинбурге. Морган, еще свежо помнящий славу Фландрии, вскоре пришел ему на помощь в реорганизации его армии, и к середине ноября он начал медленно продвигаться на юг. Переговоры с английским руководством велись с тех пор, как Монк впервые предпринял решительные действия, и, хотя он полностью осознавал, что они ни к чему не приведут, он не жалел выиграть немного времени, чтобы основательно навести дисциплину в войсках, находящихся под его командованием. К концу ноября он разместил свою штаб-квартиру в Бервике.

Там, в час ночи 7 декабря, он был удивлен известием о том, что, несмотря на многие мирные заявления, английский генерал Ламберт осадил замок Чиллингем и прошел маршем в двадцати милях от границы. Монку хватило одного часа, чтобы написать необходимые приказы о передвижении войск, и в два часа он был в седле и отправился осматривать броды Твида. Ночь была ненастной и непроглядно темной, а дороги покрылись льдом, но он продолжал скакать галопом, несмотря на мольбы своего штаба, сквозь ветер и мокрый снег, вверх по склону и вниз, на опасной скорости. "Это была бесконечная милость Божья, что мы не сломали себе шеи", - написал один из невольных участников той поездки.^[195] К одиннадцати часам инспекция закончилась, и штаб-квартира разместилась в Колдстриме. Пехотный полк уже прибыл туда, чтобы охранять брод до прихода генерала, и убрал все запасы провизии. Офицеры его штаба разошлись искать еду, где могли, но Джордж Монк положил за щеку щепотку табаку и сел,

довольный хорошо проделанной утренней работой. Он занял каждый перевал от Бервика до Келсо и настолько продумал каждую деталь, что мог сосредоточить все свои силы в любой заданной точке за четыре часа. Основная часть его войск под командованием Моргана была размещена на открытом фланге у Келсо; сам он находился в центре у Колдстрима. Ламберт мог бы атаковать его спереди или обойти с фланга, если бы осмелился.

1660.

В течение трех недель армия Монка оставалась на этой позиции, четыре полка конницы и шесть пеших,^[196] ожидая момента для наступления. Стоял сильный холод, и жилища в маленькой деревушке Колдстрим были очень тесными. Генерал занимал лачугу, в которой ему едва хватало места, чтобы повернуться, и люди сильно страдали от лишений и суровой погоды, но дух Монка поддерживал в них бодрость духа, и те, кто разделял его невзгоды, никогда не переставали хвастаться, что они колдстримеры. Наконец, 31 декабря пришло известие, что армия, свергнувшая Крупа, подняла мятеж; и на рассвете 1 января 1660 года армия Монка двумя бригадами пересекла Твид и начала свой памятный марш на юг. Весь день они топали по колено в снегу целых пятнадцать миль до Вулера, в то время как конный авангард чудесным маршем преодолел пятьдесят миль до Морпета. В Йорке их встретил Фэрфакс, который в такой критический момент встрепнулся, чтобы в последний раз выполнить воинский долг, и, собирая со всех сторон дезертиров из полков Ламберта, они увеличивали свои силы на каждом марше. 31 января монах был принят в церкви Св. Олбанс добился от парламента подтверждения своего назначения генералом, и три дня спустя он занял Лондон. Его собственный пехотный полк впервые был расквартирован в Сент-Джеймсе и его окрестностях.

Нет необходимости подробно останавливаться на запутанных движениях в политическом мире в течение трех последующих месяцев; достаточно сказать, что Монк в конце концов был вынужден применить силу, как это делали все остальные солдаты. Несмотря на все обещания распастся без промедления, это претенциозное маленькое собрание все еще цеплялось, несмотря на свою непопулярность, за власть; но письма генерала было достаточно, чтобы образумить его без участия шеренги мушкетеров. Такое письмо прибыло 6 апреля; и хотя Палата представителей решила не читать его до тех пор, пока не удовлетворит свое тщеславие дальнейшими дебатами, все же, вскрыв его, она решила сделать вопрос о роспуске своим следующим делом. Еще до наступления вечера он перестал существовать. Последняя отчаянная попытка Десборо и Ламберта разделить армию была пресечена с обычной для Монка быстротой, и 1 мая генерал, заседавший от своего родного графства в новой Палате общин, внес предложение пригласить короля в Англию. Три недели спустя лейб-гвардия Монка и пять кавалерийских полков сопровождали восстановленного монарха в Лондон; и работа Новой Образцовой армии была завершена.

ГЛАВА V

Странно, что наши историки по большей части распрощались с Новой Моделью без тени сожаления, без оценки ее достоинств и перечисления ее заслуг. В адрес Долгого парламента

были нагромождены горы хвалебных речей, но мало что было уделено этой знаменитой Армии; более того, даже военные историки по странной извращенности начинают историю Армии не с ее основания, а с ее роспуска. Несомненно, многое, кроме создания постоянной армии, восходит к великому восстанию, хотя мало что более важное в нашей истории, если только это не косность, отрицающая его важность. Предполагается, что сама мысль о милитаризме или воинском духе невыносима для англичан. Как будто когда-либо существовала нация, превратившаяся в великую империю, которая не обладала военным духом, и как будто сама Англия не завоевала свои обширные владения мечом. Мы привыкли говорить о нашем правлении как о залоге вечного развития цивилизации; но мы пытаемся скрыть тот факт, что первым шагом к империи является завоевание. Именно потому, что мы - сражающийся народ, мы достигли величия, и именно как сражающийся народ мы выстоим или падем. Миром правит оружие; и война, высшее испытание морального и физического величия, навечно остается пробным камнем наций.

Поэтому, несомненно, возрождение воинского духа и в целом самое грандиозное его проявление в английской истории не являются вещами, которые следует легкомысленно упускать из виду. Кампании Плантагенетов показали, насколько глубок инстинкт драчливости, лежащий в основе невозмутимого спокойствия англичан, но со времени восшествия на престол Тюдоров ни один монарх не давал ему выхода ни в одном крупном национальном предприятии. Елизавета никогда по-настоящему не связывала свою судьбу с восставшими Нидерландами; Яков ненавидел солдат и в ужасе отшатывался от мысли бросить английский меч на чашу весов Тридцатилетней войны; жалкое пренебрежение Карла к войне немало способствовало непопулярности, ставшей причиной его падения. Англичане были вынуждены удовлетворять свой военный аппетит на службе у иностранных государств и в составе частей иностранных армий.

Затем, наконец, дверь восстания была открыта, и народ столпился внутри. Вряд ли будет преувеличением сказать, что, по крайней мере, в течение четырех лет, с 1642 по 1646 год, англичане сходили с ума по военным вопросам. Военные фигуры и метафоры изобиловали в языке и литературе того времени, и никто не использовал их так эффективно, как Джон Мильтон.^[197] Богословы использовали слова повеления и фразы плаца в качестве заголовков для своих бесед и не стыдились публиковать проповеди под таким заголовком, как "Какими вы были". Если происходило что-то вроде смотра или фиктивной драки, люди собирались толпами, чтобы стать свидетелями этого; и один проницательный полковник воспользовался этим чувством, чтобы примирить людей с запретом первомайских спортивных состязаний. Он вывел два полка на Блэкхит и устроил притворную битву Кавалеров и Круглоголовых, в которой обе стороны с большим воодушевлением сыграли свою роль, и Кавалеры были должным образом разбиты; и зрелище, мы уверены, удовлетворило людей так же, как если бы они пошли другим путем. Верно, что это чувство не устояло, что хвалебная речь генералу и его храбрым солдатам была вовремя обращена к оскорблениям тирана и его красных мундиров; но когда нация, обезглавившая короля, упразднившая Палату лордов и приветствовавшая восстановление свободы по благословию Божьему, все еще обнаруживает, что золотой век еще не вернулся, она должна выместить свое разочарование на ком-нибудь. Последующая непопулярность сильной военной руки не влияет на несомненный факт большой предварительной вспышки военного энтузиазма. И действительно, даже в конце не было никакого чувства, кроме гордости за доблесть полков Моргана во Фландрии.

Быстрое продвижение военной реформы по своему глубочайшему значению не менее примечательно. Можно сказать, что в течение двух лет противоборствующие группировки Гражданской войны сражались бессистемно, по устаревшей моде времен Тюдоров. Самым блестящим солдатом с обеих сторон был военный авантюрист того типа, который изобразил Шекспир, человек, который

мечтает перерезать испанцам глотки,

О траншеях, засадах, испанских клинках

И залегает на глубину пяти сажений.

Против дикого, порывистого Руперта примитивные армии парламента были бессильны. С первого сражения Кромвель понял, что таких отважных смельчаков могут победить только люди, которые серьезно относятся к своей профессии, которые осознают то, что они делают, которые не делают различия между моральными и военными добродетелями, которые верят, что плохой человек не может быть хорошим солдатом, а плохой солдат - хорошим человеком, которые видят в трусости моральный упадок, а в пороке - военное преступление. Систему Кромвеля обычно обозначают словом "фанатизм", но это меньше половины правды. Использование выражения "моральная сила" по отношению к военным операциям достаточно знакомо в нашем языке; но французский термин "*моральный дух*" теперь введен в обиход для обозначения того неопределимого сознания превосходства, которое является главным элементом силы в армии. Такое сужение старых общих терминов в значительной степени вводит в заблуждение. Никогда не следует забывать, что военная дисциплина в основе своей покоится на самых широких и глубоких моральных основах; ее идеалом является организованное самоотречение. Простой фанатизм по своей природе недисциплинирован; он силен, потому что предполагает свое превосходство, он слаб, потому что довольствуется этим предположением; только находясь под таким ярмом, как у Жижки или Кромвеля, он непреодолим. Великая работа Кромвеля заключалась в том же, что и у Жижки, - подчинить дисциплине фанатизм, который он видел вокруг себя. Он не старался изо всех сил находить фанатиков. "Сэр, - однажды написал он, - государство, выбирая людей для своей службы, не обращает внимания на их мнения; если они готовы преданно служить ему, это удовлетворяет". При формировании своего первоначального кавалерийского полка он, несомненно, отобрал людей с хорошим характером, как и любой полковник постарался бы сделать сегодня. Но армия Фэрфакса ни в коем случае не была армией святых. Один полк Нового образца взбунтовался, когда его полковник начал свое командование проповедью, и парламент с большим здравым смыслом запретил Постановлением проповедовать мирянам в армии. Пришло время покончить со всеми неправильными представлениями о работе, которую Кромвель проделал для военной службы Англии, ибо она выражается одним словом "дисциплина". Это была работа не проповедника, а солдата.

Что дисциплина была чрезвычайно строгой и наказания, соответственно, суровые, неизбежно вытекали из природы его системы. Военный кодекс учитывал не только чисто военные правонарушения, но и многие моральные проступки, даже в мирное время, которые, если бы к ним относились сейчас с такой же строгостью, составили бы список неплательщиков такой же длинный, как список призывников. Ругань пресекалась главным образом штрафом, пьянство - деревянным конем. Этот варварский механизм, привезенный из-за границы, состоял просто из треугольного куска дерева, похожего на подставку для седла, поднятого на четырех ножках и

завершенного грубым изображением лошадиной головы. По этому обвинению виновного сажали верхом на один час в день в течение стольких-то дней, привязав к его пяткам от одного до шести мушкетов; и чтобы к наказанию можно было добавить унижение, пьяницы разъезжали верхом в каком-нибудь общественном месте, таком как Чаринг-Кросс, с консервными банками на шее. Солдат, который опорочил свою форму публичным проступком, поплатился общественным позором. Блуд обычно наказывался плетью, причем виновного столько раз пороли вверх и вниз по рядам его роты или полка, в зависимости от тяжести проступка. Неудивительно, что люди, вынужденные такой дисциплиной к постоянному самоконтролю, презирали гражданских лиц, которые позволяли себе большую свободу действий, и презирали парламент, который, несмотря на многочисленные чистки, так и не был полностью очищен от распущенных людей.

После 1645 года парламентская армия относилась к несчастным роялистам с невыразимым презрением. Дело было не только в том, что он чувствовал свое моральное превосходство над несчастными кавалерами; к этому примешивалась острейшая профессиональная гордость. Ни один сержант-майор самого умного кавалерийского полка современности не мог бы с большим презрением отзываться о самом грубом отряде деревенских йоменов, чем парламентские газеты о пленниках, захваченных в Бристоле.^[198] Поучительно также отметить покровительственный тон, принятый Рейнольдсом по отношению к армии Тюренна, его критику дисциплины, которая была "хороша для Франции", и его замечания относительно вошедшей в поговорку неэффективности французского полка в конце кампании. Вне всякого сомнения, английская постоянная армия с 1646 по 1658 год была лучшей силой в Европе. Тем более удивительно, что Кромвель потерпел, чтобы его справедливая слава была запятнана сбродом, которого он послал в Вест-Индию.

Такую армию никогда больше не увидят в Англии; но, хотя ее особые отличия навсегда утрачены, нельзя упускать из виду наследие, оставленное ею. Достаточно было сказано об учреждении новой дисциплины и о фактическом исчезновении старого штампа военного авантюриста; теперь остается кратко резюмировать незначительные изменения, вызванные созданием постоянной армии. Сначала идет зарождающаяся организация Военного ведомства, что видно из работы Армейского комитета с участием военных казначеев с одной стороны и древнего Управления боеприпасов с другой, а также из назначения единого главнокомандующего всеми вооруженными силами в Англии, Шотландии и Ирландии. И здесь следует мимоходом отметить, что разделение Армии на английскую, шотландскую и ирландскую, которое продолжалось до тех пор, пока три королевства не объединились одно за другим, становится полностью определенным в годы Протектората. Далее следует упомянуть организацию полков с фиксированной численностью, кавалерийских полков с шестью ротами, пеших и драгунских с десятью ротами, а также содержание постоянного учреждения для обслуживания артиллерии и транспорта.^[199] Далее, чтобы объединить единство армии с отличием различных корпусов, которые ее составляли, была принята историческая алая форма, отличающаяся обшивкой нескольких полков.

Однако одежда подводит нас к более сложному вопросу о денежном довольствии в армии. Регулярная выплата жалованья была, как уже было замечено, первым важным шагом на пути к созданию постоянных вооруженных сил; и одновременно с этим появилась система одежды, снаряжения солдат за счет государства. Однако должно показаться, что правила регулирования системы были достаточно гибкими, поскольку довольно поздно во время второй

гражданской войны мы обнаруживаем, что солдаты, как правило, по-прежнему обеспечивали себя собственными лошадьми и получали более высокую зарплату, а полковникам разрешалось заключать независимые контракты на одежду и снаряжение для своих полков. Перебои с жалованьем солдатам в этот период также поучительны. Вычет фиксированной суммы на одежду восходит, как уже говорилось, ко временам Елизаветы, если не к еще более ранним временам. Но к этому теперь добавился принцип удержания части заработной платы под видом задолженности в качестве гарантии от неправомерных действий и дезертирства; в то время как общепризнанным правилом было то, что и солдаты, и офицеры должны были лишаться дополнительной доли, пока они жили на свободе. Денежное довольствие и фиксированный тариф, который должны были платить солдаты во время марша в пределах королевства, способствовали некоторому облегчению бремени всех этих остановок и создали прецедент для Акта о мятеже, совершенного позже. Стоит отметить, что гарнизон Дюнкерка обнаружил в городе специальные здания, построенные испанцами для своих войск и названные казармами,^[200] и что оно было должным образом установлено в нем осенью 1659 года. Читатель, если у него хватит терпения следовать за мной дальше, сможет сам отметить, сколько времени прошло до того, как английские солдаты сменили жизнь в пивных на испанскую систему жизни в казармах.

Но есть еще один и более интересный аспект вопроса о жалованье, когда мы переходим от жалованья рядовых к жалованью офицеров. Исчезновение старого военного авантюриста привело к полной отмене на время системы закупок. В роялистских полках, которые собрались вокруг Карла Стюарта во Фландрии, мы обнаруживаем, что роты и полки все еще переходили из рук в руки за деньги, но в английской постоянной армии эта практика, похоже, полностью исчезла. Продвижение по службе регулировалось не обязательно старшинством, но рекомендацией вышестоящих офицеров и, как, по-видимому, свидетельствуют внешние свидетельства, осуществлялось не в отдельных полках, а в Армии в целом. Долги офицеров, особенно тех, кто располагал собственными средствами, часто оставались, благодаря их патриотической выдержке, просроченными не только на многие месяцы, но и на многие годы; и интересно отметить, что их неспособность защищать свои собственные интересы во время действительной службы привела к назначению полковых агентов, которые получали их жалованье и вели финансовые дела со страной от их имени. Таким образом, Армейский агент может по праву похвастаться тем, что выжил в Гражданской войне.

Я также не могу оставить эту тему без упоминания еще одной замечательной особенности Армии Нового образца, которая, к сожалению, не стала традицией. Я имею в виду великую и внезапную борьбу с древним злом военной коррупции. Сказать, что коррупции был полностью положен конец, было бы преувеличением, поскольку протоколы военных трибуналов о мошеннических аудиторах все еще сохранились, но вполне вероятно, что во время Гражданской войны она была снижена до самого низкого уровня, которого она достигла за всю историю нашей армии. Отмена подкупа и более высокий моральный настрой, охвативший всю полицию, несомненно, в значительной степени способствовали столь желанной цели. Однако печально констатировать, что зло, очевидно, было лишь уничтожено, а не уничтожено. Не прошло и года после смерти Протектора, как при выводе части гарнизона Дюнкерка была замечена преднамеренная и позорная фальсификация списков личного состава, усугубленная всеми обстоятельствами, которые могли способствовать мошенничеству и нарушать хорошую дисциплину. Контакт с иностранными войсками, вероятно, был непосредственной причиной

этого прискорбного отступления, но он служит печальным комментарием к непостоянству пуританской морали.

Наконец, давайте закончим с величайшей и благороднейшей работой армии Нового образца; установлением господства Англии на Британских островах в качестве первого шага к их конституционному союзу. Никакое достижение не могло бы быть в более прямом противоречии с политикой Карла Стюарта, который изо всех сил стремился натравить нацию на нацию и королевство на королевство и заплатил за свою глупость жизнью. Возможно, в наши дни величие этого служения будет отвергнуто. В Долгом парламенте не было недостатка в людях, которые интриговали с Шотландией против Англии, предпочитая не допустить, чтобы власть ускользнула из их рук, и, возможно, нет ничего странного в том, что тип таких людей должен быть нетленным. Тем, однако, кто называет Англию доминирующим партнером на Британских островах, не следует забывать, кто были те мужчины, которые сделали ее доминирующей.^[201] Гражданская война была не просто восстанием против деспотической власти. Это было нечто большее, чем разрушение старой монархии; это была битва за объединение Британских островов, и в ней участвовала и выиграла армия Нового образца.

Власти.—При таком незначительном описании Гражданской войны и Протектората, какое дано на этих страницах, любое длинное перечисление властей было бы абсурдным. Читатели сами найдут их в исчерпывающей истории мистера Гардинера, чьим трудам, так же как и трудам мистера К. Х. Ферта, я очень обязан. Такие подборки документов, как "Календари государственных бумаг", "Письма и речи Кромвеля" Рашворта, Турлоу и Карлайла, почти слишком очевидны, чтобы требовать упоминания. Документы Кларка представляют исключительную ценность для целей военной истории, а книга Спригга "Возрождение Англии", конечно, является незаменимым авторитетом в том, что касается Новой модели. Но даже в таких областях, как газеты и королевские брошюры, мистер Гардинер и мистер Ферт оставили неубранной небольшой урожай. Из военных писателей того времени Баррифф наиболее поучителен, особенно в отношении некоторых комментариев, добавленных в более поздние издания. Французский фолиант "Маршал Батай" (1647) содержит превосходные описания муштры пикинеров и мушкетеров и прекрасные диаграммы эволюций.

КНИГА IV

ГЛАВА I

1660.

Реставрация Стюартов, судя по всему, была осуществлена, Чарльза сопровождала по улицам Лондона лошадь нового образца, и все же власть, которая практически правила Англией с 1647

года, все еще оставалась нерушимой. Проблема, к которой Долгий парламент отнесся с таким катастрофическим презрением в тот год, все еще оставалась нерешенной; и не могло быть никакой гарантии стабильности монархии до тех пор, пока Армия не будет распущена. Что касается способа, которым должна быть выполнена эта труднейшая задача, то события 1647 года послужили достаточным предупреждением, поскольку с армией в шестьдесят пять тысяч человек шутить было еще труднее, чем со сравнительно небольшими силами второго года действия Новой Модели. Роспуск не должен быть поспешным, и вся задолженность по жалованью должна быть добросовестно погашена. Тем не менее работа не могла не быть одновременно деликатной и опасной, требующей добросовестности и такта, которые могли быть присущи только солдату, понимающему солдат, и мужчине, понимающему людей. К счастью, такой человек и такой солдат были под рукой в лице Джорджа Монка.

1661.

Его план вскоре был подготовлен и принят парламентом. Полки должны были быть расформированы постепенно, порядок расформирования определялся жребием, с оговоркой, что собственные конные и пешие полки Монка вместе с двумя другими, которые были переданы герцогам Йоркскому и Глостерскому,^[202] следует сохранять до последнего. Был принят Закон, скопированный с Постановления Содружества, позволяющий уволенным солдатам заниматься ремеслами без предварительного обучения и, таким образом, облегчающий их возвращение к гражданской жизни. Чрезвычайными усилиями были собраны необходимые деньги, и работа продвигалась быстрыми темпами. Казалось, что к концу 1660 года, согласно старому летоисчислению, которое начиналось 25 марта, новый год должен был завершиться, поскольку к первой неделе января очередь о расформировании дошла до конного полка Монка.

Однако там это и осталось. 6 января восстание сторонников пятой монархии, фанатичной секты, почувствовавшей на себе мощь репрессивной руки Кромвеля, не только спасло последние остатки Нового Образца, но и заложило первый камень в фундамент новой Армии. Восстание было подавлено не без труда, действительно, до тех пор, пока ветераны пешего полка Монка, для которых подобная работа была детской забавой, не подошли и с презрением не разогнали его. Вспышка показала необходимость сохранения небольшого постоянного контингента для обеспечения безопасности особы короля. Расформирование этого полка и отряда конной гвардии, который был придан Монку по его первому прибытию в Лондон, было вслед за этим отменено, и король отдал приказ о создании нового гвардейского полка в составе двенадцати рот под командованием полковника Джона Рассела; кавалерийского полка в составе восьми рот под командованием графа Оксфорда; и отряда конной гвардии под командованием лорда Джерарда. Отряд конной гвардии герцога Йоркского, тот самый, который он вел в безуспешную атаку при Дюнкерк-Дюнах, также был отозван домой из Дюнкерка.

Таким образом, были заложены первые камни новой армии, и не оставалось ничего другого, как формально упразднить, в соответствии с буквой Акта парламента, последние остатки Новой Модели. 14 февраля 1661 года пеший полк Монка был собран на Тауэр-Хилл, где он торжественно сложил оружие и так же торжественно снова взял его в руки, с великой радостью, как и пехотный полк лорда-генерала. Но для Англии в целом у этого корпуса было только одно название, то, которое до сих пор сохранилось в его нынешнем названии "Гвардейцы Колдстрима". Хотя этот полк занимает второе место в списке нашей пехоты, он является старшим полком британской армии. Другие корпуса могут похвастаться более ранними

традициями, но это старейший национальный полк и единственный, кто сохранил знаменитую новую модель. Что ж, пусть он утверждает в своем гордом латинском девизе, что ему нет равных.

Полк полковника Рассела, будучи гвардейским полком самого короля и созданный специально для защиты его личности, получил преимущество, что вполне естественно, перед своим предыдущим соперником, и в настоящее время, объединив горстку доблестных людей, отказавшихся сдаться в дюнках Дюнkerка, утвердил свое право представлять побежденных кавалеров, как Колдстримы представляют победоносных Круглоголовых, в долгом противостоянии Гражданской войны. Этот полк когда-то назывался Первым гвардейским, а теперь гвардейским гренадерским, и он почти не знал поражений с тех пор, как перестал воевать против своих соотечественников.

1661-1662.

Два отряда лейб-гвардии - первый королевский под командованием лорда Джерарда, второй личный герцога Йоркского — взяли верх над лейб-гвардией Монка; и после долгого существования в качестве независимых войск, наконец, превратились в Первый и Второй лейб-гвардейские полки, которые сейчас стоят во главе нашего армейского списка. Они состояли из людей знатных и образованных, и на протяжении более чем столетия их по праву называли кавалерами лейб-гвардии. У Кромвеля тоже была такая гвардия, ибо он знал цену джентльменам, в которых были мужество, честь и решительность. Таким образом, они стояли особняком от конного полка лорда Оксфорда, который до сих пор известен нам по цвету своей формы под первоначальным названием "Блюз". Этот корпус почти наверняка состоял из расформированных солдат Нового образца, в которых в то время в Англии недостатка не было;[203] в то время как его полковник привнес в него традиции еще более ранних дней под почетным именем Вир.

Но нужно было собрать еще один полк с поля битвы при Дюнkerк-Дюнс, на этот раз не из побежденной, а из победоносной армии. Ввиду опасности, нависшей над королем в результате восстания Вернье, Людовику Четырнадцатому было предложено вернуть ему полк Дугласа, представителя Шотландской бригады Густава Адольфа; и этот знаменитый корпус, должным образом прибывший в 1662 году, стал Королевским, или шотландским полком, и занял место, которое он до сих пор занимает во главе линейной пехоты под старым названием Королевских шотландцев. Он вернулся во Францию в 1662 году и не возвращался на постоянную английскую службу до 1670 года, но сохранил свой приоритет и сохраняет его до сих пор.

1661 год,
октябрь.

Пока что для обеспечения безопасности короля. Но ему также было необходимо обеспечить себя деньгами, и он сделал это самым простым способом, женившись на наследнице Екатерине, принцессе Португальской, которая принесла ему полмиллиона денег, Бомбей и Танжер, не говоря уже об обещаниях денежной помощи от Людовика Четырнадцатого, который поощрял этот брак в своих собственных целях. Танжер, находившийся под постоянной угрозой повторного захвата маврами, был беспокойным владением и требовал наличия гарнизона, для несения службы в котором граф Питерборо набрал пеший полк и сильный кавалерийский отряд,

рекрутов в основном набирал гарнизон Дюнкерка. Эти корпуса также сохранились среди нас как Второй, или Королевский пехотный полк, и Первый, или Королевские драгуны.

1661-1665.

Одновременно с этим в том же 1661 году был принят Закон о реорганизации ополчения. Обязательства по предоставлению всадников и пехотинцев были распределены, следуя почтенному прецеденту винчестерского статута, в соответствии с градуированной шкалой собственности, и полный контроль над войсками каждого графства был возложен на лорда-лейтенанта. Ему также были доверены полномочия по организации вооруженных сил в полки и роты, назначению офицеров и взиманию ставок на поставку боеприпасов. Наконец, верховное командование ополчением, за которое Долгий парламент так ожесточенно боролся с Карлом Первым, было возвращено королю вместе со всеми силами на море и суше.

1665 год,
февраль.

Так много было достигнуто за первые два года правления Карла Второго. Этого хватило еще на два года, когда английское коммерческое предприятие втянуло восстановленную монархию в ее первую войну. По правде говоря, едва ли можно признать, насколько сильно дух приключений и колонизации проявился при Стюартах. Империя действительно быстро росла. В 1661 году Англия уже владела штатами Новая Англия, Мэриленд и Вирджиния, а также, на то время, Акадией, Новой Шотландией и Ньюфаундлендом. У американского побережья ей принадлежали Бермудские острова; на Карибском архипелаге были заселены Барбадос, Антигуа, Монтсеррат, Невис, Сент-Китс и Ямайка; в то время как Доминика, Сент-Люсия, Сент-Винсент и Тобаго, хотя и еще не отвоеванные у Карибов, считались подданными Британской короны. В 1663 году одна компания получила хартию на заселение Каролины, а другая, Royal African, которая пользовалась монополией на торговлю неграми-рабами, разместила свою штаб-квартиру в замке Кейп-Кост. Нельзя также упускать из виду, что Ост-Индская компания, первоначально зарегистрированная в 1599 году, получила в 1660 году вторую хартию, наделяющую более широкими полномочиями, в первую очередь в отношении военных вопросов.

Однако у Англии было множество соперников в дальних авантюрах, из которых ни один не был более ревнивым и могущественным, чем голландская федерация, созданная ее собственной доброй рукой. Кромвель преподавал голландцам урок в 1653 году и наложил на них ограничения, которые, если бы соблюдались, остановили бы их посягательства на английскую торговлю; но голландцы не только уклонились от выполнения этих обязательств, но и добавили к этому преступлению беспричинную агрессию как на побережье Гвинеи, так и в Ост-Индии. Африканская компания сразу же начала репрессии на Золотом берегу, и экспедиция против Новых Нидерландов Америки захватила Новый Амстердам и дала ему его ныне знаменитое название Нью-Йорк. Между тем жалобы английских купцов охотно выслушивались как королем, так и парламентом. Карл не получил большой милости в своем изгнании от олигархической фракции, которая доминировала в Голландской республике; и теперь, когда та же фракция лишила Дом Нассау его высоких титулов в ущерб его племяннику Вильгельму, он не жалел о возможности отомстить. Парламент проголосовал за либеральные поставки для войны. Герцог Йоркский сформировал новый полк, названный Адмиральским, для службы на борту корабля;

для той же цели из двух гвардейских полков были отобраны большие пополнения, и 3 июня Джеймс, герцог Йоркский, выиграл с ними крупное морское сражение у Лоустофта.

Но за пределами Англии были английские солдаты, которых беспокоила эта война. Потомки добровольцев, последовавших за Морганом в 1572 году и завоевавших нетленное имя под командованием Фрэнсиса Вера, все еще находились на голландской службе и теперь состояли из семи полков, трех из них английских и четырех шотландских, общей численностью в пятьдесят три роты. Как только была объявлена война, пенсионарий Де Витт навязал Соединенным провинциям резолюцию о том, что британские полки должны либо принести присягу на верность Генеральным штатам, либо быть немедленно распущены. Это была награда, предложенная Голландской республикой отважным иностранцам, которые вместе со своими предшественниками оказали ей лучшую услугу, чем она могла когда-либо отблагодарить. Увольнение со службы означало разорение для несчастных офицеров, а для солдат - нужду и несчастье. Многим голландцам было стыдно за эту резолюцию, но они приняли ее; и оставалось только посмотреть, выдержит ли британская лояльность это испытание. Английские офицеры не колебались ни минуты. Они наотрез отказались присягнуть на верность Голландии, и их безжалостно бросили на произвол судьбы. Однако с помощью английского посла они добрались до Англии и вскоре были сформированы в голландский полк, который сейчас занимает третье место в Строю и известен по эмблемам, которые он носит более двух столетий, под почетным названием "Баффы".[204]

Шотландские полки вели себя совсем по-другому. Хотя Карл был Стюартом и шотландцем, только у двух офицеров хватило духу последовать английскому примеру. Остальные, которые поначалу горячо заявляли о лояльности, остались со своими голландскими хозяевами и, подобно всем пристыженным новообращенным, заявляли о преувеличенной любви к голландской службе и экстравагантной готовности вторгнуться в Великобританию, если потребуется. Столетие спустя эти полки будут тщетно умолять принять их на британскую службу, и их примут, наконец, только после того, как они претерпят прискорбное оскорбление от голландцев, и со временем они станут не Четвертыми, а Девяносто Четвертыми в Строю. Корпус окончательно прекратил свое существование в 1815 году, в то время как Баффы с нами по сей день. Это была тяжелая судьба, но есть возмездие даже для неверных полков.

1666.

В следующем году Людовик Четырнадцатый, увидев в этом возможность для продвижения своего любимого проекта расширения своих границ до Рейна, связал свою судьбу с голландцами и объявил войну Англии. Время достойно внимания. В течение столетия Англия, как и вся Европа, отказывалась от традиционной дружбы и вражды и искала новых союзников, руководствуясь религиозными чувствами. Теперь всему этому пришел конец, и старая зависть к Франции была сильна во всей стране. Но хотя народ был настроен серьезно, король - нет; политика сдерживания Франции была через два года отброшена, и Карл, как истинный Стюарт, продался Людовику Четырнадцатому. Лживая, своевольная и непатриотичная династия уже готовила себе второе падение.

1672.

Следующим шагом было объявление войны Франции и Англии Голландии. Сто пятьдесят тысяч человек под командованием трех великих военачальников, Тюренна, Конде и Люксембург, с

Людовиком лично во главе всех, обрушились на Соединенные провинции, овладели тремя из них почти без сопротивления и фактически форсировали Рейн. Шесть тысяч англичан, сгруппированных вокруг ядра гвардейцев, служили вместе с ними под командованием Джеймса, герцога Монмута, и среди офицеров был молодой капитан по имени Джон Черчилль. Он родился в 1650 году, менее чем за три месяца до Данбара, был пажом герцога Йоркского и получил через него звание прапорщика королевской гвардии. Свою первую службу, как и подобает английскому офицеру, он прошел в жестокой войне при Танжере; теперь он наслаждался своим первым опытом научной кампании под командованием первого генерала того времени. Вскоре он стал известен самому Тюренну не только как самый красивый мужчина в лагере, но и как офицер необычайной галантности, хладнокровия и способностей. Как Морган заслужил похвальную речь великого капитана при Ипре, так и молодой Черчилль в Местрихте; и стоит отметить, что в обоих случаях, когда английский контингент служил под командованием Тюренна, самым блестящим маленьким сражением войны было дело рук красных мундиров.

Но с голландской стороны также был молодой человек, родившийся в тот же год, что и Черчилль, которому предстояло проявить действительно меньшие качества как офицеру, хотя, насколько позволяла ему возможность, едва ли более низкие качества как мужчине. Вильгельм Оранский, долгое время отстраненный из-за ревности фракций от должности и обязанностей своего ранга, с твердой решимостью и непоколебимым мужеством принял командование Соединенными провинциями и начал великое дело своей жизни, работу, которую в конце концов должен был выполнить красивый английский солдат в стане врага, - укротить наглость французов.

1674.

Нет необходимости подробно останавливаться на истории этой кампании. Мужества Вильгельма хватило, чтобы поддержать Голландию в момент величайшей опасности; и, как только кризис миновал, Австрия и Испания, встревоженные замыслами Людовика, поспешили ей на помощь. Карл заключил мир с голландцами в 1674 году и, отказавшись вывести английские войска на французскую службу, пообещал больше не набирать их. Черчилль вернулся домой в звании полковника Второй пехотной дивизии; и из войск, расформированных в конце войны, были сформированы три английских полка для службы принцу Оранскому. Среди их офицеров был Джеймс Грэхем из Клеверхауза. Мы встретимся с ним снова и увидим, что два полка также вернутся в свое время, как и их прототип, "Баффы", чтобы занять свое место в английской линейной пехоте.

1680.

1684.

С заключением мирного договора 1674 года войны Карла Второго подошли к концу. Дело было не в том, что народ Англии не желал сражаться. Они были сердцем и душой против французов; и Палата общин с радостью проголосовала за выделение крупных сумм на армию и флот, пока длилась война, прося только о том, чтобы эти деньги были потрачены на их законную цель. Но жуликоватость и ненадежность короля были роковыми для всех военных предприятий и вообще для всего честного управления. Хотя вооруженные силы Англии были слишком малы для обеспечения безопасности ее владений за границей, парламент никогда не переставал осуждать пороки постоянных армий и требовать расформирования всех полков. Во времена Кромвеля бремя красных мундиров было тяжело нести, но Оливер, во всяком случае, заставил

Англию уважать себя в Европе. Карл стремился возложить на себя такое же бремя, но без сочувствия к раздорам Англии и без заботы о славе Англии. Тем не менее, на протяжении всего своего правления он сохранял существующие полки, а в 1680 году даже добавил к ним еще один для службы в Танжере. В 1684 году это злополучное владение, стоившее многих тысяч жизней и ставшее свидетелем самых доблестных ратных подвигов, какие когда-либо совершали английские солдаты, было окончательно покинуто; хотя и не раньше, чем англичане узнали один секрет ведения войны на Востоке. В марте 1663 года, после долгого терпения непрекращающихся изматывающих нападений мавров, губернатор, который до сих пор занимал оборонительную позицию, проявил инициативу и направил королевских драгун прямо на них. Успех этого первого предприятия был настолько знаменательным, что он был повторен через две недели тем же полком, а через два месяца возобновлен с большим размахом вылазкой всего гарнизона, которая после отчаянных боев снова закончилась победой. По крайней мере, так много должно быть записано об этом первом давно утерянном поселении в Африке.^[205] Новый полк, прибывший слишком поздно для участия в боевых действиях, вернулся домой, чтобы занять четвертое место в Строю и оставаться с нами по сей день.

По правде говоря, маленькая армия, которую парламент так люто ненавидел, была достаточно занята со дня восшествия на престол короля и до дня его смерти. В составе полков или отрядов он сражался в Танжере, Фландрии и Вест-Индии; он выполнял долг морской пехоты в четырех крупных морских операциях, одна из которых была самой ожесточенной из когда-либо проводившихся англичанами, и он подавил восстание в Шотландии и в Вирджинии. Это правление дало ему представление о работе, которая предстояла ему в ближайшие два столетия, и показало хорошие перспективы в отношении того, каким образом эта работа будет выполнена.

1685.

Чарльз умер 6 февраля 1685 года. Его брат Джеймс, который ему наследовал, был человеком с более сильными военными инстинктами, чем у любого английского короля со времен Генриха Восьмого. Он прослужил четыре кампании под командованием Тюренна и еще две - с испанцами, и его рассказ о своих войнах показывает, что он изучал военную профессию с исключительным усердием и умом наблюдательности. Не меньше его интересовали и военно-морские дела. Он командовал английским флотом в двух великих операциях, не дискредитировав себя как адмирал и с честью проявив себя как храбрый человек. Более того, он испытывал неподдельную гордость за доблесть английского моряка и английского солдата. Наконец, он проявил незаурядные способности и усердие в качестве администратора. Герцог Веллингтон полтора столетия спустя с величайшим восхищением отзывался о системе, которую Джеймс установил в Управлении артиллерии, и фактически восстановил ее, как до него восстановил Мальборо, когда сам стал генеральным магистром. Адмиралтейство вновь признает, что его рука по-прежнему ощущается во благо Военно-морского флота. На самом деле, какими бы ни были его недостатки, Джеймс был способным, кропотливым и добросовестным государственным служащим и как таковой имеет немалые права на благодарность нации.

До сих пор преемственность прилежного и компетентного администратора проницательному, но неисправимо праздному Чарльзу сулила преимущества, которые были достаточно очевидны. Но у вопроса была и другая сторона. Парламент вознаградил Джеймса за заслуги перед

обществом, отстранив его как убежденного католика от всех государственных должностей, будь то гражданских или военных; а Джеймс был недалеким, мстительным и, как все Стюарты, по сути, человеком с неправильной головой. Хотя он был ценен как глава департамента, он был совершенно непригоден для управления королевством; хотя и не был лишен постоянства и терпения в невзгодах, он был скор и неутолим в мести; хотя он жаждал военной славы, гордился английской доблестью и не без ревности к английской чести, он не видел иного пути к величию, которого он жаждал в Европе, кроме как через свержение английской свободы. Он страстно желал эффективно вмешаться за границы, но Англия была раздавлена его пятой, а не свободной и объединенной за его спиной.

Поэтому он тоже продался Франции, надеясь укрепить свою власть с ее помощью и в свое время обратить ее во вред ей самой; а тем временем он стремился укрепить себя за счет содержания постоянной армии. Для этого замысла восстание Монмута в 1685 году дало достаточный повод.^[206] Своевременное возвращение гарнизона Танжера уже пополнило английский истеблишмент двумя пешими и одним конным полками; и Джеймс воспользовался моментом, чтобы вызвать из Голландии шесть британских полков, три из них шотландские и три английских. Они, хотя вскоре и вернулись на службу к Вильгельму, обеспечили двоим из своего числа при вторжении в Англию в 1688 году преимущество Пятого и Шестого Рода.

Одновременно под тем же предлогом были сформированы двенадцать новых полков пехоты и восемь кавалерийских. Из пехоты первым был Артиллерийский полк, спроектированный подобно брандерам Нового образца для сопровождения артиллерии, и по своему вооружению назывался Фузилерским полком. Он по-прежнему с нами как Седьмой в Линейке. Остальная часть пехоты, некоторые из них сформированы вокруг ядра независимых гарнизонных рот, также остаются с нами, пронумерованные с восьмой по пятнадцатую.^[207] Из кавалерии шесть были кавалерийскими полками и теперь известны как первый-шестой полки гвардейских драгун; оставшиеся два, которые теперь пронумерованы как третий и четвертый, после того, как были последовательно драгунами и легкими драгунами, наконец, стали двумя старшими гусарскими полками. Добавьте к этому тридцать независимых пеших рот, выделенных для несения службы в гарнизоне, и станет видно, что армия короля Якова увеличивалась с устрашающей быстротой.

Сам король находил неподдельное удовольствие не в зловещем духе угнетателя, а в похвальной гордости солдата, проводя смотр своим войскам. В августе 1685 года он проинспектировал десять батальонов и двадцать эскадронов, стоявших лагерем в Хаунслоу, и написал своему зятю, Вильгельму Оранскому, выражая глубокое удовлетворение их эффективностью. В ноябре он встретился с парламентом и потребовал от него сохранения постоянной армии вместо ополчения. Придворные поняли намек и указали на бегство западного ополчения перед необузданными наборами Монмута как на достаточное доказательство его ненадежности. Факт действительно был самоочевиден. Но парламент не был расположен приветствовать королевскую речь, в которой не предлагалось никаких дальнейших мер, кроме содержания постоянной армии и допуска папистских офицеров к командованию в ней. Воспоминания Оливера и его генерал-майоров были все еще живы, а с момента отмены нантского эдикта прошел всего месяц. Красные мундиры как святые были плохими; красные мундиры как паписты, несомненно, были бы еще хуже. Эдвард Сеймур, глава этого исторического дома, поставил вопрос так, как любят выражаться англичане. Ополчение, по его признанию, находилось в неудовлетворительном состоянии, но его можно было улучшить, и с этим, а также с военно-морским флотом страна была бы в безопасности; но постоянной армии там быть не

должно. Следует отметить, что тогда, как и сейчас, Палата общин никогда не ограничивала военно-морской флот и не сомневалась в его способности отразить вторжение; и тогда, как и сейчас, она отказывалась помнить, что британские владения не ограничены Британскими островами и что успешная война - это нечто большее, чем война оборонительная. Но, к сожалению, в данном случае у него были слишком веские основания для возражений королю. Дебаты длились долго. Джеймс попросил 1 400 000 фунтов стерлингов для армии; канцлер казначейства выразил готовность принять 1 200 000 фунтов стерлингов; Палата представителей проголосовала за 700 000 фунтов стерлингов и даже тогда отказалась выделить эту сумму на какие-либо конкретные цели.

Декабрь.

1686,

июнь.

1686-1688.

Джеймс был сильно раздосадован. Он ответил на ноту Палаты общин выговором и приостановил работу парламента; и больше он не созывал его до конца своего правления. Затем он сосредоточил от тринадцати до шестнадцати тысяч человек в Хаунслоу-Хит и держал их там лагерем в течение трех лет в надежде внушить благоговейный страх Лондону. Никогда еще человек не совершал более совершенной ошибки. Лондонцы, после того как прошла их первая тревога, вскоре обнаружили, что лагерь был очаровательным местом развлечений. Новое поколение выросло с тех пор, как полковник из парламента устроил фиктивную драку, чтобы компенсировать народу потерю первомайских видов спорта, и в военном показе появилась определенная новизна. Лагерь Хаунслоу вошел в моду, и шеренги были заполнены разношерстной толпой людей всех классов; ибо тогда, как и сейчас, женщины любили красную одежду, и куда вели женщины, за ними следовали мужчины. На войска, несомненно, стоило посмотреть, поскольку Джеймс льстил себя мыслью, что они были самыми высокооплачиваемыми, лучше всего экипированными и самыми видными в Европе.

И все же, каким бы веселым ни был лагерь, под новыми красными мундирами не было недостатка в признаках более серьезного духа. Рано поползли слухи о ссорах между протестантскими и католическими солдатами, зловещие для офицеров-католиков, которых Джеймс вопреки закону поставил командовать. Агитаторы распространяли брошюры, призывавшие армию встать на защиту свобод Англии и протестантской религии; и лондонцы поняли то, чего не понял Джеймс, - что совесть нельзя купить за восемь пенсов в день, а плоть и кровь нельзя уничтожить красным мундиром и накладками. Баффы были первыми английскими добровольцами в борьбе за свободу и протестантизм; королевские шотландцы свергли папизм под предводительством Льва Севера, и, как будто одного пресвитерианского полка было недостаточно, существовал еще один, только что впервые доставленный в Англию из Шотландии и известный под своим нынешним названием Шотландской гвардии. Опять же, среди посетителей лагеря были монахи в одеяниях своего Ордена; и было легко спросить, сколько времени прошло с тех пор, как таких людей видели в Англии в последний раз, и какова была причина их исчезновения. Солдаты Кромвеля быстро и жестоко расправились с монахами в Ирландии; и все же солдаты, всего на одно поколение моложе, были призваны сражаться против своих родственников за короля, который открыто благоволил к ним, короля, который перед лицом всего закона открыто сажал папистов во все властные структуры.

1688 год,
июнь.

Прошло совсем немного времени, прежде чем семена, посеянные агитаторами, начали приносить плоды. Когда семь епископов, отказавшихся зачитать декларацию, приостанавливающую действие уголовных законов против католиков, были заключены в Тауэр, стражники выпили за их здоровье; и когда весть об их оправдании достигла Хаунслоу-Хит, армия встретила ее с неистовым восторгом. В тревоге Джеймс свернул лагерь и рассеял полки по всей стране. Изолировав их таким образом, он попытался воздействовать на них по отдельности и выбрал в качестве первого объекта для этого эксперимента Полк лорда Личфилда, известный нам как Двенадцатая пехота. Людей выстроили в Блэкхите в присутствии короля, и им сообщили, что они должны либо подписать обязательство проводить королевскую политику снисхождения к католикам, либо немедленно покинуть его службу. Целые чины без колебаний поверили ему на слово и опустили оружие, в то время как два офицера и несколько рядовых, все католики, единственные согласились подписать. Джеймс застыл в ужасе от изумления и отвращения. Увольнение означало нечто большее, чем простое исключение из армии; оно влекло за собой конфискацию всех задолженностей по жалованью и стоимости офицерских чинов, но ни солдаты, ни офицеры не принимали это во внимание. Джеймс некоторое время молча смотрел на них, а затем приказал им взять оружие. "В другой раз, - сказал он, - я не окажу вам чести советоваться с вами".

Потерпев неудачу в Англии, Джеймс, как и его отец до него, обратился к Ирландии. Ирландцы говорят о проклятии Кромвеля; они могли бы с большим основанием говорить о проклятии Стюартов, ибо никакие два человека не принесли им такого горя, как Чарльз и Джеймс. Уже в 1686 году король послал ирландца-дегенерата, графа Тирконнела, чтобы тот во всяком случае обеспечил папистское господство в Ирландии; и нельзя было найти лучшего человека для такой пагубной работы, чем лживый Дик Тэлбот. Армия в Ирландии на момент его прибытия насчитывала около семи тысяч человек: за несколько месяцев Тирконнел, поголовно уволив всех протестантов, перевернул ее с ног на голову. Пятьсот человек были уволены из одного полка на том основании, что они были ниже ростом, а их места бесстыдно заняли оборванные, полуобученные ирландцы, которые были ниже их как по размеру, так и по качеству. В общей сложности четыре тысячи солдат были сломлены, с них сняли форму, которую они купили из-за прекращения выплаты жалованья, и полуголыми отпустили идти, куда они пожелают. Триста офицеров-протестантов разделили подобную участь в не менее тяжелых обстоятельствах. Многие из них храбро сражались за Стюартов в прошлые дни, большинство купили себе офицерские звания, но все они были брошены на произвол судьбы в разорении и позоре. Расформированные нашли убежище в Голландии, откуда вскоре вернулись под знаменами Вильгельма Оранского, питая, как можно догадаться, такие чувства против ирландцев.

Но Джеймс на этом не остановился. Теперь он задумал окружить себя ирландскими батальонами и подчинить английские полки своей воле, замешав в них закваску из ирландских рекрутов. Когда мы размышляем о том, что именно такой импорт ирландцев настроил всю Англию против его отца, мы можем только поражаться такой глупости. Англичане считали ирландцев чужаками и врагами; они знали их как народ, который на протяжении веков устраивал резню и восстания всякий раз, когда английский гарнизон ослабевал, и который снова впадал в полное подчинение, как только руки Англии были развязаны для их подавления. Они не знали их, несмотря на их время от времени доблестное сопротивление Кромвелю, как

великую боевую расу. Они не читали или, прочитав, не поверили свидетельству Роберта Манро об их солдатских заслугах.^[208] Наконец, и в основном ирландцы были католиками, а англичане протестантами.

Недовольство новой политикой вскоре дало о себе знать. Герцог Бервик, внебрачный сын короля, который был назначен полковником Восьмого пехотного полка, отдал приказ о зачислении в полк тридцати ирландских рекрутов. Солдаты категорически заявили, что не будут служить с ними, и подполковник с пятью своими капитанами открыто протестовали герцогу против этого оскорбления. Они сказали, что набрали полк за свой счет для службы королю и могут набрать столько английских рекрутов, сколько захотят; вместо того чтобы терпеть, когда к ним принуждают незнакомцев, они будут просить разрешения уйти в отставку. Джеймс был в ярости. Он предал шестерых офицеров военному суду, который приговорил их к увольнению; но, тем не менее, виновные получили сочувствие и аплодисменты всей нации. Преобладающее чувство против ирландцев нашло выход в балладе *doggrel*, известной из-за тарабарщины, на которой она написана, под названием *Lillibulero*. Отчасти из-за характера ее содержания, а еще более вероятно из-за безудержной веселости мелодии,^[209] она стала большой любимицей армии и, если судить по пристрастию к ней капитана Шэнди, была самой популярной походной песней красных мундиров во Фландрии.

Но тем временем Вильгельм Оранский получил приглашение прибыть с вооруженными силами для освобождения Англии от Стюартов и в течение нескольких месяцев готовился к вторжению. Прошло много времени, прежде чем Яков осознал грозящую ему опасность, но когда он наконец осознал ее, то поспешил усилить Армию. Были отданы приказы о формировании новых полков, из которых два все еще находятся с нами в качестве Шестнадцатого и Семнадцатого Линейных, и о новых ротах для существующих полков. Всего к английскому истеблишменту добавилось четыре тысячи человек; три тысячи были вызваны из Ирландии и еще столько же из Шотландии; и Яков рассчитывал, что сможет встретить захватчика сорока тысячами человек. 2 ноября Уильям, после одной неудачи, благополучно вывел свою экспедицию в море и обманным движением убедил Джеймса отправить несколько полков на север для встречи высадки в Йоркшире. Эти полки были спешно отозваны, получив разведданные о том, что вооружение прошло Дуврский пролив, направляясь на запад, и был отдан новый приказ о сосредоточении в Солсбери.

За короткое время на новом месте встречи было собрано двадцать четыре тысячи человек, но прежде чем Джеймс смог присоединиться к ним, он получил известие, что лорд Корнбери, наследник своих родственников Хайдов, перешел на сторону врага. Корнбери попытался взять с собой свой собственный полк, королевских драгун, и два кавалерийских полка; но офицеры и рядовые заподозрили неладное, и, за исключением нескольких человек, которые попали в руки конницы Уильяма и поступили на службу в его армию, все вернулись в Солсбери. Перед отправлением в лагерь Джеймс вызвал к себе своих главных офицеров — Черчилля, с 1683 года лорда Черчилля, недавно получившего звание генерал-лейтенанта; Генри, герцога Графтона, полковника Первой гвардии; Кирка и Трелони, полковников Танжерских полков. Все до единого поклялись быть ему верными, и король уехал из Лондона в Солсбери.

Прибыв туда, он узнал от лорда Февершема, своего главнокомандующего, что, хотя солдаты были лояльны, офицерам доверять не следует. Говорят, что Февершем предложил уволить всех, кого он подозревал, и повесить сержантов вместо них. Его подозрения оказались

справедливыми. В течение недели Черчилль, Графтон, Кирк и Трелони дезертировали к принцу Оранскому. Другие офицеры были менее откровенны в своем предательстве; и говорят, что один батальон пехоты был приведен в лагерь Вильгельма его сержантами и капрами. Дезертирство его собственных детей окончательно сломило дух Джеймса. 11 декабря он подписал приказ о роспуске армии и обратился в бегство; а 16-го он вернулся в Лондон, чтобы следующей ночью обнаружить, что батальоны принца Оранского маршируют по Сент-Джеймскому парку к Уайтхоллу. Старый полковник Колдстримской гвардии, лорд Крейвен, хотя сейчас ему было уже за восемьдесят, был сторонником сопротивления, но Джеймс запретил ему. Гвардейцы Колдстрима отступили, и голландский полк установил караул в Уайтхолле. Пять дней спустя Джеймс навсегда покинул Англию.

ГЛАВА II

1660-1688.

Прежде чем перейти к правлению Вильгельма, мы должны ненадолго остановиться и изучить внутреннее управление армией. Правление двух последних Стюартов по праву считается завершением периода всеобщей истории Англии — окончательным падением старой монархии, впервые свергнутой королем Карлом Первым. Но в отношении военной истории дело обстоит иначе. Это критическое время неопределенности, в течение которого Армия, реликвия, едва спасенная из руин военного правительства, боролась на протяжении двадцати восьми лет неконституционного существования, с трудом находя разрешение при закрытии стоять на фундаменте, который Чарльз и Джеймс, используя материалы, оставленные Кромвелем, постарались создать для нее. Каким бы ненадежным ни был этот фундамент, он не получал особой поддержки в течение почти столетия и немногим больше даже в последующем столетии благодаря слепой зависти Палаты общин. Поэтому на данном этапе будет удобно изучить его раз и навсегда.

Итак, начиная с самого начала, следует отметить, что первым главнокомандующим при восстановленной монархии был подданный Джордж Монк, герцог Албемарль. Его назначение было неизбежно, поскольку он уже занимал этот пост в качестве слуги парламента по неограниченной Новой Модели, и он был единственным человеком, который мог управлять этой Армией. Чарльз, по сути, был полностью в его власти, когда высадился на берег в 1660 году, и не мог сделать ничего меньшего, чем утвердить его в его старой должности. Полномочия, возложенные на Монка его поручением, были очень велики. У него были полномочия набирать войска, приводить в порядок учреждение, давать поручения всем офицерам исполнительной и распорядительной власти и разрабатывать Военные уставы для поддержания дисциплины; он подписывал все ордера на расходование денег или припасов, и, одним словом, он осуществлял полномочия государя как заместитель государя, отвечающий за армию. После своей смерти в январе 1670 года Чарльз, по совету своего брата Джеймса, не сразу назначил своего преемника, и хотя в 1674 году он издал циркуляр для всех кавалерийских и пеших офицеров о подчинении герцогу Монмутскому, все же он прямо оставил за собой многие полномочия, ранее

переданные Монку. Наконец, когда в 1678 году он назначил Монмута генерал-капитаном, он отказал ему в титуле главнокомандующего. После опалы Монмута в 1679 году Карл не назначил преемника, но стал своим собственным главнокомандующим, примеру которого должным образом последовали Яков Второй и Вильгельм Третий. Таким образом, верховное руководство армией, наделенное гораздо большими полномочиями, чем те, которые были возложены на любого английского главнокомандующего нового времени, поначалу оставалось практически таким же, каким оно было при Оливере Кромвеле. Это было исключительно в руках военных.

Особая ветвь военного управления, находившаяся в руках главнокомандующего, касалась мужчин. Забота о военных материалах была возложена на древнее и эффективное управление боеприпасов. При реставрации старая должность мастера артиллерии была восстановлена в звании генерального магистра; а в 1683 году Департамент был превосходно реорганизован, как мы видели, герцогом Йоркским. Во главе стоял, конечно же, генеральный магистр; следующими за ним были два офицера двух различных родов войск, генерал-лейтенант и генеральный инспектор. На генерал-лейтенанта была возложена обязанность оценивать количество припасов, необходимых для военно-морского флота и армии, и заключать контракты на их поставку; он также отвечал за содержание маршевых составов для службы в полевых условиях и за общую эффективность артиллерии как в отношении орудий, так и людей. Его первый помощник был назван мастером-артиллеристом. Генеральный инспектор отвечал за хранение всех запасов и за все услуги, связанные с проектированием; его первый помощник назывался главным инженером. Транспортировка боеприпасов по суше была заботой начальника фургона, транспортировка по воде - поставщика. Лаборатория была вверена пожарному мастеру, в обязанности которого входило приготовление фейерверков для праздничных мероприятий. Единственным слабым местом управления был исключительный характер его юрисдикции в отношении артиллерии и инженеров, которая была доведена до такой степени, что все поручения в двух корпусах подписывались генерал-майором, хотя этот чиновник и его сотрудники получали свои собственные поручения от главнокомандующего.

Далее я обращаюсь к министерству финансов. Здесь вместо старых казначеев, находящихся на войне, было создано новое должностное лицо, называемое генеральным казначеем. Парламент, я должен напомнить читателю, никогда не признавал существования армии при Стюартах и не выделял шесть пенсов специально за ее службу. Войско оплачивалось из личной казны короля или, в случае Якова, из сумм, предназначенных для оплаты ополчения. Таким образом, Палата общин из-за явного упрямства утратила свою власть над генеральным казначеем, и когда столетие спустя пришло время проверить его должность, обнаружила, как будет рассказано на месте, систему коррупции и расточительства, которая почти невероятна. Первый главный казначей, сэр Стивен Фокс, получал жалованье в размере четырехсот фунтов в год, но вскоре он дополнил его, став практически фермером, получающим часть доходов. Зная, что Чарльз испытывал хроническую нехватку наличных, он обязался авансировать средства по своему личному кредиту для еженедельного содержания армии с учетом комиссии в размере одного шиллинга с фунта. По истечении каждых четырех месяцев он обращался в Казначейство за возмещением ущерба, и если его требования не удовлетворялись немедленно, он получал восемь процентов от причитающегося ему долга, получая таким образом очень солидную прибыль. Эта система была отменена в 1684 году, но вычет, или фунтовая надбавка, как ее называли, все еще взимался с армии, без всякой причины, в течение целых полутора столетий. Для покрытия всех других военных расходов существовала должность, носившая старое название армейского казначея.

Вот и все о широких подразделениях администрации, возглавляемых тремя главами: людьми, военными складами и финансами. Теперь необходимо проследить за возникновением нового ведомства, которому было суждено предоставить гражданским лицам ту чрезмерную долю, которой они все еще пользуются в руководстве военными делами. Когда Карл Второй еще находился в изгнании во Фландрии в 1657 году, он назначил гражданского лица, сэра Эдварда Николаса, который был секретарем совета Карла Первого, своим военным секретарем. Для таких гражданских секретарей не было редкостью[210] прикрепляться к штабу генерала, и мы уже видели, как Джон Рашуорт выходит на поле боя с Новой моделью в качестве секретаря Военного совета. После восстановления и в течение шести месяцев со дня вступления Монка в должность некий сэр Уильям Кларк был назначен секретарем вооруженных сил. Хотя он был гражданским лицом, он получил поручение, сформулированное в военных терминах, которые сохранялись в неизменном виде на протяжении целого столетия, предписывая ему подчиняться тем приказам, которые он должен время от времени получать от короля или главнокомандующего вооруженными силами на данный момент, в соответствии с военной дисциплиной. Фактически он был гражданским лицом, полностью подчиненным военным властям и подчинявшимся военной дисциплине, насколько эта дисциплина существовала; на самом деле, он был не более чем секретарем главнокомандующего. Его услуги оценивались не очень высоко, поскольку сначала он получал всего десять шиллингов, а после 1669 года один фунт в день в качестве жалованья себе и клеркам. Назначение носило настолько личный характер, что Кларк сопровождал Монка в море в 1666 году и был убит в морском сражении 1 июня, став первым и последним военным секретарем, павшим в бою.

Затем Монк обратился за услугами к некоему Мэтью Локу, которого он знал как хорошего клерка, и Лок был назначен преемником Кларка с присвоением звания сержанта или военного секретаря. В государственных бумагах нет ни одного письма от него, которое можно было бы найти до смерти Монка, что является достаточным доказательством того, что он не был персоной большой важности; но в 1676 году, когда больше не было единого главнокомандующего, ему было поручено снять квартиры, сменить установленный корпус, отправить конвои и даже уполномочить размещать войска на постоянных дворах, все эти обязанности ранее выполняли военные. Так рано и коварно вновь возникло то гражданское вмешательство в военные дела, которое с таким трудом было отброшено при установлении Новой Модели. Эта система была совершенно не связана с каким-либо вопросом парламентского контроля, поскольку парламент не имел никакого отношения к постоянной армии. Скорее всего, это было просто из-за лени короля, который не хотел ни сам выполнять работу главнокомандующего, ни назначать кого-либо другого делать это за него. Таким образом, армия раз и навсегда оказалась под пятой гражданского чиновника.

Персонал в штаб-квартире был основан на модели, которая преобладала при Кромвеле, хотя, конечно, в масштабе, уменьшенном до мельчайших размеров армии. Поначалу эти обязанности, должно быть, входили в компетенцию очень немногих должностных лиц, и вполне вероятно, что Монк не нуждался в особой помощи. Существовал, однако, комиссар сборов, к которому в 1664 году был добавлен генеральный скаутмейстер, или начальник разведывательного управления. Деятельность внешней разведки во всех ее отделениях, дипломатическом, военно-морском и военном, осуществлялась с замечательной эффективностью во время Протектората государственным секретарем Джоном Турлоу, но Пепис отметил печальный спад в этом департаменте после Восстановления, как он признает, из-за скудных средств, выделяемых службе. Чарльз был не тем человеком, который столкнулся бы с

трудностями создания крупного административного учреждения на прочной основе. Джеймс, с другой стороны, начал сталкиваться с ними очень рано после своего восшествия на престол. Он усилил штат адъютантами и генерал-квартирмейстерами конницы и пехоты и упорно стремился повысить эффективность управления; но его времени было слишком мало, а отвлекающих факторов слишком много, чтобы позволить ему выполнять работу основательно. Если бы он правил десять лет, его знакомство с системой Лувуа и его собственные административные способности могли бы раз и навсегда привести в порядок нашу военную систему. Не будет преувеличением сказать, что его изгнание было в этом отношении величайшим несчастьем, когда-либо постигавшим Армию.

Однако даже ему было бы трудно преодолеть препятствия, воздвигнутые парламентом, а именно трудности с регулярной выплатой заработной платы и поддержанием дисциплины. Было невозможно обеспечить соблюдение военного законодательства в войсках, поскольку парламент постоянно отказывался от своей санкции на этот счет.^[211] Таким образом, не осталось ничего, кроме гражданского права. Солдат, ударивший своего вышестоящего офицера или напившийся на страже, по закону мог предстать перед гражданским магистратом только за обычное нападение или за пьянство, в то время как если он спал на своем посту, или не подчинился приказу, или дезертировал, он не подлежал никакому юридическому наказанию. Парламент, по-видимому, никогда ни в малейшей степени не осознавал опасности такого положения вещей и не сопоставлял его со своей неизменной резолюцией не признавать постоянную армию. Однако на самом деле военные преступления, по-видимому, наказывались как таковые на протяжении всего правления Карла, хотя и без показухи; и дисциплина, по-видимому, поддерживалась без серьезных трудностей. Численность войск была, в конце концов, невелика; многие мужчины уже были приучены к послушанию; традиции Оливера и Джорджа Монка все еще были живы; и мужчины, вероятно, соглашались на службу с молчаливым пониманием того, что условия их службы отличаются от гражданских. Но когда три полка вернулись с дипломатической службы и жестокой войны в Танжере, а восстание Монмута привело к увеличению числа полков, ситуация полностью изменилась. Джеймс, знавший цену дисциплине, решил присвоить себе полномочия, в которых ему отказал парламент, но, как и все слабые люди, пытался добиться своей цели полумерами. Чтобы добиться наказания некоторых дезертиров, он набрал в Суд королевской скамьи беспринципных людей; и хотя виновные были повешены, дисциплина была сохранена только ценой неприкосновенности судебных органов, что нанесло ему большой ущерб как в армии, так и в стране в целом. Сейчас будет видно, как этот вопрос дисциплины был навязан парламенту способом, который не допускал дальнейших пустяков.

Тема оплаты открывает печальную главу в истории английского управления. Уже сообщалось, что Карл Второй разрешил выплату армии подрядчику за комиссию в размере шиллинга в фунте стерлингов. Эти комиссионные, конечно, поступали из карманов офицеров и рядовых; фактически они платили налог в размере пяти процентов за привилегию получать свое жалованье, и это не государству, которому офицеры до сих пор иногда платят равную сумму под названием подоходного налога, а в пользу частного лица. Если бы сокращение армии закончилось на этом, зло не было бы столь серьезным, но на самом деле это была лишь одна капля в огромном океане коррупции. Я уже упоминал об огромной службе, оказанной пуританами честности администрации и повышению моральных стандартов военной профессии. Разрушение старых традиций и замена их новыми принципами было великолепным ходом, но, к сожалению, преждевременным. Новые принципы действительно могли бы

сохраниться, если бы их лелеяли и поощряли в течение следующего поколения, но, к сожалению, нельзя было найти человека, более подходящего для того, чтобы умертвить их голодом, чем веселый монарх. Его трудности, несомненно, были очень велики, но он привнес в них только один принцип: во что бы то ни стало ему не должно быть скучно. Его ленивый эгоизм маскировался изысканным очарованием манер, и, будучи добросердечным человеком, он всегда выслушивал жалобы с сочувствием; но устранение их стоило ему больших хлопот, чем он мог себе позволить. Любой человек, который избавил бы его от неприятностей, был желанным гостем; любая смена, которая избавила бы от неприятной обязанности, была подходящей. Требовалось обеспечить изобилие достойных поклонников, еще большее изобилие требовало удовлетворения назойливых фаворитов; управление было скучным, а денег катастрофически не хватало. Все трудности можно было бы решить с помощью простого процесса предоставления административных должностей как неимущим, так и жадным, или, другими словами, лицензий на грабеж населения. Если они решили приобрести эти офисы за деньги, тем лучше для королевского кошелька. Таким образом, вся структура, созданная во времена Содружества, была разрушена почти одним ударом.

Эффект на Армию был незамедлительным. Очень многие из вернувшихся изгнанников, включая самих Чарльза и Джеймса, служили во французской армии, где система комиссионных за закупки никогда не была отменена и где злоупотребления, устраненные Новой Моделью, все еще были в полном разгаре. Старые порочные традиции не были уничтожены за тринадцать лет, и, возродившись в условиях общей реакции против пуританских ограничений, они быстро зажили новой жизнью. Старая военная централизация Оливера, некоторое время поддерживаемая Монком, быстро рухнула, и то, что еще могло быть армией, превратилось в простую совокупность полков, собственность отдельных полковников, а также войск и рот, собственность отдельных капитанов. Каждый штатский военного ведомства спешил заработать деньги за счет офицеров, а каждый офицер - обогатиться за счет солдат. Шлюзы, столь тщательно закрытые пуританами, были открыты, и злоупотребления трех столетий хлынули обратно в свое старое русло, чтобы беспрепятственно течь по нему еще два столетия.

При первом обновлении система выкупа была доведена до такой степени, что даже рядовые платили взносы завербованным офицерам; но эта практика была быстро пресечена Монком в 1663 году. В марте 1684 года система получила своего рода королевскую санкцию благодаря покупке самим королем комиссионных от одного офицера для представления другому. Затем, девять месяцев спустя, Чарльз внезапно заявил, что он больше не разрешит покупать и продавать военные назначения. Можно усомниться в том, отменил бы он ее, если бы был жив, но несомненно, что система продолжала функционировать в полном объеме при Якове Втором, набирая силу, конечно, с каждым новым годом существования.

Позвольте мне теперь попытаться вкратце обрисовать организованную систему грабежа, которая преобладала на военной службе при двух последних Стюартах. Исследование может быть неприятным, но оно менее патологическое, чем историческое. Итак, сначала давайте поговорим об офицере. Получив свой офицерский чин, он немедленно выплатил один гонорар военному министру, а второй, по-видимому, одному из государственных секретарей. После учреждения больницы Челси, о которой сейчас будет сказано несколько слов, он внес еще пять процентов от своих покупных денег в ее фонды, причем продавец комиссионных внес аналогичную долю из той же суммы на тот же объект. Затем он получил право на жалованье, соответствующее его званию, но это ни в коем случае не означало, что оно выплачивалось ему

регулярно. Во-первых, его жалование было разделено на две части, которые назывались соответственно его прожиточным минимумом и его задолженностью, или погашением задолженности. Первая сумма представляла собой долю от полного денежного довольствия, которое варьировалось в зависимости от ранга офицера, поскольку очевидно, что прапорщик, например, не смог бы прокормиться, если бы из его ежедневных грошей вычитали какую-либо значительную долю, в то время как майор мог быть более обеспеченным и все же не голодать. Таким образом, это пособие было выплачено или должно было быть выдано заранее из кассы и не подлежало задержке. Остаток полной заработной платы, или просроченная задолженность, выплачивалась ежегодно после наступления срока ее выплаты и после того, как из нее были сделаны значительные вычеты. Первым из этих вычетов был фунт стерлингов, или выплата одного шиллинга в фунте генеральному казначею, и выплата полного дневного жалования больнице Челси. Эти остановки были более или менее законными. Затем вмешался генеральный комиссар сборов, чтобы потребовать с офицера, как и со всех остальных военнослужащих, однодневного жалования - налога, который вызвал много недовольства и был в 1680 году снижен до одной трети дневного жалования. Затем последовало огромное количество нерегулярных поборов. Каждый комиссар сборов требовал плату, иногда доходившую до двух гиней за каждый отряд или роту, проходившую на каждом сборе, что, поскольку сборы проводились шесть раз в год, было достаточно непомерно. Затем аудиторы потребовали тридцать шиллингов, или в восемь раз превышающий их гонорар юриста, с каждого отряда и роты за передачу счетов главному казначею. Наконец, сборы в казну, сборы в казну, сборы за выдачу платежных поручений, одним словом, сборы с каждого жадного клерка, который мог причинить себе неприятности, положили конец истории с вымогательством. Пусть читатель помнит, что эта система прожиточного минимума и недоимок с такими же законными отчислениями и почти равными возможностями для нерегулярного воровства все еще действовала, когда мы начали войну за Французскую революцию, и пусть его не удивляет, что армейские офицеры все еще питают недружелюбные чувства к клеркам Военного министерства.[\[212\]](#)

Теперь начинается более прискорбное изучение методов возмещения ущерба офицерами. Для этой цели давайте изучим жалование рядового центинеля, как его называли, линейной пехоты. Она состояла, как это было во времена королевы Марии и все еще должно было быть при короле Георге Третьем, из восьми пенсов в день, или 12 : 13 : 4 фунтов стерлингов в год. Из этой суммы шесть пенсов в день, или 9 фунтов стерлингов в соотношении 2,6 : 6 в год, выделялись ему на пропитание и номинально были неприкосновенны. Остаток, составлявший 3,0 : 10 фунтов стерлингов в год, назывался "валовыми взаиморасчетами", которые, разумеется, подлежали вычету из пяти процентов, или 12 шилл. 2, для главного казначея, и из однодневного жалования госпиталю Челси, в результате чего общие взаиморасчеты были уменьшены до 2,8 шилл. Эта последняя сумма, получившая название "чистых взаиморасчетов", была перечислена полковнику на обмундирование полка, которое включало не только саму одежду, но также шпагу и ремень, а со временем и штык-нож и патронная коробка. Система, как вы помните, восходит ко временам королевы Елизаветы, когда мужчинам на пропитание выделялось полкроны в неделю, а за два костюма в год вычиталось в общей сложности 4 : 2 : 6 фунтов стерлингов. Достаточно очевидно, что сумма, отпущенная на одежду, была недостаточной, и что полковник, который выполнял свой долг ради своих людей, неизбежно должен был оказаться в проигрыше. Более того, это были не единственные его расходы.

Канцелярская работа, влекомая его обязанностями, требовала помощи, для которой он действительно был уполномочен содержать клерка, но не получал никакого пособия, чтобы платить ему. Этот клерк вскоре стал известен как агент полковника, и, хотя он был гражданским лицом и личным слугой полковника, фактически выполнял обязанности полкового казначея.

О результатах такой договоренности можно легко догадаться. То, что полковники теряли деньги из-за своих приказов, не соответствовало военным традициям, и уж точно не соответствовало человеческой природе, и совершенно очевидно, что они этого не делали. Был вызван подрядчик, и широко открылась дверь для грабежа за счет солдата. Полковники получали комиссионные или даже открытые взятки от подрядчиков; агент также получал свой гонорар; и по крайней мере в одном зарегистрированном случае полковник фактически принял взятку от своего собственного агента за предоставление ему контракта. Легко представить, как обстояли дела с одеждой у солдат. Но на этом озорство не закончилось. Средства на пропитание, хотя теоретически они и не подлежали вычету, практически находились во власти полковника и его агента, которые под разными предлогами присваивали себе большую или меньшую долю из шести пенсов бедного солдата. В качестве дополнительного источника прибыли полковники нередко воздерживались от сообщения о вакансии, вызванной смертью офицера, продолжали получать жалование покойного и класть его в свой карман.

Командиры рот, имея перед собой такой пример, не замедлили ему подражать; и от них тоже немало пострадали несчастные солдаты. Но их самым легким путем к грабежу была старая проторенная колея ложных сборов, которая стала еще проще из-за коррумпированности комиссаров. Любая вакансия в рядах после одного сбора оставалась незаполненной до дня, предшествующего следующему сбору, и капитан получал жалование за воображаемого человека во время перерыва. Или опять же, *пропуск*, старый, как времена Хоквуда, вновь появился на сборах и был принят, сговорившись с комиссарами или без них, как настоящий солдат. Наконец, сам Чарльз в какой-то мере поддержал это мошенничество, возродив практику предоставления офицерам такого количества воображаемых людей или постоянных вакансий в каждом отряде или роте, чтобы увеличить их денежное довольствие. И вот *паспортист* натурализовался сначала как "педик", а позже как "прапорщик" в пехоте и "отбуа" в кавалерии и дожил до периода, который хорошо помнят живые люди.^[213] Чем дальше казармы полка от дома, тем грубее были злоупотребления, царившие в нем, а в Ирландии они, похоже, перешли все границы. Капитаны спокойно присваивали все жалование своих рот и отпускали людей на волю, чтобы они жили за счет грабежа жителей. Это был возврат к злу, свирепствовавшему в армии королевы Елизаветы в Нидерландах, и, отдавая справедливость офицерам, следует добавить, что это зло было вызвано в обоих случаях одной и той же причиной. Офицеров просто вынудили к нечестности, удерживая их собственное жалование гражданскими чиновниками в Лондоне.

Не следует думать, что эти скандалы прошли незамеченными в штаб-квартире. Еще в 1663 году были изданы приказы положить конец мошенническим сборам, а два года спустя жалование артиллерийским офицерам было увеличено почти втрое, чтобы контролировать продажу мест и уменьшить соблазн брать взятки. Соответственно, подобные приказы издавались время от времени, но практически безрезультатно; возможно, они издавались главным образом для проформы, чтобы заткнуть рот критике. Корень зла следует искать в гражданском генеральном казначее¹, который в силу особенностей своего положения ни перед кем не отчитывался и пользовался полной безответственностью в течение полных сорока лет. Король, без сомнения,

льстил себе тем, что солдатам регулярно платили; злоупотреблениям потребовалось некоторое время, чтобы достичь своего пика, и за короткое правление Якова Второго, вероятно, его внимание к военному делу несколько улучшило положение. Но пока Карл был на троне, главный казначей делал все, что ему заблагорассудится. Хотя номинально жалованье выплачивалось после каждого сбора, его часто удерживали месяцами и даже годами. Наконец, когда платеж был, наконец, произведен, он был произведен не наличными, а счетами или долговыми обязательствами, которые можно было продать только со скидкой; в то время как агенты полковников воспользовались возможностью вычесть процент с учетом трудностей, которым они подверглись, чтобы получить какой-либо платеж вообще.

Таким образом, старые основы мошенничества были восстановлены, и на них в течение следующих полутора столетий была построена гигантская надстройка мошенничества и коррупции, которая еще не полностью разрушена. Пусть не думают, что в семнадцатом веке подобные злоупотребления были либо новинкой, либо ограничивались Англией. Они были, как я часто повторял, почти такими же древними, как военное искусство, и свирепствовали по всей Европе. Английские офицеры всегда оправдывали свою нечестность словами: "Так во Франции", а во Франции, как показывает история Французской революции, старое зло сохранялось и процветало еще целое столетие. Но грех и позор Англии в том, что, хотя однажды она избавилась от этой проклятой вещи, она снова вернулась к ней, как свинья к своему барахтанью в трясине. В 1659 году английские солдаты гордились своим именем и призванием; в 1666 году быть лейб-гвардейцем уже стало скандалом.^[214] В Содружестве без труда находили рекрутов, чтобы сделать военную профессию, как это было правилом в те дни, делом всей их жизни; но после нескольких лет правления Стюартов король был вынужден прибегнуть к помощи пресс-банды. Статус солдата был понижен и так и не восстановился по сей день.

Я перехожу от этой печальной истории регресса к размышлениям об изменениях, произошедших в других подразделениях службы. Здесь удобнее всего будет начать с организации и оснащения полка. Итак, во-первых, давайте взглянем на кавалерию, которая при восстановлении, по-видимому, определенно имела приоритет как старшая служба. Читатель, вероятно, помнит, что по Новому Образцу постоянная численность полка составляла шесть военнослужащих по сто человек, которая в мирное время была сокращена до шестидесяти человек. Если не считать лейб-гвардии, которые были независимыми войсками численностью по двести джентльменов в каждом, то полк, который в первую очередь привлекает наше внимание, - это "Синие", которые начинали свою жизнь с восьми отрядов, каждый по шестьдесят человек. До сих пор изменений практически не было, но в 1680 году численность синих была уменьшена до пятидесяти человек в отряде; а в 1687 году вновь сформированные полки были сформированы с первоначальной численностью в шесть или семь отрядов всего по сорок человек. Наконец, как сейчас будет видно из предстоящих нам кампаний во Фландрии, численность войск для войны сокращается до пятидесяти человек, а для заключения мира - до тридцати шести. Таким образом, здесь свергнута превосходная система Кромвеля. Кавалерийский отряд настолько ослаблен, что его не стоит разделять на три дивизии, по одной на каждого из трех офицеров, и посеяны семена вынужденного безделья, которые принесут стократные плоды. Едва ли менее значительным является назначение в 1661 году полковых адъютантов для оказания помощи майорам в выполнении обязанностей, которые они до сих пор выполняли без посторонней помощи.

Снаряжение Лошади также было изменено. Солдат сохранил железный головной убор[215] и кирасу, пистолеты и меч Новой модели, но теперь он был дополнительно снабжен карабином, который висел у него за спиной, и патронташем для боеприпасов. Новое снаряжение было роздано домашним войскам в 1663 году, а другим конным полкам - в 1677 году. Это знаменует собой новое рождение бесполезной практики стрельбы из седла, которая привела к растрате неисчислимых боеприпасов с бесконечно малыми результатами. Что касается лошадей, то по-прежнему существовало правило, которое было немного изменено во время Гражданской войны, согласно которому солдат должен был приводить с собой свою собственную лошадь; если у него ее не было, король предоставлял ему ее по средней цене, и деньги, при необходимости, удерживались из жалованья солдата.

На учениях все еще чувствовались следы влияния Кромвеля, поскольку солдаты были выстроены всего в три шеренги; и хотя атака открылась стрельбой из карабинов и пистолетов, все же было четко установлено, что, когда огнестрельное оружие разряжено, не следует думать о перезарядке, а немедленно браться за меч. Более того, хотя фронт все еще увеличивался или уменьшался за счет удвоения рядов или шеренг, уже были признаки маневра небольших дивизий, который должен был вытеснить его.

Проходя рядом с драгунами, читатель, вероятно, заметил, что это подразделение не было представлено в первоначальной армии, сформированной Карлом Вторым. Несмотря на высокую репутацию, которой драгуны пользовались во время Гражданской войны, их полк был сформирован только в 1672 году, и то только для того, чтобы быть расформированным после недолгого двухлетнего существования. Танжерская кавалерия, ныне называемая Первыми королевскими драгунами, была преобразована в драгунский полк по возвращении с дипломатической службы в 1684 году; а четыре года спустя к этому учреждению был добавлен шотландский полк, носящий знаменитое имя. Она была сформирована в 1681 году из трех независимых отрядов, которые были сформированы тремя годами ранее, и пополнилась тремя дополнительными отрядами под названием Королевский драгунский полк Шотландии. Сейчас он является Вторым полком линейной кавалерии и известен всему миру как Шотландские серые.

Драгуны все еще сохраняли свой первоначальный характер конной пехоты. Двенадцать человек из каждого отряда, помимо унтер-офицеров, были вооружены алебардой и парой пистолетов, в то время как остальные были вооружены мушкетами со спичечным замком, патронташами, а после 1672 года и штыками. В 1687 году это снаряжение было усовершенствовано за счет замены кремневых ружей на спичечные, патронных коробок на патронташи и ведер, в дополнение к старым пращам, для перевозки мушкетов. Тактическая единица драгун по-прежнему называлась ротой, хотя в конце Гражданской войны ее часто называли отрядом; но тенденция драгун приравнять себя к коннице проявляется в замене корнета на прапорщика в качестве титула младшего субалтерна. Эта тенденция, возможно, была еще более странной, поскольку драгунские роты численностью в восемьдесят человек, должно быть, представляли выгодный контраст со слабыми и разрозненными конными войсками.

Новое описание конного солдата появилось в 1683 году,[216] в форме Конного гренадера. Вскоре я еще расскажу о гренадерах, когда буду говорить о пехоте, поэтому здесь достаточно указать, что конные гренадеры были практически только всадниками этого конкретного рода

войск, которые, как правило, привязывали своих лошадей для боя и сражались пешими, как драгуны. Во всех трех отрядах были конно-гренадеры, которые были приданы трем лейб-гвардейским полкам. Их особенность заключалась в том, что два младших офицера каждого отряда были лейтенантами, а не поручиками и корнетами.

После Реставрации пехота, как и кавалерия, претерпела изменения в структуре полков. Прежняя численность в сто двадцать человек в роте была сокращена до ста, а в мирное время сократилась до восьмидесяти, шестидесяти и даже пятидесяти человек. Количество рот в батальоне также было изменено. Первая гвардия начала свою жизнь с двенадцати рот; и хотя какое-то время Колдстримеры и вновь сформированные полки сохраняли первоначальную численность в десять человек, все же двенадцать постепенно стали обычной, а после восшествия на престол Якова Второго - общепринятой численностью батальона. Следует отметить, что после 1672 года батальон и пехотный полк перестали быть синонимичными терминами, численность Первой гвардии в том году увеличилась до двадцати четырех рот и двух батальонов, прецедент, который вскоре был распространен на множество других полков.

После восшествия на престол Джеймса к двенадцати ротам каждого полка была добавлена дополнительная рота гренадеров. Впервые они были созданы в 1678 году и получили свое название от гранаты,^[217] новое оружие, которым они были вооружены. Ручная граната представляла собой просто небольшую оболочку диаметром от одного до двух дюймов, поджигаемую запалом и бросаемую рукой. Следовательно, это было доверено самым высоким и отборным людям в полку, от которых можно было с полным основанием ожидать, что они забросят его дальше всех. Белый шлейф, который должен был символизировать белый дым запала, по-видимому, сначала не использовался в качестве отличительного знака гренадеров. Они, как и фузилеры, носили фуражки вместо широкополых шляп, чтобы с легкостью перекидывать свои огнестрельные ружья через оба плеча. Эти шапки, которые сначала были из меха, вскоре были сделаны из ткани и приняли форму митры, которую нам передал Хогарт. Другой особенностью гренадеров было то, что они всегда были вооружены огнестрельными ружьями и топориками,^[218] и что оба их младших офицера были лейтенантами.

Еще одним новым родом войск пехоты стал фузилерский полк, названный так из-за запала или кремневого ружья, в отличие от фитильного ружья, которым они были вооружены. На самом деле они были просто расширением рот огнестрельных ружей, которые входили в состав Новой модели в Железнодорожном департаменте; они были специально выделены для несения службы с артиллерией и, следовательно, включали в себя одну роту минеров. Саперные роты были вооружены длинными карабинами и топориками-молотками, характерными для них самих, и в их составе был только один младший офицер, лейтенант. Как и гренадеры, фузилеры не признавали звания прапорщика, и поэтому их младшие подчиненные назывались вторыми лейтенантами.^[219]

Несколько примечательно, что столь многое следовало сделать из такого знакомого оружия, как огнестрельное ружье. Люди, которые, подобно Густаву Адольфу, видели, что все будущее военных действий зависит от мушкетного огня, давно признали его превосходство над фитильным замком; и Джордж Монк, войдя в Лондон в 1660 году, сразу же приказал колдстримерцам вернуть свои фитильные замки в магазин и взять вместо них огнестрельное оружие. И это предпочтение не ограничивалось исключительно военными реформаторами, поскольку мы находим Ассамблеи Барбадоса и Ямайки, отдаленных островов, на которых

старомодность, как можно было ожидать, умерт сильнее всего, бескомпромиссно отвергающими фитильные замки, предписанные им английским правительством, и настаивающими на том, чтобы вооружаться "фузеями".[220] Однако дома, несомненно, процветали безработица и коррупция, поскольку гвардейцы Колдстрима вернулись к спичечному замку в 1665 году. Наконец, после многих компромиссов, в 1683 году гвардейцы были вооружены исключительно огнестрельными ружьями, в то время как другие полки имели фиксированную долю, вероятно, не менее половины, превосходящего оружия среди своих фитильных ружей.

Соответственно, мы обнаруживаем на протяжении всех этих периодов неуклонное сокращение использования щуки. В гренадерских ротах и фузилерских полках они были полностью упразднены; в других корпусах их доля, которая когда-то составляла половину, при Восстановлении упала уже до одной трети, откуда быстро снизилась до одной четвертой и одной пятой.[221] Однако мы обнаруживаем, что они все еще использовались во время войн Вильгельма Третьего, и мы увидим, что они не нуждались в защитниках даже в конце Семилетней войны, не говоря уже о той роли, которую они сыграли во Французской революции.[222] Как оружие офицеров оно сохранилось на протяжении многих поколений в виде половинчатой пики или шпонта, [223] даже когда алебарда продлевала свою жизнь как своеобразный оружие сержантов. Офицерам также по странному совпадению было поручено сохранить память о доспехах, которые когда-то носили все пикинеры; и горжет сохранился как знак отличия на их груди еще долго после того, как корсеты и кисточки исчезли из мира.[224]

Тем не менее пика получила свой смертельный удар благодаря изобретению штыка. Это новое и революционное оружие было изобретено в 1640 году, когда оно состояло из обоюдоострого лезвия, похожего на наконечник пики, установленного на двух- или трехдюймовой деревянной рукоятке, которую можно было вставить в ствол мушкета. В таком виде штык был впервые выдан Танжерскому полку [225] только в 1663 году, а также всей пехоте и драгунам в 1673 году, но только для того, чтобы быть изъят, пока в 1686 году он не был окончательно переиздан пехотинцам. Только после Революции штыки были розданы всей пехоте.

В плане строевой подготовки изменений практически не было. Фронт по-прежнему увеличивался или уменьшался за счет удвоения рядов и шеренг, и шеренга по-прежнему состояла из шести человек. Сокращение численности пикинеров, однако, значительно увеличило однородность пехоты и немало способствовало упрощению ее передвижений. Более того, хотя шеренга могла состоять из шести человек, маловероятно, учитывая, насколько мушкет и штык вытеснили пику, что боевое построение было больше трех шеренг в глубину. Этот взвод не упоминается в учебниках по строевой подготовке, вероятно, по той причине, что он не пользовался благосклонностью Французской школы, в которой Чарльз и Джеймс оба проходили подготовку. Если бы не это, есть все основания предполагать, что армия, стоявшая лагерем на Хаунслоу-Хит, не отстала бы от времени в вопросах учений и снаряжения, если бы ее можно было без изменений перебросить на поле боя при Бленхейме.

Об артиллерии по-прежнему мало что можно сказать. До 1682 года артиллеристам, похоже, нравилось их первоначальное распределение по небольшим независимым подразделениям, отвечавшим за различные разбросанные гарнизоны. Даже такая небольшая организация, какая появилась в Новой Модели, по-видимому, была утрачена, а полевые орудия, по-видимому, были

переданы батальонам пехоты или использовались теми из эскорта фузилеров, которые были обучены несколькими опытными артиллеристами. Артиллерист долгое время считал себя высшим смертным,^[226] но в 1682 году он был взят под командование Артиллерии, подчинен военной дисциплине и регулярно выполнял свои служебные обязанности. Недалеко было то время, когда организация артиллеристов должна была быть улучшена. Об инженерах я могу сказать не более нескольких деталей, уже приведенных при описании Артиллерийского управления и стрелков.

Остается сказать несколько слов об основании больницы Челси. Рассказывали, что королева Мария была первой из наших государей, проявившей хоть какую-то заботу о старых солдатах, и что Елизавета была невыносимо нетерпелива к таким несчастным созданиям. Два поколения, однако, воспитали в английских государях более мягкое сердце, и когда Карл Второй пробыл на троне двадцать лет и Англия снова была наводнена искалеченными и немощными солдатами, отслужившими свой срок в Танжере, Вест-Индии или Нидерландах, считалось упреком, что верные воины должны умирать с голоду или просить милостыню на хлеб. Больница Килмейнхэм в Дублине была первым плодом этого настроения и была основана в 1680 году; в следующем году ей последовал Челси. Сэр Стивен Фокс, главный казначей, был человеком, который был первым в этой работе, и к его чести следует отнести то, что, заработав так много денег на рядовом, он выбрал такой способ расплаты с ним. План больницы был представлен королю, которого попросили выделить участок земли для строительства. Чарльз, всегда любезный, с готовностью выполнил его просьбу и предложил место для колледжа Святого Джеймса в Челси. "Но, одсо!" - добавил он. "Теперь я вспоминаю, что я уже отдал эту землю здешней госпоже Нелл". После чего, как гласит история, правдивая или нет, Нелл изящно отказалась от своего гранта ради столь благой цели; и госпиталь Челси по сей день принадлежит британскому солдату. К сожалению, приходится добавлять, что чиновники казначейства, похоже, сразу же начали красть часть денег, выделяемых армией на ее содержание, хотя этот факт не удивит читателя, который следил за мной на протяжении всей этой главы. Но друзей в Армии всегда было мало, и лучшими из них в прежние времена, по странному стечению обстоятельств, были королева и блудница. Если бы они учредили фонд для снабжения африканских негров Библиями или даже литургиями, в Англии им многое простили бы; но они больше думали о спасении старых солдат от нужды, поэтому Мария Тюдор по-прежнему остается Кровавой Мэри, а Элеонора Гвин - невыразимой Нелл.

Власти.—Читатель найдет наиболее полные ссылки на детали, приведенные в этой главе, в книге Клиффорда Уолтона "История британской постоянной армии" с указателем, который позволит ему без труда проследить их. Самостоятельно ознакомившись с книгами и бумагами Военного министерства в Архиве, а также с Календарями внутренних дел и Государственного казначейства, я могу поручиться за тщательность и точность автора при подготовке этого обширного массива информации и с радостью признаю свой долг перед ним. Недостатком работы является, конечно, то, что она начинается резко с 1660 г. Армейские списки мистера Далтона и комиссионные реестры также представляют большую ценность и заслуживают благодарности всех работников в области английской военной истории. Стоит время от времени обращаться к британской армии сэра Сиббалда Скотта за некоторыми подробностями, но ее заменяют Древние доспехи Хьюитта с одной стороны и полковника Клиффорда Уолтона с другой. "Гвардия Колдстрима" Маккиннона содержит очень ценное приложение к старинным документам. "Историю гвардейских гренадер" сэра Ф. Гамильтона следует использовать только

с особой осторожностью. Муштра и упражнения того периода могут быть изучены в "Военных наблюдениях" Венна, 1672 год.

КНИГА V

ГЛАВА I

Редко человек сталкивался с такими трудностями, как те, что обрушились на Вильгельма Оранского, когда Революция была практически завершена. Пока его успех был еще неопределенным, он занимал свою любимую позицию военного командира, делающего все возможное против могущества Франции, в то время как для английской нации он был чемпионом и избавителем. Сев на трон, он обнаружил, что имеет дело с дезорганизованной администрацией и деморализованным народом. Сорок лет революции, прерванные двадцатью пятью годами коррумпированного правительства, сделали свое дело; и хаос царил как в умах частных лиц, так и во всех подразделениях государственной службы. Наконец, как будто этого было недостаточно, началась война в Ирландии, война во Фландрии и практически неизбежное восстание в Шотландии.

Первая неприятность пришла к нему довольно быстро. Среди всеобщего ликования по поводу свержения короля Якова английская армия стояла особняком, угрюмая и молчаливая. Полки почувствовали, что их одурачили. Они были сосредоточены для сопротивления иностранному вторжению, но были выведены без какой-либо попытки нанести удар. Во время своего наступления и после прибытия в Лондон Уильям распределил британские полки на голландской службе по всем обязанностям, которые, будучи возложены на иностранцев, могли бы оскорбить национальные чувства; но его благоразумие не могло примирить Армию. Войска остро ощущали свой позор, и бремя их бесчестия усугублялось насмешками иностранцев. Более того, дисциплина голландцев была настолько замечательной, что англичане не преминули провести оскорбительные сравнения между хорошо воспитанными иностранцами и своими собственными красными мундирами. Излишне говорить, что они никогда не задумывались о том, что парламент, лишая себя полномочий по обеспечению дисциплины, несет главную ответственность за проступки английских солдат. Недовольство быстро распространилось среди войск, и не прошло и месяца, как был провозглашен новый король, как оно вылилось в открытый мятеж.

1689.

При известии об экспедиции Вильгельма в Англию Франция объявила войну Генеральным штатам; и Англия, в соответствии с обязательствами по договору, была призвана предоставить

свой контингент войск для их защиты. Соответственно, 8 марта генерал-лейтенанту лорду Мальборо было приказано отправить четыре батальона гвардии и шесть линейных[227] для Голландии. Среди этих батальонов был Королевский шотландский полк, полковником которого Вильгельм, несомненно, из лучших побуждений, недавно назначил герцога Шомберга. Шомберг, по слухам, был одним из первых солдат в Европе. Во Франции он получил маршальский жезл и пожертвовал им во имя протестантской религии. Он даже сражался на стороне шотландской королевской семьи не в одном крупном сражении. Но он не был шотландцем, а шотландцы еще не знали ни одного полковника, кроме Маккея, Хепберна или Дугласа. Более того, Вестминстерский парламент, хотя и не был шотландским собранием, без консультаций с полком хладнокровно передал свою верность от Джеймса Стюарта Вильгельму Нассаускому.

С большим ворчанием шотландцы дошли до Ипсвича по пути в порт посадки, а затем, по сигналу нескольких офицеров-якобитов, подняли мятеж, захватили четыре пушки и, повернув на север, форсированными маршами двинулись в сторону Шотландии. Тревога в Лондоне была велика. "Если вы позволите этому злу распространяться, - сказал полковник Берч, старый офицер времен Кромвеля, - то через несколько дней у вас будет целая армия". Уильям немедленно отправил Гинкелла, одного из своих лучших офицеров, с большим отрядом в погоню; мятежники были настигнуты близ Слифорда и, сочтя сопротивление безнадёжным, сложили оружие. Вильгельм, выбрав нескольких зачинщиков только для наказания, приказал остальным частям полка вернуться к своим обязанностям, и шотландцы королевской крови спокойно отплыли к Маасу. Там солдаты дезертировали десятками и даже сотнями,[228] но были найдены рекруты, столь же хорошие, как и они, для поддержания древней репутации полка.

Между тем из зла вышло добро, поскольку мятеж заставил Палату общин не только оплатить расходы на экспедицию Вильгельма, но и принять первый Закон о мятеже. Это правда, что Закон был принят всего на шесть месяцев и что он предусматривал не более чем наказание за мятеж и дезертирство; но в нем, по крайней мере, признавалось, что воинские преступления не могут быть должным образом пресечены гражданским законодательством, и это давало Армии более или менее законное право на существование. Но читателей следует раз и навсегда предостеречь от распространенного заблуждения, что существование армии когда-либо зависело от принятия ежегодного Закона о мятеже. Статут просто уполномочивал короля заниматься определенными военными преступлениями, которые гражданское законодательство не предусматривает. Это вызвало большой резонанс в заявлении о том, что создание или содержание постоянной армии в мирное время противоречит закону, но постоянная армия существовала почти тридцать лет до принятия Закона о мятеже и продолжала существовать, как будет видно, в течение двух коротких, но отчетливых периодов между 1689 и 1701 годами без помощи какого-либо Закона о мятеже вообще. Таким образом, если содержание постоянной армии в мирное время противоречит закону, то можно сказать только, что в эти периоды парламент намеренно выделял деньги на нарушение закона, как, собственно, он всегда готов сделать, когда ему удобно. Закон о мятеже не был защитой свободы; парламент в настоящее время не оставлял за собой никаких ограничений в отношении военного кодекса, который мог быть установлен королем; и поэтому Закон был скорее мощным оружием, вложенным в руки суверена. Тем не менее, принятие Закона о мятеже всегда остается событием первостепенной важности в истории армии, и история его возникновения типична для

отношения парламента к этому многострадальному органу. Каждая уступка, нет, каждое самое обычное требование должно быть вырвано из него давлением страха.

Можно было бы подумать, что новости, пришедшие из Ирландии за несколько дней до мятежа, побудили бы Палату общин принять какие-либо подобные меры. Тирконнел уже призвал ирландцев к оружию в поддержку короля Якова, и 14 марта сам Яков, заручившись помощью французского короля, высадился в Корке с несколькими сотнями офицеров для организации ирландских рекрутов. Регулярные войска ирландского истеблишмента, которыми Тирконнел манипулировал еще до революции, были готовы присоединиться к нему. Некоторые полки перешли к нему целыми; другие разделились на католиков и протестантов и расположились по разные стороны баррикад. Было очевидно, что перед английским правительством стояла не меньшая задача, чем отвоевание Ирландии; и учитывая, что несколько полков уже были отправлены во Фландрию, было столь же очевидно, что армия должна быть увеличена. Поэтому были составлены сметы расходов на шесть кавалерийских полков, два драгунских и двадцать пять пеших, шестнадцать из которых должны были быть вновь сформированы для предстоящей кампании.

Из новых полков несколько были готовы принять руку Вильгельма. Первым был полк лорда Форбса, один из многих ирландских корпусов, введенных в Англию королем Яковом в 1688 году, и единственный, который, будучи полностью состоящим из протестантов, не был распущен Вильгельмом при его восшествии на престол. Он все еще с нами как Восемнадцатый Королевский ирландский. Следующие три были корпусами, которые были созданы для поддержки протестантского дела во время революции. Первым из них был кавалерийский полк, созданный графом Девонширским среди его арендаторов в Дербишире, который, долгое время известный под названием "Черная лошадь", теперь носит название Седьмого гвардейского драгунского полка. Вторым был пехотный полк, который был сформирован в Эксетере, чтобы присоединиться к принцу Оранскому в его походе из Торбея, и до сих пор известен как Двадцатый Восточный Девонский; а третий также остался у нас как Девятнадцатый Линейный. Еще три полка датируют свое рождение мартом 1689 года — один создан герцогом Норфолком, один зачислен в Уэльские марши, и третий, который был набран в Ирландии, но почти сразу же переброшен в Англию. Сейчас они Двадцать вторые, Двадцать третьи и Двадцать четвертые в Линейке. Еще шестью пехотными полками, которые были сформированы в том же году, но расформированы в конце войны, были Дрохеда, Лисберн, Кингстон, Инголдсби, Роскоммон и Болтон. Из них, как ни странно, не менее трех были одеты в синие, а не в алые мундиры, возможно, в подражание знаменитой Синей гвардии короля Вильгельма. Таким образом, с учетом того, что десять тысяч человек должны были быть зачислены, пробурены, обучены и экипированы, весной этого года недостатка в работе ни у офицера по набору персонала, ни у Управления боеприпасов не было.

10 мая.

Вскоре Вильгельм и Шомберг сделали открытие, что за старыми полками потребуется не меньше присмотра, чем за новыми. Во всей военной системе наблюдались серьезные симптомы прогнившего строя; и недовольные уже распространяли ложные и клеветнические слухи об обращении с английскими полками во Фландрии с очевидным намерением разжечь мятеж. Более того, поступали громкие жалобы от граждан на притеснения со стороны солдат, от солдат на мошенническое удержание их жалованья, и от каждого честного офицера, увы, нет!

очень многочисленная группа, состоящая из ложных призывов, растрат, мошенничества и всевозможных злоупотреблений. Король, не теряя времени, назначил девять уполномоченных во главе с Шомбергом, которые должны были совершить поездку по кварталам Англии, выяснить истинное положение дел и, по возможности, восстановить порядок и дисциплину.[229]

15 25 августа .

Еще более тревожные новости поступили от принца Вальдека, командовавшего армией конфедерации во Фландрии. Английские полки были намного слабее численного состава, приписанного к ним на бумаге, их офицерам плохо платили, и многие из них, даже полковники, плохо руководили; солдаты были болезненными, вялыми,[230] недисциплинированными и беспорядочными; их обувь была плохой, одежда жалкой, само оружие неисправным. Вильгельм, чьи взоры всегда отдавали предпочтение восточному берегу Германского океана, не теряя времени, послал своего лучшего офицера во Фландрию; но даже графу Мальборо пришлось немало потрудиться, чтобы призвать эти неуправляемые элементы к порядку. Тем не менее он выстоял; и в единственном серьезном сражении, в котором британцы участвовали во время кампании, против маршала д'Юмьера при Валькуре, Мальборо открыл Вальдеку глаза на качества своих людей и на свои собственные способности. Это было первое столкновение Мальборо с маршалом Франции; и, похоже, Вильгельм этого никогда не забывал. На этом мы можем закрыть глаза на кампанию во Фландрии 1689 года.

Тем временем другой солдат замечательного таланта и старый товарищ Вильгельма поднял восстание в Шотландии. Драгуны, с которыми Данди изводил ковенантеров и заслужил прозвище "Кровавых Клаверсов", все еще были готовы к его атаке, и к ним, раздувая неугасимое пламя межплеменной вражды, он вскоре добавил множество горных кланов. Бегство Данди из Эдинбурга с целью восстания побудило город принять срочные меры для своей обороны. Лорд Левен приказал бить в барабаны и, как говорят, за два часа собрал восемьсот человек; но работа, затянувшаяся за эти два часа, растянулась на два столетия, поскольку полк, наспех зачисленный таким образом, все еще жив как двадцать пятый Линейный. Вскоре после этого Уильям отправил три шотландских полка голландской службы под командованием ветерана-офицера Маккея, и война в Шотландии началась всерьез. Однако, каким бы искусным Маккей ни был на знакомых полях сражений Фландрии, он был беспомощен в Высокогорье, где одна неделя с Джорджем Монком помогла бы ему больше, чем все кампании при Тюренне. Он достаточно добросовестно ползал по стране в погоне за врагом, которого никогда не мог настичь, без дальнейшего результата, кроме истощения сил как лошадей, так и людей. Только после того, как один этап беспорядочной кампании был завершен и началась новая, он, наконец, встретился со своим врагом при Килликренки.

27 июля.

Мне нет необходимости повторять историю, раз навсегда рассказанную лордом Маколеем об этом романтическом действе; но стоит остановиться на некоторых его особенностях. Силы Маккея состояли из пяти батальонов — трех уже упомянутых шотландских полков, Гастингсовского, ныне Тринадцатого полка легкой пехоты, и недавно сформированного Двадцать пятого вместе с двумя кавалерийскими отрядами. Из них шотландские батальоны, обученные в голландской школе компетентными офицерами, несомненно, должны были быть

наиболее боеспособными; однако все три из них сломались под натиском горцев, побросали оружие и не собирались объединяться. Два кавалерийских отряда бросились наутек и исчезли; Двадцать пятый полк разбился, как и другие шотландские полки, что было простительно таким молодым солдатам, хотя они и предприняли некоторые усилия, чтобы сплотиться.

Единственным устоявшим полком был Тринадцатый, который до конца вел убийственный огонь и отступил с совершенным хладнокровием и хорошим порядком. И все же это была их первая акция, а Гастингс, их полковник, был одним из самых беспринципных негодяев, даже в те дни всеобщего грабежа, которые когда-либо грабили полк.^[231] Таким образом, войска, которые должны были действовать наилучшим образом, поступили худшим образом, а те, от которых можно было ожидать худшего, поступили наилучшим образом; и мораль, по-видимому, такова, что неопытные войска иногда безопаснее, чем войска, обученные цивилизованному ведению войны для ведения жестоких боев в условиях дикой кампании.

Еще более любопытный пример той же особенности был замечен перед окончанием войны. В конце первого этапа кампании Маккея было признано необходимым набрать свежие войска; и была выражена надежда, что ковенантеры Западной Шотландии, у которых из всех людей было больше всего причин ненавидеть кровавого Клеверхауза, возможно, согласятся предоставить рекрутов. Но члены Ковенанта испытывали угрызения совести по поводу вступления в армию короля Вильгельма, где они могли оказаться плечом к плечу с безнравственными и, что еще хуже, с неортодоксальными. Даже Маккей, человек крайнего благочестия,^[232] был заподозрен ими. Они провели шумный митинг, на котором большинство, вероятно, не подозревая, насколько ужасной правдой были их тогдашние слова о британской армии, заявили, что военная служба - это греховное общение. Тем не менее, все еще оставалось меньшинство, из которого граф Ангус сформировал пехотный корпус численностью в тысячу двести человек, который, хотя и составлял теперь двадцать шестую часть Линии, по-прежнему наиболее известен под своим первым названием "камеронцы". Их представления о военной организации были своеобразными. Они желали, чтобы в каждой роте был старейшина, который вместе с капелланом составлял бы суд по пресечению безнравственности и ереси; и хотя старейшины никогда не назначались, а офицеры носили обычные титулы капитана, лейтенанта и прапорщика, все же капеллан, известный горный проповедник, лично внушал всем фанатизм. Итак, несмотря на бред большинства, истинно пуританский полк снова надел красный мундир под командованием самого молодого полковника — Ангусу было не более восемнадцати, — который руководил такими людьми со времен Генри Кромвеля.

21августа.

В течение четырех месяцев они сражались при Данкельде с горцами, вчетверо превосходившими их по численности. Они все еще были недостаточно дисциплинированы, все еще были чем-то вроде конгрегации, которая предпочитала старших офицерам. Они не были удовлетворены тем, что их конные офицеры не ускакали галопом, пока подполковник и майор не предложили пристрелить их лошадей у них на глазах. Затем они собрались с духом и дали такой бой, какой редко выпадал на долю полка новобранцев. Битва разыгралась среди рева горящего города. Ангус не присутствовал — каким бы коротким ни было его время, оно еще не пришло — и его место занял подполковник Клиленд. Едва началось действие, как Клиленд упал замертво. Майор шагнул на свое место и через минуту был пронзен тремя смертельными ранами. Люди тоже быстро падали; вокруг них трещали ружейные залпы, а позади ревело пламя; но они все еще сражались. В конце концов у них закончились боеприпасы; все

сговорилось для того, чтобы сделать испытание слишком тяжелым для молодого полка; но ничто не могло сломить дух этих людей. Наконец, после четырех долгих часов, горцы в беспорядке отступили. Камеронцы выиграли свое первое сражение и положили конец войне в горной местности.

Но та война принесла британской армии нечто большее, чем даже два знаменитых шотландских полка. Ибо Маккей заметил, что при Килликрэнки у его шотландцев не было времени вставить неуклюжие штыки-заглушки в дула своих мушкетов и, следовательно, они не смогли отразить атаку горцев. Поэтому он приказал изготовить штыки таким образом, чтобы их можно было привинчивать к внешней стороне ствола, что позволяло солдатам вести огонь с закрепленными штыками. Так, наконец, было достигнуто слияние пики и мушкета в единое оружие, что стало великой эпохой в истории военного искусства.[\[233\]](#)

Но пока вербовщики били в барабаны по торговым городам Англии, а Маккей с трудом преследовал горцев, протестантская Ирландия отчаянно сопротивлялась королю Якову в Лондондерри и Эннискиллени. Мне нет нужды напоминать о триумфе непобедимых защитников Дерри; и было бы приятнее, если бы это было возможно, обойти несколько дискредитирующее поведение армии по отношению к пришедшим им на помощь. Действительно, за пять дней до взятия города два английских полка, Девятый и Семнадцатый пехотные, прибыли в залив, но вероломный губернатор Ланди убедил их вернуться и бросить Дерри на произвол судьбы. Полковники Каннингем и Ричардс, командовавшие этими корпусами, были заменены по прибытии в Англию; но никакой дальнейшей помощи не поступало до тех пор, пока 15 июня генерал Кирк не прибыл в Лох-Фойл со Вторым, Девятым и Одиннадцатым пехотными полками. Но даже тогда он не шевелился целых шесть недель, пока не получил из дома приказ освободить город.

31 июля.

Между тем все операции ирландских протестантов, которые не были полностью оборонительными, направлялись из Эннискиллени, который был заполнен беженцами из Мюнстера и Коннахта. С необычайной энергией эти протестанты организовали конный и пеший отряды, с помощью которых они вели непрерывную изматывающую войну против восставших ирландцев. По прибытии Кирка они обратились к нему за подкреплением. Он отказался дать их; но он послал им оружие и офицеров, один из которых, полковник Уолсли, сравнялся в Ньютауне с Батлером Данди в подвиге Килликрэнки, в избиении обученных солдат грубыми, но энергичными призывами. После этого сражения силы эннискиллениеров были реорганизованы в два драгунских полка и три пеших, которые по сей день представлены у нас Пятым королевским ирландским драгунским полком, ныне уланским, Шестым эннискиллениским драгунским полком и Двадцать седьмым эннискиллениским полком линейной пехоты.

Теперь пришло время, когда великая английская экспедиция по отвоеванию Ирландии должна была отправиться в плавание. Необученный ирландский протестант доблестно сыграл свою роль, и настала очередь английского солдата. В течение нескольких месяцев шли большие приготовления; были сформированы новые полки; и, во всяком случае, на бумаге там были не только конные, пешие и драгунские части, но и солидный обоз артиллерии и транспорта. Более того, неудача Каннингема и Ричардса побудила парламент расследовать ход этой экспедиции; и было обнаружено, что запасов транспортных судов было настолько недостаточно, что у людей не было места даже для того, чтобы прилечь, в то время как сухари, которыми их снабдили, были

заплесневелыми и несъедобными, а пиво таким протухшим, что они предпочитали пить соленую воду. Эти недостатки возникли при отправке всего пары батальонов; оставалось выяснить, как военные ведомства смогут справиться с транспортировкой и обслуживанием целой армии. Общая численность войск, которые должны были быть задействованы в Ирландии, приближалась к девятнадцати тысячам человек, из которых примерно четверть уже находилась на месте.

13 августа.

Вильгельм выбрал маршала Шомберга командовать экспедицией. Хотя ветерану перевалило за восемьдесят, он все еще был активен и годен к службе; а по репутации лучшего офицера в Европе не было. 13 августа он высадился со своей армией в Бангоре и выделил двенадцать полков для осады Каррикфергуса. Гарнизон продержался неделю, а затем ему разрешили капитулировать и уйти в Ньюри. Но этой недели было достаточно, чтобы у Шомберга открылись глаза. Новые полки оказались толпами недисциплинированных мальчишек. Их офицеры были невежественны, небрежны и бесполезны. Оружие, подаваемое с Башни, было настолько плохо изготовлено, а солдаты так небрежно обращались с ним, что почти каждый полк нуждался в перевооружении. Офицеры артиллерии были не только невежественны и ленивы, но даже трусливы, [234] в то время как их орудия были настолько неисправны, что недели легкой работы хватило, чтобы большинство из них вышло из строя. [235] Старших офицеров было так же мало, как и младших: не было ни одного квалифицированного для командования бригадой; и комиссар, несмотря на сообщения о том, что он обеспечил все необходимое, не смог снабдить их достаточным количеством припасов. Наконец, несмотря на предупреждение, данное опытом Каннингема и Ричардса, переправа через канал Святого Георгия была проведена настолько постыдно, что один кавалерийский полк, ныне известный как "Королевские гнедые", потерял при переходе всех боевых коней. [236] Результатом стало то, что все смешалось, и каждая деталь в каждом подразделении требовала личного контроля главнокомандующего.

К счастью, ирландцы Джеймса были настолько деморализованы предыдущими неудачами, что его офицер в Белфасте счел разумным эвакуировать этот город. Поэтому Шомберг разместил в нем гарнизон и двинулся со всеми своими силами на Ньюри. Герцог Бервикский, охранявший дорогу, отступил на подходе к Дрохеде, где Яков собрал двадцать тысяч человек; а Шомберг, продвигаясь по опустошенной и безлюдной местности, остановился и окопался в Дандолке. Джеймс пробивался вперед на расстояние лиги от него, пытаясь склонить его к действию, но Шомберга не удалось заманить в ловушку, и ко второй неделе сентября кампания была закончена.

Дело в том, что месячная служба в полевых условиях полностью сломила английскую армию. К тому времени, когда она достигла Дандолка, она была на грани голодной смерти. Главный комиссар, некто Шейлс, был человеком опытным, поскольку он был поставщиком в лагере короля Якова в Хаунслоу; и у него были запасы — плохие запасы, это правда, но тем не менее запасы — на базе, в Белфасте. Но он не предусмотрел, чтобы какую-либо их часть перевезли с армией. Он скупил большое количество лошадей в Чешире, но, вместо того, чтобы перевезти их в Ирландию, сдал фермерам округа для сбора урожая и прикарманил их плату. [237] Опять же, артиллерию нельзя было перебросить, потому что Департамент боеприпасов рассчитывал, что Шейлс предоставит лошадей, в то время как Шейлс заявил, что артиллерия - не его дело. Более того, если бы лошади были на месте, для их ног не было бы подковы. [238] Несмотря на

заверения Шомберга, не было принято никаких мер по снабжению войск продовольствием морем, хотя Кромвель сорок лет назад в Шотландии показал, насколько легко можно выполнить эту работу. Но на самом деле экспедиция была бы организована лучше, чем под руководством такого старого мастера, как король Эдуард Третий.^[239] Никогда не было более показательного примера английского невежества, пренебрежения и лени в отношении военной администрации.

К 18 сентября запасы продовольствия в Дандолке истощились, и люди начали гибнуть десятками и сотнями. В этом не было ничего удивительного, поскольку они были не только не кормлены, но и раздеты; во всей английской пехоте не было даже шинели; кавалеристы были без плащей, сапог и ремней, и почти все войска нуждались в обуви. Более того, англичане были беспомощны; когда им приказывали строить себе хижины, они не могли заставить себя повиноваться, даже учитывая пример своих товарищей-голландцев и гугенотов. Среди них быстро распространялись болезни, и не было больницы; а если бы и была больница, то не было лекарств. Наконец, поведение офицеров было совершенно постыдным. "Львы в Африке, - писал один из тех, кто был на месте, - не более варвары, чем некоторые наши офицеры по отношению к больным".^[240] "Я никогда не видел офицеров более злых и более заинтересованных", - написал Шомберг почти в тот же день.^[241] Главнокомандующий сделал все возможное, чтобы вступить за людей, но его руки были уже заняты. Полковники были, пожалуй, худшими из всех офицеров; они лучше разбирались в грабежах, чем в оплате труда своих людей, и заполнили свои опустевшие ряды ничемными ирландскими рекрутами просто потому, что их было легче обмануть, чем англичан.^[242] Шомбергу стоило недельной работы добиться того, чтобы жалованье солдат поступало в их собственные карманы, а не в карманы их капитанов.

Однако в целом главная вина лежала не на военных офицерах. Постоянная жалоба Шомберга заключалась в том, что он не мог получить денег, и ответственность за это нес армейский казначей. Этот чиновник, Уильям Харборд, гражданское лицо и член Палаты общин, по-видимому, был в целом самым бесстыдным из всех должностных лиц Ирландии. Каким-то образом он ухитрился обзавестись независимым кавалерийским отрядом, за который получал жалованье, как за полноценный, хотя на самом деле отряд состоял из него самого, двух клерков, которых он причислил к офицерам, и штандарта, который он держал в своей спальне.^[243] Это был единственный корпус, которому регулярно платили. Другие полки он в равной степени использовал в своих интересах, отправив домой фальшивые списки призывников^[244] чтобы получить жалованье вакантным; но всякий раз, когда поднимался вопрос об оплате солдат, он уклонялся от этого и отправлялся в Англию, ссылаясь на необходимость выполнять свои обязанности в Палате общин. Именно Харборд снова был ответственен за крах больницы. Он действительно признавал, что, если бы он знал о госпиталях столько же в начале, сколько в конце кампании, он мог бы спасти две трети солдат; но правда заключалась в том, что он никогда бы не выделил на это ни пенни.^[245] К Рождеству Шомберг начал смягчаться по отношению к своим офицерам, поскольку обнаружил, что они остались без гроша, не получив ни фартинга жалованья за четыре месяца.^[246] Тем временем мирные жители толстели. Шейлс покупал соль по девять пенсов за фунт и продавал ее по четыре шиллинга;^[247] а младшие комиссары действовали как полковые агенты и ссужали деньги несчастным офицерам под непомерные проценты.^[248]

5 ноября.

При таком положении дел Шомберг, справедливо или нет, считал себя бессильным. Вильгельм время от времени приказывал ему наступать на Дублин, и Харборд с невероятной дерзостью убеждал его выступить против врага.^[249] Шомберг ответил Уильяму простым изложением своего состояния, а Харборд - угрюмым и презрительным рыком. По правде говоря, его голландский и гугенотский полки, которые были хорошо одеты и о которых хорошо заботились их офицеры, были единственными войсками, на которые он мог положиться. Англичане продолжали умирать как мухи. Шомберг мудро постарался отвлечь их мысли от собственных страданий, продолжая тренироваться. Он обнаружил, что ни один из четырех не имел ни малейшего представления о том, как заряжать или стрелять из своего мушкета, в то время как сами мушкеты при обращении с ними разваливались на куски. Эпидемия усилилась, а вместе с ней черствость и неподчинение. Мужчины использовали трупы своих товарищей, чтобы остановить сквозняки под стенами своих палаток, и грабили любого, чей внешний вид сулил надежду на наживу. Эта недисциплинированность распространялась не только на Дандолк. Эннискиллленеры, которые обычно представлялись превосходящими англичан, были столь же склонны к грабежу и ограбили самого Уильяма Харборда, несмотря на его протесты, среди бела дня.^[250] К счастью для Шомберга, войска Джеймса были в таком же плачевном состоянии, как и его собственные, так что он смог беспрепятственно удалиться из Дандолка на зимние квартиры. Из четырнадцати тысяч человек, находившихся в лагере, погибло более шести тысяч.^[251]

Зима проходила медленно и мучительно, но смертность в войсках не уменьшилась. Тем временем Палата общин, осознав ужасное положение вещей в Ирландии, обратилась к королю с просьбой арестовать Шейлса. Уильям ответил, что он уже посадил его под арест; и, соответственно, имя Шейлса постоянно упоминалось в Палате представителей в течение следующих нескольких месяцев, но без какого-либо результата. Похоже, он остался безнаказанным; и действительно, в Палате общин и во всех доверенных местах не было недостатка в таких коррумпированных людях, как он. Затем Уильям предпринял экстраординарный шаг, попросив Палату представителей назначить семь членов для наблюдения за подготовкой к следующей кампании, но она очень мудро отказалась это сделать. Однако он назначил Комитет для изучения расходов на войну,^[252] и, наконец, принял Закон о мятеже с новыми положениями против ложных сборов и других злоупотреблений — положениями, которые были такими же старыми, как король Эдуард Шестой, и для всех практических целей считались мертвыми. Требовалось не законодательство, а обеспечение соблюдения существующих законов. Однако Уильям, похоже, рано в отчаянии оставил надежду найти честного человека в Англии.

1690.

И теперь, имея перед глазами опыт 1689 года, король и Шомберг начали составлять свои планы на кампанию 1690 года. Что касается войск, то Шомберг был категорически против дальнейшего использования полков из жалких английских и ирландских мальчишек;^[253] и поэтому было решено перевезти двадцать семь тысяч закаленных мужчин, из них семнадцать тысяч британцев, а остальные голландцы и датчане, из Англии и Голландии. Артиллерия и стрелковое оружие были импортированы из Голландии, поскольку в Управлении боеприпасов обнаружилась нехватка; и в качестве смелого эксперимента, который оказался полным

провалом, король взял обмундирование нескольких полков из рук их полковников в свои руки.[254] Наконец, были приняты меры для надлежащей организации транспортного обслуживания. План кампании в его общих чертах был составлен гражданским лицом, сэром Робертом Саутвеллом,[255] министром по делам Ирландии. По его словам, страна должна быть атакована одновременно с севера и юга, поскольку, пока порты Мюнстера открыты, Франция всегда может перебросить туда подкрепления и припасы. Таким образом, в то время как Шомберг продвигался с севера, спуск должен быть произведен с юга, и целью должен быть Корк. Наконец, Саутвелл или какой-нибудь другой разумный человек сделал то, что Уильям должен был сделать годом ранее, и составил краткий отчет о принципах, которым с таким впечатляющим успехом следовал в Ирландии этот забытый генерал Оливер Кромвель.[256]

Я не буду далее останавливаться на ирландских кампаниях 1690 и 1691 годов. В них содержится мало важного для истории Армии, и читатель с большей готовностью последует за лордом Маколеем, чем я, по этой знакомой местности. Битва на реке Бойн была выиграна без особой похвалы мастерству Уильяма и довольно дорого оплачена смертью доблестного старого Шомберга. Войска кое-чему научились на действительной службе и кое-чему, хотя и не в такой степени, как следовало бы, - дисциплине. Урок Кромвеля не был принят близко к сердцу, и ирландцам-протестантам было позволено подать пример грабежа, которому слишком охотно последовали англичане. Последняя кампания Гинкелла 1691 года была более успешной, более блестящей и более удовлетворительной во всех отношениях, поскольку ирландцы сражались с выдающейся доблестью. В остальном англичане продемонстрировали при Агриме и Атлоне свою обычную отчаянную доблесть; они добились успеха, даже когда опытные командиры, такие как Святая Руфь, с восхищением признавались, что считали свой успех невозможным. Но что касается мастерства, то тихие и ненавязчивые захваты Корка и Кинсейла в 1690 году были, безусловно, самыми блестящими достижениями войны; и это была работа Джона, графа Мальборо.[257]

ГЛАВА II

1690 год,
октябрь.

Теперь я перехожу к Фландрии, которая вот-вот во второй раз станет тренировочным полигоном британской армии. Разумная помощь, посланная Людовиком Четырнадцатым в Ирландию, практически отвлекла все силы Вильгельма в этот район на целых две кампании; и хотя, как мы видели, англичане были во Фландрии в 1689 и 1690 годах, контингенты, которые они предоставили, были слишком малочисленны, а операции слишком незначительны, чтобы требовать подробного описания. После битвы на реке Бойн ситуация несколько изменилась, поскольку, хотя для окончательного умиротворения Гинкелла в 1691 году в Ирландии все еще требовались большие силы, Уильям, тем не менее, был волен лично выступить во Фландрию. Более того, парламент с большой доброй волей проголосовал за семьдесят тысяч человек на

следующий год, из которых пятьдесят тысяч были британцами, [258] так что Англия была готова продемонстрировать свои силы в Европе в масштабах, невиданных со времен потери Кале.

Но сначала следует уделить небольшое место театру военных действий, где Англии предстояло встретиться и сокрушить самонадеянную мощь Франции. Мало найдется исследований более трудных даже для начинающего исследователя, чем изучение старых кампаний во Фландрии, и еще меньше таких, которые не поддаются столь безнадежному упрощению для обычного читателя. Тем не менее, какой бы отчаянной ни была задача, необходимо раз и навсегда приложить усилия, чтобы дать общее представление о сцене бесчисленных великих действий.

Заняв позицию на северной границе Франции и посмотрев на север, читатель заметит три большие реки, протекающие через страну перед ним, грубо говоря, тремя параллельными полукругами, с юго-востока на северо-запад. Это, с востока на запад, Мозель, впадающий в Рейн у Кобленца, Маас и Шельда, все три из которых впадают в большую дельту, южным ключом к которой является Антверпен. Но пока пусть читатель сузит поле зрения от Мааса на востоке до моря на западе и сосредоточит свое внимание сначала на Маасе. Он увидит, что немного севернее французской границы река принимает большой приток с юго-запада, Самбр, который протекает мимо Мобежа и Шарлеруа и впадает в Маас у Намюра. Оттуда соединенные реки текут дальше, мимо укрепленных городов Хай, Льеж и Местрихт, к морю. Но пусть пока северной границей Мааса для читателя будет Местрихт, и пусть он обратит внимание на другую реку, которая берет начало немного западнее Местрихта и течет почти строго на запад мимо Аршота и Мехлина к морю у Антверпена. Пусть эта река, Демер, будет его северной границей, а Маас от Местрихта до Намюра - его восточной границей.

Возвращаясь на юг, пусть он обратит внимание на реку, берущую начало непосредственно к западу от Шарлеруа, - Эну, которая впадает в Шельду у Турне, и пусть он проведет линию от Турне на запад через Лилль и Ипр к морю у Дюнкерка. Пусть эта линия от Дюнкерка до Шарлеруа будет проведена на восток до Намюра; и там будет его южная граница. Его западная граница - это, конечно, море. В пределах этого четырехугольника, Антверпена (или, более строго говоря, устья Шельды), Дюнкерка, Намюра и Маэстрихта, находится самое знаменитое поле боя в Европе.

Взглянув на него на карте, читатель увидит, что этот четырехугольник прорезан рядом рек, текущих параллельно друг другу с юга на север и впадающих в основные потоки Демер и Шельду. Первыми из них, начинающимися с востока, являются Великая и Малая Гиты, которые сливаются воедино перед тем, как влиться в основной поток. Стоит на мгновение остановиться на этом маленьком клочке земли между Гите и Маасом. Мы увидим большую часть Намюра, Юи, Льежа и Местрихта, которые контролируют судоходство по большей реке, но мы увидим еще больше Гите и двух меньших ручьев, Яара и Мехена, которые берут начало почти на том же плоскогорье, что и она. В Нижнем Яаре, недалеко от Местрихта, стоит деревня Лауффельд, которая станет нам более известной через пятьдесят лет. На Малой Гите, чуть выше ее слияния с более крупной одноименной рекой, находятся деревни Нервинден и Ланден. На небольшом пространстве между верховьями рек Гите и Мехейн раскинулась деревня Рамиллис. Ибо эта сеть ручьев служит защитой от врага, который может угрожать судоходству по Маасу с севера и запада, и барьером Испанской Фландрии от вторжения с востока; а земля богата трупами и жиром от человеческой крови.

Следующим потоком на запад является Дайл, который течет мимо Лувена к Демеру и получил свое название в честь слияния с этой рекой. Следующей по порядку является Сенне, которая протекает мимо Парка, Хэла и Брюсселя к тому же главному потоку. В верховьях Сены стоит деревня Стинк-Кирк; на полпути между Дайлом и Сенной находятся Суанский лес и поле Ватерлоо.

Здесь заканчиваются притоки Демера, но ряд параллельных ручьев продолжается притоками другой системы, Шельды. Самым восточным из них и следующим по порядку после Сенне является Дендер, который берет начало близ Леуза и течет мимо Ат и Алоста к Шельде в Дендермонде. Затем следует сама Шельда с ее притоками Скарпе и Хайне, которые она несет мимо Турне и Ауденарде к Генту и к морю у Антверпена. Самый западный из всех, Лис протекает мимо Сен-Венана, где во времена Кромвеля мы видели сэра Томаса Моргана и его бессмертные шесть тысяч, мимо Менина и Куртрэ и впадает в Шельду у Гента.

Вся протяженность четырехугольника составляет около ста миль в длину и пятидесяти в ширину, с большим водным путем на западе, вторым на востоке и третьим, ключом к которому является Гент, грубо говоря, на полпути между ними. Земля, плодородная по своей природе и обогащенная искусством, дает пищу людям и животным, водные пути обеспечивают транспортировку припасов и боеприпасов. Это была страна, где люди могли убивать друг друга, не умирая с голоду, и, следовательно, на протяжении веков была центром Европы.

Взгляд на любую старую карту Фландрии показывает, насколько густо была усеяна эта страна городами, окруженными стенами меньшей или большей прочности, и объясняет, почему война во Фландрии обычно должна была быть войной осад. Каждый из этих маленьких городков, конечно, имел свой гарнизон; и маневры противоборствующих сил в значительной степени определялись стремлением одной стороны высвободить эти гарнизоны для активной службы в полевых условиях, а другой - удерживать их взаперти в своих стенах как можно дольше. Следовательно, очевидно, что армия вторжения неизбежно имела большое преимущество, поскольку она угрожала крепостям противника, в то время как ее собственным ничего не угрожало. Таким образом, десять тысяч человек на Верхнем Лисе могли парализовать втрое большее их количество в Генте, Брюгге и прилегающих городах. С другой стороны, если генерал-захватчик намеревался взять в осаду важный город, он прибегал к маневру, чтобы выманить гарнизон на поле боя, прежде чем приступить к осаде по форме. Тем не менее, однажды начатая крупная осада, армия оставалась неподвижной, и одного факта было достаточно, чтобы освободить вражеские гарнизоны по всей стране; отсюда возникла необходимость во второй армии для прикрытия осаждающих. Умение и тонкость, проявленные великими полководцами для достижения этих различных целей, к сожалению, можно понять только при более тщательном изучении, чем можно ожидать от кого-либо, кроме студента-военного.

Вторая причина немало способствовала повышению вкуса к осадной войне, а именно пример Франции, в то время первой военной державы в Европе.^[259] Версальский двор особенно любил осаду, поскольку он мог присутствовать на церемонии в торжественной обстановке и взять на себя номинальное руководство операциями с большой славой и небольшим дискомфортом или опасностью. Страсть французов к правилам и формулам также нашла счастливый выход в ведении осады, ибо, хотя нет нации более блестящей или более

оригинальной, особенно в военном деле, нет также нации более тщеславной или педантичной. Тяга французов к осадам была настолько велика, что король приложил все усилия, назначив дополнительное жалованье и пайки, чтобы сделать этот вид ведения войны популярным среди своих солдат.[260]

Опять же, следует помнить, что целью кампании в те дни не обязательно было найти врага и победить его. Лучшие авторитеты предписывали две альтернативы, а именно: сражаться с преимуществом или безбедно существовать.[261] Комфортное существование означало в лучшем случае существование за счет врага. Кампания, в ходе которой армия вторгалась во вражескую страну и уничтожала все, что не могла потребить, была в высшей степени успешной, даже несмотря на то, что не было сделано ни единого выстрела. Заставить врага потреблять его собственные припасы - это много, заставить его снабжать своего противника - еще больше, занять зимние квартиры на его территории - это гораздо больше. Таким образом, войти в пределы противника и заставлять его маршировать взад и вперед в течение нескольких недель, не давая ему шанса нанести удар, само по себе было немалым успехом, и успехом такого рода, который доводил низших генералов, таких как Вильгельм Оранский, до отчаяния и, следовательно, до катастрофы. Тенденция к этим негативным кампаниям еще раз усилилась на примере Франции. Военное министерство Франции вмешивалось в дела своих генералов до такой степени, что это всегда было опасно, и в конечном итоге оказалось катастрофическим. Номинально маршал, главнокомандующий на местах, был высшим; но интендант или глава административной службы, хотя он и получал свои приказы от маршала, получил от короля указание немедленно переслать эти приказы специальным гонцом в Лувуа и не исполнять их без королевского разрешения. Великие командиры, такие как Люксембург, время от времени находили в себе силы освободиться от этого рабства, но остальные, смущенные наблюдением низшего офицера, предпочитали как можно дольше жить во вражеской стране, не рискуя ввязываться в генеральные бои. Мальборо предстояло с триумфом продвинуться в одной великолепной кампании от Мааса до моря.

Далее следует бросить взгляд на соперничающие стороны. Защитниками испанских Нидерландов, поскольку их нельзя назвать нападавшими на Францию, были союзники по конфедерации из ряда независимых государств — Англии, Голландии, Испании, Империи, различных государств Германии и Дании, все они были несколько эгоистичны, немногие очень эффективны, и ни один, за исключением первого, не был очень пунктуальным. От такого разнородного сборища нельзя было ожидать быстрых, тайных и сплоченных действий. Король Вильгельм занимал пост главнокомандующего и, учитывая его положение души альянса, несомненно, был наиболее подходящим кандидатом на этот пост. Но хотя он тщательно изучал военное искусство и хотя его флегматичный темперамент находил единственное подлинное удовольствие в волнении на поле боя, великим полководцем он не был. Он мог составлять хорошие планы и до определенного момента мог их выполнять, но только до определенного момента. Казалось бы, его физическая слабость не позволяла ему прилагать постоянные усилия. Он был странным образом неспособен вести кампанию с одинаковым мастерством на протяжении всего периода; он превосходно маневрировал неделями и терял все преимущество, которое получил из-за беспечности одного дня. В генеральских боях, которые он любил больше, чем большинство командиров своего времени, он никогда не блистал, кроме как благодаря заметной личной храбрости. Ему не хватало тактического чутья, и прежде всего ему не хватало терпения; одним словом, выражаясь современным языком, он был очень ловким любителем.

Франция, с другой стороны, обладала самой прекрасной и сильнейшей армией в Европе, хорошо оснащенной, хорошо обученной, хорошо организованной и приученной к труду бесчисленными кампаниями. У нее был единственный человек, полностью контролировавший дела, король Людовик Четырнадцатый; великий военный министр Лувуа; один действительно великий генерал Люксембург; и один человек с проблесками гения, Начесов. Более того, она владела линией постов в Испанской Фландрии, простиравшейся от Дюнкерка до Мааса. На реке Лис у нее были Эр и Менин; на реке Скарп - Дуэ; на Верхней Шельде - Камбре, Бушен, Валансьен и Конде; на реке Самбр - Мобеж; между Самбр и Маасом - Филиппвиль и Мариенбург; и на Маасе - Динан. Далее, на единственном участке, где граница не была перекрыта дружественной рекой, между морем и Шельдой, французы построили укрепленные линии от моря до Менина и оттуда до Шельды у Эспьера. Таким образом, прикрывая свои границы, располагая опорными пунктами на каждой реке, соблюдая секретность и руководствуясь единством целей, французы пользовались приблизительной уверенностью в том, что смогут выступить в каждой кампании до того, как союзники соберутся против них.

1691.

Кампания 1691 года удачно иллюстрирует взаимное расположение сражающихся почти во всех отношениях. Французы сосредоточили на Лисе десять тысяч человек. Этого было достаточно, чтобы парализовать все гарнизоны союзников на реке и около нее. Они разместили еще один корпус на Мозеле, который угрожал территории Клеве. Теперь Клеве был собственностью курфюрста Бранденбургского, и нельзя было ожидать, что он позволит своему контингенту войск присоединиться к королю Вильгельму на общем собрании в Брюсселе и позволит французам сеять хаос в его владениях. Таким образом, прусский контингент также был парализован. Итак, пока Вильгельм все еще отдавал приказ своим войскам сосредоточиться в Брюсселе, Буффлеры, которые готовились всю зиму, внезапно выступили из Мобежа и, прежде чем Вильгельм осознал, что он движется, осадили Монс. Вскоре крепость сдалась после слабого сопротивления, и линия границы союзников между Шельдой и Самброй была прорвана. Вильгельм двинулся из Брюсселя через реку Самбр в надежде вернуть потерянный город, перехитрил выступавшую против него Люксембург и в течение трех дней держал Монс в своих руках. Он потратил эти три дня впустую на бесцельную остановку; Люксембург оправился после необычного марша; и Вильгельм, обнаружив, что у него нет другого выхода, кроме как удалиться в Брюссель и бездействовать, передал командование некомпетентному офицеру и вернулся в Англию. Затем Люксембург завершила кампанию блестящими действиями кавалерии, которые рассеяли конницу союзников по всем ветрам. Поскольку там не было никаких британских войск, кроме лейб-гвардии, и поскольку они, во всяком случае, не опозорили себя, нет необходимости рассказывать подробнее о битве при Леузе. Это, однако, имело один замечательный эффект: усилило страх Вильгельма перед французской кавалерией, и без того болезненно сильной, до такой степени, что впоследствии привело его к катастрофической военной ошибке.

Таким образом, кампания 1691 года была явно неблагоприятной для союзников, но были основания надеяться, что в 1692 году все можно будет исправить. Казначей Годольфин нервно опасался, что парламент может не захотеть выделять деньги на английскую армию во Фландрии; но Палата общин с радостью проголосовала за в общей сложности шестьдесят шесть тысяч человек, британцев и иностранцев; что, за вычетом гарнизонов для безопасности

британских островов, оставило сорок тысяч человек свободными для пересечения Германского океана.

1692.

Из них двадцать три тысячи были британцами - самой важной силой, которую Англия направила на Континент со времен короля Генриха Восьмого. Организация была удивительно похожа на организацию Новой модели. Уильям был, конечно, главнокомандующим, а под его началом были кавалерийский и пехотный генералы, с должным содержанием генерал-лейтенантов, генерал-майоров и бригадиров. Однако нет никаких признаков присутствия офицера, командующего артиллерией или инженерами, равно как и комиссара, отвечающего за транспорт.^[262] Единственным странно заметным функционером является военный секретарь, который в этой и последующих кампаниях в последний раз сопровождал Главнокомандующего на действительной службе. Но самой существенной чертой в списке сотрудников является пропуск имени Мальборо. Первоначально включенный в число генералов Фландрии, он был вычеркнут из списка и с позором уволен со всех государственных должностей еще до начала кампании. Хотя это увольнение не нуждалось в оправдании, это была, пожалуй, самая большая ошибка Уильяма из всех.

Май.

10 20 мая .

13 23 мая .

16 26 мая .

Как обычно, французы заранее присоединились к союзникам в начале кампании. Они уже прорвали линию обороняющихся крепостей, захватив Монс; теперь они намеревались сделать брешь еще шире. Всю зиму на Шельде и Маасе собирался огромный осадный обоз, которым командовал Вобан, первый из ныне живущих инженеров. В мае все было готово. Маршал Жуайез с одним корпусом, как и в предыдущем году, находился на Мозеле, чтобы сдерживать бранденбургцев. Буффлерс с восемнадцатью тысячами человек расположился на правом берегу Мааса, недалеко от Динана; Люксембург с еще ста пятнадцатью тысячами человек стоял в тылу у реки Эн. 20 мая король Людовик лично произвел смотр великой армии; 23-го она двинулась маршем на Намюр; а 26-го она обошла город с двух сторон, в то время как Буффлеры, двигаясь из Динана, завершили обход с третьей стороны. Таким образом, Намюр был полностью захвачен; если бы Вильгельму не удалось спасти его, линия Самбры и одна из важнейших крепостей на Маасе были бы потеряны союзниками.

26 мая

5 июня.

Уильям, надо отдать ему справедливость, напряг все силы, чтобы побудить своих ленивых союзников быть первыми на поле боя. Войска, разбуженные внезапным ударом под Намюром, быстро подошли к Брюсселю, но было слишком поздно. Французы уничтожили весь фураж и припасы на прямом пути в Намюр, и единственный путь Вильгельма к городу лежал через Мехень. За Мехеном стояла Люксембург, способнейший из французских генералов. Удача была

необходима для успеха Вильгельма, и вместо лучшего пришло худшее. Проливной дождь превратил узкий ручей в широкое наводнение, и строительство мостов стало невозможным. Между двумя генералами было прекрасное фехтование, искусный обманный маневр и еще более искусное парирование, но Вильгельму не удалось пробиться под защиту Люксембург. 5 июня, после позорно короткой обороны, Намюр почти на глазах Вильгельма перешел в руки французов.

23 июля

2 августа.

Затем Люксембург решил, что пришло время отвлечь врага от окрестностей захваченного города; поэтому, переправившись через Самбру и постоянно держа Буффлеров между собой и этой рекой, он двинулся к Сенне, как бы угрожая Брюсселю. Вильгельм последовал за ним, как и полагалось по долгу службы; французы и союзники следовали параллельным курсом к Сенне, Вильгельм - на север, а Люксембург - на юг. 2 августа обе армии переправились через Сенну: Вильгельм в Хале, лицом на запад, с рекой в тылу, и Люксембург примерно в пяти милях к югу от него, с правым флангом у Стинк-Керка и центром между Хоувом и Энгиеном, в то время как Баффлерс находился в Мэнни-Сен-Жан, в семи милях у него в тылу.

Ужасное состояние дорог из-за сильного дождя побудило Люксембург оставить большую часть своей артиллерии в Монсе, и поскольку он намеревался просто отвлечь союзников от Намюра, главной задачей, оставленной ему, было занять сильную позицию, с которой его измотанная и измученная армия могла бы наблюдать за врагом, не опасаясь нападения. Такое положение, как он думал, он нашел в Стинк-Керке.^[263] Страна на данный момент более разбитая и неровная, чем обычно в Бельгии. Лагерь располагался на возвышенности, его правая сторона упиралась в реку Сеннет, а правая передняя часть была покрыта оврагом, который постепенно переходит к северу в высокое плато протяженностью около мили. За оврагом тянулась сеть лесистых ущелий, по которым Люксембург, по-видимому, надеялся, что ни один враг не сможет напасть на него врасплох. Однако случилось так, что один из его самых полезных шпионов был обнаружен в его истинном обличье в лагере Вильгельма в Хэле; и это была возможность, которую нельзя было упустить. К голове шпиона приставили пистолет, и ему было приказано написать письмо Люксембургу, в котором сообщалось, что крупные силы противника будут выдвинуты на следующее утро, но что не предполагается ничего более серьезного, чем экспедиция за фуражом. Покончив с этим, Вильгельм изложил свои планы застать врага врасплох на следующее утро.

23 июля

3 августа.

За час до рассвета передовой отряд армии Вильгельма бесшумно встал в свои ряды вместе с сильным отрядом пионеров, чтобы расчистить путь для марша через лес. Эти силы состояли из Первого гвардейского королевского шотландского полка, Двадцать первого фузилерского полка Фицпатрика и двух датских полков с большой репутацией, все под командованием герцога Вюртембергского. Вскоре они двинулись в путь, и с восходом солнца вся армия последовала за ними двумя колоннами, без звука барабанов или труб, по направлению к Стинк-Керку. Французские патрули, прочесывавшие местность в направлении Тюбиза, увидели две

длинные линии алого, белого и синего цветов, удаляющиеся в лес, и доложили об увиденном в штаб; но Люксембург, болезненного телосложения и, несмотря на свою временами энергичность, ленивого темперамента, радовался, думая, что, как сообщил ему его шпион, это был не более чем отряд фуражиров. Вскоре другой патруль прислал еще одно сообщение о том, что большие силы кавалерии продвигаются к Сеннету. Люксембург снова погрузился в чувство безопасности с тем же комфортом.

Тем временем армия союзников продвигалась по узким ущельям и тесной местности, пока, наконец, не вышла из душного леса на открытое пространство. Здесь он остановился, как того требовала узкая местность, плотными, тяжелыми массами. Но передовой отряд неуклонно продвигался вперед, пока не достиг леса напротив Стенкирка, где Вюртемберг расположил его для предстоящей атаки. Слева от него Буа-де-Фейи прикрывал отрог того же плато, что и то, которое занимали французы справа, и там он разместил английскую гвардию и два батальона датчан. Справа от них, но отделенный от них оврагом, он разместил три оставшихся британских батальона в лесном массиве Зульмон. Свои орудия он разместил, часть между двумя лесами, а остальные справа от своей дивизии. Завершив диспозицию, передовой отряд ожидал приказа начать атаку.

Было уже одиннадцать часов. Люксембург встал со своей постели и направился к господствующей высоте на крайнем правом фланге, когда ему было доставлено третье сообщение о том, что союзники, несомненно, наступают большими силами. Он прочитал это и, посмотрев вперед, увидел красные мундиры Стражников, движущихся через лес перед ним, в то время как за ними он мельком увидел плотные массы основного отряда. Он мгновенно увидел опасность и догадался, что атака Уильяма была направлена против его правой руки. Его собственный лагерь был разбит, согласно правилу, с кавалерией на флангах; и не было ничего, что могло бы сдержать союзников, кроме единственной пехотной бригады, известной под именем Бурбоннуа, которая была расквартирована перед лагерем кавалерии на крайнем правом фланге. Более того, ничего не было готово, ни лошадь не была взнуздана, ни человек, стоящий с оружием в руках. Он отправил гонца звать к себе на помощь Буффлеров и через несколько минут уже летал по лагерю со своим штабом, энергичный, но прекрасно владевший собой, чтобы выстроить свои войска в боевой порядок. Два батальона бурбоннуа поспешно расположились перед своим лагерем, имея перед собой батарею из шести орудий. Драгуны правого фланга спешили и поспешили перекрыть пространство между Бурбоннуа и Сеннетом. Была собрана конница правого фланга, и часть ее на бешеной скорости была отправлена влево, чтобы привести пехоту за собой на крупах их лошадей. По всей линии была объявлена тревога, били барабаны, люди поспешно хватались за оружие и выстраивались в шеренги, готовые отступить направо. Спешка была такой, что не было времени подумать о старшинстве полков - очень серьезном вопросе во французской армии, - и каждая последующая бригада спешила туда, где в ней больше всего нуждались, когда это случалось.

Тем временем батареи Вюртемберга открыли огонь, и хитрый офицер королевских шотландских войск наводил свои орудия с восхитительной точностью. Французские батареи поспешили занять позиции, чтобы ответить им столь же смертоносным прицелом, и в течение полутора часов орудия противника беспрерывно грохотали друг по другу. Все это время французские батальоны продолжали все плотнее и плотнее сосредотачиваться справа от Люксембурга, и линия фронта работала с отчаянной поспешностью, валив деревья, сооружая брустверы и выравнивая изгороди и перелески, пока еще была такая возможность. Но дивизия

"Вюртемберг" по-прежнему оставалась без поддержки, и драгоценные минуты летели быстро. Вильгельм, или его штаб, допустил серьезную ошибку. Хотя он намеревался вести сражение только со своей пехотой, он выставил всю кавалерию одного крыла своей армии перед ними на марше, так что пехоте не оставалось места для прохода. К счастью, шесть батальонов были перемешаны с эскадрильями этого крыла, и теперь их с некоторым трудом разделили и послали вперед. Каттс, Маккей, Лаудер и Двадцать шестой полк выстроились справа от Вюртемберга, при поддержке Шестого и Двадцать пятого; и, наконец, в половине первого Вюртемберг отдал приказ атаковать.

Его небольшой отряд встряхнулся и с рвением устремился вперед. Гвардейцы и датчане на крайнем левом фланге, находившиеся на одном гребне с противником, были первыми, кто вступил в бой. Продвигаясь вперед под ужасным огнем французских батарей в упор, они напали на бурбоннуа и драгун, отбросили их, захватили их орудия и обратили их против себя. Справа от них Королевский шотландский двадцать первый полк и полк Фицпатрика спустились в ущелье на более тесную и труднопроходимую местность, мимо перелесков, живых изгородей и зарослей, пока единственный толстый забор не отделил их от врага. Некоторое время они яростно стреляли друг в друга, пока шотландцы во главе со своим полковником не прорвались через ограду и не смели французов перед собой. Еще правее вступили в бой остальные полки; морда столкнулась мордой среди ветвей, и бойня была ужасной. Юный Ангус, еще не достигший совершеннолетия, упал замертво во главе камеронцев, а ветеран Маккей нашел смерть, которую упустил при Килликрэнки. Перед атакой он послал сообщение генералу графу Сольмсу, что предполагаемый штурм может привести только к потере жизней, и получил в ответ приказ наступать. "Да свершится воля Божья", - спокойно сказал он и пал одним из первых.

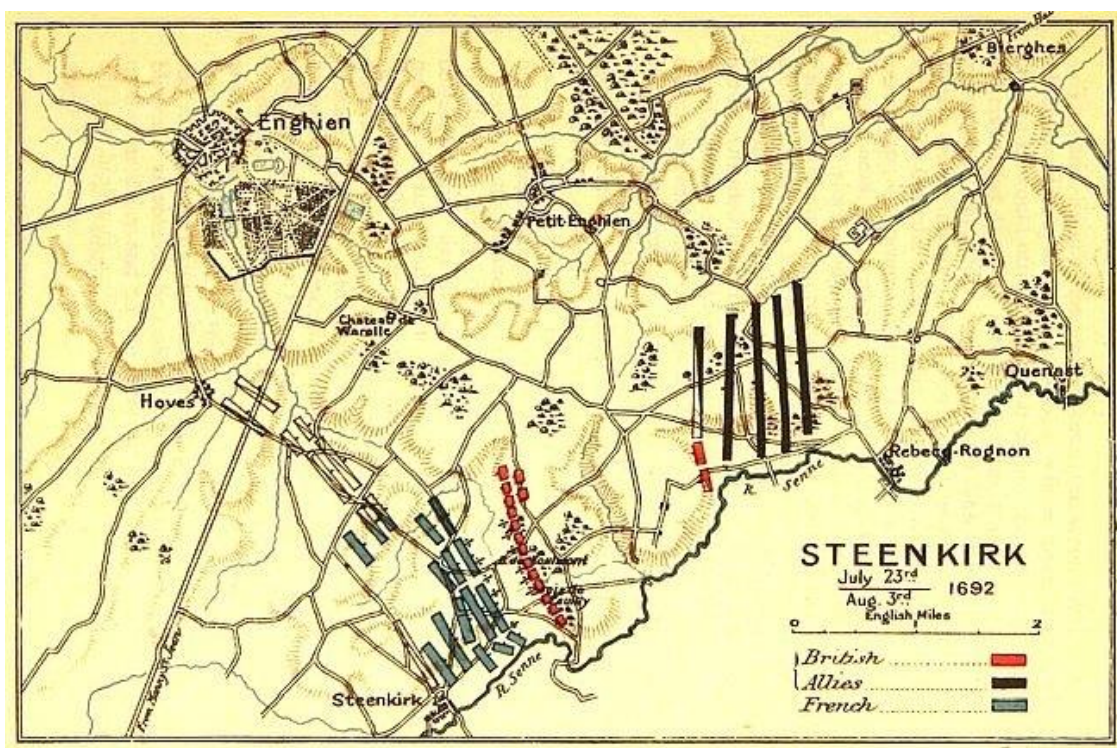
Тем не менее британцы, несмотря на все потери, яростно наступали; и прославленные французские полки, избалованные дети победы, дрогнули и отступили перед ними. Бурбоннуа, неспособный противостоять гвардии и датчанам, удвоил свой левый батальон в тылу правого; Шартр, стоявший рядом с ними, также уступил и удвоился в тылу своего соседа Орлеана. Таким образом, в первой линии французов образовалась широкая брешь, но ни один полк второй линии не решился войти в нее. Полковник бригады, стоявшей в тылу, приказывал, умолял своих людей выйти вперед, но они не последовали за ним в этот ужасный огонь. Внезапно дикий крик оборвался, и жестикулирующая фигура рухнула на землю: полковник был застрелен, и брешь все еще оставалась незаполненной.

Первая французская линия была прорвана; вторая и третья были встревожены и парализованы: еще немного, и британцы захватили бы французский лагерь. Люксембург понял, что это был момент, когда только его лучшие войска могли спасти его. В четвертой линии стоял цвет его пехоты, семь батальонов французской и швейцарской гвардии. Теперь им было приказано выдвинуться к бреши; принцы крови встали во главе их и без единого выстрела бросились вниз по склону на британцев и датчан. Английская гвардия, поредевшая вдвое, столкнулась с огромными колоннами швейцарцев и стойко противостояла им, пока их огромная масса не откатила их назад. Справа от них шотландцы королевской крови также были вынуждены отступить, отчаянно сражаясь от изгороди к изгороди и отстаивая каждый дюйм земли. Однажды французы прорвались через забор и унесли одно из своих знамен. Полковник, сэр

Роберт Дуглас, мгновенно вернулся один через ограду, вернул знамя и возвращался с ним, когда в него попала пуля. Он бросил флаг своим людям и упал замертво на землю.

Двенадцать батальонов медленно отступали, все еще яростно сражаясь на каждом шагу. Их натиск был настолько яростным, что пяти линий пехоты при поддержке еще двух кавалерийских[264] едва хватило, чтобы остановить их, и при небольшой поддержке они могли бы выиграть день. Но этой поддержки не последовало. Голландскому генералу графу Сольмсу отправлялось послание за посланием с просьбой о подкреплении, но не прибыло ни одного человека. Основные силы, как уже было сказано, были сосредоточены в полутора милях от места сражения, с пехотой в арьергарде; и Сольмс с почти преступной глупостью, вместо того чтобы попытаться освободить пехоту, приказал двинуть вперед конницу. Уильям исправил ошибку, как только смог, но исправление привело к дальнейшей задержке и к усилению неразберихи, которая является неизбежным результатом противоречивых приказов. Английская пехота в арьергарде, обезумев от нетерпения спасти своих товарищей, в беспорядке бросилась вперед, вероятно, громко проклиная голландца, который так долго сдерживал их; и было потеряно некоторое время, прежде чем они смогли перестроиться. Дисциплина, очевидно, была немного не в порядке. Сольмс потерял и голову, и самообладание. "Будь прокляты англичане, - прорычал он, - если они так любят драться, пусть набьют брюхо"; и он не послал вперед ни одного человека. К счастью, младшие офицеры взяли дело в свои руки; и пришло время, поскольку на поле боя появились новички, чтобы бросить дополнительный вес на французские весы. Английские конно-гренадеры, Четвертый драгунский полк и полк голландских драгун выехали вперед и, спешившись, блестящей контратакой прикрыли отступление гвардейцев и датчан. "Баффс" и "Десятый" продвинулись дальше вправо и, продолжая вести огонь до тех пор, пока не оказались на расстоянии выстрела в упор, дали залп, который дал время остальной части вюртембергской дивизии отойти. Демонстрация против французских левых сил привела к дальнейшему отклонению, и разрозненные части атакующих сил, покрытые потом и дымом, отступили на открытую местность в тылу леса, отброшенные, но непобедимые, и разъяренные яростью.

Говорят, Уильям не смог сдержать крика боли, когда увидел их; но времени на эмоции не было. Некоторое количество голландской и датской пехоты было отправлено вперед, чтобы остановить дальнейшее продвижение противника, и были сделаны приготовления к немедленному отступлению. И снова самая тяжелая работа была поручена британцам; и когда колонны были сформированы, гренадеры британских полков замыкали тыл, постоянно останавливаясь и разворачиваясь, пока с наступлением сумерек не положили конец тому, что в худшем случае было лишь нерешительным преследованием. Отступление проходило с замечательным порядком; но только в холодный, мертвый час, предшествующий рассвету, союзники вернулись в свой лагерь, измученные усталостью двадцати четырех часов.

Лицом к лицу со страницей 366

СТИНК-КЕРК

23rd августаrd года

В то время это сражение было расценено как самое ожесточенное, которое когда-либо вела пехота, и потери с обеих сторон были очень тяжелыми. Союзники потеряли около трех тысяч убитыми и столько же ранеными, не считая тысячи трехсот пленных, почти все из которых были ранены. Десять орудий были брошены, лошади слишком устали, чтобы тащить их; английские батальоны потеряли два знамени, а иностранные - еще три или четыре. Британцы, принявшие на себя основную тяжесть боевых действий, пострадали больше всех: гвардейцы, команда Каттса и Шестой полк были жестоко наказаны. Общие потери французов были примерно равны потерям союзников, но список павших офицеров рассказывает о более важной истории. На стороне союзников было убито и ранено четыреста пятьдесят офицеров, не менее семидесяти лейтенантов в десяти батальонах британской бригады Черчилля были убиты на месте. Французы со своей стороны потеряли не менее шестисот двадцати офицеров убитыми и ранеными, что является благородным свидетельством их самопожертвования, но и печальным свидетельством того, с каким трудом им удавалось заставить своих людей выстоять. По правде говоря, при надлежащем руководстве Уильям, должно быть, одержал блестящую победу; но он был генералом по книге, а не по инстинкту. Передовой отряд Вюртемберга мог бы почти справиться с задачей сам, если бы не ошибка с длительной предварительной канонадой; его атака могла быть поддержана раньше, если бы не педантизм, который отдавал предпочтение коннице перед пешими на марше к полю боя; пехота могла бы прорваться через французские позиции дюжиной разных колонн, если бы не педантизм, который заставил ее быть развернутой первой. Наконец, знание Уильямом местности было несовершенным, а Солмс, его пехотный генерал, оказался некомпетентным. План был превосходно разработан и отвратительно выполнен. Тем

не менее, британские войска никогда не вели более прекрасных боевых действий, чем Стинк Кирк. Люксембург считал, что ему повезло, что он избежал разгрома; его войска были сильно поколеблены; он переправился через Шельду и как можно тише направился к своим зимним квартирам. Так закончилась кампания 1692 года.

ГЛАВА III

1692 год,
ноябрь.

В ноябре английский парламент собрался, действительно воодушевленный морской победой при Ла-Хогге, но немало опечаленный неудачей при Стинк-Керке. Опять же, финансовый аспект был крайне обескураживающим, и сэр Стивен Фокс объявил, что в казне не хватит средств на содержание армии еще на один день. Преобладающее недовольство нашло выход в яростных обвинениях графа Сольмса и криках о том, что английскими солдатами должны командовать английские офицеры. Дебаты разгорелись нешуточные. В адрес голландских генералов были произнесены самые жесткие из жестких слов, и о военных вопросах было сказано огромное количество бессмыслицы. Однако в Палате общин было много офицеров, многие из которых присутствовали на акции. С большой скромностью и здравым смыслом они отказались присоединиться к протесту против голландцев и ухитрились так обставить дело, что Палата представителей приняла не очень глупое решение. Голосование за армию было проведено, и никаких трудностей с приготовлениями к следующей кампании не возникло. Наконец, были сформированы два новых кавалерийских полка — Кавалерийский лорда Макклсфилда, который был расформирован двадцать лет спустя; и Ирландский драгунский полк Конингхэма, который до сих пор остается с нами как Восьмой (Королевский ирландский) гусарский полк.

1693.

Тем временем французская военная система понесла невосполнимую утрату в результате смерти Лувуа, источника бесчисленных бед Франции в ближайшие годы. Тем не менее традиции его правления были сильны, и французы снова были первыми на поле боя, имея, как обычно, огромный осадный обоз, сосредоточенный на Маасе и Шельде. Но поздняя весна и непрекращающиеся дожди отложили начало операций до начала мая, когда Люксембург собрал семьдесят тысяч человек в тылу у Сена у Монса, а Буффлер - еще сорок восемь тысяч на Шельде у Турне. Французский король лично находился с войсками; и первоначальный замысел состоял, как обычно, в том, чтобы вести осадную войну на Маасе, при этом Буффлеры разрушали крепости, в то время как Люксембург прикрывала его прикрывающей армией. Льюис, однако, обнаружив, что города, которые он намеревался окружить, вероятно, будут представлять собой неудобно упорную оборону, вскоре вернулся домой и, отправив тридцать тысяч человек на войну в Германию, покинул Люксембург, чтобы поступать по своему усмотрению. Для Вильгельма было бы лучше, если бы Великий монарх остался во Фландрии.

Английский король, со своей стороны, собрал шестьдесят тысяч человек в Брюсселе, как только французы начали движение, и с отчаянной поспешностью повел их к Сенне, где занял неприступную позицию в Парке. Люксембург подошла к позиции напротив него, и тут наступил один из тех тупиков, которые были так обычны в тех старых кампаниях. Две армии стояли, глядя друг на друга в течение целого месяца, не решаясь двинуться с места, не осмеливаясь атаковать, обе плохо снабженные, обе недовольные, и, как естественное следствие, обе потеряли десятки, сотни и даже тысячи человек из-за дезертирства.

26 Июня

6 июля.

Июль.

Наконец положение стало невыносимым, и 6 июля Люксембург двинулся на восток, как будто для того, чтобы возобновить первоначальный план операций на Маасе. Вслед за этим Уильям решил совершить отвлекающий маневр, выделив силы для атаки французских позиций на Шельде и Лисе, проект, который был блестяще осуществлен Вюртембергом, в немалой степени благодаря трем британским полкам: Десятому, Аргайлла и Каслтону, входившим в состав его дивизии. Но тем временем Люксембург, совершенно не подозревая об отвлекающем маневре, продвинулась к Маасу и осадила Хай в надежде вынудить Вильгельма прийти ей на помощь. Он рассудил правильно. Уильям покинул свой неприступный лагерь в Парке и поспешил на помощь. Но он пришел слишком поздно, и Хай пал после незначительного сопротивления. Затем Люксембург, по-видимому, предприняла большие приготовления к осаде Льежа, и Вильгельм, трепеща за безопасность этого города и Местрихта, выделил восемь тысяч человек для усиления этих гарнизонов, а затем отступил на линию Гите. Люксембург наблюдала за всем происходящим с мрачным восторгом. Успех Вюртемберга, без сомнения, раздражал, но Вильгельм ослабил свою армию, отведя эти силы к Лису, и был обольщен, чтобы ослабить ее еще больше, усилив гарнизоны на Маасе, чего он и добивался. Если бы он мог немедленно привести союзников в действие, он мог бы разумно надеяться на успех.

Участок, занимаемый Уильямом, представлял собой треугольное пространство, заключенное между Литтл-Гите и ручьем под названием Ланден-Бек, который впадает в него в Лью. Позиция была не лишена сильных сторон. Лагерь, обращенный почти строго на юг, был разбит на пологом гребне, возвышающемся над обширной равниной.^[265] Этот горный хребет проходит параллельно Малой Гите, а за ним протекает река. Левый фланг был защищен болотистой местностью и самим Ланден-Беком, в то время как деревни Нирланден и Рамсдорп, по одной с каждой стороны от бека и последняя далеко впереди на равнине, обеспечивали дополнительную безопасность передовых постов. Правая упиралась в небольшой ручей, который течет под прямым углом к Гите и впадает в нее у Эликсхайма, и в деревни Лаэр и Неервинден, стоящие на его берегах. От Неерландена слева до Неервиндена справа протяженность позиции составляла почти четыре мили; и для охраны этого фронта, не говоря уже о сильных гарнизонах в деревнях, у Вильгельма было немногим более пятидесяти тысяч человек. Таким образом, здесь был один существенный недостаток: фронт был слишком протяженным, чтобы можно было легко перебрасывать войска с фланга на фланг или отводить их без серьезного риска из центра. Но это было еще не все. Глубина позиции составляла менее половины ее фасада и, таким образом, не оставляла места для действий кавалерии. Уильям проигнорировал это: он боялся французской кавалерии и был озабочен тем, чтобы в бою участвовала только пехота. Наконец, отступление было перекрыто рекой Гите, которая была

непроходимой и с недостаточным наведением мостов, и поэтому наступление правого фланга союзников неизбежно загнало бы всю армию в тупик, как была загнана армия Лесли в битве при Данбаре.

18-28 июля .

Люксембург, зная каждый дюйм местности, теперь беспокоилась только о том, чтобы Вильгельм не ретировался до того, как он сможет поймать его. 28 июля, ценой огромных усилий и великолепного марша, он привел всю свою восьмидесятитысячную армию к позициям Вильгельма. Теперь он был уверен в своей игре, но ему не нужно было беспокоиться, поскольку Уильям, очарованный идеей исключить французскую кавалерию из участия в боевых действиях, был полон решимости стоять на своем. Многие офицеры убеждали его перейти Гите, пока еще есть такая возможность, но он и слушать не хотел. Полтора тысячам человек было приказано окопаться на открытой местности между Неервинденом и Неерланденом. Изгороди, глинобитные стены и естественные укрепления Неервиндена и Лаэра были улучшены до совершенства, а рвы, окружающие их, были расширены. До поздней ночи король разъезжал взад и вперед, распоряжаясь делами на своих глазах, и после нескольких часов отдыха очень рано утром приступил к составлению своих распоряжений.

Ключом к позиции была деревня Неервинден с прилегающей деревушкой Лаер, и здесь, соответственно, он разместил лучшие из своих войск. Оборона Лаэра была поручена бригадиру Рэмси из шотландской бригады, а именно двадцать первому, Двадцать пятому, Двадцать шестому полкам Маккея и Лаудера, усиленным "Баффами" и Четвертой пехотой. Между Лаэром и Неервинденом стояли шесть батальонов бранденбургцев, войск, уже имевших большую и заслуженную репутацию, о которых мы еще узнаем в ближайшие годы. Сам Неервинден был передан ганноверцам, голландской гвардии, Первому батальону и батальону шотландской гвардии. Непосредственно к северу или левее от деревни окоп был укреплен двумя оставшимися батальонами Первой и шотландской гвардии, гвардейцами Колдстрима, батальоном Королевских шотландцев и Седьмым фузилерским полком. Крайний слева от позиции Неерланден удерживался другим батальоном Королевского Шотландского, Второго королевского и двумя датскими полками, в то время как Рамсдорп был занят Четырнадцатым, Шестнадцатым, Девятнадцатым полками и полком Коллингвуда. Одним словом, каждый важный пост был отдан британцам. Остальная пехота с сотней орудий была расставлена вдоль окопа, а в тылу у них стояла кавалерия, бессильная действовать вне окопа и слишком стесненная для маневров внутри него.

Люксембург также поднялся рано и был поражен, обнаружив, насколько далеко фронт позиции был укреплен за ночь. Свой центр он выстроил в восемь линий против окопов союзников между Обервинденом и Ланденом, причем каждая линия, кроме второй и четвертой, состояла из кавалерии. Для атаки на Нирланден и Рамсдорп он выделил пятнадцать тысяч пеших и две тысячи пятьсот спешенных драгун. Для главного наступления на Неервинден он выделил восемнадцать тысяч пехотинцев при поддержке резерва еще в две тысячи человек и восьми тысяч кавалерии; в то время как семьдесят орудий были выдвинуты на позиции, чтобы ответить артиллерии союзников.

19 Июля 29 .

Вскоре после восхода солнца пушки Вильгельма открыли огонь по тяжелым массам французского центра; а в восемь часов Люксембург двинул весь свой левый фланг в атаку на Нервинден. Шесть батальонов при поддержке драгун и кавалерии были направлены против Лаэра, и три колонны, насчитывающие все семь бригад, были брошены против Нервиндена. Центральная колонна под командованием герцога Бервика первой вступила в бой. Не открывая огня, пока не добрались до деревни, французы в спешке прорвали внешнюю оборону, а затем, встретив ганноверцев и Первую гвардию, завязали серьезный бой. Это был бой на живой изгороди, как в Стинк-Керке, лицом к лицу и врукопашную. Каждый шаг давался с трудом; битва в деревне шла взад и вперед, и резня была ужасающей. Подошли остальные французские колонны, встретили такое же сопротивление и почти не продвинулись. Французы ввели в бой свежие полки, и, наконец, Первая гвардейская, полностью сломленная потерями, сдалась. Но это длилось лишь мгновение. Они обрушились на шотландскую гвардию; голландцы и ганноверцы сплотились позади них, и хотя французы снова получили подкрепление, они возобновили неравный бой, девять батальонов против двадцати шести, с непоколебимым упорством. У Лаэра, на крайнем правом фланге, бой был не менее ожесточенным. Рэмси на какое-то время был выбит из деревни, и французская кавалерия фактически ворвалась на позиции союзников. Там, однако, курфюрст Баварский атаковал его с фланга и с большой резней изгнал. Рэмси воспользовался моментом, чтобы сплотить свою бригаду. Французские колонны, несмотря на свой успех, все еще оставались изолированными и разрозненными и не представляли собой единого фронта. Король встал во главе гвардии и ганноверцев, и одним ударом британцы, голландцы и немцы обрушились на французов и выбили их из обеих деревень.

Первая атака на Нервинден провалилась, и аналогичная атака на левый фланг союзников была немногим более успешной. В Нирландене Первая и Вторая пехотные части успешно противостояли четырем французским батальонам, пока подкрепление не позволило им отбросить их назад. При Рамсдорпе британцы, которых было всего три тысячи против тринадцати тысяч, были вытеснены из деревни, но, получив подкрепление, отвоевали часть ее и успешно держались в страхе. Люксембург, однако, было нелегко обескуражить. Разбитые войска левого фланга были собраны, вперед были выдвинуты свежие полки, и была предпринята вторая попытка овладеть Нервинденом. И снова французская стремительность сметала все на своем пути, и снова британцы и немцы, какими бы ослабленными и измотанными они ни были, сплотились, когда все казалось потерянным, и отбросили врага назад, не просто отбросив его, но и приведя к беспорядочному отступлению.

После провала второй атаки большинство французских офицеров убеждали Люксембург отступить; но маршала нельзя было отвлечь от его намерения. Четырнадцать тысяч человек союзников в Лаэре и Нервиндене потеряли более трети своей численности, в то время как у него самого все еще оставались значительные силы пехоты, соединенные с кавалерией в центре. Двенадцать тысяч из них, включая французскую и швейцарскую гвардию, теперь были отведены влево для третьей атаки. Когда они отошли от кавалерии, все шесть конных шеренг, которые героически часами стояли неподвижно под шквальным огнем, рысью двинулись вперед к краю окопов;^[266] но демонстрация, если таковая, по-видимому, была, дорого им обошлась, поскольку с ними обошлись очень грубо и вынудили отступить. Но теперь подошло французское подкрепление, поддержанное разбитыми батальонами, и на Нервинден была нанесена третья атака. Британцы и голландцы по-прежнему храбро сражались, но шансы против их ослабленных батальонов были слишком велики, и боеприпасы начали заканчиваться.

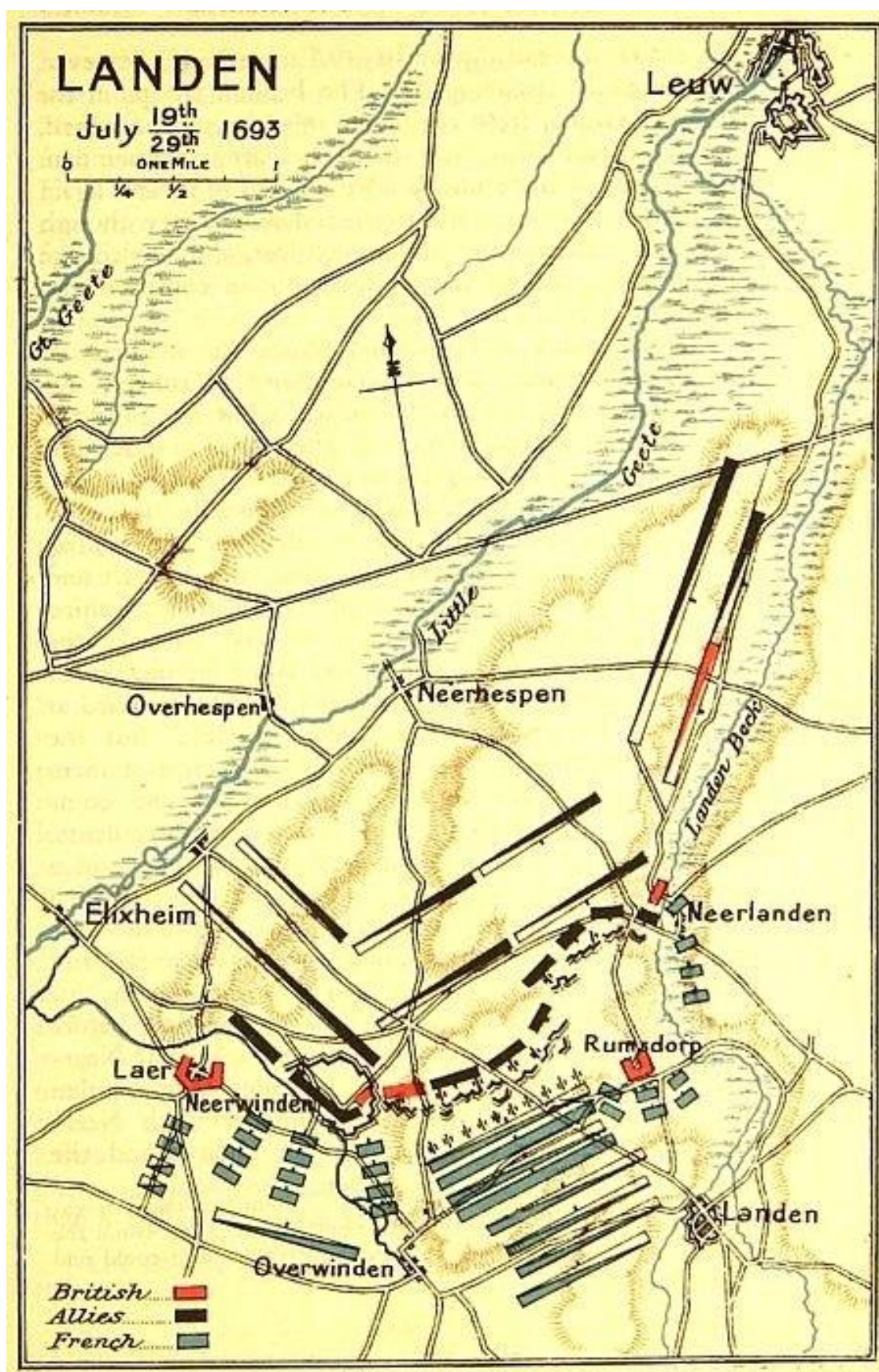
Они упорно сражались, пока не израсходовали последний патрон, прежде чем сдались, но их отбросили назад, и Нервинден был потерян. Затем пять французских бригад атаковали центральный укрепленный пункт на стыке с Неервинденом, где стояли гвардейский полк Колдстрима и Седьмой стрелковый полк. Совершенно не тронутые превосходящими силами противника спереди и огнем из Неервиндена с фланга, два полка выстояли и отбросили нападавших за бруствер. Даже когда кавалерия французского двора ворвалась через Неервинден и ударила им во фланг, они сражались не дрогнув, и колдстримеры не только отразили атаку, но и захватили знамя.

Однако такие бои не могли продолжаться долго. Вильгельм, наблюдая за приготовлениями Люксембурга к последнему штурму, приказал девяти батальонам слева от себя усилить правый фланг. Они так и не достигли места назначения. Маркиз де Фекьер, офицер, даже более известный своей проницательностью военного критика, чем мастерством в полевых условиях, наблюдал за их продвижением и внезапно повел свою кавалерию вперед, к самому слабому месту окопа. Батальоны заколебались, остановились, а затем развернулись навстречу этой новой опасности, но слишком поздно, чтобы спасти прорыв окопа. К этому времени сражение практически закончилось. Нервинден был взят, Рэмси после того, как превосходная оборона Лаэра была выбита, бранденбургцы волей-неволей отступили вместе с ним, пехота, выстроившаяся в центре окопа, оставила его, а французская кавалерия вливалась внутрь и вырубала беглецов десятками. Уильям, который в отчаянии ускакал влево, теперь на бешеной скорости вернулся с шестью полками английской кавалерии,^[267] которые с великолепной отвагой наносили удар за ударом, прикрывая отступление пехоты. Слева Толмач и Белласис большим усилием привели свою пехоту в порядок, но справа замешательство было ужасным. Разгром был полным, несколько мостов были перекрыты вздымающейся массой орудий, повозок, вьючных животных и людей, и тысячи беглецов были изрублены, утоплены или затоптаны до смерти. Уильям сделал все, что мог сделать доблестный мужчина, чтобы спасти положение, но напрасно. Его войска совершили героические поступки, чтобы искупить его плохое командование; и против любого живого человека, кроме Мальборо или Люксембург, они, вероятно, выстояли бы. Потерпел неудачу генерал, а не солдаты.

Потери с обеих сторон были очень серьезными. У французов было около восьми тысяч человек; у союзников - около двенадцати тысяч убитыми, ранеными и пленными, и среди погибших был граф Сольмс, ненавистный Сольмс из Стинк-Керка. Присутствовавшие девятнадцать британских батальонов потеряли сто тридцать пять офицеров убитыми, ранеными и взятыми в плен. Французы захватили восемьдесят орудий и огромное количество цветов, но союзники, хотя и потерпели поражение, могли также выставить пятьдесят шесть французских флагов. И действительно, хотя Люксембург одержала и заслуживала великой победы, все же действия были не такими, чтобы союзные войска боялись встречи с французами. Они выстояли, пятьдесят тысяч против восьмидесяти тысяч, и если бы их разбили, они, во всяком случае, привели в ужас всех французов на поле, кроме Люксембурга. Еще через десять лет должна была наступить их очередь, и им предстояло частично отомстить на той самой земле, по которой многие из них бежали.

Кампания завершилась капитуляцией Шарлеруа и завоеванием французами всей линии Самбр. Уильям вернулся домой, чтобы встретиться с Палатой общин и рекомендовать увеличить армию восемью кавалерийскими полками, четырьмя драгунскими и двадцатью пятью пешими. Палата представителей сократила этот список на целый кавалерийский полк и на пятнадцать пеших, но

даже в этом случае общая численность подразделения возросла до восьмидесяти трех тысяч человек. Однако в кампании 1694 года появился лишь один новый полк, на который следует обратить внимание, а именно Седьмой драгунский, ныне известный как Седьмой гусарский, который, созданный в 1689-90 годах в Шотландии, теперь впервые занял свое место в английском истеблишменте и прошел службу во Фландрской войне.

ЛОНДЭН

19^{июля} 29-го 1693 года

1694.

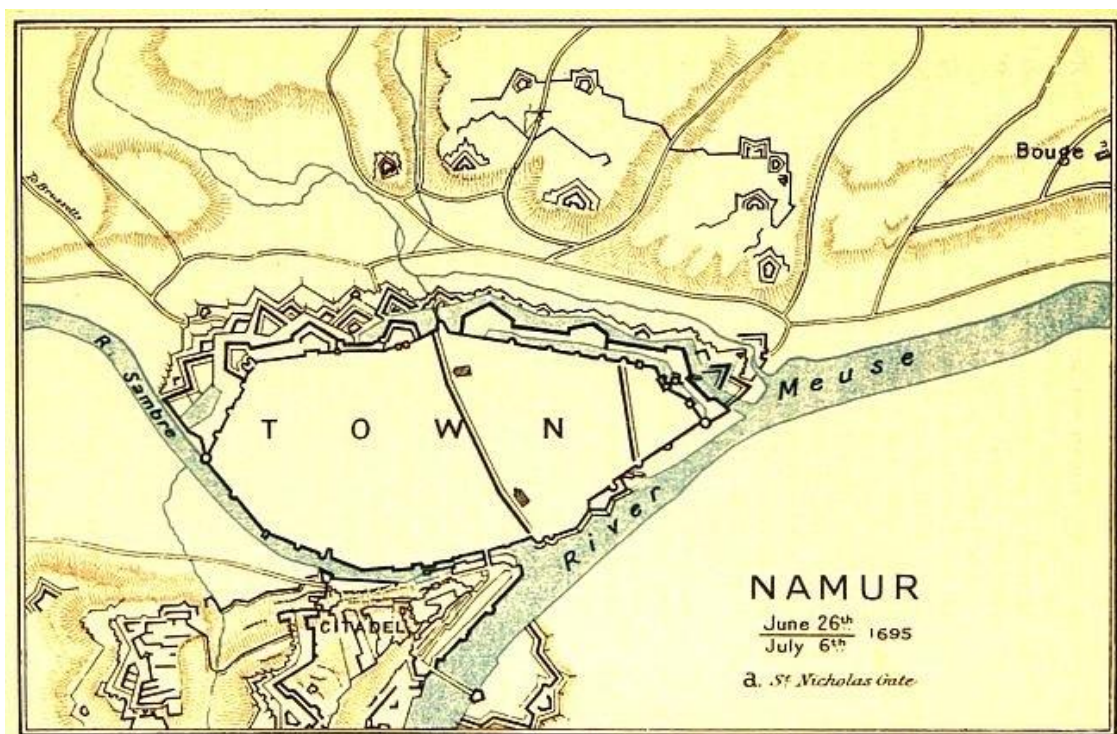
Я не буду подробно останавливаться на кампании 1694 года, которая запомнилась только великолепным походом, которым Люксембург расстроила весь план кампании Вильгельма. Не буду я также подробно рассказывать о неудачном спуске на Брест, который запомнился главным образом тем несмываемым пятном, которое он оставил на памяти Мальборо. Необходимо только сказать, что французы, по информации Мальборо, хотя и не только по информации Мальборо, были полностью предупреждены об экспедиции, которая планировалась как внезапная, и что Толмач, [268], который командовал, к сожалению, хотя и простительно, не имел морального мужества отказаться от атаки, успех которой, если она не была внезапной, был безнадежен. Он был отброшен с тяжелыми потерями и умер от ран, полученных в бою, - тяжелая участь для хорошего солдата и доблестного человека. Но несправедливо возлагать вину за его смерть на Мальборо. За провал экспедиции, несомненно, был ответственен Мальборо, и это уже достаточно плохо; но один Толмач был виноват в попытке предприятия, которое, как он знал, было безнадежным. Мальборо не мог предвидеть, что он намеренно попытается совершить невозможное и погибнет в этом усилении, поэтому его нельзя считать виновным в промахах бедняги Толмача.

1695.

Январь.

Прежде чем можно было начать новую кампанию, произошли изменения, имеющие жизненно важное значение для Франции. Огромные расходы на войну тяжело сказались на стране, и королевские министры были на пределе своих возможностей, чтобы собрать деньги. Более того, Военное министерство быстро пришло в упадок после смерти Лувуа; и к этому несчастью теперь добавилась смерть Люксембурга, потеря, которая была абсолютно невозполнимой. Наконец, с целью удержать позицию, завоеванную ими на Самбре, французы расширили свою систему укрепленных линий от Намюра до моря. Столь важные сооружения нельзя было оставлять без охраны, так что значительные силы были заперты за этими окопами и были бесполезны для любых наступательных целей. Мы вскоре увидим, как действительно великий полководец мог смеяться над этими строками, и как вследствие этого стал открытым вопрос, не были ли они скорее помехой, чем преимуществом. Эта тема по-прежнему представляет интерес; и примечательно, что французы, похоже, все еще придерживаются своих старых принципов в сооружениях, которые они построили для защиты от немецкого вторжения.

Поскольку его враг был практически ограничен обороной, Вильгельм не пренебрег возможностью начать агрессивные операции. Замаскировав свой замысел серией финтов, он быстро прошел к Маасу и окружил Намюр. Эта крепость, более известная своей связью с бессмертным дядей Тоби, чем шедевр Когорна, доведенный Вобаном до еще большего совершенства, стоит на слиянии рек Самбр и Маас, цитадель расположена в углу между двумя реками, а город с его оборонительными сооружениями - на левом берегу Мааса. К северу от города, на высотах Буж, оба этих знаменитых инженера возвели флигели; и именно против этих флигелей Вильгельм направил свою первую атаку.

Лицом к лицу со страницей 378

НАМЮР

26 июня 6 июля 1695 года

23 Июня

3 июля.

26

июня 6 июля.

3 июля была прорвана оборона, а три дня спустя был предпринят штурм рубежей Бужа. Как обычно, самая тяжелая работа была поручена британцам, а наиболее опасный пост, как того требовала их высокая репутация, был передан гвардейской бригаде. В этом случае гвардейцы превзошли самих себя как хладнокровием своей отваги, так и яростью атаки. Под шквальным огнем они подошли к французским частоколам, просунули между ними свои мушкеты, дали один ужасный залп, первый выстрел, который они когда-либо делали, и немедленно бросились в атаку. Несмотря на упорное сопротивление, они вытеснили французов с первого объекта, преследовали их на втором, вытеснили их оттуда и, успешно набирая обороты, гнали их от крепости к крепости, далеко за пределы первоначального замысла инженеров, и фактически до ворот города. В другом квартале Королевские шотландцы и Седьмой стрелковый полк добились не менее блестящего успеха; и фактически это было самое похвальное сражение, в котором участвовал Вильгельм за всю войну. Это стоило союзникам двух тысяч человек убитыми и ранеными, только три гвардейских батальона потеряли тридцать два офицера. Британцам предстояло вести множество таких кровопролитных сражений в течение следующих двадцати лет — сражений, забытых, поскольку они были всего лишь эпизодами в истории осады, и настолько частых, что их почти не фиксировали в хрониках, и сейчас их не восстановить в

памяти. Я упоминаю об этом, первом из подобных действий, только как о прообразе многих других, которые должны произойти.

Внешние укрепления были захвачены, траншеи были отрыты против самого города, и следующий штурм был направлен против контрохраны ворот Святого Николая. Это снова удалось британцам с потерей восьмисот человек. Затем последовала знаменитая атака на контрэскарп перед самими воротами, где капитан Шэнди получил свое памятное ранение. Это дало Вильгельму возможность овладеть городом. Затем последовала осада цитадели, во время которой британцы имели честь пройти маршем на штурм более полумили по открытой местности, испытание, которое оказалось непосильным даже для них. Тем не менее, именно они в конце концов пробили брешь, из которой была отбита другая атакующая колонна, и обеспечили сдачу цитадели несколько дней спустя. За службу в этом случае Восемнадцатый пехотный полк был пожалован в Королевский ирландский полк; и латинская надпись на их цветах до сих пор сообщает, что это была награда за их доблесть при Намюре.

1697.

Таким образом, Вильгельм по возвращении в Англию впервые смог продемонстрировать своему парламенту солидный успех благодаря британским красным мундирам; и Палата общин с радостью еще раз проголосовала за общую численность войск в восемьдесят семь тысяч человек. Но за войной не нужно следить дальше. Кампания 1696 года была прервана тщетной попыткой французов вторгнуться в Англию, и в 1697 году Франция, доведенная до полного изнеможения, с радостью заключила Рисвикский мир. Так закончился, не без чести, первый этап великого конфликта с королем Людовиком Четырнадцатым. Положение двух главных действующих лиц, Англии и Франции, не совсем отличалось от того, которое они заняли столетием позже при заключении Амьенского мира. Британцы, хотя и не одержали больших побед, дали почувствовать свое присутствие на поле боя; и как французы на полуострове помнили, что британцы сражались с ними с упорством, которого они не встречали у других стран, не только в Египте, но и еще раньше при Турне и Линселе, так и после Бленхейма и Рамиллиса они вспоминали яростную атаку при Стинк-Керке и неукротимую оборону Неервиндена. "Без поддержки доблести и могущества Англии, - сказал Вильгельм парламенту в конце 1695 года, - было бы невозможно положить конец амбициям и величию Франции". Так было тогда, так было столетие спустя, и так будет снова, ибо, хотя никто лучше не знает превосходных качеств французов как боевого народа, все же англичане - единственная нация, которая никогда не боялась встретиться с ними лицом к лицу. С Рисвикским миром закончились годы обучения постоянной армии, и в течение пяти лет старый дух, который пронес его через суровую школу при короле Вильгельме, вырвется наружу с ошеломляющей силой под руководством гения Мальборо.

Власти. Ведущим авторитетом по кампаниям Вильгельма на английской стороне является д'Овернь, а на французской - сборник с его превосходной серией карт, составленный Борейном. Дополнительными на одной стороне являются "История Тиндала", "Мемуары Карлтона" и "Тристрам Шенди" Стерна; а на другой - Мемуары Бервика и Сен-Саймона, "Военная история Людовика XIV" Куинси и, в частности, Мемуары Фейкьера. Многие подробности о Стинк Керке, в частности о потерях, взяты из "Настоящего положения Европы", или "Ежемесячника Меркурий", август 1692 г.; а что касается Ландена, то из официального отчета о битве, опубликованного authority, 1693 г. Прекрасные планы обеих акций есть в

Beaourain, более грубые планы - в Quincy и Feuquières. Все подробности о проголосовавшем учреждении взяты из журналов Палаты общин. Очень подробные сведения об этих операциях приведены в книге полковника Клиффорда Уолтона "История британской постоянной армии".

ГЛАВА IV

1697.

После подписания мира возник важный вопрос, что делать с армией. Чтобы правильно понять отношение к нему парламента, необходимо дать краткий очерк его отношений с ним, помимо простого вопроса о средствах для голосования. Было замечено, что скандалы первой кампании Шомберга открыли парламенту глаза на творившиеся в то время беззакония; но, хотя из генерального комиссара сделали козла отпущения, суть дела не была раскрыта до конца.

Главной трудностью была, конечно, нехватка денег. В случае с ирландской войной это было преодолено путем предоставления ирландских поместий, которые были конфискованы после завоевания, простого ожидания и надежды на которые было достаточно, чтобы успокоить умы многих кредиторов. Однако для войны во Фландрии такого ресурса не было. Казна была пуста, а средства, за которые проголосовал парламент, были настолько незначительными, что их можно было передать кредиторам только в обеспечение выплаты в будущем. Однако многие из этих кредиторов были торговцами, которые не могли позволить себе ждать, пока в ходе платежа будут выданы счета, и поэтому были вынуждены избавиться от этих ценных бумаг с разорительной скидкой. Озорство, естественно, на этом не закончилось. Капиталисты вскоре обнаружили, что покупать счета с огромной скидкой - гораздо более прибыльный бизнес, чем давать деньги взаймы непосредственно государству по семипроцентной ставке, и, соответственно, вложили в это все свои деньги. Таким образом, "торговля счетами", как это называлось, стала настолько масштабной, что лорд-казначей Годольфин был вынужден тайно предлагать более высокие проценты по займам, чем это было разрешено парламентом.^[269]

Результатом этой финансовой неразберихи было то, что к концу каждой кампании армия во Фландрии оказывалась в плачевном состоянии из-за истощения ее денег и кредита. Если вспомнить, что значительная часть денежного довольствия офицеров и рядовых в принципе оставалась просроченной на один год, что им приходилось выплачивать скидку в ожидании ее выплаты в лучшие времена, и что к этой сумме теперь добавилась дополнительная скидка по счетам штата, то станет ясно, что их потери стали очень серьезными. Непрекращающиеся трудности всех рангов из-за нехватки жалования и задолженностей вызывали сильное недовольство и часто препятствовали активным операциям. Офицеры были вынуждены продать лошадей, которых они купили для перевозки, до начала кампании, и очень часто были вынуждены снабжать не только себя, но и своих людей из собственного кармана.

Обо всем этом, вероятно, Палата общин знала мало, и поскольку в 1691 году она назначила уполномоченных для расследования государственных счетов, она, несомненно, ждала их отчета, прежде чем предпринять какие-либо активные шаги. Однако в 1694 году Палата

представителей была грубо удивлена некоторыми разоблачениями, касающимися известного лондонского преступника по имени Тули, который зашел так далеко в своем рвении набрать рекрутов, что не только вымогал у них королевский шиллинг, когда они были пьяны, — практика, которая была распространена во Франции и недавно исчезла в Англии, — но и прибегал к чистому похищению людей.^[270] Здесь имело место одно грубое нарушение свободы субъекта; и за этим скандалом быстро последовал другой. В конце 1694 года поступила петиция от жителей Ройстона, в которой они жаловались на то, что расквартированные там войска требовали от горожан пропитания в фиксированном размере. Расследование подтвердило правдивость этого утверждения: военным не платили зарплату, и они приняли свои собственные меры, чтобы спастись от голодной смерти. Почти одновременно уполномоченные по государственным счетам сообщили, что их запросы были сбиты с толку отказом нескольких полковых агентов предъявить свои бухгалтерские книги; и в то же время они без прикрас рассказали о позорном вымогательстве, практикуемом агентами по отношению к офицерам и рядовым, и об одном случае вопиющего проступка со стороны полковника. Палата представителей привела непокорных агентов в чувство, заключив их под стражу, и обратилась к королю с искренней молитвой о том, чтобы он положил конец этим беззакониям.^[271] Король соответственно уволил полковника^[272] и пообещал поправку, которая была выполнена, насколько это было возможно при приказах. Но дело требовало не новых приказов, а исполнения существующих нормативных актов.

На этом, однако, вопрос на какое-то время застопорился, Палата общин была занята задачей очищения своего собственного органа от коррупции, которая была весьма неадекватно выполнена изгнанием Спикера. Тем не менее, до конца войны продолжали поступать новые петиции из городов, от вдов офицеров и от рядовых, все они жаловались на нечестность офицеров и агентов; и Палата представителей, таким образом, зарекомендовала себя в некотором роде посредником между офицерами и солдатами. Такой посредник, надо признать, был крайне необходим, но в интересах дисциплины было несчастьем, что Палата представителей вообще согласилась на эту должность. Непосредственным результатом стало заваливание Палаты общин огромным объемом дел, с которыми они были некомпетентны, и предложение простого решения солдатских проблем в виде увольнения всех солдат.

11 декабря.

Уильям не был в неведении об опасности и принял меры, чтобы противостоять ей. Перед заседанием парламента в декабре 1697 года он уже распустил десять полков и, бросив эту подачку английским предубеждениям, в своей тронной речи изложил свое мнение о том, что Англия не может быть в безопасности без сухопутных войск. Но агитаторы и памфлетисты были и до него. Был поднят старый вой о "Отсутствии постоянной армии", и было написано множество ребяческой и педантичной чепухи, чтобы доказать, что ополчения вполне достаточно для нужд Англии. Аргументы другой стороны были с непревзойденным мастерством изложены лордом Сомерсом; но старый крик был слишком приятен для ушей всего Дома, чтобы его можно было легко заставить замолчать. Еще одна причина, которая, вполне возможно, поколебала Палату представителей, заключалась в том, что, хотя его английские солдаты сражались за Уильяма так, как никакие другие войска в мире, ему так и не удалось одержать победу. Как бы то ни было, в течение восьми дней Палата представителей по предложению Роберта Харли постановила, что все силы, собранные с сентября 1680 года, должны быть распущены.

13 декабря.
1698г.

Эта резолюция при существующем положении европейских дел была воплощением злобной глупости; но отчеты, представленные два дня спустя генеральным казначеем, вероятно, во многом подтвердили это. Задолженность по жалованью, причитающаяся армии с апреля 1692 года, составила тысячу двести тысяч фунтов стерлингов, а задолженность по содержанию - еще миллион, в то время как еще сто тысяч причитались полкам при их передаче от ирландцев английскому истеблишменту.[\[273\]](#) Для погашения этого долга было выделено восемьдесят тысяч фунтов стерлингов, которые никто не стал бы сбрасывать со счетов ни за какие деньги, в то время как, что еще хуже, налогообложение, за которое Палата проголосовала, чтобы произвести три с половиной миллиона, принесло в казну не более двух миллионов. В январе 1698 года были предприняты попытки отменить это постановление, но тщетно. Правительство уступило и после упорных попыток получить четыреста тысяч фунтов было вынуждено принять на пятьдесят тысяч фунтов меньше этой суммы на содержание армии в следующем году.

28 мая.

Результат голосования был незамедлительным. Враги армии ликовали и осыпали оскорблениями солдат, которые в течение пяти лет проливали свою кровь и свои силы ради народа, который не платил им ничего, кроме справедливого жалованья. Потребовалась вся твердость Уильяма, чтобы удержать разъяренных офицеров от немедленной мести самому злобному из этих клеветников. Это была старая история. Люди, растолстевшие на "подсчетах трафика", не могли найти ничего лучшего, чем ругательства в адрес бедного сломленного жизнью лейтенанта, который занял у товарища восемнадцать пенсов, чтобы купить новые ножны для своей шпаги, стыдясь признаться, что хочет пообедать.[\[274\]](#) Бедственное положение в армии вскоре стало острым. От распущенных бойцов посыпались петиции о недоимках, недоимках, недоимках. Плохие солдаты пытались затаить обиду на хороших офицеров, хорошие солдаты добивались справедливости от плохих офицеров; все военные любого ранга громко жаловались на агентов.[\[275\]](#) Затем последовали неприятные напоминания о том, что расходы на ирландскую войну еще не были оплачены. Полковник Митчелберн, героический защитник Лондондерри, потребовал, и справедливо, полторы тысячи фунтов, которые были должны ему с 1690 года.[\[276\]](#) Палата представителей тщетно пыталась остановить поток, проголосовав за выплату пособия в размере двухнедельного прожиточного минимума каждому мужчине и половинной выплаты в качестве удерживающего взноса каждому офицеру, пока ему не выплатят все сполна. Жалобы солдат и офицеров продолжали поступать, и, наконец, Палата общин обратилась к королю с просьбой назначить лиц, не связанных с армией, для рассмотрения справедливых жалоб и их устранения, а также для наказания людей, которые жаловались без причины.

7 июля Палата представителей была избавлена от дальнейших приставаний в результате отпуска, и Уильям вернулся в свою родную Голландию. Перед своим отъездом он оставил своим министрам определенные инструкции относительно Армии. Фактическое количество солдат, подлежащих содержанию, не было упомянуто в Акте парламента, но предполагалось, исходя из доли выделенных денег, что оно составляет десять тысяч человек. Уильяму было приказано оставить шестнадцать тысяч человек, поскольку он все еще надеялся, что парламент

пересмотрит результаты поспешного голосования на предыдущей сессии.^[277] Эти ожидания не оправдались. Шумиха против армии усилилась из-за возобновления старых протестов против голландцев и против предоставления коронных земель вообще и голландцам в частности. Более того, Палата представителей больше не испытывала давления войны, заставлявшего ее объединяться в полезной и патриотической работе. Неизбежная реакция на установление мира после длительных военных действий была в полном разгаре. Весь эгоизм, предрассудки и тщеславие, которые были сдержаны перед лицом великой национальной опасности, теперь вырвались на свободу; и Дом, со смутным представлением о том, что многое еще предстоит сделать, но без четкого представления о том, что это может быть, созрел для любого описания зла.

12 декабря.

17 декабря.

Речь Уильяма была достаточно тактичной. Высказав это как свое мнение, что, если Англия хочет сохранить свое место в Европе, она должна быть защищена от нападения, он покинул Палату представителей, чтобы решить, какие сухопутные силы следует сохранить, и только попросил, чтобы ради собственной чести она предусмотрела выплату долгов, возникших во время войны. Речь не была встречена плохо, и Уильям, несмотря на предупреждения своих министров, был уверен, что все будет хорошо. Пять дней спустя Палате представителей был представлен отчет о возвращении войск, в котором было показано, что тридцать тысяч человек разделены поровну между английским и ирландским истеблишментами. Затем Харли, инициатор дурацкой резолюции прошлого года, предложил, чтобы численность английского истеблишмента была ограничена семью тысячами человек, и все они должны были быть британскими подданными. Это было подтверждено Палатой представителей на следующий день вместе с ирландским учреждением численностью в двенадцать тысяч человек, которое должно было содержаться за счет острова-побратима. Слова Акта, воплотившего это решение, были императивными; в нем говорилось, что 26 марта 1699 года все полки, за исключением тех, которые наверняка будут исключены прокламацией, были фактически расформированы. Наконец, Закон о мятеже, срок действия которого истек в апреле 1698 года, не был продлен Палатой представителей, так что даже в этой жалкой армии офицеры не имели полномочий поддерживать дисциплину.

Нет необходимости далее распространяться об этой резолюции, которая на три года практически отдала Англию на милость Франции. Это был акт преступного идиотизма, самая вредная работа самого вредного парламента, который когда-либо заседал в Вестминстере. Вильгельм был так глубоко огорчен, что его лишь с трудом удалось отговорить от отречения от престола. Помимо безумия такого массового сокращения армии, пункт, ограничивающий гражданство семи тысяч человек, был напрямую направлен против любимого полка короля, Голландской синей гвардии. Однако он подчинился с достаточным достоинством, просто предупредив Палату представителей, что снимает с себя всякую ответственность за любую катастрофу, которая может последовать. Как раз в этот момент представилась редкая возможность частично разрушить злую работу Палаты общин. Смерть принца Баварии, выборщика, поставила вопрос о наследовании испанского престола на острый уровень, и повод был использован для того, чтобы обратиться к парламенту с просьбой о выделении более значительных сил. Вильгельм, однако, с неразумием, которое не может оправдать даже его верность своим верным войскам, попросил в качестве личного одолжения сохранить его

голландскую гвардию. Запрос, предпочтительный на таких основаниях, был отклонен, и прекрасная возможность была упущена.

Таким образом, ничего не оставалось, кроме как максимально использовать те незначительные силы, которые были санкционированы Актом о расформировании. Министры с большой ловкостью ухитрились выманить у Палаты общин дополнительные три тысячи человек под названием морской пехоты, поскольку коллективная мудрость нации часто дает под одним названием то, в чем она отказывается под другим; но что касается собственно армии, единственным выходом было сохранить костяк более крупных сил. Так окончательно была установлена расточительная и экстравагантная система, которой придерживаются даже по сей день. Семитысячный контингент для Англии был разделен на девятнадцать, а двенадцатитысячный для Ирландии - на двадцать шесть отдельных корпусов со средним соотношением один офицер на десять человек.[\[278\]](#) В дополнение к этим, три корпуса кавалерии и семь пехотных были оставлены в Шотландии, в то время как Седьмой стрелковый полк, по-видимому, находился на голландской службе или, во всяком случае, в Голландии. Артиллерия была специально зарезервирована на новой основе под названием полкового обоза, первого зародыша будущего Королевского полка, и состояла из четырех рот, каждая по тридцать человек, с обычной пропорцией офицера на каждые десять человек. К ним были добавлены десять инженерных офицеров.[\[279\]](#) В течение следующих двух лет принцип скелета армии был продвинут еще дальше, и в каждом из драгунских полков тридцать три офицера, тридцать сержантов и капралов внимательно следили за подготовкой двухсот шестнадцати человек. Большое количество офицеров, которых удерживали на случай чрезвычайных обстоятельств за счет половинного жалованья, также в значительной степени опирались на скудные средства, выделяемые Палатой общин; и в то время было модной шуткой, что английская армия - это армия офицеров.[\[280\]](#)

1699.

Ноябрь.

Члены парламента вскоре обнаружили это. Не прошло и месяца, как, как и во время предыдущих заседаний, посыпались петиции от офицеров и рядовых с требованиями о взыскании недоимок и всевозможными жалобами. Поскольку палата общин была источником жалованья, было естественно и правильно, что требования о жалованье были направлены именно на них; но у солдат вошло в моду обращаться к ним за разрешением всех жалоб, и, по-видимому, люди использовали петицию в парламент как средство открытой угрозы своим офицерам.[\[281\]](#) Более того, по какой-то экстраординарной ошибке выплата половинного жалованья была ограничена только теми офицерами, которые на момент расформирования служили в английских полках. Это постановление, естественно, вызвало громкий протест офицеров, которые после долгой службы в английских полках были переведены в шотландский корпус на повышение. Отсрочка в конце апреля на какое-то время принесла облегчение Палате общин; но как только она была собрана заново, петиции посыпались с удвоенным объемом. Таким образом, Палата оказалась превращенной чуть ли не в военный трибунал. В него подавались апелляции по различным вопросам, которые касались исключительно военной дисциплины, и рядовые солдаты пытались усилить свои жалобы, утверждая, что их офицеры неуважительно отзывались о самом Доме.[\[282\]](#)

1700.

Надо отдать им справедливость, Палата общин была крайне смущена этими многочисленными петициями. Как только они активно вмешались, вступившись за офицера, о котором они знали или должны были знать, что у него плохой характер,^[283] и пригрозили полковнику своей местью, если обиды предполагаемого пострадавшего не будут исправлены. Ответ полковника был настолько обескураживающим, что фактически отбил охоту к дальнейшему вмешательству подобного рода. Тем не менее жалобы, выдвинутые мужчинами, должно быть, многие из них были справедливыми, в то время как некоторые из выдвинутых обвинений были наиболее скандальными. В одном из расформированных полков, полковника Ли, было открыто заявлено, что офицеры напоили всех солдат, а затем заставили их подписать квитанции о полном получении жалованья, которое им не было доставлено.^[284] Наконец, в отчаянии был внесен законопроект о создании Судебной палаты для принятия решений между офицерами и рядовыми. Эта мера, однако, была быстро отменена, и был избран более благоразумный курс назначения уполномоченных для расследования задолженности армии.

11 апреля.

Но тем временем был поднят другой вопрос, который внес еще большую путаницу. Парламентское расследование относительно распоряжения конфискованными ирландскими поместьями выявило тот факт, что Уильям предоставил значительную их часть не только в качестве вознаграждения достойным офицерам, что было справедливо, но и своей брошенной любовнице Элизабет Вильерс, а также своим голландским фаворитам Портленду и Альбемарлю. Поведение короля в данном случае было менее оправданным, поскольку ирландское правительство рассчитывало, что эти поместья покроют все еще неоплаченные расходы на ирландскую войну, и в отчаянии всплеснуло руками, когда обнаружило, что в этом ресурсе придется отказать.^[285] Палата общин яростно взялась за этот вопрос, приняла огульный и позорный законопроект о возвращении всей собственности, которая принадлежала короне при восшествии на престол Якова Второго, присоединила его к денежному векселю и направила лордам. Верхняя палата, чтобы спасти революцию, уступила после долгих протестов и приняла законопроект; и вскоре Уильям отправил эту самую вредную Палату общин заниматься своими делами.

1701 год,
14 февраля.

Только в начале следующего года король встретился с парламентом, даже более отчетливо, чем предыдущий парламент от тори, который был избран осенью. Он был вынужден еще раз напомнить, что среди важнейших вопросов английского и испанского наследства следует предусмотреть выплату долгов, возникших в результате войны. Насчет этих долгов не могло быть никаких сомнений, поскольку петиции, которые раньше поступали десятками, теперь, вследствие вмешательства в ирландские гранты, поступали сотнями. Палата общин льстила себя надеждой, что они разобрались с этим неприятным делом, назначив своих уполномоченных, но они обнаружили, что из-за их собственных ошибочных инструкций уполномоченные были бессильны разобраться со многими из представленных им дел. Жалобы офицеров на правительство стали почти такими же многочисленными, как жалобы солдат на офицеров, и каждый день появлялись новые свидетельства неразберихи в военном деле, усугубляемой слабоумием и бесхозяйственностью Палаты представителей.^[286]

Чем бы закончилось это дело и не привело ли бы оно в конечном итоге к опасному военному бунту, сказать трудно. Все это, однако, было прервано отправкой английских войск в Нидерланды и очевидным приближением войны; ибо перспективы найти работу для каждого распущенного солдата и сокращенного офицера было достаточно само по себе, чтобы утихомирить движение, которое легко могло стать грозным. Еще две сессии, подобные заседаниям 1698 и 1699 годов, могли бы привести к повторению знаменитой сцены Кромвеля с Долгим парламентом.

Однако невозможно оставить эти несколько бурных мирных лет без внимания очевидную беспомощность военной администрации. Военное министерство действительно находилось в переходном состоянии. Военный секретарь все еще был настолько исключительно секретарем главнокомандующего, что сопровождал его в походах; и трудно сказать, на ком, кроме главнокомандующего, лежала ответственность за управление армией. Не следует использовать обычные стандарты при оценке человека, столкнувшегося с таким количеством трудностей, как король Вильгельм Третий. Его слабое телосложение, огромное бремя работы в министерстве иностранных дел, его непонимание и неспособность сочувствовать английскому характеру - все эти причины сговорились, чтобы сделать задачу управления Англией и командования ее армией слишком тяжелой для него. Тем не менее, принимая во внимание все возможные допущения и принимая как правдивые картины Стерна о его популярности среди солдат, трудно полностью снять с него вину за неправомерные действия военной администрации. По правде говоря, его ум едва ли был приспособлен для административных мелочей. Он мог провести великолепную дипломатическую комбинацию с непревзойденным мастерством и обходительностью, даже если он мог обрисовать общие черты движения или кампании; но он был скорее государственным деятелем, чем администратором, стратегом, чем генералом. На войне его нетерпение привело его к череде сокрушительных поражений, в мирное время его презрение к деталям сделало период его пребывания на посту главнокомандующего одним из худших в нашей истории. То, что в условиях коррупции, которую он обнаружил в Англии, он отчаялся найти честного человека, вполне простительно, но он не прилагал никаких усилий для излечения от этой коррупции, предпочитая вести свой бизнес через своих голландских фаворитов, а не по английским официальным каналам. Наконец, его поведение в вопросе ирландских конфискаций наводит на мысль, что он сам не испытывал отвращения к работе и не был чрезмерно суров к тем же слабостям в других; и, по правде говоря, голландцы не имеют хорошей репутации в вопросах коррупции. Суровый, черствый и холодный, он испытывал мало чувств к Англии и англичанам, кроме как как к проявлениям той враждебности к Франции, которая была его главной страстью. Вероятно, он испытывал к английскому солдату больше нежности, чем к любому другому англичанину; железная натура растаяла при виде разбитых батальонов в Стинк-Керке, и, если верить Бернету, холодное сердце настолько потеплело по отношению к красному мундиру, что побудило его оказать помощь голодающим, которыми так позорно пренебрег парламент, из собственного кармана. В целом, можно сказать, что ни одному командиру британские войска не служили так хорошо, и он не воздавал за эту услугу, каковы бы ни были его благие намерения, так недостойно и так плохо.

ГЛАВА I

Европейская ссора из-за наследования испанского престола,^[287] о смерти слабоумного короля Карла Второго, давно была предвидена Уильямом и была предотвращена, как он надеялся, Договором о разделе в 1698 году. Достигнутое тогда соглашение было нарушено смертью принца-выборщика Баварии и было заменено вторым договором о разделе в марте 1700 года. В ноябре того же года скончался король Карл Второй, оставив завещание, в котором Филипп, герцог Анжуйский и второй сын дофина, был назван наследником всей Испанской империи. На этом второй Разделительный договор пропал даром. Людовик Четырнадцатый после приличествующего случаю периода колебаний принял испанскую корону от герцога Анжуйского под титулом короля Филиппа Пятого.

1701.

Император немедленно подал протест против завещания, и Людовик без промедления приготовился к кампании в Италии. Вильгельм, однако, пока просто отложил признание Филиппа Пятого; и его примеру последовали Соединенные провинции. Льюис, всегда готовый и расторопный, сразу же принял меры, чтобы побудить Штаты к принятию решения. Несколько городов^[288] в Испанской Фландрии согласно предыдущим договорам были расквартированы голландскими войсками. Льюис быстрым движением окружил их всех и, заполучив таким образом пятнадцать тысяч лучших людей голландской армии, мог диктовать любые условия, какие ему заблагорассудится. Уильям ожидал, что Палата общин будет возмущена этим агрессивным шагом, но Палата была слишком занята своими собственными межфракционными распрями. Однако, когда Штаты обратились к Англии с просьбой предоставить десять тысяч человек, которых по договору 1677 года она была обязана предоставить, обе Палаты представителей добросовестно приготовились выполнить это обязательство.

Затем, как это неизменно происходит в Англии, работа, которую парламент отменил, требовала повторения. Из Ирландии в Нидерланды были переброшены двенадцать батальонов, и были изданы распоряжения о наборе десяти тысяч новобранцев в Англии, чтобы занять их место. Но сразу же после этого пришли плохие новости из Вест-Индии, и было сочтено необходимым направить туда еще четыре батальона из Ирландии. Три полка^[289] были спешно доведены до общей численности в две тысячи человек и отправлены. Таким образом, в течение пятнадцати месяцев после расформирования в 1699 году ирландский гарнизон сократился на пятнадцать батальонов из двадцати одного; и требовалось немедленно набрать четыре новых батальона. Из них два, а именно "Бруденелл" и "Маунтджой", впоследствии были расформированы, но еще два, "лорд Шарлемонт" и "лорд Донегол", все еще с нами в качестве тридцать пятого и тридцать шестого полков Линии.

В июне двенадцать батальонов[290] были отправлены в Голландию под командованием Джона, графа Мальборо, который с 1698 года был восстановлен в милости короля и должен был занять свое место главы европейской коалиции и генерала армий конфедерации способом, о котором еще никто не мечтал. Сейчас ему было пятьдесят лет; так долго самый способный человек в Европе ждал работы, достойной его способностей; и вот наконец его время пришло. Однако его первые обязанности были дипломатическими, и летом и осенью 1701 года он был занят переговорами со Швецией, Пруссией и Империей о создании Великого союза против Франции и Испании. Излишне говорить, что он добился успеха благодаря своему неиссякаемому обаянию, терпению и тактичности.

Сентябрь.

Тем не менее отношение английского народа к конкурсу оставалось сомнительным, пока после смерти короля Якова Второго Льюис не совершил роковую ошибку, признав и провозгласив своего сына королем Англии. Затем тлеющая вражда против Франции мгновенно вспыхнула ярким пламенем. Уильям воспользовался возможностью распустить парламент и был вознагражден избранием Палаты общин, более похожей на ту, которая провела его через первую войну к Рисвикскому миру. Он не преминул пробудить в нем патриотизм и самоуважение волнующей речью с трона и добился ратификации своего соглашения с союзниками о том, что Англия должна предоставить контингент в сорок тысяч человек, из которых восемнадцать тысяч будут британцами, а остальные иностранцами. Таким образом, страна была вовлечена в войну за испанское наследство.

Вскоре было решено, что количество всех полков, получающих жалованье, должно быть немедленно увеличено до боевого, и что еще шесть батальонов, вместе с пятью кавалерийскими полками и тремя драгунскими, должны быть отправлены на соединение с войсками, уже находящимися в Голландии. Затем, как обычно, возникло желание в спешке сделать то, что следовало бы сделать на досуге; и показательным результатом недавнего жестокого обращения с армией является то, что, хотя в стране было полно безработных солдат, для получения рекрутов приходилось предлагать три фунта, или втрое больше обычной суммы призывных взносов. Следующим шагом было формирование пятнадцати новых полков — пехотного полка Мередита, Кутса, Хантингдона, Фаррингтона, Гибсона, Лукаса, Мохана, Темпла и Стрингера; Фокса, Сондерсона, Вильерса, Шеннона, Мордонта и Холта из морской пехоты. Из пехоты Гибсон и Фаррингтон были повышены в звании в 1694 году, но офицеры Фаррингтона, если не обоих полков, были оставлены на половинном жалованье и, вернувшись в полном составе, продолжили жизнь полка без перерыва. Оба по-прежнему с нами в качестве Двадцать восьмого и Двадцать девятого в Линейке. Дома Хантингдона и Лукаса также сохранились как Тридцать третий и тридцать четвертый, а дома Мередит и Кутса, которые выросли в Ирландии, как Тридцать седьмой и Тридцать девятый, в то время как остальные были расформированы по окончании войны. Из морских пехотинцев дивизия Сондерсона первоначально была сформирована в 1694 году и в конечном итоге перешла в Строй как Тридцатая пехотная, за ней последовали дивизии Фокса и Вильерса как Тридцать первая и Тридцать вторая. Теперь ничего не оставалось, как принять Закон о мятеже, что было сделано быстро; и 5 мая, всего через два месяца после смерти короля Вильгельма, великое дело его жизни было продолжено официальным объявлением войны.

Область операций, которая в основном будет нас касаться, в основном та же, что и та, на которой мы следили за кампаниями короля Вильгельма. Восточная граница петушиной ямы должна быть на время продлена от Мааса до Рейна, северная - от Демера до Вааля, а южная граница должна быть проведена от Дюнкерка за Намюром до Бонна. Но читателю следует иметь в виду, что вследствие союза с Испанией Испанская Фландрия была уже не враждебной, а дружественной Франции, так что французская граница, по всем практическим соображениям, простиралась до границы голландского Брабанта. Более того, французы, помимо захвата, о котором уже говорилось, пограничных городов, ухитрились занять все опорные пункты на Маасе, за исключением Местрихта, от Намюра до Венлоо, так что практически они были хозяевами всей линии реки.

В нескольких лье ниже Венлоо стоит укрепленный город Грейв, а за Грейвом, на параллельном ответвлении Рейна, стоит укрепленный город Нимеген. Немного восточнее Нимегена, в том месте, где Рейн раньше разветвлялся на два потока, стоял форт Шенк, цитадель, прославившаяся во время войн Моргана и Вера. Эти три крепости были тремя восточными воротами голландских Нидерландов, господствовавшими над двумя великими водными путями, вдвойне важными в те времена плохих дорог, которые вели в сердце Соединенных провинций.

1702.

30 мая

10 июня.

Именно здесь мы должны наблюдать начало кампании 1702 года. Отряды французов и союзников противостояли друг другу на Верхнем Рейне, на Нижнем Рейне и в Нижней Шельде; но великая французская армия численностью в шестьдесят тысяч человек была предназначена для действий на Маасе, и присутствие принца крови, герцога Бургундского, со старым маршалом Буффлером в качестве инструктора достаточно показывало, что именно в этом районе Франция намеревалась нанести свой главный удар. Поскольку другие дела все еще удерживали Мальборо от участия в боевых действиях, командование союзной армией на Маасе было поручено лорду Этлону, более известному как тот Гинкель, который завершил умиротворение Ирландии в 1691 году. Его силы насчитывали двадцать пять тысяч человек, с которыми он расположился близ Клива, в центре полумесяца, образованного Граве, Нимегеном и фортом Шенк, наблюдая под прикрытием этих трех крепостей за армией Буффлеров, которая расположилась лагерем примерно в двадцати милях к юго-востоку от него в Удене и Ксантене. 10 июня Баффлеры предприняли внезапный бросок, чтобы отрезать Этлон от Нимегена и Грейв, катастрофу, которую Этлон едва предотвратил почти позорно поспешным отступлением. Достигнув Нимегена, Этлон отступил к северу от Ваала, в то время как вся Голландия трепетала перед опасностью, которой таким образом чудом удалось избежать.

21 Июня

2 июля.

15-26 июля .

Таково было положение, когда Мальборо наконец вышел на поле боя после долгой борьбы в Гааге с трудностями, которым было суждено преследовать его на протяжении всей войны. В Англии его положение было сравнительно легким, поскольку, хотя принц Георг Датский, супруг

королевы Анны, номинально был генералиссимусом всех вооруженных сил на море и суше, Мальборо все же был генерал-капитаном всех английских вооруженных сил дома и в Голландии и, вдобавок, главным артиллеристом. Но только после продолжительных споров он был назначен главнокомандующим союзными войсками, и то не без того, чтобы вызвать большое недовольство среди голландских генералов и большую зависть у принца Нассау-Саарбрюкского и в Атлоне, оба из которых стремились занять этот пост. Преодолев эти препятствия, возник вопрос о плане кампании. И здесь снова были подняты бесконечные препятствия. Голландцы после недавнего испуга нервно опасались за безопасность Нимегена, король Пруссии был сильно обеспокоен своей территорией Клив, и все партии, у которых не было собственных интересов, которые можно было бы выдвинуть, сочли своим долгом помешать главнокомандующему. С бесконечным терпением Мальборо успокаивал их и, наконец, 2 июля выехал из Гааги в Нимеген в сопровождении двух голландских депутатов, гражданских лиц, чьей обязанностью было следить за тем, чтобы он не совершил ничего неосторожного. Прибыв туда, он сосредоточил шестьдесят тысяч человек, из которых двенадцать тысяч были британцами, [291] переправился через Вааль и расположился лагерем в Обер-Хассельте против Граве, в двух лигах от французов. Затем препятствие его коллег снова вызвало задержку, и только 26 июля он смог переправиться на левый берег Мааса. "Теперь, - сказал он голландским депутатам, указывая на французский лагерь, - я скоро избавлю вас от этих беспокойных соседей".

22 Июля

2 августа.

Пять быстрых переходов на юг привели его армию к испанской границе у Хамонта. Вслед за этим Буффлерс в тревоге свернул свой лагерь, вызвал маршала Таллара с Рейна к себе на помощь, со всей поспешностью переправился через Маас у Венлоо и на бешеной скорости двинулся к Демеру. 2 августа он находился между Пиром и Брей, место для лагеря было выбрано неудачно, а его армия измотана неделями отчаянного марша. На расстоянии легкого удара, в миле или двух к северу, находился Мальборо, его армия была свежей, готовой и уверенной в себе. Он держал игру в своих руках, потому что немедленная атака нанесла бы французам такой же грубый удар, какой им предстоял позже в Рамиллисе. Но вмешались голландские депутаты; эти кизиловцы довольствовались тем, что благодарили Бога за то, что избавились от негодя. Таким образом, Баффлерсу позволили благополучно пересечь Демер в кратчайшие сроки, и первая прекрасная возможность была упущена.

11 августа 22 .

Мальборо, отвлекший французов от Мааса, был теперь свободен присоединить гарнизон Мейстрихта к своим полевым силам и осадить крепости на реке. Однако Баффлерс, ободренный своим побегом, снова двинулся на север в надежде отрезать конвой с припасами, который направлялся на соединение с союзниками. Поэтому Мальборо волей-неволей вернулся в Хамон и подобрал свой конвой; затем, прежде чем Баффлерс смог разгадать его цель, он быстро двинулся на юг и перерезал линию отступления французов к Демеру. Французский маршал поспешил на юг со всей возможной поспешностью и, пробираясь через ущелья перед Хохтелем по дороге на Хассельт, наткнулся на Мальборо, ожидавшего его в Хелхтерене. И снова игра

была в руках англичанина. Французы были в большом беспорядке, особенно их левый фланг безнадежно запутался в болотистой и труднопроходимой местности. Мальборо немедленно отдал приказ наступать, и к трем часам дня артиллерия двух армий перестрелялась. В пять часов Мальборо направил весь свой правый фланг на левый фланг французов; но, к его удивлению и ужасу, правый фланг не сдвинулся с места. Угрюмый голландец, генерал Опдам, командовал упомянутыми войсками и, преследуя единственную цель, кроме как досадить главнокомандующему, отказался выполнять его приказы. Так была упущена вторая прекрасная возможность.

12 августа 23 .

Все еще многое можно было выиграть общей атакой на следующий день; и, соответственно, Мальборо немедленно начал к этому готовиться. Но когда пришло время, вмешались голландские депутаты, умоляя его отложить атаку до завтрашнего утра. "К завтрашнему утру они уйдут", - ответил Мальборо, но все увещевания были напрасны. Атака волей-неволей была отложена, ночью французы ускользнули, и хотя еще можно было рассечь их арьергард кавалерией, третья прекрасная возможность была упущена.

18 августа 29 .

Мальборо был глубоко огорчен; но хотя с несокрушимым терпением и тактом он оправдывал поведение Опдама в своих публичных донесениях, он не мог обмануть войска, которые громко выражали свое возмущение как депутатами, так и генералами. Теперь не оставалось ничего, кроме как взять крепости на Маасе, часть армии была выделена для осады, в то время как остальная часть прикрывала операции под командованием Мальборо. Однако даже в своем любимом занятии - осаде - голландцы медлили сверх всякой меры. "Англия славится небрежностью, - писал Мальборо, - но если бы англичане были хотя бы наполовину так небрежны, как здешние жители, парламент разорвал бы их на куски".^[292] 29 августа Венлу наконец был захвачен,^[293] и после восемнадцатидневной осады был вынужден капитулировать. Англичане отличились на свой особый манер. При штурме главного оборонительного рубежа генерал Каттс, который из-за своей любви к горячему огню был известен как Саламандра, отдал приказ, чтобы атакующие силы, если они прорвутся через укрытый путь, не останавливались на этом, а устремились вперед и унесли с собой столько, сколько смогут. Это был безумный замысел, преступный, по мнению офицеров, принимавших в нем участие,^[294] но он был безумно выполнен, в результате чего весь форт был захвачен без боя.

Сентябрь. 26

7 октября.

1 октября 12 .

Вскоре последовало сокращение Стивенсверта, Масейка и Рюмонда; и французы теперь забеспокоились, как бы Мальборо не перенес операции на Рейн. Поэтому Таллар был отправлен обратно с большими силами в Кельн и Бонн, в то время как Буффлерс, сильно ослабленный этим и другими отрядами, лежал беспомощный в Тонгресе. Но сезон был уже

далеко в разгаре, и Мальборо не собирался оставлять Баффлерса на зиму в положении, с которого он мог в любой момент выйти и обстрелять Мейстрихт. Поэтому, как только его войска были освобождены после захвата Рурмонда, он приготовился свергнуть его. Французы, в соответствии со своей обычной практикой, преградили восточный вход в Брабант укрепленными линиями, которые тянулись вдоль Гиты до ее истоков, а оттуда были переброшены через реку Мехень. На своей позиции в Тонгре Буффлерс находился на полпути между этими линиями и Льежем в надежде прикрыть обе; но после падения стольких крепостей на Маасе он особенно заботился о Льеже и решил расположиться под его стенами. Соответственно, он осмотрел оборонительные сооружения, выбрал место для лагеря и 12 октября выступил со своей армией, чтобы занять его. Совершенно не подозревая о какой-либо опасности, он подошел на расстояние пушечного выстрела к выбранной им позиции, и там его спокойно поджидал Мальборо с превосходящими силами. В четвертый раз Мальборо удержал врага в пределах досягаемости, но голландские депутаты, как обычно, вмешались, чтобы воспрепятствовать атаке; и Баффлерс, в четвертый раз побежденный, поспешил ночью на свои позиции в Лондэне. Если бы он бросился в Льеж, Мальборо поставил бы его в такое же неудобное положение, маршируя по линии фронта; при таких обстоятельствах французский маршал волей-неволей бросил город на произвол судьбы.

12 октября 23 .

Город Льеж, который не был укреплен, сразу же открыл свои ворота союзникам; и в течение недели батареи Мальборо вели огонь по цитадели. 23 октября цитадель была взята штурмом, англичане первыми прорвались в нее, а несколько дней спустя Льеж со всей линией Мааса перешел в руки союзников. Так блестяще, несмотря на четыре замечательные возможности, упущенные голландцами, завершилась первая кампания Мальборо. Этлон, как честный человек, признался, что как заместитель командира он выступал против каждого проекта Мальборо и что успехом он был полностью обязан своему несравненному начальнику. Во всяком случае, у него было подозрение, что в красивом англичанине Тюренне проявился один из величайших капитанов всех времен.

Тем не менее французы не остались без утешения и в других кругах. Ближе к концу кампании курфюрст Баварии объявил себя сторонником Франции против империи и, неожиданно для чрезвычайно важного положения Ульма на Дунае, установил связь с французскими войсками на Верхнем Рейне. Виллар, командовавший в этом квартале, поддержал его, разгромив его противника, принца Людовика Баденского, при Фридлингене и очистив проходы в Шварцвальде; в то время как Таллар почти без усилий овладел Тревом и Трарбахом на Мозеле. Соперниками за корону Испании были Франция и Империя, и центр борьбы, как никто не видел яснее Мальборо, в настоящее время неуклонно перемещался на территорию Империи.

В то время как Мальборо был занят своими операциями на Маасе, десять тысяч англичан и голландцев под командованием герцога Ормонда и адмирала сэра Джорджа Рука были отправлены для высадки на Кадис. Экспедиция оказалась настолько полной неудачей, что нет смысла подробно останавливаться на ней. Рук не поддержал Ормонда, а Ормонд был недостаточно силен, чтобы овладеть Руком; сухопутные жители ссорились с моряками, а англичане с голландцами. Дисциплина не поддерживалась, и после нескольких недель слабых операций и позорных сцен недисциплинированности и грабежей командир обнаружил, что

им ничего не остается, как вернуться в Англию. Однако им посчастливилось по пути столкнуться с флотом кораблей в Виго, из которых они захватили двадцать пять галеонов с сокровищами на миллион фунтов стерлингов. Утешенные такой удачей, Рук и Ормонд отплыли домой и благополучно бросили якорь в гавани Портсмута.

Между тем неудача, которую Мальборо назвал несчастным случаем, едва не свела на нет весь успех прошлой кампании. По окончании операции граф вместе с голландскими депутатами спустился на корабле по Маасу с охраной из двадцати пяти человек на борту и эскортом из пятидесяти всадников на берегу. Ночью лошадь сбилась с пути, а лодка была застигнута врасплох французским партизаном с отрядом мародеров. Голландские депутаты предъявили французские пропуска, но у Мальборо их не было, и поэтому он был заключенным. К счастью, его слуга сунул ему в руку старый пропуск, который был выписан на имя его брата Чарльза Черчилля. С совершенным спокойствием Мальборо представил это как подлинное, и ему было позволено продолжать свой путь, а французы удовлетворились поимкой охранника и разграблением судна, и даже не мечтая о награде, которую они упустили. Весть о его побеге достигла Гааги, где по его прибытии богатые и бедные вышли приветствовать его, мужчины и женщины плакали от радости по поводу его безопасности. Так глубоко было очарование, которое этот необыкновенный человек оказывал на всех себе подобных.

Несколько дней спустя он вернулся в Англию, где новый парламент уже поздравил королеву Анну с возвращением чести Англии благодаря успеху его оружия. Слово "возвращение" вызвало горячее негодование, но, хотя, несомненно, было вызвано недостойной и фракционной враждой к памяти Уильяма, это было чистой правдой. Нация чувствовала, что англичанам не подобает терпеть поражение от французов, и они радовались, видя, что ошибка исправлена. Тем не менее партийный дух достиг еще более низкого уровня, когда парламент выразил Руку и Ормонду такую же благодарность, какую они выразили Мальборо. Даже этой честью эта драгоценная пара была обязана мудрости и здравомыслию своего гораздо более сильного товарища, ибо они перенесли бы свой спор из-за экспедиции в стены парламента, если бы Мальборо мягко не сказал им, что вся их операция неоправданна и что чем меньше они привлекают к себе внимания, тем лучше. Королева, проявив большую проницательность, присвоила Мальборо титул герцога и назначила ему пенсию в размере 5000 фунтов стерлингов в год. С преувеличенной женской щедростью она пожелала, чтобы парламент немедленно навсегда закрепил эту сумму за титулом, но Палата общин самым благоразумным образом отказалась это сделать. Более того, в то время Дом был занят работой, более полезной для армии, чем выплата пенсий даже такому человеку, как Мальборо.

11 ноября.

11 ноября, за день до публичного дня благодарения за первую кампанию, Комитет государственных счетов представил свой отчет о бухгалтерских книгах лорда Ранелага, главного казначея. Ранелаг, согласно их заявлению, выказывал крайнее нежелание предоставлять свои отчеты и отвечал на их запросы бесконечной путаницей и уклончивостью. В его офисе также необычная эпидемия внезапных заболеваний и беспрецедентное количество неотложных дел сделали его клерков странным образом недоступными для обследования. Уполномоченные, однако, проявили настойчивость и теперь могли рассказать длинную историю о нерегулярном ведении бухгалтерского учета, фальшивых счетах, поддельных квитанциях и самых неуклюжих и прозрачных методах растраты и мошенничества.

Ранелаг защищался от их обвинений не без энтузиазма и эффективности, но члены комиссии отказались обсуждать с ним этот вопрос. Палата общин потратила два дня на изучение доказательств, а затем без колебаний проголосовала за то, что генеральный казначей был виновен в незаконном присвоении государственных денег. В то время многие считали, что Ранелаг почти не использовался; и несомненно, что желание фракции дискредитировать покойное правительство сыграло большую роль, чем обычная честность, в этом внезапном рвении против коррупции. Авторы-виги^[295] без колебаний утверждают, что для обвинений не было никаких оснований; и несомненно, что многие выводы членов комиссии были натянутыми и преувеличенными. Также не подлежит сомнению, что большая часть финансовой неразберихи возникла из-за Палаты общин, которая проголосовала за крупные суммы, не назвав источников, из которых они должны были быть получены, и где она назвала источник, абсурдно завывсивший поступления. Но тем не менее несомненно, что счета Ранелаха были в беспорядке и что, хотя его наследство было небольшим, считалось, что он потратил на здания, сады и мебель больше денег, чем любой другой человек в Англии. Не пытаюсь оценить меру его вины, нельзя отрицать, что его увольнение было сделано на благо Армии.

Если бы Палата общин продолжила это предварительное расследование путем дальнейшего расследования, можно было бы добиться многого, но, поскольку ее мотивы не были чистыми, ее действия не могли быть последовательными. Ранелаг, например, сделал одно заявление в порядке самообороны, которое серьезно обвиняло Военного министра; но Палата представителей не проявила готовности выступить против этого функционера. Очень скоро вопрос о счетах перерос в спор с Палатой лордов; и в марте 1704 года Палата общин все еще обсуждала, что делать с Ранелагом, в то время как бедный Митчелберн из Лондондерри, заключенный во Флит за долги, жалобно ходатайствовал о выплате задолженности, причитающейся ему с 1689 года.

1705 г.,

10 мая.

Поручение

датировано

20 апреля 1704 г.

Однако будет удобно немного предвосхитить события и сразу же рассказать о реформах, которые были вызваны этим скандалом в казначействе. Во-первых, после изгнания Ранелага управление было разделено и были назначены два генеральных казначея: один для войск за границей, другой для тех, кто находится дома. Во-вторых, были назначены два новых офицера с окладом в 1500 фунтов стерлингов в год и званием контролеров армейских счетов, первыми на эту должность были назначены сэр Джозеф Треденхэм и Уильям Данкомб. Наконец, военный секретарь определенно перестал быть простым секретарем главнокомандующего и стал гражданским главой Военного министерства. Во времена Вильгельма он сражался вместе с королем, но с тех пор оставался дома; в то время как секретарь главнокомандующего, еще не военный секретарь, сопровождал генерала на действительной службе за жалованье в десять шиллингов в день. Уильям Блатуэйт, который был военным секретарем со времен Карла Второго, был уволен без ущерба для службы, и его место занял блестящий, но невыгодный Генри Сент-Джон.

ГЛАВА II

1703.

Силы, за которые парламент проголосовал для кампании 1703 года, состояли, как и в предыдущем году, из восемнадцати тысяч британцев и двадцати двух тысяч немцев. Было много разговоров об увеличении армии, и действительно, парламент согласился произвести увеличение при соблюдении определенных условий, которые должны были быть выполнены голландцами; но когда сессия закрылась, никаких положений для этого сделано не было, и детали требовалось урегулировать, как это обычно и было, самим Мальборо. Четыре новых британских полка вошли в состав пополнения, и соответственно были сформированы пять новых батальонов, которые, поскольку все они впоследствии были расформированы, остаются известными нам только по именам их полковников: Горджес, Пирс, Эванс, Эллиот и Макартни. Наконец, небольшие контингенты из множества мелких германских государств довели общее количество наемников до двадцати восьми тысяч, что, прибавив к двадцати тысячам британцев, составило номинальную сумму в пятьдесят тысяч человек, состоящих на жаловании у Англии. Но ни одно из этих дополнительных войск не могло выступить на поле боя до конца кампании.

Такие усилия предпринимались не только со стороны союзников. Успехи французов к востоку от Рейна побудили их задумать грандиозную кампанию, поэтому их армия тоже была увеличена, и каждый нерв был напряжен, чтобы сделать приготовления как можно более полными. Великая армия под командованием Виллеруа и Буффлерса, насчитывавшая пятьдесят четыре батальона и сто три эскадрона, была создана для того, чтобы отбить укрепленные пункты на Маасе и угрожать голландской границе. Границы в направлении Остенде и Антверпена охранялись летучими колоннами под командованием маркиза Бедмара, графа де ла Мота и испанского графа Церклеса де Тилли. Все силы бурбонов в Нидерландах, включая гарнизоны и полевую армию, насчитывали девять тысяч человек одной только пехоты.^[296] С такими силами, чтобы оккупировать союзников во Фландрии, и с маршалом Талларом, чтобы сдерживать принца Людовика Баденского в Штолльхофене на Верхнем Рейне, маршал Виллар должен был пробиться через Шварцвальд и соединиться с курфюрстом Баварии. Наконец, объединенные силы Франции и Савойи должны были продвинуться через Тироль к долине Инн и объединиться с Вилларом и Курфюрстом для марша на Вену.

6 марта 17 .

7 мая 18 .

План был достаточно грандиозным по замыслу; но у Мальборо тоже были сформированы планы нанесения удара по врагу в жизненно важном месте. Осадная кампания была ему не по душе, поскольку он полагал, что заставить врага действовать и разбить его стоило взятия двадцати мелких крепостей; и соответственно, по прибытии в Гаагу он выступил за немедленное вторжение во французскую Фландрию и Брабант. Но проект был слишком смелым для голландцев, чьи командиры менялись, и менялись к худшему. Старый Этлон был мертв, и на его место выдвинулись три новых генерала — Оверкирк, у которого было мало недостатков, кроме

посредственности и возраста; Слангенберг, сочетавший способности со злодейским характером; и Опдам, который был в равной степени сварливым и неспособным. Очень неохотно Мальборо был вынужден предпринять осаду Бонна, он сам командовал осаждающими, в то время как Оверкирк руководил армией прикрытия. Несмотря на проволочки голландцев, энергия Мальборо преуспела в том, что союзники первыми вступили в бой; и прежде чем Виллеруа смог нанести удар, чтобы помешать этому, Бонн капитулировал, а Мальборо вернулся в Оверкирк и был готов к активным действиям на поле боя.

Теперь герцог вернулся к своему первоначальному плану перенесения войны в сердце Брабанта и Западной Фландрии и с этой целью приказал сделать все возможное для нападения на Антверпен. Когорн, знаменитый инженер, должен был отвлечь французов захватом Остенде на западе, вторая группировка должна была быть сосредоточена под Опдамом в Берген-оп-Зом на севере, в то время как Мальборо должен был сдерживать Виллеруа на востоке, пока все не будет готово.

Герцог сам участвовал в операциях с присущим ему мастерством. Оттеснив Виллеруа в пространство между верховьями Яара и Мехена, он держал его в постоянном напряжении относительно того, куда его замысел направлен - на восток или на запад, против Хая или против Антверпена. К сожалению, в недобрый час он сообщил Когорну, что, по его мнению, мог бы справиться и с тем, и с другим.^[297] Алчный старый инженер разработал собственные планы по набиванию карманов; и как только он услышал об идее Мальборо напасть на Хай, он, опасаясь, как бы Виллеруа не помешал его личным планам по зарабатыванию денег, бросил захват Остенде на ветер и двинулся в Западную Фландрию, чтобы собрать контрибуцию, пока не стало слишком поздно.

15-26 июня .

И все же Мальборо был терпелив. Сначала он надеялся на Остенде, а потом на Антверпен, но изменение условий могло бы послужить делу. Когорн, набив карманы, вернулся на восток от Шельды в Стаброк; Спаар, другой голландский генерал, занял свою позицию в Халсте; Опдам остался в Берген-оп-Зуме; и таким образом, три армии затаились в засаде к северу и западу от Антверпена, готовые двинуться вперед, как только Мальборо подойдет с юго-востока. Герцог не заставил их долго ждать. В ночь на 26 июня он внезапно свернул свой лагерь, перешел Джаар и направился к мосту через Демер в Хассельте. Виллеруа, у которого теперь полностью открылись глаза, поспешил со всей скоростью к Диесту, чтобы быть перед ним; и обе армии устремились к Антверпену. Герцог гнал свою армию вперед, прилагая огромные усилия в течение шести дней, когда до него дошла весть, что Когорн, не в силах устоять перед искушением подзаработать еще немного денег, совершил второй рейд в Западную Фландрию, оставив Опдам висеть в воздухе по другую сторону Шельды. Голландцы ликовали по поводу предполагаемого успеха Когорна, но Мальборо придерживался совсем другой точки зрения. "Если Опдам не будет настороже, - сказал он, - его разобьют прежде, чем мы сможем добраться до него"; и он немедленно отправил гонцов предупредить Опдама. Как обычно, он был совершенно прав. Виллеруа сразу же нанес удар по пятну и выделил силы под руководством Баффлерса, чтобы воспользоваться этим преимуществом. Опдам, несмотря на предупреждение Мальборо, не принял никаких мер предосторожности и, оказавшись застигнутым врасплох, пустился наутек, оставив

Слангенберга спасти свою армию. Таким образом, все комбинации Мальборо были разрушены.^[298]

Ссоры голландских генералов между собой не оставляли надежды на успех в дальнейших операциях. Не сумев убедить голландцев предпринять что-либо, кроме мелких осад, он вернулся на Маас и после взятия Хая и Лимбурга завершил кампанию. Таким образом, второй год был потрачен впустую из-за упрямства голландцев.

Сентябрь. 9 20 .

Тем временем дела у Великого Альянса шли неважно в других кругах. Король Португалии действительно перешел на сторону Австрии и предложил войска для активных действий в Испании, что вскоре приведет нас на полуостров. Герцог Савойский снова был оторван от французского отряда, и намеченный поход через Тироль потерпел поражение из-за доблести тирольцев; но в других местах французское оружие одержало победу. В начале марта Виллар захватил крепость и мост Кель на Рейне, пересек Шварцвальд, соединил руки с курфюрстом Баварским и, несмотря на ожесточенные ссоры с ним, одержал в его составе победу при Хохштедте. Таллард тоже, хотя и выступил в бой с опозданием, захватил Старый Бризах на Верхнем Рейне, разбил принца Гессен-Кассельского при Шпайере и отбил Ландау. Таким образом, коммуникации между Рейном и Дунаем были обеспечены, и на поход на Вену можно было рассчитывать в следующем году. Когда ее армии потерпели поражение на ее фронте, а венгерское восстание разъедало ее жизненно важные органы изнутри, положение Империи было почти отчаянным.

[1697.]

Мальборо, со своей стороны, решил сложить с себя командование, поскольку не видел никаких шансов на успех, пока его подчиненные систематически не подчинялись его приказам. "Наше отсутствие успеха, - писал он, - связано с отсутствием дисциплины в армии, и пока это не будет исправлено, я не вижу перспективы улучшения ситуации".^[299] Тем не менее, короткое пребывание в Англии, похоже, вернуло ему более спокойное расположение духа, хотя еще до завершения кампании он начал планировать крупный удар на следующий год и обсуждать его с единственным способным генералом на императорской службе, принцем Евгением Савойским. Хрупкий по телосложению, Евгений изначально был предназначен для Церкви и в течение короткого времени был известен как аббат Савойский, но он рано отдал предпочтение военной профессии и первым предложил свой меч Людовику Четырнадцатому. В этом было отказано. Затем Евгений обратился к императорскому двору и после десяти лет активной службы против венгров, турок и французов в возрасте тридцати лет стал фельдмаршалом. В тридцать четыре года он одержал великую победу при Зенте над турками, а в войне за наследство заставил бояться себя в Италии лучших французских маршалов. Сейчас ему было сорок лет, он провел добрую половину своей жизни на войне и добрую четверть - в высшем командовании. Мальборо было пятьдесят три, и до двухлетней давности он никогда не командовал армией.

Замысел Мальборо заключался не в чем ином, как в том, чтобы передать Нидерланды под защиту голландцев и, оставив старое место военных действий со всеми его армиями и крепостями в тылу, перенести кампанию в сердце Германии. Два великих капитана решили, что

это можно и должно быть сделано, но убедить робкие Генеральные штаты и фракционную Палату общин в смелом, почти опрометчивом плане будет нелегкой задачей.

Мальборо немедленно приступил к своей части работы в Англии. Ни словом не обмолвившись о своем великом плане, он ухитрился вселить немного мужества в английских министров, а значит, и в их сторонников в парламенте. Палаты представителей встретились 9 ноября, и Палата общин, после справедливой критики отсутствия согласованности действий союзников, бодро проголосовала деньгами и людьми за увеличение численности вооруженных сил, которое было предложено на предыдущей сессии. Затем возникла новая трудность, которая добавилась ко многим неприятностям Мальборо осенью. Недавно заключенный с Португалией мирный договор требовал отправки на полуостров семи тысяч солдат, и их было решено набрать из лучших британских полков в Нидерландах.^[300] Поэтому было необходимо набрать один новый драгунский полк и семь новых пеших батальонов,^[301] задача была нелегкой из-за возрастающих трудностей с получением рекрутов.

1704.

15 января.

Но пока вербовщики деловито били в барабаны, а осужденные преступники ожидали решения, которое должно было отправить их либо в телеге в Тайберн, либо на транспорте в Нидерланды, неутомимый Мальборо пересек Северное море в самую суровую погоду, чтобы посмотреть, как продвигаются приготовления голландцев. Он застал их в таком состоянии, которое вызвало у него печальные опасения перед предстоящей кампанией, но ему удалось убедить власти увеличить поставки людей и денег и предложить операции на Мозеле для следующей кампании. Та же фраза "операции на Мозеле" была передана королю Пруссии и другим союзникам и повторена королеве и министрам по его возвращении в Англию. Наконец, в начале апреля герцог снова отправился в Нидерланды в сопровождении своего брата Карла, имея в кармане общие инструкции по согласованию мер с Голландией для оказания помощи императору.

24 апреля

5 мая.

7 18 мая .

Затем три недели ушло на то, чтобы получить согласие Генеральных штатов на операции на Мозеле, согласие, которого герцог добился только тем, что пригрозил выступить туда только с британскими войсками и проконсультировался с твердым, но медлительным командующим имперскими войсками принцем Людовиком Баденским. Чтобы избавиться от голландской обструкции, Мальборо попросил только вспомогательные войска на жалованье голландцев и добился для своего брата Чарльза звания генерала с назначением командующим британской пехотой. В последнюю неделю апреля британские полки начали стекаться со своих зимних квартир к мосту, который был переброшен через Маас в Рюремонде, а две недели спустя шестнадцать тысяч из них встретились в Бедборо. Ни один из них не знал, куда он направляется, поскольку только за последние две недели герцог намекнул о своем предназначении даже императору или принцу Людовику Баденскому.

Теперь пришло время взглянуть на противника, который вступил в кампанию с самыми большими надеждами на успех. Диспозиция французов мало изменилась по сравнению с диспозицией предыдущего года. Виллеруа с одной армией находился на рубежах Мехена; Таллар с другой армией находился в окрестностях Страсбурга, его переправа через Рейн была обеспечена владением Ландау и Старым Бризахом; а граф Куаньи с десятью тысячами человек находился на Мозеле, готовый действовать во Фландрии или в Германии, если того потребуют обстоятельства. В Ульме находились курфюрст Баварский и его французские союзники под командованием Марсена, который зимой сменил Виллара. Все эти последние силы, всего сорок пять тысяч человек, были готовы выступить к верховьям Дуная и там соединиться с французами, которые должны были быть оттеснены через Шварцвальд навстречу им. Курфюрст в ходе операций прошлой кампании овладел линией Дуная от его истоков до Линца в пределах австрийской границы; у него также были ключи от страны между Иллером и Инной; и он просил только о подкреплении из Франции, которое позволило бы ему двинуться прямо на Вену.

Для прохождения этого подкрепления не было никаких препятствий, кроме слабых имперских войск под командованием принца Людовика Баденского, которые перешли на охрану страны от Филиппсбурга на юг до Боденского озера. Главным препятствием были определенные укрепленные линии, на которые читателю следует обратить внимание, на правом берегу Рейна, которые тянулись от Штолльхофена на юго-восток до Бюля, и, поскольку они прикрывали вход в Баден с северо-запада, естественно, наиболее ревностно охранялись принцем Людовиком. С этого момента на юг наиболее важные пункты удерживались слабыми отрядами регулярных войск, но значительная часть самой труднодоступной местности была доверена необразованному ополчению и крестьянству. Успешно сопроводить подкрепление через ущелья от Фрибурга до Донауэшингена и вернуться с эскортом в целости и сохранности было нелегкой задачей, но Таллард ловко справился с ней в течение двенадцати дней. В то время этот подвиг восхвалялся с нелепой расточительностью, поскольку, помимо того факта, что принц Людовик Баденский не отличался ни быстротой, ни бдительностью, Таллард так безжалостно гнал своих несчастных новобранцев вперед по плохим дорогам и в плохую погоду, что большая часть из них погибла в пути.^[302] Тем не менее французы набрали первое очко в игре и были в соответствующем приподнятом настроении, в то время как голова бедняги Таллара, к его большому несчастью, была полностью повернута.

8 мая 19 .

Тем временем Мальборо начал свой знаменитый марш, направленный вверх по Рейну в сторону Бонна. На следующий же день после своего выступления он получил срочные сообщения от Оверкирка о том, что Виллеруа переправился через Маас и угрожает Хаю, а от принца Льюиса - что Таллар угрожает позициям Штолльхофена, причем оба командующих, конечно, умоляли его вернуться к ним на помощь. Остановившись на один день, чтобы успокоить их, герцог сказал Оверкирку, что у Виллероя нет замыслов ни против кого, кроме него самого, и что чем скорее будет отправлено подкрепление на соединение с британцами, тем лучше. Принцу Льюису он ответил, назначив ему встречу, где его гессенцы и датчане могли бы также соединиться с его собственной армией. Сделав это, он продолжил свой поход.

12 мая 23 .

18 мая 29 .

21 мая
1 июня.
20 мая 31 .
23 мая
3 июня.

Информация Мальборо была достоверной. Виллеруа получил строгий приказ следовать за ним до Мозеля, поскольку французский двор был убежден, что он замышляет операции в этом квартале. Герцог свернул со своего пути, чтобы осмотреть Бонн, чтобы укрепить эту веру, а затем со всей поспешностью двинулся в Кобленц только со своей кавалерией, оставив своего брата следовать за ним с пехотой, в то время как артиллерию и обоз перевезли вверх по Рейну в Майнц. И снова все его передвижения, казалось, указывали на операции на Мозеле, если только на самом деле (ибо французы никогда не знали, что такой человек может предпринять дальше) он не планировал вернуться вниз по реке для операций у моря. Но куда бы он ни направлялся, он не задерживался, а, перейдя Рейн и Мозель, постоянно продвигался вперед со своей кавалерией. Выступая всегда до рассвета и приводя своих людей в лагерь к полудню, он не давал им привала, пока не достиг пригородов Майнца в Касселе. Здесь он выиграл время, обратившись к ландграфу Гессенскому с просьбой прислать в Мангейм артиллерию, которую он подготовил для кампании на Мозеле. Французы снова были озадачены. Должен ли Эльзас, а не Мозель стать ареной следующей кампании; и если нет, то почему английский генерал наводил мост через Рейн у Филипсбурга и почему его артиллерия двигалась вверх по реке? Таллар двинулся к Кел, переправился на левый берег Рейна и занял позицию на Лаутере, а Виллеруа послал во Фландрию за подкреплением; но тем временем Мальборо переправился через Майн и все еще, преодолевая быстрые и мучительные переходы по отвратительным дорогам, еще через три дня переправился через Неккар у Ладенбурга и был вне пределов их досягаемости.

26 мая
6 июня.
30 мая
10 июня.
2 13 июня .

Теперь его планы были достаточно очевидны, но ловить его было слишком поздно. Поэтому он остановился на два дня у Ладенбурга, чтобы отдать приказ о сосредоточении войск, которые должны были присоединиться к нему с Рейна, а затем ударил на юго-восток через большую излучину Неккара, во второй раз пересек реку у Лауффена и к 10 июня был у Мондельхайма. Остановившись здесь на три дня, чтобы дать возможность своей пехоте подойти поближе, к нему присоединился принц Евгений, которого он теперь впервые встретил во плоти. Принц осмотрел английскую конницу и был поражен состоянием войск после их долгого и изнурительного марша. "Я много слышал, - сказал он, - об английской кавалерии и нахожу ее лучше всех, кого я когда-либо видел. Дух, который я вижу во взглядах ваших людей, является залогом победы ". Сюда тремя днями позже прибыл и менее желанный гость, принц Людовик Баденский; и три командира обсудили свои планы на будущее. Мальборо тщетно пытался сохранить Юджина для своего коллеги, но в конечном итоге было решено, что Юджин должен принять командование на рубежах Штольхофена, по возможности помешать французам

перейти Рейн и следовать за ними во что бы то ни стало, если им удастся переправиться, в то время как Баден должен оставаться на Дунае и через несколько дней делить командование союзной армией с Мальборо.

3 Июня 14 .

9 июня 20 .

11 июня 22 .

Затем марш был возобновлен на юго-восток, к Ульму; и после однодневной остановки, чтобы усовершенствовать приготовления к соединению с принцем Людовиком, армия достигла горной цепи, ограничивавшей долину Дуная. Гейслингенский перевал, через который пролегла его дорога, при самых благоприятных обстоятельствах не мог быть пройден сколько-нибудь значительным количеством войск менее чем за день, а теперь стал практически невозможным из-за непрекращающегося проливного дождя. Вдобавок к неприятностям Мальборо Генеральные штаты, узнав, что Виллеруа спешит, испугались за свою собственную безопасность и стали умолять о возвращении своих вспомогательных войск. Герцог, чтобы успокоить их, приказал подготовить лодки для переброски войск вниз по Рейну и спокойно продолжил свои собственные приготовления, установив склады к северу от Дуная и не забыв послать подкрепление из иностранных войск в Евгений. Наконец пришло известие, что армия Бадена уже в пределах досягаемости; британская кавалерия ворвалась в ущелье, и два дня спустя соединение двух сил произошло у Уршпрунга.

14 июня 25 .

Объединенные армии вскоре продвинулись на расстояние восьми миль от Ульма, после чего курфюрст Баварский отступил в укрепленный лагерь ниже по течению Дуная между Лавингеном и Диллингеном. Поэтому союзники повернули на север, чтобы дожидаться прибытия британской пехоты в Гинген, поскольку Чарльзу Черчиллю с пехотой и артиллерией было трудно продвигаться на большой скорости под непрекращающимся проливным дождем. Его неприятности начались с того момента, как Мальборо выступил вперед с кавалерией из Кобленца. Восхождение на один холм в этой горной стране часто стоило артиллерии^[303] на целый рабочий день, и стоило бы больше, если бы не неутомимые усилия офицеров.^[304] Забота Мальборо о комфорте и дисциплине этих войск была постоянной. Например, в Гейдельберге был готов большой запас обуви для исправления дефектов, в то время как постоянные указания в его письмах брату свидетельствуют о его беспокойстве о том, чтобы ничего не было упущено, чтобы облегчить бремя похода. Наконец, предвидя появление Веллингтона на полуострове, он настоял на том, чтобы люди честно платили за все, что они брали, и позаботился о том, чтобы обеспечить их деньгами для этого. Такого никогда не было известно во всех бесчисленных кампаниях Германии.

18-29 июня .

20 июня

1 июля.

Объединенные армии после прибытия Черчилля насчитывали девяносто шесть батальонов, двести два эскадрона и сорок восемь орудий; но большого контингента датской кавалерии все еще не хватало, и не все уговоры Мальборо могли убедить ее командующего, герцога Вюртембергского, ускорить его марш. Тем не менее, необходимо было действовать немедленно. Целью Мальборо с самого начала был Донауверт, который сразу дал бы ему мост через Дунай и опорный пункт для вторжения в Баварию. Его продвижение на север раскрыло его намерения, и курфюрст Баварский выделил графу д'Арко десять тысяч пехотинцев и две тысячи пятьсот всадников для занятия Шелленберга, господствующей высоты, прикрывающей Донауверт на северном берегу Дуная. Мальборо настойчиво требовал от Бадена атаковать этот отряд до того, как он сможет получить подкрепление; и соответственно армия выступила из Гингена и, продвигаясь параллельно Дунаю, 1 июля встала лагерем у Амердингена.

21 Июня

2 июля.

На следующий день настала очередь Мальборо принять командование. Еще не рассвело, когда генерал-квартирмейстер Кадоган встал и уехал с отрядом кавалеристов, пионеров и понтонистов. В три часа выступили шесть тысяч человек из сорока пяти батальонов левого крыла, [305] три полка имперских гренадер и тридцать пять кавалерийских эскадронов. В пять часов остальная часть армии, за исключением артиллерии, двумя колоннами последовала по главной дороге к высоте, нависающей над рекой Верниц между Оберморгеном и Верницштайном. К восьми часам Кадоган был в Оберморгене, отбросил вражеские пикеты и был занят разметкой лагеря; а в девять появился сам герцог, который, взяв эскорт Кадогана, отправился вперед, чтобы разведать позицию.

Шелленберг, как следует из его названия, представляет собой холм в форме колокола, около двух миль в окружности у основания и с плоской вершиной шириной около полумили, на котором был разбит лагерь противника. На южной стороне, где холм спускается к Дунаю, подъем круче, чем где бы то ни было; на северо-западе склон пологий и имеет около пятисот ярдов в длину. На юго-западе холм примыкает к городу Донауверт, от внешних укреплений которого на протяжении почти двух миль вокруг вершины до реки был проложен окоп. Эта оборона была наиболее сильной и законченной к северо-востоку, где лес давал укрытие для формирования атакующих сил; и в этом месте была размещена пушечная батарея. К северо-западу укрепления, хотя и не были завершены, были хорошо развиты и были усилены старым фортом, на котором противник установил орудия. Мальборо, осматривая позицию, мог видеть, что противник перед ним был настроен так, как будто ожидал атаки с северной и западной сторон. Но, посмотрев направо, за Донауверт, и за Дунай, он увидел приготовления более зловещего характера: лагерь с палатками, разбитыми на обоих флангах, и пустое пространство в центре - верный признак того, что кавалерия уже здесь и ожидается пехота. Все ближе и ближе он подходил к холму, принц Льюис и другие вскоре присоединились к нему; и затем из различных точек вражеских укреплений начали вырываться клубы белого дыма, когда его батареи открыли огонь.

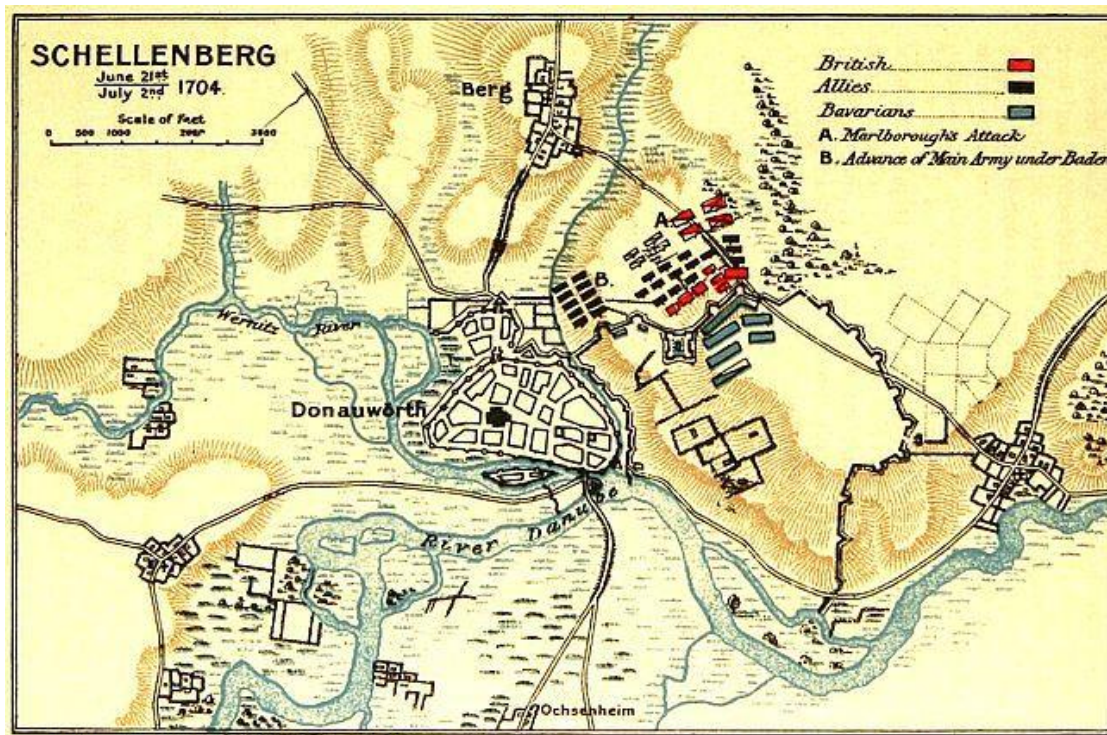
Спокойно закончив осмотр местности, Мальборо повернул назад, чтобы встретить передовой отряд армии; для него было ясно, что "Шелленберг" должен быть взят немедленно, прежде чем до него доберутся другие войска противника. Однако состояние дорог было настолько плохим,

что, хотя расстояние составляло всего двенадцать миль, отряд добрался до Верница только к полудню. Затем он был остановлен, чтобы дать людям отдохнуть, поскольку им предстояло пройти еще три мили по плохой дороге, и дать возможность подойти основным силам. Кавалерию послали вперед рубить фашины в лесу, через Верниц были переброшены понтонные мосты, и в три часа передовой отряд перешел реку. Пока это продолжалось, от Эжена пришло письмо о том, что Виллеруа и Таллар готовятся послать курфюрсту сильное подкрепление; и это известие решило Мальборо немедленно взяться за дело. Не дожидаясь подхода тыла основных сил, он вывел всего шестнадцать батальонов, из них пять британских,^[306] и повел их и передовой отряд прямо в атаку. Пехота отряда была выстроена в четыре линии, английская^[307] находилась в крайней левой части у опушки леса, а кавалерия была выстроена в две линии позади них. Еще восемь батальонов были выделены для поддержки отряда или для развертывания справа от него, если возникнет необходимость, и еще восемь оставались в резерве.

Было шесть часов вечера, когда Мальборо отдал приказ атаковать. Каждый пехотинец получил по фашине от кавалерии, и колонны, возглавляемые двумя отрядами гренадеров из Первого гвардейского полка под командованием лорда Мордонта и полковника Мандена, уверенно двинулись вверх по холму. Вражеские батареи сразу же открыли перекрестный огонь из укреплений и со стен Донауверта, но колонны продолжали наступление, не обращая внимания на то, что они оказались в пределах восьмидесяти ярдов от укреплений, прежде чем они сделали хоть один выстрел. Тогда враг продолжил огонь из мушкетов и картечи, и резня стала ужасающей. Гвардейские гренадеры падали направо и налево, и очень скоро их осталось немного. Тем не менее Мордонт и Манден, один в разорванной в клочья юбке, а другой в изрешеченной пулями шляпе, встали невредимыми и продолжали подбадривать их. Генерал Гур, доблестный иностранец, командовавший атакой, был застрелен, и многие другие офицеры пали вместе с ним под этим ужасным огнем. Колонны пошатнулись, дрогнули, оправились и двинулись дальше. Но теперь произошел несчастный случай. Перед укреплением проходила выемка в холме, протоптанная дождями, в которую передовые люди, приняв ее за укрепление, сбросили свои фашины, так что, достигнув настоящих рубежей, они обнаружили, что не могут их пересечь. Проверенные таким образом, они пострадали так сильно, что начали уступать; и враг бросился вперед, радуясь, что довершил поражение штыком. Но английские гвардейцы, хотя и понесли ужасные потери, стояли непоколебимо, как скалы, королевские шотландцы и валлийцы из Двадцать третьего полка стояли рядом с ними, и контратака после отчаянных боев была отбита.

Тем временем противник, обнаружив, что западному склону холма ничто не угрожает, отвел оттуда все свои силы для атаки. Их огонь усилился; атакующие колонны снова дрогнули, и генералу Ламли пришлось двинуть всю первую линию кавалерии в самую гущу огня, чтобы поддержать их. Таким образом, сражение продолжалось еще полчаса, когда остатки императорской армии наконец появились справа от Мальборо и, обнаружив, что укрепления опустели, сразу же перешли их с незначительными потерями. Отразив атаку кавалерии, которая была направлена против них, они поспешили дальше и ударили во фланг французам и баварцам; но даже в этом случае этот доблестный враг не уступал, и пехоте союзников все еще не удавалось овладеть укреплениями. Теперь Ламли приказал шотландским серым спешиться и атаковать пешими; но прежде чем они смогли продвинуться вперед, пехота последним усилием прорвалась внутрь. Затем серые со всей поспешностью вскочили на коней и поскакали в погоню, в то время как Мальборо, остановив измученных пеших, послал остальную кавалерию

присоединиться к серым. Теперь разгром был завершен. Сотни людей были отрезаны прежде, чем смогли добраться до Донауверта, многие были сброшены в Дунай, еще многие, добежав до временного моста, чтобы пересечь реку, сломали его своим весом и трагически погибли. Из двенадцати тысяч человек к армии курфюрста присоединилось не более четверти.

Лицом к лицу со страницей 426

ШЕЛЛЕНБЕРГ

21 июня 2 июля 1704 года

Все сражение длилось немногим более полутора часов, но потери союзников при преодолении столь доблестной обороны стоили им не менее тысячи четырнадцати сотен убитых и трех тысяч восьмисот раненых. Потери британцев[308] были очень тяжелыми, составив полторы тысячи человек всех званий, или, вероятно, более трети от числа сражавшихся. Первый гвардейский, Королевский шотландский и Двадцать третий полк пострадали сильнее всего, каждый их батальон потерял двести человек или больше, в то время как гвардейцы к концу дня могли насчитать, что только пять офицеров остались невредимыми из семнадцати. Из этих пятерых, что удивительно, были Мордонт и Манден, у одного три пули пробили одежду, у другого пять - шляпу, но ни один из них не поцарапался; но из восьмидесяти двух человек, которых они повели на штурм, вернулся только двадцать один. Если вспомнить, что основные силы были пешими четырнадцать часов, а передовой отряд - шестнадцать часов, то можно представить себе истощение войск к концу дня. Тем не менее Донауверт был взят, и враг был не только разбит, но и деморализован.

11 Июля 22 .

Курфюрст Баварский, услышав эту новость, разрушил мост через Лех и укрепился в Аугсбурге. Мальборо, со своей стороны, переправился через Дунай и намеревался отрезать курфюрсту пути снабжения. Переправу через Дунай он перерезал у Донауверта, дорогу на север - захватом Рейна, а на северо-восток - продвижением на юго-восток к Айхаху, откуда вскоре двинулся на Фридберг, плотно окружив врага в его укрепленном лагере. Курфюрст сначала был склонен пойти на соглашение, но, услышав, что французы вот-вот придут к нему на подкрепление, он счел себя обязанным чести выстоять. Поэтому Мальборо был вынужден оказать на него давление, разорив страну - работа, которую, как показывают его письма, он ненавидел, но чувствовал себя обязанным выполнить по долгу службы. Разрушения были доведены до самых стен Мюнхена; действительно, ничто, кроме нехватки артиллерии, за которую отвечал принц Людовик Баденский, не помешало атаке на сам город.^[309] Перспектива прибытия французской армии не вызвала у герцога особого беспокойства: если Бавария станет очагом войны, тем хуже для Баварии и для дела бурбонов. Поэтому, отправив тридцать эскадронов на подкрепление Евгению, он тем временем подготовился к осаде Ингольштадта, которая дала бы ему контроль над Дунаем от Ульма до Пассау и свободный доступ в Баварию в любое время. Страна курфюрста в любом случае должна была ощутить напряжение войны, и, если бы фортуна была благосклонна, французы могли бы почувствовать то же самое. Теперь пришло время вернуться к действиям этих французов.

ГЛАВА III

1704.

29 мая

9 июня.

21

июня 2 июля.

5-10 июля 16-21 .

23 Июля

3 августа.

Мы оставили Виллеруа с его армией в Нидерландах, который не слишком успешно пытался выполнить полученный им приказ наблюдать за Мальборо. 29 мая, когда герцог уже переправился через Неккар и расположился в Мондельхайме, Виллеруа все еще находился в Ландау, ожидая, когда он переправится через Рейн. Однако на следующий день он посоветовался с Талларом, в результате чего, в то время как Мальборо шел в атаку на Шелленберга, французские армии переправлялись через Рейн у Келя. Затем Таллар двинулся на юг, к Фрибуру, недалеко от которого он получил известие о поражении курфюрста. После этого и он, и Виллеруа вошли в ущелья Шварцвальда, соединившись у Хорнеберга, откуда Таллар в одиночку двинулся на восток. Продвигаясь к Филлингену, он потратил впустую пять драгоценных дней в безуспешной попытке взять этот город - ошибка, от которой не ускользнули Мальборо и Юджин. Образумившись срочным сообщением от курфюрста, Таллар, наконец,

двинулся дальше по южному берегу Дуная, 23 июля расположился лагерем перед Аугсбургом, а тремя днями позже соединился с Курфюрстом и Марсином в нескольких милях к северу от города.

26 июля

6 августа.

Не успел Таллар тронуться в путь, как Евгений, оставив небольшой гарнизон удерживать рубежи Штольхофена, поспешил параллельно с ним вдоль северного берега Дуная, достигнув Хохштедта в день соединения войск противника у Аугсбурга. Мальборо тем временем, получив известие о прибытии Таллара, отступил на север в направлении Нойбурга на Дунае и расположился у Шобенхаузена примерно в двенадцати милях к югу от реки. Сюда прибыл Юджин из Хохштедта для совместных операций. Французы и баварцы были объединены к югу от Дуная; союзники были разделены по обе стороны реки. Если Мальборо отступит к Нойбургу, чтобы присоединиться к Юджину, враг сможет форсировать Лех и войти в Баварию; если Юджин форсирует реку, чтобы присоединиться к Мальборо, враг сможет пройти к северу от реки и отрезать их от Франконии, их единственного возможного источника снабжения. Было решено, что принц Людовик Баденский выделит пятнадцать тысяч человек для осады Ингольштадта; и, поскольку стало известно, что французы продвигаются к Дунаю, Мальборо продвинулся ближе к реке, чтобы иметь возможность пересечь ее либо у Нойбурга, либо по мостам, которые он перебросил через нее в устье Леха у Мерксхайма.

29 Июля

9 августа.

30 июля

10 августа.

31 Июля

11 августа.

9 августа принц Людовик отправился маршем в Ингольштадт, к невыразимому облегчению своих коллег, и Юджин откланялся. Однако два часа спустя Юджин поспешил вернуться и доложить, что французы полным ходом идут к диллингенскому мосту, очевидно, намереваясь переправиться через реку и сокрушить его армию. Принц поспешил назад и отвел свою армию на восток от Хохштедта к Кесселю. Мальборо, со своей стороны, в полночь отправил три тысячи кавалеристов за Дунай на подкрепление, в то время как двадцать батальонов под командованием Черчилля последовали за ними до моста Мерксхайм с приказом остановиться на южном берегу реки. На следующее утро герцог привел всю армию к Рейну, в лиге от Дуная, где он получил новые послания от Евгения, призывавшего его поспешить к нему на помощь. В полночь Черчилль получил приказ форсировать реку и двигаться к Кесселю, а два часа спустя вся армия двинулась двумя колоннами: одна для переправы через Дунай у Мерксхайма, другая для переправы через Лех у Рейна и Дунай у Донауверта. В пять часов того же дня все они переправились через Верниц; к десяти вечера соединение было завершено, и объединенные армии расположились лагерем на реке Кессель, их правое крыло упиралось в Кессель-Остхайм, а левое - в деревню Мюнстер и на Дунай. Британская бригада Роу была выдвинута вперед, чтобы занять Мюнстер, а затем измученные войска легли отдыхать. Основные силы шли пешком уже

двадцать часов, хотя преодолели не более двадцати четырех миль. Обе колонны форсировали Дунай и Верниц, а левая колонна вдобавок форсировала Ах и Лех. Легко представить, каким долгим и изматывающим должен был быть такой марш; не так-то просто оценить предусмотрительность и организацию, которые вообще позволили его совершить.

1 августа 12 .

Артиллерия, которую волей-неволей оставили подтягиваться в тыл армии, была с большим трудом подтянута на рассвете следующего утра. Немного позже герцог и Евгений выехали вперед с сильным эскортом, чтобы разведать местность перед собой, но, заметив вражескую кавалерию на расстоянии, поднялись на церковную башню Тапфхайма, откуда они увидели французских квартирмейстеров, разбивших лагерь между Бленхеймом и Лютцингеном, примерно в трех-четыре милях от них. Это была та самая земля, которую они намеревались занять сами, и они с немалым удовлетворением восприняли, что она занята врагом. Французское и баварское командование после их соединения на реке Лех решили, что их лучшей политикой было бы перейти Дунай, занять сильную позицию и ждать, пока нехватка припасов, из-за которой Мальборо и так был в большом затруднении, не вынудит союзников уйти из страны. Талларду и в голову не приходило предлагать сражение; Мальборо действительно не ожидал этого от него и не смел надеяться, что маршал позволит навязать ему какие-либо действия. Но теперь, когда у него появился шанс, герцог решил не упускать его из виду. Люди не хотели напоминать ему об опасности нападения на превосходящие силы противника. "Я знаю о трудностях, - ответил он, - но сражение абсолютно необходимо, и я полагаюсь на дисциплину моих войск".

Два лагеря располагались примерно в пяти милях друг от друга, территория между ними представляла собой равнину различной ширины, ограниченную цепью лесов и Дунаем. Эта равнина изрезана чередой ручьев, сбегаящих под прямым углом к Дунаю, не менее трех пересекают линию марша между Кесселем и позициями французов. Первый из них, Райхен, пересекает овраг, через который проходила дорога недалеко от деревни Дапфхайм; и Мальборо, видя, что в этом месте противник может сильно затруднить его продвижение, выслал вперед пионеров, чтобы выровнять овраг, и занял деревню двумя бригадами британской и гессенской пехоты.

Тем временем враг вошел в их лагерь: Таллар занял свои позиции справа, Марсен - в центре, а курфюрст Баварский - слева. Силы Таллара состояли из тридцати шести батальонов и сорока четырех эскадронов лучших войск Франции, у его коллеги - из сорока шести батальонов и ста восьми эскадронов; однако, несмотря на такое неравное распределение кавалерии, силы были разбиты лагерем не как одна армия, а как две. Правило, согласно которому пехота должна быть сосредоточена в центре, а кавалерия разделена на каждом фланге, соблюдалось не для всего войска, а для каждой армии в отдельности. Таким образом, центр состоял из кавалерии обеих армий без единого командования; пехота была распределена на каждом его фланге; и на каждом фланге пехоты было еще по одному отряду кавалерии. И все же в те дни было аксиомой, что армия, которая подвергалась наименьшему риску вступления в бой, должна быть разбита лагерем как можно ближе в соответствии с вероятным расположением войск для действий. Это нарушение правил не осталось незамеченным компанией Marlborough.

Сам лагерь располагался на вершине почти незаметного склона, который на протяжении мили спускался, не давая ни малейшего укрытия, к ручью под названием Небель. Его правое крыло упиралось в деревню Бленхейм, расположенную чуть более чем в фарлонге от Дуная; и здесь находилась штаб-квартира Таллара. Деревня, имеющая протяженный фронт и прикрытая изгородями и частоколами, могла быть легко превращена в сильную позицию. В полумиле выше него берет начало небольшая заболоченная речушка под названием Маульвейер, которой было суждено сыграть важную роль в работе следующего дня, и течет через деревню к Дунаю. Примерно в двух милях вверх по Небелю от Бленхейма, но на противоположном или левом берегу ручья, стоит деревня Унтерглау; а милей выше по течению, на той же стороне ручья, что и Бленхейм, и примерно в ста ярдах от воды, находится другая деревня, называемая Оберглау. Этот Оберглау был центром позиции и штабом Марсена. В миле вверх от Оберглау находится другая деревня, Лютцинген, расположенная на лесистой местности, сильно изрезанной оврагами. Здесь находился штаб курфюрста и крайний левый край позиции противника. Небель, хотя и имел ширину не более четырех ярдов в устье, представлял собой серьезное препятствие, поскольку его границы были заболочены, особенно между Оберглау и Бленхеймом, и во многих местах непроходимы. Ниже Унтерглау эта заболоченная окраина простиралась на значительную ширину, в то время как напротив Бленхейма ручей разделялся надвое и протекал по обе стороны небольшого заболоченного островка. Во главе этого островка находился каменный мост, через который проходила большая дорога из Донауверта в Диллинген. Это было сломано или, по крайней мере, повреждено Талларом; но на этом его меры по воспрепятствованию прохождению Небеля были прекращены.

2 августа 13 .

В два часа ночи следующего дня, среди густого белого тумана, армия союзников свернула свой лагерь и прошла Кессель восемью колоннами, две крайние на каждом фланге состояли из кавалерии, четыре крайние - из пехоты. В этот день стереотипное построение должно было измениться; кавалерия должна была образовать центр, а пехота - фланги. Достигнув Тапфхайма, армия остановилась, и две отдаленные бригады, усиленные еще одиннадцатью батальонами, а также кавалерией, сформировали девятую колонну на крайнем левом фланге, чтобы прикрывать марш артиллерии по большой дороге и в надлежащее время атаковать Бленхейм. Новая колонна выделялась красными мундирами четырнадцати британских батальонов, во главе которых шел Саламандр Каттс.

Затем Мальборо, командовавший левым флангом, приказал своим генералам занять территорию от Дуная до Оберглау, в то время как генералам Юджина следовало продлить линию от Оберглау вверх до Лютцингена. Колонны возобновили наступление, расходясь веером, все шире и шире, по мере того как имперские войска устремлялись к назначенным им позициям справа. Пятьдесят две тысячи человек в общей сложности продвигались вперед, а пятьдесят два орудия, стона и поскрипывая, следовали за ними. Далеко впереди всех продвигались Мальборо и Юджин с сильным эскортом. В шесть часов они встретили и отбросили передовые посты французов, а в семь были на возвышенности в миле от Небеля, откуда был хорошо виден лагерь противника.

Тем временем маршал Таллард успокоился и рассредоточил свою кавалерию, чтобы собрать фураж. Даже когда его "ведетты" отступали перед эскортом Мальборо, он спокойно писал, что

враг выступил раньше и почти наверняка находится на марше к Нердлингену. Утро было туманным, что не было редкостью на берегах больших и заболоченных рек, и опасный враг находился на расстоянии удара; и все же не было принято никаких мер предосторожности против внезапности. Затем, в семь часов, туман рассеялся, и там, в широких полосах синего, белого и алого, были как на ладони колонны союзников, готовящиеся к развертыванию на другом берегу Небеля. Вскоре деревня Унтерглау и две мельницы ниже по течению реки покрылись дымом и пламенем, а передовые посты французов поспешили обратно через реку. Затем во французском лагере воцарились спешка и смятение. Штабные офицеры разлетелись во все стороны с приказами, сигнальные ружья заставили фуражиров галопом вернуться, барабаны огласили собрание из конца в конец линии, и войска поспешно расположились перед своими палатками.

Зрение Талларда было очень слабым, но ему не составило труда разглядеть красные мундиры колонны Каттса, и к этому времени он уже знал, что там, где были британцы, ожидались самые ожесточенные бои. Поэтому он, не теряя времени, занял Бленхейм. Четыре полка французских драгун рысью двинулись вниз, чтобы перекрыть пространство между деревней и Дунаем, и вскоре почти вся масса пехоты повернулась направо, а белые мундиры широким шагом двинулись к самому Бленхейму. Восемь эскадронов кавалерии в алых мундирах, в которых Мальборо легко узнал жандармерию, начали первую линию Таллара слева от деревни, а другие эскадроны вскоре расширили ее до правого фланга Марсена. Еще больше кавалерии поддерживало их во второй линии вместе с девятью батальонами, которым, будучи необученными полками, не доверяли стоять в первой линии. Затем на позиции выдвинулась артиллерия, всего девятносто орудий, французских и баварских. Четыре двадцатичетырехфунтовых орудия были размещены перед Бленхеймом, в то время как цепь батарей прикрывала линию фронта из конца в конец.

Завершив диспозицию, Таллард галопом поскакал влево, поскольку Марсин еще никогда не командовал более чем пятью сотнями человек в полевых условиях. Кавалерия Марсена была уже выстроена в две линии; его пехота и пехота курфюрста находились в тылу Оберглау и слева от него, а сама деревня была сильно занята. За этим левое крыло кавалерии стояло перед Лютцингенем, а за ними снова несколько батальонов отступили, чтобы защитить крайний левый фланг курфюрста.

Мальборо, со своей стороны, был не менее занят. Бленхейм и Оберглау находились, как он видел, слишком далеко друг от друга, чтобы накрыть всю промежуточную территорию перекрестным огнем, а французская кавалерия на склоне выше находилась слишком далеко, чтобы преградить переправу через Небель. Были отправлены офицеры промерить ручей, отремонтирован каменный мост и проложено пять понтонных мостов, один над Унтерглау, остальные под ним. Каттс разделил свою колонну на шесть линий: первую из британской бригады Роу, вторую из гессенской, третью из британской бригады Фергюсона и четвертую из ганноверской, имея еще две линии в резерве. Четыре оставшиеся колонны армии Мальборо были развернуты между Вильгеймом и Оберглау в четыре линии: первая и четвертая пехотные, с двумя линиями кавалерии между ними. Французы сочли это "причудливой"[310], но они поняли ее смысл еще до окончания дня.

В восемь часов батареи Таллара открыли огонь, хотя и без особого эффекта. Вслед за этим Евгений попрощался с Мальборо и поспешил направо, в то время как герцог занялся

размещением своей артиллерии, каждое орудие которой находилось под его личным наблюдением. Капелланы вышли вперед, к командирам полков, и прочитали молитвы; затем герцог вскочил на коня и проехал по всей длине своего строя. Когда он проезжал мимо, пуля попала в землю под его лошадью и покрыла ее пылью. На мгновение все затаили дыхание, но через несколько секунд спокойная фигура в красном плаще и широкой синей ленте появилась снова, лошадь двигалась медленно и спокойно, как и прежде, а красивое лицо оставалось неизменно безмятежным.

Закончив осмотр, герцог спешил и подождал, пока Юджин будет готов. Задержка была долгой, и гонец за гонцом отправлялись выяснять причину. Последовал ответ, что местность справа была настолько изрезана лесом и оврагами, что колоннам пришлось сделать большой крюк, и что построению мешал огонь артиллерии противника, а также необходимость изменить заранее установленную диспозицию. Мальборо ждал с нетерпением, ибо, надеялся ли он захватить "Бленхейм" или нет, каждый час приводил его в лучшее состояние защиты. Французские драгуны у реки окопались за вереницей повозок, а пехота в деревне тщательно проверила каждую стену, изгородь и дом. Более того, Мальборо видел, насколько силен гарнизон Бленхейма, вероятно, пересчитав каждый из двадцати семи батальонов и определив их по цветам как лучшие во французской армии.

Наконец, в половине первого, из Юджина прискакал адъютант с сообщением, что все готово. Каттсу немедленно было приказано атаковать Бленхейм, в то время как герцог двинулся вниз, к мостам через Небель. К часу дня две передовые линии Каттса переправлялись через руины сгоревших мельниц под сильным виноградным обстрелом. Достигнув другого берега, они остановились, чтобы перестроиться под прикрытием небольшого возвышения. Там гессенцы оставались в резерве; и Первый гвардейский, десятый, Двадцать первый, двадцать третий и Двадцать четвертый полки во главе с пешим генералом Роу целенаправленно двинулись на Бленхейм. На расстоянии тридцати шагов они были встречены убийственным огнем французов, но Роу приказал, чтобы до тех пор, пока они не доберутся до частокола, не было сделано ни единого выстрела и чтобы деревня была взята с помощью стали. Британцы решительно наступали, Роу вонзил свой меч в частокол, и люди, залившие его залпом, бросились вперед, стремясь снести частокол основными силами в тщетной попытке пробить вход. Через несколько минут треть бригады пала, Роу был смертельно ранен, его подполковник и майор были убиты при попытке вывести его, а первая линия, разбитая вдребезги превосходящими силами на очень сильной позиции, в беспорядке отступила. Когда они отступали, три эскадрона жандармерии ударили им во фланг и захватили знамена Двадцать первого полка, но, слишком далеко развив свое преимущество, были подтянуты гессенцами, которые с большой храбростью отбили их и вернули знамена.

Каттс, заметив, что часть жандармерии готовится возобновить атаку, попросил подкрепления кавалерией для защиты своего фланга, после чего генерал Ламли получил приказ пяти английским эскадронам переправиться через Небель. С величайшим трудом пробираясь через болото, они немедленно столкнулись с жандармерией, которая, однако, с поразительной беспомощностью открыла огонь из мушкетонов с седла. Англичане быстро атаковали их с мечами в руках и обратили в бегство, но, преследуя, как обычно, слишком далеко, были сбиты с толку фланговым огнем из Бленхейма и вынуждены были отступить.

Две оставшиеся линии Каттса теперь пересекли Небель для новой атаки на Бленхейм. К этому времени противник подтянул еще больше артиллерии, чтобы прочесать броды картечью, но британцы прочно закрепились на противоположном берегу и вынудили орудия отойти. Затем бригада Фергюсона вместе с бригадой Роу снова двинулась на деревню, захватила окраины, но не смогла продвинуться дальше, несмотря на несколько отчаянных атак, и в конце концов была вынуждена отступить с очень большими потерями. Подчиненные генералы потеряли бы больше жизней[311] если бы Мальборо не отдал приказ о том, что полки должны занять защищенные позиции и продолжать притворную атаку постоянным огнем взводов. Затем, отведя ганноверскую бригаду к пехоте центра, герцог обратил все свое внимание на этот квартал.

Во время этих тщетных атак на Бленхейм четыре линии главной армии Мальборо с большим трудом преодолевали Небель. Первая линия пехоты прошла первой и выстроилась с интервалами, прикрывая проход кавалерии; в то время как одиннадцать батальонов под командованием принца Гольштейн-Бека были выделены для взятия деревни Оберглау. Затем кавалерия двинулась к ручью, используя фашины и все другие средства, которые они могли придумать, чтобы помочь им пройти по коварной болотистой местности. Британской кавалерии выпала самая тяжелая работа, поскольку она находилась на крайнем левом фланге и поэтому не только столкнулась с наихудшими участками местности, но и подверглась обстрелу артиллерии при Бленхейме. С огромным трудом эскадроны высвободились и, запыхавшись и разгорячив лошадей, выстраивались перед пехотой, когда эскадроны французского правого фланга, свежие и с благоприятной местностью, обрушились прямо на них. Первая линия британцев была отброшена к самому берегу ручья, но преследование было остановлено огнем пехоты. Затем прусский генерал Ботмар обрушился на дезориентированных французов со второй линией кавалерии и в замешательстве загнал их за Молвайер. Усиленный дополнительными эскадронами, он удерживал линию реки и держал их запертыми за ней, потому что французы не могли пересечь ее и не осмеливались обходить ее верхнее течение из страха быть атакованными с фланга. Только после того, как из Бленхейма были отправлены два батальона, чтобы обстрелять мушкетерами эскадроны союзников, Ботмар ушел в отставку, и часть французской кавалерии с этой стороны была освобождена, но не вся.

Тем временем генерал Ламли собрал свои разбитые войска, и эскадроны, находившиеся правее, успешно форсировали Небель. Еще выше по течению датская и ганноверская кавалерия подверглась тому же испытанию, что и британская, подвергшись обстрелу из Оберглау и атакам конницы Марсена. В этот момент, когда битва все еще продолжалась, принц Гольштейн-Бек предпринял свою атаку на Оберглау. Он был немедленно встречен ожесточенной контратакой Ирландской бригады, которая дислоцировалась в деревне. Два его передовых батальона были разбиты вдребезги, сам он был смертельно ранен, и дела пошли бы плохо, если бы Мальборо не поспешил со свежей пехотой и артиллерией и не отбросил противника назад в Оберглау. Таким образом, проход для центральной линии союзной кавалерии был обеспечен.

Было уже три часа, и Мальборо послал адъютанта к Юджину спросить, как у него дела. Принц держался особняком, и не более того. Его пехота вела себя превосходно, но его конница поддерживала их, но плохо; и три последовательные атаки, хотя и блестяще начатые, закончились неудачей. Факт заключался в том, что курфюрст, обладавший большей рассудительностью, чем Таллар, двинул свои войска вниз, к воде, и напрягал все нервы, чтобы помешать своему врагу переправиться. Тем временем Мальборо, наконец-то переправив все

свои силы через Небель, выстроил кавалерию в две большие линии для последней атаки, пехота была расставлена с интервалами слева в арьергарде в качестве сборных пунктов для любого разбитого эскадрона. Таллар, со своей стороны, выдвинул девять батальонов своего центра из второй линии в первую, что было встречено Мальборо наступлением трех ганноверских батальонов и артиллерийской батареи. Какое-то время эти молодые французские пехотинцы стойко противостояли ливню крупной и мелкой дробы, смыкая свои ряды так же быстро, как они были сломлены; но испытание оказалось для них слишком суровым. Таллар из всех сил старался сменить их атакой эскадронов слева от них, но его кавалерия не двигалась с места; и конница Мальборо врезалась в несчастные батальоны, вырезала их целыми рядами и стерла с лица земли.

Затем грехи Талларда раскрылись сами собой. Кавалерия правого фланга Марсена, увидев, что их фланг открыт, повернула назад, к центру Марсена; во французской линии была пробита широкая брешь; и армия Таллара осталась изолированной и одинокой. Маршал отправил срочные сообщения Марсену о подкреплении и в Бленхейм об отводе пехоты; но Марсин не смог выделить ни одного человека, и приказ дошел до Бленхейма слишком поздно. Мальборо ехал вдоль рядов своей кавалерии справа налево, и вскоре трубы протрубили сигнал к атаке, и две длинные шеренги с мечами в руках устремились вверх по склону. Французы некоторое время стойко стояли, а затем, после слабого залпа с седла, они сломались, развернулись на своих опорах и в смятении унесли всех с собой. Тридцать эскадрилий в панике бежали в тыл Бленхейму по направлению к реке. Кавалерийский дивизион генерала Хомпеша по приказу герцога развернул свои правые плечи и поскакал за ними; и беглецы в паническом безумии бросились вниз по склону к Дунаю. Перед ними была великая река, справа - другой ручей и болото, и спасения не было. Одни бросались в воду и пытались уплыть, другие ползли вдоль берега и по болоту в сторону Хохштедта, третьи снова прорывались обратно по склону в сторону Морзелингена; но безжалостный Хомпеш не давал им покоя. Те, кто добрался до Хохштедта, оказались отрезанными, поскольку другое подразделение беглецов бежало туда прямо с поля боя, а сам Мальборо гнался за ними по пятам. Сотни утонули, сотни были зарублены, а огромное количество взято в плен. Немногие, лишь сохраняя некоторое подобие порядка, успешно отступили.

Тем временем Марсен и курфюрст, видя крах армии Таллара, подожгли Оберглау и Лютцинген и начали отступление, а Эжен полным ходом последовал за ними. Вслед за этим Мальборо отозвал Хомпеша и приготовился разбить и эту армию фланговой атакой; но в сумерках войска Юджина были ошибочно приняты за противника, так что Марсену было позволено бежать, хотя и с сильно потрясенной и деморализованной армией. Но в Бленхейме все еще оставались французские батальоны, которые Черчилль после поражения кавалерии Таллара поспешил окружить своей пехотой и драгунами. Таллар был схвачен по пути к ним, и лучшие войска Франции были заперты в деревне без каких-либо приказов, беспомощные и бездействующие, к тому же слишком скученные для эффективных действий. Наконец они попытались прорваться в тыл деревни, но были отброшены назад шотландскими серыми; они предприняли еще одну попытку с другой стороны и были остановлены ирландскими драгунами. Черчилль как раз собирался атаковать их превосходящими силами пехоты и артиллерии, когда французы предложили переговоры. Черчилль и слышать не хотел ни о чем, кроме безоговорочной капитуляции. Наваррский полк от стыда и негодования скорее сжег свои знамена, чем уступил их, но ничего не поделаешь; и двадцать четыре батальона пехоты вместе с четырьмя полками драгун сложили оружие, многие из них не сделали ни единого выстрела. Офицеры были

ошеломлены своим несчастьем и могли только восклицать: "О, как прекрасен король, как прекрасен король!" Редко храбрецов постигала более тяжелая участь.

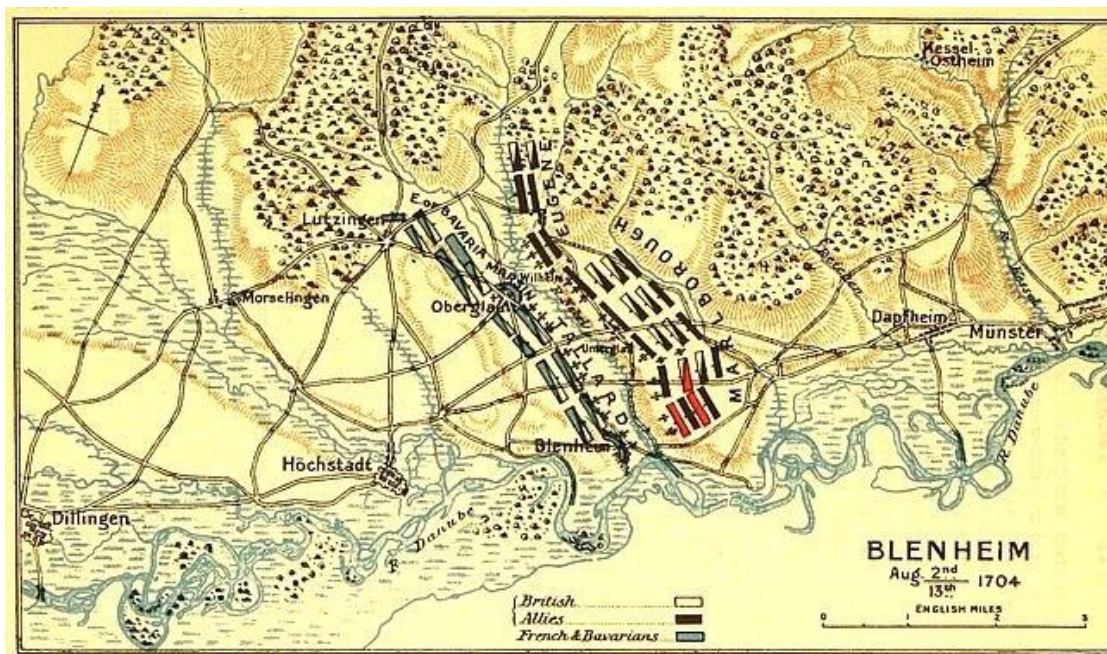
День подходил к концу, когда Мальборо позаимствовал листок из записной книжки продавца и написал карандашом записку своей жене - и послание, и почерк человека, который очень устал.

"13 августа 1704 года.

- У меня нет времени говорить больше, но я прошу вас исполнить мой долг перед королевой и сообщить ей, что ее армия одержала славную победу, монсеньор. Таллард и два других генерала в моей карете, а я следую за остальными. Носильщик, мой адъютант, полковник Парк, расскажет ей о том, что произошло. Я сделаю это через день или два с помощью другого человека, находящегося на свободе.

"Мальборо".

Итак, полковник Парк ускакал с этой новостью в Англию, а широкий Дунай разнес ту же весть на восток, безмолвно унося к морю трупы в белых халатах.

Лицом к лицу со страницей 442

БЛЕНХЕЙМ

августа. 2-й 13-го 1704 года

Общие потери союзников составили четыре тысячи пятьсот убитыми и семь тысяч пятьсот ранеными, из которых у британцев было шестьсот семьдесят убитых и более полутора тысяч раненых. Полкового списка потерь, похоже, не существует, но, судя по потерям в офицерах, Десятый, Пятнадцатый, Шестнадцатый, Двадцать первый и двадцать шестой пехотные полки, а также Третий, Шестой и Седьмой гвардейские драгунские полки понесли наибольшие потери — Двадцать шестой, в частности, потерял двадцать офицеров, карабинеры - десять офицеров и

семьдесят четыре лошади, а Седьмой гвардейский драгунский полк - шесть офицеров и семьдесят пять лошадей. Но самым замечательным и, возможно, самым великолепным из всех является отчет о полках, которые были так ужасно разбиты при Шелленберге. Гвардейцы потеряли своего полковника и семерых других офицеров; два королевских шотландских батальона потеряли двенадцать, а двадцать третий - девять офицеров, несмотря на то, что первый уже потерял тридцать, а второй - шестнадцать немногим более месяца назад. Войска, которые дважды в течение нескольких недель подвергнутся подобному наказанию, можно найти не в каждой армии.

Потери французов и их союзников убитыми, ранеными и пленными в день сражения и во время последующего преследования немногим не дотянули до сорока тысяч человек. Мальборо и Юджин разделили одиннадцать тысяч пленных, в то время как трофеи включали сто орудий различного калибра, двадцать четыре мортиры, сто двадцать девять знамен, сто семьдесят одно знамя и другие менее важные предметы, разумеется, вместе со всем французским лагерем.

3 августа 14 .

Всю ночь после битвы союзники лежали с оружием в руках на поле боя, на следующее утро совершили короткий марш-бросок, а затем остановились на четыре дня. Войска были очень утомлены, а Мальборо был сильно смущен множеством своих пленников, поэтому преследование, если это можно назвать преследованием, было предоставлено гусарам Императорской армии. Курфюрста, однако, не нужно было подстегивать. В ночь битвы он переправился через Дунай у Лавингена и, разрушив мост за собой, поспешил обратно к Ульму. Затем, не останавливаясь ни на минуту и не пытаясь заручиться помощью Виллерау, он поспешил форсированными маршами, скорее в бегстве, чем отступлении, через Шварцвальд к Рейну. Страдания его войск были ужасны. Он унес с собой тысячу раненых офицеров и шесть тысяч рядовых; и не было ни одной деревни на линии марша, кладбище которой не было бы завалено могилами тех, кто погиб. Императорские гусары тоже беспокойно вертелись вокруг его юбок, вырезая всех оставшихся и приводя обратно множество пленных и дезертиров. В целом это было катастрофическое отступление.

8 августа 19 .

28 августа

8 сентября.

19 августа Мальборо возобновил свой марш вверх по Дунаю, предварительно отозвав принца Людовика Баденского из Ингольштадта и заняв Аугсбург. По прибытии в Ульм для осады города были выделены силы, в то время как основная армия тремя колоннами двинулась назад по линии своего первоначального наступления. К 8 сентября все силы, усиленные подкреплением из Штольхофена, переправились через Рейн и были сосредоточены у Филипсбурга.

Сентябрь. 5 16 .

12 ноября 23 .

Виллеруа, который со своей армией и остатками армии курфюрста занял пост в Кейхе, прикрывая Ландау, теперь, не останавливаясь, отступил к Лаутеру, к большому облегчению Мальборо, которому было трудно понять подобную слабость даже после такого поражения, как при Бленхейме. Соответственно, Ландау был назначен принцем Людовиком Баденским, в то время как Мальборо и Юджин руководили операциями. Осада длилась долго, и в октябре Мальборо, устав от такой медленной работы, предпринял внезапный бросок на Трев, отдал приказ об осаде Трарбаха и таким образом обеспечил себе зимние квартиры на Мозеле. Падение Трарбаха и взятие Ландау завершили кампанию; а занятие Консаарбрюка у слияния Мозеля и Саара показало, что должно было стать отправной точкой для следующего года. За целую неделю до падения Ландау английские войска, ослабленные настолько, что их четырнадцать батальонов были временно преобразованы в семь, были отправлены на зимние квартиры для отдыха, который они так хорошо заслужили.

Так закончилась знаменитая кампания при Бленхейме, название которой по праву связывают с Креси, Пуатье, Азенкуром и Ватерлоо. В течение почти сорока лет французское оружие одерживало победы во всех уголках Европы, хотя и сдерживаемое случайными поражениями, такими, как при Намюре, но не потерпев ни одной неудачи, которую можно было бы засчитать в долгой череде побед. Но теперь английский генерал грубо прервал цепь успехов сокрушительным поражением, со всеми унижительными обстоятельствами. Во-первых, марш Мальборо к Дунаю полностью перехитрил французских маршалов. Затем, когда они приблизились к нему, это было без намерения предложить сражение, но в полной уверенности, что их маневры в сочетании с их численным превосходством вынудят его отступить. И все же, к их изумлению, презируемый враг напал на них без колебаний, полностью уничтожил одну армию и обратил остатки другой в безудержное бегство к Рейну. Смятение в Париже было глубоким; но велико было ликование в Англии, ибо нация чувствовала, что старые традиции, в конце концов, были правильными и что англичане все еще были лучшими людьми, чем французы.^[312] "Добро пожаловать в Англию, сэр", - сказал английский мясник Талларду, когда захваченного маршала со всеми знаками уважения сопровождали в Ноттингем. "Добро пожаловать в Англию. Я надеюсь увидеть вашего учителя здесь в следующем году". Именно возрождение этого чувства во всей его былой интенсивности после перерыва, длившегося почти три столетия, должно было привести к завоеванию Англией ее империи на Востоке и Западе.

Однако среди всего шума триумфа и ликования нашлись два человека, которые сохранили свою скромность и спокойствие непоколебимыми; и это были Мальборо и Юджин. Каждый спокойно отрицал заслуги перед самим собой, каждый охотно принимал похвалу в адрес другого. Французские пленные были утешены свидетельством Евгения об их доблестном сопротивлении его собственной армии, в то время как даже несчастные офицеры, попавшие в сети в деревне Бленхейм, нашли утешение в вдумчивой и великодушной любезности великого герцога.

ГЛАВА IV

1704.

Сейчас наше внимание на некоторое время приковано к полуострову, где на испанской земле должна была развернуться война за испанское наследство. В январе 1704 года императорский претендент на трон, эрцгерцог Карл Австрийский, иначе король Испании Карл Третий, прибыл в Англию и был отослан с английским флотом и английской армией, чтобы самому завладеть своим королевством. Португалия предложила ему помощь двадцатью восемью тысячами человек, к которым голландцы добавили две тысячи под командованием генерала Фагеля, а британцы - шесть тысяч пятьсот человек, [313] под командованием Майнхарда, герцога Шомбергского, сына старого маршала. Кампания 1704 года не должна нас задерживать. Быстро выяснилось, что португальская армия плохо оснащена и неэффективна, склады пусты, крепости в руинах, транспорта нет. В довершение ко всем этим недостаткам Шомберг и Фагель так ожесточенно поссорились, что ушли, каждый со своими войсками, в двух разных направлениях.

Результат можно было предвидеть. Король Филипп, бывший когда-то герцогом Анжуйским, и герцог Бервикский с двенадцатью тысячами французов двинулись маршем к крепостям на португальской границе и без труда брали их одну за другой. Португальцы были настолько готовы сдать эти крепости, что сдали в плен не только самих себя, но и, к их крайнему возмущению, два британских полка, Девятый и Одиннадцатый пехотные, которые имели несчастье находиться с ними в гарнизоне. Мальборо, во всей прессе о его работе на Дунае, был призван назначить преемника некомпетентному Шомбергу и выбрал на этот пост гугенота Рувины, графа Голуэя. С этим назначением мы можем на данный момент покинуть полуостров.

26 июля

6 августа.

Тем временем, однако, флот под командованием сэра Джорджа Рука и горстка морских пехотинцев под командованием принца Георга Гессен-Дармштадтского принесли Англии новое и неожиданное владение, неожиданно захватив Гибралтар, который, хотя и был захвачен для короля Карла Третьего, был сохранен для королевы Анны. Внутренняя ценность Скалы в те дни была невелика, и ее значение как военной позиции было мало понято в Англии; но, во всяком случае, это был захват, и очень скоро он стал центром настроений.

Сентябрь. 23

4 октября.

После сдачи Гибралтара флот отплыл, оставив принца Георга с хорошим запасом провизии и около двух тысяч человек для ее удержания. Эти войска, хотя теперь и числились Четвертыми, Тридцать первыми и Тридцать вторыми в Строю, в то время были морской пехотой, корпусом, который, несмотря на блестящую и непрерывную службу на море и суше во всех частях света, все еще довольствуется внешним упоминанием одного названия - Гибралтар. Принц Георг, не теряя времени, восстановил укрепления, и на то были веские причины, поскольку в конце августа испанские войска численностью в восемь тысяч человек двинулись маршем к

перешейку, а месяц спустя четыре тысячи французов были высажены в устье залива. Затем эти объединенные силы начали осаду Гибралтара.

Декабрь.

Операции продвигались вперед с большой энергией, и вскоре осажденные оказались в тяжелом положении. В конце октября адмиралу Лику удалось перебросить на Скалу припасы и пару сотен человек вместе с офицером инженерных войск, неким капитаном Джозефом Беннетом, энергия и способности которого были бесценны. Осада затянулась еще на месяц, британцы отразили атаку с восточной стороны с большими потерями; но к концу ноября гарнизон сократился до тысячи человек, измученных постоянной службой. Наконец, в середине декабря более сильное подкрепление в две тысячи человек,[\[314\]](#) сначала чудом избежав захвата французским флотом, было успешно высажено на Скале; а затем принц Георг повернул против осаждающих и чередой блестящих вылазок почти парализовал дальнейшее продвижение их войск.

1705.

27 января

7 февраля.

Однако в середине января подкрепление в четыре тысячи человек достигло лагеря противника; его батареи возобновили огонь, и в Круглой башне, которая образовывала одно из главных укреплений на западной стороне, была проделана большая брешь. Утром 27-го был предпринят штурм, и тысяча триста человек устремились на штурм Круглой башни. Они встретили храброе сопротивление пятой части их числа, британцев, но после ожесточенной борьбы они одолели их, изгнали и продолжили наступление, чтобы овладеть воротами, ведущими в главную крепость. Там, однако, их остановила горстка морских пехотинцев Сеймура,[\[315\]](#) всего семнадцать человек под командованием капитана Фишера. Каким бы немногочисленным ни был этот доблестный маленький отряд, он держался до тех пор, пока прибытие части Тринадцатого полка и гвардейцев Колдстрима не позволило им отбросить врага назад и выбить его из Круглой башни.

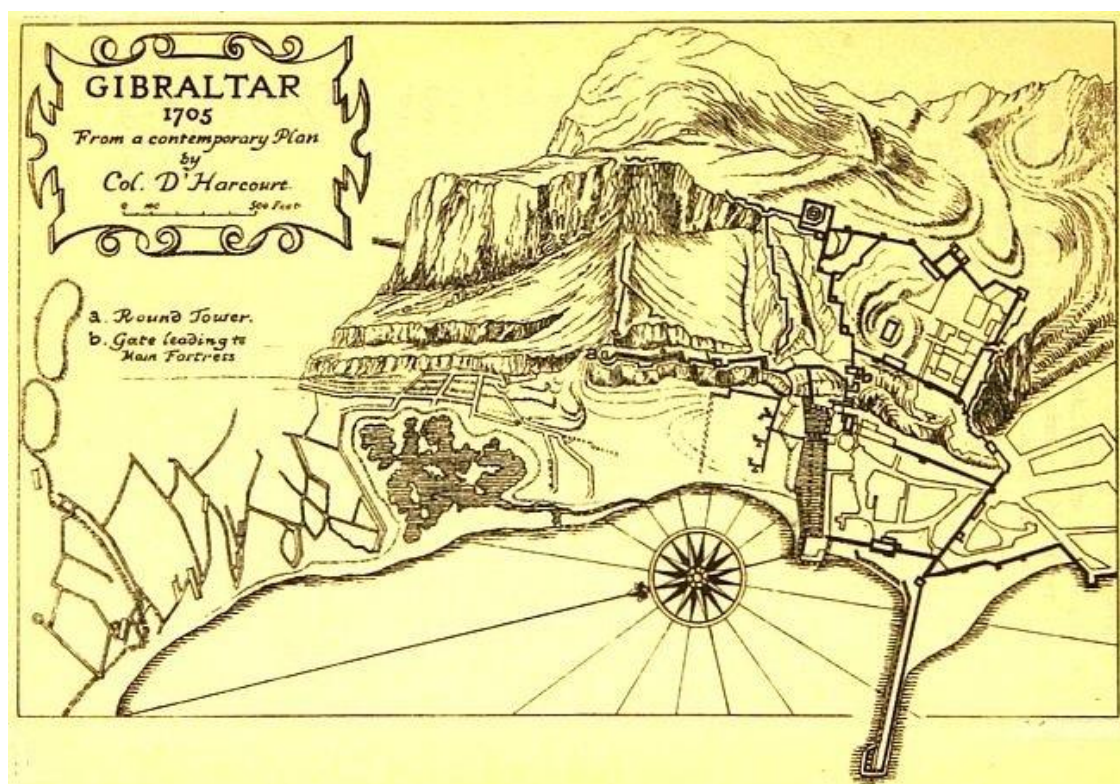
10 21 марта .

Это блестящее маленькое событие практически ознаменовало окончание осады. К гарнизону прибыло дальнейшее подкрепление, и маршал Тессе, взявший на себя командование осадой, возобновил бомбардировку города, который был быстро превращен в руины. Появление французской эскадры в какой-то момент казалось вероятным, что осаждающие возобновят усилия, но Беннет, который с момента своего прибытия был душой обороны, к тому времени соорудил новые батареи и был полностью готов. Наконец, в марте флот адмирала Лика появился на сцене, уничтожил треть французской эскадры и определенно освободил крепость. К середине апреля последний из французов исчез, и Гибралтар был в безопасности. Хотя масштаб операций может показаться небольшим, осада стоила врагу не менее двенадцати тысяч человек.

1704.

1705.

Между тем 29 октября прошлого года состоялось заседание парламента, на котором королеве были адресованы поздравления с триумфами прошедшей кампании. Конечно, не было недостатка в людях, которые в безумии фракции сомневались, действительно ли Бленхейм был победой по той весьма примечательной причине, что ее одержал Мальборо, но вскоре их заставил замолчать ответ, что у короля Франции, во всяком случае, нет сомнений на этот счет.[316] Планы следующей кампании были разработаны в крупном масштабе и, вероятно, должны были максимально истощить ресурсы армии. Вест-Индия потребовала шесть батальонов, а Гибралтар - три батальона для гарнизона; Португалия потребовала десять тысяч человек, Фландрия - от двадцати до двадцати пяти тысяч; в то время как, помимо этого, разрабатывался план, как мы сейчас увидим, дальнейшего облегчения положения Португалии путем диверсии в Каталонии. Пять миллионов человек радостно проголосовали за поддержку войны, и было сформировано шесть новых батальонов, а именно батальоны Уинна, Бреттона, Лепелла, Сомса, сэра Чарльза Хотэма и Лиллингстона, единственный из которых сохранился до наших дней в звании Тридцать восьмого Линейного.[317]

Лицом к лицу со страницей 450

ГИБРАЛТАР

1705

С современного плана ,

составленного

полковником Дж . Д'Аркур

15 26 мая .
6 17 июня .

План кампании Мальборо был в достаточной степени предвиден в конце предыдущего года, а именно наступление на линию Мозеля и перенос войны в Лотарингию. Император и все немецкие принцы пообещали выступить в поход пораньше, голландцев с бесконечным трудом убедили дать свое согласие, и после долгих досадных проволочек Мальборо присоединился к своей армии в Трире 26 мая. Здесь он ждал до 17 июня прибытия немецких и имперских войск. Не появилось ни человека, ни лошади. В глубоком огорчении он свернул свой лагерь и вернулся к Маасу, потеряв, по его словам, одну из самых прекрасных возможностей в мире из-за неверности своих союзников.[\[318\]](#)

21 мая.
14-25 июня .
21 Июня
2 июля.

Его присутствие было крайне необходимо на Маасе. Виллеруа, командовавший французами во Фландрии, не найдя повода для своего присутствия на Мозеле, выдвинулся из своих рядов, захватил Гюи, а затем, двинувшись маршем на Льеж, окружил цитадель. Генеральные штаты в паническом страхе убеждали Мальборо вернуться без промедления, и Оверкирк, командовавший голландцами на Маасе, присоединил свои мольбы к их просьбам. Мальборо, когда однажды решал действовать, никогда не двигался медленно, и к 25 июня он был в Дюрене, к востоку от Экс-ла-Шапель. Здесь он все еще находился в сорока милях от Мааса, но это было слишком близко для Виллеруа, который сразу же оставил Льеж и отступил к Тонгру. Мальборо, продолжая наступление, 2 июля переправился через Маас у Визе и в тот же день объединил свою армию с армией Оверкирка у Ханефа на Верхнем Яре. После этого Виллеруа с позором удалился в пределы своих укрепленных позиций.

Эти линии, которые создавались в течение последних трех лет, теперь были завершены. Они начали от Мааса немного восточнее Намюра, оттуда перешли к Мехену и Малой Гите, последовали по Малой Гите вдоль ее левого берега до Лью, а оттуда вдоль Большой Гите до Демера; оттуда они поднялись по Демеру до Аршота, откуда новая линия укреплений протянула барьер через Льерре к Антверпену. Близ Антверпена Мальборо уже имел дело с этими линиями в 1703 году, но до сих пор он не предпринимал никаких попыток форсировать их. Виллеруа и курфюрст Баварский теперь стояли перед ним с семьюдесятью тысячами человек, силами, превосходящими его собственные, но обязательно растянутыми на широком фронте для защиты укреплений. Штаб маршала находился в Меердорпе, на участке между Гите и Мехеном, который он, вероятно, считал слабым местом. Мальборо выступил против него в Ланс-ле-Бегин, выделив небольшой отряд для повторного захвата Хая, в то время как Оверкирк с голландской армией прикрывал осаду Виньямона. Таким образом, словно провоцируя французов воспользоваться рассредоточенностью его армии, он спокойно изложил свои планы по форсированию рубежей.

Пункт, который он выбрал, находился на Небольшой Гите между Эликсхаймом и Нерхеспеном, точно в тылу поля битвы при Ландене. Крутые и скользкие берега реки, которые англичане знали

слишком хорошо, вместе с укреплениями за ней, представляли чрезвычайные трудности, но из-за этого было меньше шансов, что рубежи будут хорошо охраняться в этом конкретном месте. Мальборо уже получил разрешение Генеральных штатов на осуществление этого проекта, но теперь перед ним стояла гораздо более сложная задача - заручиться согласием голландских генералов на Военном совете. Слангенберг и другие яростно возражали против этого плана, но его решение было отклонено, и герцог, наконец, смог приступить к работе.

30 Июня

11 июля.

Июль.

Хай пал 11 июля, но, ко всеобщему удивлению, осаждающие силы отозваны не были. Шесть дней спустя Оверкирк и армия прикрытия форсировали Мехень у Виньямона и выдвинули передовые отряды к самому краю линии между Меффле и Намюром. Виллерау попал в ловушку, отвел войска со всех участков фронта и сосредоточил сорок тысяч человек в Меердорпе. Затем Мальборо отозвал войска из Хая и довел их в общей сложности до восьми тысяч человек, как кавалерии, так и пехоты,^[319] все это находилось под командованием графа Нуайеля. Во всем соблюдалась строжайшая секретность. Части, составлявшие отряд, ничего не знали друг о друге и о предстоящей им работе; и, чтобы вид фашинов не навел на мысль о нападении на окопы, от них отказались, солдаты только в последний момент получили приказ нести каждому на седле перед собой связку фуража.

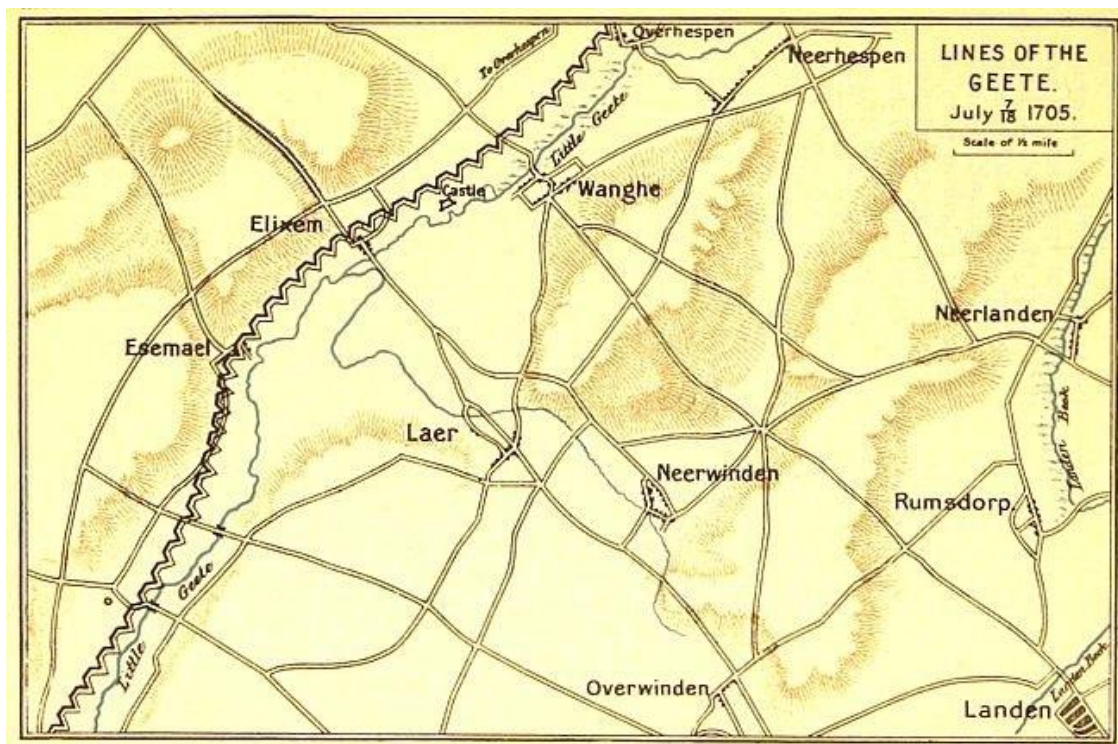
6 июля 17 .

6-7 июля 17-18 .

У тату отряд бесшумно выстроился перед лагерем правого фланга и в девять часов беззвучно двинулся двумя колоннами: одна на Нерхеспен, другая на замок Ванге перед Эликсхаймом. Час спустя остальная армия последовала за ним, в то же время Оверкирк под покровом темноты переправился через Мехень у Турина и присоединился к своему авангарду в тылу армии Мальборо. Расстояние, которое предстояло преодолеть, составляло от десяти до пятнадцати миль; ночь, хотя и сухая, была темной, и проводники, часто ошибавшиеся, были вынуждены ориентироваться по веревкам, брошенным по дороге передовым отрядом. Двенадцать лет назад и до того самого дня французская армия трудилась по тому же маршруту, измученная и задыхающаяся от солнца, и только уродливый маленький горбатый человечек, которого она почитала как маршала Люксембург, помогал ей выполнять свою задачу. Теперь англичане и голландцы пытались взять реванш за победу Люксембурга в конце того марша. Часы бежали, начало светать, и армия оказалась на поле Лондена, перед окопами Уильяма заросла трава, слева безмолвно лежали Ниервинден и Лаэр, а перед деревнями возвышался курган, скрывавший тела погибших. Тогда, по крайней мере, некоторые солдаты знали, какая работа им предстоит.

7 июля 18 .

В четыре часа головные части колонн остановились в миле от Гите, окутанные густым туманом и скрытые от глаз противника. Передовой отряд быстро очистил деревни у реки, захватил мост перед замком Ванхэ, который не был разрушен, и вытеснил гарнизон самого замка. Затем понтонеры выступили вперед, чтобы навести мосты, но пехота не захотела их дожидаться. Они нетерпеливо карабкались через изгороди и болота, спускались по одному крутому берегу реки и взбирались по другому, спускались в ров за ней и, наконец, запыхавшиеся и мокрые, перебирались через вал к позициям. Ворвавшихся таким образом горячих голов было так много, что они вынудили три полка французских драгун отступить перед ними, не пытаясь оказать сопротивления. Затем кавалерия отряда начала быстро перебираться по понтонным мостам; но тем временем была поднята тревога, и, прежде чем основная армия смогла переправиться, французы подошли с севера в полном составе, примерно в двадцати батальонах и сорока эскадронах, всего около пятнадцати тысяч человек, с батареей из восьми орудий.

Лицом к лицу со страницей 454

ЛИНИИ ГИТЕ.

7 июля 1817 года.

Противник быстро продвигался вперед, его кавалерия шла впереди, пока их не остановила ложбина, пролежавшая между ними и союзниками, где они остановились для развертывания. Мальборо с первого взгляда оценил всю ситуацию. Построив свои тридцать восемь эскадронов в две линии, причем первая линия состояла полностью из британцев, он повел их через ложину и атаковал французов с мечом в руке. Они ответили слабым огнем с седел и в замешательстве отступили, но вскоре, сплотившись, перешли в контратаку на британцев и, в свою очередь, разбили их. Мальборо, ехавший на фланге, был отрезан и остался один со своим трубачом и грумом. Какой-то француз подскакал галопом и нанес ему такой яростный удар, что, не сумев

поразить его, он упал с лошади и был схвачен трубачом. Затем эскадрильи союзников сплотились и, снова атаковав французов, прорвали их переформирование и захватили орудия. Французская пехота теперь отступала очень неуклонно, построившись в каре, и герцог отправил срочные сообщения для своей собственной пехоты. Но по какой-то ошибке батальоны были остановлены после переправы через Гите, так что французы смогли успешно отступить.

К этому времени Виллеруа, прошедший ночь в тревожном ожидании атаки под Меердорпом, поспешил со своей кавалерией только для того, чтобы обнаружить, что герцог овладел боевыми порядками. Поспешно отдав приказ своим рассеянным войскам перейти реку Гите у Жюдуана, он начал отступление на Лувен. Вскоре подошла пехота Мальборо с необычайной быстротой, люди были такими свежими и оживленными после пятнадцати часов усталости, как будто они только что покинули лагерь. Герцог стремился немедленно развить свой успех, чего французы имели все основания опасаться, но голландские генералы воспротивились ему, и Мальборо был вынужден неохотно уступить. Потери французов, по-видимому, составили около двух тысяч человек, большинство из которых были пленными, двадцать штандартов и знамен, четыре из которых Пятый гвардейский драгунский полк признал своими, и восемнадцать орудий, восемь из которых были трехствольными и были отправлены через Ла-Манш для копирования в Англию.[\[320\]](#)

8 Июля 19 .

Союзники остановились на ночь в Тирлемоне, а на следующий день, наступая на Лувен, нанесли удар в тыл французским колоннам и захватили полторы тысячи пленных. Той ночью они разбили лагерь в миле к востоку от Лувена, в то время как французы, снова распределив свои силы по более широкому фронту, заняли левый берег Дайля от Демера до Ише с центром в Лувене. Мальборо надеялся сразу же двинуться вперед, но его остановили проливные дожди, сделавшие Дайл непроходимым; и только десять дней спустя, после бесконечных неприятностей с голландцами, он смог осуществить свой замысел.

18 Июля 29 .

Операции по форсированию Дайла проводились во многом так же, как и при форсировании рубежей. Передовой отряд был выдвинут вперед с каждого крыла армии, тот, что с правого или английского[\[321\]](#) флангу было назначено форсировать реку под командованием герцога Вюртембергского у Корбек-Дайла, тот, что с левого под командованием генерала Хейкеломы, чтобы форсировать ее у Нерисше. Отряды выстроились в пять часов вечера, достигли назначенного места назначения в десять и совершили переход с полным успехом. Основные силы выступили в полночь и несколько сбились с пути в темноте, хотя к трем часам голландская армия была на расстоянии поддержки от своего отряда, а британцы быстро приближались к ней. Река была фактически форсирована, когда внезапно голландские генералы остановили свои основные силы. Мальборо подъехал, чтобы узнать причину, и был немедленно отведен в сторону Слангенбергом. - Ради Бога, милорд— - яростно начал голландец и продолжал протестовать, яростно жестикулируя. Как только Мальборо повернулся к нему спиной, голландские генералы, подобно шайке непослушных школьников, отозвали отряд Хейкеломы. Таким образом, проход, выигранный с таким мастерством, не был ни по какой причине

оставлен, действительно, без потерь, но также и не без злонамеренного поощрения французов, которые громко хвастались, что дали отпор своему грозному противнику.

5 августа 16 .

6 августа 17 .

7 августа 18 .

Несмотря на свою глубокую обиду и раздражение, герцог с удивительным терпением извинился в своих публичных депешах за предательство и слабоумие, которые помешали ему, и приготовился осуществить свою цель другим способом. Его действия были ускорены известием о том, что французское подкрепление, освобожденное из-за преступного бездействия принца Людовика Баденского, находится в пути из Эльзаса. Не сумев миновать Дайл, он повернул к ее истокам у Женаппа и повернул на север, к лесу Суаньи, расположенному лагерем между Лаяупом и Брен-л'Алле.^[322] Французы сразу же подняли тревогу и расположились за рекой Исше, расположив левый фланг у Неерисше, а правый у Оверисше, опираясь на лес Суаньи. Мальборо сразу же принял решение форсировать реку. Вечером 17 августа он отрядил своего брата Черчилля с десятью тысячами пехотинцев и двумя тысячами всадников наступать через лес и повернуть французов направо; в то время как сам он выступил на рассвете с остальной армией и вышел на равнину между Исше и Ласне. Герцог быстро нашел два неприступных пункта и, выбрав Оверише, остановил армию до прибытия артиллерии. Пушки долго не доставляли, поскольку Слангенберг настоял, несмотря на четкие инструкции герцога, на том, чтобы втиснуть свой багаж в колонну с явной целью вызвать задержку. Наконец, около полудня появилась артиллерия, и Мальборо попросил официального разрешения голландских депутатов атаковать. К его удивлению, хотя Оверкирк уже дал согласие, они заявили, что посоветовались со своими генералами. Слангенберг со всей дерзостью осудил проект как убийство и резню, остальные торжественно обсуждали этот вопрос еще два часа, благоприятный момент прошел именно так, как они предполагали, и еще одна прекрасная возможность была упущена. Прибыло французское подкрепление, и, будучи слабее, оно стало сильнее. До конца кампании больше ничего нельзя было сделать, кроме как выровнять французские позиции от Демера до Мехена.

Таким образом, голландские генералы и депутаты в третий раз испортили блестящую кампанию. К счастью, общественное возмущение как в Англии, так и в Голландии было слишком сильным для них, и Слангенберг, хотя на самом деле и не был повешен, как он того заслуживал, был лишен всякого дальнейшего командования. Ревность, робость, невежество, предательство и явный идиотизм, по-видимому, были мотивами, вдохновлявшими этих людей, чье поведение никогда не подвергалось порицанию в соответствии с его недостатками. Именно они были ответственны за затягивание войны, за бремя, которое она возложила на Англию, и за невыразимые страдания, которые она принесла Франции. Предоставленный самому себе, Мальборо вынудил бы французов к миру за три кампании, и война не закончилась бы позорно Утрехтским мирным договором.^[323]

Утешение в связи с разочарованием во Фландрии пришло с неожиданной стороны. В Португалии, действительно, было сделано сравнительно мало. Армия состояла примерно из трех тысяч британцев^[324] под командованием лорда Голуэя, двух тысяч голландцев под командованием генерала Фагеля и двенадцати тысяч португальцев под командованием

испанского генерала де Корсаны; и чтобы избежать трений, было решено, что эти три генерала будут командовать поочередно в течение недели. В таких обстоятельствах было удивительно, что они вообще завершили осаду и захват трех слабых крепостей - Валенцы, Альбукерке и Бадахоса, - с достижениями которых кампания подошла к концу.[\[325\]](#)

9 июня 20 .

12 августа 23 .

Но в Каталонии операции были более блестящими. Было известно, что каталонцы благоволят австрийской стороне; и, соответственно, в этом году было решено послать флот и армию им на помощь под командованием адмирала Лика и лорда Питерборо, последний должен был быть совместным адмиралом на море, а также главнокомандующим на берегу. Характер Питерборо - одна из загадок истории. Сейчас ему было сорок лет, и до сих пор он отличался главным образом общей эксцентричностью, не всегда безобидной, и, как и большинство выдающихся людей его возраста, замечательной принципиальностью. Его опыт действительной службы был невелик и был приобретен скорее на плаву, чем на берегу, и хотя он долгое время занимал звание полковника полка, он никогда не командовал ни на войне, ни в мирное время. Его силы состояли из шести британских[\[326\]](#) и четырех голландских батальонов, или всего около шести тысяч пятисот человек. Экспедиция прибыла в Лиссабон в начале июня, когда после некоторой задержки было решено, что флот должен проследовать в Барселону. Голуэй предоставил два своих драгунских полка, Королевский и Восьмой; и с ними Питерборо отплыл в Гибралтар, где забрал восемь батальонов[\[327\]](#) гарнизона, оставив вместо них два своих, и проследовал к месту назначения. По пути вверх по испанскому побережью был высажен отряд для захвата Дении, а 23 августа основные силы были высажены перед Барселоной и заняли позицию к северо-востоку от города, упершись левым флангом в море.

Сентябрь. 2 13 .

В отчетах, отправленных в Англию, Барселона представлялась плохо укрепленной и с плохим гарнизоном. Возможно, она была плохо укреплена по сравнению с творением Вобана или Когорна, но, тем не менее, это была грозная крепость, хорошо снабженная припасами и с семитысячным гарнизоном под командованием энергичного губернатора по имени Веласко. Питерборо, который понимал ситуацию, хотел отказаться от проекта регулярной осады ради более оживленных действий, но его убедили дать ему пробу в течение восемнадцати дней, по окончании которой он приказал вновь погрузить армию. Однако его снова заставили изменить свое мнение, и затем внезапно, вечером 13 сентября, он разработал свой собственный оригинальный план.

Примерно в трех четвертях мили к юго-западу от Барселоны стоял небольшой форт Монжуик, венчавший холм на семьсот футов выше крепости, сильный по своей природе и еще более укрепленный внешними укреплениями, которые, хотя и были недостроены, от этого не становились менее грозными. Этот Питерборо решили захватить с помощью *escalade*. Людям, работавшим до них, не было сказано ни слова. Не было отдано никаких дальнейших приказов, кроме того, что тысяча двести англичан и двести голландцев должны быть готовы во второй половине дня выступить в Таррагону, в то время как тысяча триста человек под командованием бригадира Стэнхоупа были тайно распределены для прикрытия тыла атакующих колонн от

любой атаки со стороны Барселоны. В шесть часов атакующие силы под командованием лорда Шарлемонта двинулись на северо-запад, продолжая марш в этом ложном направлении в течение четырех часов, пока Питерборо, наконец, не отдал приказ повернуть на юг. Ночь была темной, а большая часть местности настолько каменистой, что на ней не было видно следов, так что, когда колонны наконец подошли к Монжуичу, было обнаружено, что всего один отряд из двухсот человек пропал, очевидно, отклонившись от пути остальных.

Сентябрь. 3 14 .

Однако половина сил была направлена для одновременного штурма восточной и западной оконечностей форта, причем Питерборо и принц Георг Гессен-Дармштадтский сопровождали восточную колонну, которая, поскольку ожидалось, что ей предстоит самая тяжелая работа, была усилена. Другая часть войск находилась в резерве между двумя колоннами. Вскоре после рассвета был подан сигнал; штурмующие отряды устремились вверх по гласису под сильным и разрушительным огнем и, ворвавшись в ряды противника, стремглав отбросили его от укреплений. Преследуя беглецов по горячим следам, Питерборо и принц Джордж захватили восточный бастион самого форта, воздвигли в ущелье баррикаду из россыпи камней и окопались за ней. Атака с запада увенчалась таким же успехом, и они точно так же укрепились в полубастионе на этом фланге форта. Оказавшись, таким образом, под прикрытием, обе стороны прекратили огонь, и Питерборо отдал приказ Стенхоупу подтянуть свой резерв.

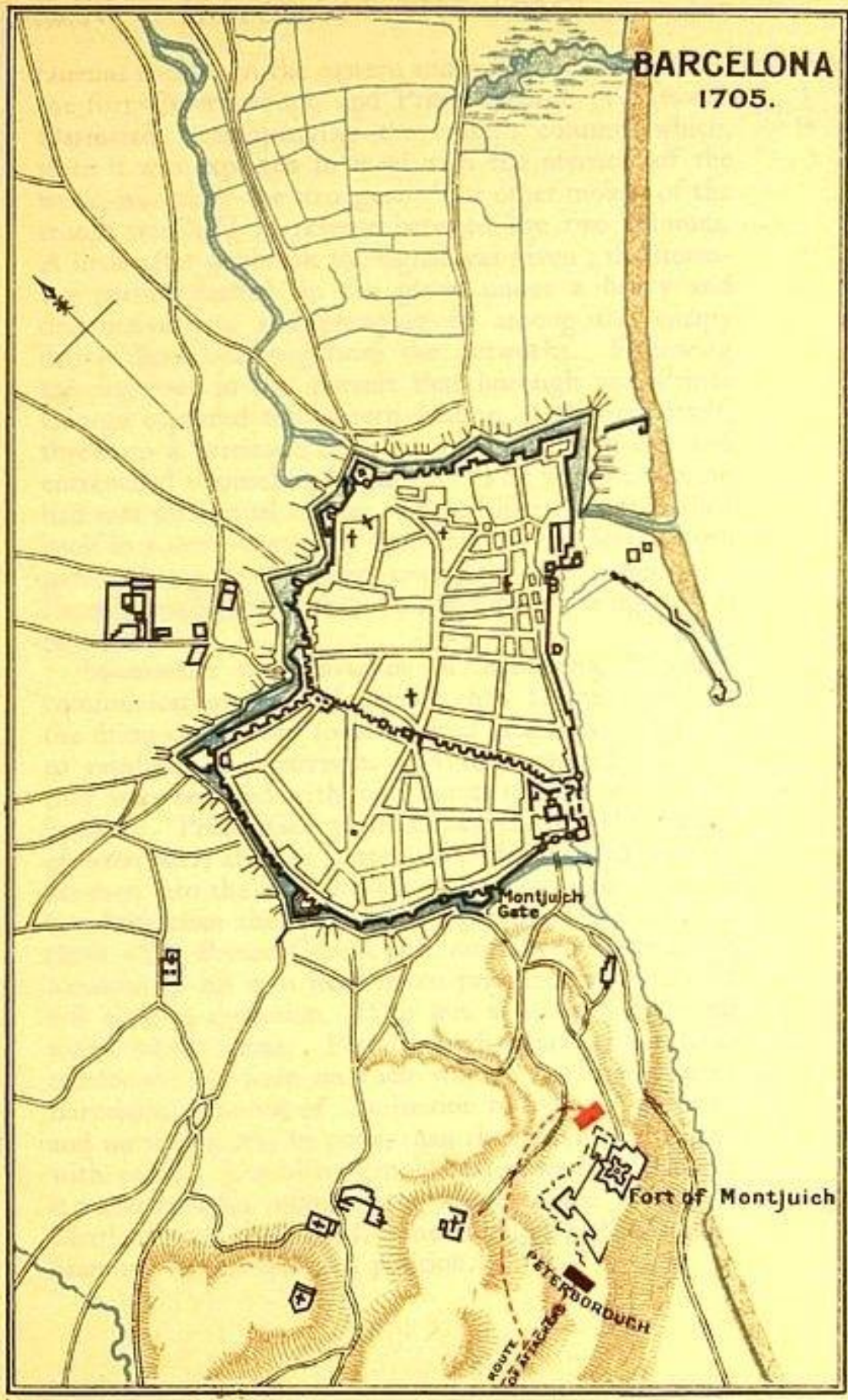
Тем временем губернатор Барселоны, находясь на связи с Монжуиком, при звуках стрельбы со всей поспешностью отправил четыреста драгун на подкрепление гарнизону. Когда они вошли в форт, испанцы встретили их громкими приветственными криками. Принц Георг, ошибочно приняв этот звук за клич о капитуляции, сразу же поднялся и со всеми своими людьми двинулся во внутренние укрепления. Как только они оказались во рву, испанцы окружили их, отрезав путь. Двести человек были взяты в плен, принц Георг был смертельно ранен, а остальные в замешательстве отступили. Это был тяжелый удар, но впереди было еще хуже. Питерборо, услышав, что к врагу из Барселоны направляется свежее подкрепление, выехал из бастиона, чтобы самому посмотреть, и как только он уехал, войска охватила паника. Лорд Шарлемонт был бессилен остановить это, и через несколько минут все солдаты во главе с Шарлемонтом с неподобающей поспешностью выбежали с захваченной позиции.

Они не успели убежать далеко, когда к ним галопом прискакал Питерборо в неистовой ярости. То, что он сказал, ни один писатель не осмелился изложить; но он выхватил у Шарлемонта из рук половинку пики и с потоком упреков махнул людям возвращаться в форт. Мгновенно собравшись с силами, они вернулись на свой пост, не потеряв ни одного человека, прежде чем враг обнаружил их отступление; и появление Стэнхоупа с резервом немедленно изгнало всякую мысль о панике. Тем временем испанское подкрепление из Барселоны встретило английских пленных и, узнав от них, что Питерборо и принц Джордж лично присутствовали перед Монжуиком, предположило, что британцы атакуют превосходящими силами. Поэтому они вернулись в Барселону, оставив форт на произвол судьбы. Трехдневной бомбардировки хватило, чтобы сломить сопротивление ослабленного гарнизона; и, таким образом, по странному стечению обстоятельств план Питерборо увенчался успехом, и Монжуик был взят.

Сентябрь. 28
9 октября.

Затем осада Барселоны была форсирована при поддержке орудий флота, и 9 октября гарнизон капитулировал с боевыми почестями. Две недели спустя король Карл Третий совершил свой публичный въезд в город; Питерборо щедрой рукой разбрасывал доллары, и все царили веселье и ликование. Картина была бы неполной без фигуры пьяного английского гренадера, чьи капризы доставляли неисчерпаемое развлечение населению;[\[328\]](#) но Питерборо был сторонником дисциплины, и войска в целом вели себя на удивление хорошо. Стенхоуп был немедленно отправлен домой с хорошими новостями, и Англия осознала тот факт, что у нее есть второй офицер, которого, хотя и нельзя назвать в одном ряду с Мальборо, обладал природным, хотя и эксцентричным, военным гением.

BARCELONA
1705.

БАРСЕЛОНА

1705 года.

Захват Барселоны и последующее взятие Таррагоны флотом привлекли практически всю Каталонию на сторону короля Карла. Но теперь дальнейшим операциям помешала нехватка денег и припасов. Питерборо, видевший трудность поддержки больших сил в полевых условиях, был за то, чтобы разделить свою маленькую армию на летучие колонны и восполнить недостаток численности чрезвычайной мобильностью; но он не мог добиться признания своих взглядов. Он писал жалостливые письма о своей нужде, с поразительной свободой понося, по своему обыкновению, всех своих коллег и подчиненных. Очень скоро войска в Барселоне стали настолько ослаблены, что он был вынужден распределить их по крепостям Каталонии, предоставив дальнейшие операции каталонским партизанам. Усилиями последних к концу года не только Каталония, но и Валенсия перешла, хотя и не на очень уверенную основу, на сторону короля Карла. Так закончилась первая серьезная кампания первой войны на полуострове.

ГЛАВА V

1706.

Теперь пришло время вернуться к Англии и приготовлениям к кампании 1706 года. Мальборо, как обычно, сразу после завершения военных операций был направлен с визитом ко дворам Вены и различных германских государств, чтобы поддерживать союзников на необходимом уровне единства и энергии. Эти обязанности задержали его в Германии и в Гааге до января 1706 года, когда он наконец смог вернуться в Англию. Там он столкнулся с гораздо меньшими препятствиями, чем в прежние годы, но, тем не менее, с возрастающим бременем работы. Огромное расширение операций на полуострове и общая слабость войск в этой части требовали набора обычно большого количества новобранцев. Весной были сформированы один новый драгунский полк и одиннадцать новых пеших батальонов, к которым до конца года необходимо было добавить еще один батальон.^[329] Эпидемическая болезнь лошадей во Фландрии снова вызвала чрезвычайный спрос на лошадей. Голландцы, в своей обычной манере, действительно приложили все усилия, чтобы предотвратить поставки лошадей британцам,^[330] хотя, даже если бы они этого не сделали, герцог имел предубеждение в пользу английских лошадей, как и английских мужчин, как превосходящих любых других. Наконец, запасов боеприпасов было недостаточно для постоянной утечки стрелкового оружия, и было необходимо восполнять дефицит за счет закупок из-за рубежа. Все эти трудности и тысячи других были, конечно, переданы для решения в Marlborough.

14 25 апреля .

Когда в апреле он снова отправился в Гаагу, он обнаружил самое обескураживающее положение дел. Голландцы отстали в своих приготовлениях; Пруссия и Ганновер были непокорны по поводу оснащения своих контингентов; принц Людовик Баденский дулся в своих рядах, отказываясь сообщить кому-либо хоть слово о своих намерениях; и у каждого был готов отдельный план кампании. Император, конечно, желал дальнейших операций на Мозеле для своего собственного облегчения; но после опыта последней кампании герцог мудро решил никогда больше не двигаться на восток для сотрудничества с силами империи. Голландцы, со своей стороны, хотели оставить Мальборо во Фландрии, где он находился бы под контролем их депутатов; но глупый каприз этих достойных людей был ему не более по вкусу, чем угрюмая зависть Бадена. Сам Мальборо стремился повести войска на помощь Евгению в Италию - план, который, в случае его осуществления, привел бы британцев на обширное поле боя, с которым они незнакомы, на равнины Ломбардии. Он почти убедил Генеральные штаты одобрить этот план, когда все изменил маршал Виллар, который удивил принца Людовика Баденского своими репликами о Моттере и захватил два важных журнала. Голландцы сразу же испугались и, стремясь сохранить Мальборо для собственной защиты, согласились назначить заместителей, которые должны были получать, а не отдавать приказы. Таким образом, к великому разочарованию герцога, было решено, что главным театром военных действий снова станет Фландрия.

8 мая 19 .

9 мая 20 .

11 мая 22 .

Виллеруа тем временем надежно закрепился на своей прошлогодней позиции за Дайлом, откуда Мальборо не видел особой надежды выманить его. Говорят, что был нанят агент, чтобы разбудить Виллеруа, сообщив ему, что герцог, зная, что французы боятся покидать свои укрепления, воспользуется их бездействием, чтобы захватить Намюр.^[331] Как бы то ни было, Виллерой решил выйти из Dyle. Он знал, что прусский и ганноверский контингенты еще не присоединились к Мальборо и что датская кавалерия отказалась выступить к нему, пока им не будет выплачено жалованье; так что интерес, а также уязвленная гордость побудили рискнуть начать генеральные действия. Таким образом, 19 мая он покинул свои позиции и отправился в Тирлемонт на Великой Гите. Мальборо, находившийся в Мейстрихте, с восторгом увидел, что цель, на которую он не смел надеяться, достигнута. Поспешно договорившись о выплате жалованья датским войскам, он сосредоточил голландцев и британцев в Билзене в верховьях Демера и двинулся на юг, к Борхлоену. Здесь прибытие датчан увеличило его общие силы до шестидесяти тысяч человек, что немногим уступало численности противника. В тот же день пришло известие, что Виллеруа переправился через Великую Гиту и движется на Жюдуань. Герцог решил немедленно выступить и атаковать его там.

12 мая 23 .

В час ночи на Троицу 23 мая генерал-квартирмейстер Кадоган выехал вперед из штаба в Корсвареме с шестью сотнями всадников и лагерными знаменами к верховьям Великой Гиты, чтобы разбить лагерь у деревни Рамиллис. Утро было сырым и туманным, и только в восемь часов, поднявшись на высоты Мердорпа, они смутно различили войска, движущиеся по

холмистой местности перед ними. Армия союзников выступила только на два часа позже Кадогана, но Мальборо, который ехал впереди нее, вскоре подъехал и повел кавалерию вперед сквозь туман. Затем, в десять часов, облака рассеялись, открыв взору всю французскую армию, марширующую к ним в полном составе.

Глаза Виллеруа были грубо раскрыты, поскольку он не ожидал появления Мальборо раньше следующего дня; но он хорошо знал почву под ногами, поскольку уже обсуждал это с Люксембург, и он продолжил занимать позицию, которую, как он видел, Люксембург намеренно отвергла. Плоскогорье, на котором он стоял, является самой высокой точкой равнин Брабанта. Справа от него текла Мехень; в тылу текла Большая Гита; по центру и слева от него поднималась Маленькая Гита и медленно ползла прочь по болотам.^[332] Перед ним лежали четыре деревни: Тавье на Мехене справа от него, Рамилье, менее развитая, чем Тавье, у истоков Малой Гиты справа от него в центре, Оффус параллельно Рамилье, но ниже по течению, слева от него в центре, Отреглиз или Андеркирх между двумя ответвлениями Малой Гиты и параллельно Тавье справа от него. ушел. Вдоль вогнутой линии, образованной этими деревнями, Виллеруа выстроил свою армию в две линии, обращенные строго на восток.

Река Мехень, на которую опиралась его правая рука, в обычное время представляет собой быстрый ручей шириной чуть более двенадцати футов с илистым дном, но с обеих сторон окаймлена заболоченными лугами, которые затопляются после сильных дождей. От этого ручья земля поднимается к северу ровной волной примерно на полмили, постепенно опускается и переходит в более высокую волну у Рамиллиса, снова опускается к северу от этой деревни и более пологой волнистостью спускается к Отреглизу. Между Мехеном и Рамиллисом, на расстоянии около полутора миль, местность к востоку и западу изрезана различными лощинами достаточного наклона, чтобы обеспечить решительное преимущество или невыгоду в кавалерийском бою. Посреди этих впадин возвышается единственный высокий холм, предлагающий выгодное положение, с которого Мальборо почти наверняка разведал расположение правого фланга французов. Подъезд к самому Рэмиллису крутой и изломанный как на севере, так и на юге, но на восточном фронте местность поднимается к нему на полмили пологим, непрерывным склоном, который современные винтовки сделали бы непроходимым для самых храбрых войск. В тылу, или к западу от французских позиций, плоскогорье чистое и не нарушенное, а справа в тылу, или к юго-западу, находится курган, называемый гробницей Оттомонда, все еще заметный и по-прежнему ценный как ключ к событиям того дня.^[333] Общая протяженность французского фронта от Тавье до Отреглиза составляла около четырех миль.

Выбрав позицию, Виллеруа, не теряя времени, привел свои войска в порядок. Его левый фланг, состоящий из пехоты при поддержке кавалерии,^[334] простирался от Отреглиза до Оффуса, обе деревни которого были сильно оккупированы. Его центр от Оффуса до Рамиллиса также состоял из пехоты. Справа от него, на обширной равнине, простиравшейся на полторы мили от болот Гите в Рамийи до болот Мехена, было сосредоточено более ста двадцати эскадронов кавалерии с несколькими батальонами пехоты, примыкавшими к ним, причем знаменитая французская домашняя кавалерия (Maison du Roi) находилась в первой линии. Левый фланг этого пространства прикрывала деревня Рамиллис, которая была окружена рвом и оборонялась двадцатью батальонами и двадцатью четырьмя орудиями. На правом фланге не только Тавье, но и Франкине, деревня, находившаяся еще дальше, были заняты отрядами пехоты, в то время как Тавье дополнительно защищался пушками.

Мальборо быстро осознал недостатки диспозиции Виллеруа, которая мало чем отличалась от диспозиции Таллара при Бленхейме. Тавьер находился слишком далеко от Рамиллиса, чтобы поддерживать перекрестный огонь артиллерии. Опять же, кавалерия французского левого фланга, несомненно, была защищена от нападения за болотами Гите, но именно по этой причине она была неспособна к агрессивным действиям. Таким образом, французские правые могли быть повернуты вспять при условии, что они не будут дополнительно усилены; и соответственно герцог начал свои маневры демонстрацией против французских левых.

Вскоре пехота правого фланга союзников двинулась вперед в две линии по направлению к Оффусу и Отреглизу, маршируя со всей помпезностью и обстоятельствами войны, голландцы, немцы и британцы, с красными мундирами, заметными на крайнем правом фланге. Шагнув к реке, они остановились и, казалось, были очень заняты укладкой своих понтонов. Виллеруа заметил алую массу и, вспомнив ее обычное место на поле боя, немедленно начал отводить несколько батальонов справа от себя, а центр - слева. Мальборо наблюдал, как белые мундиры устремляются к своим новым позициям, и через некоторое время приказал пехоте справа от него отступить на несколько высот в их тылу. Две шеренги развернулись друг к другу и соответственно удалились за высоту, пока первая шеренга не скрылась из виду. Затем вторая линия остановилась и снова развернулась, увенчав подъем хорошо известным алым флагом, в то время как первая со всей скоростью двинулась прочь под прикрытием холма, невидимая французам, на противоположный фланг. Многие британские батальоны[335] простояли на этой высоте весь день, не сделав ни шага и не сделав ни единого выстрела, но тем не менее парализовав левое крыло французов.

Около половины второго орудия обеих армий открыли огонь, и вскоре после этого четверем голландским батальонам было приказано выступить вперед, чтобы взять Франкине и Тавье, и еще двенадцати - атаковать Рамиллис, в то время как Оверкирк медленно продвигался слева с кавалерией. Франкине вскоре был очищен; Тавье некоторое время стойко сопротивлялся, но был отброшен, а сильное подкрепление, направлявшееся в деревню, было перехвачено и разрублено на куски. Затем Оверкирк, когда его левый фланг был теперь очищен, вытолкнул вперед свою лошадь и бросился в атаку. Голландцы разгромили первую линию французов, но были в замешательстве отброшены назад второй; и победоносные французы были только остановлены наступлением свежих эскадронов под командованием самого Мальборо. Тем не менее союзники оказались в явно невыгодном положении; и Мальборо, отправив гонцов, чтобы вывести все эскадроны, кроме британских, влево, бросился в гущу ближнего боя, чтобы собрать разбитую конницу. Его узнали несколько французских драгун, которые покинули свои ряды, чтобы окружить его, и в общей суматохе он был повален на землю, подвергаясь неминуемой опасности пленения. Его адъютант, капитан Молсуорт, сразу же спешил и, предоставив ему его собственную лошадь, позволил ему скрыться. Кавалерия, однако, воодушевленная примером герцога, пришла в себя, и Мальборо воспользовался возможностью пересечь с лошади Молсуорта на свою собственную. Полковник Брингфилд, его конюший, придержал стремя, когда он садился в седло, но едва Мальборо оказался в седле, как рука, державшая стремя, ослабила хватку, и конюший упал на землю, снесенный пулей голову.[336]

Тем временем атака пехоты на Рэмиллис получила полное развитие и вывела конницу из-под огня деревни. Двадцать свежих эскадронов подскружили галопом на предельной скорости и выстроились в тылу переформировывающихся линий. Но прежде чем они успели вступить в бой, герцог Вюртембергский направил свою датскую конницу вдоль Мехена на правый фланг

французов, и голландские гвардейцы, продвинувшись еще дальше, ударили им в тыл. Теперь они вышли на плоскогорье у могилы Оттомонда, и остальная кавалерия союзников разом бросилась в атаку на французский фронт. Знаменитый Мезон дю Руа после тяжелого боя был разрублен на куски, и вся французская кавалерия, несмотря на усилия Виллеруа остановить их, была обращена в стремительное бегство через тыл своей боевой линии, оставив батальоны пехоты беспомощными и одинокими, чтобы их смяли и стерли с лица земли.

Виллеруа предпринимал отчаянные попытки выдвинуть кавалерию своего левого фланга, чтобы прикрыть их отступление, но местность была загромождена его обозом, который он неосторожно разместил слишком близко у себя в тылу. Французские войска в Рамиллисе теперь отступили, и Мальборо приказал всей пехоте, которая была сосредоточена перед деревней, наступать через болото на Оффус при поддержке Третьего и шестого гвардейских драгун. Французы сломались и обратились в бегство при их приближении; а тем временем "Баффы" и двадцать первый полк, которые до сих пор бездействовали справа, пробились через болота перед ними и, зайдя Отреглизу в тыл, смели последние остатки французской линии слева. Пять британских эскадронов последовали за ними и захватили в плен весь королевский полк (Regiment du Roi). Третий и Шестой гвардейские драгуны также двинулись вперед и, наткнувшись на испанскую и баварскую конную гвардию, которые пытались прикрыть отступление французской артиллерии, атаковали их и отбросили прочь, едва не попав в плен к самому курфюрсту, который был во главе их.^[337] После этого вся французская армия, которая до сих пор изо всех сил пыталась организовать организованное отступление, в панике рассыпалась и разбежалась во всех направлениях.

Масса беглецов направилась к Джудуанье, но пути были перегорожены сломанными повозками с багажом и брошенными ружьями, а давка и неразбериха были ужасающими. Британская кавалерия, будучи довольно свежей, быстро перешла к преследованию по плоскогорью. Оружие и багаж стали легкой добычей, но их оставили другим, в то время как солдаты в красных мундирах, не лишенные воспоминаний о Лондэне, продолжали, как гончие, ищущие крови, преследовать поверженного врага. Погоня велась на север, к Жюдуану, а за ним - к убежищу в Лувене. Кавалерия остановилась только в два часа ночи, достигнув к тому времени Мельдерта, в пятнадцати милях от поля боя; более того, даже тогда лорд Оркни с несколькими эскадронами прискакал к самому Лувену, разжег панику и снова обратил несчастных французов в бегство через Дайл.

13-24 мая .

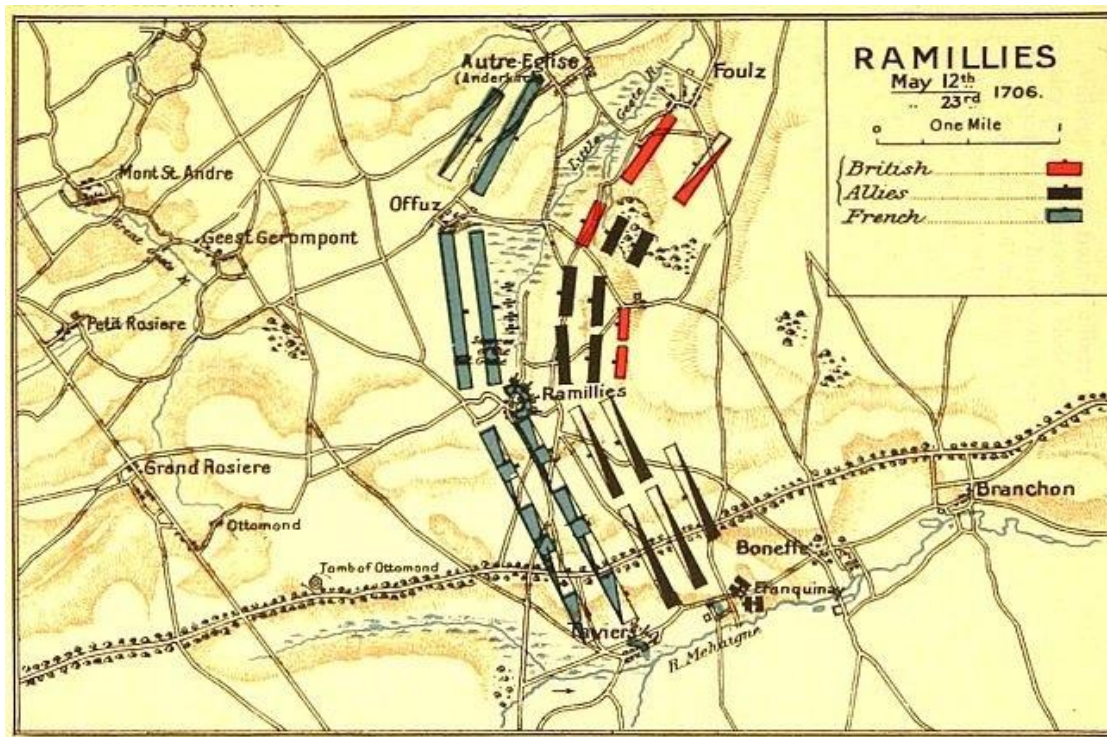
14-25 мая .

15-26 мая .

16-27 мая .

Да и основная армия не сильно отставала от конницы. Продвигаясь далеко за полночь, солдаты проспали под ружьем два или три часа, в три часа снова двинулись в путь и к следующему полудню также достигли Мельдерта и готовились форсировать Дайл. Мальборо, который почти двадцать восемь часов без перерыва находился в седле, написал королеве, что намеревался снова выступить в поход той же ночью, но из-за того, что французы оставили позиции у Дайла, армия получила некоторую передышку. На следующий день он переправился через Дайль у Лувена и расположился лагерем в Бетлехеме, на следующий он продвинулся к Дьегему, в

нескольких милях к северу от Брюсселя, на следующий он перешел Сенну у Вильворда и расположился лагерем у Гримбергена, и здесь, наконец, после шести дней непрерывного марша герцог предоставил своим усталым войскам привал, в то время как французы, безнадежно разбитые и деморализованные, поспешно отступили к Генту.

Лицом к лицу со страницей 472

РЭМИЛЛИС

12 мая 23 числа 1706 года.

Так закончился бой и погоня Рэмиллиса, который эффективно устранил насмешки, нанесенные Мальборо после Бленхейма, что он не знал, как улучшить победу. Потери французов убитыми, ранеными и пленными составили тринадцать тысяч человек, увеличившись за счет дезертирства во время преследования еще на целых две тысячи. Трофеями победителей были восемьдесят штандартов и знамен, пятьдесят пушек и огромное количество обоза. Потери союзников составили от четырех до пяти тысяч убитыми и ранеными, которые почти полностью легли на плечи голландцев и датчан, британцы же, благодаря своему положению на крайнем правом фланге, почти не участвовали в боях до конца дня. Таким образом, главная заслуга британцев заключалась в преследовании, которое они вели с неумолимой тщательностью и энергией. Голландцы были в восторге от того, что их войскам выпала самая тяжелая работа в таком сражении, а британцы могли утешаться действиями своей кавалерии и, прежде всего, мыслью о том, что весь успех был достигнут благодаря их несравненному командиру.

Май-июнь.

Эффект победы и последовавшего за ней быстрого наступления был мгновенным. Лувен и вся линия Дайла попали в руки Мальборо на следующий день после битвы; Брюссель, Малин и

Льерр сдались перед первой остановкой и передали ему линию Сенне и ключ от французских укреплений вокруг Антверпена; а днем позже сдача Алоста передала ему одну из цитаделей на Дендере. Не останавливаясь ни на минуту, он послал вперед отряд для наведения мостов через Шельду ниже Ауденарде, чтобы отрезать французам путь отступления во Францию, что вынудило Виллерау немедленно оставить позиции вокруг Гента и отступить вверх по Лису к Куртре. После этого Гент, Брюгге и Дамм сдались на месте; Ауденарде последовал за ними, а через несколько дней и сам Антверпен. Таким образом, в течение двух недель после победы вся Фландрия и Брабант, за исключением Дендермонда и одного или двух мест меньшей важности, были захвачены союзниками, и французы отступили к своей границе.

Июнь.

И даже это было не все. Конtribusi в размере двух миллионов ливров, взимаемая во Французской Фландрии, дала понять Великому монарху, что война теперь стучится в его собственные ворота. Виллар с большей частью своей армии был отозван с Рейна в Лис, и некоторое количество французских войск было отведено в тот же квартал из Италии. Таким образом, Баден держал игру на Рейне в своих руках, и хотя он был слишком угрюм и неспособен использовать преимущество в своих интересах, все же в его бездействии не было вины Мальборо. Мы несколько не удивлены, обнаружив, что в середине этих двух недель герцог срочно запросил свежие запасы шампанского; вполне возможно, что ему понадобился стимулятор в условиях такой напряженной работы и усталости. [338]

6 Июня 17 .

Теперь он отрядил Оверкирка для осады Остенде, а другой отряд - для блокады Дендермонда, одновременно отправив пять британских батальонов, с которыми мы вскоре снова встретимся, для наступления на Шаранту, которое тогда рассматривалось в Англии. Сделав это, он занял пост с остальной армией в Руслерсе, к западу от Лиса, откуда мог одновременно прикрывать осаду Остенде и угрожать Менину и Ипру. Операции в Остенде были отложены на некоторое время из-за нехватки артиллерии и необходимости ждать содействия флота; но 17 июня траншеи были, наконец, открыты, и несколько недель спустя город сдался.

27 Июня

8 июля.

11 августа 22 .

Через три дня после этого армия была вновь собрана для осады Менина. Эта крепость отличалась особой прочностью, считаясь одним из шедевров Вобана, и имела гарнизон в пять тысяч человек. Более того, французы, контролировавшие верхние шлюзы Лиса, смогли значительно затруднить операции, перекрыв воду из нижнего течения и, таким образом, сделав ее менее полезной для целей транспортировки. Но все это мало помогло; в течение трех недель после открытия окопов Менин сдался. Британские батальоны [339], которые бездействовали в Рэмиллисе, приняли ведущее участие в работе, и некоторые из них очень сильно пострадали, но с удовлетворением отбили четыре британских орудия, захваченных в Ландене.

25 августа

сентября. 5.

Сентябрь. 12 23 .

21 сентября

2 октября.

Несколько дней спустя Дендермонд подвергся серьезному нападению и также был взят, после чего Мальборо отступил за Шельду, чтобы обезопасить всю линию Дендер, захватив Ат. Для работ хватило десяти дней, после чего Ат также попал в руки союзников. Апатия французов на протяжении всех этих операций достаточно хорошо показывает их уныние. Благодаря бездействию принца Людовика Баденского Виллар смог привести тридцать пять тысяч человек на помощь маршалу Вандома, который теперь сменил Виллерау, но даже с этим подкреплением оба командующих лишь беспомощно наблюдали, как Мальборо на их глазах сдавал крепость за крепостью. Они, действительно, больше беспокоились об укреплении обороны Монса и Шарлеруа, чтобы герцог не прорвался во Францию по этой линии, чем о том, чтобы приблизиться к нему в поле боя. Их беспокойство не было совершенно необоснованным, поскольку следующим шагом Мальборо было наступление на Самбру; но непрекращающийся дождь и бурная погода препятствовали дальнейшим операциям, так что Ат оказался последним завоеванием в этом году. Так закончилась кампания при Рамиллисе, одна из самых блестящих в анналах войн, в ходе которой Мальборо за один месяц с триумфом провел свое оружие от Мааса до моря.

ГЛАВА VI

1706.

Из Фландрии необходимо вернуться на полуостров, где мы оставили Питерборо, оплакивая его вынужденное бездействие. Нет ничего более примечательного в истории этих кампаний на полуострове, чем полное отсутствие единства в замысле между силами союзников в Каталонии и Португалии. Даже в Англии британские войска в этих двух кварталах рассматривались в административных целях как два отдельных учреждения, которые могли бы быть разделены всей шириной Атлантики, а не вдвое большей шириной Англии. И все же вряд ли эту вину можно было приписать какому-либо английскому чиновнику, гражданскому или военному. Голуэй, как и Питерборо, стремился продвинуться к Мадриду; но португальцев приводила в ужас перспектива удалиться далеко от своей границы, в то время как взор короля Карла всегда с тревогой останавливался на перевалах, по которым французские подкрепления могли продвинуться в Каталонию. В таких условиях было нелегко провести эффективную кампанию.

26 декабря

1705 года.

6 января

1706 года.

Испанцы австрийской партии, как уже говорилось, к зиме 1705 года ненадежно захватили всю провинцию Валенсия. Незадолго до конца года поступили сведения о том, что испанский генерал де лас Торрес перешел северную границу из Арагона в Валенсию и осадил Сан-Матео. Город был важен, поскольку контролировал коммуникации между Каталонией и Валенсией, но его удерживал гарнизон численностью не более тридцати королевских драгун и тысячи испанских иррегулярных пехотинцев под командованием полковника Джонса. Этот офицер защищался, как мог, но сразу же стал срочно просить о подкреплении. Вслед за этим король Карл обратился за помощью к Питерборо, который немедленно приказал генералу Киллигрю выступить со своим гарнизоном из Тортосы и переправиться через Эбро, в то время как он сам, скакавший день и ночь из Барселоны, догнал колонну в конце первого дня марша. Король Карл назвал силы Лас-Торреса численностью всего в две тысячи человек и добавил, что тысячи крестьян подняли оружие против него. Теперь Питерборо обнаружил, что испанцы насчитывали четыре тысячи пеших и три тысячи всадников, в то время как тысячи вооруженных крестьян были полностью воображаемыми. Его собственные силы состояли из трех слабых британских батальонов: Тринадцатого, тридцать пятого и пехотного Маунтджоя, а также ста семидесяти королевских драгун, всего тысяча триста человек. С такой горсткой людей его единственная надежда на успех должна заключаться в хитрости.

28 декабря

1705 года.

8 января

1706 года.

Продвигаясь со всей скоростью на юг, он разделил свою небольшую армию на несколько небольших отрядов и, продвигая их вперед разными маршрутами, ранним утром, никем не замеченный, прибыл в Трагеру, в шести милях от лагеря противника. В тот же день вражеский шпион был схвачен и доставлен к Лас Торресу. При нем было найдено письмо из Питерборо полковнику Джонсу, написанное самым откровенным и непринужденным стилем. "Я нахожусь в Трагере, - так говорилось в нем, - с шестью тысячами человек и артиллерией. Вы можете удивиться, как я их собрал; но по транспортировке и скрытности ничто не сравнится с морем. Теперь будьте готовы преследовать Лас Торреса по равнине. Это его единственная линия отступления, поскольку я занял все перевалы в горах. Вы увидите нас на вершинах холмов между девятью и десятью часами. Докажите, что вы настоящий драгун, и приготовьте своих микелетс (иррегулярных солдат) к их любимой добыче и погоне". Шпион, которому угрожали смертью, предложил выдать другого посланца Питерборо, который прятался в холмах. Этот второй шпион был схвачен, и при нем был обнаружен дубликат того же письма. Их обоих допросили, когда первый заявил, что ему ничего не известно о численности войск Питерборо, в то время как другой заявил, что в депеше говорилось правду. Внезапно с испанских аванпостов поступили сведения, что враг продвигается несколькими колоннами, и вскоре красномундирники появились в разных точках на вершинах холмов, храбро выделяясь на фоне неба. Лас Торресу стало не по себе. Его депрессия усилилась из-за случайного взрыва одной из его собственных мин перед Сан-Матео; и он поспешно приказал немедленно отступать. После чего выступил Джонс со своим гарнизоном и превратил отступление в нечто, очень напоминающее бегство; в то время как Питерборо со своими тысячьо шестьюстами солдатами спокойно вошел в Сан-Матео и овладел всем лагерем противника и боевыми припасами.

Уловка, поскольку весь инцидент с захваченными шпионами был тщательно спланирован, увенчалась блестящим успехом.

Лас Торрес, хотя и был неприятно потрясен, восстанавливал самообладание, когда на второй день отступления дружественный шпион пришел предупредить его, что английские войска движутся параллельно его левому флангу, уже опередили его и, вероятно, прервет его отступление, захватив перевалы на равнине Валенсии. Предупреждение было сочтено нелепым, но шпион предложил, если два или три офицера будут сопровождать его, доказать, что он был прав. Двух офицеров, переодетых крестьянами, соответственно, отвели в пункт, уже указанный шпионом, где они были немедленно схвачены пикетом из десяти королевских драгун. Шпион, однако, взялся производить спиртное, драгуны поддались или казалось, что поддались своей национальной слабости, и трое пленников выскользнули, взяли трех драгунских лошадей и со всех ног поскакали обратно в Лас-Торрес, чтобы подтвердить рассказ шпиона. Бегство не побудило их ни к чему хорошему в этой аванюре; упряжь лошадей неопровержимо свидетельствовала о действительном присутствии английских драгун; и Лас Торрес тут же свернул свой лагерь и снова поспешил прочь. И снова уловки эксцентричного англичанина увенчались успехом, ибо дружественный шпион на самом деле был испанским офицером его собственной армии; и хотя в тот конкретный момент перед Лас-Торресом, несомненно, находилось десять английских драгун, специально посланных для этой цели, однако в радиусе двадцати миль от них больше не было англичан.

1 Января 12 .

Лас Торрес все еще отступал на юг по прибрежной дороге, а Питерборо устраивал демонстрацию преследования, широко продвигаясь по его правому флангу, когда до него дошло срочное сообщение от короля Карла. Французские войска численностью в восемь тысяч человек продвигались в Каталонию из Руссильона; второе войско численностью в четыре или пять тысяч человек под командованием графа Церклеса де Тилли угрожало Лериде, а третье под командованием маршала Тессе двигалось через Арагон на Тортосу. Видя, что королю срочно требуется помощь в Каталонии, но он намерен осуществить свой собственный план в Валенсии, Питерборо решил отправить свою пехоту к побережью в Винаросе, чтобы при необходимости переправить ее морем. Люди, хотя и были оборваны, босиком и сильно измучены долгими переходами в зимние дни, покидали его очень неохотно. Затем, вызвав гарнизон Лериды^[340] и подкрепление из испанцев, чтобы следовать за ним в Валенсию, Питерборо возобновил преследование Лас-Торреса со ста пятьюдесятью драгунами.

Январь.

Он опоздал спасти Вилья-Реаль, которую Лас Торрес захватил предательством и, захватив, вырезал все мужское население; но, всегда скрывая свою слабость, он ухитрялся непрерывными атаками в тыл врага наносить значительные потери и досаждать. Таким образом, в назначенное время он достиг Нулеса, расположенного в трех днях пути от Валенсии, города со значительной силой, где Лас Торрес оставил оружие, достаточное, чтобы вооружить тысячу горожан. Питерборо направился прямо к воротам со своей горсткой драгун. Горожане заняли стены и открыли огонь, но были быстро остановлены сообщением из Питерборо, в котором им предлагалось немедленно прислать священника или магистрата под страхом того, что их стены будут разрушены и каждая душа предана мечу в отместку за Вилья Реаль.

Несколько священников, которые знали его, сразу вышли к нему. "Я даю вам шесть минут", - сказал Питерборо дрожащим сутанам. "Откройте свои ворота, или я не пощажу ни одной вашей души". Ворота были быстро открыты, и генерал, въехавший во главе своих потрепанных драгун, потребовал немедленной выдачи пайков и фуража для нескольких тысяч человек.

Новость вскоре достигла Лас Торреса, который опередил их чуть более чем на час, и в третий раз его несчастная армия была поспешно снята с лагеря и обречена на утомительное отступление от воображаемого врага. Питерборо, однако, забрав у Нулеса двести лошадей, покинул город, чтобы поразмыслить над охватившим его страхом, и удалился в Кастальон-дела-Плана. Наняв там еще сотню лошадей, он приказал Тринадцатому пешему отряду выступить из Винароза в Оропесу и сам отправился туда, чтобы осмотреть их. Людей маршировало всего четыреста человек, в красных мундирах, изодранных в клочья, с желтыми подкладками, в выцветших и рваных штанах, в дырявых башмаках и чулках, а чаще всего и вовсе отсутствующих. "Я хотел бы, - сказал Питерборо, когда осмотр закончился, - чтобы у меня были лошади и амуниция для вас, чтобы проверить, поддержите ли вы свою добрую репутацию драгун". Мужчины, несомненно, посмотрели на свои больные и обутые ноги и молча согласились. Вскоре их отвели на вершину соседнего холма, где, к своему изумлению, они обнаружили ожидающие их четыреста лошадей, все полностью снаряженные. Офицеры получили чины в соответствии со своим званием в конной службе, только двое или трое были откомандированы для формирования нового батальона в Англии; и таким образом, в течение часа пехота Бэрримора превратилась в драгун Пирса.

Январь.

24 января

4 февраля.

Питерборо теперь призвал такие дополнительные слабые батальоны британцев, какие только смог, и, собрав в общей сложности три тысячи человек, треть из которых конные, приготовился перехитрить нового генерала, герцога Лос-Аркос, сменившего Лас Торреса. Освобождение Валенсии было первой целью Питерборо, но для осуществления этого ему нужно было сначала овладеть Мурвиетро, который лежал на его дороге и был занят противником, и это тоже таким образом, чтобы Лос-Аркос не выступил против него на открытой равнине и не сокрушил его превосходящими силами. Это была сложная проблема, и ее удалось решить только с помощью трюка, слишком сложного и длительного, чтобы описывать его здесь подробно. План был очень хитроумным, настолько хитроумным, что почти выходил за рамки того, что считается справедливым на войне, но он оказался полностью успешным; и 4 февраля Питерборо вошел в Валенсию без единого выстрела.

23 марта

3 апреля.

Апрель.

30 апреля

11 мая.

Теперь он поддерживал дружбу священников и нечто большее, чем дружба дам Валенсии, таким образом совмещая удовольствие с бизнесом и получая наилучшую информацию. Лас Торрес, который в очередной раз вытеснил Лос Аркос, вскоре снова появился на сцене, приведя четыре тысячи человек по суше и мощный осадный обоз по морю для взятия города. Питерборо напал на поезд сразу после того, как он был высажен, и захватил его целиком; затем, послав тысячу двести человек против четырех тысяч, он застал их врасплох, обратил в бегство и взял шестьсот человек в плен. Но приятная и увлекательная жизнь в "Валенсии" была прервана срочным вызовом для оказания помощи в обороне "Барселоны". Король Людовик, по просьбе своего внука Филиппа, решил приложить большие усилия, чтобы вернуть его; и таким образом, в начале апреля маршал Тессе появился перед городом с двадцатью пятью тысячами человек и три дня спустя начал осаду по всей форме. Гарнизон состоял менее чем из четырех тысяч регулярных войск, костяк которых составляли тысяча сто британских гвардейцев и Тридцать четвертый пехотный полк. Каким бы слабым ни был этот небольшой отряд, он оказал доблестное сопротивление, но шансы были слишком велики против него, и, если бы не прибытие Питерборо, он не смог бы продержаться более двух недель. Даже после его прихода она была почти подавлена; ибо из трех тысяч солдат, которые он привел с собой, большая часть была занята главным образом тем, что нарушала коммуникации Тессе с тыла. Осада была окончательно снята с появлением сменяющей ее эскадры под командованием адмирала Лика, что настолько обескуражило Тессе, что он бросил весь свой осадный обоз и снова отступил за французскую границу.

Теперь ничего не оставалось, как воспользоваться этой удачей. Питерборо всегда предпочитал бросок на Мадрид и дважды тщетно убеждал короля Карла избрать этот курс. Теперь он предпринял это в третий раз с успехом и вскоре отплыл в Валенсию с одиннадцатью тысячами человек. С огромным трудом он раздобыл лошадей и снаряжение, чтобы превратить часть своей пехоты в драгун, а затем, выдвинув вперед отдельные силы англичан, к началу июля ему удалось захватить Рекену и Куэнсу и открыть дорогу королю Карлу на Мадрид.

20 марта 31 .

27 мая

7 июня.

16 июня 27 .

Тем временем, после огромной задержки, англичане и португальцы фактически начали операции на стороне Португалии против маршала Бервика. 31 марта лорд Голуэй и генерал дас Минас покинули Эльвас с девятнадцатью тысячами человек^[341] и медленно продвигались на север, постоянно оттесняя Бервика, армия которого значительно уступала им по численности. Алькантара, Пласенсия и Сьюдад-Родриго сдались им после небольшого сопротивления, и к 7 июня армия союзников достигла Саламанки, страны, которую два полка, Второй и Девятый, лучше узнали столетие спустя. Затем, повернув на восток, она двинулась прямо на Мадрид и вошла в город 27 июня. Пока все было хорошо. Продвижение из Португалии было на редкость медленным, но столица была достигнута. Король Филипп удалился в Бургос, а в Мадриде был провозглашен королем Карл. Цель войны за наследство, по-видимому, была достигнута в Испании.

4 июля 15 .
7 июля 18 .
26 Июля
6 августа.

Однако на данном этапе операции без какой-либо особой причины были прекращены. Голуэй, очевидно, не помышляя о преследовании Бервика, остановился на две недели в Мадриде, где португальские войска вели себя недостойно, а затем, продвинувшись на небольшое расстояние на северо-восток, занял сильную позицию у Гвадалаксары. Король Карл после огромной задержки внезапно изменил маршрут, который наметил для него Питерборо, и настоял на том, чтобы двинуться на Мадрид через Арагон, но даже в этом случае не достиг Сарагосы до 18 июля. Тем временем вся страна, по которой проходил Голуэй, подняла восстание против Австрийского дома. Бервик, подкрепленный из Франции вдвое большей численностью, чем Голуэй, отрезал его от Мадрида и обратился с упреками к королю Филиппу; и когда Чарльз и Питерборо с тремя тысячами человек, наконец, вступили в Голуэй 6 августа, эрцгерцог обнаружил, что ему следует готовиться не к триумфальному вступлению в Мадрид, а к тому, что обещало быть трудным и опасным отступлением.

Сентябрь. 17 28 .

Питерборо был готов к внезапному наступлению на Алькалу и так далее в Мадриде, но из-за чрезмерного правления удалился в Италию, чтобы собрать заем для армии. Голуэй, чья армия была настолько уменьшена из-за болезней, что уменьшилась численно, с подкреплением из Питерборо, всего четырнадцать тысячами человек, все еще оставался вблизи Мадрида почти месяц в тщетной надежде увидеть перелом в свою пользу. Наконец, оказавшись отрезанным от своей базы в Португалии, он двинулся к Валенсии и британскому флоту, причем Бервик беспокоил его не больше, чем время от времени беспокоил его арьергард. Перейдя валенсийскую границу, он распределил свои войска по зимним квартирам; пример, которому после взятия Картагены и различных небольших укреплений в конце ноября последовал Бервик.

Так завершился 1706 год, памятный двумя самыми блестящими, хотя и в некоторых отношениях разочаровывающими, кампаниями, когда-либо проводившимися одновременно двумя британскими генералами.

1707.

Неожиданное подкрепление из Британии прибыло как нельзя кстати, чтобы возродить надежды эрцгерцога Карла в начале нового года. Следует помнить, что летом 1706 года в Англии созрел проект высадки на Шаранте, для чего Мальборо выделил несколько своих батальонов после Рамиллиса. Поскольку план был сочтен сомнительным в успехе, пункт назначения экспедиции был изменен на Кадис. Однако шторм в Бискайском заливе рассеял флот, который был вновь собран в Лиссабоне только с очень большим опозданием и, прождав в этом порту два месяца, получил указание предоставить свои силы в распоряжение Голуэя.^[342] В декабре 1706 года Питерборо вернулся из Италии в Валенсию, чтобы присутствовать на военных советах, посвященных следующей кампании. Общие перспективы на полуострове были

неутешительными. Мальборо действительно полагал, что ничто не может спасти Испанию, кроме наступательного движения против Франции со стороны Италии, и Питерборо, придерживаясь той же точки зрения, решительно выступал за оборонительную кампанию. Его решение было отклонено, и поскольку его бесконечные ссоры с коллегами и его военное поведение в целом были поставлены под сомнение в Англии, вскоре после этого он был отстранен от командования и вернулся в Англию.

Март.

30 марта

10 апреля.

Апрель.

После его отъезда эрцгерцог Карл и английское командование разошлись во мнениях по поводу своих альтернативных планов, в результате чего Карл со всеми испанскими войсками отступил в Каталонию. Затем Голуэй и Дас Минас решили сначала уничтожить магазины Бервика в Мурсии, и сделали это для того, чтобы подняться вверх по Гвадалавиаре, обогнуть верховья Тежу и таким образом продвинуться к Мадриду. Хотя подкрепление достигло валенсийского побережья в январе, только 10 апреля Голуэй пересек мурсианскую границу и, уничтожив один или два склада, осадил Вильену. Во время этого боя он услышал, что Бервик, собрав свою армию, продвигается к Альмансе, примерно в двадцати пяти милях к северо-востоку, и что герцог Орлеанский направляется присоединиться к нему с подкреплением. Вслед за этим Голуэй и Дас Минас решили немедленно наступать и сразиться с ним, очевидно, не потрудившись выяснить, какова на самом деле численность его армии. С Бервиком было двадцать пять тысяч человек, наполовину французов, наполовину испанцев, не считая хорошей артиллерии. В Голуэе из-за ужасающей смертности на борту вновь прибывших транспортов насчитывалось всего пятнадцать тысяч человек, из которых едва треть составляли британцы, половина - португальцы, а остальные - голландцы, немцы и гугеноты. Учитывая, насколько плохо португальцы вели себя до сих пор во всех случаях, результат открытой атаки при таких шансах вряд ли мог быть сомнительным.

14 апреля 25 .

Бервик, со своей стороны, выстроил свою армию в обычные две линии на равнине к югу от Альмансы, его правая часть располагалась на возвышенности в направлении Монталегре, левая - на возвышенности с видом на дорогу в Валенсию, в то время как его правый центр был прикрыт оврагом, который постепенно переходил в ровную местность к его крайнему правому флангу. Силы были сформированы в соответствии с правилом: пехота в центре и кавалерия на каждом фланге, испанцы занимали правый фланг, а французы - левый. В полдень, совершив восьмимильный марш, Голуэй приблизился на расстояние мили к позиции и выстроил свою боевую линию в соответствии с предписанными методами. Португальцы, не вполне справедливо, заняли почетное место на правом фланге, так что британцы и голландцы заняли левое крыло, хотя среди них было несколько португальских эскадрилий во второй линии. Но, обнаружив свою слабость в кавалерии, Голуэй восполнил этот недостаток, по примеру Густава Адольфа, вставив пехотные батальоны в состав своей кавалерии.[343]

В три часа дня Голуэй начал атаку без предварительного артиллерийского огня, возглавив наступление кавалерии на своем левом фланге. Сначала он был отброшен назад просто численным превосходством; но Шестой и Тридцать третий пешие полки, которые были среди присоединенных батальонов, подошли и, открыв огонь по левому флангу испанской кавалерии, дали английским эскадронам время собраться и эффективной атакой отбросить испанцев в замешательстве. Тем временем остатки английской пехоты в центре левого фланга, не обращая внимания на численность, обрушились прямо на вражескую пехоту и в замешательстве отбросили ее ко второй линии. Гвардейцы и Второй пехотный полк, развивая успех, также прорвали вторую линию и преследовали рассеянных беглецов до самых стен Альманзы. Что касается левых сил союзников, то сражение шло хорошо.

Но тем временем португальцы справа оставались неподвижны, и Бервик, не теряя времени, бросил на них свое левое конное крыло. Затем первая линия португальской кавалерии повернулась и побежала, вторая линия тоже повернулась и побежала, и первая линия пехоты была оставлена нести главный удар в одиночку. Какое-то время батальоны держались достаточно храбро, но превосходство было слишком велико, и вскоре они были разбиты и полностью рассеяны. Затем Бервик направил своих французов, как конных, так и пеших, против победоносных британцев справа от него. Британская кавалерия сильно пострадала в первой атаке, все четыре полка потеряли своих командиров, и, несмотря на все их усилия, они были отброшены назад и сметены численностью французских эскадронов. Окруженная со всех сторон пехота отчаянно сражалась и неоднократно отражала натиск противника, но, будучи подавленной численностью, почти все они, англичане, голландцы и немцы, были перебиты или взяты в плен. Ценой больших усилий Голуэй, который сам был ранен, вывел некоторые остатки войск в хорошем порядке и без преследования отступил к Онтиниенте, примерно в двадцати милях от них. Орудия также были спасены, но двухтысячный отряд пехоты, который генерал Шримптон увел с поля боя, на следующий день был окружен и вынужден сложить оружие.

В этом бою, длившемся около двух часов, Голуэй потерял около четырех тысяч убитыми и ранеными и три тысячи пленными. Только британцы потеряли восемьдесят восемь офицеров убитыми и двести восемьдесят шесть пленными, из которых девяносто два были ранены. В Шестом полку только два офицера остались невредимыми из двадцати трех, в Девятом - только один из двадцати шести, а другие полки[344] пострадали едва ли менее серьезно. Простой факт заключался в том, что, поскольку основная масса португальцев не хотела сражаться, сражение вылилось в атаку восьми тысяч британцев, голландцев и немцев на втрое превосходящих их по численности французов и испанцев на открытой равнине; и поражение, хотя и решающее, ни в каком смысле не было позорным, кроме как для португальцев. Самым странным обстоятельством в этот роковой день было то, что французами командовал англичанин Бервик, а англичанами - француз, доблестный, но неудачливый Рувињи. Сражение, конечно, положило конец дальнейшим операциям на стороне союзников. Голуэй с такими войсками, какие смог собрать, отступил к каталонской границе и занялся реорганизацией сил для защиты линий Сегре и Эбро, в то время как Бервик методично продолжал захват Валенсии и в декабре, согласно правилу, отступил на зимние квартиры. Так быстро последовала катастрофа за первыми блестящими успехами на полуострове.

Поскольку мы больше не увидим Питерборо на поле боя, эту главу не следует завершать, не сказав нескольких предложений о его специфических методах. Внешне они были достаточно простыми. Хорошая информация для обнаружения слабых мест противника, обман, чтобы сбить

его с толку, глубочайшая секретность, чтобы у врага не возникло подозрений, тщательнейшее продумывание деталей, чтобы каждое подразделение незначительного отряда точно знало свой долг и выполняло его, точное предсказание вероятных результатов каждого последующего шага и чрезвычайная внезапность и быстрота в исполнении - таковы, насколько их можно изложить, были секреты его успеха. Одним словом, его принципом было ведение войны с помощью моральной, а не физической силы, путем внушения людям иллюзии, что они побеждены, а не путем их реального избиения. Это сложное искусство, наивысшим представителем которого Военно-морской флот стал столетием позже в лице лорда Дандональда; и любопытно отметить, что обоих людей беспокоили совершенно одинаковые недостатки. Питерборо был трудным, вздорным, неуживчивым человеком, снедаемым преувеличенным самомнением. Его письма были такими бесконечно длинными и утомительными, не содержащими практически ничего, кроме оскорблений в адрес его коллег, что они переполнили чашу терпения даже Мальборо. На самом деле, кажется невозможным, чтобы человек такого типа гармонично работал с равными себе, как бы его ни обожали подчиненные. Герцог Веллингтон отзывался о Питерборо как о блестящем партизане, но его современники были о нем более высокого мнения. Юджин заявил, что мыслит как генерал, и сам Мальборо признал, что предвидел пагубные последствия операций, которые, вопреки его совету, были предприняты в Испании. Но каковы бы ни были его заслуги как генерала и лидера, он, как и все ему подобные, является человеком, с которым мы прощаемся без сожаления, с радостью переходя от прерывистых, хотя и ослепительных вспышек его эксцентричного гения к ровному сияющему свету, который освещает каждое действие великого герцога Мальборо.

Авторитетные источники.—Хорошо известно, что подвиги Питерборо основаны главным образом на мемуарах Карлтона, и что авторитетность этих мемуаров оспаривается. Полковник Фрэнк Рассел в своей "Жизни Питерборо", конечно, делает его героем, полковник Артур Парнелл в своей "Войне за наследство в Испании" отказывается признавать за ним какие-либо заслуги. Мистер Стеббинг в своем "Питерборо" (сериал "Люди действия") относится к спору со здравым смыслом, и я без колебаний разделяю его точку зрения. Тем не менее я должен признать свои обязательства перед всеми тремя этими авторами, и особенно перед полковником Парнеллом, который глубоко погрузился в историю войны, приложил огромные усилия, чтобы установить, какие британские полки участвовали в каждом сражении, и предоставил самый обширный список авторитетных источников. Воспоминания де Бервика заслуживают наибольшего доверия с французской стороны, а документы Ричардса (Stowe Coll. B.M.), как говорит полковник Парнелл, наиболее важны.

ГЛАВА VII

1707.

"Альманза" была плохим началом нового года, но дальше было еще хуже. Всю зиму Мальборо, как обычно, был занят дипломатическими переговорами, которые только его мастерство и

обаяние могли привести к успешному завершению. Но в одном наиболее важном вопросе герцогу помешало предательство императора, который, чтобы осуществить свои собственные эгоистичные планы в отношении Неаполя, тайно заключил с Францией договор о нейтралитете Италии и, таким образом, позволил беспрепятственно вывести все французские гарнизоны в Италии. Освобожденные таким образом войска были немедленно переброшены к месту боевых действий на Рейне и во Фландрии, и французы получили возможность выставить против Мальборо превосходящие силы. Герцог снова надеялся спасти Испанию вторжением во Францию со стороны Савойи, но этот проект снова был отложен слишком поздно из-за жадности императора к обладанию Неаполем. Наконец, хотя принц Людовик Баденский умер зимой, на Рейне его заменил еще более некомпетентный принц, маркграф Байройтский, который, далекий от того, чтобы предпринимать какие-либо действия в пользу герцога, не переставал приставать к нему с просьбами прийти к нему на помощь. Некомпетентность этого достойного сожаления человека была настолько вопиющей, что он тоже был заменен до завершения кампании, хотя и слишком поздно для достижения какой-либо эффективной цели. Однако его преемник заслуживает особого внимания, поскольку им является не кто иной, как курфюрст Ганноверский, впоследствии наш собственный король Георг Первый, не гений на поле боя, но, как мы увидим в свое время, чрезвычайно толковый и трезвомыслящий солдат.

Результатом этих осложнений стало то, что Мальборо провел большую часть лета лагерем перед лицом превосходящих сил французов в Мельдерте, на ответвлении Великой Гиты, прикрывая свои завоевания во Фландрии и Брабанте. Наконец император, выполнив свои желания в Неаполе, предпринял отвлекающий маневр в сторону Прованса, который отвлек часть французских войск в этот квартал и позволил герцогу продвинуться вперед. Но затем вмешалась плохая погода, помешавшая каким-либо успешным операциям. Дважды Мальборо был на волосок от того, чтобы застать врасплох Вандома, который сменил Виллеруа во Фландрии, и дважды маршал в спешке и замешательстве отступал как раз вовремя, чтобы спасти свою армию. Тем не менее герцог нанес бы один тяжелый удар, если бы не вмешательство голландских депутатов. Но удача была на стороне французов; дождь лил как из ведра, и кавалерия втоптала страну в такую трясиину, что многие пехотинцы были буквально поглощены ею и потеряны.^[345] Так скромно завершилась кампания, которая должна была продолжить дело Рамиллиса.^[346]

Вернувшись домой в ноябре, Мальборо столкнулся с трудностями, почти такими же большими, какие он оставил позади во Фландрии. В Кабинете министров начались ссоры, уже предвещавшие то время, когда королева и народ отвернутся от него. Французский двор возвращался к своим старым методам и пытался разделить Англию, предоставив Претенденту силы для вторжения. И снова трудности кампании во Фландрии и поражение при Альманзе не только вызвали недовольство, но и чрезвычайно увеличили спрос на рекрутов. Коварная работа голландских депутатов и неисправимый эгоизм и зависть Империи уже затянули войну сверх предела, установленного коротким терпением английского народа.

К счастью, парламент пока оставался верен войне и проголосовал не только за обычные припасы, но и за деньги для дополнительных десяти тысяч человек. Было сформировано пять новых батальонов^[347], и еще три из старого состава были отправлены на службу во Фландрию.^[348] Но гораздо более удовлетворительным был тот факт, что в 1708 году все полки

вышли на поле боя в новых цветах, с крестом Святого Андрея, смешанным с крестом Святого Георгия, в соответствии с первой статьей Союзного договора, принятого в предыдущем году между Англией и Шотландией.

1708.

29 марта

9 апреля.

Ранняя весна 1708 года была потрачена французами впустую в тщетных попытках натравить Претендента на Шотландию с французскими войсками за спиной; и только 9 апреля Мальборо отплыл в Гаагу, где его уже ждал Евгений. Там они договорились, что герцог, как обычно, должен командовать Фландрией, в то время как Евгений должен взять на себя командование армией на Мозеле, номинально для операций на этой реке, но на самом деле соединиться с Мальборо быстрым маршем и дать бой французам, прежде чем они успеют вызвать свои отдаленные отряды. Возникли значительные трудности с курфюрстом Ганноверским, который должен был командовать на Рейне, из-за его ревности к Евгению, но эта проблема была удовлетворительно улажена, как и все проблемы того времени, благодаря вмешательству Мальборо. Вслед за этим принц-выборщик, верный сварливым традициям своей семьи, сразу же настоял на том, чтобы поступить на службу к Юджину, просто ради того, чтобы досадить своему отцу; таким образом, добавилась еще одна причина трений, которые, если бы не Мальборо, вскоре привели бы Великий альянс в тупик. Этот принц-выборщик станет нам более известен как король Георг Второй.

Французы, со своей стороны, приложили чрезвычайные усилия в надежде на успешную кампанию. После Рамильи они стянули войска со всех сторон во Фландрию; и с тех пор с каждым последующим годом все сильнее проявлялась тенденция к тому, чтобы все операции сосредоточивались на этом знакомом поле боя. На Рейне командовал баварский курфюрст, а Бервик, очень возвышенный со времен Альманзы, помогал ему. Главная французская армия во Фландрии насчитывала немногим менее ста тысяч человек и находилась под командованием Вандома, верховным командованием которого был герцог Бургундский. Присутствие наследника престола, его брата герцога Беррийского и шевалье де Сен-Жоржа, как называл себя Претендент, предвещало необычные усилия.

Май.

24

June 4

июня

June 24

июня

June 23

июня, 4 июля.,,

Двинувшись маршем в конце мая со своего места встречи к югу от Сена, французская армия двинулась на север, к лесу Суаньи. После этого Мальборо сразу же сосредоточился на Хэле и со всей поспешностью вызвал к себе Юджина. Его собственная армия насчитывала всего восемьдесят тысяч человек, и хотя он, как обычно, демонстрировал смелость, он знал, что такое

неравенство в численности было серьезным. Затем французы предприняли маневр в направлении Ватерлоо, как бы угрожая Лувену, движение, которое герцог встретил форсированным маршем, чтобы припарковаться на Дайле. Здесь он волей-неволей бездействовал целый месяц, ожидая Евгения, который задержался из-за каких-то мелких формальностей, которые Императорский двор считал гораздо более важными, чем военные операции. Внезапно, в ночь на 4 июля, французы свернули свой лагерь, двинулись маршем на запад, чтобы переправиться через Сенну у Хала, и выделили небольшие корпуса против Брюгге и Гента. Не имея возможности встретить союзников мечом, французы заменили сталь золотом и в течение некоторого времени вмешивались в работу новых властей в этих городах. Золото сделало свое дело. В течение двадцати четырех часов Гент и Брюгге открыли свои ворота, и ключи к судоходству по Шельде и Лиссу были утеряны.

24 Июня

5 июля.

25 июня

6 июля.

Мальборо, который был вполне готов к маршу, немедленно поднялся и последовал за французской армией. В два часа ночи его армия пришла в движение, направляясь к перевалу Сенне у Андерлехта. Марш был долгим и тяжелым, дороги были в таком плохом состоянии, что правое крыло достигло места своего привала только к шести часам вечера, а левое крыло - к двум часам следующего утра; но это большое усилие привело союзников почти в зону досягаемости французской армии. Ночью Мальборо получил известие, что враг поворачивает назад, чтобы сразиться с ним. Он сразу же вскочил в седло, чтобы выстроиться в боевой порядок; но известие оказалось ложным. На самом деле французы убегали так быстро, как только могли, и прежде чем правда дошла до Мальборо, они уже переправились через Дендер. Кавалерия Мальборо немедленно напала на их след, но смогла сделать не больше, чем захватить несколько сотен пленных вместе с большей частью французского обоза. В тот же день поступила точная информация о потере Гента и Брюгге, а также о взятии цитадели Гента. Брюссель сразу же забил тревогу. Французы, как они и опасались, в кои-то веки взяли верх над герцогом. Французская армия стояла лагерем в Алосте, откуда, подобно королю между двумя фигурами в шашках, она угрожала как гентской цитадели, так и Брюсселю; в столице царила паника. Герцог был вынужден отправиться в Аше, на полпути между Алостом и Брюсселем, чтобы восстановить доверие к наводящему страх городу.

28 Июня

9 июля.

Тут к нему присоединился Юджин. Поняв, что прибыть вовремя со своей армией безнадежно, он двинулся дальше в одиночку; да и не мог он прибыть более своевременно, поскольку герцог был настолько ослаблен приступом лихорадки, что едва ли был пригоден к службе. Это был действительно трудный момент. Следующий план французов, очевидно, был направлен на Ауденарде с целью восстановления линии Шельды. Они уже переправились через Дендер и опередили Мальборо на пути к нему, более того, разрушили мосты позади себя; и все же Мальборо не осмеливался двинуться с места, чтобы не подставить Брюссель. Он послал приказ

губернатору Ат собрать столько войск, сколько сможет, и броситься в Ауденарде, что этот офицер пунктуально выполнил; и тогда ничего не оставалось делать, кроме как ждать. Двух дней хватило, чтобы передать цитадель Гента в руки французов и освободить их армию для дальнейших операций. Соответственно, 9 июля Вандом выслал передовые отряды, чтобы окружить Ауденард, и двинулся с основной армией вверх по Дендру к Лессину, откуда он намеревался прикрывать осаду. Велико было его изумление, когда, приблизившись к городу на следующий день, он обнаружил, что Мальборо прибыл туда раньше него и был не только в пределах досягаемости Ауденарда, но и встал между ним и его собственной границей.

29 Июня

10 июля.

Ибо в два часа ночи 9 июля армия союзников выступила в прекрасном порядке пятью колоннами и к полудню преодолела пятнадцать миль до Херфелингена по дороге на Дендер. Четыре часа спустя Кадоган был отправлен вперед с восемью батальонами и таким же количеством эскадронов, чтобы занять Лессин и навести мосты через Дендер; и когда той ночью тату отбили, армия молча выступила маршем еще на тринадцать миль к той же точке. Перед рассветом пришло долгожданное известие, что Кадоган достиг своей цели в полночь, навел мосты и занял позицию, чтобы прикрыть проход войск. Армия двинулась дальше, всегда в идеальном порядке, переправилась через реку и уже занимала свое место для лагеря, когда на дальних высотах показались головы вражеских колонн, которые сначала остановились, а затем отступили. Мальборо на изгибе дуги опередил Вандом на аккорде.

30 Июня

11 июля.

Французы, обнаружив, что все их планы расстроены, теперь повернули на северо-запад к Гавру на Шельде, чтобы укрыться за рекой и преградить продвижение союзников на Брюгге. Но герцог не собирался так легко отпускать их. Бургундия и Вандома не были в хороших отношениях; их разногласия уже вызвали значительное замешательство в армии, и Мальборо был полностью осведомлен об этом факте. На рассвете 11-го неутомимый Кадоган выступил примерно с одиннадцатью тысячами человек^[349] и двадцатью четырьмя орудиями, чтобы подготовить дороги, построить мосты и распределить силы для прикрытия переправы через Шельду ниже Ауденарде. К половине одиннадцатого он добрался до реки, как раз над деревней Эйн, и, поднявшись на невысокие холмы над ручьем и посмотрев на запад, увидел перед собой нечто вроде неглубокого бассейна или амфитеатра, изрезанного небольшими канавками и ручейками и обнесенного изгородями. На юге возвышенность, на которой он стоял, тянулась почти до ледника Ауденарде, оттуда поворачивала на запад от деревни Бевер, переходя в другой широкий холм, называемый Босер-Кутер, к деревне Ойке и дальше, оттуда поворачивала на север через долину реки Норкен к Гюйссе, откуда, продолжая двигаться на север, терялась в болотах Шельды. Близ Ойке берут начало два небольших ручья, которые, следуя некоторое время параллельным курсом, соединяются и впадают в Шельду у Эйне; за ними Норкен протекает под высотами Гюйссе по линии, параллельной Шельде.

Вскоре на земле к северу появились отряды французской конницы. Передовой отряд Вандома под командованием маркиза Бирона неторопливо переправился через Шельду у Гавра, шестью

милями ниже по реке, и теперь двигался поперек своего фронта, выслав фуражиров, в счастливом неведении о присутствии врага. Удар эскадронов Кадогана по фуражирам быстро привел Байрона к Эйну и за его пределы, где он увидел отряд Кадогана из алого и синего батальонов, охранявший мост, и вскоре отряд кавалерии, переправляющийся через реку; Мальборо, обеспокоенный тем, что его авангард все еще был в воздухе, догнал колонну прусской конницы и со всей поспешностью поскакал с ней вперед. Бирон немедленно доложил об увиденном Вандому, который, заметив, что основная масса союзной армии все еще находится не на том берегу Шельды, отдал приказ занять позицию параллельно реке; линия должна опираться слева на деревню Херн и тянуться через Эйн и Беверен к Мурджему справа. Во исполнение своего замысла он направил семь батальонов, чтобы немедленно занять Эрн; но в этот момент вмешался герцог Бургундский. Высоты Гюиссе в тылу Норкена от Аспера до Ваннегема, по его мнению, были предпочтительной позицией; и там, в двух милях от Шельды, он должен был сформировать свою боевую линию, обращенную на юго-восток. Таким образом, армия была отведена на левый берег Норкена, в то время как семь батальонов, подчиняясь тому, что они считали своим приказом, прошли маршем к деревне не Эрн, а Эйн, и при поддержке нескольких эскадронов заняли позицию, отведенную им Вандомом.

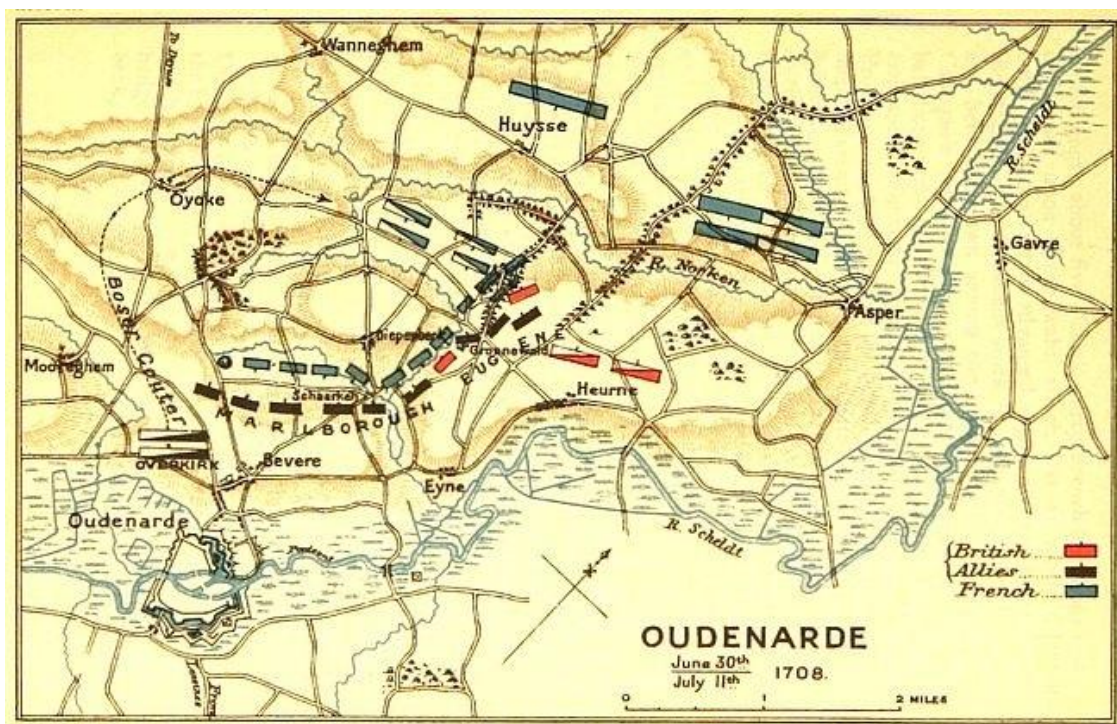
Тем временем, отвечая на срочные сообщения из Мальборо, основные силы союзников поспешили вперед, и к двум часам головная часть пехоты достигла Шельды. Часть кавалерии прошла через Ауденарде, чтобы воспользоваться городским мостом; пехота начала переправляться по понтонам, и Кадоган, чей глаз заметил продвижение французов в Эйн, немедленно отозвал весь свой передовой отряд на левый берег. Бригада Сабин при поддержке двух других форсировала речушку у Эйна, в то время как ганноверская кавалерия подошла к деревне с тыла и отрезала всякую надежду на отступление. Вскоре британцы Сабин вступили в ожесточенный бой; но французы оказали лишь слабое сопротивление. Слабость французского солдата в том, что он слишком быстро понимает, когда его офицеры не дают ему достойного шанса. Три батальона из семи были взяты в плен целиком, остальные четыре были убиты или уведены по частям во время бегства. Кавалерия, воодушевленная своим успехом, затем двинулась под командованием принца Георга против нескольких французских эскадронов в тылу деревни, атаковала их, обратила в бегство и прогнала через Норкен. В этой схватке под принцем подстрелили лошадь, потому что его семья никогда не испытывала недостатка в храбрости, и он помнил день Ауденарде до конца своей жизни.

Герцог Бургундский решил теперь на генеральные действия и сделал все возможное для защиты позиции за Норкеном. Но когда пробило четыре часа, а армия союзников еще не построилась в боевой порядок, он изменил свой план, перебросил кавалерийский корпус справа от себя через ручей и привел в движение весь свой центр и правый фланг, чтобы наступать таким же образом. Мальборо, заметив движение, рассудил, что атака будет направлена против его левого фланга, в надежде, что батальоны Кадогана в районе Эйна останутся изолированными и открытыми для разгрома наступлением французского левого фланга. Два прусских полка Кадогана, которые были выдвинуты вперед на полмили за Эйн к Груневальду, были немедленно усилены еще двенадцатью частями передового охранения; британская кавалерия была сформирована на высотах в Бевере, а прусская кавалерия - справа от союзников, около Хюрне. Больше ничего нельзя было сделать до тех пор, пока остальная часть армии постепенно не переправится через реку, которая отделяла ее от поля боя.

Наконец, около пяти часов тридцать французских батальонов вышли на Груневальд, который пока удерживали только два передовых полка Кадогана, и начали атаку. Пруссаки доблестно оставались на своем посту и держались среди живой изгороди, пока в настоящее время подкрепление Кадогана, а позже еще двадцать батальонов под командованием герцога Аргайлла,^[350] подошло им на помощь. Последовательно выстраиваясь слева от пруссаков по мере их выхода на линию фронта, эти полки расширили поле боя до самого Шеркена на юг; и сражение велось с большим воодушевлением. Местность была настолько огорожена, что бой превратился в дуэли батальонов, в которых участвовали лучшие представители пехоты с обеих сторон. В какой-то момент французы обошли левый фланг союзников и отбросили их назад, но свежие батальоны армии Мальборо продолжали постоянно вступать в бой, которые восстанавливали утраченные позиции и удлиняли линию огня все дальше на юг.

Мальборо и Юджин, которые до сих пор оставались вместе, теперь расстались, и герцог, передав принцу восемнадцать батальонов, поручил ему командование правым флангом. Это пополнение сил позволило Юджину сменить корпус Кадогана, который был вынужден отступить перед Груневальдом, и даже прорвать первую линию пехоты противника. Вслед за этим генерал Нацмар воспользовался моментом, чтобы бросить прусскую кавалерию против второй линии. Его эскадроны были встречены яростным огнем из-за живой изгороди, когда они продвигались вперед; и французская придворная кавалерия, улучив благоприятный момент для атаки, отбросила пруссаков с очень большими потерями.

Тем временем Мальборо с ганноверской и голландской пехотой медленно продвигался вперед слева от него, французы сражались с большим упорством и отвагой, отстаивая каждый дюйм земли от изгороди к изгороди. Наконец враг, оттесненный к Дипенбеку, в нескольких сотнях ярдов в тылу Шеркена, выстоял стойко и, несмотря на все усилия герцога, отказался уступить дорогу еще одной ноге. Но в распоряжении Мальборо все еще оставалось двадцать батальонов голландцев и датчан и почти вся кавалерия левого фланга, и он заметил, что правый фланг французов держится в воздухе. Теперь он приказал маршалу Оверкирку повести эти войска под прикрытием реки Босер-Кутер в обход французов справа и ударить вместе с ними им в тыл. Доблестный старый голландец, хотя и был немощен и болен до смерти, с радостью подчинился. Две бригады были брошены сразу на фланг войск, которые так стойко противостояли Мальборо; в то время как кавалерия быстро продвигалась по обратному склону Бозер-Кутер,^[351] а затем, повернув вправо, ударила в тыл ничего не подозревающим французам. Часть Придворной кавалерии и несколько эскадронов драгун храбро пытались отстоять свои позиции, но их отбросили назад и смели прочь. Войска Оверкирка быстро продвигались вперед, и правый фланг французов был практически окружен со всех сторон.

Лицом к лицу со страницей 500

АУДЕНАРДЕ

30 · July 11th 1708 года.

Теперь, наконец, была предпринята попытка вывести вперед французский левый фланг, который из-за упрямства бургундии или по какой-то непостижимой причине оставался неподвижным на другом берегу Норкена; но было слишком поздно. Пехота, хотя и возглавляемая самим Вандомом, не произвела ни малейшего впечатления, а кавалерия не осмелилась наступать. Местность перед ними была сложной и болотистой, и вся британская кавалерия, отозванная Юджином со своей первой позиции, стояла в ожидании, чтобы броситься на них, как только они двинутся с места. Дневной свет померк, и наступила ночь, но мушкетная стрельба не прекращалась, образуя все более сужающийся огненный пояс, по мере того как союзники все теснее и теснее окружали окруженный правый фланг французов. Наконец, в девять часов Мальборо и Юджин, опасаясь, как бы их собственные войска не вступили в бой друг с другом в темноте, с некоторым трудом выполнили приказ остановиться и прекратить огонь. Огромное количество французов воспользовалось моментом, чтобы спастись бегством, но вскоре все барабаны союзников начали в едином порыве отбивать французское отступление, в то время как офицеры-гугеноты кричали: "Мой, пикардия! Мой, Руссильон!", чтобы собрать вокруг себя остатки рассеянных вражеских полков. Таким образом, было собрано несколько тысяч пленных, но урожай, который был бы собран еще через час дневного света, был потерян. Во французской армии царил неразбериха. Вандома тщетно пыталась удержать войска вместе до утра, но Бургундия отдала приказ к отступлению, и все в беспорядке побежали в сторону Гента.

1 июля 12 .

2-3 июля 13-14 .

Так завершилась битва при Ауденарде, продемонстрировав с одной стороны редкую в наши дни особенность, а именно генеральное сражение без боевого порядка.^[352] Это, несомненно, была самая опасная операция, в которой когда-либо участвовал Мальборо. Его войска были сильно измотаны форсированными маршами. Они выступили в два часа ночи в понедельник и преодолели пятьдесят миль, включая переправу через ту-Риверс, когда вступили в бой в два часа дня в среду. В наши дни было бы немалым подвигом перебросить восемьдесят тысяч человек на расстояние пятидесяти миль за шестьдесят часов, но в те дни плохих дорог и тяжелых вьюков усилия, должно быть, были огромными. Наконец, армии пришлось форсировать Шельду перед лицом врага, и она подверглась немалому риску быть уничтоженной по частям. Тем не менее, опасность, вероятно, была меньше, чем нам сейчас кажется, и генералы в наши дни без колебаний шли на подобный риск с успехом. Французские командующие расходились во мнениях; менее компетентный из них, будучи очевидным наследником престола, скорее всего, был подхалимством офицеров и поддерживался ими вопреки их здравому смыслу; и, наконец, вся французская армия очень боялась Мальборо. Несмотря на небольшой успех в Генте и Брюгге, их восторг быстро испарился, когда в Лессине они увидели "Мальборо". Все это Мальборо хорошо знал, и знал также, что если придется участвовать в импровизированной акции, если можно так выразиться, то на другой стороне не найдется человека, у которого был бы взгляд на поле боя, сравнимый с Юджином и его собственным. Событие оправдало его расчеты; ибо победа была одержана людьми, которые знали, что у них на уме, над людьми, которые этого не знали. Еще час дневного света, как заявил Мальборо, позволил бы ему закончить войну. Общие потери союзников в битве составили около трех тысяч убитыми и ранеными, британская пехота, хотя и вступила в бой в начале, пострадала незначительно, в то время как кавалерия, занятая наблюдением за бездействующими французскими левыми частями, почти не пострадала.^[353] Французы потеряли шесть тысяч убитыми и ранеными и всего девять тысяч пленными, но они были основательно потрясены и деморализованы до конца кампании. Измученная армия союзников лежала ничком на поле боя, в то время как Мальборо и Юджин с нетерпением ждали рассвета. Как только рассвело, сорок эскадронов, по большей части британских, были отправлены в погоню, в то время как Юджин вернулся к своей армии, чтобы ускорить ее марш и собрать материалы для осады. Основная армия остановилась на отдых на два дня там, где она находилась, и за это время поступили сведения, что Бервик был вызван со своей армией из Мозеля и со всей поспешностью продвигался маршем, чтобы занять определенные рубежи, построенные французами для прикрытия их границы от Ипра до Лиса. В полночь пятьдесят эскадронов и тридцать батальонов под командованием графа Лоттама, выдающегося прусского офицера, двинулись к этим рубежам; вся армия последовала за ними на рассвете, и во время марша герцог получил удовлетворительное известие о том, что Лоттам без труда захватил эти рубежи. На следующий день вся армия Мальборо расположилась лагерем вдоль Лиса между Менином и Коммином, на фактической территории Франции.

Июль.

Отдельные колонны были немедленно отправлены за фуражом и сбором контрибуций. Пригороды Арраса были сожжены, и не жалели усилий, чтобы донести до французов, что война

стучится в их собственные ворота. Но союзники все еще сомневались в том, какие операции им следует предпринять в следующий раз. Пока французы удерживали Брюгге и Гент, они также контролировали судоходство по Шельде и Лиссу, так что было жизненно важно склонить Вандому, если возможно, эвакуировать их. Британское правительство готовило силы[354] под командованием генерала Эри для высадки в Нормандии морем, а Мальборо был за сотрудничество с этой экспедицией, маскировку крепости Лилль и проникновение прямо во Францию — план, который читатель должен, по возможности, иметь в виду. Но это предложение было слишком авантюрным, чтобы получить одобрение голландцев, и даже Эжен считал его невыполнимым, если только Лилль не будет сначала захвачен как место боев. В конце концов было решено, несмотря на перекрытие Шельды и Лиса, предпринять осаду Лилля; и вся энергия союзников была направлена на то, чтобы собрать шестнадцать тысяч лошадей для переброски осадного обоза по суше из Брюсселя.

Во время вынужденного бездействия армии в течение следующих нескольких недель монотонность была нарушена только прибытием высокого гостя, Августа Сильного, курфюрста Саксонии и короля Польши, вместе с одним из его трехсот шестидесяти четырех бастардов, двенадцатилетним мальчиком по имени Морис, который сбежал из школы, чтобы вступить в армию. Мы снова встретимся с этим мальчиком в возрасте пятидесяти лет, под именем маршала Сакса, в деревне Фонтенуа, расположенной примерно в двадцати милях отсюда.

1 августа 12 .

Наконец приготовления к осаде были завершены, и огромный конвой выступил из Брюсселя в свой долгий поход. Сейчас, как никогда, настало время для французов нанести удар. Вандома на севере, у Гента, и Бервика на юге, у Дуэ, разделяли сто десять тысяч человек; расстояние, которое предстояло преодолеть конвою, составляло семьдесят пять миль, и путь им преграждали Дендер и Шельда. Однако мастерство, с которым был проведен марш, было таково, что французам так и не удалось даже угрожать огромным, неповоротливым колоннам, которые должным образом достигли места назначения, не потеряв ни одного обоза. Из всех достижений Мальборо и Юджина это, по-видимому, оценивается современными военными как величайшее.[355]

Лилль, столица Французской Фландрии, был одним из первых завоеваний Людовика Четырнадцатого и, если можно так выразиться, любимым городом Версальского двора. Расположенный на болотистой равнине и орошаемый двумя реками, Дьюле и Марке, его естественное положение представляло необычные трудности для осаждающих, и, вдобавок, он был укреплен Вобаном с его величайшим мастерством. Гарнизон, усиленный Бервиком, насчитывал пятнадцать тысяч человек под командованием храброго старого маршала Буффлерса, который помогался чести защищать крепость. К северу, как мы видели, лежала Вандома, а к югу - Бервик, где объединенные силы насчитывали сейчас около девяноста тысяч человек.[356] Мальборо и Юджин с меньшей численностью в восемьдесят тысяч человек[357] сдержали их и взяли одну из сильнейших крепостей в мире на их глазах.

2 августа 13 .

Подробный отчет даже о столь знаменитой осаде был бы утомительным, тем более что доля британских войск, выделенных для регулярной работы в траншеях, составляла всего пять батальонов,[358] но есть несколько характерных особенностей, которые нельзя пропустить. Точкой, выбранной для атаки, была северная сторона, первое продвижение к которой открыл единственный английский солдат, сержант Литтлер из Первого гвардейского,[359] который переплыл Маркетт к французскому посту, контролировавшему переправу через ручей, и опустил подъемный мост. Два дня спустя город был полностью окружен, и Мальборо занял пост с армией прикрытия в Хелчине на Шельде.

Не прошло и двух недель после завершения осады, как герцогу сообщили, что Бервик и Вандома продвигаются к Дендеру, чтобы объединить свои силы при Лессине. После первых маневров, направленных на то, чтобы воспрепятствовать соединению, Мальборо, наконец, решил позволить этому свершиться, будучи удовлетворенным тем, что, если французы намеревались освободить Лилль, они не могли прорваться перед лицом его армии с восточной стороны, а должны были обойти его и подойти к нему с юга. В этом случае, поскольку обе армии двигались бы концентрическими кругами вокруг Лилля как центра, Мальборо, находясь ближе к этому центру, мог быть уверен, что достигнет любой заданной точки на пути к нему раньше французов. Более того, удаление противника с востока на юг избавило бы конвои из Брюсселя от всех неприятностей во время их перехода к осаде.

22 августа
2 сентября.

Как он и ожидал, французы двинулись на юг, к Турне, а затем, повернув на север, вышли на равнину Лилля, где обнаружили Мальборо и Юджина, готовых принять их.[360] Вандом и Бервик получили приказ рискнуть вступить в сражение; и было много громких разговоров об уничтожении союзников. И все же, оказавшись лицом к лицу со своими грозными врагами, они заколебались. Наконец, после недельной задержки, позволившей Мальборо значительно укрепить свои позиции укреплениями, они двинулись вперед, как будто собирались атаковать всерьез, но с позором отступили после бесполезной канонады, не приняв боя. Если бы Мальборо и Юджин не были задержаны голландскими депутатами, маршалам пришлось бы навязать им сражение, хотели они того или нет, но, как бы то ни было, им было разрешено удалиться. До такой глубины унижения Мальборо довел гордую и доблестную французскую армию.

27-28 августа
7-8 сентября.
Sept. 9-10 20-21 .

Отступление дало Юджину возможность энергично продолжать осаду; но крупная атака, которая стоила ему трех тысяч человек,[361] не дала ему преимущества, на которое он надеялся, и неделю спустя Мальборо был вызван из армии прикрытия для оказания помощи. Для следующего штурма контрскарпа герцог одолжил принцу пять тысяч англичан, и говорят, что англичане и французы никогда не сражались так достойно своей репутации, как в тот день; но штурм был трижды отражен, и только благодаря усилиям самого Евгения часть укреплений была наконец захвачена после отчаянных усилий и страшной ценой жизни. В целом осада шла

не очень хорошо. Инженеры допустили грубые ошибки; огромное количество людей было брошено без всякой цели; а боеприпасы и припасы начали подходить к концу. Наконец, баффлеры всегда поддерживали очень мощную оборону.

Сентябрь. 16 27 .

Вандома и Бервик не могли теперь придумать ничего лучшего, как занять сильные позиции вдоль Скарпа и Шельды, от Дуэ до Гента, чтобы отрезать все конвои из Брюсселя. Но Мальборо был готов к этому и не зря захватил Остенде после Рамиллиса. Англия господствовала на море, и экспедиция Эрле, которая почти ничего не добилась на побережье Нормандии, была под рукой, чтобы помочь в перевозке припасов с новой базы. Эрле, обладавший немалым организаторским талантом, вскоре навел порядок в Остенде, захватил два переправы через Ньюпортский канал в Леффинге и Ауденбурге и приготовился отправить свой первый конвой. Поскольку его прибытие имело жизненно важное значение для поддержания осады, французы так же стремились перехватить его, как и англичане - переправить. Соответственно, Вандома отправила графа де ла Мота с двадцатью двумя тысячами человек атаковать его по пути, в то время как Мальборо отправил двенадцать батальонов и полторы тысячи всадников в сам Остенде, еще двенадцать батальонов под командованием генерала Уэбба в Турут и восемнадцать эскадронов под командованием Кадогана в Рулерс, в двух разных точках дороги, чтобы помочь ему добраться до места назначения.

Сентябрь. 17 28 .

Колонна тронулась в путь ночью, а утром Кадоган отправил навстречу графа Лоттама со ста пятьюдесятью всадниками. В полдень Лоттам вернулся в Турут с разведанными о том, что он нанес удар по авангарду французских войск у Ихтегема, в двух милях за Уайннендейлом и примерно в четырех милях от Турута по дороге на Остенде. Уэбб немедленно собрал все батальоны, оказавшиеся в пределах его досягаемости, всего двадцать два, и со всей скоростью двинулся на Ихтегем, ведя впереди себя эскадрон Лоттама. Однако лошадь, выбравшись из ущелья Уайннендейл, обнаружила, что враг продвигается к ним по равнинам, лежащим за ним. Лоттам медленно отступал, вступая в перестрелку, в то время как Уэбб продвигался вперед и расставил своих людей в две шеренги у входа в ущелье. Пролив был ограничен с обеих сторон лесом, и в каждом из этих лесов Уэбб разместил по батальону немцев, чтобы зайти французам во фланг. Едва была завершена диспозиция, как подошел противник и открыл огонь из девятнадцати артиллерийских орудий. Лоттам и горстка его конницы затем отступили, в то время как в самый последний момент еще три батальона подошли к Уэббу с тыла и сформировали его третью линию.

Французская канонада продолжалась почти два часа, но без особого эффекта, поскольку Уэбб приказал своим людям лечь. Наконец, в пять часов французы двинулись в наступление четырьмя линиями пехоты при поддержке такого же количества кавалеристов и драгун. Они продвигались вперед с большой твердостью и вошли в пространство между двумя лесами, их фланги почти касались укрытия, когда они проходили мимо, безмятежно не подозревая об опасности, которая их поджидала. Затем справа и слева по ним обрушился ошеломляющий залп батальонов, укрывшихся в лесу. Оба фланга отступили от огня и в замешательстве сгруппировались в центре. Де Ламот выслал вперед несколько драгун на подмогу; и пехотинцы, придя

в себя, наступали на ряды перед ними. Их атака была настолько энергичной, что они прорвали два батальона первой линии, но брешь, мгновенно заполненная вторым, была отброшена назад. Они снова рванулись вперед, надеясь, что силами восьми шеренг против двух они сметут своего врага. Но вечный огонь по фронту и флангам стал невыносимым, и, несмотря на удары и мольбы своих офицеров, все восемь линий рассыпались в замешательстве, в то время как батальоны Уэбба, хладнокровно продвигаясь взводами, "как на учениях", давали по ним залп за залпом, пока те отступали. Кадоган, который поспешил с несколькими эскадронами на звуки стрельбы, стремился атаковать разбитые войска, но его силы сочли слишком слабыми; и таким образом, после двух часов жаркого конфликта битва при Уайннендейле закончилась. Участвовавшие в нем французы насчитывали почти вдвое больше союзников и потеряли около трех тысяч человек, в то время как союзники потеряли гораздо меньше тысячи человек всех званий. Неспособность французского командующего сигнализировать не умалила заслуг Уэбба, и Уайннендейл считался одним из самых блестящих мелких дел за всю войну.^[362]

11 Октября 22 .

Благополучное прибытие конвоя к Лиллю вселило надежду в осаждающих; и Вандома, теперь полностью осознавшая важность перекрытия сообщения с Остенде, двинулась к этому берегу со значительными силами и, открыв дамбы, погрузила всю страну под воду. Мальборо быстро последовал за ним, но маршал не захотел дожидаться его прихода, и герцог с помощью экипажей на высоких колесах и плоскодонок ухитрился преодолеть трудности, вызванные наводнением. Наконец, после шестидесятидневной осады город капитулировал, и гарнизон отступил в цитадель, где Евгений приступил к новой осаде.

13 ноября 24 .

15 ноября 26 .

17 ноября 28 .

Пока продолжалась новая осада, курфюрст Баварский прибыл на место событий с Рейна, откуда апатия курфюрста Ганноверского самым непростительным образом позволила ему отступить, и осадил Брюссель с пятнадцатью тысячами человек. Это было совершенно новое осложнение; и поскольку французы удерживали линию Шельды в силе, было трудно понять, как Мальборо сможет парировать удар. К счастью, гарнизон защищался с большим духом, английские полки^[363] подавали прекрасный пример, и герцог, ничуть не смутившись, изложил свои планы со своей обычной скрытностью и решительностью. Распространяя слухи, которые он подкреплял ложными движениями, о том, что он собирается разместить свои войска в лагерях, он внезапно и бесшумно двинулся на восток в ночь на 26 ноября, переправился через Шельду в двух разных местах, прежде чем враг узнал, что он рядом с ними, взял тысячу пленных, а затем, направив основную часть своих сил на осаду Лилля, двинулся с отрядом кавалерии и двумя батальонами английской гвардии к Аlostу. По прибытии он узнал, что курфюрст снял осаду Брюсселя и стремительно ушел. Одного имени Мальборо было достаточно, чтобы отпугнуть его.

28 ноября
9 декабря.

Тем временем приготовления Эжена перед Лилльской цитаделью шли быстрыми темпами, и Мальборо уже вынашивал планы дальнейшего строительства еще до завершения кампании. Оба командующих искренне желали принудить Буффлеров к безоговорочной капитуляции; но время поджимало, поэтому 9 декабря доблестный старый маршал и его героический гарнизон выступили с боевыми почестями. Так закончилась памятная осада Лилля. Это стоило гарнизону восьми тысяч человек, или более половины его численности, а союзникам не менее четырнадцати тысяч человек. Почести при осаде определенно принадлежали Буффлеру, и никто не воздавал ему их с большей неохотой, чем Мальборо и Юджин. Тем не менее, как военная операция, проводимая в условиях чрезвычайных трудностей с транспортом, на глазах у превосходящих сил и с возможностью отвлечений, таких как у курфюрста Баварского, она остается одним из высочайших примеров непревзойденного военного мастерства.

Падение Лилля стало тяжелым ударом для Франции, но это был не последний этап кампании. В течение восьми дней Мальборо и Юджин осадили Гент, который после непродолжительного сопротивления сдался с боевыми почестями. Вскоре последовала капитуляция Брюгге, и, когда судоходство по Шельде и Лису было восстановлено, оба командующих, наконец, отправили свои войска на зимние квартиры.

Сентябрь. 13 24 .

Но даже это не исчерпывало суммы английских успехов за 1708 год, поскольку из Средиземноморья пришли известия о другом завоевании, благодаря дальновидному глазу и протянутой руке Мальборо. В начале того же года Голуэй был выведен из Каталонии в Лиссабон, и командование в Каталонии по просьбе Мальборо было передано фельдмаршалу фон Штарембергу, имперскому офицеру с большим опытом и заслуженно высокой репутацией. Штаремберг, однако, мало что мог сделать с десятью тысячами человек против армии Бурбонов, вдвое превосходившей его по численности, поэтому по совету Мальборо эти войска были использованы для поддержки операций средиземноморской эскадры. Сардиния, первая точка, на которую нацелились, была захвачена почти без сопротивления, и затем флот отплыл на Менорку. Здесь встретилось несколько большее сопротивление; но менее чем через две недели работы, достойно руководимой генерал-майором Стэнхоупом, остров был взят с незначительной ценой жизни.^[364] Таким образом, англичане получили свой первый порт на Средиземном море, и весть о взятии Менорки достигла Лондона в тот же день, что и о падении Лилля.

Примечание.—Я не смог обнаружить ни одного боевого порядка для кампании 1708 года. Полки, которые по своему назначению носят название Ауденарде, - это 1-й, 3-й, 5-й, 6-й и 7-й гвардейские драгунские, 2-й драгунский, 5-й уланский, гвардейский гренадерский, гвардейский Колдстрим, 1-й, 3-й, 8-й, 10-й, 15-й, 16-й, 18-й, 21-й, 23-й, 24-й, 26-й, 37-й пешие.

ГЛАВА VIII

1708.

Успехов прошлой кампании было достаточно, чтобы привести британский парламент в хорошее расположение духа и побудить его проголосовать за дальнейшее увеличение численности немецких наемников на следующий год на десять тысяч человек. Тем не менее политические проблемы нарастали, и уже появились признаки того, что правление Годольфина и Мальборо оказалось в опасности. Смерть принца-консорта стала тяжелым ударом для герцога. Принц Джордж, возможно, и заслужил репутацию лорда Маколея за непроходимую глупость, но не может быть никаких сомнений в том, что его тяжелый флегматичный характер оказал бесконечную услугу слабой и непостоянной королеве Анне.

1709.

Однако весной 1709 года казалось разумным надеяться, что мир, который уладил бы все дела, был почти обеспечен. Франция, уже находящаяся при последнем издыхании от истощения, вызванного войной, была еще больше ослаблена суровой зимой, которая добавила голод ко всем другим ее бедам; и Людовик с тревогой стремился, даже ценой унижения, к миру. Он обратился к Мальборо, слывшему самым алчным и коррумпированным человеком, с гигантской взяткой, чтобы добиться хороших условий, но получил решительный отказ. Герцог изложил условия, которые могли бы быть приемлемы для Англии; и если бы переговоры были доверены ему, не может быть никаких сомнений в том, что он добился бы почетного мира, которого он более всех людей искренне желал. Однако его решение было отклонено инструкциями из дома, выдвигавшими условия, на которые Льюис не мог рассчитывать; война была продолжена; и Мальборо, который изо всех сил старался довести ее до конца, был, конечно, обвинен в преднамеренном затягивании ее в своих эгоистичных целях.

Июнь.

15 26 июня .

Французы, которым теперь угрожало вторжение и марш союзников на Париж, значительно усилили свою армию, отозвав войска отовсюду во Фландрию, и поставили командовать своим единственным удачливым генералом, очень способным солдатом и несравненным лжецом, маршалом Вилларом. Чтобы прикрыть Аррас, северо-западные ворота Франции, Виллар возвел мощную линию укреплений от Скарпа в Дуэ до Лиса, которые были широко известны, по названию его штаба, как линии Ла Бассе. Там он лежал, укрепившись до зубов, в то время как Мальборо и Юджин, после долгой задержки из-за поздней весны, расположились лагерем со ста десятью тысячами человек к югу от Лилля, между двумя деревнями, с которыми читатель в свое время познакомится поближе, под названием Линсель и Фонтенуа. Оттуда они двинулись на юг прямо на позиции Виллара, явно готовясь к прямой атаке на них и к тому, чтобы в этом месте пробиться во Францию. Тяжелая артиллерия была направлена к Менину на реке Лис; повсюду ходили слухи о готовящемся штурме, и Виллар, не теряя времени, призвал гарнизон Турне к себе на помощь. 26 июня, в семь часов вечера, Мальборо отдал приказ разбивать палатки и выступать; и вся армия настроилась на кровопролитное сражение перед линией

фронта на рассвете. К общему удивлению, после некоторого продвижения в направлении французов колонны получили приказ изменить направление влево. После нескольких часов марша на восток они пересекли реку, но солдаты не знали, что мост лежит через Капу и что он ведет их через поле битвы при Бувине; и только на рассвете они увидели перед собой серые стены и четыре шпиля Турне и обнаружили, что окружили город.

26 Июня

7 июля.

19-30 июля, 23 августа

3 сентября

.

Турне был укреплен Вобаном и был одной из сильнейших крепостей Франции,^[365] но его гарнизон был ослаблен ничего не подозревающим Вилларом, и на это было мало надежды. Тяжелая артиллерия союзников, отправленная в Менин, спустилась по Лису к Генту и вверх по Шельде к осажденному городу, 7 июля были открыты траншеи, и через три недели, несмотря на демонстрации Виллара и непрекращающийся проливной дождь, Турне был вынужден капитулировать.^[366] Затем последовала осада цитадели, самое отчаянное предприятие, когда-либо предпринятое союзными войсками, поскольку подземные сооружения были более многочисленными и грозными, чем наземные. Таким образом, операции проводились с применением мин и контрмин, с разрушительными взрывами и беспорядочными боями в темноте, которые испытывали нервы солдат почти до предела. Эти люди не возражали против того, чтобы их расстреляли, но они боялись быть похороненными заживо сотней человек в результате взрыва одной мины.^[367] Четыре английских полка^[368] внесли свой вклад в эту работу и сильно пострадали в ходе нее, пока 3 сентября цитадель не капитулировала.

20 августа 31 .

23 августа

3 сентября.

Перед окончанием осады Мальборо и Юджин, оставив достаточные силы перед Турне, отступили с основной армией к позициям у Дуэ. Они давно решили, что рубежи были слишком мощными, чтобы их можно было форсировать, но не видели причин сообщать об этом Виллару. 31 августа лорд Оркни с двадцатью эскадронами и всеми гренадерами армии молча и быстро двинулся на восток, к Сен-Гислену на реке Хейн. Три дня спустя, сразу после капитуляции цитадели Турне, принц Гессен-Кассельский выступил в четыре часа дня в том же направлении; в девять часов Кадоган последовал за ним с еще сорока эскадронами, а в полночь вся армия свернула лагерь и двинулась вслед за ними. Только двадцать шесть батальонов были оставлены перед Турне, чтобы руководить эвакуацией и сровнять осадные сооружения, с приказом внимательно следить за Вилларом и не двигаться, пока он этого не сделает.

26 августа

6 сентября.

Принц Гессен-Кассельский вскоре настиг Оркнейцев, от которых он узнал, что Сент-Гислен слишком сильно удерживался, чтобы нести его небольшим отрядом. Поэтому принц сразу же двинулся дальше. Дождь лил как из ведра, и дороги были похожи на реки, но он продолжал свое продвижение на восток, за леса, окаймляющие Сен, почти без остановок, пока, наконец, в два часа ночи 6 сентября он не повернул направо и не пересек реку у Оберга, в трех милях к северо-востоку от Монса. Перед ним лежала река Труй, протекающая с юга через Монс, а в тылу - линия окопов, возведенных от Монса до Самбра во время последней войны для прикрытия провинции Эно. Короткий осмотр показал ему, что позиции слабо охранялись, и к полудню он миновал их без сопротивления. Его отряд, несмотря на погоду и состояние дорог, преодолел пятьдесят миль до Обербурга за пятьдесят шесть часов.

27 августа
7 сентября.

Слишком поздно Виллар обнаружил, что во второй раз его одурачили и что Мальборо не намеревался пробиваться во Францию через позиции Ла Бассе и влажную болотистую местность за ними, когда он мог пройти позиции Труйля, не потеряв ни одного человека. Он находился в трудном положении, поскольку Монс был всего лишь небольшим гарнизоном и труднодоступен, в то время как в случае захвата он стал бы ценным приобретением для союзников. Подход к нему с запада был практически перекрыт своего рода естественным лесным барьером, протянувшимся, грубо говоря, от Сен-Гислена на реке Эн на севере до Мобежа на реке Самбр на юге. В этом барьере было всего два прохода: Труппа де Буссу между одноименной деревней и Сеном и труппы д'Ольнуа и де Лувьер, которые практически такие же, несколькими милями дальше к югу. Их легче запомнить: северный вход называется Жемаппес, южный - Мальплаке. Как только Виллар понял, что происходит, он со всей скоростью двинул отряд к северному входу, который был ближе всего к нему. Отряд прибыл слишком поздно. Принц Гессен-Кассельский уже был верхом на нем, справа от него - Джемаппес, слева - Чипли. После этого французы отступили, чтобы дожидаться подхода главной армии союзников.

26 августа
сентября. 6.
27 августа
7 сентября.

Тем временем эта армия с трудом преодолела море грязи на северном берегу Хайна и, переправившись через реку, к вечеру окружила Монс на восточном берегу. На следующий день Виллар и вся его армия также прибыли на место происшествия и расположились лагерем в паре миль к западу от лесной преграды от Монреа до Атиса. Здесь к нему присоединился старый маршал Буффлерс, который добровольно предложил свои услуги в столь опасное для Франции время. Прибытие доблестного ветерана вызвало такой шум ликования во французском лагере, что Мальборо и Юджин, не зная, что может предвещать этот шум, вывели из города все войска, кроме небольшой части, и, продвигаясь на запад, на равнину Монс, заставили армию расположиться бивуаком между Чипли и Кеви в боевом порядке.

28 августа
сентября. 8.
29 августа
9 сентября.

Виллар тем временем не двигался с места, будучи достаточно ловким, чтобы угрожать обоим проходам и держать союзников в сомнении относительно того, какой из них ему следует выбрать. Таким образом, в то время как основная масса союзной армии была двинута к Труппе д'Ольнуа, сильный отряд был послан для наблюдения за труппой де Буссу. Той ночью Виллар выслал отряды вперед, чтобы занять южный проход, и к полудню следующего дня вся его армия заняла позиции по ту сторону прохода. Мальборо немедленно двинул свою армию вперед, приблизившись так близко, что его левое крыло обменялось пушечным выстрелом с правым крылом Виллара. Все указывало на немедленную атаку французов, прежде чем они успеют окопаться. Неизвестно, вмешались ли голландские депутаты, чтобы остановить дальнейшие действия. Все, что известно, это то, что был проведен военный совет, на котором после долгих дебатов было решено дожидаться прибытия отряда из Труа де Буссу и войск, оставшихся в Турне, а тем временем восемнадцать батальонов следует отправить на север для взятия Сен-Гислена и окружения Монса, превращенного в блокаду. Очевидно, в какой-то части населения было нежелание рисковать общими действиями.

30 августа
10 сентября.

Теперь Виллар с огромной энергией принялся укреплять свои позиции; и когда Мальборо и Юджин на рассвете следующего утра осматривали оборонительные сооружения, они были поражены грозным видом укреплений. Мальборо снова высказался за то, чтобы атаковать без дальнейших промедлений, но против него выступили голландские депутаты и даже Юджин. Таким образом, атака была назначена на завтра, и был потерян еще один день, который Виллар не преминул использовать с пользой.

Вход с запада в Труе д'Ольнуа, или южный вход на равнину Монс, отмечен двумя деревнями Кампе-дю-Гамлет на севере и Мальплаке на юге. Примерно в миле перед этими деревнями местность поднимается до самой высокой точки, отверстие имеет ширину около трех тысяч шагов, а земля справа и слева изрыта небольшими ручейками. Это была точка, выбранная Вилларом для своей позиции. Справа от него он был ограничен лесом Ланьер, большая часть которого проходила параллельно Труэ, а слева - лесом, известным в разных местах под названиями Теньер, Сарт и Блажи, большая часть которого проходила под прямым углом к Труэ. Виллар занял лес Ланьер своим крайним правым флангом, его батальоны укрепляли естественные препятствия в виде густого и запутанного укрытия с помощью бойни. От опушки леса он соорудил тройную линию окопов, которые тянулись поперек прохода на добрую треть его ширины, когда они уступали место линии из девяти реданов. Эти реданы, в свою очередь, уступили место болоту, за которым располагались новые окопы, которые довели оборону до леса Теньер. В окопах было установлено несколько пушек, а перед реданами - батарея из двадцати орудий. Слева от Виллара леса Теньера и Сарта выступали перед общим фронтом, образуя выступающий угол поворота. Окопы и бойни были построены в соответствии с этой

конфигурацией, и еще две батареи были возведены на этой стороне, в дополнение к нескольким орудиям в различных точках вдоль линии, чтобы вести анфиладный огонь по наступающему врагу. Чувствуя себя даже в такой неуверенности, Виллар соорудил новые укрепления в деревнях Мальплаке и Шоссе-дю-Буа в тылу Сарского леса и продолжал усердно работать над ними до последнего возможного момента перед началом боевых действий. Наконец, в тылу у всех стояла его кавалерия, выстроенная в несколько линий. Все его силы составляли девяносто пять тысяч человек.

Позиция была самой грозной, но у нее были свои недостатки. Во-первых, открытое пространство перед окопами было нарушено на расстоянии примерно полумили небольшой рощицей, называемой тирским лесом, которая могла служить для маскировки передвижений центра союзников. Во-вторых, Сартский лес длинным языком тянулся за укрепленным углом, который эффективно скрывал любые войска, которые могли быть направлены против крайнего левого фланга. Наконец, французская кавалерия, сосредоточенная в тылу окопов, не могла принимать участия в сражении до тех пор, пока оборона не была прорвана, и поэтому была неспособна нанести какой-либо контрудар. Соответственно, Мальборо и Юджин решили провести ложную атаку справа от французов и настоящую атаку их левого фронта и фланга. Тогда Виллару пришлось бы усилить свой левый фланг из центра, что позволило бы прорвать оборону на открытой местности, а всей кавалерии союзников броситься вперед и рассечь линию французов надвое.

31 августа

11 сентября.

Рассвет 11 сентября наступил в густом тяжелом тумане, который полностью скрыл сражающихся друг от друга. В три часа в лагере союзников была прочитана молитва, а затем артиллерия была выдвинута на позиции. Сорок орудий были собраны в единую батарею на открытой местности против французского левого фланга и были прикрыты погонами для защиты от анфиладного огня; еще двадцать восемь были размещены против французского правого фланга, а более легкие части были распределены, как обычно, между различными бригадами. Затем были сформированы колонны для атаки. Двадцать восемь батальонов под командованием графа Лоттама были направлены против восточного фаса выступающего угла Теньерского леса, а сорок батальонов армии Эжена под командованием генерала Шулемберга - против северного фаса, в то время как немного правее Шулемберга две тысячи человек под командованием генерала Говена должны были наступать на левый фланг французов в тылу их окопов. В тылу у Шулемберга пятнадцать британских батальонов под командованием лорда Оркни были выстроены в одну линию на открытой местности, готовые двинуться против центра, как только Шулемберг и Лоттам выполнят свою работу. Далеко за Говеном слева от французов генерал Уизерс с пятью британскими и четырнадцатью иностранными батальонами и шестью эскадронами должен был повернуть крайний левый фланг французов у деревни Ла Фоли.

Для маневра против французского правого фланга тридцать один батальон, в основном голландский, был собран под командованием принца Оранского. Кавалерия была распределена по разным дивизиям для поддержки пехоты. Принца Оранского поддерживал двадцать один голландский эскадрон под командованием принца Гессенского, Оркнейский - еще тридцать под командованием Оверни, Лоттум - британская и ганноверская кавалерия, а

Шулемберг - конница Юджина. Приказ, отданный кавалерии, состоял в том, чтобы поддерживать пехоту как можно плотнее, не продвигаясь на расстояние картечного выстрела, и, как только центральные окопы будут вынуждены продвигаться вперед, построиться перед окопами и вытеснить французскую армию с поля боя. Все силы союзников были настолько близки, насколько это возможно, к силам французов.

В половине восьмого туман рассеялся, и орудия обеих армий открыли огонь. После этого Юджин и Мальборо разделились, причем первый возглавил правый, а второй - левый фланг армии. Затем дивизии Оранжа и Лоттама двумя плотными колоннами двинулись вверх по поляне. Вскоре голландцы остановились на расстоянии картечного выстрела, в то время как колонна Лоттума продвигалась вперед под ужасающим огнем в тыл сорокапушечной батареи и развернулась вправо в три линии. Затем огонь пушек на время ослаб, пока около девяти часов залп из сорока орудий не дал сигнал к атаке. После этого дивизии Лоттума и Шулемберга двинулись перпендикулярно друг другу, каждая в три линии, люди Говена незамеченными прокрались в лес, а Оркнейцы растянули свои алые батальоны по поляне.

Войдя в лес, австрийцы Шулемберга пробирались по болотам, ручьям и поваленным деревьям, все ближе и ближе подбираясь к французским окопам. Враг подпустил их на расстояние пистолетного выстрела и дал залп, который отбросил их назад; и хотя австрийцы растянули свою линию до тех пор, пока она не соединилась с отрядом Говена, все же они мало что могли сделать против огня французов. Атака Лоттума была немногим более успешной. Не обращая внимания на шквал обстрелов спереди и с флангов, немцы упорно продвигались вперед, миновали болото и ручей под яростным огнем и яростно атаковали бруствер за ними; но, сбитые с толку землей и поредевшие от тяжелых потерь, они были вынуждены отступить. Затем Шулемберг возобновил атаку своей второй линией, но при всех своих усилиях не смог удержать оборону противоположного угла. Пикардийский, старший полк французской линии фронта, удерживал этот пост и не уступил бы его при самом ожесточенном штурме. Максимум, чего мог добиться Шулемберг, - это смести полки в лесу и таким образом обнажить свой фланг.

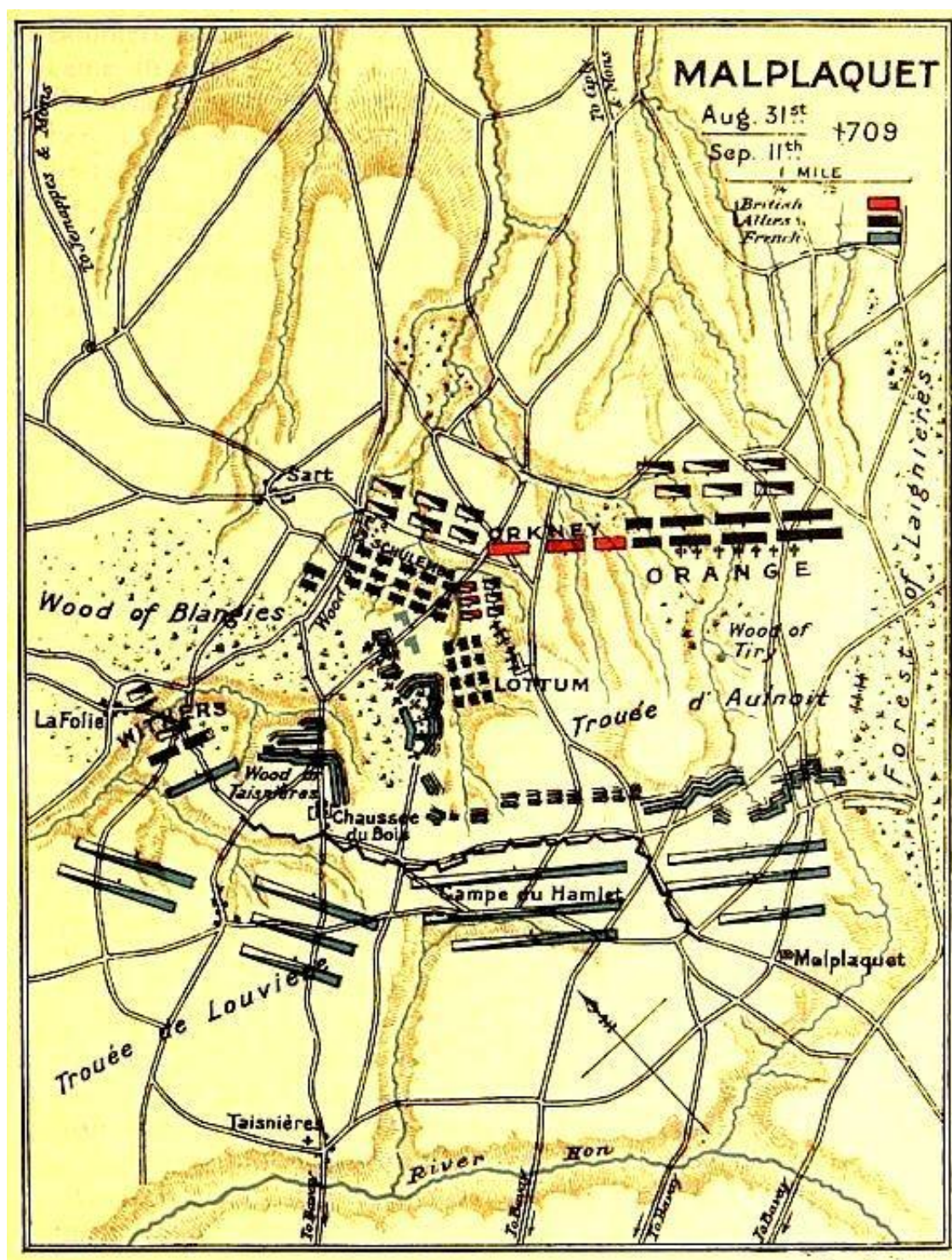
Лоттам тоже расширил свой фронт и атаковал еще раз, оркнейцы выделили ему на помощь три британских батальона: "Баффс", "Шестнадцатый" и "Темпл", в то время как Мальборо принял личное командование кавалерией Оверни в поддержку. Баффы на крайнем левом фланге Лоттума обнаружили между собой и окопами болото, настолько глубокое, что стало почти непроходимым. Несмотря на это, они ворвались внутрь и с трудом пробивались сквозь нее, когда французский офицер вывел двенадцать батальонов и двинул их прямо на их левый фланг. Британская бригада оказалась бы в плачевном положении, если бы Виллар не увидел Мальборо во главе конницы Оверни и немедленно не отозвал свои войска. Итак, красномундирники двинулись дальше и, обойдя окоп с фланга, в то время как люди Лоттума атаковали спереди, в конце концов отчаянными боями и большими потерями вынудили французов отступить в лес. Подвергнутая таким образом двойной атаке Лоттама и Шулемберга, Пикардия в конце концов отступила, но присоединилась к Шампани, следующему по старшинству полку; и два доблестных корпуса, найдя опорный пункт за бойней, повернули и снова встали. Их товарищи в беспорядке отступили, но лес был таким густым, что войска с обеих сторон разделились, и линии противника распались на череду небольших отрядов, отчаянно перебегающих от дерева к дереву, не имея другого руководства, кроме собственной ярости.

Укрепления слева от французов были прорваны; и Виллар отправил срочные сообщения справа от себя о подкреплении. Но Буффлерс не мог выделить ему никого. После того как Шулемберг и Лоттум вели бой в течение получаса, принц Оранский потерял терпение и, не дожидаясь приказов, начал не ложную, а настоящую атаку на французских правых. На крайнем левом фланге дивизии Оранжа находились два шотландских полка голландской службы, Туллибардинский и Хепбернский, а рядом с ними любимая Голубая гвардия короля Вильгельма. Они должны были атаковать укрепления в лесу Ланьер, в то время как остальные атаквали окопы на открытом месте; и именно во главе горцев и Синей гвардии занял свое место Оранж. Мощный картечный залп и ружейная пальба приветствовали их продвижение, и в течение первых нескольких ярдов большая часть персонала принца была сражена насмерть рядом с ним. Его собственная лошадь пала замертво под ним, но он выпутался и продолжил пешее наступление. Еще через несколько минут его батальоны попали под огонь французской батареи на левом фланге. Целые шеренги были сметены, но все еще можно было видеть, как принц размахивал шляпой перед своими войсками; и горцы и голландцы, упорно наступая, с ходу захватили первый окоп. Затем они остановились, чтобы развернуться, но прежде чем они смогли продвинуться дальше, Баффлерс собрал своих людей и, бросившись на нападавших, отбросил их назад сломя голову. Справа от Оранжа успех, столь же недолговечный, был куплен столь же дорогой ценой. Принц по-прежнему проявлял предельную храбрость, но его атака была отбита на всех участках. Потери голландцев составили шесть тысяч убитыми и ранеными; Голубая гвардия была уничтожена, а ганноверские батальоны, которые их поддерживали, пострадали немногим менее серьезно. На самом деле поспешность принца привела к немногим меньшему, чем катастрофа.

Неразбериха на этом участке поля боя призвала и Мальборо, и Юджина на левый фланг союзников, чтобы восстановить порядок. Дальнейшие бесполезные жертвы были остановлены, поскольку было сделано достаточно, и даже более чем достаточно, чтобы помешать Буффлерам направить войска к Виллару. Но вскоре пришло срочное сообщение, требующее их повторного присутствия справа. Шулемберг и Лоттам продолжали продвигаться в атаку, насколько могли; а англичане в красных мундирах, пруссаки в синих мундирах и австрийцы в белых мундирах пробивались вперед от дерева к дереву, спотыкаясь о поваленные стволы, продираясь сквозь спутанную листву, задыхаясь в трясинах, заряжая, стреляя и ругаясь, ориентируясь только по вспышкам перед ними в облаке вонючего слепящего дыма. Но теперь крайний справа Уитерс неуклонно наступал; и его поворот, хотя герцог и Евгений об этом не знали, постепенно вытеснял французов из леса. Виллар, видя опасность, вызвал ирландскую бригаду и другие полки из центра и бросил их в атаку на британцев и пруссаков. Стремительность ирландцев была такова, что они оттеснили их на некоторое расстояние, пока их собственный строй не был нарушен густотой леса. Юджин поспешил на место, чтобы сплотить отступающие батальоны, и, хотя был ранен мушкетной пулей в голову, отказался покидать поле боя. Затем появился Уитерс, как раз когда он был нужен. Восемнадцатый Королевский ирландский полк встретился с Французским королевским полком Ирландии, разгромил его двумя залпами за счет явного превосходства в огневой мощи, в беспорядке отбросил назад и продолжил наступление.^[369] Юджин также продвинулся вперед и был встречен Вилларом, который в этот критический момент лично выдвигал свое подкрепление. Мушкетный выстрел поразил маршала выше колена. Совершенно невозмутимый доблестный человек потребовал стул, с которого мог продолжать руководить своими войсками, но вскоре, потеряв сознание от боли, был вынесен с поля боя без чувств. Французы, несмотря на его падение, все еще сдерживали продвижение

союзников, но они были выбиты из своих окопов и из леса слева и удерживали свои позиции только благодаря помощи войск, которые были отведены из центра. Момент, которого так долго ждал Мальборо, наступил.

Сорокапушечная батарея была выдвинута вперед, и Оркней, возглавивший свои британские батальоны против реданцев, захватил их, хотя и не без значительных потерь, при первом же натиске. Два ганноверских батальона слева от них обошли фланги прилегающих окопов, и Оранж, возобновив свою атаку, полностью очистил оборонительные сооружения на поляне. Кавалерия союзников следовала за ними по пятам. Голландцы из Оверни первыми миновали окопы, и, хотя французы атаковали их в процессе развертывания, им удалось отразить первую атаку. Но теперь подошли Буффлеры во главе французской жандармерии и неудержимо оттеснили их к краю окопов. Здесь, однако, французы были остановлены, поскольку оркнейцы выстроили вдоль бруствера своих британцев, и хотя жандармерия трижды доблестно пыталась покончить с голландцами, огонь пехоты всякий раз отбрасывал их назад. Тем временем центральная батарея, разделенная справа и слева на два дивизиона, продвинулась вперед и поддержала пехоту перекрестным огнем, а Мальборо, подошедший с британской и прусской кавалерией, в свою очередь атаковал жандармерию. Баффлерс, однако, снова был готов со свежими войсками и, обрушившись на Мальборо с кавалерией французского дома, прорвал две его передовые линии и привел в беспорядок даже третью. Затем Евгений, подошедший с императорской кавалерией, бросил в рукопашную последние резервы и отбросил французов назад. Одновременно принц Гессенский бросил свои эскадроны против пехоты французского правого фланга и с помощью голландской пехоты еще больше изолировал ее от центра. Затем Буффлерс увидел, что день потерян, и приказал общему отступлению к Бавэ, пока он еще мог держать свои войска вместе. Движение велось в замечательном порядке, ибо французы, хотя и были разбиты, не были обращены в бегство, в то время как союзники были слишком измотаны, чтобы преследовать противника. Итак, Баффлерс удалился без помех, хотя еще не было трех часов, одинаково почитаемый друзьями и врагами за свою храбрость и мастерство.

Лицом к лицу со страницей 524

МАЛЬПЛАКЕ

31 августа 11 сентября 1709 года.

Так завершилась битва при Мальплаке, одна из самых кровопролитных, когда-либо сражавшихся смертными. О деталях боевых действий известно мало, поскольку они

происходили в тени Теньерского леса, где ни один человек не мог видеть, что происходит дальше. Все, что несомненно, - это то, что ни одна из сторон не сдалась и что бой был не только ожесточенным, но и жестоким. Потери французов составили около двенадцати тысяч человек, а взятые у них трофеи, на фоне которых они могли продемонстрировать свои собственные трофеи, составляли пятьсот пленных, пятьдесят штандартов и знамен и шестнадцать орудий. Потери союзников составили не менее двадцати тысяч человек убитыми и ранеными, главным образом из-за безумного наступления принца Оранского. Голландская пехота из тридцати батальонов потеряла восемь тысяч человек, или более половины своей численности; британцы из двадцати батальонов потеряли тысячу девятьсот человек, [370] самыми тяжелыми пострадали гвардейцы Колдстрима, Баффы, Оррери и Темпл. [371]

Чем внимательнее изучается битва, тем больше укрепляется убеждение, что ни одно действие Мальборо не велось в меньшем соответствии с его собственными планами. Мы видели, что он предпочел бы сразиться с ним в любой из двух предыдущих дней, и что он уступил Юджину вопреки своему собственному суждению, позволив отложить поединок. С другой стороны, имела место почти преступная глупость принца Оранского, которая нарушила все предварительные договоренности, напрасно унесла тысячи жизней и не только позволила французам отступить невредимыми к концу дня, но и серьезно поставила под угрозу успех операции в ее начале. Тем не менее, все еще есть люди, которые не хотят верить клевете презренной фракции, пришедшей тогда к власти в Англии, о том, что Мальборо сражался из чистой жажды убийства.

Тем не менее, несмотря на все промахи, которые были совершены не Мальборо, Мальплаке был очень грандиозным мероприятием. Французы были равны по численности союзникам и занимали позицию, которая в то время была описана как укрепленная цитадель. Ими командовал способный генерал, которого они любили и которому доверяли, у них было доброе сердце, и они уверенно смотрели вперед, на победу. И все же они были отброшены назад и вынуждены оставить Монс на произвол судьбы; и хотя Виллар со своим обычным бахвальством описывал победу как более катастрофическую, чем поражение, все же французские офицеры не могли не спросить себя, не было ли сопротивление Мальборо и Юджину безнадежным. Люксембург с семьюдесятью пятью тысячами человек против пятидесяти тысяч лишь с трудом преуспела в форсировании ошибочной позиции у Ландена; и все же французам не удалось удержать гораздо более грозные рубежи Мальплаке против армии, не более сильной, чем их собственная. Что бы ни говорил Виллар, а вне всякого сомнения, он прекрасно сражался, этот вывод не мог обнадежить Францию.

Сентябрь. 28
9 октября.

Только на третий день после сражения союзники вернулись к укреплениям Монса. Юджин был ранен, а Мальборо не только измучен усталостью, но и глубоко опечален тем, что ему пришлось пожертвовать жизнью. Осада замедлялась из-за болотистой местности и сильного дождя; но 9 октября гарнизон капитулировал, и на этом кампания подошла к концу. Турне обеспечил союзникам прочный плацдарм в Верхней Шельде, а Монс имел большое значение как

прикрытие захваченных городов во Фландрии и Брабанте. Сезон не обошелся без хороших результатов, несмотря на тяжелые потери в Мальплаке.

ГЛАВА IX

1708.

Я еще раз возвращаюсь в Испанию, где армии Бурбонов возобновили боевые действия зимой 1708 года. В конце октября генерал д'Асфельд, впервые захвативший Дению после короткой осады, двинулся против Аликанте, в котором находился гарнизон из восьмисот британцев^[372] и гугенотов под командованием генерал-майора Джона Ричардса. Осада Аликанте запомнилась главным образом тем, как погиб Ричардс. Замок был построен на цельной скале, и единственным возможным способом разрушить его оборону было минирование. После трех месяцев непрерывной работы д'Асфельд прорубил галерею в скале под замком, зарядил ее семьюдесятью пятью тоннами пороха, а затем потребовал от Ричардса сдаться, предложив ему в то же время прислать двух офицеров для осмотра шахты. Соответственно, были посланы два офицера, которые вернулись с докладом о том, что взрыв мины, несомненно, будет разрушительным, но, по их мнению, не смертельным для дальнейшей обороны. Поэтому Ричардс отклонил вызов и, хотя д'Асфельд трижды повторил его, не дал никакого другого ответа.

1709.

20 февраля

3 марта.

Непосредственно над галереей стояли два стражника, каждый по тридцать человек, которых нельзя было отозвать без угрозы для безопасности замка. Ранним утром, назначенным для подрыва мины, часовые были расставлены, как обычно, расхаживая взад-вперед на свежем утреннем воздухе, когда генерал Ричардс и все старшие офицеры гарнизона, свободные от дежурства, пришли и присоединились к ним. Они пришли поддержать своих людей в час суда. Незадолго до шести тонкий столбик голубого дыма поднялся вверх по скале, и капрал охраны доложил, что была зажжена спичка. Ричардс и его офицеры оставались непоколебимы, охрана стояла с оружием в руках, а часовые оставались на своих постах. Вскоре вся скала снова задрожала; земля под их ногами раскололась на огромные расщелины, которые на мгновение с отвратительным глухим ревом разверзлись и тут же закрылись. Когда грохот прекратился, на скале все еще оставалось восемнадцать человек, но Ричардс с одиннадцатью другими офицерами и сорока двумя их товарищами были поглощены, как и отряд Кореяха. И все же Ричардс был прав, ибо, когда шесть недель спустя прибыли адмирал Бинг и генерал Стэнхоуп, гарнизон замка все еще оставался непокоренным. Но было сочтено за лучшее эвакуировать его, поэтому небольшой отряд был уведен в Маон, оставив Ричардса и его отважных товарищей спать в недрах скалы. Среди забытых могил британских солдат, которые так густо засеяны по всему миру, по крайней мере, одна защищена от разрушительного действия времени - живая

могила, над которой Джон Ричардс и его товарищи стояли, не испытывая страха, пока она не откроется и не поглотит их в Аликанте.

26 апреля

7 мая.

Вскоре после вывода гарнизона из замка лорд Голуэй и португальцы открыли кампанию на стороне Португалии близ Кампо Майор. Их общая численность составляла около пятнадцати тысяч человек, включая едва ли три тысячи британских пехотинцев^[373] и артиллерию; но самым слабым местом было то, что им командовал португальский офицер, маркиз де Фронтерия. Ему противостояли пять тысяч испанских всадников и десять тысяч испанских пехотинцев под командованием маркиза де Бея, который продвинулся со своей кавалерией только до равнины Гудина на левом берегу Кайи, чтобы переманить Фронтерию за реку. Голуэй умолял Фронтерию не думать о нападении на Бей, но португальский командующий, пренебрегши его советом, отправил всю свою кавалерию вместе с Пятым, Двадцатым, тридцать девятым и пешим британскими полками Пастона через Кайю и собрал их, всего менее пяти тысяч человек, на равнине за ней.

Бей немедленно послал за своей пехотой, но, не дожидаясь ее, смело атаковал португальскую кавалерию на правом фланге Фронтерии. Прежде чем испанская кавалерия смогла добраться до них, португальцы развернулись и обратились в бегство, оставив фланг британской пехоты незащищенным. Четыре полка, однако, выстояли стойко и, отразив три атаки, образовали полое каре и начали неуклонное и организованное отступление. Тем временем Голуэй послал вперед бригадира Сэнки с тринадцатым полком, полком Стэнвикса и каталонским полком в поддержку, но прежде чем они смогли добраться до своих товарищей, Бэй атаковал другое крыло португальской кавалерии, которое бежало так же стремительно, как и первое, и, повернув все свои силы против бригады Сэнки, полностью изолировал ее и вынудил сдаться. Все потери, как обычно, легли на плечи британцев, и Голуэй, не слишком торопясь, поклялся, что они никогда больше не будут сражаться бок о бок с португальцами.

1710.

Сражение на реке Кайя практически положило конец кампании в Португалии 1709 года. Операции в Каталонии в том же году не требуют особого внимания; и только в июле следующего года Штаремберг, усиленный британцами^[374] и немцами численностью в двадцать тысяч пехотинцев и пять тысяч всадников, смог активно выступить на поле боя. В то время он находился в Аграмоне на Сегре, а испанская армия под командованием Вильядариаса, безуспешно осаждавшего Гибралтар, находилась в паре переходов к югу от него в Лериде. Штаремберг решил немедленно перейти в наступление и перенести войну в Арагон.

16-27 июля .

Перейдя Сегре, он послал вперед генерала Стэнхоупа с небольшим отрядом драгун и гренадер, чтобы захватить перевал Альфарас прежде, чем испанцы смогут добраться до него. Стэнхоуп выполнил свою задачу со своим обычным усердием, и прибытие испанской армии через

несколько часов после него привело к блестящему небольшому кавалерийскому сражению при Альменаре. Шансы союзников были велики, поскольку у них было всего двадцать шесть эскадрилий против сорока двух вражеских. Обе стороны, выстроившись в две шеренги, некоторое время наблюдали друг за другом в бездействии, Штаремберг не решался позволить Стэнхоупу атаковать. В конце концов, однако, он отпустил его. Первая линия, в которой находились все британцы, бросилась вперед с генералами Стэнхоупом и Карпентером во главе против испанской кавалерии и после ожесточенного боя отбросила их назад. Вторая линия последовала за ними и отбросила их еще дальше к их пехоте. Среди испанцев началась паника, и вскоре вся испанская армия начала полное отступление к Лериде. Потери противника составили тысячу триста человек убитыми и ранеными; потери союзников не превышали четырехсот, половина из которых были британцами.[375]

7 августа 18 .

Сентябрь. 17 28 .

После более чем двухнедельного пребывания в Лериде король Филипп призвал Бея сменить Вильядариаса, но, сочтя невозможным наступление перед лицом Штаремберга, отступил в направлении Сарагосы. Штаремберг немедленно пустился в погоню, настиг Бея под стенами Сарагосы и наголову разбил его.[376] Вопреки собственному здравому смыслу он затем двинулся на Мадрид и во второй раз привел эрцгерцога Карла в свою столицу. Основная часть армии была расквартирована в пригородах, но сильный отряд под командованием Стэнхоупа был отправлен занять Толедо и, сделав это, следовать вдоль Тежу к мосту Альмарас, где он должен был соединиться с войсками, которые должны были наступать из Португалии.

Сентябрь.

Едва план сформировался, как его разорвали на куски. Получив известие о поражении при Сарагосе, Людовик Четырнадцатый немедленно сформировал армию из своих гарнизонов на границе и отправил ее на юг под командованием Вандома. К концу сентября он объединил свои силы с силами Бея в Аранде на реке Дору и стягивал свежие войска со всех сторон. Все население, поддерживавшее его, хорошо снабжало его разведанными. Прежде чем Стэнхоуп или португальцы смогли добраться до Альмараса, Вандома атаковала его и разрушила мост. Стэнхоуп волей-неволей отступил в Толедо, а Вандом, собрав к этому времени силы, превосходящие силы союзников, двинулся вверх по Тежу и расположился лагерем на историческом поле Талавера.

22 ноября
, 3 декабря.

25
ноября. 6.

27
ноября. 8.

Теперь Штаремберг счел необходимым эвакуировать Мадрид. Эрцгерцога Карла приняли холодно, припасы подходили к концу, а армия была сильно ослаблена болезнями. Поэтому, отозвав Стэнхоупа из Толедо, он отступил вверх по левому берегу Тахуны; армия, для удобства

получения фуража и припасов, маршировала пятью колоннами разных наций — немцев, голландцев, испанцев, португальцев и британцев. На третий день марша первые четыре колонны прибыли в Сифуэнтес, а британцы, составлявшие арьергард, отошли за реку к Бриуэге примерно в четырнадцать миль от остальных. Стэнхоуп заметил большой кавалерийский отряд, следовавший за ним по пятам во время марша, и доложил об этом Штарембергу, но, тем не менее, получил приказ остановиться еще на один день и собрать провизию. На следующее утро кавалерия противника появилась на холме в полном составе, а через несколько часов, к великому изумлению Стэнхоупа, к ней присоединилась его пехота. Его попытки получить разведданные были сведены на нет враждебностью крестьян, и ни он, ни Штаремберг не имели ни малейшего представления о том, что в радиусе пятидесяти миль от них есть какая-либо пехота. По правде говоря, этот пеший отряд под руководством Вандома преодолел сто семьдесят миль за семь дней - марш невероятной скорости, который, по собственным словам Стэнхоупа, стал его гибелью. К пяти часам вечера Бриуэга была полностью окружена девятью тысячами человек, и бегство британцев стало невозможным.

Положение Стэнхоупа было отчаянным. У него было всего восемь батальонов и восемь эскадронов, все настолько ослабленные, что вместе насчитывали всего две тысячи пятьсот человек. Город, который был довольно обширен, не имел никаких укреплений, кроме старой мавританской стены, слишком узкой в большинстве мест, чтобы позволить себе банкетку для мушкетеров. Кроме того, улицы были узкими, и со всех сторон их окружали холмы, находящиеся в пределах досягаемости артиллерии и даже мушкетного огня. Тем не менее он мог продержаться, пока Штаремберг не придет ему на помощь; поэтому, отвергнув призыв сдаться, он забаррикадировал ворота, соорудил, насколько мог, окопы и с наступлением темноты отослал своего адъютанта, который с большим риском прорвался через вражеские позиции, в лагерь Штаремберга.

28 ноября

9 декабря.

В полночь прибыли король Филипп и Вандом с остальной армией, конницей, пешими и артиллерией, увеличив численность наступающих более чем до двадцати тысяч человек. К утру были уже установлены две батареи, которые открыли огонь в девять часов. В стене были быстро проделаны две бреши, которые британцы могли заделать только под огнем, и была вырыта мина для создания третьей. В три часа пополудни была предпринята атака на обе бреши, которая встретила энергичное сопротивление. Пока вокруг них бушевал бой, была взорвана мина и образовалась третья брешь, через которую проникли крупные отряды противника, прежде чем их заметили. Однако британцы повернулись к ним и снова выбили их оттуда. Наконец, первая атака была полностью отбита; и французы окопались в проломах в ожидании подкрепления. Снова атака была возобновлена, и снова она была отброшена с большими потерями под смертоносным огнем англичан. Боеприпасы начали подходить, но маленький гарнизон держался штыками, отстаивая каждый дюйм земли, конница и драгуны сражались, спешившись, рядом с пехотой, и каждый делал все, что в его силах. Вынужденные в конце концов отступить из своих окопов, британцы подожгли дома, захваченные врагом, и после четырех часов упорных боев все еще удерживали лучшую часть города. Но их боеприпасы к этому времени были почти израсходованы, и не было никаких признаков появления Штаремберга; поэтому в семь часов Стэнхоуп, не желая напрасно жертвовать жизнями своих

людей, капитулировал, и он сам и его доблестный маленький отряд стали военнопленными. Никогда британские войска не сражались лучше, чем при Бриуэге; но даже там, где все были так отличились, Стэнхоуп не мог удержаться от особой похвалы шотландским гвардейцам. Общие потери британцев составили шестьсот человек убитыми и ранеными. Потери противника были почти в три раза больше.

29 ноября

10 декабря.

30 ноября

9 декабря.

Только утром следующего дня Штаремберг приблизился к Бриуэге и, встретив передовые эскадроны Вандома, выстроил свою армию для сражения на равнинах Вилья-Висиоза. У него было всего тринадцать тысяч человек против двадцати тысяч, но он умело распределил свои силы, расположив левый фланг за глубоким оврагом и укрепив правый, который лежал на открытой равнине, соединив батальоны со своими несколькими слабыми кавалерийскими эскадронами. Присутствовавшие британские войска - драгуны Лепеля, пехота Дюбурже и Ричарда - были размещены слева. Сражение началось продолжительной канонадой, после чего правая конница Вандома пересекла овраг и, обрушившись с большим духом и в подавляющем количестве на левую часть Штаремберга, после короткого сопротивления полностью смела ее. Английские драгуны были очень жестоко наказаны, и два батальона были разбиты на части. Центр также был разбит; и победоносные испанцы сразу же напали на обоз за ним и начали грабить. Но право союзников настояло на своем, и Штаремберг, воспользовавшись беспорядком среди испанцев, с большим хладнокровием и мастерством сумел превратить сражение в ничью. Все это сражение, действительно, любопытным образом воспроизводит черты ранних сражений нашей собственной Гражданской войны. Однако на следующий день Штаремберг был вынужден отступить, оставив свою артиллерию врагу; и хотя Барселона, Таррагона и Балагер все еще оставались за австрийской стороной, кампания завершилась потерей союзниками всей Испании.

Я не буду утруждать читателя описанием мелких операций следующего года, поскольку война на полуострове была практически завершена сражениями при Бриуэге и Вилья-Висиоза. Скачкообразный характер операций сделал их трудными и, боюсь, утомительными для читателя, не говоря уже о неудовлетворенности, которая неизбежно сопровождает длинный рассказ о неудаче. Разобщенность целей и крайняя неэффективность португальцев были главными недостатками союзников на протяжении всей войны; большое расстояние от их настоящих баз в Портсмуте и Брилле было их главным недостатком. Снова и снова французам удавалось исправить поражение, отправляя свои гарнизоны из приграничных городов за Пиренеями. Слишком поздно, после назначения Штаремберга, союзники решили, что было бы лучше вести войну на полуострове с немцами, которые могли бы пройти маршем по Италии и пересечь Средиземное море в Каталонию, а не с англичанами и голландцами, которые должны совершить долгий и опасный переход через Бискайский залив и через проливы. Но истинный секрет успеха бурбонов, как давным-давно указал лорд Маколей, заключался в том факте, что общее настроение Испании было на их стороне, силе, которая еще через столетие прославит великого английского полководца в другой, более масштабной войне на полуострове.

К сожалению, бедствия 1710 года затронули не только Испанию. Вплоть до осени 1709 года казалось, что Англия все еще была настроена продолжать войну до тех пор, пока не были достигнуты цели Великого союза. Семь новых полков[377] во всяком случае, в течение года были сформированы, что может быть воспринято как свидетельство серьезных намерений. Но с 1707 года Роберт Харли, которого будут помнить как инициатора идиотского движения за роспуск, которое едва не изгнало короля Вильгельма из Англии, использовал все ресурсы слабого, хитрого и нечестного характера, чтобы подорвать правительство, которое до сих пор триумфально вело страну через борьбу. Несчастьем Великобритании в то время было то, что она находилась во власти главным образом трех женщин: королевы Анны, герцогини Мальборо и миссис Мэшем. Из них только герцогиня обладала какими-либо способностями, которые, однако, были сильно обесценены ее назойливым и властным нравом. Пока она сохраняла свое влияние на Анну, дела шли неприятно для королевы, но в целом хорошо для страны; когда ее неуправляемый нрав загнал Анну в объятия миссис Мэшем, королева вела более спокойную жизнь, но страна страдала. Мальборо, который знал об ослаблении влияния своей жены и предвидел последствия, по возвращении из кампании 1709 года из всех сил старался обеспечить себе постоянную власть, попросив, чтобы его сделали пожизненным главнокомандующим. Просьба была бестактной и беспрецедентной. Анна, сильно оскорбленная, ответила решительным отказом, который Мальборо, в кои-то веки забыв о своем обычном спокойствии, воспринял с преступной недоброжелательностью.

До сих пор королева, несомненно, была права, а Мальборо, несомненно, ошибался; но в начале нового года ситуация изменилась на противоположную. Звание полковника полка оказалось вакантным и было заполнено королевой по представлению не главнокомандующего, а миссис Мэшем путем назначения ее брата, полковника Хилла. Мальборо, естественно, решил немедленно подать в отставку, в то время как мудрый и проницательный Сомерс самым решительным образом протестовал королеве против этого глупого шага, как подрывающего всякую дисциплину и наносящего вред армии. К несчастью, герцог, вместо того чтобы настаивать на том, что ехать должен либо он, либо миссис Мэшем, был вынужден согласиться на компромисс, который королева расценила как свою победу и радовалась этому со всем пылом слабой натуры. В условиях острой личной горечи борьбы никто, кроме Сомерса, за пределами военной профессии, не остановился ни на мгновение, чтобы поразмыслить о ее последствиях для армии.

11 апреля 22 .

15 июня 26 .

17 августа 28 .

Следующей целью противоборствующей фракции было как можно скорее вывезти Мальборо из Англии в Нидерланды, что и было должным образом осуществлено по просьбе Харли, приказав ему принять участие в переговорах о мире. Эти переговоры ни к чему не привели, и в апреле он начал кампанию быстрым движением, которое благополучно привело его к границам Ла Бассе и осадило Дуэ. Город упорно оборонялся в течение двух месяцев, но пал 26 июня; и теперь Мальборо предложил себе либо взять Аррас, либо продвинуться дальше во Францию и переправиться через Сомму. Виллар, однако, хотя и не смог освободить Дуэ, обеспечил превосходную диспозицию для обороны границы и был неприступен за новой серией линий, которые он нарисовал, как он сказал позже, как *ne plus ultra* Мальборо. Поэтому герцог перешел

к осаде Бетюна, который сдался 28 августа, а затем к осадам Эйра и Сен-Венана в Верхнем Лисе, которые завершили кампанию. Каждая из этих крепостей была сильна и оказывала ожесточенное сопротивление, стоившее союзникам в общей сложности около пятнадцати тысяч человек убитыми и ранеными. Операции, хотя и менее блестящие, чем в других кампаниях, завершили сообщение с Лиллем, открыли всю линию Лис и расширили возможности для совместных действий с морской экспедицией, высадкой в Кале или Аббевиле. Еще один такой удар, как Рамильес, был бы близок к тому, чтобы привести союзников к стенам Парижа. Однако на протяжении всей кампании Мальборо всегда действовал с крайней осторожностью, отказавшись от планов, которые он когда-то поддерживал для согласованных операций с флотом. Он знал, что малейшая неудача откроет его для сокрушительной атаки со стороны его врагов дома, чей триумф означал бы не только его собственное падение, но и, чего он боялся гораздо больше, господство беспринципных политиков, которые пожертвуют всеми плодами войны в угоду фракционным целям и навлекут позор, возможно, разорение, на Англию.

Тем временем королева, со всей мелочностью слабой натуры, продолжала демонстрировать свою власть, глупо вмешиваясь в дела, в которых она ничего не понимала. Мальборо представила список полковников для присвоения генеральского звания, но поскольку имени полковника Хилла среди них не было, она настояла на повышении каждого полковника этого года, невзирая на расходы, приличия, справедливость или дисциплину, просто ради того, чтобы включить его в список. В августе последовал более тяжелый удар в виде увольнения Годольфина и назначения Харли лордом-хранителем на его место, что привело к давно угрожавшему падению правительства. В результате утонченного оскорбления военный секретарь герцога Адам Кардоннель также был смещен и заменен, без малейшего упоминания о Мальборо, мистером Грэнвиллом. Наконец, вскоре после его возвращения из кампании королева, несмотря на его мольбы, определенно уволила герцогиню со всех ее постов и даже дошла до того, что приказала герцогу запретить вынесение парламентом какого-либо благодарственного вотума за его услуги.

Примеру, поданному таким образом на высоких постах, быстро последовали. Некоторые даже из собственных офицеров герцога, такие как герцог Аргайлл, к огромному отвращению и презрению армии, ополчились против него. Рот каждого клеветника был открыт. Свифт и Сент-Джон, единственные англичане, чей интеллект позволял им называться на одном дыхании с Мальборо, соперничали друг с другом в очернении его характера. Не было ничего слишком мерзкого или экстравагантного, чтобы можно было обвинить величайшего солдата, государственного деятеля и дипломата Европы. Он затягивал войну ради своих собственных целей; он мог бы заключить мир, если бы захотел, но он этого не сделал; он получал удовольствие от бессмысленного жертвования жизнью; наконец, у него не было ни личного мужества, ни военного таланта. "Я полагаю, - с горечью писал Мальборо, - что каждое лето я должен рисковать своей жизнью в битве, а зимой меня упрекают в том, что я не приношу домой мира, хотя я желаю этого всем сердцем и душой".

Он был бы рад уйти в отставку, если бы не увещевания Годольфина и Юджина, которые умоляли его сохранить Великий союз еще ненадолго и добиться для Европы постоянного мира. Они могли бы воздержаться от своих молитв, если бы знали секреты Кабинета министров, поскольку Харли и его банда уже начали секретные переговоры с Льюисом, которые должны были расторгнуть Альянс и предоставить Франции все, за что Европа боролась в течение десяти лет, чтобы утаить от нее. Ибо эти люди, обвинявшие Мальборо в умышленном разбазаривании

жизни, не задумывались о том, чтобы послать храбрых солдат отдавать свои жизни за дело, которое они решили предать. Но бесполезно расточать комментарии по поводу таких созданий, давно мертвых, хотя и невредимых; хотя этот факт не должен быть забыт в истории отношений Палаты общин к армии. Выгоднее будет сопровождать великого герцога в его последнем походе.

ГЛАВА X

1711.

Французы, полностью осведомленные о политических изменениях в Англии, в течение зимы прилагали чрезвычайные усилия, чтобы продлить войну еще на одну кампанию, и с этой целью прикрыли северную границу укрепленным барьером гигантских размеров. Начиная от побережья Пикардии, линии следовали по течению реки Канш почти до ее истока. Оттуда до Ги, или южной развилки Верхнего Уступа, тянулась линия земляных укреплений, протянувшаяся от Оппи до Монтенанкура. От последнего пункта реки Ги и Скарпе были запружены так, что образовались затопления вплоть до Биаша, в этом месте канал вел линию обороны от Скарпе к Сенсе. Здесь новые наводнения между двумя реками перенесли барьер в Бушен, откуда он последовал по Шельде в Валансьен. Оттуда новые земляные работы продлили линии до Самбры, которая в конце концов привела их к концу в Намюре.

Это было серьезным препятствием для продвижения союзников, но пока еще не хватало линий, чтобы остановить Мальборо, и с Евгением на его стороне герцог не отчаивался. Однако прежде чем он смог приступить к кампании, пришло известие, что император Иосиф умер от оспы, событие, которое означало почти неизбежное воцарение эрцгерцога Карла на императорской короне и, как следствие, снятие его кандидатуры на трон Испании. Вследствие этого Юджин был задержан дома; и, что еще хуже, представилась прекрасная возможность пробить брешь в Великом Союзе. Чтобы еще больше усугубить трудности герцога, хотя его силы и без того были ослаблены необходимостью поиска гарнизонов для городов, захваченных в предыдущем году, английское правительство отозвало у него пять батальонов^[378] для бесполезной экспедиции на Ньюфаундленд под командованием брата миссис Мэшем, генерала Хилла; экспедиция, от которой пока можно отказаться без дальнейших упоминаний, кроме что его от начала до конца преследовали несчастья, он понес тяжелые потери в результате кораблекрушения и буквально ничего не добился.

20 апреля

1 мая.

3 июня 14 .

Тем не менее императорская армия присутствовала, хотя и без Юджина. Все силы были собраны немного южнее Лилля в Орши, и 1 мая Мальборо выдвинулся на позицию, параллельную позиции Виллара, которая располагалась в тылу реки Сенсе, слева от него у

Уази, а справа у Бушена. Там обе армии оставались неподвижными и бездействующими в течение шести недель. Юджин прибыл, но вскоре получил приказ вернуться и привести с собой свою армию. 14 июня Мальборо отошел на один марш на запад, к Лансской равнине, чтобы скрыть это вынужденное сокращение своей армии. Позиция требовала сражения, но Виллар продвинулся только в пределах своих линий, параллельных герцогу; и снова обе армии бездействовали в течение пяти недель. После ухода Евгения французский командующий отвел часть своих сил к Рейну, но даже при этом у него был сто тридцать один батальон против девяноста четырех и сто восемьдесят семь эскадронов против ста сорока пяти союзников.

25 Июня

6 июля.

Теперь мы подходим к тому, что, пожалуй, является самым замечательным и, безусловно, самым занимательным подвигом герцога за всю войну. Виллар, связанный своими инструкциями, не вышел бы и не сражался; его позиции не могла форсировать армия меньшей силы, и поэтому их можно было преодолеть только с помощью военной хитрости. Через затопленный Сенсе между Аррасом и Бушеном можно было пройти только по двум дамбам, большая из которых была защищена сильным фортом в Арле, а другая была прикрыта редутом в Обиньи, в полумиле ниже него. Мальборо знал, что он может в любой момент захватить форт в Арле и разрушить его, но он также знал, что Виллар наверняка вернет его и отстроит заново, как только повернется к нему спиной. Поэтому он решил побудить Виллара снести его самому. С этой целью он выделил значительные силы под командованием генерала Ранцау для захвата форта, что было сделано без труда. Затем герцог отдал приказ значительно укрепить захваченные сооружения и для их дальнейшей защиты разместил большие силы под командованием прусского генерала Хомпеша на гласисе Дуэ, примерно в трех милях от форта.

28 Июня

9 июля.

10 июля 21 .

По воле судьбы Хомпеш, считая себя в безопасности под ружьями Дуэ, пренебрег своими аванпостами и даже часовыми и два дня спустя был застигнут врасплох внезапной атакой Виллара, которая была отбита лишь со значительным трудом и немалым позором. Виллар был в восторге от своего успеха, а Мальборо выказывал немалое раздражение. Однако герцог укрепил Хомпеша, как бы желая показать, какое значение он придает Арле, и с величайшей энергией продвигал новые работы. Наконец, когда все было завершено, он бросил в форт слабый гарнизон и увел остальную армию на два перехода на запад, расположившись лагерем напротив линий между Канчем и Скарпе. Виллар также двинулся на запад параллельно ему; но прежде чем двинуться в путь, он выделил отряд для атаки на Арле. Командир форта отправил Мальборо сообщение, что он никак не может удержать его, и герцог немедленно отправил Кадогана с большими силами на подмогу. Однако было замечено, что Кадоган не спешил так, как, казалось, требовала неотложность дела; и действительно, не пройдя и половины пути, он вернулся с известием, что Арле сдался.

15 26 июля .

17 28 июля .

Виллар был в неописуемом восторге, а Мальборо впервые в жизни, казалось, был сильно огорчен и подавлен. Отбросив свою обычную безмятежность, он публично с большой страстью заявил, что поквитается с Вилларом и нападет на него, во что бы то ни стало, там, где он лежит. Затем пришло известие, что Виллар полностью сравнял с землей все сооружения Арле, на которые он потратил столько сил. Это усилило раздражение герцога. Он поклялся, что отомстит за это оскорбление своей армии, и вновь пригрозил прямой атакой на укрепления. Виллар теперь выделил войска для диверсии в Брабанте; и этот шаг, казалось, привел Мальборо в замешательство. Поклявшись, что остановит его продвижение, он отправил десять тысяч человек под командованием лорда Олбемарля в Бетьюн, а весь свой багаж и тяжелую артиллерию - в Дуэ. Ослабив таким образом армию, и без того уступавшую французской, он отремонтировал дороги, которые вели к вражеским окопам, и, демонстрируя мстительность, угрюмость и всеобщее раздражение, продвинулся на один марш ближе к линии фронта. Его армия с изумлением наблюдала за его действиями, поскольку никак не ожидала такого поведения от капрала Джона.

22 Июля

2 августа.

23

3 августа.

24

4 августа.

Виллар тем временем был вне себя от восторга. Он стянул каждого человека не только со всех участков линии фронта, но и из соседних гарнизонов к месту, которому угрожали, и не просил ничего лучшего, как атаковать Мальборо. На пике ликования он даже написал в Версаль, что привез герцога в его *ne plus ultra*. Странная манера Мальборо все еще оставалась прежней. 2 августа он продвинулся на расстояние одной лиги от линии фронта и в течение этого и следующего дня направил всю свою кавалерию на сбор фашин. С наступлением темноты 3-го числа он отослал всю свою легкую артиллерию вместе со всеми колесными повозками в сопровождении сильного отряда, а на следующее утро выехал вперед с большинством своих генералов на разведку позиций. Капитан Паркер из Восемнадцатого Королевского ирландского полка, получивший разрешение ехать со Штабом, был поражен поведением герцога. Теперь он отбросил все свое дурное настроение и был спокоен и хладнокровен, как обычно, указывая то на один, то на другой пункт своим офицерам. "Ваша бригада, генерал, будет атаковать здесь, такие-то бригады будут справа и слева от вас, такая-то другая поддержит, и вы будете осторожны с этим, с тем и с другим". Генералы слушали и глазели; они достаточно ясно понимали инструкции, но не могли не считать их безумием. Итак, разведка продолжалась, достаточно уныло, и уже подходила к концу, когда генерал Кадоган незаметно вывел свою лошадь из толпы, ударил шпорами и галопом поскакал обратно в лагерь на максимальной скорости. Вскоре герцог тоже повернул и, очень медленно поехав назад, отдал приказ готовиться к общей атаке на следующее утро.

При этих словах все чины армии, от генерала до барабанщика, впали в глубочайшую депрессию. Ни один человек не мог не видеть, что прямая атака на линии фронта была безнадежным предприятием и в лучшие времена, и вдвойне безнадежным теперь, когда половина армии и вся артиллерия были отведены для другой службы. И снова бурную и беспрецедентную вспышку угрюмости и дурного настроения было трудно объяснить; и единственным возможным объяснением было то, что герцог, доведенный до отчаяния неудачами и злоключениями, отбросил благоразумие на ветер и не заботился о том, что он делает. Лишь немногие слабо цеплялись за надежду, что вождь, который так часто приводил их к победе, все еще может преподнести им какой-нибудь сюрприз; но большая часть считала себя погибшими и громко сетовала, что им вообще следовало дожить до того, чтобы увидеть такую перемену, произошедшую со старым капралом.

Так прошел день среди палаток союзников; но тем временем Кадоган с сорока гусарами, следовавшими за ним по пятам, уже давно покинул лагерь и тяжело скакал галопом через равнину Ленс к Дуэ, в пяти лигах от них. Там он нашел Хомпеша наготове со своим гарнизоном, теперь усиленным отрядами из Бетьюна и других мест до двенадцати тысяч пехотинцев и двух тысяч всадников, и сказал ему, что время пришло. Вслед за этим Хомпеш отдал приказ войскам быть готовыми к выступлению этой ночью. Тем не менее основная армия под командованием Мальборо ничего не знала об этом и провела день в мрачных предчувствиях, пока не зашло солнце и барабанщики не вышли вперед, чтобы отбить тату. Затем колонна кавалерии рысью двинулась в сторону правого фланга союзников, привлекая внимание каждого француза и будоража умы каждого француза любопытством относительно смысла этого движения. Затем зазвучали барабаны, и по шеренге тихо прошел приказ разбивать палатки и быть готовыми к немедленному выступлению.

Никогда еще командование не было столь желанным. В течение часа все было готово, и армия была сформирована в четыре колонны. Кавалерия, выполнив свою работу по отвлечению французской бдительности не в ту сторону, вернулась незамеченной противником; и в девять часов вся армия повернулась налево и двинулась на восток в полном молчании, с самим Мальборо во главе авангарда.

24-25 июля

4-5 августа.

25 июля

5 августа.

Ночь была погожая, и при сияющем лунном свете люди час за часом храбро продвигались вперед по равнине Ленс. Луна побледнела; рассвет подкрался к востоку, бросая свой призрачный свет на множество усталых, бессонных лиц; и вскоре колонны достигли Уступа. К настоящему времени марш продолжался восемь часов, и было пройдено пятнадцать миль. Через реку уже были перекинuty понтонные мосты, а на дальнем берегу, точно в назначенное время, стоял бригадир Саттон с полевой артиллерией. Река была переправлена, и вскоре с востока прискакал гонец с донесением для герцога Мальборо. Он прочитал его; и по марширующим колоннам разнеслись слова, которые наполнили их новой жизнью. "Генералы Кадоган и Хомпеш" (таков был их смысл) "беспрепятственно пересекли дамбу в Арле в три часа утра и овладели позициями противника. Герцог желает, чтобы пехота выступила вперед. Правое

крыло конницы остановилось, чтобы сформировать арьергард и подтянуть отставших, в то время как облако пыли в авангарде говорило о том, что герцог и пятьдесят эскадронов с ним рысью продвигались вперед. Затем пехота встряхнулась и решительно выступила вперед.

Виллар получил сведения о походе Мальборо всего через два часа после его начала, но он был настолько сбит с толку замысловатыми маневрами герцога, что осознал истинное положение только три часа спустя. Затем, совершенно сбитый с толку, он встал во главе Домашней Кавалерии и ускакал во весь опор. Он скакал так яростно, что измотал почти сотню своих солдат и двинулся дальше только с ними. Но даже при этом Мальборо был впереди него. В восемь часов он пересек нижнюю дамбу в Обаншой-о-Баке и, пропустив свою кавалерию через Уступ, перекрыл дорогу с запада у деревни Уази. Вскоре Виллар, наступая, пренебрегая всеми предосторожностями, наткнулся на середину аванпостов. Прежде чем он успел ретироваться, весь его эскорт был схвачен, и сам он только чудом избежал той же участи.

Маршал теперь с тревогой ожидал прибытия своих основных кавалерийских сил; но пехота союзников заметила их по другую сторону Сенсе и, несмотря на усталость, собралась с духом, чтобы догнать их до цели. Но теперь тяжесть марша и тяжесть их рюкзаков начали сильно сказываться на пешем движении. Сотни упали без сознания, и многие умерли тут же, но их оставили там, где они лежали, дожидаться прибытия арьергарда; потому что остановки не было объявлено, и каждый полк продвигался вперед так бодро, как только мог, с теми людьми, которые еще оставались в живых. Таким образом, они все еще были впереди французов, когда те свернули на дамбу в Арле, и, поскольку Мальборо перебросил дополнительные мосты через Скарп, они быстро заняли свои позиции. Правое крыло пехоты переправилось через реку около четырех часов дня, преодолев почти сорок миль за восемнадцать часов; и к пяти часам все силы были стянуты между Уази и Шельдой на расстоянии удара от Арраса, Камбре и Бушена. Так исчез "*ne plus ultra*" Виллара, предупреждение всем генералам, которые полагаются исключительно на укрепленные линии.

27 июля

7 августа.

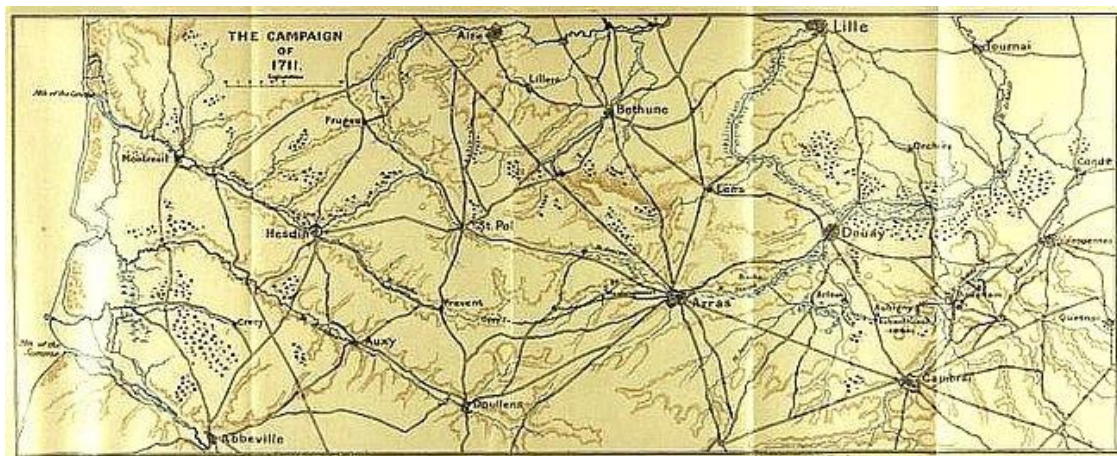
Мальборо остановился на следующий день, чтобы дать своим войскам отдых и позволить подойти отставшим. Добрая половина пехотинцев выбыла из строя, и было много таких, кто вернулся в армию только на третий день. Виллар, со своей стороны, выступил вперед и предложил Мальборо сражение под стенами Камбре; но герцог не принял его, хотя голландские депутаты, упрямые и вероломные до последнего, изо всех сил пытались убедить его. Если бы депутаты маршировали в рядах пехоты с мушкетами за плечами и снаряжением весом в пятьдесят фунтов за спиной, они бы меньше рвались в бой. Собственным замыслом Мальборо, давно созревшим в его собственном сознании, был захват Бушена, и его единственным страхом было то, что Виллар пересечет Шельду раньше него и предотвратит это. Тогда депутаты, которые так стремились побыстрее ввести армию в бой при любых возможных невыгодных условиях, уклонились от опасности осады, которую вели подчиненные под взглядом превосходящих сил. Но Мальборо, даже если бы он не смог привести Лилль в качестве прецедента, был полон решимости настоять на своем и отстаивал свою точку зрения. В полдень 7 августа он прошел маршем почти на пушечный выстрел от Камбре, готовый обрушиться на Виллара, если тот попытается пересечь Шельду, остановился, пока его понтонные мосты не были наведены

несколькими милями ниже по течению, а затем, постепенно отводя свои войска, беспрепятственно перевел их через реку.

Едва ли можно поверить, что огромное количество глупых гражданских лиц, голландцев, австрийцев и даже англичан, обвиняли Мальборо в отказе от сражения при Камбре, и что он был фактически вынужден объяснить, почему он отказался пожертвовать плодами своих маневров, атаковав превосходящие силы на сильной позиции армией, не только меньшей по численности в лучшем случае, но и сильно поредевшей от форсированного марша и измученной усталостью. "Я отчаиваюсь, что когда-либо смогу понравиться всем мужчинам", - писал он. "Те, кто способен судить, будут удовлетворены моими усилиями; остальных я оставляю наедине с их собственными размышлениями, а сам продолжаю выполнять свой долг".

Сентябрь. 2 13.

Возможно, Виллар воздержался от препятствования переходу Мальборо через Шельду только из уважения к приказам из Версаля, о которых герцог знал так же хорошо, как и он сам; но более чем сомнительно, намеревался ли он когда-либо захватить Бушена. Однако, несмотря на численное превосходство, Мальборо так искусно прикрывался окопами, что Виллар не мог ему помешать, и с такой готовностью отражал все попытки диверсии, что ни одна из них не увенчалась успехом. Наконец, гарнизон сдался в плен прямо на глазах у Виллара. Герцог хотел развить свой успех осадой Кенуа, города, перед которым английские войска впервые попали под пушечный огонь в год Креси; но к этому времени Льюису с помощью презренного Харли удалось отделить Англию от Великого альянса. Таким образом, хотя английские министры продолжали поощрять Мальборо в его операциях, чтобы скрыть от союзников свое собственное позорное поведение, они все же хорошо позаботились о том, чтобы эти операции не продолжались дальше. Итак, со взятием Бушена завершилась последняя и не менее примечательная из кампаний Мальборо, всегда победоносная.

Лицом к лицу со страницей 548

КАМПАНИЯ 1711 ГОДА.

Однако самое блестящее проявление военного мастерства было бессильно помочь ему против яростных группировок в Англии. Прохождение линий было описано как пересечение питомника, а осада Бушена - как пустая трата жизней. В мае Палата общин обратилась к королеве с

просьбой провести расследование злоупотреблений при расходовании государственных средств, и когда герцог прибыл в Гаагу в ноябре, ему предъявили обвинения в мошенничестве, вымогательстве и растрате. Основанием для обвинения было то, что во время своего командования он регулярно получал от поставщиков хлеба суммы в размере 63 000 фунтов стерлингов. Мальборо убедительно доказал, что это была привилегия, регулярно предоставляемая главнокомандующему во Фландрии в качестве финансирования секретной службы, и он добавил от себя, что он также получил вычет в размере двух с половиной процентов от жалованья иностранным войскам, который был применен для достижения той же цели. Но эта защита, хотя и была абсолютно обоснованной, мало что могла ему помочь. Его доводы были проигнорированы, и 31 декабря он был уволен со всех государственных должностей.

1712.

Три недели спустя Палата общин проголосовала за то, что его принятие этих двух привилегий было необоснованным и незаконным, и распорядилась привлечь его к ответственности Генеральным прокурором. Сделав это, министерство назначило герцога Ормонда главнокомандующим вместо Мальборо и подтвердило за ним те самые привилегии, которые Палата представителей только что объявила неоправданными и незаконными. Наглость и безрассудство, подобные этому, не являются чем-то новым для представительных собраний, но для общего отношения английских гражданских лиц к английским солдатам показательно, что ни один из банды Харли, похоже, не осознал, что это мстительное преследование Мальборо было оскорблением храброй армии, а также позорной несправедливостью по отношению к великому человеку, и не предвидел, что оскорбление может быть нанесено средствами, которые всегда находятся наготове у вооруженных и дисциплинированных людей.

Нет необходимости подробно останавливаться на действиях, если их так можно назвать, герцога Ормонда. Он действительно вышел на поле боя вместе с Эженом, но в соответствии с инструкциями не вступать ни в битву, ни в осаду, а фактически установить связь с Вилларом. К июлю раболепие британского министерства перед Людовиком Четырнадцатым достигло такой степени зрелости, что Ормонду было приказано приостановить военные действия на два месяца и вывести свои войска из Юджина. Затем начались неприятности. Вспомогательные войска на жалованье Англии наотрез отказались подчиниться приказу покинуть Юджин, и Ормонд был вынужден уйти только с британскими войсками. Тем не менее, чувство гнева было настолько сильным, что опасный бунт удалось предотвратить лишь с трудом. Британцам и вспомогательным войскам не разрешалось разговаривать друг с другом, чтобы взаимные обвинения не привели либо к отказу британцев покинуть своих старых товарищей, либо к свободному бою с обеих сторон. Расставание было одной из самых замечательных сцен, которые когда-либо наблюдались. Британцы пристроились молча, со стыдливymi и несчастными лицами; вспомогательные войска сбились в кучки напротив них, и обе стороны скорбно смотрели друг на друга, не произнося ни слова. Затем барабаны отбили марш, и полк за полком зашагали прочь с полными сердец и опущенными глазами, пока, наконец, вся колонна не двинулась в путь, и алая масса медленно становилась все меньше и меньше, пока не скрылась из виду.

В конце первого дня марша Ормонд объявил о приостановке военных действий с Францией во главе каждого полка. Он ожидал, что новость будет встречена радостными криками: к его

бесконечному отвращению, ее встретили сплошной бурей шипения и стонов. Наконец, когда людей отпустили, они потеряли всякий самоконтроль. Они рвали на себе волосы и рвали одежду в бессильной ярости, проклиная Ормонда с энергией, возможной только в армии, которая научилась ругаться в пылу пятидесяти боевых действий. Офицеры разошлись по своим палаткам, стыдясь показаться на глаза своим солдатам. Многие перевелись в иностранные полки, еще больше подали в отставку; и говорят, и это, несомненно, правда, что они чуть не плакали, когда думали о капрале Джоне.

Последовали более серьезные последствия. Марш был трудным, поскольку голландцы не позволили отступающим британцам пройти через их города, и, следовательно, войскам пришлось форсировать все реки, преграждавшие им путь, на их собственных понтонах. Опять же, все старые контракты на поставку хлеба были нарушены Харли и его последователями из-за преследования Мальборо: им было все равно, что армию плохо кормят, пока они добивались власти и положения. Сент-Джон, следует отметить, был главным соучастником этого негодования — Сент-Джон, который единственный из ныне живущих англичан обладал интеллектом, достаточным, чтобы оценить гигантский гений Мальборо; который, более того, будучи военным секретарем во время величайшей из кампаний герцога, получил некоторое представление о тех прозаических деталях снабжения и транспорта, которые в целом необходимы для организации победы. Ормонд, совершенно посредственный офицер, был не из тех, кто справляется с подобными трудностями. Плохой хлеб усилил неприязнь солдат к нему. Агитаторы наемкнули худшим личностям в армии, что они потеряют все причитавшиеся им долги по жалованью; и эта история нашла быстрое и разумное подтверждение в воспоминаниях о скандалах, последовавших за Рисвикским миром. Хорошие солдаты, которых тогда, как всегда, было подавляющее большинство, отказались иметь какое-либо отношение к столь дискредитирующему движению и сообщили о происходящем своим офицерам; но либо их рассказу не поверили, либо, что более вероятно, апатия и общая дезорганизация помешали пресечь зло в зародыше. Наконец, три тысячи недовольных ускользнули из лагеря, забаррикадировались на оборонительной позиции и послали главнокомандующему угрожающее послание с требованием хорошего хлеба и выплаты задолженности. Затем дисциплина быстро восстановилась. Мятежники были окружены и вынуждены сдаться. Был проведен военный трибунал; десять главарей были казнены на месте, и мятеж был подавлен раз и навсегда. К счастью, вспышка произошла, когда войска все еще находились за границей, иначе Палата общин, возможно, узнала бы на втором горьком опыте, что терпение британского солдата, хотя и очень велико, не безгранично.^[379]

1713.

31 марта

11 апреля.

Переговоры, столь бесславно начатые с королем Людовиком вскоре после этого, столь же бесславно завершились Утрехтским миром, который не только принес в жертву все, ради чего велась война, но и заклеил Англию несмываемым позором. Пятью месяцами ранее Мальборо покинул Англию, фактически став изгнанником. Перед своим отъездом он претерпел невероятные оскорбления в Палате лордов, самое страшное и лживое из них - от одного из его собственных офицеров, герцога Аргайлла. Однако дезертирство и неблагодарность Аргайлла только сильнее продемонстрировали общую лояльность Армии своему великому вождю. Самые

выдающиеся офицеры Мальборо, конечно, подверглись такой же деградации, как и он сам. Кадоган, например, был снят с должности лейтенанта Тауэра, чтобы освободить место для бригадира Хилла; и даже скромный секретарь герцога, Адам Кардоннел, был не таким уж маленьким объектом для злобной злобы Палаты общин. Но благородные люди, такие как лорд Стэйр, полковник шотландских серых, с отвращением отказались от своих чинов; а простые, честные офицеры, такие как Кейн и Паркер, оставили запись о безмерном презрении, с которым Аргайлл, каким бы храбрым солдатом он ни был, относился к армии. Голландцы тоже воспользовались случаем, хотя и слишком поздно. Когда Мальборо приплыл в Остенде в конце ноября 1712 года, весь гарнизон был при оружии, чтобы встретить его, и когда он покидал его, это было под артиллерийский салют. В Антверпене, несмотря на его протесты, ему оказали тот же прием; в его честь прогремели пушки, и все слои населения вышли встречать его радостными возгласами. Он выбрал самую уединенную дорогу в Мейстрихт, но куда бы он ни направлялся, его всегда сопровождали свежие конные отряды. Прежде всего, его успокаивало неизменное доверие и сочувствие Юджина.

На этом мы пока должны оставить его до тех пор, пока не придет недалекое время сообщить о его восстановлении. Мы вряд ли можем сомневаться в том, что прием, оказанный ему голландцами, мог послужить для него утешением, и все же он не мог не чувствовать, что те же самые голландцы были его погибелью. Ибо, несмотря на позорное вероломство английских политиков, изгнавших Мальборо из Англии и заключивших Утрехтский мирный договор, главная ответственность за катастрофу лежит не на них, а на тех отвратительных голландских депутатах, которые, сорвав предыдущие кампании герцога, превзошли пределы терпения Палаты общин в войне за испанское наследство.

Авторитетные источники.— Литература о войне за испанское наследство, как можно догадаться, небогата. На английской стороне есть "Жизнь Мальборо" Ледиарда и Кокса, а также "Французская жизнь" в трех томах, написанная по приказу Наполеона. Есть также дневники архидьякона Хэйра за кампанию при Бленхейме и ценное письмо от него об Ауденарде; рассказы генерала Стерна, Кейна, Паркера и сержанта Милнера, все, к сожалению, из одного полка, 18-го Королевского ирландского; и, только за кампанию 1708 года, дневник рядового Джона Дина из 1-го гвардейского (напечатан частным образом в 1846 году). В "Военной истории" Дюмона представлены замечательные карты и планы. В Ламберти также можно найти много любопытных предметов. Я не преминул изучить архивы Военного министерства, хранящиеся в Архиве, с результатами, которые будут представлены в следующей главе, и внимательно просмотрел современные газеты. Второстепенные авторитетные источники, такие как История Тиндала и тому подобное, вряд ли заслуживают упоминания. Депеши Мальборо, хотя и были осуждены лордом Мэхоном (Предисловие к "Истории Англии"), я нахожу чрезвычайно ценными. С французской стороны Куинси остается главным авторитетом, вместе с военными архивами в печатной коллекции. Мы также обращались к воспоминаниям Сен-Симона, Виллара, Мийо и других, и в Feuquières всегда можно найти хорошие и уместные комментарии.

О войне в Испании читайте в [конце главы VI](#).

ГЛАВА XI

1702-1713

Хотя повествование о войне за испанское наследство нередко прерывалось, чтобы дать читателю представление о прогрессе и трудностях военной администрации на родине, тем не менее многое было вынужденно опущено, чтобы нить, сплетенная из слишком многих и слишком отчетливых нитей, не лопнула под тяжестью собственного веса и не распуталась в неразрывный клубок. Поэтому я предлагаю на данном этапе кратко изложить приказы, положения и подзаконные акты Военного министерства и Палаты общин от правления королевы Анны до Утрехтского мира, чтобы, по возможности, дать некоторое представление о наследии, отличном от наследия славы и престижа, которое было завещано Армии этой долгой и изнурительной войной.

Я думаю, читатель, по крайней мере, понял, что расширение операций и, как следствие, увеличение британских сил во время войны было почти зловеще быстрым. Несколько цифр сделают это более очевидным. В 1702 и 1703 годах Фландрия была практически единственной ареной активных боевых действий, рейд на Кадис был слишком непродолжительным и малоизвестным, чтобы заслуживать серьезного упоминания. За оба этих года британские войска у Мальборо насчитывали восемнадцать тысяч человек. С 1704 по 1706 год их численность возросла до двадцати двух тысяч, с 1708 по 1709 год - до двадцати пяти тысяч человек, а с 1711 по 1712 год она снова вернулась к двадцати двум тысячам. Одновременно с первым увеличением численности в 1704 году произошла первая отправка восьми тысяч военнослужащих на полуостров, число которых увеличилось до девяти тысяч в 1705 году, десяти тысяч в 1706 году и двадцати шести тысяч[380] с 1707 по 1709 год, с 1710 по 1712 год оно сократилось до более чем двадцати тысяч. Общая численность войск, внесенных в список британской армии в период ее расцвета, составляла шесть отрядов домашней кавалерии, одиннадцать кавалерийских полков, шестнадцать драгунских и семьдесят пять пеших, что составляло всего семьдесят девять батальонов.[381] Номинальная боевая численность батальона во Фландрии составляла, как правило, круглыми цифрами девятьсот сорок человек всех званий, на полуострове от семисот пятидесяти до восьмисот восьмидесяти, разнообразие учреждений, которое вызывало много проблем и неразберихи. Было бы небезопасно считать, что британская пехота в любой период войны превышала пятьдесят тысяч человек. Численность драгунских полков снова варьировалась от обычной численности в четыреста до четырехсот пятидесяти человек, иногда увеличиваясь до шестисот; но их нельзя разумно рассчитать более чем в шесть тысяч человек. Кавалерийские полки подвергались аналогичным изменениям, но их общая численность, даже включая шесть сильных отрядов Домашней кавалерии, не может быть оценена более чем в семь тысяч человек. Затем остается артиллерия, о которой из-за недостатка данных, а также из-за расплывчатости организации невозможно произвести какой-либо точный расчет. Говоря в целом, наибольшую численность, фактически достигнутую британскими войсками внутри страны и за границей во время войны, можно оценить в семьдесят тысяч человек.[382]

Недостаток, который, согласно современным представлениям, покажется наиболее вопиющим в приведенной выше схеме, - это множество различных подразделений, составляющих столь малую силу. Французы давно отказались от системы отдельных батальонов и даже присвоили своим полкам название бригад. В британской армии только гвардия и Королевский шотландский полк имели два батальона; и хотя мы знаем из фактической информации, что в случае с первым батальоны на родине использовались для питания тех, кто находился за границей, все же несомненно, что оба батальона Королевской шотландской армии вышли на поле боя и удерживали его от начала до конца войны. Для этого, однако, достаточно учитывались принципы, которые тогда определяли ведение войны и содержание армии. В военных целях год был разделен на две части — сезон военных кампаний, который длился примерно с 1 апреля по 1 октября, и сезон вербовки, который охватывал оставшиеся месяцы. Как только кампания была закончена и войска распределены по зимним квартирам, достаточное количество офицеров вернулось домой, чтобы набрать для каждого полка необходимых рекрутов. Строго говоря, ни один офицер не призывал человека, кроме как в свой собственный корпус; и лишь изредка какой-нибудь полк, набрав больше рекрутов, чем требовалось для его собственных нужд, передавал свой избыток другому.

Но помимо этого, на протяжении всего правления королевы Анны мы обнаруживаем решительное и здоровое противодействие принципу комплектования одного полка призывниками из другого. В начале войны ряды армии были, благодаря беспричинному идиотизму Палаты общин, настолько пусты, что было невозможно отправить сколько-нибудь заметное количество полков за границу без истощения тех, что оставались дома. Поэтому в качестве исключительной милости первые войска, отправленные в Испанию и Вест-Индию, были укомплектованы по призыву; но на этом этапе практика была остановлена.^[383] Мальборо рано выступил против столь порочной системы, и хотя однажды, под давлением приказов самой королевы, он приказал привести ее в исполнение, все же из его языка и из его готового уважения к протесту соответствующего офицера достаточно ясно, что он полностью осознал масштабы ее зла.^[384] После катастрофы при Альманзе Военное министерство, похоже, во многих кругах призывали прибегнуть к призыву, но Сент-Джон прямо заявил Палате общин, что эта практика была признана губительной для службы, наносящей ущерб как корпусу, который предоставил, так и получившему призыв. Поскольку влияние Мальборо пошло на убыль, вредная система, похоже, возродилась, и хотя более чем в одном случае полковники наотрез отказались расставаться со своими людьми,^[385] все же в конце войны мы находим гарнизоны, оголенные призывами до такой степени, что это было положительно опасно.^[386] Та же самая предосудительная практика, как хорошо известно, все еще широко распространена среди нас; если бы авторитет Мальборо мог помочь покончить с ней.

Остается вопрос, почему вместо того, чтобы формировать новые полки, власти не сформировали дополнительные батальоны к существующим полкам? Ответ заключается в том, что они, несомненно, знали свое дело и приняли наилучший план, который был им доступен. У англичан есть страсть к независимому командованию. По сей день, как показывает история добровольцев, есть много мужчин, которые, хотя и не желают служить ни в одном из существующих корпусов, с радостью потратили бы в десять раз больше забот, хлопот и расходов на полк или даже на свой собственный отряд или роту. Следует также помнить, что в те дни полк был не только командованием, но и собственностью, что он предоставлял офицерам такие возможности для добра и зла, о которых сейчас и не мечтают, что, наконец, в подавляющем большинстве случаев его называли именем своего полковника.

Давайте теперь, прежде чем рассматривать меры, принимаемые для обеспечения рекрутов, кратко рассмотрим основные центры и причины потребления и спроса. Исследование не следует считать излишним, поскольку основной силой в поддержании добровольческой армии является притяжение, и только после полного знания элементов отталкивания, которые работают вразрез с ним, можно правильно понять несостоятельность силы притяжения и необходимость замены ее принуждением. Театры военных действий требуют первоочередного внимания, и из них Фландрия претендует на первенство. Хорошо известно, что болезнь или переутомление на войне более разрушительны, чем пуля и меч, и кампании Мальборо, возможно, не были исключением из правил. И все же примечательно, что британцы никогда не были так сильно разбиты, как после кампании при Бленхейме, когда они приняли на себя основную тяжесть двух жестоких сражений. Переход к Дунаю, конечно, был тяжелым, но люди выдержали его хорошо; мы также не слышим о необычайных болезнях на обратном пути. Все, что мы знаем, это то, что, когда британские полки достигли Рейна, они были слишком слабы, чтобы быть пригодными для дальнейших действий. Мы никогда не слышали подобного в последующих кампаниях, несмотря на тяжелые марши и осады. И все же взятие одной из крепостей Вобана всегда было долгой и кровопролитной работой, в то время как, если траншеи были затоплены проливным дождем или естественным просачиванием болотистой почвы, обязательно следовала эпидемия дизентерии. У нас нет данных о потерях от болезней во Фландрии, но несомненно, что операции на этом поле ни в коем случае не были самыми смертоносными для войск или самыми изнурительными для Англии. Это почти полностью следует приписать заботе и предусмотрительности великого герцога. Мальборо знал особые слабости, а также особую ценность своих соотечественников и заботился о том, чтобы они всегда были сытыми. Во-вторых, и это было наиболее важно, театр военных действий находился всего в нескольких часах езды от Англии, так что силы, однажды достаточно подготовленные, можно было поддерживать сравнительно легко. Новобранцы тоже не чувствовали, что они отправляются в другую часть света и никогда не вернутся домой. Более того, за Бленхейм была назначена награда, была некоторая перспектива добычи,[\[387\]](#) и была слава от похода к верной победе с капралом Джоном.

На полуострове все было совсем иначе. Там кампания прерывалась не только зимними квартирами, но и летними квартирами в жаркие месяцы июля и августа. Опять же, путешествие в Лиссабон и еще больше в Каталонию, не говоря уже о риске шторма и кораблекрушения, заняло дни и недели, тогда как переход во Фландрию исчислялся часами. У транспортной службы тоже была дурная слава. Хотя после 1702 года официальные жалобы на плохое и недостаточное питание прекратились, тем не менее смертность на борту военных кораблей, отправленных на полуостров, показывает, что болезни и нищета, должно быть, были ужасающими. Подкрепление, отправленное в Лиссабон летом 1706 года общей численностью в восемь тысяч человек, сократилось чуть более чем наполовину, когда оно высадилось в Валенсии в феврале 1707 года. Они пострадали от плохой погоды и долгого заключения, это правда, но их случай не был исключительным.[\[388\]](#) В 1710 году из высадившегося отряда в триста человек только сотня добралась до своих полков.[\[389\]](#) В 1711 году пять слабых полков потеряли шестьдесят человек убитыми и двести инвалидами от болезней за десятидневный переход.[\[390\]](#) Рядовой Первого гвардейского полка подытожил свой месячный опыт на транспорте так: "непрерывное разрушение на носовой части, оспа за бортом, чума между палубами, ад на баке и дьявол у руля".[\[391\]](#)

Это было большим разочарованием для новобранцев; и им быстро стали известны другие. Полуостров плохо снабжался, транспорт был затруднен, жилища войск были очень нездоровыми, а португальцы недружелюбными вплоть до жестокости.[392] В целом, хотя сталь и свинец сыграли свою роль в разгроме британцев на полуострове, причиненный ими хаос был ничтожен по сравнению с лишениями и болезнями. Пленные, конечно, никогда не пропадали надолго, поскольку у Мальборо всегда было в изобилии французов, которых можно было обменять на них; но, несмотря на это, расточительство в Португалии и Испании было ужасным, а служба соответственно непопулярной.

Вот и все о двух театрах военных действий; но сфера дипломатической службы ими не ограничивалась. Нью-Йорк, Бермуды и Ньюфаундленд располагали небольшими гарнизонами, а Вест-Индия, как мы видели, насчитывала от четырех до шести батальонов. Эта колониальная служба, несомненно, была самой непопулярной из всех. Когда единственная рота, защищавшая Ньюфаундленд, покинула Англию в 1701 году, их пункт назначения тщательно скрывался от солдат, чтобы они не дезертировали. Самый закоренелый преступник мог надеяться на помилование, если бы завербовался на Ямайку. После отправки в Вест-Индию об этих людях, похоже, полностью забыли. Не было выделено надлежащих средств для оплаты их труда; полковники, которые заботились о своих солдатах, были вынуждены занимать деньги, чтобы спасти их от голодной смерти; полковники, которые этого не сделали, вернулись домой вместе со многими своими офицерами и предоставили солдатам самим добывать себе пропитание.[393] Одежда, опять же, была полностью упущена из виду. Войска на Ямайке были раздеты почти догола; и когда, наконец, их одежда, просроченная уже на два года, была готова для них, это было отложено из-за такой халтуры, какая могла быть допущена только Военным министерством.[394] Еще одна большая трудность заключалась в том, что из-за отсутствия регулярной системы льгот полковники никогда не знали, одевать ли своих людей для жаркого или умеренного климата. Следовательно, набрать рекрутов было труднее всего, хотя из-за нездорового климата на них был большой спрос. В результате старики и мальчишки были отправлены через Атлантику только для того, чтобы быть немедленно уволенными с большими материальными потерями офицерами, которым было стыдно принимать в свои компании существ столь жалкого вида.[395]

Опять же, в ходе войны два новых приобретения потребовали наличия гарнизонов по три-четыре батальона в каждом. Менорка, по-видимому, не доставила серьезных хлопот; но Гибралтар, превращенный в результате осады практически в руины, из-за отсутствия надлежащих поселений стал рассадником болезней. Власти, по-видимому, в особенности пренебрегли гарнизоном Гибралтара, хотя и приложили немало усилий для укрепления Скалы. В 1706 году более половины гарнизона было выведено из строя из-за болезни, вызванной облучением,[396] однако только четыре года спустя были отданы приказы о строительстве казарм,[397] хотя даже в 1711 году мужчины были вынуждены сжигать свои жалкие жилища из-за нехватки топлива.[398]

Эти промахи в заморских странах, возможно, могли бы найти какое-то оправдание неопытности, хотя этого не следует допускать в стране, которая на протяжении почти четырех столетий постоянно отправляла экспедиции через Ла-Манш, а также более двух столетий - через Атлантику. Тем не менее, дома были подобные недостатки, которые свидетельствуют о почти невероятной легкомысленности и пренебрежении. Так, в 1709 году многие солдаты в Портсмуте погибли от недостатка огня и свечей,[399] в то время как гарнизон замка Апнор

должен был содержать отряд стражи на болотах в трех милях от любого дома или укрытия, где дежурные стояли по колено в воде.^[400] Никто не думал, что им может понадобиться помещение для охраны или хотя бы палатки. И снова, только после того, как груз людей, уволенных по инвалидности из Португалии, был брошен на произвол судьбы на улицах Пенрина, без гроша в кармане и вынужденный просить милостыню, было принято какое-либо решение о помощи больным и раненым. И вот, наконец, в четвертой кампании войны были назначены комиссары, которые должны были оказывать им особую помощь. До сих пор никто не нес за них ответственности, поскольку эта обязанность была временно возложена на комиссаров транспорта.^[401] Одним словом, ни одна предусмотрительность или забота не были недоступны для собственной руки Мальборо; вся администрация Военного министерства, даже под руководством такого способного человека, как Генри Сент-Джон, была отмечена слепотой и некомпетентностью.

Теперь, когда почва расчищена и указаны основные препятствия на пути вербовки, пришло время изучить средства, используемые парламентом для их преодоления. Мы можем должным образом ограничиться Англией, поскольку она со своим населением в пять с четвертью миллионов человек неизбежно была основным источником снабжения людьми. Ирландия еще не была местом вербовки, каким она стала позже, по той простой причине, что никто, кроме протестантов, не мог быть завербован. Однако у нее было пять явно национальных полков,^[402] небольшая доля, которая позволила ей предоставить еще дюжину или пятнадцать в ходе войны. Протестантская Ирландия, фактически все еще находящаяся под влиянием Вильгельма Оранского, в эти годы сыграла свою роль очень полно и великодушно. Шотландия, ставшая страной великих военных традиций, содержала большее количество национальных полков, чем ее сестра,^[403] но, будучи малонаселенной, недоступной во многих районах и уже задействованной для снабжения войск голландской службой, не смогла предоставить более трех дополнительных батальонов. Таким образом, наибольшее давление пало, и справедливо, на Англию.

Поэтому, перенесясь на мгновение в начало войны, когда армия все еще страдала от позорного обращения со стороны парламента после Рисвикского мира, мы без удивления обнаруживаем, что напряжение, связанное с обеспечением рекрутов, дало о себе знать очень рано. Закон о мятеже 1703 года показывает это пунктом, уполномочивающим королеву отдавать приказы о доставке из тюрьмы лиц, приговоренных к смертной казни, которые были помилованы при условии призыва на военную службу. Это постановление, конечно, было чем-то вроде возврата к методам Елизаветы; но хотя этот класс рекрутов звучит нежелательно, конкуренция за них была настолько острой, что был составлен регулярный реестр, гарантирующий, что каждый полк, в свою очередь, получит неожиданную прибыль.^[404] Следует помнить, что тогда к смертной казни было приговорено много мужчин, которые теперь будут освобождены в соответствии с Законом о первых правонарушителях; но помимо этого, офицер по набору персонала радушно принимал преступников, во-первых, потому, что они ничего не стоили, а во-вторых, потому, что они часто были мужчинами прекрасного телосложения.^[405] В последние годы войны особенно требовались зачистки тюрем, и увеличение числа петиций от осужденных показывает, что этот факт ценили в стенах Ньюгейта.

На сессии 1703-4 годов был принят Закон, прецедент которого существовал во времена короля Вильгельма, предусматривающий освобождение из тюрьмы всех несостоятельных должников, которые должны служить или нанять другого для службы во флоте или армии. Это, вероятно,

привлекло несколько полезных молодых рекрутов, которые завербовались, чтобы добиться освобождения своих отцов; и есть свидетельства того, что офицеры-вербовщики искали банкрота не меньше, чем овцекрада. Другим наиболее важным актом той же сессии было первое из длинной серии ежегодных актов о наборе персонала. Согласно этому, за добровольцев предлагалось вознаграждение в размере одного фунта[406]; и мировые судьи были уполномочены набирать в рекруты всех трудоспособных мужчин, у которых не было видимой работы или средств к существованию, и нанимать для этой цели должностных лиц района и прихода. За каждого такого рекрута полагалась награда в размере десяти шиллингов[407] ему самому было назначено вознаграждение в размере десяти шиллингов приходскому чиновнику. Чтобы устранить любой соблазн к злоупотреблению служебным положением, ни одному офицеру регулярной армии не было разрешено заседать в качестве судьи в соответствии с Законом; и все избиратели были специально освобождены от его действия, поскольку обладание избирательным правом, по-видимому, считалось, как, вероятно, и было, достаточно заметным средством к существованию.

Эта последняя мера повлекла за собой значительный объем злоупотреблений. Уже на следующем заседании было сочтено, что необходимо обеспечить особую защиту работникам, занятым на уборке урожая, поскольку на многих это уже произвело впечатление, в то время как многие другие спрятались из страха произвести впечатление. Но это было далеко не все. Избиратели иногда разделяли судьбу своих братьев, не имевших избирательных прав, и требовали поспешного освобождения с многочисленными извинениями перед депутатом за свой район.[408] Высокая награда снова послужила стимулом для незаконного привлечения к уголовной ответственности, мошеннического зачисления на военную службу и дезертирства. Через несколько месяцев было признано необходимым обуздать рвение приходских чиновников, которые вербовали мужчин, которые уже были солдатами. Опять же, были офицеры-вербовщики, которые увольняли доставленных к ним рекрутов за денежное вознаграждение, что, хотя и не было обычным явлением, не было чем-то неизвестным. Наконец, новобранцы время от времени пытались оторваться всем телом, что приводило к отчаянным боям и неловким осложнениям. В одном случае большое количество новобранцев предприняли настолько решительную попытку одолеть охрану и сбежать, что их не удалось подавить до тех пор, пока двое из них не были фактически убиты. Охранники, справедливо полагавшие, что они выполнили не более чем свой долг, затем оказались под угрозой предъявления обвинения в убийстве; и Военное министерство было вынуждено обратиться к Генеральному прокурору, чтобы посоветовать, как их следует защитить.[409] Бурные сцены с сельским населением по поводу ареста дезертиров и произвола бездельников были отнюдь не редкостью. У нас есть, например, рассказы о том, как весь город Эксминстер выступил с цепями и вилами против офицера, заявившего о дезертирстве, и о толпе в Абергавенни, обезумевшей от желания спасти впечатленного новобранца, которая гоняла офицеров от дома к дому и вынуждала их стрелять в целях самообороны.[410]

После Бленхеймской кампании тяжелые потери на поле боя и решение направить крупные силы на полуостров довели военные власти до отчаянного положения. Предложения, конечно, поступали из разных источников; среди них предложение одного джентльмена из Амстердама о том, что каждый, у кого есть два или более лака, должен отправить одного в армию, поскольку автор заметил, что члены парламента "изобилуют людьми такого сорта".[411] Но о напряженности ситуации свидетельствует тот факт, что фактически был внесен законопроект, обязывающий каждый приход и корпорацию предоставлять определенное количество

рекрутов, хотя в настоящее время он был отклонен как имитация французского языка и непригодный для свободной страны.[412] Поэтому власти удовлетворились приказом о более строгом соблюдении Закона о вербовке, и, по-видимому, добились успеха.[413] В течение следующих двух лет в Законе не было никаких изменений, за исключением добавления в 1706 году штрафа в размере пяти фунтов против приходских чиновников, которые пренебрегут его исполнением. Но в 1707 году мера показала признаки неудачи, и ее поспешно исправили, увеличив вознаграждение до двух фунтов[414] для добровольцев, зачисляемых во время рекрутского сезона, и до одного фунта для тех, кто зачисляется после открытия кампании. Были также предприняты определенные усилия по систематизации полномочий, предоставляемых Законом, путем созыва регулярных собраний судей в установленное время и в установленных местах.

Однако конец года застал Палату общин лицом к лицу с катастрофой при Альманзе и с острой потребностью в почти двадцати тысячах новобранцев. Закон о вербовке теперь принял новую и радикальную форму. Полномочия производить впечатление на безработных были переданы от судей уполномоченным по земельному налогу, наделенным полными полномочиями нанимать приходских чиновников. Штраф для этих офицеров за пренебрежение служебным положением был увеличен до десяти фунтов, в то время как за прилежное исполнение того же самого им было обещано вознаграждение в размере одного фунта за каждого новобранца, а также шесть пенсов в день на расходы по его содержанию до тех пор, пока он не будет переведен в свой полк. Приход также получал по три фунта за каждого набранного таким образом человека, чтобы усилить свое рвение в борьбе с праздными. Наконец, в качестве совершенно нового, следует отметить, заимствованного у французов,[415] добровольцы зачислялись с такой же высокой ставкой вознаграждения сроком на три года, по истечении которых они имели право заявить об увольнении. Очевидно, от этих положений ожидалось отличные результаты, поскольку стандарт роста для новобранцев по-прежнему сохранялся на уровне пяти футов пяти дюймов,[416] мужчины ниже этого роста принимались только в морскую пехоту. Таким образом, с этого года и до окончания войны можно изучать первое испытание краткосрочной службы в Англии.

К сожалению, злоупотребления, казалось, только умножились в соответствии с новым Законом. Ауденардская кампания, затянувшаяся до декабря, сильно истощила армию Мальборо, и весной 1709 года войскам не хватало еще пятнадцати тысяч новобранцев. Более того, с того момента, как власть Мальборо начала падать, тонус армии дома начал падать. Судьи снова с завистью относились к уполномоченным по земельному налогу и в некоторых случаях открыто оскорбляли и порицали их.[417] По крайней мере в одном случае они были уличены в попустительстве офицерам в получении денег за увольнение впечатленных мужчин.[418] Офицеры на их стороне также начали плохо себя вести, удерживая вознаграждение с новобранцев и подвергая их гантлопу, если они жаловались, а в некоторых случаях не только удерживая вознаграждение, но и требуя крупные взятки за их увольнение.[419] По мере продолжения войны положение становилось все хуже и хуже. Фиктивные пресс-банды утвердились с целью шантажа;[420] и в качестве кульминации Армия и флот начали борьбу за обладание впечатленными мужчинами.

На открытии 1711 года первая группа мужчин, зачисленных на три года, завершили свой срок службы, но, к своему удивлению, обнаружили, что увольнение не пришло к ним автоматически, как они ожидали. У офицеров не было никаких инструкций. Они также не желали расставаться с

шестьюдесятью лучшими солдатами в каждом полку, ибо таковыми оказались эти люди с короткой службой, и могли только пообещать отпустить их, как только поступят приказы из дома. Военный секретарь Харли, с характерной недоброжелательностью политика к солдату, смело предложил принять Закон, обязывающий их служить на два года дольше; но генеральный прокурор, которому было передано дело, решил, что эти люди, вне всякого сомнения, имеют право на увольнение.^[421] Вслед за этим, довольно поздно в тот же день, военный министр поспешно приказал немедленно уволить человека, срок полномочий которого истек, чтобы побудить других вступить в армию.^[422] Наконец, в 1711 году злоупотребления при новой администрации возросли так быстро, что вся система набора персонала рухнула.^[423] Зло короткого пребывания Харли на посту президента никоим образом не ограничивалось Утрехтским миром.

Остается решить еще один вопрос, а именно о дезертирстве, которое прямо или косвенно подрывало силы армии в такой же степени, как любая кампания. Пусть не думают, что это зло было ограничено Англией, ибо оно свирепствовало в каждой армии Европы, и нигде не было большего бедствия, чем во Франции. Не следует также слишком сурово судить дезертира из действующей армии, ибо он стремился не к тому, чтобы служить против своих соотечественников, а просто вернуться в свой собственный дом. Некоторые английские дезертиры во Фландрии были даже достаточно хитры, чтобы вернуться домой в качестве обмененных пленных, принадлежащих флоту.^[424] Но именно перед отправкой в район боевых действий дезертиры доставляли больше всего хлопот, особенно если, как это часто бывало неизбежно, полки заставляли долго ждать своих транспортов.^[425] Никакое наказание, похоже, не удерживало других от подстрекательства к ним.^[426] Если мы можем судить по записям следующего правления, тысяча-полторы сотни ударов плетью не были редкостью для дезертира, в то время как немало таких было расстреляно в Гайд-парке.^[427] Поэтому единственным ресурсом было остановить зло, насколько это возможно, путем предотвращения. Таким образом, мы постоянно обнаруживаем большие группы войск, отправленных по приказу на дипломатическую службу, расквартированных на острове Уайт, откуда им было нелегко сбежать. Это средство было, по крайней мере, в одном случае признано худшим, чем болезнь, поскольку число мужчин было слишком велико, чтобы их можно было разместить в публичных домах, и очень многие из них погибли от воздействия непогоды. Вслед за этим военный министр, согласно традициям своего ведомства, слишком поздно навел справки о сараях и пустующих домах для них.^[428]

Другая практика, которой из-за незнания ее происхождения слепо следовали до последних нескольких лет, также возникла из-за распространенности дезертирства в этот период, а именно переброска войск из квартала в квартал Англии морем. По тому же принципу людей часто запирали на транспортных судах на недели и даже месяцы, прежде чем они отправлялись на иностранную службу, что иногда приводило к ужасающим последствиям. Таким образом, в 1705 году некоторые войска, направлявшиеся на Ямайку, были погружены на транспорты 18 мая. Они оставались там в течение двух месяцев с лихорадкой и оспой на борту, пока, наконец, запасы медикаментов не были исчерпаны, и дело не было представлено военному министру. Ответ заключался в том, что они должны были получить такую помощь, какая была возможна; но

они оставались на тех же транспортах до октября, когда, наконец, партиями по шестьдесят человек были отправлены вест-индским почтовым пароходом к месту назначения. Сорок восемь из них погибли во время шторма в порту задолго до октября, но число погибших от болезней неизвестно, и, вероятно, их самым тщательным образом скрывали.^[429]

Давайте теперь обратимся к более приятной теме изменений, которые были произведены на благо солдата. Первый из них фигурирует в Законе о мятеже 1703 года и, несомненно, был частично вызван скандалами, выявленными в канцелярии генерального казначея. Размеры денежного довольствия для всех чинов ниже статуса рядовых фактически указаны в Законе с четкими указаниями, предусматривающими достаточные штрафы, о том, что суточные должны выплачиваться регулярно, каждую неделю, а остаток сверх них - каждые два месяца. Кроме того, все задержки со стороны Генерального казначея, военного секретаря, комиссаров и распорядителей сборов определенно запрещены, а законные отчисления строго ограничены деньгами на одежду, однодневной выплатой госпиталю Челси и одним шиллингом в фунте королеве. Сохранение этого последнего налога было, конечно, вопиющей несправедливостью, но отмена других нерегулярных требований была несомненной выгодой для британского солдата, благодаря, как приятно знать, недавно назначенным Контролерам счетов. В целом положение солдата в том, что касается его денежного довольствия, кажется, решительно улучшилось, внимание Мальборо к этому важнейшему вопросу, очевидно, принесло хорошие плоды. Верно, что в Испании и колониях, которым у него не было ни досуга, ни возможности уделить личное внимание, пренебрежение военного министра вызвало большие обиды и много страданий; верно также, что даже в Англии, когда его влияние исчезло, при жалком управлении Харли возобновились старые скандалы;^[430] однако в целом улучшения в этой провинции были незначительными. одновременно отчетливый и постоянный.

Еще одна ценная реформа в отношении одежды произошла благодаря прямому вмешательству самого Мальборо. В 1706 году злоупотребления в этом ведомстве были, по его просьбе, сделаны предметом расследования госсекретарем Сент-Джоном и генералом Чарльзом Черчиллем, в результате чего выкройка и припуск одежды, а также вычет просчетов были установлены строгими правилами, в то время как все производство одежды, хотя и оставалось за полковниками, находилось под контролем совета из шести генеральских офицеров, санкция которых была необходима для действительности всех контрактов и принятия всех предметов одежды. Так был создан Совет генеральских офицеров,^[431] протоколы которого до сих пор являются большим авторитетом в области униформы восемнадцатого века.

К сожалению, эти преимущества могут незначительно сравниться с уже описанными недостатками. Несомненно, что, несмотря на стандарты, установленные Актом парламента, было завербовано огромное количество мальчиков, а также мужчин пятидесяти и шестидесяти лет, которые не успели выйти на поле боя, как были отправлены обратно в госпиталь. Однако хорошие полки, как тогда, так и сейчас, получали хороших рекрутов, иногда за счет предложения офицерами дополнительной награды,^[432] чаще всего за счет характера самих офицеров. Присутствие в рядах воров, пиратов и других преступников неизбежно вносило определенную закваску хулиганства, однако ни во Фландрии, ни на полуострове мы не находим ничего похожего на возмутительные вспышки недисциплинированности, которые были засвидетельствованы столетием позже в Сьюдад-Родриго и Бадахосе. Был, правда, мятеж при герцоге Ормонде, но он был непродолжительным и легко подавлен; и в целом, по причинам, которые сейчас будут приведены, армия Мальборо, по-видимому, управлялась лучше, чем

армия Веллингтона. К сожалению, хотя двое мужчин, служивших в рядах, оставили нам дневники о целом или части войны, у нас по-прежнему нет портрета типичного солдата Мальборо. Единственная фигура, которая хоть как-то отчетливо выделяется из рядов, - это Кристиан Росс, женщина, которая служила драгуном в нескольких боях, была дважды ранена, прежде чем был выяснен ее пол, и завершила свою карьеру мегеры, сутенерши и пенсионерки в больнице Челси.^[433] Остальные, за исключением сержанта Литтлера, сержанта Джона Холла,^[434] и рядовой Дин остаются погребенными в темном забвении, оставляя прискорбный пробел, который никогда не сможет быть устранен. вписан в нашу военную историю.

От людей я передаю офицерам. Наша информация о них на удивление неоднозначна. Некоторые из опозоривших их злоупотреблений уже были раскрыты, и нельзя сказать, что они исчерпывают список. В гвардии разразились серьезные скандалы, в которых, к несчастью, участвовал один полковник из знатной шотландской семьи, возродивший худшие традиции Елизаветы и Карла Второго. Он не только систематически вербовал воров и других плохих персонажей в качестве "педиков",^[435] но и без колебаний принимал новобранцев, которые предлагали себя ради обмана своих кредиторов, получать от них за это деньги и вымогать еще больше денег, угрожая лишить его защиты или отправить их воевать в Испанию. Эти люди не выполняли своих обязанностей,^[436] не носили формы и не получали жалованья, к большой выгоде полковника и великому позору полка; и зло выросло до такой степени, что, когда Палата общин наконец взяла дело в свои руки, оказалось, что "педерасты" составляют четверть номинальной численности полка.^[437] Однако такие случаи, как с печально известным полковником Шартре, были редкостью; и уменьшение этого особого порока среди офицеров во времена королевы Анны представляет приятный контраст с его распространенностью во времена короля Вильгельма.

Другой привычкой, которая звучит особенно неприятно для современных ушей, было случайное нежелание офицеров сопровождать свои полки и их готовность покинуть их, когда их нанимали на неприятную службу. Это было особенно верно для полков на колониальных базах, особенно в Вест-Индии,^[438] и ни в коем случае не было неизвестно о тех, кто фактически находился на действительной службе во Фландрии и на полуострове. Иногда правонарушители получали отпуск, который военный министр охотно предоставлял по работе в случае друга,^[439] но чаще они брали отпуск, не прося об этом, иногда на целых пять лет вместе,^[440] без возражений со стороны полковника или упрека со стороны Военного министерства. Один полковник воспринял это как большую обиду, когда Мальборо настоял на том, чтобы он продал свой офицерский чин, поскольку он не желал исполнять свой долг;^[441] и в целом общее попустительство уклонению от работы такого рода сделало преступление настолько малопримечательным, что его нельзя оценивать по современным стандартам. Однако, говоря в целом, у офицеров было гораздо больше обид, вызывающих наше сочувствие, чем недостатков, вызывающих наше негодование.

Одной из трудностей, которая с особой серьезностью ложилась на плечи офицеров, были расходы на привлечение новобранцев. Они, конечно, получали для этой цели денежное вознаграждение, но этого часто было недостаточно, в то время как новобранцам, потерянным в результате дезертирства, болезней или других несчастий, над которыми они не имели никакого контроля, не выплачивалось никаких пособий. Мальборо самым строгим образом пресекал, за исключением крайних случаев, любые попытки офицеров переложить свое бремя с себя на государство, хотя он открыто признавал, не без сострадания, что офицеров погубило чистое

невезение с их рекрутами. Мы находим горькие жалобы офицеров с полуострова на то, что из-за высокой смертности на транспортах их новобранцы к тому времени, когда они добирались до них, стоили им по восемь-девять фунтов с человека.[442] Действительно, если можно судить по современным газетам, которые вполне подтверждаются разрозненными свидетельствами, страдания офицеров из-за вербовки были почти невыносимыми.[443]

Переоснащение снова стало тяжелым налогом для офицера. Денежное довольствие в размере двенадцати фунтов на лошадь[444] для этой цели офицерам было предоставлено пособие, но на него подали жалобу как на совершенно несоответствующее предъявленному обвинению,[445] вследствие больших потерь в результате эпидемия лошадиной болезни во Фландрии. Небрежность при найме и снаряжении транспорта также привела к большой потере жизни среди лошадей,[446] пока Мальборо, как неоднократно показывают его письма, не взял дело в свои руки. Интересно узнать, что ирландских лошадей можно было приобрести по пять фунтов за штуку,[447] широко использовались в Испании, хотя и в меньшей степени во Фландрии, поскольку Мальборо с предубеждением относился к английским лошадям, как к англичанам мужского пола, превосходящим всех остальных. Эта дешевизна, однако, мало помогла офицерам. Предполагалось, что они будут платить за перевозку своих лошадей по фиксированной ставке, и хотя в конце концов в ответ на их жалобы батальону был предоставлен бесплатный транспорт для двадцати шести лошадей, однако эта привилегия была снова отменена, как только выяснилось, что ирландских животных нужно было покупать по низкой цене.[448]

Опять же, офицеры всегда подвергались вымогательству со стороны гражданских лиц. Приходские констебли, которым закон разрешал выплачивать рекрутам шесть пенсов в день на пропитание, отказывались доставлять их, если им не платили восемь пенсов в день.[449] Но, как обычно, главными преступниками были полковые агенты. Контролеры счетов сразу же предприняли атаку на этих джентри, но без особого успеха, поскольку парни утверждали, что они не государственные чиновники, а личные слуги полковника и поэтому не обязаны предоставлять свои счета. Жалобы офицеров на них были бесконечными, и на то были веские причины. Возможно, самым бессердечным примером негодяйства агента был случай с тем, кто украл небольшое пособие, выплачиваемое лейтенантом на действительной службе своей жене, и отказался выплачивать его до приказа королевы.[450] Офицеры требовали, чтобы агенты предстали перед военным трибуналом, но это было запрещено, и, возможно, мудро, поскольку военный трибунал, вероятно, приговорил бы негодяя к смертной казни, и в этом случае люди не позволили бы ему уйти живым.

Еще один налог лег на плечи офицеров в виде взносов на пенсии и полковых долгов. В каждом полку, за исключением тех, что служили во Фландрии, в список каждого отряда или роты допускался вымышленный мужчина, чье жалованье направлялось на формирование фонда поддержки офицерских вдов;[451] но в армии Мальборо эти вдовы получали поддержку по добровольной подписке от офицеров без каких-либо затрат для государства. Каким-то образом, который кажется совершенно возмутительным и, по-видимому, был работой Военного министерства или Казначейства, этот добровольный фонд был обременен содержанием вдов, потерявших своих мужей на предыдущей войне, так что в 1709 году Мальборо был вынужден выразить протест и попросить включить "вдовьих мужчин" хотя бы в часть его собственных войск.[452] Опять же, некоторым полкам, по-видимому, назначались пенсии конкретным лицам, хотя по какому праву или за какие заслуги сказать невозможно.[453] И снова, по несчастью,

небрежности или мошенничеству полковника или, чаще, агента, полки оказались обременены долгами в размере нескольких тысяч фунтов стерлингов, как, например, из-за потери полковых средств в результате кораблекрушения или из-за неправильного использования обмундирования. В таких случаях единственным возможным облегчением была продажа, с королевского разрешения, следующей компании или звания прапорщика для погашения долга.[454]

Другой формой пенсии, которая, хотя иногда и использовалась для достойных целей, по крайней мере, так же часто извращалась в целях трудоустройства, было назначение младших офицеров. Во многих случаях дети получали чины в полку, которым командовали их отцы и который хорошо служил, либо для помощи вдовам, если эти отцы пали в бою, либо за вознаграждение, если они были еще живы. Иногда эти дети действительно выходили на поле боя, поскольку есть сведения об одном человеке, который отправился на действительную службу во Фландрию в возрасте двенадцати лет, "проявив больше мужества, чем можно было ожидать от человека его лет", и разрушил свою карьеру в шестнадцать лет, убив своего мужчину на дуэли.[455] Но, вне всякого сомнения, во многих случаях льгота предоставлялась без достаточных оснований, хотя даже в лучшем случае это было злоупотребление государственными деньгами и зло, причиненное полку. Такое злоупотребление, конечно, не было чем-то новым и не представляло собой реальной обиды; но оно породило ощущение, которое и без того было слишком сильным, привилегий, предоставляемых полковникам их правами собственности в своих полках.

Предоставление поручений детям было запрещено королевским регламентом от 1 мая 1711 года, собранием приказов, которые, во всяком случае, имели своей очевидной целью значительную реформу и поэтому требуют здесь некоторого внимания. Таким образом, выдача бrevetов, которая доставила Мальборо немало хлопот и уже была запрещена в 1708 году, была снова запрещена; и, наконец, была предпринята попытка ограничить продажу и покупку комиссионных. С этой целью никакая продажа комиссионных не разрешалась, кроме как с королевского одобрения в соответствии с инструкцией по знакам, и то только офицерам, прослужившим двадцать лет или ставшим инвалидами в результате действительной службы. Объявление, похоже, было воспринято как шутка;[456] и в течение шести месяцев правило, в результате заявлений Marlborough, было значительно изменено.[457] Если (так указал герцог) младшие офицеры, которым не повезло с новобранцами, могут не продать свои офицерские звания, долг ляжет на полк: если, опять же, преемники офицеров, погибших на службе, не внесут что-либо в пользу жены и семьи погибшего, многим вдовам и детям придется голодать; наконец, полковники часто желают повесить офицеров из других полков в свои собственные, когда у них нет собственного офицера, пригодного для продвижения по службе, что служит благу службы, но должно стать невыполнимым, если заменяемый офицер не получит что-либо в качестве компенсации.[458] Его аргументы были сочтены неопровержимыми, если только государство не было готово понести большие дополнительные военные расходы, и вскоре после этого в правила были внесены поправки в духе его рекомендаций и по причинам, которые он привел.[459]

Таким образом, почти последним административным актом Мальборо в качестве генерал-капитана было поддержание существовавшей тогда системы закупок вопреки поспешным реформам гражданских советников. Было сказано достаточно, чтобы показать, что современная военная политика в Англии, с которой он в основном отождествлял себя, всегда

имела тенденцию делать полк все более и более замкнутым и менее зависимым от поддержки государства: вскоре будет видно, как полки справлялись с возложенными на них расходами благодаря учреждению полковых фондов в виде страхования. Недостаток такой системы очевиден. Избыток независимости в членах вряд ли может не повлечь за собой ослабление центрального контроля, с непоследовательностью и последующей тратой энергии в действиях всего организма. Полковые традиции, полковая гордость - бесценное достояние, вполне достойное принесения в жертву идеального единства дизайна и совершенной ассимиляции с единым образцом. Но изоляция полков, в высшей степени поощряемая из принципа, неизбежно влечет за собой определенное разделение командования, отсутствие подчинения верховной власти, одним словом, ту степень недисциплинированности в высших эшелонах власти, которая отличает объединение полков от армии.

И все же кто может сомневаться в том, что Мальборо действовал со своим обычным здравым смыслом солдата и своей обычной пронизательностью государственного деятеля? Он рисковал своей популярностью в армии из-за своей общепризнанной строгости по отношению к офицерам в отношении новобранцев,[460] потому что он знал, что малейшая попытка переложить это бремя на государство будет означать отказ парламента продолжать войну и массовый роспуск армии. Он выступал за продажу комиссионных по точно такому же принципу; ибо, как ясно видно из его письма, он предвидел рост числа так называемых неэффективных голосований и сомневался в готовности парламента терпеть это. То, чего он боялся, теперь сбылось, к лучшему или к худшему; страна обременена огромным бременем пенсий, и общественность с каждым годом становится все более нетерпеливой по поводу увеличения военных расходов без соответствующего повышения эффективности. Выбор Мальборо лежал между скоплением полков и отсутствием армии, и из двух зол он выбрал меньшее. Еще предстоит доказать, что он ошибался.

Из полка я перехожу в главное управление. Здесь первой заметной чертой является объединение в соответствии с Актом об объединении английских и шотландских учреждений в единое учреждение Великобритании. Ирландия, конечно, по-прежнему оставалась со своим собственным учреждением и всеми атрибутами главнокомандующего, военного секретаря и главного артиллерийского управления. В Ирландии, как и прежде, всегда существовала разная норма довольствия для всех чинов, что из-за постоянной переброски полков из Ирландии в Англию или за границу приводило к большой путанице в счетах. Главным предметом интереса в Ирландии является вполне обоснованная ревность ирландской общины к сохранению в королевстве всех полков ирландского истеблишмента или, по крайней мере, к замене их другими полками, если они будут выведены. Их намерение состояло в том, чтобы ирландские доходы тратились в Ирландии, и удовлетворительно отметить, что власти Англии строго и добросовестно соблюдали это.[461]

Другим важным вопросом была первая попытка урегулировать положение морских пехотинцев, которые вплоть до середины правления подвергались любопытному и смущающему разделению контроля. Сент-Джон Эрли отказался от всякой власти над ними,[462] но они, очевидно, подчинялись армейским уставам и вследствие этого немало пострадали. Жесткое правило, согласно которому полки должны быть сформированы до получения жалованья, создавало большие трудности для морских пехотинцев, поскольку оно не могло быть

выполнено, когда полк был разделен на полдюжины разных кораблей, и в результате людям вообще не платили. Даже находясь на берегу, они подвергались тем же неудобствам из-за неэффективности комиссаров,[463] так что некоторые полки фактически не получали жалованья в течение восьми лет.[464] Неизбежным следствием стала ненависть к службе и мятеж, который в какой-то момент грозил стать серьезным.[465] Наконец, 17 декабря 1708 года морская пехота была определенно передана под юрисдикцию лорда верховного адмирала.[466]

Теперь я перехожу к самому судьбоносному из всех изменений в администрации, а именно к повышению роли военного секретаря. Внимание уже привлекалось к обязанностям и полномочиям, которые незаметно перешли в руки этого гражданского чиновника после смерти Монка из-за отсутствия эффективного контроля со стороны Суверена. Правления короля Вильгельма и королевы Анны, вследствие постоянного отсутствия генерал-капитана на действительной службе, ничего не сделали для восстановления этого утраченного контроля, а почти незаметное изменение, которое освободило военного министра от личного присутствия главнокомандующего на местах, фактически полностью отменило его. Условия поручения военного секретаря остались прежними: "подчиняться таким приказам, которые он должен время от времени получать от Государя или от генерала вооруженных сил на данный момент, в соответствии с военной дисциплиной";[467] но на самом деле ситуация была обратной. Даже во времена короля Вильгельма военный министр подписывал военные сметы, представляемые парламенту; с приходом Святого Иоанна он берет на себя ответственность за все военные вопросы в Палате общин, часто занимая пост председателя комитета во время их обсуждения. Таким образом, он становится рупором военной администрации в Палате представителей, и, поскольку главнокомандующий обычно отсутствует на службе, он перестает получать от него приказы, но становится, за исключением жизненно важных вопросов ответственности, государственным секретарем, пишущим от имени королевы или ее супруга, или, наконец, от своего имени и по собственному усмотрению, без ссылки на высшую власть. Наконец, его должность, возведенная таким образом в ранг важной, становится добычей политической партии; военные секретари сменяют друг друга в быстрой последовательности - Сент-Джон, Уолпол, Грэнвилл, лорд Лэнсдаун, Уиндхэм, Гвин; и армия определенно выступает в качестве фишки в вечной игре фракций.

О могуществе военного министра во времена королевы Анны в достаточной степени свидетельствуют его почтовые книги. От имени королевы он отдает приказы о наборе персонала, о составлении проекта, о вооружении, о сборах, о смене дислокации, смене гарнизонов, найме транспортов, высадке войск, патрулировании побережья, сопровождении сокровищ и, одним словом, обо всех повседневных делах. От имени герцога Мальборо он также отдает приказы о погрузке людей на корабли, выделении аванса и снаряжении рекрутов и даже критикует исполнение приказов, отданных им от имени королевы.[468] От своего имени он приказывает полковникам прислать ему списки призывников и обеспечить их полки квартирами, сожалеет, что не может усилить слабые гарнизоны, и прокладывает маршрут для всех маршей в пределах королевства.[469] Он напрямую соответствует каждому офицерскому званию без малейшего уважения к дисциплине или достоинству. Мы находим Уолпола, угрожающего лейтенанту лишением его звания за самовольную отлучку, призывающего капитана быть благодарным за то, что благодаря его собственному милосердию его не уволили за мошенничество,[470] сожалея, что он не может по совести оправдать одного младшего офицера от посещения своего полка на дипломатической службе,[471] приказывать другому немедленно заплатить за его жилье,[472] вызов третьего лица в Военное министерство для

привлечения к ответственности за незаконное задержание новобранца. Грэнвилл обещает офицеру отпуск с дипломатической службы, но сначала, соблюдая приличия, должен обратиться к командующему генералу.^[473] Лорд Лэнсдаун умоляет губернатора Портсмута не быть слишком суровым к молодому полку в вопросе несения караульной службы, приказывает уволить солдата по истечении трех лет его службы и пишет военному министру Ирландии об отпуске для друга.^[474] Наконец, все просят полковников об одолжении от имени офицеров и рядовых. Только одно они на время оставили нетронутым, а именно приговоры военного трибунала, от которых Сент-Джон недвусмысленно отказался в пользу генерального судьи-адвоката; но в остальном они отдавали приказы, одобрения и выговоры со всей свободой главнокомандующего.

Управление боеприпасов оставалось, как и прежде, независимым от Военного министерства, хотя, конечно, было обязано выполнять его заявки на оружие и припасы. Примечательно, что Мальборо, как и Веллингтон столетием позже, не успел стать генеральным магистром^[475], как он восстановил организацию короля Якова Второго. Но нагрузка, налагаемая на Департамент множеством сил на местах, была для него слишком велика. За два месяца до сражения в Бленхейме запасы огнестрельных ружей и штыков-розеток иссякли; и в последующие годы, по мере того как бедствия в Испании росли и множились, Министерству часто приходилось, к великому возмущению английских промышленников, закупать оружие за границей.^[476]

Тема оружия напрямую подводит нас к прогрессу армии в области вооружения, экипировки и подготовки. Первый момент, заслуживающий внимания, - это исчезновение освященной веками щуки. Пики были выданы батальону в пропорции одна к пяти мушкетам еще в 1703 году, но были доставлены обратно на склад в следующем году;^[477] а в 1706 году в письме от Сент-Джона сообщается, что пики считаются бесполезными и что мушкет и штык должны быть предоставлены каждому солдату.^[478] Штык был, конечно, розетку-штык; и мушкета, являясь более новой и усовершенствованной модели, было оружие, намного выше, чем у выпущенных еще во времена короля Вильгельма.^[479] Отчасти, без сомнения, из-за эффективности этого мушкета, в котором были выпущены пули калибром шестнадцать к фунту, по сравнению с французским оружием, рассчитанным на пули калибром двадцать четыре к фунту, и еще больше из-за превосходства в дисциплине и тактике, огонь британцев был несравненно более смертоносным, чем у французов.^[480] Секрет, насколько это касалось тактики, заключался в том факте, что британцы стреляли взводами по системе Густава Адольфа, тогда как французы стреляли шеренгами; и совершенство муштры и дисциплины было великолепно продемонстрировано при Уайннендейле. За это, а также за более совершенное оружие армия должна была благодарить своего великого вождя, ибо герцог лучше, чем кто-либо другой, знал ценность так называемой огневой дисциплины и проводил взводные учения всей армии по сигналу флага и барабана у себя на глазах.^[481] Тем не менее, хладнокровие и меткость, которыми всегда славились британцы, сыграли свою роль, причем ведущую, в победах Мальборо.

О самой тренировке мало что можно сказать, хотя некоторые изменения имеют большое значение для предстоящих реформ. Количество рядов оставалось нефиксированным, их увеличивали или уменьшали в зависимости от требуемого фасада, но, вероятно, редко превышало три и иногда сокращалось до двух. Старый метод удвоения шеренг все еще сохранялся; но люди больше не выстраивались шеренгами, и можно определенно сказать, что шеренга утратила свое прежнее положение тактической единицы. Теперь рота строилась в одну

шеренгу, была разделена на три или более дивизиона и выстроена в шеренги путем перестановки дивизий из линии в колонну, что было полной новинкой. Упражнения по рукопашному бою и стрельбе оставались такими же подробными и продуманными, как и прежде; и одно-единственное слово команды показывает, что старое упражнение с пикой вскоре было заменено штыковым.[482] За этими исключениями было небольшое отклонение от старого учения Густава Адольфа; но реальное улучшение, которое сделало это упражнение вдвойне эффективным, касалось дисциплины. В том, что плеть и гантлопа безжалостно использовались в армии Мальборо, сомнений быть не может, и что дома они применялись еще более жестоко, можно доказать прямыми доказательствами;[483] но герцог, как сейчас будет показано, понимал, как добиться наилучшего от своих соотечественников другими способами, помимо того, чтобы рубить им спины на куски.

Для кавалерии, которую он, очевидно, очень любил, Мальборо оказал очень важную услугу, определенно задействовав ее в ударных действиях. Снова и снова в ходе войны французские эскадроны стреляют с седла практически безрезультатно, а британцы смело врезаются в них и сметают их прочь. Мало найдется также сражений, в которых сам герцог не командовал бы кавалерией в тот или иной период сражения — при Бленхейме в великой атаке, которая привела к победе в тот день, при Рамиллисе в самый критический момент, при Мальплаке в поддержку британской пехоты и, что наиболее блестяще из всех, при прохождении рубежей у Ландена. И все же он был слишком умен, чтобы не подражать врагу там, где мог сделать это с преимуществом. Французская жандармерия получила защищенные от пистолетов доспехи в 1703 году;[484] Британская кавалерия во Фландрии по предложению Мальборо получила кирасу в 1707 году - реформа, скопированная голландцами и навязанная всем остальным союзникам.[485] Характерно, что никогда не подводивший герцога здравый смысл заключался в том, что кирасы состояли только из нагрудников, так что люди не могли найти защиты, если их лица не были обращены к врагу.

Что касается артиллерии, то здесь мало что можно сказать, за исключением того, что организация по ротам, по-видимому, была полностью принята, и эффективность вооружения, таким образом, значительно возросла. Герцог никогда не был более великим, чем как артиллерист. Каждое орудие в Бленхейме было заложено на его глазах; и сосредоточение большой центральной батареи в Мальплаке и ее последующее продвижение вперед показывают его мастерство в обращении с пушками. В остальном артиллерия вышла из войны с не меньшим, возможно, даже с большим блеском, чем другие части армии; и, хотя историк полка не упоминает об этом факте, вполне вероятно, что ни один офицер-артиллерист никогда не работал более напряженно и умело перед лицом огромных трудностей, чем самоотверженные люди, которые доставили свои орудия сначала на южный берег Дуная, а затем обратно через реку на поле битвы при Бленхейме.[486]

Невозможно закончить эту тему, не сказав несколько слов о великом человеке, возродившем для Англии древнюю славу Креси, Пуатье и Азенкура, величайшем, по словам герцога Веллингтона, из тех, кто когда-либо выступал во главе британской армии. В его жизни есть определенные моменты, из-за которых иногда бывает трудно утаить от него нелицеприятные имена; но следует учитывать того, кто родился во время революции, воспитывался при коррумпированном дворе и возмужал в новой революции. Сам Веллингтон признавал, что он никогда не понимал характеров того периода и не проявлял к ним должного милосердия, пока не увидел влияние Французской революции на умы и совесть французских государственных

деятелей и маршалов. Падение Мальборо было вызвано группировкой, и с тех пор его слава оставалась жертвой нежной милости фракции. Но предрассудки сторонника - всего лишь жалкий эталон для человека, чьи выдающиеся способности генерала, государственного деятеля, дипломата и администратора вели не только Англию, но и Европу через войну за испанское наследство и на целое поколение избавили их от коварства и амбиций Франции.

Что касается его как генерала, то он пользуется заслуженной славой одного из величайших полководцев всех времен; и гражданскому лицу не пристало бы добавлять ни слова к хвалебной речи великим солдатам, которые одни могут постичь всю меру его величия. И все же один или два небольших момента заслуживают внимания помимо уже перечисленных реформ, которые были введены им во всех трех родах службы. Первый и, возможно, самый важный - это удар, нанесенный Мальборо по всей системе пассивных кампаний, столь излюбленной французами. Благодаря голландским депутатам и немецким принцам это не было так эффективно, как должно было быть, но все же это стало шагом вперед в военном искусстве. Никогда не следует забывать, что мы располагаем лишь обломками многих лучших комбинаций "Мальборо", разбившихся о скалы голландской глупости и немецкого самомнения как раз при входе в порт. Далее, в эти дни много говорится и пишется о ночных маршах и будущем, которое лежит перед ними. Будет полезно также взглянуть на прошлое, которое у них за плечами, и отметить, с какой частотой, с каким непревзойденным мастерством и с каким неизменным успехом они использовались Мальборо в условиях гораздо более серьезных, чем современные, трудностей.

Далее следует отметить, насколько хорошо он понимал британского солдата. Он заботился о том, чтобы хорошо кормить его, регулярно платить ему, давать ему много работы и поддерживать в нем строжайшую дисциплину; и при всем этом он питал доброжелательные чувства к мужчинам, которые проявлялись не только в строгих предписаниях следить за их комфортом, но и в любезно оказанных актах личной доброты. Магия его личности давала о себе знать среди его людей, выходящих далеко за рамки простого воинского долга. Его солдаты, как могут свидетельствовать Акты о наборе, были по большей части отбросами нации. Тем не менее, они не только маршировали и сражались с стойкостью выше всяких похвал, но и фактически изменились и покинули армию трезвыми, уважающими себя людьми.^[487] Мальборо, несмотря на свои политические ошибки, был человеком особой чувствительности и деликатности. Он испытывал глубокое отвращение к распущенности как в речи, так и в действиях, и ему удалось внушить такое же отвращение своей армии. Его войска не ругались матом во Фландрии, как это было до короля Вильгельма, и хотя ежегодное пополнение рекрутов неизбежно влекло за собой ежегодный рост преступности, тем не менее моральный тонус армии был необычайно высок. По натуре Мальборо не был таким твердым и несгибаемым, как Веллингтон. Сердце Железного герцога было настолько закалено чувством долга и дисциплиной, что оно редко искало облегчения во взрыве страстных эмоций. Мальборо был отлит по совершенно иному образцу. Он тоже, как и Веллингтон, был наделен сильным здравым смыслом, что само по себе приравнивалось к гениальности, и в самые трудные моменты проявлял безмятежность и спокойствие, которые были почти чудесными. Но в его безмятежности не было холодности, в его спокойствии не было ничего бесстрастного. Он был чувствителен к недостаткам, и хотя его характер мог оставаться неизменно мягким, а речь - неизменно спокойной и учливой, его лицо выдавало тревогу, которую его язык умел скрывать.^[488] При таком темпераменте между ним и его людьми существовала человеческая связь, которой не хватало Веллингтону. Каким бы

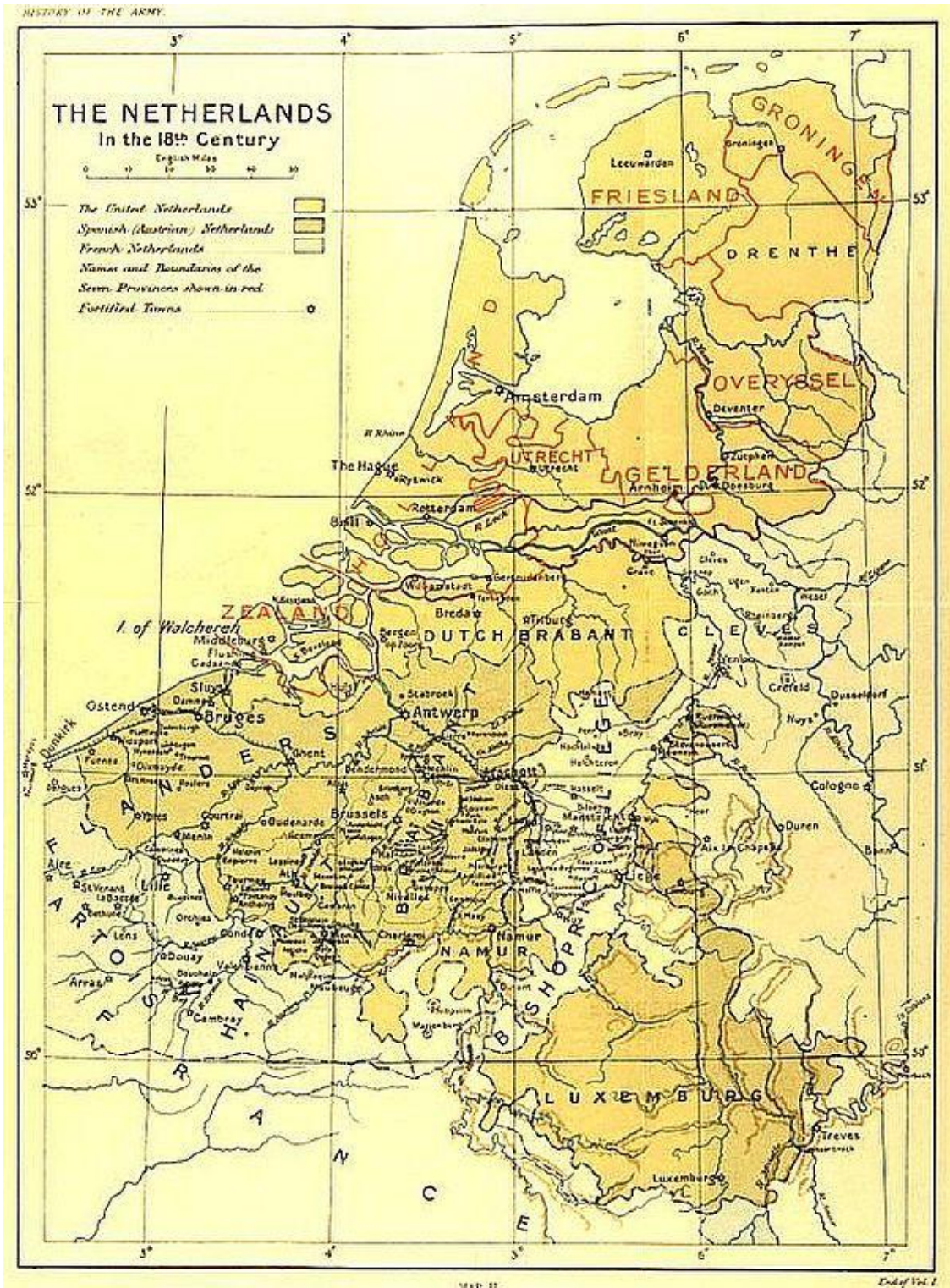
великим ни был Веллингтон, армия Железного герцога никогда не смогла бы назвать его Старым капралом.

Эпитет "Капрал" наводит на мысль о сравнении с Маленьким капралом, который творил такие чудеса во французской армии. Несомненно, это имя в обоих случаях было знаком безграничного доверия и преданности, которые эти два человека могли вызвать у своих войск и которые они могли так блестяще использовать в своих операциях. Мальборо мог заставить себя поверить, что ему суждено бросить на произвол судьбы всю свою армию и при этом быть уверенным в ее лояльности; Наполеон мог бросить на произвол судьбы целые войска, дезертировать от них и завоевать неизменное доверие новой армии. В обоих личное обаяние обладало необычайной силой; но на этом сходство заканчивается. У Наполеона, несмотря на все его театральные трюки, не было ни сердца, ни нежности, и он не мог вынести опьянения успехом. Мальборо никогда не позволял триумфу вскружить ему голову, уменьшить его великодушие по отношению к врагам, совратить его с пути разумной военной практики или затуманить его безошибочное проникновение в суть вещей. Дважды Эжен возражал против его планов как слишком авантюрных: во-первых, когда он хотел ускорить битву при Мальплаке, а во-вторых, когда он хотел замаскировать Лилль и продвинуться прямо во Францию; но даже если предположить, что в обоих случаях Эжен был прав, здесь нет параллели с духом азартных игр, который пронизывал последние предприятия Наполеона. "Мальборо, - сказал Веллингтон, - отличался ясным, хладнокровным, уравновешенным пониманием", и это качество никогда его не покидало. Тем не менее, если и есть какое-то качество, которое следует выбрать в качестве высшей характеристики человека, то это то, что Уильям Питт выбрал в качестве первого требования государственного деятеля - терпение; "терпение", как сам герцог однажды написал Годольфину, "которое может преодолеть все";^[489] терпение, которым, как можно видеть из сотен отрывков во время войны, обладал Годольфин. его в такой мере, что это кажется почти богоподобным. Это качества, которые отмечают здравомыслие совершенного гения, которые отличают Мильтона от Шелли, Нельсона от Дандональда и Мальборо от Питерборо; и именно благодаря им, свидетельствующим о совершенном балансе трансцендентных способностей, Мальборо стоит в одном ряду с самыми могущественными из сынов Англии, с Шекспиром, Бэконом и Ньютоном, как "величайший государственный деятель и величайший генерал, которого создала эта страна или любая другая страна".^[490]

КОНЕЦ ТОМА I

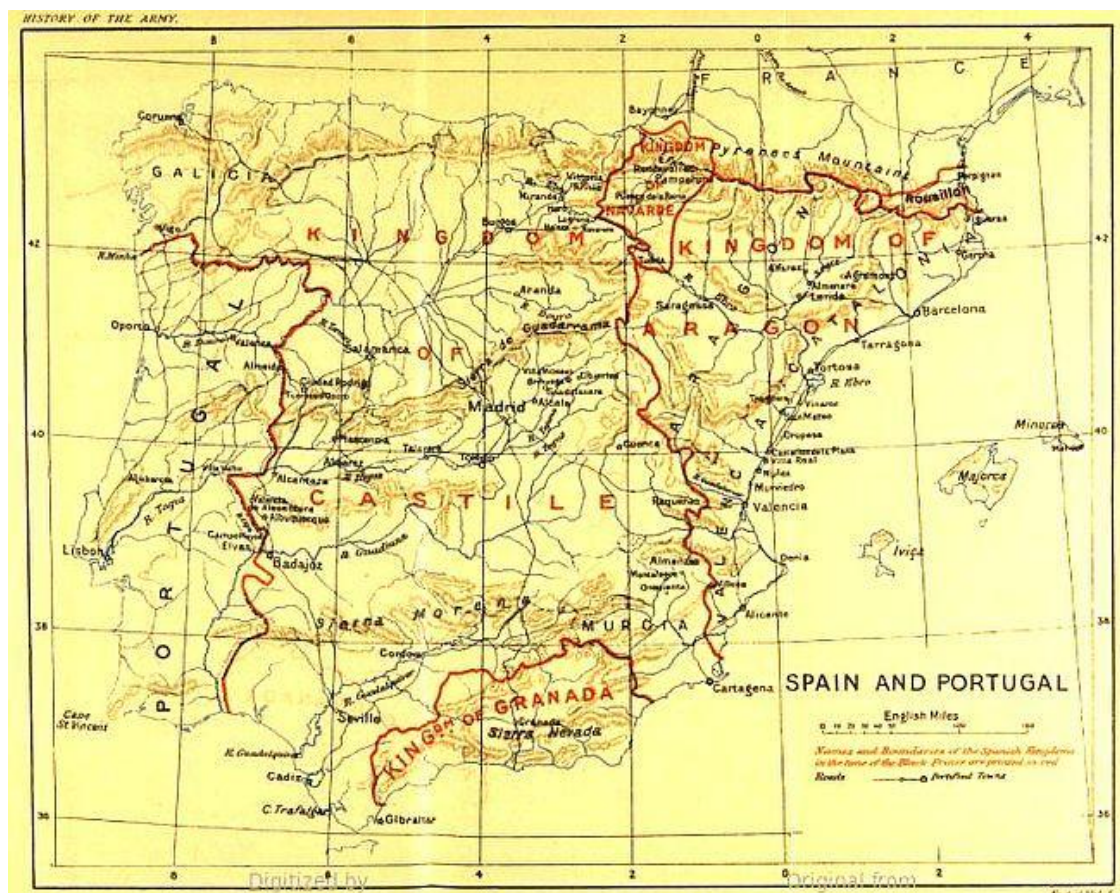
Напечатано R. & R. Clark, Limited, Эдинбург.

СЕВЕРНАЯ ФРАНЦИЯ.

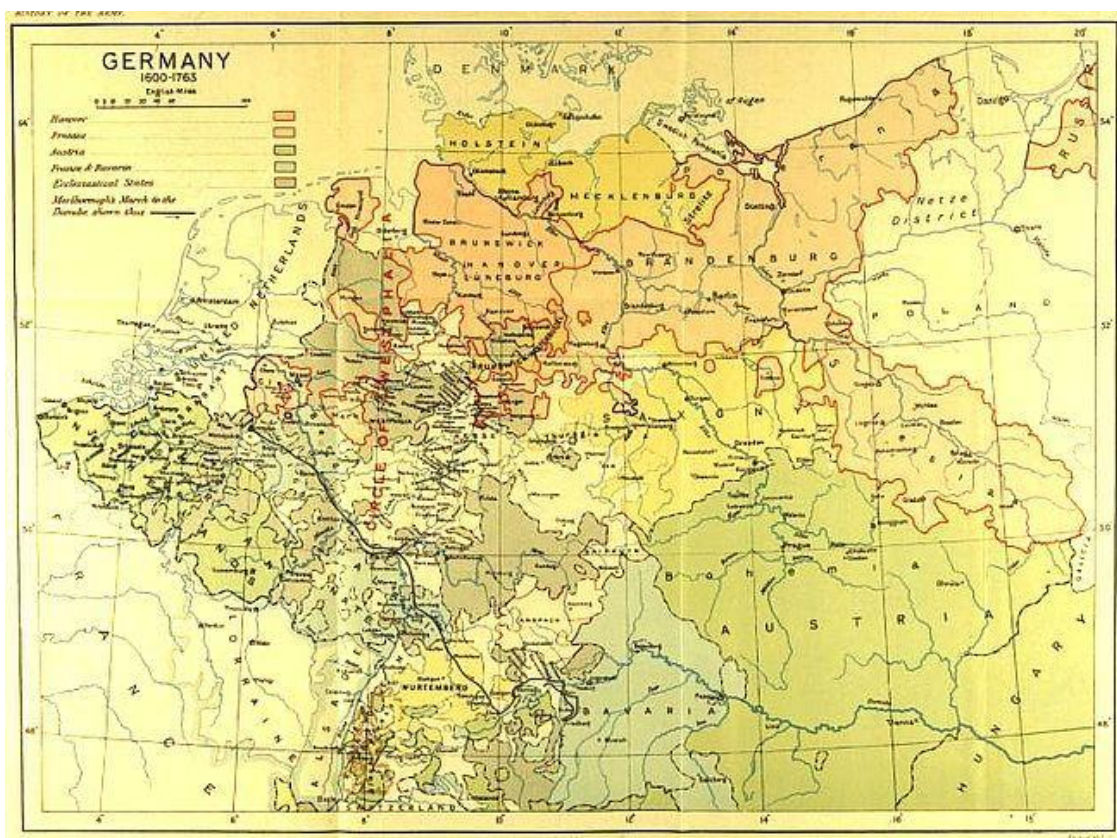
КАРТА II.Конец тома I.

НИДЕРЛАНДЫ
В 18^{-м} веке

КАРТА III. Конец тома I.

ИСПАНИЯ И ПОРТУГАЛИЯ

КАРТА IV. Конец тома I.

ГЕРМАНИЯ
1600-1765

СНОСКИ:

- [1] Здесь я должен упомянуть, что там, где упоминается "Военное искусство г-на Омана", упомянутый том представляет собой краткое эссе, опубликованное в 1885 году, а не более крупную и гораздо более важную работу того же автора, которая, к моему великому несчастью, появилась слишком поздно, чтобы я мог ею воспользоваться.
- [2] Инопланетный капитан гарнизона Херефорда пытался в 1055 году нарушить этот обычай. "Англичане *против всего* в равной борьбе с правосудием" (см. Хьюитт, том i, стр. 17).
- [3] Это, по-видимому, самое простое и вероятное решение проблемы частокола, которое вызвало такие ожесточенные споры (см. Келер, том i, стр. 8).
- [4] Оман.
- [5] Конечно, одну строку не следует понимать как отдельный ранг. Это была линия клиньев или, как мы бы сейчас сказали, линия колонн.
- [6] Кольчуга изготавливалась из железных колец или чешуек, пришитых к коже.

[7] Habergeon представлял собой похожее, но меньшего размера пальто без рукавов.

[8] Венок представлял собой железную тюбетейку без козырька.

[9] Вамбе представлял собой дублет, подбитый хлопком, шерстью или волосом и обычно обтянутый кожей.

[10] Смертность среди лошадей и трудности с получением новых лошадей часто вынуждали рыцарей-крестоносцев сражаться пешими.

[11] Кольчуга представляла собой комплект кольчуги, капюшон соединялся с курткой с рукавами, бриджами, чулками, обувью и латными рукавицами из двойной кольчуги.

[12] Клюв представлял собой широкое изогнутое лезвие, закрепленное на конце семифутового древка, иногда с добавлением острия и крючка.

[13] Г-н Оман ("Искусство войны в средние века", стр. 104) придерживается мнения, что прорвать линию лучников простой фронтальной атакой было задачей почти такой же безнадежной для кавалерии, как прорыв современного каре, и считает, что лучникам нужна поддержка только на флангах. При всем уважении я должен отвергнуть эту точку зрения, как противоречащую как истории, так и здравому смыслу.

[14] Барнс.

[15] Вильгельм Ипрский, прибывший в Англию на жалованье Стефана в 1138 году, считается первым из *кондотьеров*.

[16] Откуда происходит французское слово *destrier*.

[17] От немецкого *танка*, кольчуги.

[18] Кольчуга без рукавов.

[19] Самый ранний образец униформы в современной Европе обнаружен в ополчении фламандских городов в битве при Куртрае в 1302 году (Келер).

[20] Контрактная цена лука в 1341 году составляла неокрашенный 1 шилл., окрашенный 1 шилл. 6d.; связки из двадцати четырех стрел 1 шилл. 2d. Зарплата лучника составляла 3 доллара в день.

[21] См. 1 Царств хх. 40.

[22] Поскольку историк Королевской артиллерии проигнорировал этого джентльмена, мы можем назвать его имя, Томас де Ролдестон (см. Хьюитт, том ii, стр. 289).

[23] То, что со времен зулусской войны мы называли *лагерем*, забыв английское слово, которое было у нас под рукой.

[24] Единственным авторитетом в этом отношении является рифмованная хроника "Чандос геральд", но, как замечает Келер, ход событий был настолько естественным, и, я могу добавить, выдумка такой истории была настолько невероятной, что с ней трудно не согласиться.

[25] Меч исчез, но ножны остались.

[26] Смотрите всю сцену "Кентерберийские мемориалы" Дина Стэнли.

[27] Сэр Артур Уэлсли занял испанские позиции во время своего похода на Ролису (Беседы герцога Веллингтона, стр. 3).

[28] Они были признаны статутом 5 Генриха IV., на принятие которого позже опирался Карл I.

[29] Правильнее Азинкур.

[30] Монстр.

[31] См. Philippe de Commines, bk. i. глава iii. "[В битве при Монлери, 1464 г.] самые почетные люди сражались пешими среди лучников ... в каком порядке они учились у англичан, которые являются лучшими стрелками в мире".

[32] Читатель увидит, как ранняя кавалерия попала в разлом, который привел к потере Нейсби.

[33] "Те же трудности Великопостной кампании возникли при осаде Орлеана столетие спустя. Это было преодолено тем, что генерал настоял на том, чтобы папский легат, находившийся в лагере, дал разрешение, что он очень неохотно сделал; после чего каждый солдат в армии "за то, чтобы поддержать господина легата" (Brantôme, изд. Эльзевир. том i. стр. 225).

[34] Однако на страницах Шекспира он остается повешенным, и это, пожалуй, худшая участь, которая могла его постичь.

[35] 18 Генрих VI. глава 18.

[36] Роберт Патиллок.

[37] Оманский Уорик.

[38] Однако не все они были негодяями. В письмах Пастона некоторые профессиональные солдаты, нанятые для частной обороны, описываются как джентльмены, чувствующие себя комфортно, и их работодатель предупрежден, что их нельзя укладывать спать более чем по двое в одной кровати (том ii. стр. 327).

[39] То же самое было замечено и на наших осенних выставках.

[40] Уже делался намек на замену полномочий шерифа баронами при наборе войск и, как следствие, на выдачу ливрей сформированному таким образом корпусу. Возможно, стоит отметить и отбросить тот незначительный момент, что гарнизон Кале, единственная по-настоящему национальная сила, принадлежавшая в тот момент Англии, был одет в алые мундиры и был первым английским солдатом, отличившимся таким образом.

[41] Читатели Kenilworth наверняка помнят балладу, процитированную Джайлзом Гослингом—
"Он был цветком на красном поле Стоука"

Где на земле лежал убитый Мартин Сварт".

[42] Он оставил нам два слова: гаубица и пистолет, оба из которых произошли от чешского.

[43] Иоанн Винтертурский. Если читатель когда-либо пользовался длинным багром для рубки нависающих ветвей, он оценит силу алебарды.

[44] "Самое раннее упоминание о длинной пике встречается в приказе, адресованном бюргерам Турина графом Филиппом Савойским в 1327 году; но неизвестно, швейцарцы позаимствовали ее у савояров или савояры у швейцарцев" (Келер).

[45] Сравните французский эквивалент, *enfants perdus*. *Hauf* было обычным немецким словом, обозначающим любую группу солдат, от роты до батальона. Следовательно, английское слово *hore* - искаженное, *hauf* имеющее больше отношения к куче, чем к надежде.

[46] *Полевой обрист*, ныне *полковник*.

[47] *Гауптман*. Немцы мудро цепляются за эти старые титулы и сохраняют их.

[48] *Лауфгельд*.

[49] Похоже, это воспоминание о римском *югуме*.

[50] *Фанляйн*, флаг или энсин.

[51] *Muster* - искаженное французское *monstre*, латинское *monstrare*. Так что пройти сбор - значит пройти проверку.

[52] *Фенляйн*.

[53] *Stellvertreter*. С тех пор немцы отказались от слова "*лейтенант*".

[54] *Фельдфебель*. Мы можем назвать его цветным сержантом.

[55] *Gemeinweibel*.

[56] *Фурье*.

[57] *Рот*.

[58] *Роттмейстер*. Сэр Вальтер Скотт в "Легенде о Монтрозе" необъяснимым образом перепутал это слово с *Rittmeister*, что совсем другое дело; редкая ошибка для него.

[59] Любопытным признаком сочетания его функций является то, что в каждом постоянном лагере начальник устанавливал виселицу, которая служила как для обозначения степени его власти, так и для обозначения места расположения рыночной площади, или, как мы должны это называть, столовой.

[60] *Верглейхер*.

[61] *Recht der langen Spiesse*.

[62] Раскат на двух первых тактах такта, единственная нота на третьем и тишина на четвертом.

[63] Посмотреть аккаунт в Paul Jove.

[64] Нам нет необходимости вступать в спор о том, произошло ли это слово от *columna* или *corona* или ни от того, ни от другого. В течение столетия или более оно писалось безразлично

"полковник" или "коронель", к последнему, несомненно, относится современное английское произношение. Брантом всегда пишет *couronnel*; Мильтон в своем знаменитом сонете придает слову достоинство трех слогов. Некоторые говорят, что оно было заимствовано у ландскнехтов, но это явная ошибка. (Смотрите статью мистера Джулиана Корбетта, американского историка. Ревью, октябрь 1896 г., "Полковник и его команда").

[65] *Французский enseigne; лат. insigne, signum.*

[66] Но только после Семилетней войны, когда лорд Джордж Саквилл подал заявку на "меховщика".

[67] Мы даже находим это слово, воплощенное французскими писателями как шлюха мадам Пикоре.

[68] На самом деле эти злоупотребления, похоже, были более вопиющими во Франции, чем где-либо еще, без сомнения, из-за деморализации, вызванной религиозными войнами. См., например, Брантома и Мемуары Сюлли.

[69] Смотрите замечательную беседу в Brantôme, изд. Эльзев. том i. С. 376-382.

[70] Маркиз дель Васто, из той же семьи, что и Пескайра.

[71] Например, Роджер Уильямс и Таванн.

[72] По-испански называется *alferez*.

[73] Брантом.

[74] Терцио, как и полковник, является загадкой, которая не поддается решению. Это означает треть, но треть того, что неизвестно (см. Статью г-на Джулиана Корбетта, процитированную выше, стр. 94).

[75] В рукописи MS. treatise, хранящейся в Архиве, датированной 1570 годом, рекомендуемый диаметр - 28 балетов на фунт. Это оставалось знаменем французской армии на протяжении всех войн Людовика XIV.

[76] Musket - это просто слово mosquito. Более крупное оружие называлось селезнями, соколами и тому подобным, а меньшее, следовательно, в честь меньших летающих существ.

[77] Mem. de Vieilleville.

[78] Это снова слово, которое бросает вызов навыкам этимолога.

[79] *Пуатриналь*, названный так потому, что его прижимали к груди.

[80] Mem. de La Noue.

[81] Таванн, изд. Петито, том i, стр. 304.

[82] Таванн, Ла-Нуэ.

[83] Любопытно сравнить параллельное соревнование броненосцев и артиллерии в настоящее время.

[84] *Риттмейстер.*

[85] *Фенрих.*

[86] *Фурье.*

[87] *Вахтмейстер.*

[88] Подробности организации рейтеров взяты из "Кригсбуха" Леонарда Фронсбергера, 1566 г.

[89] Вполне возможно, что пример Ксенофонта способствовал отказу от ударной тактики в пользу метательной в кавалерии.

[90] Существовало два типа солдат: солдат-джентльмен и солдат-йомен. Отсюда название указывает на набор мужчин ниже статуса джентльмена. На флоте все еще есть "Йомены-сигнальщики".

[91] Должен признаться, что это следует выдвигать скорее как предположение, чем утверждение; но примечательно, что Генрих VIII. разрешил артиллерийской роте использовать любые цвета, кроме пурпурного и алого. Зеленый и белый были любимыми цветами эпохи Тюдоров, их использовали даже в лентах для прикрепления Большой печати.

[92] Cal. S. P. 20 ноября 1509 года.

[93] *Там же.* 5 июля 1511 года.

[94] *Там же.* 3 ноября 1509 г., 20 июня, 1 июля 1511 г., 8 апреля 1512 г. Раймер, том. xiii. стр. 329.

[95] Cal. S. P. 5 августа 1512 года.

[96] Стоу.

[97] Таково, по крайней мере, мое впечатление. Главнокомандующий войсками, которыми не командует лично король, именуется лейтенантом или наместником короля. Точно так же командир личной гвардии именуется лейтенантом, а сам король - капитаном. Сравните титул, который мы сейчас увидим представленным, - лорд-лейтенант. Но мы встречаем также фразу "лейтенант" (*то есть* командующий офицер) арьергарда или другой из трех армейских дивизий. Это слово всегда используется в отношении высокого поста.

[98] Однако в 1542 году Уоллоп постоянно говорит о прапорщиках (см. *Государственные документы*, Генрих VIII. (изд. 1830, 1849), том ix. *anno* 1542).

[99] Cal. S. P. 1513. 4460.

[100] *Там же.* 4441.

[101] Cal. S. P. том ii. часть i., 6 Генрих VIII. главы 2, 11, 13.

[102] *Там же.* том iii. часть i. стр. 402.

[103] На встрече с Франциском и Карлом V. Генрих взял за свое приспособление английского лучника в зеленом плаще, наносящего удар стрелой в голову (Камден).

[104] Cal. S. P., Генрих VIII., том iii. часть i. 869.

[105] Там же. том iii. часть ii. 2012, 2013.

[106] Там же. 2995.

[107] В *части* оригинала. Лант - шотландское название мушкетной спички до конца (Cal. S. P., Генрих VIII., том iii. часть i. 3494).

[108] Смотрите вооруженную силу Англии в 1524 году. Там же. том iv. часть i. 972.

[109] Там же. 2086.

[110] Шесть футов. Длина лошади была рассчитана на ту же цифру сто лет спустя.

[111] Государственные документы (изд. 1830-1849), том ix. стр. 523, 524.

[112] Генрих в 1519 году пытался закупить лошадей из Италии, но был проинформирован Альфонсо Феррарским, что там порода тоже пришла в упадок (Cal. S. P. vol. iii. часть i. 171). Генри пожертвовал целых 35 фунтов стерлингов, огромную сумму, на своих собственных лошадей.

[113] Cal. S. P. 1514. 4902.

[114] Там же. 1513. 4375.

[115] *Убрать*. Миномет - это по-немецки *meerthier*, морской зверь. Поэтому другие предметы были названы в честь рептилий, монстров и птиц — змееносцев, драконов, василисков, соколов, кулевринов и т.д.

[116] См. Cal. S. P., Дом., Дополнения (1561-1579), стр. 78-84.

[117] Cal. S. P., Дом., Дополнения (1566-1579), стр. 111-113, 115-116, 121-123, 126-127, 129.

[118] Одно предложение дает ключ к пониманию того, что Генрих VIII долгое время не одобрял огнестрельное оружие. "Разве безопасность страны не стоит большего, чем спасение нескольких диких птиц?"

[119] *Убрать*.

[120] Слово было заимствовано из французского *casaque*, обычного термина для обозначения ливреи. Вскоре были добавлены обличовки. Cal. S. P., Дом. (1595), стр. 22.

[121] Cal. S. P., Дом. (1581-1590), стр. 16.

[122] Cal. S. P., Дом. (1581-1590), стр. 255.

[123] Один язвительный критик утверждает, что выражение появилось из-за количества низкородных капитанов, которые, не имея герба на своих прапорщиках, были вынуждены полагаться только на различия по цвету кожи.

[124] Коллинз.

[125] *Терсио Вьехо*.

[126] Пресс-службы были не очень щепетильны. Однажды они воспользовались Пасхальным воскресеньем, чтобы закрыть двери всех церквей в Лондоне и увезти тысячу человек из различных конгрегаций.—Стоу.

[127] Внук победителя Павии.

[128] Стоу говорит, что они произвели только два залпа, что, я надеюсь, неверно. Этот отрывок, однако, показывает, что причина трех залпов была уже многим неизвестна.

[129] То есть форт или укрепленный пункт. *German schanze*. Кажется, жаль, что мы допустили, чтобы столь полезный термин устарел.

[130] Убрать.

[131] Cal. S. P., Дом. (1588), стр. 513.

[132] Родился 14 ноября 1567 года.

[133] Смотрите английский перевод "Тактики" капитана Джона Бингема, 1619 год.

[134] Послушайте, например, Таванна, который, как доказывают его труды, был во многих отношениях превосходным солдатом: "Это грандиозное изобретение практических упражнений во Фландрии в период деми-туров, неуклюжих и по праву древних людей, которые не привыкли к (!) бездействию сражение с австралийцами — это работа по поддержанию мира" (Воспоминания). Таванн начал писать в 1599-1600 годах и умер в 1629 году.

[135] Возможно, следующее объяснение прояснит это: — Там, где английский офицер теперь произнес бы слово "Построиться по четверо" (чтобы преобразовать два ранга в четыре), голландский офицер сказал бы: "По правую руку, удвойте свои ряды". Там, где англичанин произнес бы слово "Фронт" (чтобы преобразовать четыре шеренги в две), голландец сказал бы: "По левую руку удвойте свои ряды".

[136] 1599.

[137] Его диаметр составлял тридцать пуль на фунт.

[138] Эти остановки уже тогда были известны под названием "уклонение от расчетов".

[139] Голландия, Зеландия, Утрехт, Гелдерланд, Овериссель, Фриланд, Гронинген.

[140] Я следовал рассказу сэра Клементса Маркхэма ("Боевые вересы"), отдавая предпочтение рассказу Мотли в описании битвы, убедившись после тщательной консультации с авторитетными источниками, что его рассказ более точен.

[141] Хексэм. Это первый случай, с которым я столкнулся, употребления слова *parade*, которое, очевидно, испанского происхождения.

[142] Хексхэм.

[143] Взятие Везеля стало поводом для ликования; и детали описания подводят меня к выводу, что *feu de joie* была новинкой.

[144] "Однажды меня заставили стоять у ворот Лувра в Париже, когда я проходил обучение в королевском гвардейском полку, за то, что я спал утром, когда мне следовало быть на тренировке. В наказание меня заставили стоять с одиннадцати до полудня и до восьми часов ночи на страже в корсете, головном уборе, безрукавках, которые были железными до зубов, в жаркий летний день, пока я не устал от своей жизни". — Экспедиция Манро, стр. 45.

[145] Но бедняге Данбару и его четырём компаниям не суждено было принять в этом особого участия. Вскоре после этого он снова бросил вызов всей армии Тилли, и после отчаянного сопротивления восемьсот человек были уничтожены, только семерым или восьми удалось спастись, чтобы рассказать об этом.

[146] В шведской армии существовало только два "порядка": *Открытый порядок* для парада, что означало расстояние в шесть футов от человека к человеку, протянутая рука к протянутой руке; и *Боевой порядок*, расстояние в три фута от человека к человеку, локоть к локтю.

[147] В те дни досье состояло, конечно, из шести человек, а не из двух, как сейчас. Таким образом, число пикинеров составило бы восемнадцать, а мушкетеров - двадцать четыре человека.

[148] *Ротмистров* было пятнадцать, шесть капралов довели общее число до необходимых двадцати одного.

[149] См. Монро, том ii. стр. 65.

[150] Подчеркивается тот факт, что Густав всегда лично возглавлял кавалерию. Несомненно, он любил свою Лошадь, но поскольку в то время кавалерия всегда располагалась на флангах, а правый фланг был почетным, это не имеет большого значения.

[151] Они были названы в честь своего изобретателя "Sandy's stoups" и использовались шотландцами в битве при Ньюберне в 1640 году.

[152] Таллард фатально повторил это независимое формирование двух армий при Бленхейме.

[153] Поскольку я считаю, что патристически настроенные северные британцы все еще выдвигают эту претензию, лучше сказать, что она абсурдна. Истинная шотландская гвардия существовала независимо до Революции, и претендовать на ее привилегии для полка Хепберна так же абсурдно, как если бы корпус, сформированный завтра и возглавляемый полудюжиной джентльменов из гвардейских гренадер, претендовал на превосходство над всей британской пехотой.

[154] Далтон, том i, стр. 234.

[155] Мистер Далтон очень подробно рассказал историю Сесила в своей книге "Жизнь".

[156] Уорд, анимационные версии Warre.

[157] См. "Паллада Армата" сэра Т. Келли, 1627 год. Этот писатель заслуживает упоминания как первый, кто ввел систему муштры по числам. Он так же бойко говорит о четных и нечетных числах, как современный сержант-строевик.

[158] Баррифф и Уорд.

[159] Обо всей полемике можно подробно прочитать в Рашворте.

[160] Его имя действительно фигурирует как прапорщик в списке пехотной роты, призванной на службу в Ирландию (напечатан в июне 1642 года), но это мало что значит.

[161] Однако я нашел ранний пример этого во французских религиозных войнах, но, к сожалению, потерял ссылку.

[162] Говорят, что он занял место напротив Кромвеля, но он занял только свое обычное место справа от линии; он занял ту же позицию в Нэйсби и не потрудился встретиться с Кромвелем там.

[163] Выдвигались всевозможные причины для объяснения (предполагаемого) экстраординарного факта, что солдаты Кромвеля в какой-то момент оказались в невыгодном положении. Объяснение довольно простое, это не более чем обычное колебание маятника в кавалерийском бою.

[164] Совершенные отрывки, 30 апреля 1645 года.

[165] Всего барабанных боев было шесть: 1 - Призыв; 2 - Марш; 3 - Войска; 4 - Подготовка; 5 - Сражение; 6 - Отступление. Трубных звуков также было шесть: 1, Butte sella, искаженное с тех пор в "Сапог и седло"; 2, Monte cavallo (гора); 3, Tucket (предупреждение к маршу); 4, Carga (атака); 5, Alla Standarda (к штандарту); 6, Auquet (постановка часов).— Уорд, анимационные версии Warre.

[166] "Молодой всадник и честный, добродушный кавалер" Джона Вернона, 1644 год. Краткий учебник по строевой подготовке в форме брошюры, подготовленный кавалером-офицером в малом компасе для офицеров, "которые носят его в кармане". Это первая солдатская записная книжка для полевой службы на нашем языке. Она находится среди королевских брошюр в Британском музее.

[167] Баррифф.

[168] Иногда, однако, кажется, что драгуны брали с собой по десять дополнительных человек на роту просто для того, чтобы придержать лошадей. Даже в этот ранний период встречаются беглые упоминания о легких драгунах, но четкого описания о них нет. Через несколько лет о войсках стали говорить как о драгунских ротах.

[169] Который тогда назывался лимбером.

[170] Шанцбауэрн. Фронспергер.

[171] Во Франции они были примерно на том же уровне.

[172] Так в Спригге, правильнее генерал-сержант-майор.

[173] В списке Спригга пеший имеет преимущество перед конным; и это было правилом в английской, хотя и не во французской армии.

[174] Этот инцидент показывает, что ударные действия еще не были полностью правилом.

[175] Назван по имени *терцио* на современных планах, вероятно, образован в старой испанской формации, которую Тилли использовал в Лейпциге.

[176] Этот предмет представляет собой косвенное доказательство того, что либо было нанято несколько копейщиков, либо что, если их нанимали, с них снимали защитные доспехи. Пика уже устарела.

[177] Смотрите очень уместную выдержку из депеш Веллингтона, цитируемую мистером Гардинером—Содружество, том 1, стр. 132, 147.

[178] Родословная полка Монка такова: полк Уэлдона Нового Образца стал сначала полком Роберта Лилберна, а в 1649-50 годах полком сэра А. Хейзелригга. Компания Lloyd's Новой модели перешла по наследству к Герберту Овертону, а в 1649 году - к Фенвику. За эту информацию я обязан доброте мистера К. Х. Ферта.

[179] Ходжсон.

[180] Ходжсон.

[181] Это опять-таки, по-видимому, заимствовано у французов. В 1558 году Вьейвиль вручил своим войскам медали с изображением короля и ленту своих цветов (см. "Мемуары Вьейвиля").

[182] Люди были набраны из трех полков Данбара: собственного Кромвеля, Гоффа и Инголдсби, увы, нет! из полка Монка.

[183] За разъяснение этой кампании я обязан книге мистера Джулиана Корбетта "Монах" (сериал "Люди действия"), замечательному очерку замечательного человека. Письма монаха можно прочитать в Турлоу.

[184] Лучший современный отчет об управлении Генри Кромвелем можно найти в его собственных письмах, опубликованных в государственных документах Турлоу.

[185] Сан-Доминго.

[186] Собственное выражение Фортескью. Посмотри его письма в Турлоу.

[187] История Вест-индской экспедиции очень подробно изложена в Государственных документах Турлоу. Есть несколько дополнительных статей в Cal. S. P., Col., и два отчета в "Истории Америки" Огилви и в Harleian Miscellany.

[188] Смотрите брошюру "Поле Блуди" в King's Pamphlets, Британский музей.

[189] Турлоу, том vi. стр. 18.

[190] Коллинз, Государственные документы (июль 1603 г.), стр. 277.

[191] "Английский и французский форт бьен." Посмотрите его письмо в Турлоу.

[192] Следует помнить, что это не было фигурой речи. Кромвель был первым, кто собрал представителей Шотландии и Ирландии в Вестминстере.

[193] Джеймс II Кларка.

[194] Лучшим английским источником для описания кампании во Фландрии являются Государственные документы Турло; есть также некоторые любопытные подробности в трактате в Harleian Miscellany, которые, однако, я принял только после подтверждения из газет. Мемуары Бюсси Рабутена и "Джеймс II" Кларка. среди других авторитетных источников.

[195] Гамбл, капеллан, из Жития монаха которого взят этот рассказ.

[196] По обычным данным, 9600 человек, не считая офицеров.

[197] Я думаю, в этой связи уместно напомнить читателю о военных маневрах мятежных ангелов в "Потерянном рае".

[198] "Сначала появилось полдюжины карабинеров в кожаных куртках и потертых от непогоды джадах, точно так же, как многие пивовары в своих куртках, сделанных из старых сапог, едут за старыми бочонками; а за ними столько же легких всадников с большими седлами и старыми сломанными пистолетами, и среди них почти нет шпаги, точно так же, как у многих скрипачей со скрипками в футлярах у боков своих лошадей.... На работах в Бристоле была рота лакеев с ранцами и половинчатыми пиками, похожих на лудильщиков с бюджетами за спиной, и несколько мушкетеров с патронташами на шеях, похожих на роту свиноматок". — Газета. (Ссылка, к сожалению, утеряна.)

[199] Это видно из упоминания "поезда" в списке в журналах Commons за сентябрь 1651 года. Затем полевой поезд был целиком переведен в Шотландию, где мы находим его до сих пор в декабре 1652 года и снова в 1659 году (апрель). Смотрите журналы Commons.

[200] Турло, том vii. стр. 714. Это первый отрывок, в котором я встречаю слово, написанное таким образом: "определенные здания... называемые казармами или испанскими кварталами". Но есть упоминание о *бараке* в рядах осаждающих перед Остенде в 1604 году. Гримстон.

[201] Любопытно отметить, что голосование за статую Оливера Кромвеля в 1895 году проводилось партией, которая предлагает отменить его работу, и потерпело поражение от партии, которая желает ее продолжить. Сторонники Унии намеренно отказали в этой запоздалой чести человеку, который сделал больше, чем кто-либо другой для создания Унии, и который фактически был первым, кто созвал представителей Шотландии и Ирландии в Вестминстер. Вопрос о том, была ли искренна какая-либо из сторон, вполне может считаться сомнительным.

[202] Герцог Глостерский умер в том же году.

[203] Я не нахожу достаточных оснований предполагать, что это был полк Унтон Крука Нового образца, который был расформирован двумя месяцами ранее.

[204] О возвращении "Баффс" в Англию читайте в голландских документах (Архивное бюро), пачки 233-235.

[205] Историк Второго пехотного полка опубликовал много материалов, касающихся Танжера. Подробности также можно найти в книге Клиффорда Уолтона "История британской постоянной армии", стр. 22.

[206] Я уверен, что ни один читатель не обвинит меня в том, что я оставил его наедине с его Маколеем для описания этого восстания.

[207] Следует отметить, что только два из этих полков были сформированы в округах, указанных их нынешними названиями, а именно 11-м (Северный Девон) и 12-м (Восточный Саффолк).

[208] Экспедиция, том ii. стр. 37, 73.

[209] Мелодию, написанную в тональности соль мажор в такте 6/4, можно найти в современных изданиях "Тристрама Шенди" в конце главы iii. из второй книги. Он превосходно подходит для флейт и барабанов.

[210] Возможно, что было трудно найти готовых писателей среди военных, и еще труднее убедить их объединить меч и перо.

[211] Но на самом деле мне не удалось выяснить, каким юридическим органом было введено военное положение в отношении парламентских войск во время Гражданской войны. Похоже, не было предпринято никаких усилий для того, чтобы придать власти генералов хотя бы видимость законности.

[212] Между тем, отдавая должное клеркам, не следует забывать, что их жалованье выплачивалось очень нерегулярно и что они зависели главным образом от своих привилегий. На самом деле мы не осознаем, насколько недавно заработная плата вытеснила гонорары чиновников.

[213] Прапорщиков и отбуа обычно можно найти в старых списках призывников под именами Джона Доу, Ричарда Роу и Питера Сквиба.

[214] Cal. S. P., дом. (30 июня 1666 г.), стр. 478.

[215] Которая, однако, вскоре была заменена шляпой, с железным черепом под ней или без него.

[216] Некоторые говорят, что в 1678 году, но никаких признаков их появления в армейских списках или реестрах комиссий до 1683 года.

[217] Испанская *гранада*, гранат. Гренадеры были созданы во Франции в 1667 году.

[218] Топор был выпущен для рубки частоколов при атаке укрепленного места. Это одна из причин, почему гренадеров почти всегда отчитывали за штурм крепости.

[219] Но этот рейтинг не ограничивался ими. Королевские шотландцы в этот период имели вторых лейтенантов в дополнение к прапорщикам.

[220] Cal. S. P., полковник (1677-1680), № 397, 1141.

[221] Пособие в 1692 году составляло четырнадцать человек на компанию.

[222] О нежелании французов расставаться с пиками см. Belhomme, L'Armée Française en 1690, стр. 24, 25. Слово *пикет* происходит от того времени, когда пикинеры были всего лишь небольшим отрядом в центре батальона, *там же.*, стр. 42.

[223] Так, генерал Кадоган, будучи фактически главнокомандующим, держал в руках половинку пики на смотре гвардии в июне 1722 года. Летающий пост, 14 июня 1722 года (Мальборо умер 16 июня 1722 года).

[224] Однако пикинеры Гвардии Швейцарии во Франции годами носили защитные доспехи после того, как от них отказались другие, что является любопытным пережитком былой славы швейцарцев.

[225] 2-я Королева.

[226] Лучшего примера этого нельзя найти, чем у Георга фон Фрундсберга, знаменитого лидера ландскнехтов, который однажды, будучи верховным командующим армией, отобрал у артиллериста приклад, прицелился и выстрелил из ружья сам. "Офицер, командующий артиллерией" немедленно подошел, уволил наводчика и велел Георгу присматривать за своими людьми и не трогать чужие орудия.

[227] 1-й батальон королевских шотландцев, "Баффс", 7-й, 21-й, Collier's, Fitzpatrick's.

[228] Cal. S. P., дом., 23 мая 1689г.

[229] Калифорнийский университет, Дом., 10 мая 1689г.

[230] "Беспечные" - это выражение Вальдека. См. Cal. S. P., Дом., 1 июня, 28 июня, 18 сентября, 23 сентября.

[231] Он был уволен за то, что одел свой полк в литую одежду другого полка.

[232] "Самый благочестивый человек, которого я когда-либо знал". *Бернет*.

[233] Французы внедрили это усовершенствование некоторое время назад.

[234] Cal S. P., дом., Шомберг королю, 27 августа 1689г.

[235] Но в этом не было ничего необычного во всех армиях Европы. Французские боеприпасы выходили из строя точно так же, и многие орудия в Каррикфергусе были голландскими. См. Belhomme, L'Armée Française, 1690, стр. 131; и Commons Journals, 19 марта 1706-7.

[236] Cal. S. P., дом. 12 сентября 1689г.

[237] Власти Маколея.

[238] Cal. S. P., дом., Шомберг королю, 3 октября 1689г.

[239] См. Статью Раймера, анно 1346.

[240] Письмо Харборда, Калифорния, США, 18 сентября 1689г.

[241] Письмо Шомберга, *там же*. 20 сентября 1689 года.

[242] Письма Шомберга, Cal. S. P., Дом., 12 октября, 26 декабря.

[243] Шомбергу, 26 декабря 1689 г., *там же*.

[244] До., 30 декабря 1689 г., *там же*.

[245] Харбор, 23 октября 1689 г., 9 января 1690 г., *там же*.

[246] Шомбергу, 24 декабря 1689 г., Калифорния, США, дом.

[247] До. 16 октября 1689 г., *там же*.

[248] До. 26 декабря 1689 г., *там же*.

[249] Харбор, 23 октября 1689 г., *там же*.

[250] Шомбергу, 30 декабря 1689 г., *там же*.

[251] Более подробную информацию об этой ирландской кампании со всеми авторитетными источниками можно найти в "Истории постоянной армии" Клиффорда Уолтона, стр. 70 кв. Некоторые подробности также у Маколея. Несколько писем Шомберга полностью напечатаны в Мемуарах Далримпла.

[252] Журналы Commons, 8 ноября 1689г.

[253] Шомбергу, 10 февраля 1690 г., Калифорния, США, дом.

[254] Послание Кармартена королю, февраль 1691 г., Калифорния, США, Дом.

[255] Саутвелл, январь 1690 г., *там же*.

[256] Смотрите весьма примечательный меморандум в Cal. S. P., Дом. (1691), стр. 398-400.

[257] Ирландские кампании с большой полнотой описаны полковником Клиффордом Уолтоном и, в частности, участием в них Мальборо в книге лорда Уолсли "Жизнь Мальборо".

[258] Четыре отряда лейб-гвардии, десять конных полков, пять драгунских, сорок семь пеших батальонов.

[259] Я чуть было не написал, что Франция тогда, как всегда, была первой военной державой; и хотя Пруссия отвоевала у нее это положение при Фридрихе Великом и снова в 1870 году, урок истории, кажется, учит, что она такая же действительно первая военная нация, как Англия - первая военно-морская.

[260] Бельомм, стр. 153.

[261] Фейкьер.

[262] То есть наземного транспорта. После печального опыта ирландской войны морской транспорт был доверен офицеру, специально созданному для этой цели. —Журналы Commons.

[263] Я пишу деревню в соответствии с популярной в Англии модой и фламандским произношением. Так много имен во Фландрии, кажется, находятся на стыке фламандского и французского, что трудно понять, как их записать.

[264] Пятьдесят три батальона пехоты и семь полков драгун.—Красавчик.

[265] Ни одно поле боя не просматривается с первого взгляда лучше, чем поле битвы Лондэна. На пути вдоль железной дороги от станции Ланден находится насыпь, образованная землей, выброшенной из вырубki, с вершины которой видна вся местность.

[266] Сент-Саймон. За исключением одной ложины, в которой могли бы разместиться три или четыре эскадрона в двойном строю, на равнине нет ни малейшего укрытия, где французская кавалерия могла бы найти защиту.

[267] Лейб-гвардии, 1-й, 3-й, 4-й, 6-й гвардейский драгунский полк, кавалерия Голуэя.

[268] Это, конечно, Талмуд Тристрама Шенди и Истории Маколея. Однако он подписал свое имя так, как я пишу его здесь, и я охотнее использую его собственное написание, поскольку его легче идентифицировать с сегодняшним Толлемахом.

[269] Послание Годольфина королю, 2 февраля 1691 г., *С. П., Дом*.

[270] Журналы Commons, 24 февраля, 5 марта, 1693-1694. Полный отчет можно найти у полковника Клиффорда Уолтона, стр. 483.

[271] Журналы Commons, 26 февраля 1693-1694.

[272] Гастингс Тринадцатый.

[273] То есть для компенсации разницы в оплате труда англичан и ирландцев, поскольку в Ирландии ставка ниже, чем в Англии, из-за большей дешевизны продуктов.

[274] Смотрите "Поездку Фаркуара на юбилей".

[275] См. С. J. 19, 25 марта, 16 декабря 1696 г.; 5, 7, 15, 23 января 1697 г.; 3, 7, 10, 12, 17, 24, 27 января; 7, 9, 14, 15, 16 февраля 1698 г.

[276] С. J. 8 июня 1698г.

[277] Burnet.

[278] Численность и распределение корпуса были следующими:—

Англия.— Три отряда лейб-гвардии и один гвардейский конно-гренадерский, в каждом по 180 человек всех званий. Два кавалерийских полка (Блюз, 1-й д.г.), в каждом по девять военнослужащих, 37 офицеров, 353 унтер-офицера и рядовых. Пять конных полков (3-й, 5-й, 6-й, 7-й д.г., Макклсфилдский), в каждом по шесть военнослужащих, 24 офицера, 244 унтер-офицера и рядовых. Три драгунских полка (королевский, 3-й и 4-й гусарские), в каждом по шесть военнослужащих, 24 офицера, 259 унтер-офицеров и рядовых. Первая гвардейская и гвардия Колдстрима, каждая из четырнадцати рот, 139 офицеров, 1826 унтер-офицеров и рядовых. 2-я, 3-я и 4-я пехотные, каждая из десяти рот, 34 офицера, 411 человек.

Ирландия.— Два конных полка (2-й д.г. и 4-й д.г.). Три драгунских полка (5-й и 6-й д., 8-й х.). Двадцать один пехотный батальон, 1-й Королевский (2 батальона), 5-й, 6-й, 8-й, 9-й, 10-й, 11-й, 12-й, 13-й, 14-й, 15-й, 16-й, 17-й, 18-й, 19-й, 20-й, 22-й, 23-й, 24-й, 27-й. Заведения были примерно того же масштаба, что и в Англии.

Шотландия.— Один отряд конной гвардии. Два драгунских полка (серый и 7-й х.). Шотландская гвардия, 21-й, 25-й, 26-й полки Кольера, Джорджа Гамильтона, Стратнавера.

Я могу добавить, что наибольшую трудность я столкнулся с составлением этой заметки. Прокламацию относительно Англии можно найти в Британском музее; прокламацию относительно Ирландии нет ни в Музее, ни в Архиве, но список был после долгих поисков извлечен из Регистрационной книги (Н. О. Mil. Записная книжка, том iii. Стр. 374-386). Шотландское заведение я составил, как мог, из различных источников, но не могу ручаться за его точность.

[279] Н.О. Mil. Записная книжка, том iii. стр. 327, май 1698 г.

[280] Burnet. Еще до расформирования один ирландский конный полк насчитывал 103 унтер-офицера, в общей сложности 490 человек всех званий.

[281] Смотрите петицию мужчин, уволенных из Macclesfield Horse. Журналы Викисклада, 18 апреля, 3 мая 1699г.

[282] Петиция Ричарда Николса и других членов Первой гвардии. Журналы Викисклада, 6 декабря 1699 года.

[283] Петиция Джона Доррелла, *там же*. 9 Декабря 1699 года. Дело было расследовано и прекращено в предыдущем парламенте.

[284] Журналы Commons, 9 января 1699-1700гг.

[285] Cal. S. P., Дом., 1691, стр. 241, 393.

[286] Вот один из примеров. Существовало правило, согласно которому обмундирование должно предоставляться полку в соответствии с его учреждением на бумаге, независимо от того, были ли заполнены списки призывников или нет; денежное довольствие за это (которое вычиталось из денежного довольствия солдат) предоставлялось полковникам на той же основе в конце финансового года. Полковники снабдили их соответствующей одеждой в начале 1697 года. В декабре многие полки были расформированы, и все они были значительно сокращены в результате Акта о расформировании, когда по справедливому приказу короля всем расформированным солдатам было разрешено забрать с собой свою одежду. В апреле 1698 года полковники подали заявление на получение пособия, но им сказали, что правило было изменено и что деньги им не будут выдаваться, за исключением тех, кто действительно числился в списках на момент сокращения или расформирования. Полковники, лишенные таким образом значительной части своего денежного содержания, были не в состоянии заплатить за одежду, и, конечно же, производители одежды подали на них в суд. Добавляется, что производители одежды приняли бы наличными только половину цены, которую они требовали в счетах казначейства. Смотрите петицию полковников в Палату общин в журналах от 28 мая и 4 июня 1701 года.

[287]

Филипп III, ум. в 1621г.

Филипп IV, ум. в 1665 году.

Карл II,
ум. в 1700 г.

Мария Терезия,
ум. Людовик XIV.

Маргарита,
ум. Леопольд I.

Людовик, дофин,
ум. в 1711 году.

Курфюрстина
Баварии.

Филипп,
герцог Анжуйский
(Филипп V.).

Жозеф,
принц-выборщик,
ум. в 1699 году.

Филипп III, ум. в 1621 году.

|

|— — — — — — — —|

Филипп IV, ум. в 1665г.

|

|— — — — — — — —|

Карл II,
—

-

Людовик XIV.

Маргарита,
ум. Леопольд I.

|

|

Людовик, дофин,
ум. в 1711 году.

Курфюрстина
Баварии.

|

|

Филипп,
герцог Анжуйский
(Филипп V.).

Жозеф,
принц-выборщик,
ум. в 1699 году.

[288] Намюр, Люксембург, Монс, Шарлеруа, Ат, Ауденарде, Ньюпор, Остенде.

[289] 12-й, 22-й, 27-й.

[290] 1-я битва. Первая гвардия, 1-й Королевский полк (2 чел.), 8-й, 9-й, 10-й, 13-й, 15-й, 16-й, 17-й, 18-й, 23-й, 24-й. Гвардейцы были заменены (после тщательного объяснения парламенту) по указанию самого Уильяма вместо 9-го пехотного полка.

[291] Семь конных и драгунских полков, четырнадцать пеших батальонов, пятьдесят шесть орудий.

[292] Кокс, том i, стр. 182.

[293] Итак, Куинси. Кокс указывает в качестве даты 25 августа- 5 сентября, но разница зависит лишь от толкования слова "инвестиции".

[294] Посмотреть описание в Kane.

[295] Бернет, Сомервилл, Тиндалл.

[296] 180 батальонов. В этот период батальон обычно укомплектовывается численностью 500 человек, а эскадрон - 120 человек.

[297] Дешеи Мальборо, том i, стр. 105.

[298]

Боевой порядок. Кампания 1703 года.

Только правое крыло.

Левое.

Правое.

1-я линия.

	Бригада Бригада Гамильтона.	Бригада Бригада Уизерса.	Бригада Бригада Вуда.	Бригада Росса.
Иностранные полки.	8 Футов.	„1 батальон. 1-я гвардейская.	1-й гвардейский драгунский полк.	1-й Королевский драгунский полк.
	17-я "	1-я батарея. Королевские шотландцы.	5-й гвардейский драгунский полк.	5-й Драгуны.
	33-й "	15-й пехотный	7-й гвардейский драгунский полк.	Шотландские серые.
	20 - й "	24 - й "	6 - й гвардейский драгунский полк.	Иностранный полк.
	13-й "	23-й Королевский валлийский. 9-й пехотный.	3-й гвардейский драгунский.	

2-я линия.

	2-я битва. Королевские шотландцы.		
	16-я нога.		
Иностранные полки.	26-е место среди камеронцев.		Иностранные
	21-й Королевский шотландский стрелковый полк.		Кавалерия.
	10-й пехотный.		

"Дейли Курант", 2 июня 1703 года.

[299] Дepeши, том i, стр. 198.

[300] Королевских драгун; 2-я, 9-я, 11-я, 13-я, 17-я, 33-я пехота.

[301] Драгуны Эрле. Нога Рука, Пастона, Делорейн, Инчиквина, Икеррина, Дангэннона и Оррери. Все ступни, кроме двух первых, были подняты в Ирландии.

[302] Куинси, том iv. стр. 245. Говорят, что из семнадцати батальонов только 1500 человек добрались до курфюрста Баварского при Донауэшингене.

[303] Тридцать четыре английских полевых орудия и четыре гаубицы приняли участие в знаменитом марше к Дунаю. Всего в поезде было 2500 лошадей. —Почтальон, 18 мая.

[304] Дневник зайца.

[305] Британская кавалерия (семь полков) образовала крайний левый фланг в боевой линии, с десятью британскими батальонами непосредственно справа от них. Еще четыре британских батальона составляли крайний левый фланг пехоты второй линии. См. стр. 445.

[306] По-видимому, это были 1-й гвардейский, 1-й королевский (2 батальона), 23-й и, возможно, 37-й.

[307] Их численность составит 1820 человек; по 130 человек от каждого из четырнадцати батальонов.

[308] 29 офицеров, 407 человек убито; 86 офицеров, 1031 человек ранено. Несколько подробностей с полным списком жертв можно найти в "Почтальоне" от 13 июля 1704 года. Именно из этого источника я черпаю информацию о Мордонтe и Мандене.

[309] Дepeши, том i, стр. 381.

[310] Фейкьеры.

[311] Кейн.

[312]

Боевой порядок. Кампания 1704 года.

Слева. Только левое крыло. Справа.

1-я линия.

		Бригада Гамильтона.	Бригада Роу.	
Четыре иностраннe эскадрильи.	Тридцать две иностраннe эскадрильи в трех бригадах.	8-й фут.	10-й фут.	Иностраннe батальоны.
5-й Королевский	3-й гвардейский	20 -е "	23 Королевского	

ирландский драгунский полк.	драгунский полк, 2 эскадрона.		Уэльского.
Шотландский серый полк, 1 эскадрон.	6-й гвардейский драгунский полк, 2 эскадрона.	16-й "	24-й пехотный.
	7-й гвардейский драгунский, 2 эскадрона.	1 батальон. Королевские шотландцы.	21-й королевский шотландский стрелковый полк.
	5-й гвардейский драгунский полк, 1 эскадрон.	1 Батальон. 1-й гвардейский.	3-й полк.
	1-й гвардейский драгунский полк, 3 эскадрона.		

2-я линия

бригада
Фергюсона.

Иностранные эскадрильи.	15-й пехотный. 37-й " 26-й камеронский. 2-я битва. Королевские шотландцы.	Иностранные батальоны.
-------------------------	---	------------------------

Из "Военной истории" Дюмона.

[313] 2-й гвардейский драгунский королевский драгунский полк, 2-я, 9-я, 11-я, 13-я, 17-я, 33-я пехота.

[314] Подразделения 1-го и Колдстрим-гвардейского, 13-го и 35-го линейных.

[315] 4-я часть. Он получил свое звание морского пехотинца взамен от другого корпуса.

[316] Сент-Саймон дает любопытный отчет о трудностях Льюиса в достижении истины из-за общего нежелания сообщать ему плохие новости.

[317] В Документах и значках армии указано, что Лиллингстон был сформирован в 1702 году. Но Нарцисс Латтрелл, Миллар и все записи в Военных книгах указывают дату 25 марта (Новый год) 1705 года.

[318] Отчет Куинси об этой части кампании, насколько это касается Мальборо, полон лжи.

[319] В состав этого отряда входили четыре британских полка. Два батальона 1-го Королевского, 3-го баффского и 10-го пехотного.

[320] Нарцисс Латтрелл.

[321] Стоит отметить, что это была первая кампания, в которой Мальборо и британцы заняли почетный пост в крайнем правом боевом порядке союзников.

[322] Таким образом, его лагерь располагался поперек всей позиции Веллингтона при Ватерлоо, с востока на запад и значительно дальше от нее на запад, но фронтом в обратном направлении.

[323]

Боевой порядок. Кампания 1705 года.

Слева. Только правое крыло. Справа.

1-я линия.

Иностранные войска.	3-е усиление.	1 Батальон. 1-й гвардейский.	1-й гвардейский драгунский, 3 эскадрона.	Шотландские серые, 3 эскадрона.
	21-й Королевский шотландский стрелковый полк.	1 батальон. Королевские шотландцы.	5-й гвардейский драгунский полк, 2 эскадрона.	5-й драгунский, 3 эскадрона.
	37-й пехотный.	18-й Королевский ирландский.	7-й драгунский гвардейский, 2 эскадрона.	
	Пехота Макартни.	23-й Королевский валлийский полк.	6-й гвардейский драгунский полк, 2 эскадрона.	
	Пехота Эвана.	28-я пехотная.	3-й гвардейский драгунский полк, 2 эскадрона.	
	24-я "	Нога стрингера".		
	15-я "	26-я "камеронцев".		
		16-й фут.		

2-я линия.

Крайний справа от центра.

2-й Бэтт. Королевские шотландцы.
10-я нога.
Нога Темпла. Иностранные войска.
29-й фут.
8 -й "

Газета.

[324] 2-й гвардейский драгунский, 2-й, 9-й (обменян на пленных при Бленхейме), 17-й, 33-й и пехотный Бруденелла.

[325] Несколько странно, что первым полком, заметно отличившимся в этой первой войне на полуострове, был 33-й (герцога Веллингтона), который с честью защитил себя при штурме Валенцы.

[326] 6-я, 34-я, 36-я улицы Эллиотта, Дж. Колфилда (позднего Пирса), Горджеса.

[327] Гвардейцы (смешанный батальон 1-го и Колдстрим), 13-й, 35-й, Маунтджойс и четверо морских пехотинцев.

[328] Карлтон.

[329] Драгуны Питерборо; Пехота Марка Керра, Стэнвикса, Лавлейса, Таунсенда, Танбриджа, Брэдшоу, Сибур, Прайса. Сибур состоял из гугенотов.

[330] Депеши Мальборо, том ii. стр. 262.

[331] Эту историю рассказал Ламберти.

[332] Земля, хотя сейчас и осушена, все еще очень влажная.

[333] Я довольно подробно описал это поле, поскольку карта, предоставленная Коксом, вводит в заблуждение.

[334] Кокс, допустив странную ошибку, делает так, что левые состоят исключительно из пехоты, вопреки Куинси, Фейкьеру, Лондонской газете и другим авторитетам, тем самым почти необъяснимым образом упуская из виду важную особенность происходящего.

[335] По-видимому, вся бригада Мередита, а именно: 1-й, 18-й, 29-й, 37-й, 24-й и 10-й полки. Это место до сих пор легко опознать.

[336] Молсуорт сбежал и был награжден четыре года спустя, в возрасте двадцати двух лет, пехотным полком.

[337]

Боевой порядок. Рамиллис, 12-23 мая 1706 года.

Слева. Только правое крыло. Справа.

1-я линия.

Иностранная пехота.	3-е усиление.	1 Батальон. 1-й гвардейский.	1-й гвардейский драгунский.	Шотландские серые.
	21-й Королевский шотландский стрелковый полк.	1 Батальон. Королевские шотландцы.	5-й гвардейский драгунский полк.	5-й Королевский ирландский драгунский полк.
	Пехота Эванса.	16-я пехота.	7-й гвардейский	

		драгунский полк.
Нога Макартни.	26-й камеронский полк.	6-й гвардейский драгунский полк.
Пехота Стрингера.	28-я пехотная.	3-й гвардейский драгунский полк.
15-й пехотный.	23-й Королевский валлийский.	Восемнадцать голландских эскадронов.
8-я пехотная.		
2-я линия.		
Иностранная пехота.	2-я батарея. Королевские шотландцы. 18-я Королевская ирландская армия. 29-й фут. 37-й " 24 -й " 10-й "	Иностранная кавалерия.

Из кампаний Кейна.

[338] Дepeши, том ii. стр. 554.

[339] Британскими полками, регулярно задействованными в осаждающей армии, были 8-й, 10-й и 18-й пехотные полки Эванса; шотландские серые, 3-й и 6-й гвардейские драгунские. Общие потери союзников составили 32 офицера и 551 рядовой убитыми, 83 офицера и 1941 человек ранеными. 18-й Королевский ирландский полк потерял только 15 офицеров, а в одной атаке за полчаса - более 100 человек.

[340] 8-й драгунский (ныне гусарский), 30-й и 34-й пехотный; два голландских и два неаполитанских батальона.

[341] из них 2200 британцев, 2-й гвардейский драгунский, 2-й, 9-й, 17-й, 33-й пехотные полки Бруденелла.

[342] Общая численность войск составляла 6900 человек. По два эскадрона 3-го и 4-го драгунских (ныне гусарских) полков и семь эскадронов иностранцев; 28-й, 29-й пехотные Хилла, Уоткинса, Марка Керра, Макартни, два батальона морской пехоты, один из немцев и шесть гугенотов.

[343] Полковник Парнелл называет это новшеством и одобряет его; полковник Фрэнк Рассел осуждает это. Эта практика не была запрещена, но была признана чрезвычайно опасной (см.

Кампании Кейна, изд. 1757, стр. 69-70) и получила окончательное осуждение от рук Наполеона. Campagnes de Turenne.

[344] Присутствовавшими британскими полками были Королевский полк, 3-й, 4-й и 8-й драгунские (ныне гусарские), драгуны Питерборо и Пирса, гвардия (смешанный батальон); 2-й, 6-й, 9-й, 11-й, 17-й, 28-й, 33-й, 35-й, 36-й, Маунтджой, Макартни, Бретон. нога Боулза, Марка Керра. Список потерь офицеров можно найти в разносчике почты от 26 июня 1707 года. Смотрите боевой порядок на следующей странице.

Боевой порядок. Альманах.

Слева. Только левое крыло. Справа.

1-я линия.

Бригада Уэйда.			Бригада Макартни.	
Драгуны Жискара	Пехота Маунтджоя.	Четыре голландских конных полка.	Пехота Мордонта.	Две голландские бригады.
Драгуны Эссекса (4-й гусарский полк).	17-я пехота.	Королевские гнедые.	Нога Макартни.	
7-й драгунский (гусарский) полк.	Драгуны Питерборо.	Два полка голландской конницы.	35-й пехотный.	
1-й королевский драгунский.	8-й драгунский (гусарский) полк.		1 батальон. Английская гвардия.	
	33-я пехотная.			
	6-я "			

2-я линия.

Бригада Хилла.			
Четыре Эскадрильи	11-футовых. Отмечают ногу Керра.	Четыре Португальский	Боулза. "Нассау".
Португальский	Три португальские эскадрильи.	Эскадрильи.	Бреттон.
Драгуны.	36 -я пехота. 9 -я "		2-я пехота.

Посыльный, 5-7 июня 1707 года.

[345] Паркер.

[346]

Боевой порядок. Кампания 1707 года.

Слева. Только правое крыло.

1-я линия.

Бригада лорда
Норта и
Грея.

Бригада Темпла.

Бригада
Мередита.

3-я группа
поддержки.

2-я битва.
Королевские
шотландцы.

1 битва. 1-я
гвардейская.

Нога Оррери.

21-й
Королевский
шотландский
стрелковый полк.

18-й
Королевский
ирландский.

1 батальон.
Королевские
шотландцы.

Нога Эванса.

37-я нога.

Подножие храма.

16-й фут.

Иностранная
лошадь.

26-й
камеронский.

24-й фут.

23-й
Королевский
Валлийский.

15-й фут.
Гор "

10-й "

8-й фут.

Прав.

Бригада Палмера.

Бригада Стэра.

1-й гвардейский драгунский
полк.

Шотландские серые.

5-й гвардейский драгунский
полк.

5-й Королевский ирландский
драгунский полк.

7-й гвардейский драгунский
полк.

6-й гвардейский драгунский
полк.

3-й гвардейский драгунский
полк.

Во Второй линии британцев нет.

Посыльный, 26 июня 1707 года.

[347] Акции Slane, Brazier's, Delaune's, Jones's, Carles's выросли в сентябре.

[348] Смешанный гвардейский батальон, 19-й пехотный, под командованием Прендергаста (покойного Оррери).

[349] 16 батальонов и 30 эскадрилий. В них были включены бригады Сабины, а именно 8-я, 18-я, 23-я, 37-я; Эванса, а именно батальоны Оррери, Эванса и два иностранных батальона; и Платтенберга, в который входили шотландские полки голландской службы.

[350] Среди них королевские шотландцы и любители.

[351] То есть на западной стороне дороги из Ауденарде в Дейнце.

[352] Земля, хотя и осушена и застроена примерно на Бевере, кажется, мало утратила свой первоначальный характер, и ее стоит посетить.

[353] Потери Великобритании: 4 офицера и 49 рядовых убитыми, 17 офицеров и 160 рядовых ранеными.

[354] Силы состояли из подразделений 3-го и 4-го драгунских (ныне гусарских), 12-го, 29-го, Гамильтона, Дормера, Джонсона, Мура, Колфилда, Таунсенда, Пехоты Уинна.

[355] Смотрите, например, похвалы Фейкьера.

[356] 135 батальонов, 260 эскадрилий.

[357] 122 батальона, 230 эскадрилий.

[358] Согласно современному плану (Фрикс), это были 16-я, 18-я, 21-я, 23-я, 24-я ступени.

[359] Генерал Гамильтон утверждает, что он гвардеец (Hist. Гренадерский гвардейский полк), хотя Миллнер приписывает его к 16-му пехотному полку. Это единственное имя человека ниже офицерского звания, которое я встречал в какой-либо из книг о войнах Мальборо, не исключая работ сержантов Дина и Миллнера. Литтлер был заслуженно вознагражден комиссионными.

[360] Боевой порядок союзников был своеобразным. Вся артиллерия была выстроена впереди, в тылу у нее шла первая линия из 100 эскадронов, затем вторая линия из 80 эскадронов, затем третья линия из 104 батальонов, с флангами еще из 14 эскадронов, переброшенных справа и слева в тыл. "Дейли Курант", 6 сентября 1708 года.

[361] Пять английских полков потеряли около 350 человек убитыми и ранеными в этом штурме. Это означало бы, вероятно, от пятой до шестой их численности. "Дейли Курант", 6 сентября 1708 года.

[362] Мне не удалось, несмотря на долгие поиски, идентифицировать присутствующие британские полки, за исключением одного батальона 1-го Королевского полка. Мальборо, как напомнил нам Теккерей знаменитой сценой в "Эсмонде", приписывал заслугу действия в своем первом послании Кадогану. Однако другое письмо, появившееся в "Газетт" три дня спустя (23 сентября), отдает Уэббу должное, как и письмо герцога лорду Сандерленду от 18-29 сентября (Депеши, т. iv. стр. 243). Собственная версия Уэбба об этом деле появилась в "Газетт" от 9

октября, но в ней не упоминаются задействованные полки. Уэбб прославился своими рассказами о Винендейле, но история его обиды на Мальборо была бы забыта, если бы не Теккерей, который либо проигнорировал, либо не знал о втором послании.

[363] В частности, Прендергаста. "Вестник", 25 ноября.

[364] Задействованными британскими войсками были 6-й пехотный полк, 600 морских пехотинцев и батальон моряков.

[365] На южной стороне города все еще сохранились остатки старых стен Турне и руины цитадели Вобана неподалеку, по которым можно судить о масштабах работ.

[366] Британскими полками, задействованными в осаде, были 1-й Королевский (2 батальона), 3-й Баффский, 37-й пехотный, Темпла, Эванса и Прендергаста.

[367] Следующее описание, написанное из окопов, дает некоторое представление об этой работе: "Теперь что касается наших боевых действий под землей, когда мы взлетаем в воздух, как воздушные змеи, не будучи уверены ни в одном футе земли, на котором стоим, находясь в окопах. Наши шахтеры и враг очень часто встречаются друг с другом, когда у них идут ожесточенные бои до тех пор, пока одна из сторон не уступит. Мы проникли в три или четыре большие галереи противника, которые находятся на глубине тридцати или сорока футов под землей и ведут в несколько их комнат; и в них мы сражаемся в доспехах при свете фонаря и свечи, они оспаривают у нас каждый дюйм галереи, чтобы помешать нам обнаружить их огромные шахты. Прошлой ночью мы нашли один, расположенный прямо под нашими бомбовыми батареями, в котором было восемнадцать центнеров пороха, помимо множества бомб; и если бы нам не посчастливилось найти его, то через несколько часов наши батареи и несколько сотен человек взлетели бы на воздух ". "Дейли Курант", 20 августа.

[368] 8-й, 10-й, 15-й, 16-й.

[369] Паркер.

[370] В именном списке в "Postboy" от 1 октября указано 36 убитых и 46 раненых офицеров. В более раннем списке от 17 сентября указано 40 офицеров и 511 рядовых убитыми, 66 офицеров и 1020 рядовых ранеными; но это, по общему признанию, несовершенно.

[371]

Боевой порядок. Кампания 1709 года.

Слева. Только правое крыло.

1-я линия.

8-я нога.	3-я защита.	2-я битва. Королевские шотландцы.	1 Битва. 1-я гвардейская.
24-я пехотная.	Пехота Темпла.	23-я королевская валлийская.	1 Батальон. Гвардейцы Колдстрима.
21-й королевский	Нога	Нога Оррери.	1 Батальон. Шотландская

шотландский стрелковый полк.	Эванса.	королевская семья.	
18-я Королевская ирландская семья.	16-й фут.	37-й фут.	
		10-й фут.	
			Верно.
Два иностранных бригадира.	Бригада Оррери.	Бригада Келберна.	Бригада Сибура.
Двадцать семь эскадронов	26-й камерунский.	1-й гвардейский драгунский, 2 эскадрона.	Шотландские серые, 3 эскадрона.
иностраннх драгун.	Два иностранных батальона.	5-й гвардейский драгунский полк, 2 эскадрона.	5-й Королевский ирландский драгунский полк, 2 эскадрона.
	Пехота Прендергаста.	7-й гвардейский драгунский полк, 2 эскадрона.	
		6-й гвардейский драгунский полк, 1 эскадрон.	
		3-й гвардейский драгунский полк, 2 эскадрона.	

Британских войск во второй линии не было; но 15-й и 19-й пехотные полки также присутствовали при сражении при Мальплаке.

[372] Полк и артиллерия Хотэма.

[373] 5-й, 13-й, 20-й, 39-й, Пастонс, Стэнвикс.

[374] 2-й гвардейский драгунский, Королевские драгуны, 8-й гусарский, драгуны Нассау и Рочфорда. Шотландская гвардия, 6-я, 33-я, дивизии Боулза, Дормера, Мандена, Далзелла, Гора. Всего 4200 человек под командованием генерала Стэнхоупа.

[375] Убиты 2 бригадира, 5 других офицеров и 73 рядовых. Ранены 2 генерал-лейтенанта, 12 других офицеров и 113 рядовых.

[376] Поскольку мне не удалось выяснить долю британцев в этой акции, я вообще опускаю ее. Все, что можно сказать наверняка, - это то, что они выполнили свой долг и что кавалерия серьезно пострадала.

[377] Драгуны Десборда, Гулли, Сарландеса, Маньи, Ассы, все они состояли из гугенотов, но принадлежали к английскому истеблишменту; нога Далцелла и Виттевронга.

[378] 11-й, 37-й, Кейн, Клейтон и один иностранный пехотный батальон. Потери экспедиции составили 29 офицеров и 676 утонувших матросов.

[379] Как ни странно, именно в эти недели (13 июля) в возрасте восьмидесяти семи лет скончался Ричард Кромвель, бывший протектор; один из очень немногих людей, видевших расцвет Новой модели, кульминацию военной деятельности Оливера Кромвеля в руках Мальборо и падение самого Мальборо.

[380] Номинально 30 000, но 4000 вычитаются для гугенотских полков.

[381] Включая полки гугенотов, численность будет составлять 22 полка драгун и 81 полк пехоты. Три гвардейских полка, хотя и сильно различающиеся по численности, могут насчитывать практически по два батальона на каждого; у королевских шотландцев также было два батальона, оба на действительной службе.

[382] Эти цифры основаны главным образом на оценках, представленных в Палату общин, которые печатаются в журналах, но могут быть точными только приблизительно. Путаница в заявлении достойна Военного министерства. Во-первых, это учреждение для Англии (после 1707 года для Великобритании), включая колониальные гарнизоны. Далее, учреждение для Фландрии и расширение для Фландрии; учреждение для Португалии и расширение для Португалии; учреждение для Каталонии и расширение для Каталонии, создав вместе с Ирландией восемь различных учреждений, включающих переводы, изменения и бесконечные объяснения. Палата общин (см. "Дневники", январь 1708 г.) была озадачена и недовольна, но получила небольшое удовлетворение. Вероятно, отчасти в этом было виновато Казначейство, а также Военное министерство.

Оценка на 1709 год предусматривает численность 69 000 человек, без учета ирландского истеблишмента и артиллерии. Журналы Commons.

[383] Журналы Commons, 3 и 18 февраля 1708 года.

[384] Дешпи, том ii. стр. 460.

[385] Общая почтовая книга секретаря, 26 мая 1709 г. S. P., дом., вып. xvii. с. 85.

[386] Таким образом, в августе 1710 года гарнизон Портсмута был сокращен по призыву до 360 человек. С. П., Дом., том. xvii. стр. 19.

[387] Мужчины, как ясно со страниц Паркера, Кейна и Милнера, предвкушали богатую добычу, как только проникнут в сердце Франции.

[388] Журналы Commons, 18 февраля 1708г.

[389] Cal. Казначейство Газеты, 18 ноября 1710 года.

[390] S. P., Дом., вып. xviii. с. 116.

[391] Дин.

[392] Нет ничего более примечательного, чем смертность среди британских войск, в каком бы городе полуострова они ни были расквартированы. Жалобы на португальцев можно найти в письмах полковника артиллерии Альберта Боргарда из Испании.

[393] Cal. Казначейство Документы, 18 июня и 18 ноября 1706 года.

[394] Поскольку полк находится в ирландском истеблишменте, одежда была заказана в Ирландии. Когда после долгой задержки одежда прибыла в Бристоль, выяснилось, что, поскольку она ирландского производства, ее нельзя было выписать без ордера казначея; что, конечно, повлекло за собой достаточно значительную по тем временам задержку поездки в Лондон и обратно.

[395] Cal. Казначейство Газеты, 18 ноября 1707 года.

[396] S. P., Дом., вып. viii. 81.

[397] S. P., Дом., том xvi. 92.

[398] Cal. Казначейство Документы, 15 августа 1711 года.

[399] Там же., 12 октября 1709 г.

[400] Общая почтовая книга секретаря, 20 сентября и декабрь 1705 года.

[401] S. P., дом. (12 марта 1711 г.), том xix. 21.

[402] 5-й, 6-й, 8-й драгунские; 18-й, 27-й пехотные.

[403] Два отряда домашней кавалерии, шотландские серые и 7-й драгунский, шотландская гвардия и 1-й Королевский полк (по два батальона в каждом), 21, 25, 26-й пехотный.

[404] Общая почтовая книга секретаря, 22 мая 1704г.

[405] Однако не всегда, поскольку среди помилованных преступников, приговоренных к смертной казни, я нахожу десятилетнего мальчика.

[406] Взимать денежный сбор в размере 2 фунтов стерлингов, из которых одна часть выплачивается новобранцу.

[407] Взимать денежный сбор в размере 1 фунта стерлингов.

[408] Многочисленные экземпляры в Общей книге писем секретаря.

[409] Там же., 13 марта 1704г.

[410] S. P., Дом., т. v. 135; том ix. 75.

[411] S. P., Дом., том v. 128.

[412] Tindal.

[413] Любопытное и, я полагаю, незаконное ограничение королевских прерогатив проявляется в форме королевского ордера на наложение отпечатков на флейты, барабаны и отбуа. Н. О. М. Е. В., 1 января 1705 г.

[414] Сумма сбора составляла 4 фунта стерлингов на человека, из которых, по-видимому, половина была вознаграждением, а половина - расходами офицера по набору персонала.

[415] Система была введена Льюисом XIV. осенью 1703 года. Еще более раннее предположение о системе сокращенного срока службы в шестнадцатом веке уже упоминалось.

[416] Количество добровольцев, зачисленных в марте 1708 года в полки на полуострове, составляло более 800 человек, из которых Лондон и Мидлсекс предоставили всего двадцать три.

[417] Газеты, 13 марта 1709 года.

[418] S. P., Дом. (15 сентября 1708 г.), том xiv.

[419] Например, Общая книга писем секретаря, 21 сентября и 23 декабря 1708 года.

[420] S. P., Дом., (без даты), том x.

[421] Там же. (20 февраля 1711 г.), т. xviii.; (14 апреля 1712 г.), т. xxii.

[422] Лорд Лансдаун. Общая книга писем секретаря, 12 марта 1712 года. Первоначально этот вопрос поднимался годом ранее.

[423] Там же., 23 апреля 1711г.

[424] Общая почтовая книга секретаря, 6 июля 1707 года.

[425] Четыре полка, предназначенные для отправки на полуостров в 1711 году, три месяца ждали своих кораблей в Корке. За это время они потеряли дезертирством 500 человек, вероятно, не намного меньше четвертой части своей численности.

[426] В Закон о мятеже 1708-9 годов был включен пункт, запрещающий укрывательство дезертиров.

[427] Множество примеров в Общей почтовой книге секретаря.

[428] Там же., 18 октября 1707г.

[429] Общая книга писем секретаря, 25, 27 июля; 17 августа; октябрь 1705 года.

[430] Смотрите, например, жалобу полка, которому заплатили невозвратными суммами. Несколько офицеров были арестованы за долги, полученные их подчиненными из-за отсутствия жалованья. Общая книга писем секретаря, 18 апреля 1711 года.

[431] Такой Совет, или, скорее, периодическое собрание генералов, был учрежден в январе 1706 года. С докладом Сент-Джона и Черчилля и новыми правилами можно ознакомиться в "Разных приказах" от 4 февраля 1706 г.; 14 января 1708 г.

[432] Я могу привести в доказательство только один пример, герцога Шомберга, который предлагал по 2 фунта стерлингов старым солдатам за вступление в его драгунский полк (газетное объявление, 27 июля 1705 г.), но факт неоспорим.

[433] О ней есть два или три воспоминания, приписываемые Дефо и другим.

[434] Смотрите "Татлер" Стила (№ 87), 29 октября 1709 г.

[435] S. P., дом. (11 сентября 1705 г.), том vi.

[436] Один раз они заступили в караул и один раз их поместили в караульное помещение, чтобы их имена могли появиться в списке заключенных.

[437] Журналы Commons, 5, 13, 22 февраля; 8, 26 мая 1711 г.

[438] Смотрите дело полка Лилингстона в Антигуа, Калифорния. Казначейство Документы, 18 ноября 1707 г.: для средиземноморских гарнизонов и полуострова, S. P., Дом. (Декабрь 1705 г.), том vii.; (19 июня 1709 г.), том xiv.

[439] Например, Общая книга писем секретаря, 22 декабря 1710 года.

[440] Там же., 22 декабря 1708г.

[441] Дешети, том v. стр. 21, 241. Этот полковник, по имени Беннетт, был замечательным офицером в своем деле и отлично нес службу в Гибралтаре.

[442] Cal. Казначейство Газеты, 18 ноября 1710 года, 6 января 1711 года. Рекрутов практически покупали и продавали по цене от 2 до 3 фунтов стерлингов за человека в обычное время, столько полковники получали за человека, когда они предоставляли призывники. Строго говоря, один офицер взял рекрута у другого и оплатил ему расходы по найму замены. См. Журналы Палаты общин, 8 мая 1711 года.

[443] Смотрите Юмор кофейни (диалог), 26 декабря 1707 года. *Жрать*.—Как дела с вашими новобранцами этой зимой? *Леви* (офицер).—Очень плохо. Я почти разорен; нам так дорого обошлось их содержание, а потом они так быстро сбежали, что, если правительство не обратит на нас внимания, мы погибнем, а служба вдобавок пострадает.... Некоторые из нас были вынуждены жить на пять шиллингов в неделю; остальных остановил полковник за то, что мы набирали рекрутов; и в конце концов, они дезертировали от нас, а служба требовала того, за что платила нация.... Те новобранцы, которые остались с нами, были не лучше, потому что, будучи в большинстве своем мальчишками, они заболели, как только мы выходили на поле боя.... Если бы только наши полки были укомплектованы так, как им положено быть, вы услышали бы что-нибудь, что удивило бы вас в ходе кампании.

Смотрите также Книгу общих писем госсекретаря от 23 апреля 1711 года, в которой генералы сообщают, что при нынешней системе комплектования рекрутинг невозможен, и рекомендуют, чтобы в случае смерти, дезертирства или увольнения их имена оставались в списках для следующих двух сборов; и см. Coxe's Marlborough, том vi. стр. 232, 233.

[444] Разные приказы (по охране и гарнизонам), 17 мая 1707 года.

[445] Там же. (Войска за границей), 5 марта 1706 года.

[446] 8-й гусарский полк Конингхэма потерял при переходе в Португалию 27 боевых лошадей из 70 и 141 войсковую лошадь из 216 из-за использования двух таких транспортов. Животных забили на куски и задушили из-за нехватки места.

[447] "Хорошие приземистые драгунские лошади", S. P., Дом., 27 февраля- 10 августа 1705г.

[448] Общая почтовая книга секретаря, 27 февраля, 10 августа 1705 года.

[449] Там же., 19 февраля 1709г.

[450] Там же., 15 февраля 1712 г.

[451] Отсюда выражение, когда-то очень распространенное, о мужчине вдовы. Читатели Marrayat, наверное, помнят, что, когда Питер Симпл обыскивал корабль в поисках морского пехотинца Щекса, ему сообщили, что Щекс был человеком вдовы.

[452] Дешпи, том v. стр. 356, 412. Шкала пенсий вдовам от 50 фунтов стерлингов в год для полковника до 16 фунтов стерлингов для корнета или прапорщика была установлена постановлением от 23 августа 1708 года. Разные приказы (по *охране и гарнизонам*), с указанием даты.

[453] Например, полк Кэдогана (5-й гвардейский драгунский). Мальборо пытался добиться облегчения этого. Общая почтовая книга секретаря, 5 апреля 1705 года.

[454] Прочие заказы. 17 Апреля 1712 года.

[455] Смотрите отчет капитана Ричарда Хилла. С. П., Дом. Энн, том х. (без даты).

[456] Разные приказы (*гвардии и гарнизонам*), 19 октября 1711г.

[457] Там же. (Войска за границей), 1 мая 1711 года.

[458] Дешпи, том v. стр. 412. Измененные правила, Разные приказы (*Войска за границей*), 7 сентября 1712 года. В том же письме Мальборо умолял отменить 5-процентную выплату госпиталю Челси, что было сделано по Приказу от 1 апреля 1712 года. Н. О. М. Е. В., под датой.

[459] Несмотря на сложившиеся обстоятельства, офицеры иногда были вынуждены получать пенсию в Челси; капитан кавалерии принимался на уровне капрала кавалерии. Общая книга писем секретаря, 10 января 1712 года.

[460] Coxe's Marlborough, том vi. стр. 232, 233.

[461] Журналы Палаты общин Ирландии. Речи с трона, 1703, 1707, 1710, 1713.

[462] Общая почтовая книга секретаря, 21 августа 1704 года. "Морская пехота полностью находится под руководством принца (Георга Датского). Вы должны обратиться к его секретарю".

[463] Комиссаром сборов в Портсмуте был "престарелый старик, которого катали на тачке". Казначейство Документы, 15 ноября 1703 года.

[464] Например, Кэрмартена и Шовелла, там же., 7 ноября 1706г.

[465] S. P., дом. (29 марта 1709 г.), том xiv. Тридцать восемь мятежников двинулись маршем на Лондон из Портсмута, чтобы публично сложить оружие в Уайтхолле. Они были остановлены в Патни. См. также Кал. Казначейство Документы той же даты.

[466] Н.О. М. Е. В., под датой.

[467] Н.О. М. Е. В., Комиссия Святого Иоанна, 20 апреля 1704 г., 8 июня 1707 г.; Уолпола, 23 февраля 1708 г.; Грэнвилла, 17 октября 1710 г.; Виндхэма, 28 июня 1712 г.; Фрэнсиса Гвинна, 31 августа 1713 г.

[468] Сравните показания герцога Веллингтона в 1837 году: "Главкомандующий не может в данный момент переместить охрану капрала (четыре человека) отсюда в Виндзор, не обратившись за полномочиями в гражданский департамент".

[469] Общая почтовая книга секретаря, 22 декабря 1708 года.

[470] Там же., 29 января 1709г.

[471] Там же., 7 марта 1709г.

[472] Там же., 14 мая 1709г.

[473] Там же., 22 декабря 1710г.

[474] Общая книга писем секретаря, 1 и 3 марта, 24 мая 1712 года.

[475] Н.О. М. Е. В., 30 июня 1702 г. Мальборо был назначен генеральным магистром 26 марта.

[476] Журналы Викисклада, 29 марта 1707 года. Стоимость голландских мушкетов составляла 8000 фунтов стерлингов, а английских - 11 000 фунтов стерлингов за 10 000; но за англичанами было заявлено большое превосходство.

[477] Н.О. М. Е. В., 16 апреля 1703 года. Апрель 1704 года (герб полка Эванса).

[478] Общая почтовая книга секретаря, 12 июня 1706 года.

[479] Н.О. М. Е. В., 14 октября 1704 года. Журналы Палаты общин, 19 марта 1707 года.

[480] Паркер. Смотрите отчет о встрече ирландской королевской семьи Англии и Франции в Мальплаке.

[481] Милнер. 30 мая 1707 года.

[482] Новое упражнение герцога Мальборо с огнестрельным оружием и штыками, проводимое офицером пехоты. Лондон, Северная Каролина

[483] Самым ужасным приговором был приговор, вынесенный гвардейцу у себя дома, который зарезал лошадь своего полковника ради наживы — семь отдельных порк по восемнадцати сотням ударов плетью за штуку, или двенадцать тысяч шестьсот ударов плетью в общей сложности. После первой порки его жизнь была под угрозой, и королева отпустила оставшиеся шесть. Общая почтовая книга секретаря, 12 января 1712 года.

[484] Газеты, 3 марта 1703г.

[485] Депеши, том iii. стр. 309, 335, 461; S. P., Дом., том xix. 23.

[486] Свидетельства этих усилий можно найти только в дневнике Хэйра, но они убедительны.

[487] Ледиард.

[488] "Герцог много не говорит, но ничье выражение лица не говорит больше". Дневник Хэйра.

[489] Махон, История. из Англии, том iii. стр. 368.

[490] Святой Иоанн.

ПРИМЕЧАНИЕ ПЕРЕПИСЧИКА

В семи сносках (298, 312, 323, 337, 344, 346, 371) с таблицами, описывающими "Боевой порядок", многие элементы были напечатаны сбоку в оригинальном тексте. В тексте они расположены горизонтально, полки перечислены в каждой колонке справа налево.

В исходном тексте было две точки под надстрочными знаками даты "th", "st", "nd" и "rd"; эти точки были удалены в тексте.

Частая аббревиатура в сносках - "Cal. S. P. Dom."; это расшифровывается как "Календарь государственных документов, внутренний". Также "H. O. M. E. V." расшифровывается как "Военная записная книжка Министерства внутренних дел".

Очевидные типографские и пунктуационные ошибки были исправлены после тщательного сравнения с другими встречающимися в тексте текстами и обращения к внешним источникам.

За исключением указанных ниже изменений, все орфографические ошибки в тексте и непоследовательное или архаичное использование были сохранены. Например, огнестрельное оружие, firearms; телохранитель, body-guard; лакеи, foot-men; возрождение; кишечник; блент; мультчиrowанный; работа по найму; доггрел.

Страница xxi, "Бой при Эджхилле" заменен на "Бой при Эджхилле".

Страница xxvi, номер страницы "251" заменен на "351".

Страница 107, "Мемориал Ликенау" заменен на "мемориал Либенау".

Страница 125, "для арекебуса" заменено на "для аркебузы".

Страница 248, "шестнадцать всадников" заменено на "шестнадцать всадников".

Страница 263, "Тем не менее после шести" заменено на "Тем не менее после шести".

Страница 306, "Черчхилл, Графтон" заменено на "Черчилль, Графтон".

Страница 347, "Из четырнадцати" заменено на "Из четырнадцати".

Страница 445, "полностью одураченный" заменено на "полностью перехитренный".

Страница 506, диапазон дат в примечаниях "19-20" заменен на "9-10".

Страница 513, диапазон дат в примечаниях ' 19/23' заменено на "19/30".

Страница 518, "Сарт и Бланжи" заменено на "Сарт и Блауги".

Страница 536, "назначен главнокомандующим" заменено на "назначен главнокомандующим".

Страница 538, "не понял" заменено на "не понял".

Страница 574, "не желал" заменено на "не желал".

Страница 577, "через несоответствие" заменено на "из-за бесхозяйственности".

Сноска [224], "Guardes Suisses" заменено на "Gardes Suisses".